МАХАБХАРАТА

КНИГА СЕДЬМАЯ

ДРОНАПАРВА
ИЛИ
СКАЗАНИЕ О ПОСВЯЩЕНИИ ДРОНЫ

Глава 1

Джанамеджая сказал:
Услышав о том, что Девавраты, несравненный в мощи и стойкости своей, в силе, доблести и могуществе, убит Шикхандином, царевичем Панчалийским, что предпринял тогда, о брахманический мудрец, могучий царь Дхритараштра,6 чьи чувства были расстроены печалью, когда сражен был его отец? Ведь его сын (Дурьйодхана), о прославленный владыка, жаждал царства (не иначе как) победив могучих лучников пандавов с помощью могучих воинов на колесницах во главе с Бхишмой и Дроной! Скажи мне о том, о величественный, что же делал властитель рода Куру, когда тот предводитель всех лучников был убит, о лучший из дваждырожденных!

Вайшампаяна сказал:
Услышав о том, что убит его отец, царь Дхритараштра из рода Куру, предавшийся заботам и печали, не находил себе покоя. И когда царь тот непрестанно размышлял о своем горе, к нему снова пришел сын Гавальганы, одаренный чистой душою. Тогда Дхритараштра, сын Амбики, вопросил Санджаю, явившегося ночью из лагеря в город, носящий имя слона. С сердцем, сильно удрученным от того, что он услышал о смерти Бхишмы, и желающий победы сыновьям своим, он стал сетовать, точно больной.

Дхритараштра сказал:
После того как был сокрушен великий духом Бхишма, наделенный могуществом, внушающим страх, что делали потом, о сын мой, кауравы, понуждаемые судьбой? В самом деле, когда был убит тот неодолимый герой, одаренный великою мощью, что же делали кауравы, погруженные в океан скорби? Ведь то могучее, сильно возбужденное войско благородных пандавов, о Санджая, могло бы вызвать панический страх даже у трех миров! Так расскажи мне о том, о Санджая, что делали (собравшиеся вместе) цари, после того как был сражен Девавраты, тот бык среди кауравов.

Санджая сказал:
Слушай, о царь, с неослабным вниманием, как я буду рассказывать тебе о том, что делали сыновья твои, после того как был убит Девавраты в бою. Когда был сражен Бхишма воистину отважный, о царь, твои воины, равно и пандавы, каждые в отдельности, призадумались (о случившемся). Размышляя о долге кшатриев, они были удивлены и возрадовались; но осуждая закон своей касты, они преклонились перед великим душою (воином). Затем они приготовили для Бхишмы, неизмеримого в могуществе, ложе с подушкой из прямо торчащих стрел, о тигр среди людей! И распорядившись об охранении Бхишмы, они обратились друг к другу (в приветливых выражениях). Попрощавшись затем с сыном Ганги и почтительно обойдя вокруг него слева направо, кшатрии те, взирая друг на друга глазами, красными от гнева, снова вышли на битву (друг с другом), понуждаемые судьбой.

И тогда под протяжные звуки труб и грохот барабанов выступили твои войска и войска врагов. После того как пал сын Джахнави и день стал уже тускнеть, о царь царей, поддавшиеся

влиянию гнева, с сердцами, удрученными судьбой, пренебрегая полезными словами благородного сына Ганги, выступили отовсюду первейшие из бхаратов с оружием в руках. Из-за безрассудства твоего и твоих сыновей и из-за убийства сына Шантану кауравы вместе со всеми царями были словно призваны самою Смертью. Лишившиеся Девавраты, сильно перепуганные в душе, они напоминали собою козлов и овец, лишенных пастуха, в лесу, кишащем хищными зверями.

В самом деле, когда пал тот первейший (герой) из бхаратов, войско кауравов выглядело как небосвод, лишенный звезд, или как небо, лишенное воздуха, или как земля, когда урожаи на ней погибли, или как речь, неправильно построенная, или как некогда воинство асуров, после того как был повержен Бали; или как прекраснобедрая красавица, ставшая вдовою, или как река, вода которой высохла, или как пятнистая лань, когда вожак стада убит, а сама она окружена в лесу волками; или как огромная горная пещера, вполне открытая для нападения, оттого что лев в ней убит.

И в самом деле, бхаратийское войско, о лучший из бхаратов, когда пал сын Джахнави, было подобно хрупкой лодке посреди океана, испытывающей удары дующего со всех сторон ветра. Сильно теснимое могучими героями-пандавами, метко разящими в цель, то войско вместе с конями, воинами на колесницах и слонами, весьма встревоженными, казалось беспомощным на вид, тогда как простые воины в нем большею частью совсем впали в отчаяние. И перепуганные цари и ратники разные в (воинстве) том, лишившиеся Девавраты, казалось, погружались в преисподнюю.

И вот тогда кауравы вспомнили о Карне, ибо он был равен самому Деваврате! И как обращается сердце оказавшегося в бедствии человека к другу, (способному избавить от несчастья), (сердца всех обратились) к нему, наилучшему из всех носящих оружие, к тому, кто напоминал собою гостя, блистающего (высокими добродетелями). И тогда цари, о потомок Бхараты, закричали там: «О Карна, о Карна! Сын Радхи наш благодетель, сын возницы», готовый всегда пожертвовать жизнью (в бою)? Ведь Карна, овеянный великой славой, вместе со своими приверженцами и друзьями не сражался в течение этих десяти дней! О, позовите его немедля!»

Ибо могучерукий Карна, когда на глазах всех кшатриев перечислялись могучие и доблестные воины, сражающиеся на колесницах, был назван Бхишмою только наполовину ратхином, хотя тот бык среди мужей равен двум махаратхам! Именно так при перечислении ратхинов и атиратхов (был назван) тот, кто является выдающимся (среди всех могучих воинов, сражающихся на колесницах), тот, кто чтится всеми героями, тот, кто осмелился бы сразиться даже с владыкой усопших (Ямой), владыкой богатств (Куберой), с владыкой вод (Варуной) и владыкой богов (Индрой)!

И под влиянием (вызванного) им гнева, о царь, он сказал сыну Ганга: «Пока ты живешь, о Кауравья, я никогда не буду сражаться! Если все же тобою будут убиты сыновья Панду в великой битве, то я, с дозволения Дурьйодханы, удалюсь в лес, о Каурава! Но, с другой стороны, если ты, о Бхишма, убитый пандавами, достигнешь неба, тогда я, на одной-единственной колеснице, убью всех тех, кого ты считаешь ратхинами (великими воинами на колесницах)!»

Сказав так, о великий царь, Карна многославный, с одобрения сына твоего, не сражался в течение первых десяти дней. А Бхишма, преисполненный великой доблести в бою и неисчислимого могущества, о царь, убил в сражении (множество) воинов сына Панду (Юдхиштхиры). Но когда тот герой, верный данному слову и великий в своей мощи, все же был убит, сыновья твои вспомнили о Карне, как желающие переправиться на другой берег (вспоминают) о лодке. Воины твои и твои сыновья вместе со всеми царями закричали: «О Карна!»

И они сказали: «Это как раз самое время (для проявления его доблести)!» И к Карне, который был обучен сыном Джамадагни искусству владения оружием и чьему мужеству невозможно противостоять, обратились наша сердца, как (обращаются) к близкому другу в случаях бедствий. Ибо он, о царь, способен спасти нас от великой опасности, подобно тому как Говинда всегда спасает тридцать (богов) от опасности величайшей!

Вайшампаяна сказал:
И меж тем как восхвалял он так все снова и снова Карну, превосходнейшего в битве (героя), Дхритараштра, вздыхая подобно змею, сказал такие слова: «(Вполне понятно), что сердца ваши обратились тогда к Карне, сыну Викартаны, и вы увидели вновь того сына Радхи из касты сутов, всегда готового пожертвовать своею жизнью (в бою). Я надеюсь, что они в сражении воистину могучий, не сделал напрасными надежды наших сыновей, расстроенных от горя и страха и жаждущих спасения. Когда Бхишма был убит, сумел ли (Карна), превосходнейший из лучников, заполнить ту открывшуюся брешь у кауравов? Я надеюсь, что он заполнил ту брешь и внушил страх врагам! И сумел ли он сделать так, чтобы увенчались плодами надежды сыновей моих на победу?»

Так гласит глава первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 2

Санджая сказал:
Узнав, что Бхишма убит, сын Адхиратхи из касты сутов возымел желание, подобно родному брату, спасти войско сына твоего от бедствия, постигшего кауравов, – (то войско), напоминавшее лодку, погруженную в бездонную пучину (моря). И (в самом деле) услышав, что тот могучий воин на колеснице, первейший среди людей и непреклонный (в обете)– сын Шантану повержен (с колесницы), Карна, тот сокрушитель врагов, тот бык, выдающийся среди лучников, быстро примчался тогда (к полю битвы). Когда Бхишма, превосходнейший воин на колеснице, был сражен врагами, он поспешно явился тогда к кауравам, желая спасти, как отец – сыновей своих, войско сына твоего, словно лодку, погруженную в океан.

Карна сказал:
Когда тот Бхишма, в котором (были сосредоточены) твердость, ум, доблесть и сила, правдивость, самообуздание и все достоинства героя, а также (различные) виды неистощимого небесного оружия, смирение и скромность и приятная речь, когда тот Бхишма, всегда благодарный, тот губитель врагов брахманов, в котором находились постоянно (эти достоинства), как пятно – на Луне, увы, когда тот сокрушитель вражеских героев успокоился (навеки), то я считаю и всех героев уже убитыми! Ведь вследствие недолговечной связи (всех вещей) с действием отнюдь не существует здесь, в этом мире, ничего, что было бы незыблемым. Ведь когда сражен Бхишма, соблюдавший великий обет, кто без всяких сомнений осмелился бы сегодня утверждать, что завтра взойдет солнце? Когда тот, кто одарен доблестью (восьмерых) Васу, кто происходит из (совокупной) мощи (этих) Васу, когда тот властелин земли отправился снова к (восьмерым) Васу, тогда печальтесь вы о владениях ваших и сыновьях, об этой Земле и кауравах, и об этом войске!

Санджая сказал:
После того как был повержен первейший в мире герой, могучий силою и щедрый в дарах – тот сын Шантану, великий своею мощью, и (вслед за тем) потерпели поражение бхараты, Карна, приунывший душою, стал тяжело вздыхать, глотая слезы. И слыша эти слова Радхейи, сыновья твои, о царь, и твои воины начали громко причитать друг перед другом и проливать из глаз обильные слезы горя, сообразные с громкостью их воплей. Но когда великое

сражение возобновилось снова и войска (кауравов) побуждались царями (на битву), тот бык среди всех могучих воинов на колесницах обратился тогда к могучим воинам, быкам среди ратхинов, с речью, вызывающей радость:

«В этом преходящем мире все непрестанно движется (к смерти). Размышляя об этом, я считаю, что ничто теперь недолговечно. Меж тем как все вы находитесь здесь, каким образом мог быть повержен в бою тот бык из рода Куру, подобный скале? Когда тот могучий воин на колеснице – сын Шантану низвергнут (с колесницы) и (даже сейчас) лежит на земле, будто Солнце (упавшее с небосвода), цари (в стане кауравов) не в состоянии выносить Дхананджаю, подобно тому как деревья (не в силах переносить) ветер, дующий с гор. Однако теперь мне должно защищать в бою, как (это делал) тот герой благородный, это беззащитное войско кауравов, удрученное видом и лишенное пыла, войско, в котором главнейшие воины уже убиты врагами! Пусть это бремя теперь ляжет на меня! И вижу я, что мир этот преходящ, раз тот (герой), искуснейший в битве, повержен в бою. Так зачем же тогда я должен испытывать страх в бою?

Мчась по полю брани, я прямыми стрелами отправлю тех быков из рода Куру в обиталище Ямы. Считая судьбу наивысшей в мире, я буду стоять в битве или же, убитый врагами, я лягу на поле брани. Юдхиштхира обладает твердостью и разумом, чувством справедливости и мощью. Врикодара в доблести своей равен сотне слонов, а Арджуна64 является сыном лучшего из тридцати (богов), – и поэтому их войско невозможно легко победить даже самим бессмертным.

То войско, где оба близнеца, из коих каждый в битве подобен Яме, где сын Деваки (всегда) вместе с Сатьяки, подобно пасти Смерти. Ни один трус, приблизившись к тому войску, ни разу еще не возвращался оттуда (живым). Мудрыми сопоставляется нарастающая сила подвижничества с аскетической же силой покаяния, точно так же и сила должна быть сопоставляема с силой. И действительно, мой ум, подобно неколебимой скале, направлен твердо на отражение врага и защиту своих (войск).

Представляя себе могущество врагов, я нанесу сегодня поражение им, лишь только вторгнусь (в их ряды), о возница! Я не потерплю этого вероломства по отношению к друзьям. Когда войско разбито, тот бывает настоящим другом, который как союзник (идет ему на помощь). Или я совершу этот благородный подвиг, достойный честного человека, или, положив свою жизнь, я отправлюсь вслед за Бхишмой! Или я убью в сражении все скопища врагов, или сам, убитый ими, отправлюсь в мир, уготованный для героев! Когда женщины и дети, рыдая, взывают о помощи и когда мужество сына Дхритараштры испытало поражение, о возница, я знаю, что мне следует делать. Поэтому я одержу победу над врагами сына Дхритараштры.

Жертвуя своею жизнью в этой страшной битве, я защищу кауравов и постараюсь убить сыновей Панду! И уничтожив в сражении все полчища врагов, я отдам царство сыну Дхритараштры. Пусть наденут на меня красивый, сверкающий золотой панцирь, сияющий драгоценными камнями и жемчугами, и мой шлем, блеском подобный солнцу; и (пусть принесут) лук и стрелы, подобные огню, яду или змеям.

Пусть шестнадцать колчанов прикрепят (к колеснице) и пусть принесут дивные луки. (Пусть приготовят) также мечи и дротики, и тяжелые палицы и мою раковину, ярко сверкающую золотом. Пусть также принесут мое победоносное знамя, (цветом) подобное лотосу, с изображением золотой подпруги слона, сулящей победу, нарядно подбив его тонкою тканью и покрыв его тут разноцветными венками вместе с благовонными кореньями. Также приведи мне скорее, о сын возницы, быстрых и лучших коней, мастью подобных светло-желтым об-

лакам, хорошо упитанных, выкупанных в воде и освященных мантрами, снабженных сбруей из литого золота. Быстро подкати мне также превосходнейшую колесницу, увешанную золотыми сетками, пестреющую жемчужинами, сияющими как месяц или солнце, снабженную всеми принадлежностями, необходимыми для боя, и заложенную (отличными) конями.

(Принеси мне) также чудесные, туго натягиваемые луки и превосходнейшие тетивы, способные сокрушать (врагов), и колчаны большие, полные стрел, захватив также доспехи (для меня). Доставьте быстро и все необходимое, что благоприятствует выступлению (к бою): девушек и большой золотой сосуд, наполненный (почетным питьем). Пусть принесут гирлянды цветов и положат их мне на (подобающие) части тела. И пусть заставят греметь барабаны ради победы!

Быстро поезжай, о возница, туда, где находятся Носящий диадему (Арджуна), Врикодара, сын Дхармы (Юдхиштхира) и оба близнеца! Или я убью их, встретившись в битве, или убитый (ими), моими врагами, я последую за Бхишмой! То войско, в котором находятся царь Юдхиштхира, твердый в правде, Бхимасена и Арджуна, Васудева, Сатьяки и сринджайи, – то войско, я считаю, непобедимо для царей земных!

Если всесокрушающая Смерть, всегда неусыпно бдительная, будет сама охранять Носящего диадему, то все же и тогда я убью его, встретившись в сражении, или же сам отправлюсь к Яме путем (каким последовал туда) Бхишма! Воистину говорю я, что действительно я вторгнусь в средину тех героев! Эти (цари), которые являются моими союзниками, не вызывают внутренней вражды, не выказывают слабой привязанности ко мне и не нечестивы душою».

Санджая сказал:
Взойдя на превосходнейшую и прочную, сулящую успех колесницу, снабженную дышлом и украшенную золотом, изящную, осененную знаменем и заложенную отличными конями, быстрыми как ветер, Карна выехал тогда (на битву) ради победы. Чтимый кауравами, бык среди могучих воинов, сражающихся на колесницах, грозный лучник, великий душою, он помчался на гнедых конях к тому полю брани, где нашел свою кончину тот бык из рода Бхараты (Бхишма).

На могучей колеснице, украшенной знаменем и усеянной золотом, жемчугами, драгоценными камнями и алмазами, заложенной превосходнейшими конями и грохотом своим напоминающей рокот облаков, (помчался) Карна, неизмеримый в своей мощи, подобно солнцу. Блеском подобный огню и прекрасный, стоя на своей колеснице, тоже подобной огню и прекрасной, сын Адхиратхи, тот могучий ратхин и лучник, сиял подобно самому царю богов, стоящему на своей небесной колеснице!

Так гласит глава вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 3

Санджая сказал:
Увидев Бхишму, великого духом и неизмеримого в мощи, того великого лучника, поверженного (с колесницы) Саваясачином при помощи дивного оружия, покоящимся на ложе из стрел, словно это был океан, высушенный огромным скоплением могучих ветров; (увидев) что надежда на победу у твоих сыновей разбита, равно как и душевное их спокойствие, а также доспехи; (увидев) того, кто был всегда как бы островком для оказавшихся в открытом море и пытающихся (найти) мель в бездонной пучине, а теперь (лежит) окутанный лавиной стрел, словно потоком Ямуны, – того (воителя), напоминающего великую и невыносимую (в мощи) Майнаку, сброшенную на землю, или само Солнце, упавшее с небосвода на твердь

земную; (увидев) ниспровержение Бхишмы в бою, приводящее в замешательство все войско, – непостижимое, как поражение Шатакрату, (нанесенное) некогда Вритрой; (увидев) того (славного витязя), наилучшего среди всех воинов и выдающегося среди всех лучников, – увидев того быка среди мужей, отца твоего, незаурядного «реди бхаратов, соблюдавшего великий обет, пронзенного стрелами Дхананджайи отважного героя покоящимся на ложе героев, сын Адхиратхи сошел с колесницы в глубокой печали и приветствовал его, сложив почтительно ладони рук своих. И так приветствуя его, он обратился к нему со словами, проникнутыми слезами.

«Я Карна! Благо тебе! Скажи теперь мне, о потомок Бхараты, в святых и благотворных словах и взгляни на меня (открытыми) глазами! Конечно, никто в этом мире не пользуется плодами своих добродетельных заслуг, раз ты, престарелый (годами) и преданный закону, лежишь здесь на земле! О превосходнейший из рода Куру, я не вижу другого защитнике кауравов (кроме тебя, столь способного) в накоплении казны, в совещании^ в боевых построениях войск и в применении оружия!

И (теперь) ты, который, будучи одарен светлым разумом, мог защищать кауравов от всякой опасности, ты, увы, оставив без поддержки воинов, отправляешься в Мир усопших предков! Начиная с нынешнего дня, о первейший из рода Бхараты, пандавы, распаленные гневом, уничтожат кауравов, как тигр уничтожает лесных животных! Сегодня кауравы, знающие силу звона лука гандивы, будут трепетать в ужасе перед Савьясачином, как асуры – перед Громодержцем! Сегодня звук стрел, выпускаемых из лука гандивы точно вспышки молний, будет в пылу сражения приводить в трепет кауравов и других царей! Как разбушевавшийся огонь, пылая могучим пламенем, о герой, сжигает деревья, так и стрелы Носящего диадему сожгут сынов Дхритараштры!

Какими (путями) всякий раз распространяются вместе огонь и ветер в лесу, такими точно (путями) сжигают оба божественных (героя) все« что захотят. Ведь каков взбушевавшийся огонь, таков и Партха вне всякого сомнения, и каков ветер, о тигр среди мужей, таков несомненно и Кришна!»

Услышав, как трубит раковина панчаджанья и как звенит лук гандива, все воины придут в ужас, о потомок Бхараты! При стремительном натиске того сокрушителя врагов и без тебя, о герой, цари не в состоянии будут перенести грохот его колесницы с изображением обезьяны на знамени. Ведь кто другой среди царей, кроме тебя, может сразиться; в бою с Арджуной, чьи подвиги мудрые объявляют сверхчеловеческими? Сверхчеловеческим было и сражение его, премудрого, с Трьямбакой.

От него именно он получил дар, труднодостижимый непросвещенными душой. Неперенося-щий того сына Панду, искусного в битве, я с твоего дозволения, равно благославляя смерть иль победу, выступлю против того свирепого (воина), который, уподобляясь ядовитому змею, поражает (врагов своих) одним лишь взглядом!»

Так гласит глава третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 4

Санджая сказал:
Услышав, как он говорил так, престарелый дед кауравов с радостной душою сказал такое слово, подходящее к месту и времени: «Как океан для рек, лак солнце для (прочих) светил, как справедливые для правды, как плодородная почва для семян, как грозовое облако для всех существ, будь ты прибежищем для друзей своих и близких! Как бессмертные зависят от

Тысячеглазого, так пусть родственники твои живут, завис» от тебя! Желающим сделать приятное сынам Дхритараштры, тобою, о Карна, силою и доблестью твоих рук были разбиты Камбоджи, после того как ты отправился в Раджапуру!

Также и цари во главе с Нагнаджитом, находившиеся в Гириврадже, также и амбаштхи, видехи и гандхары были все побеждены тобою! И кираты, свирепые в битве, обитающие в твердынях Химавана, были некогда сделаны тобою, о Карна; подвластными Дурьйодханы. И всюду в сражениях тобою, о Карна, преисполненным великой мощи, стремящимся сделать добро Дурьйодхане, были побеждены многочисленные герои!

Как Дурьйодхана, о сын мой, вместе с родными, родственниками и друзьями,; будь и ты тоже прибежищем для всех кауравов! С благоприятным словом я обращаюсь к тебе: отправляйся и сразись с врагами! Веди кауравов на битву, даруй победу Дурьйодхане! Ты приходишься нам внуком, точно так же, как и Дурьйодхана! По закону все мы считаемся так же твоими, как и его. Мудрые заявляют, о наилучший из мужей, что союз справедливых со справедливыми является наипревосходнейшим в мире, нежели единоутробное родство. Воистину убедившись в том, что таково твое твердое мнение (относительно родства твоего с кауравами), охраняй ты войско кауравов столь же (беззаветно), как и сам Дурьйодхана!»

Услышав такие слова (Бхишмы), Карна, сын Викартаньт, почтительно поклонился стопам его и поспешно отправился к месту сражения.

При виде обширного и бесподобного стана – великого скопления мужей он стал воодушевлять тех отлично вооруженных и широкогрудых воинов. Увидев Карну, могучего лучника, вставшего для битвы, и кауравы тоже почтили его громкими возгласами и хлопками ладоней рук, львиноподобным рыканьем и кликами, звоном натягиваемых луков и различными (другими) звуками.

Так гласит глава четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 5

Санджая сказал:
Увидев Карну, того тигра среди мужей, стоящего на колеснице. Дурьйодхана, о царь, возрадовался и сказал такие слова: «Это войско, охраняемое тобою, имеет достойнейшего вождя! Я полагаю, что теперь должно быть определено то, что является подходящим и что в наших силах»,

Карна сказал:
Скажи о том ты сам, о тигр среди людей, ибо ты – наимудрейший,, о царь! Другой не может видеть так хорошо, что необходимо делать, как (видит то) великий повелитель! Все эти (воины) жаждут услышать твое слово, о владыка людей! Ты ведь не можешь сказать неуместного слова – таково мое мнение.

Дурьйодхана сказал:
Бхишма был предводителем наших войск, обремененным преклонными годами, наделенным доблестью и ученостью, а также всеми достоинствами воина. Стяжавший великую славу, уничтожая полчища мри врагов, о Карна, он, великий душою, защищал нас, искусно ведя сражение, в течение десяти дней! Когда он, совершивший столь трудновыполнимый подвиг, готов теперь перенестись на небо, кого ты считаешь достойным быть предводителем наших войск после него? Без военачальника войско не может оставаться даже на минуту во время сражений, о превосходнейший в сражениях, как без рулевого – судно на воде.

Ведь в самом деле, как судно без рулевого или как колесница без возничего стали бы двигаться куда угодно, в таком же состоянии оказалось бы и войско бее военачальника. Посмотри ты поэтому среди всех моих благородных (воинов) и найди подходящего полководца, который был бы достойным здесь после сына Шантану! Ибо кого ты назовешь (достойным быть) предводителем войск в сражении, того мы все вместе и назначим, о досточтимый!

Карна сказал:
Все эти (воины), наилучшие из людей, – мужи благородные и заслуживают быть нашими военачальниками. Тут не может быть никаких раздумий. Все они отличаются благородным происхождением и обладают искусством наносить поражение, наделены силою, доблестью и умом все учтивы и скромны и не отвращаются от битвы. Но все они одновременно не могут быть назначены предводителями.

Только лишь один должен быть избран тут (военачальником), тот, у которого имеются особые заслуги. Они же приравниваются друг к другу. И поэтому если ты удостоишь из них одного, то остальные будут недовольны и – это очевидно – не станут больше сражаться, о потомок Бхараты! Однако сей (из вас) является наставником всех этих воинов (в искусстве владения оружием); он преклонен в годах и заслуживает глубочайшего уважения.

Поэтому Дрона, наилучший из носящих оружие, достоин быть назначенным верховным военачальником. Ведь кто другой может стать нашим полководцем, когда находится здесь неодолимый Дрона, первейший из знатоков брахмы, – кто иной, кроме него, напоминающего собою самого Шукру или сына Ангираса! Ибо среди всех царей (в войске) твоем, о потомок Бхараты, нет ни одного воина, который не последовал бы в сражении за Дроной, когда тот идет на битву. Он – наилучший среди всех предводителей, он – наилучший и среди всех носящих оружие, он – наилучший также среди мудрых. И к тому же, о царь, он учитель твой (в военном деле)! Поэтому, о Дурьйодхана, сделай его без промедления предводителем твоих войск, подобно тому как бессмертные (сделали своим предводителем) в битве Карттикею, желая победить асуров!

Санджая сказал:
Услышав слова Карны, царь Дурьйодхана сказал тогда Дроне, находившемуся среди войск, такие слова: «По превосходству своей касты, по благородству происхождения, по учености, возрасту и уму своему, также по доблести, способности и неодолимости, знанию дел мирских, по опытности в политике и обузданию (своих чувств), по силе подвижничества и чувству благодарности, а также в отношении всяких добродетелей ты – самый выдающийся. И нет среди царей другого, который может быть достойным защитником, равным тебе!

Поэтому охраняй ты всех нас, как Васава – премудрых (богов)! Имея тебя своим предводителем, мы хотим победить своих врагов, о лучший из дваждырожденных! Как Капалин среди Рудров, как Павака среди (восьмерых) Васу, как среди якшей – Кубера, как среди Марутов – Васава, как Ва-сиштха среди брахманов, как Солнце среди всего, что светится, как среди усопших предков – Дхарма, как среди Адитьев – владыка вод (Варуна), как месяц среди звезд, как Ушанас среди сыновей Дити, так и ты – наилучший среди всех предводителей войск. Поэтому будь нашим полководцем!

Пусть эти десять и одно акшаухини войск будут послушны твоей воле, о безупречный! Построив их в боевые порядки, сокруши наших врагов, как Индра (уничтожил) данавов! 13в Следуй ты во главе нас, как сын Паваки– во главе (войск) богов! А мы последуем за тобою в битве, как быки – за буйволом-вожаком. Увидев впереди тебя, натягивающего дивный лук1 свирепый и могучий лучник Арджуна не ударит в нас. Без сомнения, о тигр среди людей, ес-

ли ты станешь нашим полководцем, я одержу победу над Юдхиштхирой вместе с его приверженцами и родственниками в сражении!»

И когда были произнесены такие (слова), цари все (в войске кауравов) закричали Дроне «Победа!» и радовали твоего сына громким львиным кличем. А воины, во главе с Дурьйодханой, домогающиеся великой славы, преисполненные радости, стали возвеличивать лучшего из дваждырожденных.

Дрона сказал:
Я знаю веды с их шестью вспомогательными частями; я также знаю науку о пользе мирской. Я сведущ также в оружии шайва, а также в различных других видах оружия. Стремясь проявить на деле те достоинства, коими вы, жаждущие победы, наделили меня, я сражусь с пандавами!

Санджая сказал:
Таким образом, с дозволения Дроны, твой сын, о царь, назначил его полководцем своих войск, согласно обрядам, предусмотренным предписанием. И цари с Дурьйодханой во главе посвятили тогда Дрону в сан верховного военачальника, как некогда боги с Шакрой во главе (посвятила) Сканду. Когда же Дрона был назначен предводителем войск, радость их была выражена громкими криками воинов вместе со звуками музыкальных инструментов.

И они почтили, как должно, Дрону шумными кликами, как в праздничный день, выражениями благословения брахманов, вознагражденных дарами, звуками хвалебных гимнов и песен сказителей, певцов и панигиристов, возгласами «Победа!» первейших из дваждырожденных и плясками замужних жен. И тогда (воины в стане кауравов) сочли пандавов уже побежденными.

Так гласит глава пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 6

Санджая сказал:
И обретя сан верховного военачальника, сын Бхарадваджи– могучий воин, сражающийся на колеснице, построил войска в боевые порядки и выступил вместе с твоими сыновьями, желая сразиться (с врагами). Правитель страны Синдху и повелитель калингов, и сын твой Викарна, облаченные в доспехи, заняли свое место на правом крыле (от Дроны). А Шакуни вместе с отличными всадниками из племени гандхаров, сражавшимися сверкающими пиками, двинулся вслед как их охранитель. Крипа же и Критаварман, Читрасена и Вивиншати во главе с Духшасаной усердно прилагали усилия, чтобы защищать левое крыло. Охранителями их выступили Камбоджи, предводительствуемые

Судакшиной, и шаки вместе с яванами на конях, отличавшихся большой быстротой. А мадры и тригарты вместе с амбаштхами, обитатели западных и северных областей, племена шиби, шурасены и шудры вместе с маладами, саувиры, китавы и обитатели областей восточных и южных – все, поставив впереди себя сына твоего (Дурьйодхану), (следовали) в тылу сына возницы (Карны). Карна же, сын Викартаны, следовал во главе всех лучников, радуя всех воинов и придавая силы войскам.

Его сверкающее большое и высокое знамя с изображением подпруги слона сияло блеском, равным солнцу, радуя отряды его собственных войск. При виде Карны никто не думал о бедствии, причиненном (смертью) Бхшпмы. Все цари вместе с кауравами стали свободны от печали. И многочисленные воины, собравшись вместе, радостно говорили (друг другу): «Ведь

при виде Карны на поле брани пандавы не смогут устоять в битве! Ибо Карна способен победить в сражении самих богов вместе с Васавой! А что уж говорить о сыновьях Панду, лишенных в бою могущества и доблести! Могучерукий Бхишма щадил партхов в сражении. Карна же без сомнения уничтожит их своими острыми стрелами». Так говоря друг другу, о владыка народов, радостные видом шествовали они, чтя и восхваляя сына Радхи.

Что до боевого строя наших войск, то он был выстроен Дроной в виде «шаката» (тележки), в то время как боевой строй у наших благородных противников, о царь, был в виде «краунча» (журавля), как он был выстроен с чувством воодушевления царем справедливости, о потомок Бхараты! Во главе боевых построений их войск стояли те двое быков среди мужей – Вишваксена и Дхананджая с поднятым знаменем, несущим изображение обезьяны.

Символ всего воинства, прибежище всех лучников, то знамя Партхи, неизмеримое в своей мощи, проносясь по пути солнца, озаряло все войско благородного Пандавы, как сверкающее Солнце в конце юги, когда (собирается сжечь) всю землю. Среди стрелков из лука Арджуна – наилучший, среди луков наилучший – гандива; среди живых существ первейший – Васудева, а среди (всевозможных) дисков – сударшана.

Неся эти четыре воплощенных силы, та колесница, запряженная белыми конями, остановилась перед (войсками) противника подобно поднявшемуся (для удара) колесу времени. Так эти оба благородных (героя) стояли каждый во главе своих войск: Карна – – во главе твоих войск, а Дхананджая – во главе вражеских. Оба возбужденные гневом, оба жаждущие убить друг друга – Карна и Пандава взирали один на другого перед битвой.

Тогда стремительно выступил сын Бхарадваджи, могучий воин на колеснице, и сразу задрожала земля со страшным гулом, еле сдерживаемым внутри. И затем густая, едкая пыль, поднятая ветром и подобная шелковому пологу (рыжевато-бурого цвета), заволокла небо и солнце. И из неба, хотя и безоблачного, полил ливень из кусков мяса, костей и крови. Стервятники, ястребы, вороны, цапли и вороны тысячами тогда кружили высоко над твоим войском, о царь! Громко завывали шакалы; они много раз поднимали страшный вой, предвещающий опасность, слева от твоего войска, жаждя пожирать мясо и пить кровь. Падали на поле брани с ураганным вихрем и сотрясением сверкающие метеоры, озаряя (небо) и покрывая все вокруг своим хвостом. А широкий диск солнца, (казалось), исторгал вспышки молний в сопровождении раскатов грома, о царь, когда выехал (на битву) верховный военачальник (кауравов). Эти и многие другие знамения, страшные и указывающие на гибель жизней героев, показывались во время битвы.

Тогда началась битва между войсками кауравов и пандавов, жаждущими убивать друг друга. И (казалось), шумом своим она оглашала весь мир. И пандавы вместе с кауравами, искусные наносить удары, в сильной ярости друг к другу стали поражать один другого острыми стрелами, домогаясь победы. А тот могучий лучник, сияющий сильным блеском, со всей стремительностью обрушился на обширное войско пандавов, осыпая его сотнями острых стрел.

Увидев ринувшегося на них Дрону, пандавы вместе с сринджаями встретили его тогда, о царь, в каждом отдельном отряде ливнями стрел. Волнуемое и теснимое Дроной, огромное войско (пандавов) и панчалов было расчленено, как (стая) журавлей – силою ветра. Вызывая (заклинаниями) различные виды небесного оружия в том сражении, Дрона в самое короткое время жестоко измучил пандавов и сринджаев. Уничтожаемые Дроной, как данавы – Васавой, панчалы, предводительствуемые Дхриштадьюмной, трепетали (в сражении).

Тогда сын Яджнясены, могучий воин на колеснице, тот герой, сведущий в небесном оружии, расколол ливнем своих стрел войско Дроны на множество частей. Потоками своих стрел от-

разив по частям ливни стрел Дроны, он, могучий, учинил большую резню в его войске, а также среди самих кауравов. Однако могучерукий Дрона, собрав вновь и сплотив в бою свое войско, ринулся тогда на сына Паршаты. Он исторгнул на сына Паршаты могучий ливень стрел, подобно тому как Магхаван, возбужденный гневом, стремительно (выпускает потоки стрел) на данавов.

И приводимые в трепет Дроной с помощью стрел, пандавы и сринджайи вновь и вновь рассеивались, как мелкие лесные твари, (преследуемые) львом. И затем могучий Дрона пронесся через боевой строй пандавов, подобно огненному колесу. Все это, о царь, казалось весьма удивительным! Стоя на превосходнейшей колеснице, напоминающей город, движут щийся по небу, снаряженной (всем необходимым) согласно предписанию-(военной) науки, (на колеснице), у которой знамя развевается по ветру, а кони мчатся вскачь и у которой на знамени изображение ясно, как кристалл, (стоя на такой колеснице), издающей грохот и усмиряющей врагов, (Дрона) уничтожал вражеское войско.

Так гласит глава шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 7

Санджая сказал:
Видя, как Дрона убивает так коней и возниц, воинов, сражающихся 1-на колесницах, и слонов, пандавы не дрогнули и окружили его со всех сторон. Тогда царь Юдхиштхира, обратившись к Дхриштадьюмне и Дха-нанджае, сказал им: «Пусть Рожденный в сосуде (Дрона), со старанием (окруженный) со всех сторон (нашими воинами), будет остановлен!»

И тут Арджуна и сын Паршаты вместе с их приверженцами – все могучие воины на колесницах – обступили его, когда он ринулся (на них). Царе-вичи-кекайи и Бхимасена, сын Субхадры и Гхатоткача, Юдхиштхира и оба близнеца (Накула и Сахадева), матсьии сыновья Друпады; ш (пятеро) сыновей Драупади, исполненные радости, и Дхриштакету вместе с Сатьяки, Чекитана, возбужденный от гнева, и Ююцу, могучий воин на колеснице; и многие другие цари, о царь, которые сопровождали Пандаву, совершили различные подвиги в соответствии со своими высоким происхождением и доблестью. При виде того войска, сплачиваемого в сражении пандавами, сын Бхарадваджи, вращая в гневе глазами, бросил на него взгляд.

Придя в сильную ярость, он, опьяненный битвой, рассеял, (мчась) на колеснице, войско пандавов, как бушующий ветер (разгоняет) тучи. Обрушиваясь со всех сторон на воинов, сражающихся на колесницах, на коней, пехотинцев и слонов, Дрона, словно обезумевший, рыскал (по полю брани), точно юнец, хотя сам и стар годами. Его рыжие кони, быстрые как ветер, благородных кровей, с телом, испачканным кровью, о царь, не сбивающиеся с пути, принимали красивый облик.

Увидев того героя, соблюдающего обет, нападающего на них подобно разгневанному богу смерти, воины Пандавы разбежались во все стороны. И меж тем как некоторые из них убегали, а другие возвращались опять, когда одни взирали на него, а другие стояли на месте, шум был неистовым и очень страшным. И вызывающий радость у героев и увеличивающий страх у робких, он наполнял все пространство между небом и землей.

Затем снова объявив свое имя в бою, Дрона сделался еще более свирепым, осыпая врагов сотнями стрел. В самом деле, могучий Дрона, хотя уже и старый, как юноша истреблял, подобно самой смерти, те отряды войска мудрого Пандавы. Отсекая головы и руки, покрытые украшениями, тот свирепый и могучий воин на колеснице опустошал площадки (вражеских) колесниц и издавал воинственный клич.

И от того восторженного крика его и от стремительного натиска стрел, о высокий владыка, задрожали воины во (вражеском) стане, как стада скота, страдающие от холода. И от грохота колесницы Дроны, от звона натягиваемой тетивы и от скрипучего звука его лука поднялся великий шум в воздушном пространстве. Его стрелы, вылетающие во множестве тысячами (из лука), заволакивая все стороны света, падали на слонов, коней и пехотинцев (врага).

И к тому Дроне, вооруженному луком огромной силы, напоминающему огонь, пламенеющий оружием вместо пламени, смело подступили панчалы вместе с пандавами. Он же стал их отправлять вместе с воинами, сражающимися на колесницах, слонами и конями в обиталище Ямы. И Дрона вскоре сделал землю покрытой месивом из крови. Меча свое могучее оружие и выпуская непрерывно стрелы, Дрона так быстро покрыл ими все стороны света, что была лишь видна только сеть из стрел. Между пеших воинов, колесниц и коней, а также слонов (из-за нависшей тучи стрел) виднелось только его знамя, двигающееся повсюду, подобно вспышкам молнии среди туч.

И Дрона, тот неудручаемый воин, вооруженный луком и стрелами, измотав пятерых героев, главенствующих среди кекаев, и царя панчалов, ринулся затем на войско Юдхиштхиры. Тогда Бхимасена и Дхананджая, и внук Шини и сын Друпады, также и сын Шайбьи – правитель Каши и сам Шиби, приободрившись, с громкими криками окатили его ливнями стрел.

Но тут стрелы с сияющим золотом хвостовым оперением, выпущенные из лука Дроной, пронзив тела слонов и молодых коней тех (воинов), вонзились в землю вместе с оперениями, окрашенными кровью. И то поле брани, устилаемое колесницами и грудами (тел) поверженных воинов, слонов и коней, иссеченных стрелами, будто напоминало собою небосвод, (покрытый) со всех сторон черными тучами. Желая преуспеяния твоим сыновьям, Дрона сокрушил защитников войск потомка Шини, Бхнмы и Арджуны, а также Шайбью и Абхиманью вместе с правителем Каши и (уничтожил) других героев в битве. Совершив эти и другие подвиги в сражении, о владыка кауравов, и накалив (их жаром) миры, подобно Солнцу при гибели вселенной, Дрона, великий духом, воистину, о царь, отправился из этого мира на небо!

Так герой тот на золотой колеснице, уничтожив в бою сотнями и ты-сячами воинов (в рати) пандавов, был сам (наконец) сражен сыном Паршаты. Убив свыше двух акшаухини храбрых и неотвращающихся воинов, тот непоколебимый (герой) отправился затем в высочайший путь. В самом деле, о царь, совершив на золотой колеснице трудновыполнимый подвиг, он (в конце концов) был убит пандавами и злобными панчалами, жестокими в своих подвигах. И когда был убит в бою наставник, о царь, поднялся в воздушном пространстве громкий шум от всех существ и войск.

Оглашая небо и землю, воздух и воды, главные и промежуточные страны света, громкий возглас «О позор!» раздавался среди существ. Божестве и усопшие предки и те, кто были его друзьями, – все увидели могучего воина, сражавшегося на колеснице, – сына Бхарадваджи, убитого там пандавы, одержав победу, издавали львиные рыки. И от тех могучих возгласов сотрясалась Земля.

Так гласит глава седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 8

Дхритараштра сказал:

Что делал Дрона в сражении (перед тем), как его убили пандавы и сринджайи, – (тот герой), столь искусный во владении оружием среди всех носящих оружие? Была ли сломана у него колесница (в пылу битвы)? Или же был рассечен его лук, когда он метал (стрелы во врагов)? Или же Дрона проявил беспечность, когда встретил свою смерть?

Каким же образом, о сын мой, отпрыск Паршаты, царевич Панчалы, мог убить, благосчастливой судьбе, того могучего воина, сражавшегося на колеснице, доступного для врагов, сеявшего во множестве густые тучи стрел с золотым оперением, наделенного большой ловкостью рук, лучшего из дваждырожденных, исполнившего все свои обязанности, способного сражаться иными способами и метать свои стрелы на далекое расстояние, самообузданного, опытнейшего в искусстве владения оружием, превосходнейшего и непреклонного, совершавшего страшные подвиги в бою, всегда, требовательного (к себе)?

Ибо совершенно ясно, кажется мне, что судьба всесильна, нежели человеческие (усилия), раз герой Дрона убит родным сыном Паршаты! Тот герой, у которого были представлены четыре вида оружия, ты говоришь мне, что тот лучший наставник стрельбе из лука, Дрона, убит. Услышав об убиении того (героя), но мчавшегося на сверкающей колеснице, покрытой тигровыми шкурами и украшенной чистым золотом, я не могу теперь рассеять свою грусть! Конечно, о Санджая, никто не умирает от горя, причиненного несчастьем другого, раз я, услышав о смерти Дроны, живу еще и не умираю.

Наверно мое (и без того) твердое сердце сделано из железа, раз оно врывается на сто кусков, когда я услышал об убийстве Дроны! от, которому прислуживали брахманы и царевичи, стремящиеся, учению священному знанию и ведам, а также (стрельбе) из лука, увы, лог быть сражен Смертью! Я не могу вынести поражения Дроны, которое подобно иссушению океана, или перемещению (горы) Меру, или же сиянию солнца (с небосвода)! Он был тем, кто сдерживал надменных и равнял справедливых. Тот усмиритель врагов, который пожертвовал самой жизнью ради несчастного (Дурьйодханы) и на доблесть которые возлагали надежды на победу мои злостные сыновья, тот, кто по уму равен Брихаспати или Ушанасу, как мог быть убитым?

Его крупнорыжие кони сайндхавийских кровей, покрытые золотой сеткой,, женные в колесницу, быстрые как ветер и заглушающие всякий шум, могучие, издающие приятное ржание, хорошо обученные, проходящие из страны Синдху, отлично везущие колесницу, всегда упор в разгаре битвы – не были ли они встревожены и изнурены? Вынося рев громадных слонов, звуки раковин и грохот барабанов, терпели к звону (натягиваемой) тетивы и к ливням стрел и другого оружия, желающие победить врагов, сдержанные в своем дыхании (от напряжения), победившие усталость, – были ли понукаемы те быстрые кони, мчав-колесницу сына Бхарадваджи? Именно такие (кони) были впряжены в золотую его колесницу, подобранные (один к другому) тем выдающимся ем среди людей!

Почему же, о сын мой, не переправились они через войска пандавов? Мчась на превосходнейшей колеснице, украшенной золотом, что ушел в битве сын Бхарадваджи, тот герой, издающий воинственный клич? Твердый в правде и наделенный мощью, что совершил в битве Дрона, чью науку (оружия) полагаются все лучники мира? Кто были те воины на колесницах, которые выступили в битве против того вершителя страшных подвигов, наиглавнейшего среди всех лучников и первейшего (среди героев), напоминающего самого Шакру в небе? Уж не обратились ли в бегство пандавы, увидев его, несокрушимого, на золотой колеснице, вызывающего к действию небесное оружие и уничтожающего (врага)?

Или, может, царь справедливости вместе со своими младшими братьями, имея царевича Панчалийского своей связующей струной, окружил всем войском Дрону со всех сторон? На-

верно Партха должен был прямыми стрелами сдерживать других воинов, сражавшихся на колесницах, и затем уже сын Паршаты, вершитель коварных дел, ринулся на Дрону. Ведь я не вижу никого другого, столь неистового в убийстве, кроме свирепого Дхриштадьюмны, охраняемого Носящим диадему! Очевидно, когда кекайи, чеди, каруши и матсьи, равно и цари других племен, как муравьи осаждают змею, теснили нещадно наставника, в минуту, когда тот был занят выполнением тяжелого (воинского) подвига, низменный царевич Панчалы, окруженный со всех сторон теми героями, тогда и убил его! – Таково мое мнение.

Тот, кто, изучив все четыре веды и древние предания вместо пятой (веды), стал прибежищем для брахманов, как океан для рек, – каким образом тот брахман, престарелый годами, принял свою смерть от оружия? Горделивый, он все же переносил (все унижения) и часто должен был страдать из-за меня. Вовсе не заслуживая того, сын Кунти все же (обрел) плоды тех его деяний. Тот, от чьих подвигов зависят все лучники в мире, увы, как мог тот (герой), стойкий в правде и искуснейший (в сражении), быть убит жаждущими богатства?

Первейший (на земле), как Шакра на небе, великий своею мощью и могучий силою, увы, как мог он быть убит партхами, словно кит – мелкими рыбами? Одаренный большой ловкостью рук и силою, тот превосходнейший стрелок из лука, сокрушавший врагов, тот, в чьей оказавшись близости (ни один воин), желающий жить, не оставался в живых, тот, кого, пока он был жив, не покидали никогда два рода звуков – звук святой брахмы, (произносимый) жаждущими знания вед, и звук тетивы, (производимый) лучниками (в стремлении достичь высокого искусства в стрельбе), – тот Дрона, по отваге своей равный льву или слону, увы, убит теперь! Я не могу вынести (даже мысли) о смерти его! Каким образом, о Санджая, (могли одолеть) его, неодолимого, чья мощь была неистощима, а слава никогда не меркла?

Кто из (воинов) охранял правое колесо благородного (Дроны) и кто – левое? Кто находился впереди того героя, когда он сражался в битве? И кто там, пренебрегая своей жизнью, встретили Смерть, стоявшую к ним лицом к лицу? Кто были те герои, которые в сражении с Дроной проявили высочайшую силу духа? Даже в тяжких бедствиях, о Санджая, тот благородный (герой) должен был сделать это – именно он должен был проявить свою доблесть в меру всех своих сил! И все это было представлено в Дроне. Я теряю сознание, о сын мой! Пусть эта беседа приостановится на время. И когда я обрету сознание, я снова вопрошу тебя, о Санджая!

Так гласит глава восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 9

Вайшампаяна сказал:
Так вопросив сына возницы, Дхритараштра, сильно терзаемый печалью сердца и лишенный надежды на победу сынов своих, упал на землю. Лишившегося сознания и упавшего (наземь), слуги окропили его студенош и благовонной водою, обвевая его некоторое время. Узнав, что он упал, жены бхаратийские окружили со всех сторон великого царя и нежно поглаживали его руками.

И медленно подняв царя с земли, прелестные жены с подступившими к горлу слезами усадили его на его сидение. И заняв свое сидение, царь все еще находился под влиянием охватившего его обморочного состояния. И он оставался совершенно неподвижным, в то время как те обвевали его со всех сторон. Пробираемый дрожью, тот владыка земли медленно пришел в сознание и вновь стал вопрошать сына Гавальганы из касты сутов о всех событиях (битвы), как они происходили

Когда Аджаташатру, подобно восходящему солнцу, рассеивающий тьму своим светом, ринулся (на врага), кто отвратил его от Дроны? (Кто отвратил его), который (в битве) подобен стремительному разъяренному слону в периоде течки, неодолимому вожаками враждебных стад, сильно возбужденному и устремленному мыслию на соединение со слонихой,, убивающему противоборствующих слонов?!

Ведь тот герой, первейший из людей, непоколебимый и верный данному обещанию, – тот герой могучерукий, который (уничтожил) в сражении множество вражеских воинов, может один своим лишь страшным взглядом сжечь все войско Дурьйодханы! Убивающего одним лишь взглядом, склонного одерживать победу, защищаемого лучшими из лучников, обузданного (в чувствах)* и высоко чтимого во всем мире, – кто из моих героев мог окружить его? На того царевича неодолимого и непреклонного, лучшего из лучников, того тигра среди мужей – сына Кунти, который со стремительной быстротой ринулся на Дрону, кто нападал из моих воинов? Того Бхимасену, когда он обрушился (на мое войско), кто окружил из моих героев?

Когда тот воин на колеснице, наделенный высочайшей мощью, – Бибхатсу, подобный туче, нагрянул туда, производя громовые вспышки молний подобно грозовому облаку, и дождил ливни стрел, как Магхаван – ливни дождя; когда (тот герой) с изображением лучшей из обезьян на своем знамени, запруживая воздушное пространство стрелами и оглашая все стороны света звуками от шлепков ладоней и скрипа ободов (колес колесничных), когда (нагрянул тот герой) суровый, чей лук подобен блеску молнии, а громада колесницы, сопровождаемой вместо раскатов грома грохотом ободов (колес), напоминает собою облако, (герой), весьма грозный из-за свиста его стрел, чей гнев подобен приглушенному (грому), облака, мчащийся быстро, как мысль или желание, кто неистов и страшен видом и, будучи вооружен стрелами, глубоко пронзает жизненно важные места (в теле) и кровью вместо вод заливает всю землю, устилая ее людскими (телами), и кто разъярен оглушающим шумом палицы, заносимой над ним Дурьйодханой, – когда тот победоносный и мудрый герой,

держащий лук гандиву, поливал в битве стрелами с оперениями стервятника, отточенными на камне, – каковым было тогда состояние ваших мыслей? Не гибло ли от звука гандивы ваше войско, которое сильно теснил Арджуна, совершая страшные (подвиги)? Не отогнал ли вас от Дроны Арджуна своими стрелами, подобно тому как ветер разгоняет облака или как ломает он заросли тростника, бушуя над ними? Кто же из людей способен перенести в сражении Обладателя лука гандивы?

В той битве, в которой трепетали войска и даже героев охватывал страх, м кто (были те, которые) не покинули Дроны, и кто были трусами, убежавшими из страха? И кто там, жертвуя своей жизнью, столкнулся лицом к лицу с самой Смертью (в образе) Дхананджайи, побеждающего даже сверхчеловеческих существ в битве? Мои (войска) не были в состояния перенести натиска того (воина), мчащегося на белых конях, и звона лука гандивы, напоминающего раскаты облаков в период дождей! Та колесница; на которой возницей (выступает) Вишваксена, а воином – Дхананджайи я считаю, не может быть побеждена даже богами и асурами вместе!

Когда тот нежный и юный, храбрый и прекрасный видом Пандава, одаренный умом, искусный и разумный, преисполненный подлинной отваги в битве,– когда тот мудрый Накула, производя страшный шум и изматывая всех кауравов, ринулся (на Дрону), кто из моих героев окружил его? Когда тот Сахадева, подобный разгневанной ядовитой змее, всегда побеждающий и неодолимый в бою, причиняя опустошение среди врагов, нагрянул (на нас), кто из моих героев окружил его, соблюдающего обеты благородных и наделенного скромностью, в метании стрел не знающего промаха и непобедимого, мчавшегося навстречу Дроне?

Того, кто, сокрушив могучее войско царя саувиров, взял себе в жены прелестную девушку из рода Бходжа, во всем прекрасно сложенную того Ююдхану, быка среди людей, в котором постоянно пребываю правдивость и стойкость, храбрость и полное воздержание, – того могучего (воина), справедливого в своих деяниях, неопечаленного и непобедимого, в битве равного самому Васудеве и ближайшего к нему (естеством своим), готового всегда служить Дхананджае и геройского (соратника) в подвигах своего наставника, и равного Партхе во владении оружием, т кто отвратил от Дроны? Того выдающегося героя среди врипшиев, храбрейшего среди всех лучников, равного самому Раме во владении оружием, доблести и славе, того отпрыска из рода Сатвата, в котором пребывают все (добродетели): правдивость и стойкость, смирение и героизм и высочайшее благочестие, как три мира – в Кешаве, – того могучего лучника, наделенного такими достоинствами, неодолимого даже богами, кто окружил из моих героев, напав на него?

Того выдающегося героя среди панчалов, высокого своим происхождением и любимого (среди подобных же героев), всегда свершающего высокие подвиги в битве, –Уттамауджаса, занятого служением благу Дхананджайи и первейшего для (причинения) мне зла, подобного Яме, Вайшраване или Адитье, Махендре или Варуне и считающегося махаратхой, готового пожертвовать жизнью в жестоком бою, – кто остановил из моих героев, когда он ринулся на Дрону?

Кто (из моих воинов) отвратил от Дроны подступившего к нему Дхриш-такету, который один, оставив чедиев, примкнул к пандавам? Кто отвратил от Дроны геройского Кетумана, который убил царевича Сударшану у горного перевала в Западную область? Того тигра среди людей, который прежде был женщиной и ведает о своих достоинствах и недостатках, – Шикхандина, сына Ядшнясены, никогда не унывающего в битве, того (героя), который стал причиной смерти великого духом Девавраты, – кто окружил из моих героев, когда он ринулся навстречу Дроне?

Того героя, в котором все достоинства представлены в гораздо большей степени, нежели у Дхананджайи, у которого всегда присутствуют оружие, правдивость и благочестие, который равен Васудеве в доблести и равен Дхананджае в силе, который блеском подобен солнцу и по мудрости равен Брихаспати, – благородного Абхиманью, напоминающего саму Смерть с широко разверстою пастью, – кто окружил из моих героев,, когда он ринулся навстречу Дроне? Когда тот юный сын Субхадры, подобный алой заре, тот губитель вражеских героев обрушился на Дрону, – каковым было тогда состояние ваших мыслей?

Когда сыновья Драупади, те тигры среди людей, устремились в пылу сражения на Дрону, словно реки – в океан, кто из героев отразил их?" Тех мальчиков, которые, оставляя (детские) игры в течение двенадцати лет и соблюдая высочайший обет, жили у Бхишмы ради (обучения искусству) владения оружием,– тех надменных сыновей Дхриштадьюмны: Кшатранджаю, Кшатрадеву и Кшатрадхармана, – кто из героев твоих отвратил от Дроны? Того, которого (все) вришни считают гораздо более выдающимся в битве, чем сотня (воинов, сражающихся на колесницах), – того могучего лучника Чекитану кто отвратил от Дроны?

Того Вардха-кшеми, который похитил в пылу сражения девушку у калингов, – неодолимого и неопечаленного душою, кто отвратил от Дроны? Тех пятерых братьев-кекаев, справедливых и воистину отважных, внешностью подобных насекомым индрагопака, в красных доспехах, с красным оружием и красными знаменами, – тех героев, которые приходятся двоюродными братьями пандавам со стороны их матери и всегда жаждут победы последним, – кто из (моих) героев окружил, когда они ринулись, чтобы убить Дрону?

Того повелителя сражений, наилучшего из лучников, того героя, стойкого в правде и могучего силой, того тигра среди людей – Ююцу, которого разгневанные цари, сражаясь в течение шести месяцев в Варанавате с намерением убить его, не могли победить и который в битве при Варанаси низвергнул с колесницы стрелою с серповидным острием могучего воина – сына царя Каши, домогавшегося (на сваямваре девушки) себе в жены, – кто (из моих героев) отвратил от Дроны?

Того могучего лучника Дхриштадьюмну, главного советника партхов, занятого причинением зла Дурьйодхане и рожденного для сокрушения Дроны, – кто окружил из (моих) героев, когда он двинулся навстречу Дроне, прорываясь всюду (сквозь ряды моих войск) и сжигая воинов в сражении?

Того Кшатрадеву, сына Шикхандина, лучшего из знатоков оружия, выросшего чуть ли не на коленях у Дроны, – кто отвратил от Дроны? (Внука) того, кто окружил эту землю могучим отрядом колесниц, словно кожаным поясом, того могучего воина на колеснице и первейшего губителя врагов, который совершил без препятствий взамен всех жертвенных обрядов десять жертвоприношений коня с превосходной пищей и питьем и обильными дарами, охраняя своих подданных, словно они были его детьми, того геройского сына Ушинары, который при жертвоприношении дал такое количество скота, сколько составляет поток Ганги, какой испили у него в виде жертвенных даров поглощающие их, чей подобный (подвиг) никто из людей не мог ни прежде, ни после совершить и (о котором) после свершения его трудновыполнимого подвига сами боги вскричала:

«Мы не видали в трех мирах со всем, что есть в них движущегося и неподвижного, второго героя, другого чем сын Ушинары, какой родился когда-либо, или еще должен родиться, или существует теперь!», – того, чьим путем ве в состоянии пойти человеческие существа, дабы обрести жительство иа небе, – кто (из моих воинов) отразил Шайбью, внука того сына Ушинары, когда он выступил и ринулся навстречу Дроне подобно самой Смерти Є разверстой пастью?

Кто из героев (моих) окружил войско из колесниц того губителя врагов – Вираты, царя матсьев, когда оно в пылу сражения устремилось к Дроне? Того ужасного ракшаса, наделенного силой волшебства, обладающего великой мощью и доблестью и рожденного от Врикодары в самый короткий срок, – того могучерукого Гхатоткачу, перед которым у меня великий страх и который является тернием для моих сыновей и всегда желает победы пандавам, – кто отвратил от Дроны?

Что, о Санджая, манжет еще остаться в битве непобежденным для тех, ради которых эти Я многие другие готовы положить свои жизни в бою? Каким образом может быть поражение у партхов, – у тех самых, для которых тот тигр среди людей, Обладатель лука шринга служит прибежищем и всегда желает блага? Ведь он – учитель (трех) миров, неизменный владыка всего сущего, и он – Извечен! Обладающий божественной душою, всемогущий Нараяна является дивным хранителем (людей) в сражении! Мудрые перечисляют его божественные подвиги. Я тоже упомяну о них с предавь ностью, ради (восстановления) своей твердости!»

Так гласит глава девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 10

Дхритараштра сказал:
Слушай о божественных подвигах Васудевы, о Санджая, о подвигах, которые совершил Говинда, как не мог никогда их совершить другой человек! Когда он воспитывался в семье пас-

туха (Нанды), он, благородный, еще мальчиком возвестил о силе своих рук в трех мирах, о Санджая!

Это он убил (потом) Хаяраджу, жившего в лесах (у берегов) Ямуны, равного в силе (божественному коню) Уччайхшравасу и равного в быстроте самому Ветру. В детстве он также убил одними голыми руками данаву в образе быка, ° страшного в своих деяниях, поднявшегося среди коров подобно самой Смерти. С глазами голубого лотоса, он убил также (демонов) Праламбу, Нараку, Джамбху и Питху, могучего асура, а также Муру, внешностью своей подобного горе.

Также и Канса, исполненный великой мощи и к тому же охраняемый Джарасандхой, был вместе с его приверженцами сражен в битве Кришной одним лишь проявлением доблести. Совместно с Баладевой как вторым (своим естеством), тем губителем врагов – Кришной был сожжен в битве вместе со всем его войском царь шурасенов Сунаман по имени, отважный и стремительный в бою, повелитель целого акшаухини войска, преисполненный доблести, второй брат Кансы, царя бходжей. Сильно гневный мудрец-брахман по имени Дурвасас был благоговейно принят им и своими женами, и тот дал ему на выбор дары.

Тот герой с глазами голубого лотоса, победив всех царей на сваям-варе, увез дочь царя Гандхары. А те негодующие цари, словно они были конями от рождения, были впряжены в его брачную колесницу и искромсаны кнутом. Избрав средством другого, Джанардана также заставил убить в единоборстве могучерукого Джарасандху, повелителя акшаухини войска. Могучий (Кришна) убил также отважного царя чедиев, повелителя войск (подвластных ему) царей, словно это было какое-нибудь животное, из-за того, что тот стал оспаривать (право на) почетное питье. Проявив свою доблесть, Мадхава низринул в пучину моря своевольно летающий город дайтьев Саубху, охранявшийся Шальвой и (считавшийся) неприступным. Он победил в сражении ангов, вангов и калингов, магадхов, племена Каши и косалов; ватсов, гаргов и карушей, а также пундров. Также племена из Аванти и из южных областей, горцев и дашераков; в кашмирцев и аурасаков, пишачей с мандарами; Камбоджей и ватадханов, чолов и пандьев, о Санджая, тригартов и малавов и дарадов, труднопобедимых, множество (других племен), явившихся из различных областей в защиту ашвашаков, а также яванов вместе с их приверженцами – всех победил Лотосоглазый.

Некогда, проникнув в обиталище Макаров, кишащее (всевозможными) морскими животными, он победил в битве Варуну, находившегося в водных глубинах. Убив в битве (данаву) Панчаджану, обитавшего в подземном мире Паталы, Хришикеша обрел божественную раковину панчаджанью. В сопровождении Партхи могучий (Кешава), удовлетворив в лесу КхандаваПожирателя жертв (Агни), получил свое неодолимое огневое оружие – диск (сударшану). Восседая на сыне Винаты и устрашая (обитателей) Амаравати, тот герой унес из дворца могучего Индры (божественный цветок) париджату. Зная же о могуществе-Кришны, Шакра спокойно перенес тот (дерзостный поступок). Мы никогда не слыхали, что есть здесь хоть кто-нибудь среди царей, который не был бы побежден Кришной. Также и то великое чудо, о Санджая, которое в моем зале собраний совершил Лотосоглазый, кто другой еще способен здесь совершить? Так как я, будучи охвачен преданностью, стремился увидеть Кришну как Всевышнего владыку, – все то (относительно-его чудесного подвига) хорошо известно мне, словно оно предстало мне-воочию. Никак невозможно увидеть, о Санджая, конец (неисчислимых)1 подвигов Хришикеши, наделенного великой мощью и разумом.

Гада и Самба, Прадьюмна и Видуратха; Агаваха и Анируддха, Чарудешна и Сарана; Ульмука и Нишатха, Джхаллин и Бабхру отважный; Притху и Випритху, Самика и Аримеджая – эти могучие герои из рода Вришни, искусно разящие, в любом случае, находясь на поле боя примкнут к войску пандавов, когда будут призваны тем героем на род» Вришни – благород-

ным Кришной! И тогда все (в моем лагере) будет под угрозой великой опасности! – Таково мое мнение! А там, где Джанардана, – там будет и геройский Рама, по силе равный десяти тысячам слонов, подобный вершине Кайласы, увешанный гирляндами лесных цветов и вооруженный плугом.

Тот Васудева, о Санджая, о котором говорят как об отце всех, – будет ли он сражаться ради пандавов? Если, о сын мой, Кешава облачится в доспехи ради пандавов, тогда среди (нас) не окажется никого, кто мог бы быть его противником. Если же случится всей кауравам победить всех пандавов, – тогда тот герой из рода Вришниев ради их интересов возьмется за свое высочайшее оружие. И он, могучерукий, тот тигр среди людей, убив тогда всех царей в битве, а также и (всех) кауравов, отдаст всю Землю Кунти.

Какая колесница может двинуться в битве против той колесницы, на которой возницей (выступает) Хришикеша, а воином – Дхананджая? Никакими средствами невозможно кауравам достичь победы. Поэтому расскажи мне обо всем, как происходила битва. Арджуна – душа Кешавы, а Кришна – душа Носящего диадему. В Арджуне всегда сосредоточена победа, в Кришне – постоянно слава. Из-за превосходства (во всем) у Кешавы (сосредоточены) неизмеримые добродетели в избытке,. А Дурьйодхана по глупости – ибо не знает здесь Кришны, потомка. Мадху, введен в заблуждение вмешательством Судьбы, и ожидают его впереди путы Смерти. Увы, не знает он Кришны, отпрыска из рода Дашарха, и Арджуны, сына Панду! Великие духом, оба они – древнейшие боги. Это – Нара и Нараяна. Хотя они (в действительности) обладают единой душою, на Земле они воспринимаются людьми как две раздельные формы. Ведь одною только мыслию они оба, неодолимые и достославные, смогут, если только захотят, уничтожить это войско! Но только лишь из-за их человеческой природы они не желают этого.

Как изменение юги (приводит к разрушению) миров, так смерть Бхишмы, о сын мой, и убиение благородного Дроны приводят в замешательство чувства у людей! Ведь в самом деле, ни с помощью благочестия, ни изучения вед, ни религиозных обрядов и ни с помощью оружия никто не может избежать смерти. Услышав, что убиты Бхишма и Дрона, оба героя, высокочтимые во всем мире, искусные во владении оружием, опьяненные битвой, почему я живу еще, о Санджая! Вследствие гибели Бхишмы и Дроны мы должны будем отныне распроститься с тем самым благосостоянием, к которому мы были столь завистливы прежде, когда оно пришло к Юдхиштхире.

Ведь в самом деле, эта гибель кауравов наступила только из-за меня. Ибо в убийстве тех, кто созрел (для смерти), о сута, даже соломинки становятся громовыми стрелами. То верховенство, которое безраздельно в этом мире, Юдхиштхира почти уже получил, – Юдхиштхира, из-за чьего гнева были повержены могучие лучники Бхишма и Дрона! По самой своей склонности

Справедливость должна была бы прийти к людям, но не Несправедливость. Увы, время жестоко, ибо проходит оно (путем своим) ради всеобщего уничтожения! Ведь дела, задуманные одним путем, о сын мой, даже людьми мудрыми, осуществляются по-другому благодаря Судьбе. Таково мое мнение! Поэтому расскажи мне обо всем, что имело место во время развития этого неотвратимого и страшного бедствия, вызывающего весьма горестные размышления и (для нас) непреодолимого!

Так гласит глава десятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 11

Санджаясказал:
О разумеется, я опишу тебе все, что я видел воочию, как упал Дрона, сраженный пандавами и сринджаями. Обретя сан верховного военачальника, тот могучий воин на колеснице – сын Бхарадваджи сказал эти слова твоему сыну среди всего войска: «Так как ты, о царь, удостоил меня сегодня саном верховного военачальника непосредственно после того быка среди кауравов – сына реки (Ганги), получи и ты, о царь земной, достойный плод того поступка твоего! Какое желание твое я должен исполнить теперь? Выбирай дар, какой ты желаешь!»

Тогда Дурьйодхана, посовещавшись с Карной, Духшасаной и другими, сказал наставнику, неодолимому и лучшему из побеждающих: «Если ты желаешь дать мне дар, то, схватив живым Юдхиштхиру, лучшего из воинов, сражающихся на колеснице, доставь его сюда ко мне!»

Услышав слова твоего сына, наставник кауравов молвил ему в ответ такие слова, радуя все войско: «(Да будет) благословен сын Кунти – царь (Юдхиштхира), только пленения которого ты и желаешь! О неодолимый, ты не просишь сегодня (иного) дара, (как, например), его убиения! По какой причине, о тигр среди людей, ты не желаешь его смерти?

Нет сомнений, о Дурьйодхана, что ты не требуешь от меня подобного подвига (как убийство Юдхиштхиры). Да и право же, у того сына Дхармы нет ненавистного врага! Так как ты хочешь, чтобы он остался жив, ты (или) хочешь уберечь свой род, или же, о лучший из рода Бхараты, победив в бою пандавов и вернув им половину царства, ты желаешь установить с ними братский союз! Благословен (должно быть) сын Кунти – царь (Юдхиштхира) и благоприятным было у него, мудрого, рождение. Справедливо (дано) и прозвище ему: Аджаташатру (Тот, чей враг еще не родился), да и сам ты питаешь к нему расположение!»

И когда так промолвил Дрона твоему сыну, о потомок Бхараты, то чувство, которое постоянно теплилось в нем, внезапно вылилось наружу. Даже особам, подобным Брихаспати, невозможно скрыть выражение своего лица. Поэтому сын твой, о царь, исполненный радости, сказал такие слова: «С убийством сына Кунти в бою, о наставник, победа не может быть моей! Ведь если Юдхиштхира будет убит, Партха тогда вне всякого сомнения убьет всех нас! Ибо он не может быть убит в сражении даже всеми богами.

И тот из них, кто уцелеет, – тот именно и не оставит нас в живых! (Юдхиштхира) же верен своему обещанию. Доставленный сюда (живым), если он будет снова побежден в игре в кости, то сыны Кунти снова должны будут удалиться в лес, ибо они послушны ему. Совершенно очевидно, что эта победа моя будет на длительное время. Поэтому я не желаю никоим образом убиения царя справедливости». Выяснив хитроумный замысел Дурьйодханы, Дрона, знающий суть мирской пользы и наделенный разумом, дал ему дар со следующими ограничениями.

Дрона сказал:
Если Арджуна, о герой, не защитит Юдхиштхиру в битве, считай м' тогда старшего пандаву приведенным под твою власть. А что до Партхи, то даже боги и асуры во главе с Индрой не в состоянии выступить против него в сражении. Поэтому, о сын мой, я не осмеливаюсь сделать то (о чем ты меня просишь). Вне сомнений, Арджуна – мой ученик, и я был у него первым наставником в искусстве владения оружием. Он молод, овеян славой и неотступно поглощен мыслями (о достижении своей цели). К тому же он получил много оружия от Индры и Рудры. Кроме того, ои невыносим для тебя, о царь! Поэтому я не отваживаюсь (сделать то, о чем ты просишь меня). Пусть Арджуна будет какими только возможно средствами удален

из битвы. И когда Партха будет удален, царя справедливости тогда (можно будет считать) уже побежденным тобою. Если ты считаешь, что с его пленением будет победа, о бык из рода Бхараты, то таким образом несомненно осуществится его пленение.

Схватив царя, преданного правде и справедливости, я приведу его вне сомнений, о царь, под твою власть сегодня же, если он будет стоять передо мною в битве хотя бы на мгновение и, конечно, если сын Кунти – Дхананджая, тот тигр среди людей, будет удален (с поля битвы). На глазах же у Пхальгуны, однако, сын Притхи – Юдхиштхира не может быть схвачен в сражении даже богами и асурами во главе с Индрой!

Санджая сказал:
И когда Дроной было дано с такими ограничениями обещание схватить царя, твои глупые сыновья сочли его уже плененным. Твой сын (Дурьйодхана) конечно знал, что Дрона питает склонность к пандавам. Поэтому, чтобы придать твердость его обещанию, им была разглашена (тайна) того уговора. И тогда, о усмиритель врагов, о том (обещании) схватить Пандаву было Дурьйодханой оповещено во всех местах расположения войск.

Так гласит глава одиннадцатая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 12

Санджая сказал:
Тогда воины твои, услышав о том (обещании Дроны) схватить Юдхиштхиру, издали громкие львиные рыки, (смешав их) со свистом стрел и звуками раковин. Однако царь справедливости, о потомок Бхараты, вскоре узнал во всех подробностях 288 через своих доверенных лиц о том намерении, которое сын Бхарадваджи собирался осуществить.

И тогда, велев собраться вместе всем братьям своим и всем воителям, царь праведливости обратился к Дхананджае с такими словами: «Ты слышал сегодня, о тигр среди людей, о намерении Дроны. Пусть будут поэтому приняты такие меры, чтобы это не осуществилось в действительности. В самом деле, о сокрушитель врагов, Дроной было дано обещание с ограничениями. И те ограничения, (как им обусловлено), зависят от тебя, чьи стрелы не знают промаха. Поэтому сразись ты сегодня, о могучерукий, поблизости от меня, чтобы Дурьйодхана не мог добиться от Дроны исполнения своего желания!»

Арджуна сказал:
Как убийство моего наставника никогда не может быть совершено мною, так, о царь, никогда я не смогу согласиться и отказать тебе. Скорее, о Пандава, я положу свою жизнь в бою, чем смогу я выступить против своего наставника. И тебя я никогда не смогу покинуть! Того желания, о царь, которое лелеет сын Дхритараштры, захватив тебя (пленником) в битве, никогда в этом мире живущих он не достигнет.

Небосвод вместе со звездами может обрушиться. Сама Земля может расколоться на части. Несомненно, однако, Дроне никогда не удастся схватить тебя, пока я живу! Если Громодержец сам будет оказывать ему помощь в сражении или же вместе с богами и дайтьями, то и тогда он не сможет завладеть тобою в битве! Пока я жив, о владыка царей, ты не должен испытывать страха перед Дроной, хотя он и самый выдающийся среди воителей, среди всех носящих оружие! Я не помню неправдивого слова (когда-либо мною сказанного), я не помню (за собой) и поражения! Я не помню также, чтобы при данном мною обещании даже хоть что-нибудь оставалось невыполненным!

Санджая сказал:
Тогда, о великий царь, в лагере пандавов зазвучали раковины и литавры, барабаны и цимбалы. И раздался львиный клич благородных пандавов. Этот (гул) и ужасные звуки от тетивы их луков и шлепков ладоней достигали самих небес. Заслышав тот громкий рев раковин (раздававшийся в лагере) благородного Пандавы, и в подразделениях твоих войск тоже ударили в различные инструменты. Затем твои войска, равно как и их (отряды), о потомок Бхараты, были построены в боевые порядки и медленно двинулись друг против друга, желая сразиться в битве.

И произошла тогда заставляющая подниматься от ужаса волоски на теле свирепая битва между пандавами и кауравами и между Дроной и Панчалийцем.291 Сринджайи, хотя и старались усиленно, не были в силах разбить войско Дроны, о царь, ибо оно охранялось самим Дроной. Точно так же и сражающиеся на колесницах лучшие воины сына твоего, искусно разящие, щ могли (одолеть) войско Пандавы, охраняемое Носящим диадему. Охраняемые каждое со своей стороны, оба те войска (казалось) стояли неподвижные, будто две буйно цветущие рощи, сонливо застывшие ночью.

Тогда Обладатель золотой колесницы, о царь, на своей колеснице;: сверкающей подобно солнцу, сокрушив ряды вражеских войск, быстро пронесся сквозь них. И его одного, столь решительного, быстро мчавшегося на колеснице в пылу сражения, пандавы и сринджайи от страха приняли как бы за множество воинов. Выпускаемые им страшные стрелы летели во всех направлениях, приводя в ужас, о великий царь, войско Пандавы.

В самом деле, каким кажется само полуденное солнце, окруженное сотнями лучей света, точно таким же казался Дрона. И никто из пандавов, о достойнейший, не в состоянии был взглянуть на него, разгневанного в битве, как (не могли взглянуть) данавы на могучего Индру. Приведя в замешательство (вражеское) войско, доблестный сын Бхарадваджи стал тогда быстро рассеивать отряды войск Дхриштадьюмй» при помощи острых стрел. Покрывая и заграждая все стороны света прямо летящими стрелами, он начал крушить боевой строй Пандавы даже там» где находился сын Паршаты.

Так гласит глава двенадцатая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 13

Санджая сказал:
Затем Дрона, произведя великое смятение в войске Пандавы, ринулся на пандавов, подобно огню, сжигающему высохший лес. При виде Обладателя золотой колесницы, истребляющего в пылу битвы боевые отряды подобно бушующему пламени, сринджайи затрепетали (от страха). Звук тетивы его лука, когда он, стремительный в своих действиях, постоянно метал (стрелы), был громко слышен, уподобляясь раскатам грома. Лютые стрелы, выпущенные ловким на руку (Дроной), уничтожали воинов, сражавшихся на колесницах, и тех, кто (сражались) верхом на конях и слонах, и пеших воинов, равно как и слонов и коней. Как грохочущее грозовое облако на исходе жаркой поры, сопровождаемое ветром, проливает ливень из града, так и он (дождя своими стрелами) наводил страх на врагов.

Затем, о царь, тот могучий (герой) пронесся (сквозь вражеский строй), приводя всю рать в расстройство и этим усиливая нечеловеческийг страх у врагов. Его лук, украшенный золотом, на той быстро мчащейся тучеподобной колеснице показывался все снова и снова, подобно вспышке молнии среди облаков.

Тот герой, твердый в правде и мудрый, всегда преданный справедливости и внушающий сильный страх, заставил течь там гневную реку, как если бы он направлял ее в час конца юги. И у той (реки) источником служила стремительность гнева (Дроны), и она кишела сонмами плотоядных существ. Потоками ей служили войска, а герои-воины заменяли собою деревья по ее берегам, уносимые течением.

Ее воды заменяла кровь-секущая на поле брани), а водоворотами в ней были колесницы, а слоны и кони заменяли ей берега. Лодками ей служили доспехи, а вместо трясины (дно ее) устилало мясо (убитых существ). Жир, костный мозг и сами: кости (павших животных и воинов) заменяли собою песок (по отмелям ее)г а пену ее заменяли превосходные головные уборы, (скатывавшиеся с глав). Облаками, (курившимися над поверхностью ее), была сама битва, (происходившая там), а вместо рыб она изобиловала копьями. Мощь ее составляли воины, слоны и кони, а течение ей заменял стремительный полет стрел. Тела павших заменяли собою обломки бревен (плававших на поверхности ее) и морские растения шрингата, а вместо змей она кишела руками (отсеченными в бою).

Головы заменяли собою камни, разбросанные по ее берегам и дну, а мечи – рыб, кишащих в ней. Колесницы и слоны составляли ее озера, а различные украшения – лотосы (на поверхности ее). Могучие воины на колесницах заменяли сотни ее водоворотов, а пыль от земли – волны, окаймлявшие ее. И легкопроходимая в сражении для тех, кто наделен: великой доблестью, она была непроходима для робких. Герои заменяли собою хищников, кишевших в ней, а уцелевшие воины – купцов, расположившихся (у ее берегов).

Разорванные зонты заменяли больших ее лебедей, а диадемы – (мелких) птиц, усеивавших ее. Колеса заменяли ее черепах, булавы – крокодилов, а стрелы – мелких рыб, изобиловавших в ней. И она служила прибежищем для страшных стай ворон, стервятников и шакалов. И та (река), о лучший из царей, уносила сотнями в мир усопших предков существа, убитые в бою стрелами могучего Дроны. Прегражденные сотнями тел (плавающих по ней), волосы (убитых существ) составляли ее мох и зеленые луга. Такую именно реку, о царь, которая увеличивала страх у робких, заставил там течь (Дрона).

И меж тем как Дрона побеждал там и тут, вражеские войска, о потомок Бхараты, предводительствуемые Юдхиштхирой, ринулись на него со всех сторон. Но тех героев, устремившихся (на Дрону), твои воины с туго натянутыми луками перехватили со всех сторон. И произошла тогда битва, заставлявшая подниматься от содрогания волоски на теле. Шакуни, искушенный в сотне видов обмана, устремился на Сахадеву и пронзил его колесницу вместе с возницей его и знаменем остро отточенными стрелами.

Однако сын Мадри, не слишком разгневанный, рассекши стрелами его знамя и лук, возницу и коней, пронзил того дядю по матери шестью стрелами. Но тут сын Субалы, схватив булаву, соскочил с превосходнейшей колесницы; и тою булавой, о царь, он повергнул возницу своего противника с его колесницы. Затем те двое могучих героев, о царь, оба лишенные колесниц, с булавами в руках, развлекались в битве, уподобляясь двум утесам, увенчанным гребнями. Дрона, пронзив царя панчадов десятью стрелами, сам был изранен им множеством стрел. Но затем он снова пронзил последнего более чем сотнею стрел. Бхимасена пронзил Вивиншати двадцатью острыми стрелами. Но герой тот и не содрогнулся. И все это казалось весьма удивительным.

И Вивиншати затем, о великий царь, внезапно лишил Бхиму его коней, знамени и лука. И тогда все войска почтили его (за тот подвиг). Но тот герой (Бхима) не мог стерпеть такой победы своего врага в бою. И потому палицею своей он уложил всех хорошо обученных его коней.

Доблестный Шалья, засмеявшись слегка, пронзил Накулу, милого племянника своего со стороны сестры, (множеством) стрел, меча их, чтобы рассердить его. Но Накула отважный, повергнув его коней, зонт и знамя, а также возницу его и лук в той битве, затрубил в свою раковину. Дхршптакету, разрезав разновидные стрелы, выпущенные Крипой, пронзил его семьюдесятью стрелами и снес эмблему его (знамени) тремя стрелами. Но Крипа окатил его могучим ливнем стрел. И так противостоя ему в битве, брахман тот продолжал сражаться с Дхршитакету. Сатьяки, засмеявшись слегка, пронзил Критавармана в середину груди железной стрелою и затем пронзил его снова семьюдесятью другими стрелами.

В ответ воин из рода Бходжа пронзил его семьюдесятью семью острыми стрелами, но не в силах был поколебать внука Шини, подобно тому как сильно дующий ветер (не в состоянии поколебать) гору. Сенапати стремительно поразил Сушармана в жизненно важные места. Но и тот тоже поразил первого дротиком в самую ключицу. А Вирата вместе с матсьями, преисполненными великой доблести, противостоял в сражении сыну Викартаны. И тот (подвиг его) казался весьма удивительным. Но уже и то было для сына возницы (свидетельством) неистового мужества, что он (один) сдерживал целое войско при помощи прямых стрел.

Сам царь Друпада был занят (поединком) с Бхагадаттой. И битва между двумя теми (воинами), о великий царь, казалась красивой взору. Оба (те героя), искушенные во владении оружием, вызывали страх у живых существ. Бхуришравас отважный, о царь, окутал в битве могучего воина на колеснице – сына Яджнясены мощным потоком стрел. Но затем и Шикхандин, разгневанный, о владыка народов, заставил покачнуться сына Сомадатты, (выпустив в него) девяносто стрел, о потомок Бхараты! А те два ракшаса, страшные в своих деяниях, сын Хидимбы и Аламбуса, жаждущие сокрушить друг друга, вступили в необычайнейшую битву. Оба способные творить сотню волшебств, оба преисполненные гнева, они сражались, прибегая обоюдно к силе иллюзии или исчезая из глаз, чем вызывали сильное удивление. Чекитана сражался с Анувиндой страшно и жестоко, как могучие своею силой Бала и Шакра – в битве между богами и асурами. Лакшмана вступил в свирепую схватку с Кшатрадевой, как некогда Вишну,320 о царь, в битве с (асурой) Хираньякшей.

Затем, о царь, на колеснице, заложенной быстрыми конями и как должно снаряженной, Паурава, испуская громкий рык, бросился на сына Субхадры. Могучий своею силою и жаждущий битвы, он стремительна нагрянул на (Абхиманью). И усмиритель врагов – Абхиманью вступил с ним в жестокую битву. Паурава осыпал сына Субхадры потоками стрел. А сын Арджуны сшиб и сбросил на землю знамя своего противника, его зонт и лук. Пронзив затем Паураву семью другими стрелами, сын Субхадры пронзил пятью стрелами его возницу и коней.

Радуя так свое-войско, он несколько раз испустил рык, подобный львиному. Вслед за эти№ сын Арджуны быстро вынул (из колчана) стрелу, которая явно должна была причинить конец Паураве. Но сын .Хридики двумя стрелами рассек его лук вместе со стрелой. Тогда, отбросив в сторону тот рассеченный лук, сын Субхадры, губитель вражеских героев, вынул сверкающий меч и взял щит. Кружа с большой ловкостью тем щитом, усеянным множеством звезд, и размахивая мечом, он рыскал по бранному полю, показывая свою доблесть. Когда он вращал одним (оружием перед собою) и снова кружил им (над головою), когда он размахивал другим и вновь заносил его высоко, то казалось, о царь, не было различия между щитом и мечом.

Вскочив внезапно на дышло колесницы Пауравы, (Абхиманью) издал громкий рык. Взойдя потом на колесницу, он схватил Паураву за волосьи Пинком ноги он убил мимоходом его возницу и срубил мечом его знамя. Казалось, он так схватил Паураву, как Таркшья хватает

змея из океана, взволновав его воды. Тогда все цари увидели его, схваченного за волосы, напоминающего быка, терзаемого львом и лишившегося чувств.

Увидев распростертым Паураву, подпавшего под власть сына Арджуны и таскаемого, подобно беззащитному, Джаядратха не мог вынести этого. Взяв меч и щит, богато украшенный павлиньими перьями и покрытый: сетью из сотни маленьких колокольцев, он с громким криком соскочид со (своей) колесницы. При виде властителя страны Синдху сын Кришны-(Абхиманью) выпустил Паураву и, соскочив, словно ястреб, с его колесницы, быстро стал на землю.

Дротики, копья и палаши, которые пускались в ход его врагами, сын Кришны разрубал мечом или отражал щитом„ Показывая всем воинам силу своих собственных рук, тот могучий герой снова подняв свой огромный меч и щит, устремился на сына Вриддхакшатры, заклятого врага отца своего, как тигр бросается на слона.. Сближаясь, они весело нападали друг на друга своими мечами, подобно тому как тигр и лев – своими зубами и когтями. В искусстве кружения, столкновения и опускания их мечей и щитов никто не видел различия» между теми двумя львами среди людей. И в отношении взмаха и свиста; их мечей, применения другого оружия и (отражения) взаимно наносимых ударов, казалось, не было разницы между обоими. Рыская искуси» по внешним и внутренним следам, оба те благородных (воина) выглядела подобно двум крылатым горам. Тогда Джаядратха ударил по внешней стороне щита достославного сына Субхадры, когда последний занес свой меч для удара. И тот огромный меч, вонзившись в сверкающий щит, украшенный с внешней стороны золотом, сломался, когда царь страны Синдху пытался силою его выдернуть. Видя, что меч его сломан, он отскочил на шесть шагов, и в мгновение ока его уже можно было видеть взошедшим вновь на свою колесницу. Сын Кришны тоже, будучи свободен от сражения (на мечах), взошел на свою превосходную колесницу. Тогда все цари (из стана кауравов), сплотившись вместе, окружили его со всех сторон.

Но могучий сын Арджуны, пристально следя за Джаядратхой, размахивал своим мечом и щитом, испуская громкий рык. Оставив затем царя Синдху, сын Субхадры, губитель вражеских героев, стал опалять (жаром битвы) то войско, подобно тому как солнце палит (своим жаром) весь мир.

Тогда в пылу этой битвы Шалья метнул в него страшный дротик, целиком железный, украшенный золотом и похожий на сверкающий пламень огня. Однако сын Кришны, подскочив, поймал его, подобно тому как сын Винаты (хватает) могучего змея, падающего сверху. И (поймав дротик) Абхиманью вложил свой меч в ножны. Видя высокую ловкость и силу его, неизмеримого в своей мощи, все цари исторгли вместе львиный рык. Вслед за тем сын Субхадры, губитель вражеских героев, послал в Шалью всей мощью своих рук тот самый дротик, отделанный по поверхности каменьями вайдурья. Напоминающий собою змея, только что высвободившегося (из трясины), тот дротик, достигнув колесницы Шальи, убил его возницу и низринул его с колесницы.

И тогда Вирата и Друпада, Дриштакету и Юдхиштхира, Сатьяки, кекайи и Бхима, Дхришадьюмна и Шикхандин, оба близнеца (Накула и Сахадева) и (пятеро) сыновей Драупади – все закричали: «Превосходно, превосходно!»

И различный звуки от выпускаемых стрел и громкие львиноподобные рыки раздавались там, радуя необращающегося в бегство сына Субхадры. Твои сыновья, однако, не могли вынести тех примет победы своего врага. И все они тогда, внезапно (окружив) его со всех сторон, окатили его, о великий царь, (потоком) острых стрел, подобно тому как облака (дождят сво-

им ливнем) гору. И желая им блага и из-за поражения своего возницы, Артаяни, губитель врагов, ринулся, разгневанный, на сына Субхадры.

Так гласит глава тринадцатая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 14

Дхритараштрасказал:
О многих великолепнейших поединках рассказано мне тобою, о Санджая! Слушая о них, я искренне завидую тем, кто обладает зрением. О битве между кауравами и пандавами, подобной той, (что некогда происходила) между богами и асурами, люди будут рассказывать как о самой чудеснейшей в мире. Но все же нет у меня полного удовлетворения сейчас, когда я слушаю об этом замечательнейшем сражении. Поэтому поведай мне о битве между Артаяни и сыном Субхадры.

Санджая сказал:
Видя, что возница его убит, Шалья поднял свою палицу, целиком сделанную из железа, и, крича в гневе, соскочил с превосходнейшей колесницы. Тогда Бхима, взяв свою огромную палицу, стремительно ринулся на Шалью, который напоминал собою пылающий огонь при гибели мира или самого Разрушителя (Яму) с булавою в руках. Сын Субхадры тоже, взяв огромнейшую палицу, подобную громовой стреле, сказал Шалье: «Подойди, подойди!», тогда как сам был с усилием удерживаем Бхимой.

И удержав сына Субхадры, доблестный Бхимасена приблизился к Шалье в пылу сражения и остановился, неподвижный как утес. Могучий царь мадров тоже, увидев Бхиму, быстро устремился к нему, как лев – навстречу слону. Тогда раздались громкие звуки труб и тысяч раковин, львиноподобные клики и низкий грохот барабанов. И громкие возгласы «Превосходно, превосходно!» поднимались среди сотен воинов пандавов и кауравов, спокойно взирающих друг на друга.

Ведь, право, никто еще среди всех царей, о потомок Бхараты, кроме правителя мадров, не может перенести могучего натиска Бхимасены в сражении! Равным образом, кто еще в мире, кроме Врикодары, может выдержать стремительную силу палицы благородного повелителя мадров в бою? Обвязанная веревками, перевитыми золотыми нитями, огромная палица Бхимы радовала зрителей, и размахиваемая им, она сверкала ярко. Точно так же и палица Шальи, идущего по следам и делающего попеременно круги, казалась подобной ярким вспышкам молнии.

Оба они – Шалья и Врикодара со слегка изогнутыми палицами вместо рогов, оба, испуская рев и описывая круги, напоминали собою двух быков. Как в искусстве описывать круги и гнаться по следам, так и в кружении (и нанесении ударов) палицами не было различий в сражении между теми двумя львами среди людей. От удара, наносимого Бхимасеной своею палицей, огромная, страшная видом палица Шальи, исторгая огненные искры, рассыпалась брызгами.

Равным образом и палица Бхимасены, испытывая удары его противника, казалась подобной дереву, покрытому светлячками в период дождей вечерней порою. Та палица царя мадров, пускаемая им в ход в сражении, о потомок Бхараты, озаряя небосвод, производила множество огненных искр. Точно так же и палица, посылаемая Бхимасеной в своего врага, опаляла (жаром) его войско, подобно свирепому метеору, падающему (с неба).

И те две превосходнейшие палицы, сталкиваясь одна с другой, исторгали вспышки огня, напоминая двух вздыхающих змеиных самок. Подобно двум огромным тиграм, нападающим друг на друга своими клыками, или двум могучим слонам, (действующим) своими бивнями, они кружили оба, нападая друг на друга своими палицами. Ударяемые верхушками своих палиц и мгновенно обагряемые кровью, оба благородных (воина), казалось, выглядели тогда подобно двум деревьям киншука, распустившимся цветами. И гул ударов палиц тех двух львов среди мужей, подобный раскатам грома Шакры, был слышен со всех сторон. Под ударами палицы, наносимыми царем мадров налево и направо, Бхима нисколько не покачнулся, подобно скале, раскалываемой (громом). Точно так же и могучий повелитель мадров под стремительными ударами палицы Бхимы стоял неколебимо, как скала, пораженная ударами грома.

Оба они, с поднятыми огромными палицами, в могучем порыве снова бросились друг на друга, и выступая каждый по следам другого, они описывали круги. Подскочив затем друг к другу на восемь шагов и набросившись, подобно двум слонам, они внезапно ударили друг друга своими железными палицами. И от взаимного их натиска и мощных ударов их палиц оба героя те упали в одно и то же время на землю, будто два флага Индры.

Тогда Критаварман, могучий воин на колеснице, быстро кинулся к Шалье, дрожащему и тяжко вздыхающему все снова и снова. И видя его, о великий царь, сильно зашибленного палицей, корчащегося подобно змею и впавшего в беспамятство, могучий воин на колеснице Критаварман взял его тогда вместе с палицей к себе на колесницу и быстро увез повелителя мадров с поля битвы.

Шатаясь словно пьяный, доблестный Бхима могучерукии тоже поднялся в мгновение ока и предстал с палицею в руке. При виде повелителя мадров, отвратившегося от битвы, сыновья твои, о достойнейший, стали тогда дрожать вместе с их слонами, колесницами, пехотинцами и конницей. Изматываемые пандавами, кичащимися победой, те воины твои, охваченные страхом, разбежались во все стороны, как густые облака, гонимые ветром. А пандавы, могучие воины, сражающиеся на колесницах, победив сыновей Дхритараштры, блистали в сражении, о царь, сияющие славой. Преисполненные радости, они издавали громкие львиные кличи и трубили в раковины. И они били в барабаны, большие и маленькие, а также в литавры.

Так гласит глава четырнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 15

Санджая сказал:
Видя, что то войско твое сильно разбито, могучий Вришасена стал один сдерживать в битве пандавов силой иллюзии своего оружия. Выпускаемые Вришасеной те стрелы, о достойнейший, летели по (всем) десяти направлениям, пронзая людей и коней, колесницы и слонов. Его могучие сверкающие стрелы проносились тысячами, о могучерукии, подобно лучам солнца в летнее время. Терзаемые им, о великий царьг воины на колесницах и всадники мгновенно падали на землю, как деревья, ломаемые ветром. Множество коней и колесниц и множество слонов, о царь, уложил он в той битве – сотнями и тысячами.
При виде его, так рыскающего бесстрашно по полю брани, все цари (в стане пандавов), соединившись вместе, окружили его со всех сторон.

Сын Накулы Шатаника подступил к Вришасене и пронзил его десятью железными стрелами, способными поразить жизненно важные места. Но сын Карны, рассекши его лук, сбросил знамя его (на землю). Тогда, желая вызволить своего брата, другие сыновья Драупади рину-

лись на него. И внезапно они потоками своих стрел сделали сына Карны невидимым. На них, громко кричащих, бросились воины на колесницах, предводительствуемые сыном Дроны (Ашваттхаманом). И они, о великий царь, быстро окутали сыновей Драупади – могучих воинов на колесницах, разнообразными стрелами, подобно тому как облака (застилают своими ливнями) горы. Тогда пандавы, желая (вызволить) своих сыновей, поспешно выступили против тех (противников) и (вместе с ними также) панчалы, кекайи, матсьи и сринджайи с поднятым оружием.

И та битва, которая происходила между пандавами и твоими сыновьями, была страшной и лютой, заставлявшей подниматься от содрогания волоски на теле, словно (это было сражение) между богами и данавами. Так вот сражались кауравы и пандавы, охваченные сильной яростью, взирая (свирепо) друг на друга, движимые взаимной враждою за прошлые обиды. Внешний вид их, неизмеримых в мощи, казался тогда, из-за (охватившего их) гнева, подобен (облику) лучшего из пернатых (Гаруды) и змеев, сражающихся в небе. И то поле битвы благодаря (участию там) Бхимы и Карны, Крипы и Дроны, сына Дроны и сына Паршаты, а также Сатьяки, казалось, сверкало, будто от (всесокрушающих) солнц, поднявшихся при гибели мира.

Та битва, которая происходила между сильнейшими (воинами) и их могучими (противниками), убивающими друг друга, была весьма лютой, подобно (сражению, некогда происходившему) между данавами и богами. Затем Юдхиштхирино войско, поднимающее громкий гул, подобно бушующему морю, начало истреблять твои войска, откуда уже разбегались могучие воины, сражающиеся на колесницах. Видя то войско (кауравов) разбитым и сильно измотанным врагами, Дрона воскликнул: «Довольно убегать вам, о герои!» Затем Обладатель рыжих коней (Дрона), возбужденный гневом, будто (разъяренный) слон с четырьмя клыками, проник в строй пандавов и ринулся против Юдхишт-хиры. Тут Юдхиштхира пронзил его острыми стрелами, оснащенными оперением цапли. Но Дрона, рассекши его лук, стремительно бросился на него.

Тогда охраняющий колеса (Юдхиштхириной колесницы) Кумара, прославленный царевич панчалов, сдержал напирающего Дрону, как берег морской (сдерживает взбушевавшегося) супруга рек. При виде Дроны, того быка среди дваждырожденных, сдерживаемого Кумарой, поднялся громкий шум от львиноподобных кликов (воинов) вместе с их возгласами «Превосходно, превосходно!» Затем Кумара в той великой битве, возбужденный гневом, пронзил Дрону в грудь и многократно издал рык, подобный львиному. Но в пылу сражения могучий Дрона, наделенный большой ловкостью рук и превозмогающий усталость, окутал Кумару многими тысячами стрел. И сокрушил он, лучший из дваждырожденных, Кумару, охранявшего колеса (Юдхиштхириной колесницы), того героя, соблюдавшего обет благородных и опытного в применении оружия.

И проникнув в средину (вражеского) строя, рыская во всех направлениях, тот бык среди воинов, сражающихся на колесницах, – сын Бхарадваджи стал защитником твоего войска. Пронзив Шикхандина двенадцатью стрелами и Уттамауджаса – двадцатью, Накулу – пятью, а Сахадеву – семью; Юдхиштхиру – двенадцатью и каждого из сыновей Драупади – тремя, Сатьяки пронзив пятью стрелами, а повелителя матсьев – десятью, он в пылу сражения привел в замешательство (вражеских) воинов, бросаясь на них в порядке их главенства. Затем он устремился против сына Кунти – Юдхиштхиры, горя желанием захватить его.

Тогда Югандхара, о царь, остановил сына Бхарадваджи, могучего воина на колеснице, разгневанного, будто океан, взбушевавшийся от силы ветра. Но тот, пронзив Юдхиштхиру прямыми стрелами, низринул Югандхару стрелою с серповидным острием из кузова его колесницы. Тогда Вирата и Друпада, царевичи-кекайи, Сатьяки и Шиби, Вьягхрадатта,34' царевич

Панчалы, и Синхасена могучий – эти и многие другие, желая вызволить Юдхиштхиру, окружили (Дрону со всех сторон), преграждая ему путь многочисленными стрелами. И Вьягхрадатта, царевич Панчалы, пронзил Дрону пятьюдесятью острыми стрелами, и тут же, о царь, воины издали громкие клики.

Затем и Синхасена, быстро пронзив Дрону, могучего воина на колеснице, засмеялся громко от радости, приводя в ужас (того героя), соблюдающего данный им обет. Тогда Дрона, широко раскрыв глаза, натирая тетиву своего лука и производя громкие шлепки ладонями рук, ринулся против последнего. Затем, подступив ближе, могучий (сын Бхарадваджи) двумя стрелами с серповидным острием снес с плеч украшенные серьгами головы Сигхасены и Вьягхрадатты. И сокрушив потоками стрел других могучих воинов на колесницах (в стане) пандавов, он встал перед Юдхиштхирой, как сама всесокрушающая Смерть.

Тогда, о царь, среди воинов в войске Юдхиштхиры раздались громкие крики «Царь схвачен!», – когда Дрона, строго соблюдающий свой обет, стоял вблизи него. А там (в стане кауравов) при виде доблестного Дроны воины воскликнули все: «Сегодня царственный сын Дхритараштры достигнет своей цели! (Дрона) несомненно вернется к нам и к сыну Дхритараштры!»

Меж тем как воины твои так говорили (между собой), могучий воин на колеснице – сын Кунти (Арджуна) быстро примчался туда, оглашая (небосвод) грохотом своей колесницы и создавая в этом побоище реку, где воды заменяла кровь, (текущая на поле брани), а водоворотами служили колесницы, – усеянную грудами костей павших героев и уносящую (существа) к пределам, где (обитают) души усопших. Пандава явился туда, рассеяв кауравов и стремительно переправившись через ту реку, чьей кипучей пеной служили потоки стрел и которая вместо рыб изобиловала дротиками и другим оружием.

И затем Носящий диадему внезапно обрушился на отряд Дроны, покрывая его густою сетью стрел и приводя в замешательство (соратников последнего). Когда он непрерывно накладывал стрелы (на тетиву) и быстро метал их, никто не мог заметить (хотя бы малейшего) промежутка времени (между двумя этими действиями) достославного сына Кунти.

Ни (четыре) страны света, ни воздушное пространство, ни небосвод и ни земля не могли быть уже различимы, о великий царь, ибо, казалось, все стало сплошной сетью стрел. И право же, о царь, когда Обладателем лука гандивы был вызван кромешный мрак при помощи своих стрел, ничего нельзя было видеть в той битве! И вслед за тем зашло и солнце, окутанное облаком пыли. И ни враг, ни друг и вообще ничто не могло быть
тогда различимо.

Тогда Дрона, Дурьйодхана и другие произвели отход своих войск (к лагерю). Узнав, что противник охвачен сильным страхом и не склонен продолжать сражение, Бибхатсу тоже медленно произвел отход своих войск. Затем пандавы, сринджайи и панчалы, преисполненные радости, восславили Партху восторженными речами, подобно тому как мудрецы (восхваляют) солнце. Так победив своих врагов, Дхананджая, исполненный радости, отправился в свой лагерь, следуя в тылу всего войска, в сопровождении Кешавы. И стоя на своей колеснице, пестреющей изысканными изумрудами и рубинами, золотом и серебром, алмазами, кораллами и хрусталем, сын Панду сиял словно месяц на небе, усеянном звездами.
Так гласит глава пятнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ О ПОСВЯЩЕНИИ ДРОНЫ

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ САНШАПТАКОВ

Глава 16

Санджая сказал:
Оба те войска, двинувшись к своим лагерям, о владыка народов, расположились там, как подобает по установленному порядку, в соответствии с подразделениями и отрядами каждого из них. Произведя отвод своих войск к лагерю, Дрона в дурном расположении духа, взглянув на Дурьйодхану, сказал со стыдом такие слова: «Я говорил тебе раньше, что когда Дхананджая находится рядом, то Юдхиштхиру невозможно схватить в сражении даже самим богам. Хотя все вы и нападали на него в сражении, однако Партха расстраивал все ваши попытки. Не сомневайся в моих словах: Кришна и Пандава непобедимы!

Но если Владельца белых коней любыми средствами можно будет отвлечь, тогда Юдхиштхира, о царь, скоро попадет под твою власть! Пусть кто-нибудь вызовет (Арджуну) на битву и уведет его в (какое-нибудь) другое место (поля брани). Ведь сын Кунти, не победив его, ни за что не вернется оттуда,. Тем временем, когда (Арджуны) не будет рядом с ним, я, о царь, захвачу царя справедливости, пробившись через строй (пандавов) на глазах у Дхриштадьюмны!

Если же, оставшись без Арджуны, он не покинет поля боя при виде меня, устремляющегося к нему, то знай, что он уже схвачен. Таким образом, о царь, я без сомнений быстро приведу сегодня Юдхиштхиру вместе с его свитой под твою власть. И если даже хоть на мгновение Пандава будет стоять (передо мной) в сражении, то он будет уведен (мною) с поля битвы. И тот (подвиг) будет тогда более отличительным (по величию своему), нежели победа (над войском пандавов)!»

Услышав слова Дроны, повелитель тригартов 6 вместе с братьями; о царь, сказал тогда такие слова: «Мы, о царь, терпим унижения от Обладателя лука гандивы. Хотя мы не причиняем ему обид, он всегда наносит нам оскорбления, о бык из рода Бхараты! Помня о тех различных унижениях, мы, сжигаемые огнем гнева, никогда не могли спать ночами.. Вооруженный дивным оружием, он (будет) стоять в поле нашего зрения. Поэтому мы сделаем все то, что в наших сердцах и что мы стремимся выполнить, – то, что будет приятно для тебя и что принесет нам славу! Выманив его с поля боя, мы убьем его. И пусть земля сегодня будет без Арджуны или же пусть будет она без тригартов! Воистину клянемся тебе в этом! И клятва эта (никогда) не будет ложной!»

И Сатьяратха, сказав то же самое, и Сатьядхарман, о потомок Бхараты, Сатьяварман и Сатьешу, а также Сатьякарман, – те пятеро братьев с десятью тысячами колесниц вернулись, о великий царь, (к Дурьйодхане), дав такую клятву на поле брани. Также малавы и тундикеры с тремя десятками тысяч колесниц; также Сушарман из Тригарты – тот тигр среди мужей, повелитель прастхалов, вместе с мачеллаками и лалиттхами, а также мадраками,9 в сопровождении десяти тысяч колесниц, – и он тоже дал клятву вместе с братьями. И еще десять тысяч (воинов) на колесницах из различных областей – превосходные из превосходнейших – прибыли туда, чтобы дать клятву.

Тогда, принеся огонь и сделав каждый приготовления для его возжигания, все взяли одеяния из травы куша и изящные панцири. И облаченные в доспехи, умащенные топленым маслом, в одеяниях из травы куша, опоясанные тетивами своих луков, герои те, раздавшие сотни и тысячи (жертвенных) даров (брахманам), совершившие (множество) жертвоприношений и имеющие сыновей, достойные блаженных миров (после смерти), выполнившие все обязанности (в этом мире) и готовые положить свои жизни (в бою), намеревающиеся посвятить

свои души достижению славы и победы и желающие быстро отправиться, (сразившись) в честном бою, в потусторонние миры, которые достижимы только через жертвоприношение с богатыми дарами (брахманам), а также (через) обряды, из коих главные – обет воздержанияu и изучение вед, – те герои, которые ублажили, каждый порознь, брахманов, дав им золотых нишков, коров и одежды, и приятно побеседовали друг с другом, зажгли тот огонь и дали свой обет в битве. И перед тем огнем твердые в своей решимости, они (торжественно) скрепили свою клятву. И приняв решение убить Дхананджаю, они дали клятвенное обещание и во всеуслышание всех существ возвестили (об этом) в громких словах:

Те миры, которые уготованы для тех, кто всегда говорит ложно, те, которые – для убивающих брахмана, те миры, которые уготованы для пьющих хмельное и для тех, кто предавался наслаждениям с супругой своего учителя; те, которые предназначены Для похищающего имущество брахмана или для утаивающего (предоставляемые) царем средства к жизни, а также для того, кто покидает прибегшего в поисках прибежища или убивает просящего (о благосклонности); те, которые уготованы для поджигающих дома или же для тех, кто убивает коров, те миры, которые предназначены для наносящих оскорбления (другим), а также для тех, кто ненавидит брахманов; те, которые уготованы для тех, кто в невменяемом состоянии приближаются к своим женам во время, благоприятное для зачатия, а также для тех, кто домогается связи с ними, когда они совершают поминальные жертвы (усопшим предкам), или для тех, кто причиняет вред самим себе; те, которые предназначены для тех, кто присваивает (незаконно) доверенный им вклад, или для тех, кто нарушает обещание, или для тех, кто сражается в ярости или для тех, кто следует за низкими; те миры, которые уготованы для тех, кто отрицает существование богов, или для тех, кто покидает (священные) огни, свой гороскоп и родителей, а также те, которые предназначены для грешных, – те миры обретем мы, если, не убив в бою Дхананджаю, мы возвратимся (с поля брани) или если, конечно, сильно измученные им, мы со страху не повернем вспять! Если же, напротив, мы совершим в битве подвиги, трудновыполнимые в мире, тогда без сомнений мы достигнем желанных миров, уготованных для добродетельных!»

Сказав так, о царь, герои те двинулись тогда на битву, вызывая Арджуну к той стороне (поля брани), которая излюблена для теней усопших предков. Вызванный теми мужами-тиграми, Партха, покоритель вражеских городов, сказал царю справедливости такое слово без всякого промедления: «Вызванный, я никогда не поверну вспять, – таков данный мною обет. Эти же воины, поклявшиеся победить или умереть, вызывают меня все снова и снова! И сей Сушарман вместе с братьями вызывает меня на битву. Благоволи же дать мне дозволение убить его вместе с его приверженцами. Не могу я (спокойно) переносить этого вызова, о бык из рода Бхараты! Торжественно обещаю тебе: считай, что враги уже убиты в бою!»

Юдхиштхира сказал:
Ты слышал, о сын мой, о том, что намерен сделать Дрона! Действуй таким образом, чтобы то намерение его оказалось тщетным. Ведь Дрона могуч. Он герой, искушенный во владении оружием и не ведающий усталости! Ведь это им дано было клятвенное обещание схватить меня, о могучий воин на колеснице!

Арджуна сказал:
Этот Сатьяджит, о царь, будет сегодня твоим защитником в битве, «Ибо пока царевич Панчалы будет жив, наставник не сможет никогда достичь своего желания. Но если все же этот тигр среди людей – Сатьяджит будет убит в сражении, о владыка, тебе тогда ни в коем случае нельзя будет оставаться (на поле брани), даже если будешь (окружен) совокупно всеми (нашими воинами).

Санджая сказал:
Тогда царь дал свое дозволение Пхальгуне (выступить) и обнял его. «Он глядел на него с любовью и наделил его разного рода благословениями. И оставив Юдхиштхиру, могучий Партха двинулся против тригартов, подобно тому как голодный лев ради утоления голода бросается на стадо антилоп. Тогда войско Дурьйодханы, охваченное великой радостью из-за отъезда Арджуны, воспылало сильным гневом, дабы схватить Юдхиштхиру. И оба те войска со всею мощью пришли затем в соприкосновение Друг с другом, будто Ганга и Сараю в период дождей, когда их бурные потоки вздулись от воды.

Так гласит глава шестнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 17

Санджая сказал:
Тогда саншаптаки, о царь, преисполненные радости, расположились на ровной местности, образовав вместе с колесницами боевой строй, называемый полумесяцем. И увидя подъехавшего к ним Носящего диадему, о достойнейший, те тигры среди людей от радости подняли тогда громкие крики. И тот шум наполнил небо и все страны света, главные и промежуточные.

И оттого, что равнина была покрыта только людьми, не раздавалось там никакого отзвука. Заметив, что (все) они весьма обрадованы, Дхананджая, улыбнувшись слегка, сказал Кришне такое слово: «Посмотри, о имеющий матерью Деваки, на этих братьев-тригартов, которые готовы сегодня уже умереть в бою: они преисполнены радости, в то время как нужно плакать! Или же это, без сомнения, час восторга для три-гартов, ибо они должны будут обрести высочайшие миры, недостижимые для трусов!»

Сказав так Хришекеше, могучерукий Арджуна ринулся на войско тригартов, построенное в боевые порядки на (поле) сражения, «Взяв затем свою раковину девадатту, украшенную золотом, Пхальгуна затрубил в нее, наполняя все стороны света великим смятением. И перепуганное тем ревом войско саншаптаков стояло неподвижно в сражении, как бы окаменевшее. И все животные их стояли с широко раскрытыми глазами, с ушами и шеями онемевшими, с ногами неподвижными. И они испускали мочу и изрыгали кровь. Обретя вновь сознание и расположив войска (в должном порядке), саншаптаки все сразу выпустили в сына Панду стрелы с оперениями цапли.

Способный с быстротой проявлять свою доблесть, Арджуна десятью и пятью стрелами рассек те тысячи стрел еще до того, как они смогли достичь его. Тогда в ответ (саншаптаки) пронзили Арджуну каждый десятью острыми стрелами. А Партха в свою очередь пронзил каждого из них тремя стрелами. Затем каждый из них, о царь, пронзил Партху пятью стрелами, а он, великий в своей отваге, пронзил в ответ каждого из противников двумя стрелами.

И снова опять, охваченные яростью, окатили они Арджуну вместе с Кешавой (потоками) стрел, как (облака) своими ливнями (заливают) озеро. И те тысячи стрел падали на Арджуну, как рои пчел – на кущи цветущих дерев в лесу. Затем Субаху пронзил глубоко диадему Савьясачина тридцатью стрелами, столь твердыми, словно сделанными из железа. Благодаря тем прямым стрелам с золотым оперением, вонзившимся в диадему, Носящий диадему сиял, как жертвенный столб, воздвигнутый (при священном обряде), увитый вокруг золотыми гирляндами. Пандава затем в пылу сражения срезал стрелою с серповидным острием кожаный нарукавник (от ударов тетивы) у Субаху, а его же самого окатил ливнями стрел.

Но тут Сушарман и Суратха, Судхарман, Судханус и Субаху ударили в Носящего диадему десятью стрелами. В ответ (Партха) с изображением превосходнейшей обезьяны на знамени пронзил всех их множеством стрел каждого и срезал несколькими широко заостренными стрелами древки их знамен, сделанные из золота. И рассекши лук Судханвана, он убил своими стрелами его коней. Затем он снес ему голову с туловища вместе со шлемом. И когда пал тот герой, его сподвижники пришли в ужас. И перепуганные, они в паническом страхе побежали все туда, где находилось войско Дурьйодханы.

Тогда сын Васавы, преисполненный гнева, стал истреблять то могучее войско непрерывной сетью своих стрел, подобно тому как солнце (уничтожает) тьму своими лучами. И тут, когда войско то было разбито и кинулось во все стороны, а Савьясачин был разгневан, тригартов обуял страх. Истребляемые Партхой при помощи прямых стрел, они лишались чувств всюду там, где стояли, подобно перепуганным стадам антилоп. Тогда царь тригартов, обуянный гневом, сказал тем могучим воинам: «Довольно вам убегать, о герои! Вы не должны поддаваться страху!

Произнеся страшные клятвы на глазах у всего войска и (теперь) отправляясь к войску Дурьйодханы, что вы скажете, о идущие во главе (отрядов)? Как бы не подверглись мы осмеянию в мире из-за подобного (трусливого) поступка в сражении? Так будем же все вместе! Вернитесь же, (чтобы сражаться) в соответствии с вашей силой!» И вняв сказанному, о царь, герои те издали многократно громкие крики и затрубили в свои раковины, радуя друг друга. Затем те отряды саншаптаков вновь вернулись (на поле брани), а также пастухи-нараяны, избрав только смерть (причиной) отвращения (от битвы).

Так гласит глава семнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 18

Санджая сказал:
Увидев, что отряды саншаптаков снова возвратились (на поле брани)г Арджуна, обратившись к великому духом Васудеве, сказал: «Погоняй коней, о Хришикеша, навстречу отрядам саншаптаков. Они не покинут поля битвы живыми. Таково мое мнение. Ты увидишь страшную мощь оружия моего, моих рук и лука. Сегодня я уничтожу всех их, как разгневанный Рудра (уничтожает) существа (в конце юги)». И тогда Кришна улыбнулся, неодолимый, и, радуя его благоприятною (речью), примчал Арджуну в те места, куда он желал направиться. И везомая в битве белыми конями, колесница та сверкала там подобно божественной колеснице, везомой по небу. И она описывала круги, то двигаясь вперед, то возвращаясь назад, как некогда, о царь, колесница Шакры – в битве между богами и асурами.

Тогда нараяны, с различным оружием в руках, разгневанные, окру-жили Дхананджаю, покрывая его ливнями стрел. И они, о бык из рода Бхараты, в одно мгновение сделали сына Кунти Дхананджаю вместе с Кришной совсем невидимым в бою. Но тут Пхальгуна, преисполненный гнева, удвоил свою мощь и, быстро натерев тетиву, (крепко) сжал лук гандиву в том сражении. И сдвинув брови на своем лице – явный признак гнева, – Пандава подул в большую раковину девадатту. Затем Арджуна метнул оружие тваштра, способное убивать совокупно большие скопища врагов.

И сразу же появились там, каждый в отдельности, тысячи образов (самого Арджуны и Васудевы). Приведенные в замешательство теми совершенно отличными образами, схожими с их собственным, (воины те), принимая друг друга за Арджуну, стали убивать самих себя. «Это Арджуна! Это Говинда! Это – отпрыск из рода Яду и сын Панду!» – так восклицая, они, сбитые с толку, убивали друг друга в битве. Приведенные в замешательство величайшим ору-

жием, они обрекали себя на взаимное истребление. И те воины, (убивающие друг друга) в той битве, выглядели красиво, подобно цветущим деревьям киншука. И обратив в пепел тысячи стрел, выпущенных ими, то (могучее) оружие отправило героев тех в обиталище Ямы.

Тогда Бибхатсу, засмеявшись, стал уничтожать своими стрелами воинов (из племени) лалиттхов, малавов, мачеллаков и тригартов. Меж тем как те кшатрии, побуждаемые судьбой, были истребляемы тем героем, они выпустили в Партху ливни разного рода стрел. И окутанные страшным ливнем стрел, ни Арджуна, ни колесница и ни Кешава не были больше видны. И так как их стрелы, (как им казалось), попадали в цель, они, (одобряя) друг друга, издавали громкие крики. Обрадованные при мысли, что оба Кришны уже убиты, они размахивали своими одеждами. И герои те стали также дуть в раковины и ударять в тысячи литавр и барабанов и издавали зычные львиные рыки и кличи, о достойнейший! И Кришна тогда покрылся потом и, утомленный, сказал Арджуне: «Где ты, о Партха? Я не вижу тебя! Жив ли ты, о губитель врагов?» Узнав его в человеческом естестве, Пандава, знающий суть естества, рассеял при помощи оружия ваявья тот поток стрел, обрушенный его врагами. И тогда благодатный Ваю, (покровительствующий над тем могучим оружием), унес толпы саншаптаков вместе с конями, слонами, колесницами и оружием, словно это были кучи сухих листьев. И уносимые ветром, о царь, они выглядели очень красиво, будто (стаи) птиц, о достойнейший, в то время, когда они слетают с деревьев.

Затем Дхананджая, измотав их таким образом и действуя с большой быстротой, убил сотни и тысячи их острыми стрелами. Он снес им головы, а также отсек им руки вместе с (зажатым в них) оружием при помощи стрел с серповидными остриями. И он валил на землю (отсекая) своими стрелами их бедра, напоминающие хоботы слонов. У одних были искалечены спины, у других были отняты ноги, а у иных вылезли мозги и глаза и были оторваны пальцы.

Так Дхананджая лишил своих врагов различных членов тела. И их колесницы, снаряженные согласно правилам, видом своим напоминающие иллюзорный город гандхарвов (в воздушном пространстве), он разнес на куски своими стрелами, лишив их коней, ездоков и слонов. И там и тут многие скопления колесниц со срезанными древками знамен выглядели словно рощи пальм, лишенных своих вершин. Слоны с превосходнейшими воинами (на своих спинах), со знаменами, стрекалами и вооружением падали, подобно лесистым горам, расколотым громовой стрелою Шакры. Увенчанные султанами из буйволовых хвостов и покрытые панцирями, с внутренностями, глазами и дыханием исторгнутыми, кони вместе с их всадниками валялись на земле, сраженные стрелами Партхи.

С ногтями (оставшимися у них) вместо мечей, разбросанных вокруг, со щитами, копьями и дротиками, рассеченными (на части), с панцирями разбитыми, пехотинцы беспомощно лежали (на поле брани), убитые (стрелами Арджуны). И из-за тех воинов, убитых или еще убиваемых, падающих и уже павших, мятущихся вокруг или громко вопящих, поле битвы являло собою вид ужасный. И густая пыль, поднявшаяся (в воздух), была успокоена потоками крови (вызванными оружием Арджуны). А земля стала непроходимой, устланная сотнями безглавых тел.

И колесница Бибхатсу сверкала в сражении ужасно-отвратно, будто место игрищ самого Рудры, истребляющего существа при гибели мира. Убиваемые так Партхой, (воины) те вместе с конями, колесницами и слонами, явшк тайными (в бою), все же продолжали нападать на него, хотя, погибая, они должны были стать гостями Шакры. И то поле брани, о лучший из рода Бхараты, усеянное убитыми могучими воинами, сражавшимися на колесницах, выглядело (страшным), будто (обиталище Ямы), заполненное отовсюду душами усопших. Тем временем, когда Савьясачин был до неистовства занят (саншаптаками), Дрона во главе войска, построенного в боевые порядки, нагрянул на Юдхиштхиру. И войска, способные нано-

сить поражение, в боевом порядке последовали поспешно за ним, горя желанием схватить Юдхиштхиру. И битва, которая произошла там была чрезвычайно свирепой и яростной.

Так гласит глава восемнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 19

Санджая сказал:
Проведя ту ночь, сын Бхарадваджи, могучий воин на колеснице, обратившись тогда многократно к царю Суйодхане, о царь, сделал приготовления из-за (сражения) Партхи с отрядами саншаптаков. И после того как Партха выступил из поля брани для истребления саншаптакову Дрона во главе войска, построенного в боевые порядки, двинулся тогда против могучего войска пандавов, о лучший из рода Бхараты, горя желанием схватить царя справедливости. Но увидев, что сыном Бхарадваджи построены (войска) боевым строем в виде Гаруды, Юдхиштхира тогда расположил (свои войска) в противовес строем в форме полукруга. Пастью строя Гаруды был сам сын Бхарадваджи, могучий воин на колеснице, а головой того строя стал царь Дурьйодхана вместе со своими единоутробными братьями и приверженцами. Глазами строя стали Критаварман и сын Гаутамы, лучший из мечущих (стрелы). А Бхутаварман, Кшема-шарман и доблестный Каракарша, калинги, синхалы и восточные племена, шуры, абхиры и дашераки; шаки, яваны и Камбоджи, а также хансапады, шурасены, дарады, мадры и кекайи, с потоками слонов, конницы, колесниц и пехотинцев, сотнями и тысячами расположились у шеи (этого строя).

Бхуришравас, Шала и Шалья, Сомадатта и Бахлика – эти герои, окруженные акшаухини войска, заняли место у правого крыла. А Винда и Анувинда – оба царевича Аванти, и Судакшина, правитель Камбоджи, примкнув к левому крылу, стояли там под предводительством сына Дроны. У спины (строя Гаруды) расположились калинги с амбаштхами, магадхи, паундры и мадраки; гандхары, предводительствуемые Шакуни,46 горные племена и васати. В хвосте (строя) стоял сын Викартаны (Карна) вместе со своими сыновьями, родственниками и друзьями и в окружении могучего войска, осененного различными знаменами. Джаядратха и Бхимаратха, Саньятрика, Сабха и Джая; Бхуминджая, Вриша и Кратха и могучий правитель нишадхов – все искушенные в битве, окруженные огромным войском и (явно зрящие) перед собою мир Брахмы, стояли, о царь, у хребта того строя. Боевой строй, построенный Дроной, благодаря пехотинцам, коннице, колесницам и слонам, казалось, вздымался, подобно океану, взбушевавшемуся от ветра.

С крыльев и с боков того (строя) начали выступать (воины), жаждущие сражаться, подобно тому как грозовые облака, пронизанные молнией, ползут со всех сторон (небосвода) на исходе жаркой поры. И в середине его, восседая на снаряженном, как должно, слоне, властитель Прагджьйотиши блистал, о царь, подобно восходящему солнцу. В гирляндах из цветов, о царь, с белым зонтом, поддерживаемым над головой, он выглядел подобно месяцу в полнолунье, когда он вошел в соприкосновение с созвездием Криттика.

И его слон, слепой от опьянения течкой, уподобляясь груде черной сурьмы, казалось, являл собою (зрелище), какое представляет огромная гора, окаченная (ливнями) из могучих туч. И (правитель Прагджьйотиши) был окружен многочисленными царями-героями из горных областей, украшенными различным оружием, словно Шакра, окруженный сонмами богов. Тогда Юдхиштхира, видя тот сверхчеловеческий боевой строй, непобедимый в битве врагами, сказал такое слово сыну Паршаты: «О владыка, обладающий конями цвета голубиного, пусть будут предприняты такие меры, дабы я не попал сегодня во власть брахмана!»

Дхриштадьюмна сказал:
Ты о строгий в обете, никогда не попадешь во власть Дроны, как бы он ни старался! Я сам буду сдерживать сегодня Дрону вместе с его приверженцами! Пока я жив, о Кауравья, ты не должен испытывать тревогу. Ибо ни в каких случаях Дрона не способен победить меня в битве!

Санджая сказал:
Сказав так, могучий сын Друпады, обладающий конями цвета голубиного, рассеивая стрелы, ринулся сам на Дрону. Видя (для себя) недоброе предзнаменование в Дхриштадьюмнег стоящем пред ним, Дрона в один миг как бы совсем приуныл душою. Но заметив это, сын твой Дурмукха, тот сокрушитель врагов, желая сделать приятное Дроне, стал сдерживать Дхриштадьюмну. И произошла тогда свирепая, в равной мере (для обеих сторон), битва между храбрым сыном Паршаты и (твоим сыном) Дурмукхой, о потомок Бхараты!

Затем сын Паршаты, быстро покрыв Дурмукху сетью стрел, отразил сына Бхарадваджи могучим потоком стрел. Видя, что Дрона остановлен, твой сын с большой стремительностью привел в замешательство сына Паршаты потоками различного рода стрел. Меж тем как оба первейших (героя) из панчалов и кауравов были заняты в битве, Дрона рассеял своими стрелами во многих частях (поля) Юдхиштхирино войско. Подобно тому как облака разгоняет во все стороны ветер, так были рассеяны повсюду (Дроной) войсковые части Партхи.

Только на короткое мгновение битва та являла собою прекрасный вид. А затем, о царь, она превратилась в сражение обезумевших (людей), не знающее границ морального свойства. И не могли уже больше, о царь, различаться друг от друга ни свои, ни враги. И битва та продолжалась уже такими средствами (когда воины руководствовались) одними лишь умозаключениями и подаваемыми знаками. На жемчужинах их головных уборов, на золотых ожерельях и других украшениях, на ножнах мечей отражались лучи света, блеском подобные солнечным. А вид колесниц, слонов и коней с развевающимися на них знаменами, казалось, в том сражении уподоблялся облакам, пестреющим вереницами журавлей.

И люди убивали людей, горячие Кони убивали коней, воины на колесницах убивали воинов, сражающихся на колесницах, слоны – отборнейших слонов. И в одно мгновение произошла свирепая и страшная битва между слонами с поднятыми на них знаменами и их могучими (противоборствующими) соперниками. И в то время как они соприкасались своими телами и терлись друг о друга, возник огонь, смешанный с дымом от (такого) трения множества бивней о бивни. Лишенные знамен (на своих спинах), они из-за огня, порожденного их бивнями, выглядели подобно облакам, в сопровождении молний заполнивших небосвод.

И земля, усеянная слонами, гибнущими, ревущими и падающими, казалось, стала подобна осеннему небу, покрытому облаками. И рев тех слонов, убиваемых стрелами и пиками, воспринимался как рокот облаков в дождливую пору. Некоторые огромные слоны, раненные копьями и стрелами, были охвачены паническим страхом; другие убегали (с поля)1 под громкие крики всех существ.

Другие же слоны, получившие удары бивнями от (противоборствующих) слонов, поднимали страшный, мучительный рев, будто (разрушительные) облака при гибели мира, (издающие ужасающий грохот). Иные слоны, повернутые назад могучими слонами-соперниками, вступали снова (в битву), понукаемые отменными стрекалами, и сокрушали (вражеские ряды). Погонщики слонов под ударами стрел и копий вражеских погонщиков падали на землю со (спин) своих слонов, выпуская из рук оружие и стрекала. И слоны, лишенные своих погонщиков, испускали протяжный рев там и тут, уподобляясь разрозненным облакам, (издающим глухой рокот), и затем падали, сшибаясь друг с другом. Некоторые огромные слоны, нося-

щие на (своих спинах) убитых (воинов), сдерживаемые превосходнейшим оружием, бродили по всем направлениям, словно одинокие слоны.

Иные же слоны, получившие удары и преследуемые ударами копий, мечей и секир, падали среди того ужасающего побоища, испуская мучительный рев. И под влиянием внезапных ударов от их падающих повсюду тел, подобных скалам, земля содрогалась и гудела. И покрытая со всех сторон слонами, убитыми вместе со своими наездниками, со знаменами, (повисшими на их спинах), земля казалась прекрасной, будто усеянная горами.

И погонщики слонов на их спинах с сердцами, пронзенными в пылу сражения воинами посредством стрел с серповидными остриями, падали наземь, выпуская (из своих рук) стрекала и копья. Еще другие слоны, пораженные железными стрелами, издавали (жалобные) крики, подобно цаплям, и разбегались во все стороны, сокрушая своих и чужих (на своем пути).

И устланная грудами тел слонов, коней и воинов, сражавшихся на колесницах, земля, о царь, превратилась в месиво из мяса и крови. И огромные колесницы, с колесами и без колес, будучи сначала разбиты остриями бивней, подбрасывались слонами вместе с находившимися на них воинами. Многие колесницы были лишены своих воинов. А кони, лишенные своих седоков, и слоны, чьи наездники были убиты, разбегались в разные стороны, терзаемые стрелами.

Там отец убивал сына а сын убивал отца, ибо битва, которая происходила там, была свирепой и ничего невозможно было различить. Вплоть до самых лодыжек люди погружались в кровавое месиво и уподоблялись высоким деревьям, объятым (снизу) сверкающим пламенем лесных пожаров.

И оттого, что одежды и панцири, зонты и знамена были окрашены кровью, все казалось кроваво-красным (на поле брани). Груды (тел) убитых коней и воинов и груды поваленных колесниц, по которым уже прокатились (колесницы), были вновь изъезжены не раз ободами (колес) колесничных. И то море войск со слонами вместо могучих потоков, с мертвыми людьми вместо морских трав и моха, с отрядами колесниц вместо бурных водоворотов выглядело (ужасно) красиво.

Воины с конями и слонами 6в вместо огромных лодок, жаждущие победы взамен богатства, погружаясь в него, не тонули, а пытались сбить с толку (своих врагов). И когда (все) воины, имея отличительные знаки неповрежденными, были окачены ливнями стрел, никто из них не мог прийти в чувство, лишенный своих знаков. Меж тем как происходила так свирепая и страшная битва, Дрона, приведя в замешательство своих врагов, ринулся затем на Юдхиштхиру.

Так гласит глава девятнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 20

Санджая сказал:
Тогда Юдхиштхира, видя, что Дрона оказался в непосредственной близости от него, бесстрашно перехватил его могучим ливнем стрел.

И тут же поднялся громкий крик одобрения в Юдхиштхирином войске подобно (реву, какой наблюдается) среди слонов, когда их вожака пытается схватить могучий лев. При виде Дроны храбрый Сатьяджит, воистину отважный, бросился на наставника, желавшего схватить

Юдхиштхиру. И стали тогда сражаться друг с другом наставник и царевич Панчалы, возбуждая то войско, подобно Индре и сыну Вирочаны.

Затем наставник десятью острыми стрелами, способными поразить жизненно важные места, пронзил Сатьяджита, рассекши его лук вместе со стрелами. Но он, исполненный доблести, быстро взяв другой лук, стремительно поразил Дрону двадцатью стрелами, снабженными оперением цапли. Узнав, что Дрона сильно тесним Сатьяджитом, панчалиец Врика поразил Дрону сотнями острых стрел. При виде Дроны, могучего воина на колеснице, так покрываемого (стрелами), пандавы, о царь, закричали (от радости) и размахивали своими одеждами.

Затем, о царь, могучий Врика, охваченный сильной яростью, пронзил Дрону в середину груди шестьюдесятью стрелами. И подвиг тот казался весьма удивительным. Но Дрона, могучий воин на колеснице, полный , неистовой стремительности, покрываемый ливнем (вражеских) стрел, раскрыл широко глаза и собрал всю свою мощь. И рассекши луки Сатьяджита и Врики, Дрона шестью стрелами убил Врику вместе с его возницей и конями. Тогда Сатьяджит, взяв другой, еще более тугой лук, пронзил стрелами Дрону вместе с его конями, возницей и знаменем. Но Дрона не мог перенести тех мучений в битве, (испытываемых) от царевича Панчалы. И для сокрушения своего врага он быстро выпустил в него стрелы. И Дрона окатил тогда тысячами ливней из стрел коней и знамя (своего противника), рукоять лука и обоих возниц, правящих пристяжными конями. Но хотя его луки были так рассекаемы все снова и снова, царевич Панчалы, сведущий в высочайшем оружии, продолжал сражаться с Обладателем рыжих коней. Заметив, что Сатьяджит столь надменно вознесся в свирепой битве, Дрона отсек голову тому благородному (воину) стрелой заостренной в виде полумесяца.

Когда был убит выдающийся (герой) среди панчалов, тот бык среда воинов, сражающихся на колесницах, Юдхиштхира, испугавшись Дроны, пустился в бегство на быстрых конях. Тогда панчалы, кекайи и матсьи, чеди, каруши и косалы, обрадованные, следя за Юдхиштхирой, ринулись на Дрону. Однако наставник, губитель скопищ врагов, желая схватить Юдхиштхиру, стал рассеивать те подразделения войск, подобно тому как ветер сметает кучи хлопка. И меж тем как Дрона уничтожал все снова и снова те и другие отряды войск (пандавов), на него устремился Шатаника, младший брат правителя матсьев. Пронзив Дрону вместе с его возницей и конями шестью стрелами, блестящими как лучи солнца и гладко зачищенными кузнецом, он издал зычные рыки. И когда он все кричал так, Дрона стрелою, заостренной в виде бритвы, быстро снес ему голову с плеч вместе с серьгами. После этого матсьи разбежались. Одолев матсьев, сын Бхарадваджи стал затем побеждать чедиев, карушев и кекаев, панчалов, сринджаев и пандавов все снова и снова.

При виде его на золотой колеснице, охваченного гневом и опустошающего отряды их войск подобно огню, (сжигающему) лес, сринджайи трепетали (от страха).

Ведь когда Дрона, стремительный в своих действиях и уничтожающий (неустанно) своих врагов, натягивал превосходнейший лук, звон его тетивы был слышен во всех направлениях. Лютые стрелы, выпускаемые им с большой ловкостью рук, сокрушали слонов, коней и пехотинцев у воинов, сражающихся на колесницах, и ездоков на слонах.

Как грохочущее грозовое облако в сопровождении ветра проливает на исходе холодов ливень из града, так и (Дрона, исторгая ливни стрел), вызывал страх у врагов. Внушающий чувство бесстрашия своим друзьям, тот могучий герой, великий стрелок из лука, рыскал по всем направлениям (поля брани), приводя в замешательство войско (врага). Украшенный золотом лук Дроны, неизмеримого в своей мощи, мы видели во всех направлениях, подобно вспышкам молнии среди туч. Дрона учинил среди войск панда-вов побоище великое, будто (его совершил) среди полчищ дайтьев сам Вишну, чтимый богами и асурами.

Тот правдоречивый и мудрый герой, могучий, воистину отважный и достойнейший Дрона заставил там течь реку, страшную, будто при разрушении мира, способную привести в ужас робких, гневную и грозную. И она уносила (своим течением) груды мертвых тел. Слоны и кони заменяли в ней громадных крокодилов, а мечи – рыб. И была она труднопроходима. Кости героев служили ей галькой, а литавры и барабаны – черепахами. Щиты и доспехи заменяли ей лодки, а волосы (воинов) – мох и зеленые лужайки. Стрелы служили ей потоками, а луки – течением, руки же (воинов) заменяли ей змей.

И страшная (та река), текущая по полю брани, уносила и кауравов и сринджаев. Головы людей заменяли ей камни; дротики служили ей рыбами, а палицы – плотами (дабы переправиться через нее). Головные уборы заменяли собою пену, покрывавшую поверхность ее, а вывалившиеся внутренности (животных) – ее пресмыкающихся. Суровая (видом своим), она уносила героев (в потусторонний мир). Мясо и кровь их служили ей трясиной.60 Слоны заменяли ей крокодилов, а знамена – деревья (растущие по ее берегам). И кшатрии (целыми толпами) тонули в ней.61 Свирепая, она была запружена (мертвыми) телами, воины, сражавшиеся верхом на конях и слонах, заменяли ей акул, и трудно было переправиться через нее. И река та текла к (обиталищу) причиняющего смерть (Ямы). И она оглашалась толпами кровожадных (ракшасов) и изобиловала стаями собак и шакалов. Она посещалась наистрашнейшими людоедами со всех сторон.

Тогда (воины пандавов), предводительствуемые сыном Кунти,62 обрушились со всех сторон на Дрону, того превосходнейшего воина на колеснице, сжигавшего отряды их войска, подобно самому богу смерти. Но тех героев, могучих лучников, окружили отовсюду цари и царевичи из рядов твоих (войск). Тогда Дрона, верный данному обещанию, подобный слону в периоде течки, пройдя через (вражеский) строй колесниц, низринул Дридхасену. Приблизившись затем к царю Кшеме, сражавшемуся бесстрашно, он пронзил его девятью стрелами.

И тот, сраженный, упал со своей колесницы. Достигнув потом середины (вражеских) войск, он рыскал по всем направлениям и становился защитником других, нисколько не нуждаясь в защите самого себя. Тут он пронзил Шикхандина двенадцатью стрелами и Уттамауджаса – двадцатью, а Васудану стрелою с серповидным острием он отправил в обиталище Ямы. И пронзил он еще Критавармана восьмьюдесятью стрелами и Судакшину – двадцатью шестью, а Кшатрадеву вышиб из кузова колесницы стрелою с серповидным острием.

И пронзив еще Ююдхану шестьюдесятью четырьмя -стрелами и Сатьяки – тридцатью, Дрона на золотой колеснице быстро настиг Юдхиштхиру. Тогда Юдхиштхира, лучший из царей, тот игрок, быстро умчался прочь оттуда на быстрых конях. И тут царевич Панчалийский ринулся на Дрону. Но Дрона убил его, сокрушив его лук, коней и возницу. И сраженный, он упал на землю со своей колесницы, подобно тому как светило (катится) с небосвода. И когда был убит тот царевич, создатель славы панчалов, раздались там громкие крики: «Убейте Дрону, убейте Дрону!»

И всех их, сильно разгневанных, стал тогда крушить и сильно беспокоить могучий Дрона – панчалов, матсьев и кекаев, сринджаев и пандавов. Окруженный кауравами, Дрона затем победил Сатьяки и Чёкитану, Дхриштадьюмну и Шикхандина, Вардхакшеми, Читрасену, Сенабинду и Суварчаса – этих и многих других властителей различных стран – всех (победил он) в битве. Твои же воины, о великий царь, одержав победу в великом сражении, стали убивать в пылу той битвы (воинов) пандавов, в то время как они разбегались во все стороны. И убиваемые так благородным (Дроной), словно данавы – Индрой, те панчальг, кекайи и матсьи содрогались (от страха), о потомок Бхараты!
Так гласит глава двадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 21

Дхритараштра сказал:
Когда пандавы были разбиты сыном Бхарадваджи в великом побоище, а также панчалы все, был ли там кто-нибудь другой, который приблизился (к Дроне, чтобы сразиться с ним)? Увидя Дрону, стоящего (в битве) подобно зевающему тигру или слону, одержимому течкой, готового пожертвовать жизнью в бою, хорошо снаряженного, способного сражаться различными способами, того могучего лучника, тигра среди мужей, увеличивающего горе врагов, благодарного и преданного правде, всегда желающего добра Дурьйодхане, – увидя его, не нашлось ли среди потерпевших поражение какого-нибудь человека – героя, мужа-воина или возницы, который мог повернуть (назад) с благородной решимостью сразиться (с ним), решимостью, которая возвеличивает славу кшатриев, которая не присуща людям низким, но свойственна выдающимся из людей.

Кто были те герои, которые приблизились к сыну Бхарадваджи, видев того героя, стоявшего так во главе своего войска? О том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Видя панчалов, пандавов, матсьев и сринджаев, чедиев и кекаев, обратившихся в бегство после того как они были рассеяны стрелами Дроны, видя их, так гонимых с поля брани ливнями уносящих жизни стрел, выпускаемых из лука Дроны, подобно лодкам, уносимым могучим течением (взбушевавшегося) океана, – кауравы с львиными рыками и под звуки различных музыкальных инструментов стали окружать их со всех сторон колесницами, слонами, пехотинцами и конницей.

Видя тех (воинов пандавов бегущими с поля), царь Дурьйодхана, стоя посреди своего войска и окруженный своими близкими и родственниками, преисполненный радости, сказал Карне, засмеявшись слегка:

«Посмотри, о сын Радхи, на панчалов, рассеянных неколебимым лучником Дроной своими стрелами, подобно лесным животным, перепуганным львом! Эти уже никогда не захотят снова вступить в битву – таково мое мнение! Они сломлены Дроной, как могучие деревья – ветром Мучимые стрелами с золотым оперением, (выпускаемыми) тем благородным (воином), они разбегаются не в одиночку, кидаясь туда и сюда.

Сдерживаемые кауравами, так же как и благородным Дроной, эти и другие столпились кругами, подобно (стадам) слонов, (прегражденных) огнем (пожара). Пронзенные острыми стрелами Дроны, словно (цветущие деревья, пронизанные) пчелами, эти (воины) тесно жались друг к другу, когда пустились в бегство (с поля боя). Вот Бхима, лютый в гневе, покинутый пандавами и сринджаями. Окруженный моими воинами, он как будто угрожает мне, о Карна! Очевидно, сей злонравный (воитель) видит мир сегодня всецело принадлежащим Дроне! Несомненно, Пандава сегодня утратил надежду на жизнь и царство!»

Карна сказал:
Этот могучерукий (герой) никогда не покинет поля боя, пока он жив. Ни он, о тигр среди людей, не может вынести этих львиных рыков (наших воинов), ни пандавы не будут разбиты в бою – таково мое мнение. Они храбры, наделены могучей силой, искусны во владении оружием и неодолимы в бою. Помня лишения, (перенесенные ими из-за наших попыток) отравить их ядом, предать огню или обыграть в игре в кости, помня также свое жительство в лесу, пандавы не покинут сражения – таково мое мнение.

Ведь могучерукий Врикодара, неизмеримый в своей мощи, оскорблен! Сын Кунти несомненно убьет множество лучших и превосходнейших из наших воинов, сражающихся на колесницах. Мечом, стрельбой из лука и дротиком, при помощи конницы и слонов, пехотинцев и колесниц,68 и железной булавой он уничтожит толпы и толпы (наших воинов). И за ним следуют эти воины на колесницах, возглавляемые Сатьяки, также панчалы, кекайи, матсьи и особенно пандавы. Храбры, наделены могучею силой и доблестью эти могучие воины, сражающиеся на колесницах, особенно когда они побуждаются (к бою) разгневанным Бхимой.

Те быки из рода Куру, стремясь окружить Врикодару, подобно тому как облака (заволакивают) солнце, начинают приближаться к Дроне со всех сторон. Всецело поглощенные единым стремлением, ведь они непре^ менно будут жестоко теснить незащищенного (Дрону), твердого в обете, подобно тому как мотыльки, находясь на грани гибели, причиняют беспокойство светильнику. Искусные во владении оружием, они несомненно способны противостоять (Дроне). Но слишком тяжело бремя, я полагаю, которое возложено на сына Бхарадваджи. Так последуем же быстро туда, где находится Дрона. Пусть они не убьют его, твердого в обете, как вороны (уничтожают) могучего слона!

Санджая сказал:
Выслушав слова Радхейи, царь Дурьйодхана тогда вместе с братьями, о царь, направился к колеснице Дроны. Там стоял оглушительный шум Среди воинов пандавов, возвратившихся к бою на превосходнейших конях различной масти, движимых желанием убить Дрону одного (отдельно -от других).

Так гласит глава двадцать первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 22

Дхритараштрасказал:
Расскажи мне, о Санджая, об отличительных знаках колесниц и всех тех, кто в порыве гнева и под предводительством Бхимы двинулись, против Дроны!

Санджая сказал:
Увидев Врикодару, поворачивающего на белоногих (как антилопы) конях, храбрый внук Шини (Сатьяки) устремился тогда на серебристых конях. Красивые кони из Камбоджи, покрытые шерстью, цветом подобной перьям попугая, везущие Накулу, быстро помчались к твоим (войскам). Вороные же кони, видом напоминающие облака, наделенные быстротою ветра, помчали со страшной стремительностью Сахадеву, того тигра среди мужей, с поднятым оружием.

На конях, покрытых сбруей из чистого золота, по быстроте равных ветру, устремились все войска за Юдхиштхирой. Вслед за царем следовал царь панчалов – Друпада с золотым зонтом (над головой), охраняемый всеми своими (воинами). На красивых гнедых конях, способных переносить всякий шум в битве, проследовал могучий лучник среди царей – Шантабхи. Вслед за ним двинулся Вирата вместе с храбрыми, могучими воинами, сражающимися на колесницах. А кайкейи, Шикхандин и Дхриштакету, окруженные соответственно своими войсками, последовали за царем матсьев.

Превосходные кони одинаковой масти с трубчатыми (бледно-красными) цветами выглядели весьма красиво, когда они увозили Матсью, губителя недругов. Быстрые кони желтой масти, украшенные золотыми цепочками, помчали с большой стремительностью сына царя Вираты (Уттару). Пятеро братьев кекаев промчались на конях масти, подобной1 насекомым индрагопака. Сияющие блеском, подобно золоту, все с пурпурными знаменами и украшенные зо-

лотыми цепочками, – все герои, искушенные в битве, – они, облаченные в доспехи, дождя (обильные стрелы), казались подобными облакам, проливающим (ливни).

С видом подобным необожженным горшкам, хорошо обученные, лихие кони медно-красной масти помчали Шикхандина, царевича Панчалы, неизмеримого в мощи. Также выступило тогда от панчалов двенадцать тысяч могучих воинов, сражающихся на колесницах. Из них же – шесть тысяч, которые последовали за Шикхандином. Сына же Шишупалы, того льва среди мужей, о достойнейший, помчали игривые кони пятнистой масти, подобной антилопам.

Непобедимый Дхриштакету, тот бык среди чедиев, возвысившийся чрезмерною силой, отправился на конях пестрой масти, происходящих из Камбоджи. А Брихаткшатру, юного царевича Кекайи, быстро помчали превосходнейшие кони из страны Синдху, мастью подобные цвету соломенного дыма. Кони с глазами, отмеченными белыми пятнышками, мастью подобные цвету лотоса, происходящие из Бахли, хорошо украшенные, помчали сына Шикхандина – храброго Кшатрадеву. Превосходные кони масти, подобной цвету цапли, помчали на битву юного и нежного сына повелителя Каши Абхибху – могучего воина на колеснице. А белые с черной гривой кони, наделенные быстротою мысли, послушные желаниям своего возницы, о царь, умчали царевича Прativиндхью.

Кони же масти, одинаковой с цветами бобового растения, помчали на битву сына Партхи Сутасому, которого он выпросил у Дхаумьи. Изображения тысячи лун (или сом) были в городе кауравов, по названию Удайенду. Так как он родился там (из пены) при выжимании сока сомы, то он стал (называться) Сутасома («Выжатый из сомы»).

Кони, мастью подобные цветам дерева шала или утреннему солнцу, умчали сына Накулы Шатанику, достойного восхваления. Кони с украшенными золотом поводьями, мастью напоминающие шеи павлинов, помчали того тигра среди людей Шрутакармана, сына Драупади (от Сахадевы). А сына Драупади (от Арджуны) – Шрутакирти, который, подобно Партхе, был океаном мудрости, умчали на битву превосходнейшие кони, кони масти наподобие перьев голубой сойки.

А темно-рыжие кони помчали на битву царевича Абхиманью, о котором говорят, что он в полтора раза превосходит Кришну и Партху в сражении. Могучие рослые кони умчали на битву Ююцу, который один-единственный из сынов Дхри-тараштры (покинув своих братьев) присоединился к пандавам. Ретивые а хорошо украшенные кони, мастью подобные стеблям соломы, помчали на страшную битву Вардхакшеми, наделенного большой стремительностью. А царевича Саучитти умчали на битву черноногие кони с на грудниками из золотых листов, послушные желаниям своего возницы.

Кони же со спинами, покрытыми золотыми доспехами, масти, подобной красному шелку, украшенные золотыми цепочками, терпеливые и выносливые, помчали Шренимана. Храбрые превосходнейшие кони золотистой масти, увешанные золотыми цепочками и хорошо украшенные, увезли царя страны Каши, достойного восхваления. Искушенного же в науке владения оружием и луком и равно в священных водах, Сатьядхрити, устремляющегося вперед, помчали красно-бурые кони.

А того царевича Панчалийского, предводителя войск (пандавов) – Дхриштадьюмну, который избрал Дрону своей долей (как достойного себе противника в предстоящем поединке), умчали кони цвета голубиного. За ним последовали Сатьядхрити и Саучитти, неодолимый в бою, Шрениман и Васудана и сын правителя Каши Абхибху. Они (последовали) на лихих быстрых конях лучших камбоджийских кровей, украшенных золотыми цепочками, – все подоб-

ные Яме или Вайшраване, – приводя в ужас войско врага. А прабхадраки м из панчалов, численностью в шесть тысяч, с поднятым оружием, на превосходнейших конях различной масти, с расцвеченными золотом знаменами на своих колесницах, с натянутыми луками, приводящие в трепет своих врагов потоками стрел, решив умереть вместе, последовали за Дхрищтадьюмной.

Превосходные кони масти рыжевато-коричневого шелка, увешанные красивыми золотыми цепочками, весело и бодро помчали Чекитану. Дядя же Савьясачина по матери Пуруджит, (иначе прозываемый) Кунти-бходжей, отправился на превосходнейших, хорошо послушных конях одинаковой масти с цветом радуги. А кони одинаковой масти с небесным сводом, будто расцвеченные звездами, умчали на битву царя Рочаману. Пестрые, черноногие, отличнейшие кони, покрытые золотой кольчугой, помчали сына Джарасандхи – Сахадеву. А превосходнейшие пестрые кони, которые одинаковы мастью со стеблями голубого лотоса и по быстроте равны соколам, помчали Судамана. Кони масти пятнистой красной лани, с бледно-желтыми полосками на теле, умчали царевича Панчалы Синхасену, сына Гопати.

У того тигра среди мужей – повелителя панчалов, который известен под (именем) Джанамеджая, были превосходнейшие кони одинаковой масти с горчичными цветами. Громадные, быстрые кони масти бобового цвета, украшенные золотыми цепочками, со спинами цвета кислого молока и с мордами, подобными луне, быстро помчали правителя панчалов. Храбрые красивоголовые кони, мастью подобные стеблям тростника, а блеском схожие с тычинками лотоса, умчали Дандадхару.

Выносливые кони, украшенные золотыми цепочками, с брюхом цвета утки чакраваки, увезли Сукшатру, сына повелителя косалов. Высокие, красивые кони громадных размеров, хорошо обученные, украшенные золотыми гирляндами, помчали Сатьядхрити, удачливого в битве. Шукла отправился на белых конях, со знаменем, в панцире и с луком (в руке) – все одинаково белого цвета. А сына Самудрасены – Чандрадеву, наделенного страшною мощью, помчали кони, рожденные на морском берегу, мастью подобные месяцу. Кони одинаковой масти с синим лотосом, украшенные золотом и красивыми гирляндами цветов, умчали на битву Шайбью Читраратху. Превосходнейшие кони масти цветов растения калая, с белыми и красными полосками, помчали Ратхасену, трудноодолимого в бою.

А того царя, сокрушителя патаччаров, о котором говорят, что он храбрейший из всех людей, увезли кони цвета-попугая. Увешанного красивыми гирляндами Читраюдху, в красивых , доспехах и вооружении и с красивым знаменем, умчали превосходнейшие кони одинаковой масти с цветами дерева киншука. (Царь) же Нила отправился на синих конях колесничных, со знаменем, в панцире и с луком (в руке) – все одинаково синего цвета.

С предохранительным щитом (от столкновения колесниц), со знаменем и луком (в руке) – все разукрашено разного рода жемчужинами – на красивых конях, с флажками и стягами выступил (на битву) Читра. А те превосходнейшие кони, которые были одинаковой масти с лепесткамш голубого лотоса, помчали Хемаварну, сына Рочаманы. Выносливые в битве и способные на славные подвиги кони, происходящие из стран Шараданда и Ануданда, с белыми яйцами, мастью подобные куриному яйцу, умчали Дандакету. Кони масти, подобной цветам кустарника атаруша, увезли сто сорок тысяч главнейших воинов, сражающихся на колесницах, последовавших за правителем пандьев. Кони различной масти и с разнообразными мордами номчали героя Гхатоткачу – знамя всех воинов, сражающихся на колеснице.

Превосходнейшие кони золотистой масти последовали со всех сторон за лучшим из царей – справедливым Юдхиштхирой, стоявшим во главе войска. А на отличных конях различной дивной масти проследовали прабхадраки. Все они с золотыми знаменами и старательно при-

готовившиеся (к битве), следуя вместе с Бхимасеной, выглядели, о царь царей, подобно небожителям с Индрой во. главе. И всех их, сплотившихся вместе, превосходил своим блеском Дхриштадьюмна. Однако же все войска затмевал своим блеском сын: Бхарадваджи.

Так гласит глава двадцать вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 23

Дхритараштра сказал:
Те воины, сражающиеся на колесницах, которые вернулись на битву во главе с Врикодарой, могли бы привести в расстройство даже войско самих богов. Право же, человек здесь рождается, уже подвластный велениям судьбы. И в ней-то (кроется причина), что все желания его в действительности представляются иными (чем хотелось бы ожидать). На длительное время был изгнан Юдхиштхира в лес, где жил он, нося заплетенную косу и облаченный в антилоповую шкуру.

Он также провел некоторое время, оставаясь неузнанным для людей. И вот, даже он собрал это обширное войско для сражения. Что иное могло это быть, кроме причастности злосчастной судьбы моего сына? Ведь несомненно, человек появляется на свет, уже связанный властью судьбы. И вследствие этого он втягивается в такие (условия), в каких (оказаться) сам он не желает. Ведь Юдхиштхира испытал тяжкие лишения, предавшись губительной страсти, связанной с игрой в кости. Но он, благодаря счастливой судьбе, вновь приобрел себе союзников.

«Наполовину кекайи обретены мною, также кашики и косалы! С другой стороны, чеди и ванги примкнули тоже ко мне. Обширная земля эта – для меня, о отец, но не для Партхи!» – так говорил мне, о возница, еще прежде зловредный Дурьйодхана.

Хорошо охраняемый среди полчищ его войск, Дрона был убит в бою сыном Парша ты! Чем же иным (это может быть), кроме (вмешательства) судьбы? Как, в самом деле, могла смерть настигнуть Дрону среди царей, – могучерукого, искушенного во всех видах оружия и всегда радовавшегося битве? Охваченный великим горем, я впадаю в полное замешательство.

Услышав, что Бхишма и Дрона убиты оба, я не смею жить больше. То, что прозорливый Кшаттри, о сын мой, сказал мне, преисполненному любви к своему сыну, то все, о возница, обретено теперь Дурьйодханой вместе со мною! Если, покинув Дурьйодхану, я захотел бы. спасти остальных сыновей своих, то такой (поступок) несомненно был бы крайне жестоким, но этот тяжкий грех не был бы смертью (для них), Ведь тот человек, который, оставив добродетель, предается только стяжательству, тот лишается (благ) этого мира и идет к низменному состоянию.

И сегодня также, о Санджая, я не вижу, чтобы осталось что-нибудь от этого (нашего) царства, когда сила его духа сломлена и когда сам хребет его сокрушен. Ибо как может остаться что-нибудь, когда оба» выдающихся героя, на которых всегда полагаясь мы живем, ушли (от нас) навеки, – ушли те оба быка среди людей, исполненные терпения? Это очевидно. Однако расскажи мне теперь, как происходила битва. Кто сражался там, кто рассеивал (врагов) и кто были те жалкие (воины), которые разбегались от страха?

Расскажи мне также о Дхананджае, о том, что делал тот бык среди воинов, сражающихся на колесницах Это от него (возникает) у нас сильный страх и особенно – от враждебного племянника (нашего). (Расскажи также), о Санджая, как случилось, когда пандавы возвратились

(на битву), то страшное столкновение между остатками моих войск (и возвратившимися воинами). И кого там остановили герои, которые находились среди моих (войск)?

Так гласит глава двадцать третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 24

Санджая сказал:
Когда пандавы возвратились (на битву), при виде Дроны, которого они покрывали (стрелами), как облака (закрывают) солнце, великий ужас охватил нас. Густая пыль, вздымаемая ими, окутала твое войско. И когда Дрона исчез с поля зрения, мы сочли его убитым. Видя тех храбрых и могучих лучников, стремящихся совершить свое страшное дело, Дурьйо-дхана без промедления стал понуждать свои войска. (Он обратился к ним с такими словами):

«О повелители людей, сдерживайте войско пандавов в меру ваших сил, смелости и скрытой мощи и в соответствии с обстоятельствами!» Тогда сын твой Дурмаршана, завидя Бхиму издалека, приблизился к нему и окатил его (ливнем) стрел, желая (уберечь) жизнь Дроны. Разгневанный в пылу сражения, он осыпал его стрелами, – подобного самой Смерти. Бхима тоже, в ответ, ударил в него стрелами; И страшной была тогда схватка, (которая произошла между ними).

Между тем те герои (в войске твоем), мудрые и искусно разящие, повелеваемые своими начальниками, отбросив страх перед смертью, ринулись против своих врагов в бою. Критаварман, о владыка народов, (пытался) задержать наступавшего сына Шини, того героя – украшение битвы, желающего перехватить Дрону. Но сын Шини, разъяренный, остановил его, исполненного гнева, потоками своих стрел. Критаварман же, в ответ, сдерживал его, как возбужденный от течки слон противоборствует другому взбешенному слону. А властитель Синдху, грозный лучник, остановил обрушившегося на него могучего лучника Кшатрадхармана, исторгавшего потоки стрел, стараясь (удержать его в стороне) от Дроны. Кшатрадхарман, срезав знамя и лук властителя Синдху, ударил в ярости многочисленными лютыми стрелами во все его жизненно важные места.

Тогда, взяв другой лук, правитель Синдху с большой ловкостью рук пронзил Кшатрадхармана в той битве стрелами, целиком сделанными из железа. Субаху усиленно удерживал в стороне от Дроны своего храброго брата Ююцу, могучего воина на колеснице, старавшегося (в битве) ради пандавов. Тогда Ююцу двумя острыми и хорошо закаленными стрелами отсек у Субаху обе руки, подобные железным брусьям, в то время как он одной рукой метал стрелы, а другой держал лук.

Правитель мадров сдерживал лучшего из пандавов – царя Юдхиштхиру, справедливого душою, как берег морской (сдерживает) взбушевавшийся океан. Царь справедливости осыпал его множеством стрел, способных пронзить жизненно важные места. А владыка мадров, в ответ пронзив сына Панду шестьюдесятью четырьмя стрелами, издал громкий рык. И когда он кричал так, лучший из пандавов двумя стрелами с бритво-подобными остриями срезал его знамя и лук, – и воины тогда приветствовали (его) громкими возгласами.

Также и царь Бахлика вместе со своим войском сдерживал стрелами царя Друпаду, напиравшего на него во главе своих войск. И та битва между двумя престарелыми (воинами), стоявшими во главе своих войск, была страшной, подобно схватке двух слонов – могучих вожаков своих стад, одержимых течкой. Винда и Анувинда – оба царевича Аванти – вместе с войсками двинулись против Вираты, царя матсьев, стоявшего во главе своего войска, как некогда Индра и Агни (выступили) против (демона) Бали.

И та страшная, беспорядочная битва между матсьями и кекаями, в которой кони, воины на колесницах и слоны сражались бесстрашно, напоминала сражение (некогда происходившее) между богами и асурами. Бхутакарман, он же Сабхапати, отвлекал от Дроны сына Накулы Шатанику, когда тот подступал, исторгая потоки стрел. Затем наследник Накулы тремя хорошо отточенными стрелами с серповидным острием лишил его рук и головы в том сражении. А Вивиншати сдерживал отважного Сутасому, героя, когда тот подступал к Дроне, исторгая ливни стрел. Сутасома же, однако, воспаленный гневом, пронзил своего дядю по отцу прямолетящими стрелами и, облаченный в доспехи, не отвратился (от битвы).

Затем Бхимаратха (брат Дурьйодханы) шестью острыми, быстролетящими железными стрелами отправил Шальву вместе с его конями и возницей в обиталище Ямы. А Шрутакармана, устремившегося на конях, мастью подобных павлинам, сдерживал сын Читрасены, твой внук, о великий царь! Те оба твоих внука, оба трудноодолимые (в бою) и жаждущие убить друг друга, сражались неистово ради успеха целей своих отцов. Увидев Пративиндхью, стоящего на головном участке боя, сын Дроньс (Ашваттхаман), желая охранить честь своего отца, сдерживал первого своими стрелами. Разгневанный, Пративиндхья тогда пронзил острымж стрелами Ашваттхамана, носящего изображение львиного хвоста (на своем знамени) и стоявшего в битве ради своего отца.

Сын же Дроны окатил (старшего) сына Драупади ливнями стрел, о бык среди мужей будто (сеятель), разбрасывающий семена (на почву) во время посева. Лакшмана (сын Дурьйодханы) сдерживал сокрушителя патаччаров, – того, о царь, кто среди обоих войск считается самым наихрабрейшим. Но тот, срезав лук и знамя Лакшманы, о потомок Бхараты, и исторгая на него потоки стрел, блистал великолепием.

Юный Викарна, наделенный большой мудростью, сдерживал Шикхандина, юного сына Яджнясены, в то время как тот выступил в сражении. Сын Яджнясены затем окутал его сетью своих стрел. Отразив тот поток стрел, могучий сын твой выглядел блистательно. Ангада сдерживал своими стрелами в битве храброго Уттамауджаса, когда тот ринулся на Дрону.

И та схватка между теми обоими львами среди людей была свирепой и увеличивала радость их обоих и всех воинов. Могучий лучник Дурмукха, наделенный большой силой, сдерживал храброго Пуру-джита, (иначе именуемого) Кунтибходжей, в то время как тот устремился на Дрону. Пуруджит ударил Дурмукху между бровей железной стрелою От этого лицо его выглядело красиво, подобно лотосу вместе со стебельком. А Карна сдерживал ливнями своих стрел пятерых братьев-кекаев, осененных красными знаменами, когда они ринулись на Дрону. Сильно разгневанные, они тоже осыпали его потоками своих стрел. Карна же, в ответ, покрывал их сетью стрел все снова и снова. Покрытые и заваленные стрелами, ни Карна, ни пятеро братьев совсем не были видны вместе с их конями, возницами, знаменами и колесницами.

Сыновья твои Дурджая, Джая и Виджая противодействовали Ниле, правителю Каши и Джае, – трое против трех. И битва та была страшной и увеличивала радость зрителей, подобно схватке между львом, тигром и гиеной (с одной стороны) и слоном, буйволом и быком – (с другой). Оба брата Кшемадхурти и Бриханта иссекли в битве острыми стрелами (Сатьяки) из рода Сатвата, в то время как он ринулся на Дрону. И та битва между ним и теми двумя казалась крайне удивительной, подобно схватке в лесу между львом и двумя отборнейшими слонами, одержимыми течкой. Царь чедиев, сильно разгневанный, меча стрелы, отвлекал от Дроны царя Амбаштху, – одного, всегда радующегося битве. Амбаштха же пронзил его длинной стрелою, способной пронзить самые кости.

И тот, выпустив (из рук) свой лук со стрелами, упал тогда с колесницы на землю. Благородный Крипа, сын Шарадвана, сдерживал небольшими стрелами Вардхакшеми из рода Вришни – само воплощение гнева (в битве). Те, кто взирали на Крипу и Вардхакшеми, сведущих в различных приемах ведения боя, сражающихся так друг с другом, – те были так в мыслях поглощены битвой, что не могли думать еще о других делах.

Сын Сомадатты ради возвеличения славы Дроны сдерживал царя Ма-нимана, всегда неутомимого, когда тот выступил (на битву). Маниман же быстро срубил лук и знамя, потом опять стяг, возницу и зонт сына Сомадатты и низринул его с колесницы. Поспешно спрыгнув затем с колесницы, тот губитель недругов, с изображением жертвенного столба на своем знамени, зарубил превосходным мечом своего противника вместе с его конями, возницей, знаменем и колесницей.

Затем, взойдя снова на свою колесницу и взяв другой лук, он, сам управляя конями, стал, о царь, уничтожать войско пандавов. Палицами и дубинками, дисками, короткими дротиками и секирами, пылью и ветром, огнем и водою, пеплом и комьями земли, соломой и деревьями причиняя страдания, разбивая и ломая, убивая и обращая в бегство (врагов), кидая их на (строй вражеского) войска и этим приводя его в ужас, явился тогда Гхатоткача, желая захватить Дрону.

Но с тем ракшасом столкнулся в схватке различным оружием и в различном боевом снаряжении ракшас Аламбуса, воспаленный гневом. И та битва между двумя выдающимися из вожаков ракшасов была подобна той, какая происходила некогда между Шамбарой и царем бессмертных. Так, – да будет тебе благо, – происходили сотни поединков между воинами на колесницах, слонами, конями и пехотинцами в твоем и их (войсках) при общем беспорядочном смешении.

В самом деле, подобной битвы никогда прежде не было видано или слышано, такой, как та, которая происходила между воинами, упорно сосредоточившимися на сокрушении или защите Дроны. И действительно, много было сражений, которые наблюдались там (повсюду на поле битвы). Некоторые из них были ужасные, некоторые – красивые, а некоторые – весьма свирепые, о владыка!

Так гласит глава двадцать четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 25

Дхритараштра сказал:
Меж тем как те (воины), вернувшись (для битвы), так выступали друг против друга по отдельным подразделениям, как сражались партхи и мои воины, наделенные большой стремительностью? Что также делал Арджуна против войска саншаптаков? И что делали саншаптаки, в свою очередь, по отношению к Партхе, о Санджая?

Санджая сказал:
Когда те (воины), вернувшись (для битвы), так выступали друг против друга по отдельным подразделениям, твой сын (Дурьйодхана) сам ринулся тогда на Бхиму вместе со своим отрядом слонов. Как слон (сражаю» щийся) со слоном, как матерый бык (дерущийся) с матерым быком, так и Бхима, вызванный самим царем, ринулся на отряд слонов (в войске кауравов). Искушенный в битве и наделенный огромной мощью рук, сын Притхи быстро сокрушил тот отряд слонов, о достойнейший!

Те слоны, видом подобные холмам, источающие течку из всех (частей тела), были железными стрелами Бхимасены приведены в замешательство и принуждены повернуть обратно. Как ветер разгоняет повсюду скопления облаков, точно так и сын Паваны рассеял те отряды (вражеских слонов). И Бхима, мечущий стрелы в тех слонов, выглядел блистательно, подобно взошедшему солнцу, рассеивающему свои лучи во все уголки мира. И слоны, пронзенные стрелами Бхимы (и покрытые кровью), выглядели красиво, подобно разнообразным облакам на небосводе, проникнутым лучами солнца.

Тогда Дурьйодхана, воспаленный гневом, приблизившись к сыну Ветра, причинявшему такое опустошение среди слонов, пронзил ещ острыми стрелами. В ответ Бхима, с налившимися кровью (от гнева) глазами, желая отправить хранителя земли в обиталище Ямы, в одив миг пронзил его своими острыми стрелами. Но тот, с телом, истерзанным стрелами, и распаленный гневом, пронзил, улыбаясь слегка, Бхимаеену, сына Панду, железными стрелами, сверкающими как лучи солнца.

В ответ Пандава двумя стрелами с серповидным острием быстро срезал его лук, а также изображение слона на его знамени, сделанное из драгоценных камней и расцвеченное жемчужинами. Видя Дурьйодхану, мучимого так Бхимой, о достойнейший, властитель Анги верхом на слоне устремился туда, чтобы привести в смятение (сына Панду).

Но того слона, подступавшего с ревом, подобно грохоту облаков, Бхимасена пронзил глубоко железной стрелою между двух выпуклостей на лбу. И пронзив насквозь его туловище, (стрела) погрузилась глубоко в землю. И слон тогда рухнул, словно утес, расколотый громовой стрелою. Когда слон падал и вместе с ним – повелитель млеччхов, Врикодара, быстрый в своих действиях, отсек ему голову стрелою с серповидным острием еще до того, как он грянул оземь. И когда герой тот упал, войско его разбежалось, причем кони, слоны и воины на колесницах, охваченные смятением, давили пеших воинов (обратившихся в бегство).

Меж тем как те войска все разбежались во все стороны, властитель Прагджьйотипш тогда ринулся на слоне против Бхимы. (Подобно) слону, на котором Магхаван победил дайтьев и данавов, тот первейший из слонов стремительно обрушился на Бхиму. С ушами и обеими (передними) ногами и свернутым хоботом, с вращающимися глазами и исполненный ярости, он, казалось, сжигал Пандаву (словно пылающий огонь). И тогда, о достойнейший, громкий шум поднялся среди всего войска (и раздались, возгласы) «Аи, аи, Бхима убит слоном!»

Напуганное тем криком войско пандавов вдруг побежало туда, о царь, где находился Врикодара. Между тем царь Юдхиштхира, думая, что Врикодара убит, окружил Бхагадатту со всех сторон с помощью панчалов. Окружив его отовсюду (множеством)» колесниц, он, превосходнейший из воинов, сражающихся на колесницах, покрыл своего противника сотнями и тысячами острых стрел.

Но тот властитель горных областей, расстраивая железным стрекалом (густой) заслон из стрел, стал крушить пандавов и панчалов при помощи своего слона. И тот подвиг, что мы увидели в сражении, свершенный престарелым Бхагадаттой вместе со своим слоном, был весьма удивительным,, о владыка народов!

Тогда царь дашарнов ринулся на властителя Прагджьйотиши на быстро мчащемся слоне, одержимом течкой, заходящем сбоку (для нанесения удара своему сопернику). И произошла между теми двумя слонами, страшными видом, битва, как некогда между двумя крылатыми горами, покрытыми деревьями. Слон властителя Прагджьйотиши, нападая на слона повелителя дашарнов и поворачивая назад, распорол ему бок и уложил его на месте.

Тогда сам Бхагадатта семью дротиками, сверкающими как лучи солнца, убил своего врага, сидевшего на слоне, как раз в то время, когда последний готов был свалиться со своего сидения. Но тут Юдхиштхира, подступив к царю Бхагадатте, окружил его со всех сторон мощным отрядом колесниц. Стоя на слоне, окруженный отовсюду воинами на колесницах, он выглядел блистательно, будто сверкающий огонь на горе посреди густого леса. А слон тот кружил среди плотно» сомкнутого круга воинов на колесницах – грозных лучников, выпускающих на него ливни стрел.

Тогда царь Прагджьйотиши, нажав матерого слона своего (большим пальцем ноги), стремительно погнал его на колесницу Ююдханы. И могучий слон, схватив колесницу внука Шини, забросил ее (в сторону) с большой силой. А Ююдхана (вовремя) спасся бегством. Но его возница, подняв крупных коней (колесничных), происходящих из Синдху, и настигнув Сатьяки, остановился подле него, и затем снова вскочил на ту колесницу.

Тем временем тот слон, найдя промежуток, поспешно выбрался из круга колесниц и начал опрокидывать всех царей (пытавшихся помешать ему). Цари же, те быки среди людей, устрашаемые тем единственным слоном, быстро бегущим, сочли его в сражении за сотни подобных ему.

И (в самом деле), Бхагадаттой, восседающим на том слоне, были гонимы пандавы, как (некогда) царем богов, восседающим на Айравате, (были теснимы) данавы. И в то время как панчалы разбегались во все стороны, поднялся среди них очень громкий и ужасный шум, производимый слонами и конями.

Меж тем как (войска) пандавов были так теснимы Бхагадаттой в сражении, Бхима, обуреваемый гневом, снова ринулся против властителя Прагджьйотиши. Но слон последнего напугал коней его, когда тот устремился на него, окатив их водою, исторгнутой из хобота, и они тогда вынесли Партху (из поля битвы). Затем против Бхагадатты быстро двинулся на своей колеснице Ручипарван, сын Акрити, поливая его ливнем стрел» словно это был сам Разрушитель.

Но тут властитель горных областей» с красивым сложением, отправил Ручипарвана прямою стрелою в обиталище Вайвасваты. Когда пал тот герой, сын Субхадры и сыновья Драу-пади, Чекитана, Дхриштакету и Юютсу стали изматывать слона. Желая убить его, (воины) те, издавая громкие крики, начали поливать его потоками стрел, подобно тому как облака своими ливнями (орошают землю). Тогда, подгоняемый искусным (погонщиком) при помощи пятки, стрекала и большого пальца ноги, слон быстро ринулся вперед с вытянутым хоботом, с неподвижными глазами и ушами. Растоптав коней Юютсу, он затем убил его возницу. Однако сын твой, охваченный смятением, вскочил на колесницу сына Субхадры.

Между тем тот царь на своем слоне, мечущий стрелы во врагов, выглядел блистательно, подобно солнцу, рассеивающему свои лучи всюду ло земле. Тут сын Арджуны пронзил его двенадцатью стрелами, Юютсу – десятью, сыновья Драупади (пронзили его) тремя стрелами каждый, столькими же и Дхриштакету.

Тот слон, осыпанный стрелами, пущенными стараниями врагов, выглядел величаво, подобно огромному облаку, пронизанному лучами солнца. Мучимый стрелами врагов, то слон, подгоняемый ловкостью и старанием своего возницы, стал опрокидывать вражеских воинов налево и направо. Как пастух (обходя, усмиряет) стада скота в лесу, так и Бхагадатта не раз, окружая, теснил то войскб {пандавов). Словно карканье ворон, быстро улетающих от нападения ястребов, поднимался громкий шум среди войск пандавов, быстро убегающих (с поля).

Тот царь слонов, ударяемый наилучшим стрекалом, напоминал собою бывшую некогда крылатую гору, о царь, и вселял во врагов столь сильный страх, как взбушевавшееся море – в сердца купцов. Тогда от слонов, воинов на колесницах, коней и царей, убегающих в страхе, возник громкий и ужасный шум, который, о царь, наполнял землю, воздушное пространство и небо, главные и промежуточные страны света в той битве. А царь (Бхагадатта) на превосходнейшем из слонов глубоко проник в ряды войск врагов, как некогда Вирочана – в строй полчищ богов, хорошо охраняемый в сражении премудрыми. Стал сильно дуть друг огня; пыль непрестанно заволакивала небо, а также боевые построения войск; и люди считали того единственного слона как бы мчащимся во все стороны, будто множество слонов.

Так гласит глава двадцать пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 26

Санджая сказал:
Ты спрашиваешь меня о подвигах Партхи в сражении. Слушай же,, о великий царь, о том, что совершил в битве Партха. Увидев поднявшуюся1 пыль и услышав рев слонов, сокрушаемых Бхагадаттой, сын Кунти сказал Кришне: «Несомненно, о Сокрушитель Мадху, и царь Прагджьйотиши на своем слоне ринулся с большой стремительностью (в битву). Это ведь от него исходит шум. Искусный ездить и сражаться на слоне и не уступающий самому Индре в бою, он является первым или вторым на земле-(среди могучих воинов) – таково мое мнение. А тот его слон есть наилучший из всех слонов, не имеющий никогда себе соперника в битве.

Равнодушный ко всякому шуму и наделенный большой ловкостью, он превозмогает усталость в сражении. Способный переносить удары любого) оружия и (даже) прикосновение огня, о безупречный, ои один явно уничтожит сегодня войско пандавов! Кроме нас двоих, нет никого другого, способного остановить его. Поэтому отправляйся поспешно туда, где находится властитель Прагджьйотиши. Надменного из-за дружбы с Шакрой,. гордого силою и мощью своего слона, а также возрастом своим, я сегодня отправлю его дорогим гостем к Сокрушителю Балы!»

Тогда по слову Савьясачина Кришна поехал туда, где Бхагадаттой уничтожалось войско пандавов. Когда Арджуна (имея Кришну возницею) устремлялся туда, могучие воины на колесницах – саншаптаки, исчисляющиеся четырнадцатью тысячами, составляющими десять тысяч тригартов, о повелитель людей, и четыре тысячи тех, которые обычно следовали за Васудевой, возвращаясь назад (на поле брани), вызвали его на битву.

При виде войска (пандавов), сокрушаемого Бхагадаттой, о достойнейший, и, с другой стороны, когда Арджуну вызывали саншаптаки, сердце его разделилось надвое. «Какой же (тут) поступок лучше будет мне совершить, – стал он размышлять, – или вернуться мне отсюда (чтобы сразиться с саншаптаками), или же отправиться к Юдхиштхире?».

Когда Арджуна об этом поразмыслил умом, о продолжатель рода Куру, разум его наконец сосредоточился твердо на убийстве саншаптаков. И желая один уничтожить в битве тысячи воинов, сражающихся на колесницах, сын Васавы вдруг повернул назад. Ведь именно таков был замысел обоих – Дурьйодханы и Карны о способе убийства Арджуны.

И это побудило их подготовиться к двойной встрече (с ним). Но Пандава в своем колебании (в какую из сторон направиться) покружил вокруг, а затем на колеснице (решив выступить против) первейших воинов, сражающихся на колесницах, он расстроил тот (замысел врагов).

Тогда могучие воины на колесницах – саншаптаки, о царь, выпустили в Арджуну тысячи прямых стрел.

Ни сын Кунти, Партха, ни Кришна, (иначе прозываемый) Джанардана, ни кони и ни колесница совсем не были видны, о царь, будучи покрыты стрелами. И когда Джанардана впал в бесчувственное состояние и покрылся испариной,. Партха тогда оружием ваджра уничтожил большую часть их. Сотни отрубленных рук с луками, стрелами и тетивами в сжатых ладонях, сотни знамен и коней, возниц и воинов на колесницах падали на землю. (Огромные) слоны, хорошо снаряженные, подобные выдающимся из холмов, покрытых деревьями, или (кучам) облаков, поражаемые стрелами Партхи и лишенные седоков, падали на землю.

Кони с седоками на спинах, сокрушаемые стрелами Партхи, падали безжизненные, лишенные расписных спинных уборов и уздечек и с разорванными попонами. Срезанные Носящим диадему при помощи стрел с серповидным острием, руки воинов падали там, имея копья, щиты и мечи вместо ногтей или булавы или секиры (в крепкой хватке). Также головы, красотою равные, о достойнейший, утреннему солнцу или лотосу или же месяцу, отсеченные стрелами Арджуны, падали на землю.

И когда Пхальгуна в гневе убивал так врагов разновидными, хорошо украшенными и губительными стрелами, войско, казалось, тогда пылало. И (при зрелище) Дхананджайи, так уничтожающего войско, точно слон – лотосовое поле, толпы существ одобрили его возгласами «Превосходно, превосходно!» Видя тот подвиг Партхи, будто (подвиг) самого Васавы, Мадхава пришел в крайнее изумление и, хлопая в ладоши, почтил его. Убив тогда большую часть саншаптаков – тех, которые стояли в битве, Партха побудил Кришну, обратившись в нему со словами: «Отправляйся к Бхагадатте!»

Так гласит глава двадцать шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 27

Санджая сказал:
И по желанию Партхи, куда ехать, Кришна погнал белых коней, быстрых как мысль, покрытых золотыми доспехами, к войску Дроны. Меж тем как он, превосходнейший из рода Куру, мчался туда, чтобы спасти свои войска, теснимые Дроной, Сушарман вместе со своими братьями последовал за ним с тылу, домогаясь битвы. Тогда победоносный Владелец белых коней сказал непобедимому Кришне: «Сей Сушарман вместе с братьями вызывает меня на битву, о Непреклонный! А это войско наше опять подвергается уничтожению (Дроной) севернее отсюда, о сокрушитель врагов! Под влиянием саншаптаков сердце мое колеблется сегодня относительно того, как мне следует поступить. Убить ли мне теперь саншаптаков или защитить от урона свои собственные войска, теснимые (врагом)? Ты знаешь, о чем я думаю. Так что же тут будет лучше мне сделать?».

И на сказанные им слова отпрыск из рода Дашарха повернул назад колесницу и доставил Пандаву туда, где повелитель тригартов вызывал его на битву. И тогда Арджуна пронзил Сушармана семью стрелами и срезал его знамя и лук двумя стрелами с бритвообразным острием. А брата повелителя тригартов шестью железными стрелами Партха быстро отправил вместе с конями и возницей в обиталище Ямы.

Тогда Сушарман, целясь в Арджуну, метнул в него железный дротик, видом подобный змее, а в Васудеву послал пику. Рассекши тот дротик тремя стрелами и пику тоже другими тремя, Арджуна потоками стрел лишил Сушармана чувств и повернул обратно. И когда он свирепо

устремлялся (на твои отряды), исторгая ливни стрел, подобно Васаве, обильно проливающему дождь, никто среди твоих войск, о царь, не посмел остановить его.

Подобно тому как огонь сжигает (на своем пути) сухую траву, так и Дхананджая продвигался вперед, истребляя среди кауравов могучих воинов на колесницах своими стрелами. И как живые существа не в состоянии выносить прикосновения огня, так и твои (воины) не в состоянии выносить неотразимый натиск мудрого сына Кунти. И право же, захлестывая ливнем стрел вражеские войска, Пандава ринулся против властителя Прагджьйотиши, о царь, как Супарна бросается (на свою добычу). Тот лук, который согнул Джишну, лук, который в сражении был благотворен для бхаратов недолговечных и гибельным для всех врагов, тот самый лук, о царь, взял в руки Арджуна для уничтожения кшатриев, по вине твоего сына, прибегнувшего к злосчастной игре в кости!

Взволнованное так Партхой, то войско твое было затем разбито, о великий царь, как лодка, ударившись о скалу. Тогда десять тысяч лучников, отважных и неистовых, приняв решение сражаться до полной победы иль поражения, повернули против (Арджуны). С сердцем, лишенным страха, Партха, тот воин на колеснице, опытный в правилах действий даже при крайних бедствиях и способный переносить любое бремя в бою, взял на себя то тяжкое бремя.

Как разъяренный шестидесятилетний слон, исходящий течкой, растаптывает заросли тростников, так и неистовый Партха крушил твое войско. Меж тем как войско то подвергалось уничтожению, повелитель людей Бхагадатта на том же своем слоне стремительно ринулся против Дхананджайи. Но тот тигр среди мужей на своей колеснице бесстрашно перехватил его. И то столкновение между колесницей и слоном (двух противников) было весьма свирепым. И оба героя Бхагадатта и Дхананджая рыскали по полю брани, один на колеснице, другой на слоне, оба снаряженные по всем правилам науки.

Затем Бхагадатта, словно владыка Индра, со своего слона, видом подобного облакам, окатил Дхананджаю ливнем стрел. Тот же доблестный сын Васавы, однако, ливнем своих стрел пресек тот поток стрел Бхагадатты еще до того, как они могли достичь его. Но тут царь Прагджьйотиши, отразив тот поток стрел, поразил своими стрелами могучерукого Партху и Кришну, о потомок Бхараты! И окутав их обоих густой сетью стрел, он побудил тогда своего слона на убийство Ачьюты и Партхи.

При виде того разъяренного слона, надвигающегося, словно сама смерть, Джанардана поспешно сделал поворот колесницей слева направо (от слона). Хотя и представился ему удобный случай убить огромного слона вместе с седоком, но все же Дхананджая не захотел воспользоваться им, помня о правилах честного боя. Тот же слон, однако, измотав других слонов, колесницы и коней, о достойнейший, отправил их всех в царство Смерти. И тогда воспылал гневом Дхананджая.

Так гласит глава двадцать седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 28

Дхритараштра сказал:
Так воспылавший гневом, что сделал Бхагадатте Пандава? И что сделал властитель Прагджьйотиши Партхе? О том расскажи мне, как
следует.

Санджая сказал:
Меж тем как оба – Дашарха и Партха были так заняты с царем Прагджьйотиши, все существа считали их уже оказавшимися совсем близко от самой Смерти. И в самом деле, о владыка, Бхагадатта со спины своего слона непрерывно обрушивал ливни стрел на обоих Кришн, стоящих на колеснице. Тут он пронзил сына Деваки стрелами, сделанными целиком из черного железа, с золотым оперением, остро отточенными на камне и выпущенными из лука, натянутого до предела. Те острые стрелы, прикосновением своим равные огню, выпущенные Бхагадаттой, пронзив насквозь сына Деваки, вошли затем в землю.

Но тут Партха, рассекши его лук и разнеся колчан, стал сражаться с царем Бхагадаттой, словно забавляясь. Тот же метнул в него четырнадцать острых пик, сверкающих как лучи солнца. Но Савьясачин рассек каждую из них на три части. Затем сын Пакашасаны 175 разнес доспехи на том слоне густою сетью своих стрел, и тот выглядел подобно царю гор, лишенному своего облачного покрова.

Тогда властитель Прагджьйотиши метнул в Васудеву дротик, сделанный целиком из железа, с позолоченным древком. Но тот дротий Арджуна рассек надвое. Затем срезав зонт и знамя царя при помощи своих стрел, Арджуна стремительно пронзил властителя горных областей десятью другими стрелами, улыбаясь при этом. Глубоко пронзенный стрелами Арджуны, хорошо оснащенными оперением цапли, Бхагадатта тогда воспылал яростью к благородному Пандаве.

Он метнул в голову Владельца белых коней несколько дротиков и издал громкий рык. От тех дротиков в сражении диадема Арджуны была сдвинута. Арджуна поправил ту сдвинувшуюся диадему и сказал, обратившись к царю (Прагджьйотиши): «Хорошо гляди на мир сей!»

Услышав такие слова, Бхагадатта преисполнился гнева и, взяв свой сверкающий лук, окатил Пандаву вместе с Говиндой ливнем стрел. Партха же, рассекши его лук и срезав колчаны, стремительно ударил его семьюдесятью двумя стрелами по всем жизненно важным местам. Даже будучи так пронзен, тот не был, однако, расстроен. Проникнувшись затем гневом, он освятил мантрами стрекало, обратив его в оружие вайшнава, и метнул в грудь Пандавы.

И то всесокрушающее оружие, выпущенное Бхагадаттой, Кешава, прикрыв собою Партху, перехватил своею грудью. И (с тех пор) то оружие стало победной гирляндой на груди Кешавы. Тогда Арджуна, приунывший душою, промолвил Кешаве: «О Джанардана, ты (обещал мне прежде), что, не сражаясь сам, ты будешь только править моими конями!

Заверив так, о Лотосоглазый, зачем же ты не сдерживаешь своего обещания? Если бы я оказался в беде или же стал неспособен отражать натиск или оружие врага, то тогда тебе следует действовать так, но не действовать тогда, когда я стою (во всеоружии)! Ведь при помощи моего лука и стрел я в состоянии победить эти три мира вместе с богами, асурами и людьми, – и это тебе хорошо известно!» Тогда Васудева сказал в ответ Арджуне важные по значению слова: «Слушай, о Партха, об этой тайной истории, как она случилась некогда, о безупречный! Я существую в четырех формах, вечно занятый охраной миров! Разделив себя самого, я предопределяю благо миров. Одна моя форма, находясь на Земле, предается занятию подвижничеством. Другая наблюдает за добрыми и дурными деяниями в мире. Еще другая, приобщившись к миру людей, вершит дела. Другая же, четвертая, моя форма лежит в глубоком сне в течение тысячи лет. Та форма моя, которая пробуждается (ото сна) в конце тысячи лет, дарует в тот час превосходнейшие дары тем, кто заслуживает их.

И вот, узнав (по одному случаю), что время такое наступило, Земля попросила у меня дар для (своего сына) Нараки. Слушай же о том, (какой это был дар)! – «Обладающий оружием

вайшнава, пусть сын мой будет непобедим для богов и асуров. Благоволи мне дать то оружие!» – Услышав о таком даре, я дал тогда, в незапамятные времена, сыну Земли то вернейшее оружие вайшнаву. И сказал я тогда: «Пусть это оружие будет всегда вернейшим для защиты Нараки в сражении. Никто не сможет убить его! Охраняемый тем оружием, сын твой всегда будет неодолим во всех мирах и будет крушить все вражеские войска!» Сказав «хорошо», мудрая богиня ушла, достигнув исполнения своего желания. А тот Нарака тоже стал неодолимым и всегда усмирял своих врагов. Это от него, о Партха, то оружие мое досталось властителю Прагджьйотиши. Нет ни одного во всех мирах, включая даже Индру и Рудру, кто был бы непобедим тем оружием, о достойнейший! Поэтому ради тебя оно было мною обезврежено, и пришлось для этого нарушить (свое обещание). Могучий асура теперь лишен того высочайшего оружия. Убей же теперь, о Партха, врага своего, неодолимого в бою, – Бхагадатту, того ненавистника богов, точно так, как я убил прежде ради блага (миров) (асуру) Нараку!»

И когда было сказано так благородным Кешавой, Партха внезапно осыпал Бхагадатту острыми стрелами. Затем могучерукий и великий духом Партха бесстрашно поразил слона длинной железной стрелою между двух выпуклостей на лбу. И стрела, ударив в слона, словно громовая стрела в гору, вошла в тело вплоть до самого оперения, подобно тому как змея – в муравейник. С онемевшими от столбняка членами он грянулся бивнями на землю. И издавая жалобный рев, тот огромный слон испустил дух. Тогда прямою стрелою с наконечником в виде полумесяца Пандава пронзил грудь царя Бхагадатты. И с грудью, пронзенной Носящим диадему, царь Бхагадатта, лишенный жизни, выпустил свой лук и стрелы. Свесившееся с его головы превосходнейшее стрекало упало, будто лепестки от лотоса, когда его стебель сотрясен от удара. И сам он, увешанный золотыми гирляндами, упал со слона, подобного утесу и украшенного золотыми попонами, словно распустившееся цветами дерево карникара, сорванное силою ветра с вершины горы. Убив в сражении того владыку людей, отвагою напоминавшего самого Индру и приходившегося также другом Индре, сын Индры затем сокрушил других твоих воинов, жаждавших победы, подобно тому как могучий ветер ломает деревья.

Так гласит глава двадцать восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 29

Санджая сказал:
Убив властителя Прагджьйотиши, который всегда был любимцем x" и другом Индры и обладал неизмеримой мощью, Партха совершил почтительный обход вокруг него слева направо. Тогда оба сына царя Гандхары – братья Вришака и Ачала, покорители вражеских городов, двинулись в сражении против Арджуны. И те оба доблестных лучника стали глубоко пронзать Арджуну спереди и сзади остро отточенными стрелами, наделенными большой стремительностью. Партха, однако, своими острыми стрелами разнес на мелкие части коней и возницу,, лук и зонт, колесницу и знамя Вришаки, сына Субалы. Затем Арджуна потоками стрел и другим различным оружием снова привел в сильное расстройство гандхарские войска, возглавляемые сыном Субалы. Возбужденный гневом, Дхананджая отправил своими стрелами в царство Смерти пятьсот героев-гандхаров с поднятым на него оружием.

Но тот могучерукий (герой), быстро сойдя с колесницы, кони которой были убиты, взошел на колесницу брата своего и взял другой лук. И те братья – Вришака и Ачала, оба стоя на одной колеснице, принялись пронзать Бибхатсу все снова и снова ливнями стрел. И в самом деле, оба те благородных царевича, оба твоих родственника со стороны жены – Вришала и Ачала разили Партху весьма жестоко, как некогда Вритра и Бала (теснили) Индру. Метко

бьющие в цель, эти оба героя Гандхары стали снова изматывать Пандаву, подобно тому как два жарких летних месяца изнуряют мир потом и дождем.

Но тех царевичей, обоих тигров среди людей – Вришаку и Ачалу, стоящих бок о бок вместе на одной колеснице, о царь, Арджуна убил одною стрелою. И тогда оба те могуче-руких героя, с красными глазами и напоминающие собою львов, те единоутробные братья, имеющие одинаковые черты, упали вместе безжизненные с колесницы. И их тела, милые друзьям и близким, рухнув с колесницы на землю, лежали там, распространяя священную славу во все десять стран света.

Увидев обоих своих дядей по матери, не отступающих в сражении, убитыми, сыновья твои, о владыка народов, стали проливать горькие слезы. Увидев своих братьев убитыми, Шакуни, искушенный в сотне различных приемов волшебства, применил тогда силу иллюзии, чтобы сбить с толку обоих Кришн. И вот дубинки, железные шары и камни, оружие шатагхня и дротики, булавы, колья с железными остриями и мечи с извилистым лезвием, копья, деревянные молоты и пики, заостренные трезубцем, дреколья, обоюдоострые мечи и когтеобразные крючья, палицы и секиры, бритвообразные тесаки, стрелы с подковообразными остриями и налики, стрелы с острием в виде телячьего зуба и состоящие из трех членений, диски и стрелы с тупыми наконечниками, метательное и различное другое оружие обрушилось на Арджуну со всех сторон света – главных и промежуточных. Ослы, верблюды и буйволы, львы и тигры, рогатые твари и хищные птицы, медведи, волки и стервятники, обезьяны и ползучие гады, различные ракшасы и стаи ворон – все голодные и возбужденные гневом, ринулись на Арджуну.

Тогда сын Кунти, Дхананджая, тот герой, сведущий в дивном оружии, исторгая тучи стрел, быстро ударил по ним. И убиваемые тем героем при помощи отборнейших и крепких стрел, они поднимали громкие крики и, сраженные, гибли повсюду. Затем появилась густая тьма и (окутала) колесницу Арджуны; и из того мрака резкие голоса порицали Партху. Но Арджуна мощным оружием джьйотиша рассеял тот мрак. И когда он был рассеян, появились страшные водяные валы. Для иссушения тех вод Арджуна применил оружие адитья.

И под действием того оружия воды были почти полностью осушены. Таким образом, всевозможные иллюзии, создаваемые всякий раз сыном Субалы, Арджуна быстро разрушал тогда силою своего оружия, смеясь при этом. И когда все иллюзии были разрушены, теснимый стрелами Арджуны и охваченный страхом, Шакуни пустился в бегство на быстрых конях, словно жалкий простолюдин. Затем Арджуна, знаток всех видов оружия, показывая врагам свое превосходство (в ловкости), залил потоками стрел войско кауравов.

И то войско сына твоего, уничтожаемое Партхой, раздвоилось на два (потока), о великий царь, будто течение Ганги, столкнувшись с горою. Одни из могучих воинов, сражающихся на колесницах, направились тогда к Дроне, другие же, о царь, теснимые Носящим диадему, устремились к Дурьйодхане. Потом мы не могли видеть то войско, ибо оно было окутано густою тьмою. Только звон лука гандивы был слышен мною с южной стороны поля. Заглушая рев раковин, грохот барабанов и звуки других музыкальных инструментов, звон лука гандивы достигал самих небес.

И тогда в южной части поля снова вспыхнуло сражение – жестокая битва между воинами, искушенными в различных приемах боя, (с одной стороны), и Арджуной – (с другой). Я, однако, последовал за Дроной. Различные отряды войск сыновей твоих, о потомок Бхараты Арджуна смел совершенно, подобно тому как ветер в (летнюю) пору (рассеивает скопления) облаков на небосводе. И право, когда он обрушивался, исторгая ливни стрел, подобно Васа-

ве, обильно проливающему дождь, никто (среди твоих войск) не посмел остановить того могучего и неистового лучника, того тигра среди людей.

Убиваемые Партхой, те воины твои были в сильном страхе. Многие из них, разбегаясь в разные стороны, убивали своих же. Стрелы, выпущенные Арджуной, оснащенные оперением цапли и способные пронзать всякое тело, падали, застилая все десять сторон света, подобно стаям саранчи.

Пронзая коней, воинов на колесницах, слонов и пехотинцев, о достойнейший, как змеи – насквозь муравейники, они уходили в землю. Арджуна никогда не выпускал по второй стреле в любого слона, коня или воина. Пораженные каждый одной стрелою, они падали, лишенные жизни. С убитыми повсюду людьми и конями и поверженными слонами, захлестнутыми ливнем стрел, оглашаемые воем собак и шакалов и карканьем ворон, то поле брани являло тогда пестрое (и страшное) зрелище. Мучимый стрелами, отец оставлял своего сына, друг – своего лучшего друга, а сын оставлял своего отца. И право, всякий из-людей был тогда обращен помыслами только на собственную свою защиту. Досаждаемые стрелами Партхи, воины покидали даже своих упряжных животных.

Так гласит глава двадцать девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 30
Дхритараштра сказал:
Когда те войска (мои) были разбиты сыном Панду, о Санджая, и когда все вы быстро отходили с поля, каким же был образ ваших мыслей? Ведь когда войска разбиты и не видят (при бегстве) места пристанища, то. сплочение их рядов представляется всегда весьма трудным. Обо всем том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Хотя дело обстояло так, о владыка народов, выдающиеся из героев, желая сделать приятное твоему сыну и сохранить свое доброе имя среди людей, последовали за Дроной. И в том ужасном положении, когда оружие (врагов) было поднято и Юдхиштхира был на доступном расстоянии, они бесстрашно (последовали за своим военачальником), совершая похвальные подвиги.

Воспользовавшись упущением Бхимасены, неизмеримого в мощи, доблестного Сатьяки и Дхриштадьюмны, о владыка, (те воины обрушились на войско пандавов). «Дрону, Дрону (следует) убить)!» – понуждали свирепые панчалы. «Не надо (допускать убиения) Дроны!» – побуждали твои сыновья всех кауравов. «Дрону, Дрону (убейте)!» – кричали одни.

«Не надо (допускать убиения) Дроны!» – выкрикивали другие. Между кауравами и пандавами, казалось, разыгрывалась игра, где ставкой был Дрона. На какой бы поток колесниц панчалов ни нападал Дрона, там всюду появлялся Дхршптадьюмна, царевич Панчалы. И меж тем как происходило страшное сражение, нарушались правила, согласно которым противник мог выбирать себе достойную пару. Герои выступали против героев, трусливые шли против первейших.

Там пандавы не могли быть устрашаемы врагами. С другой стороны, помня о всех своих лишениях, они приводили в трепет ряды вражеских войск. Хотя и наделенные скромностью, но все же подпавшие под власть гнева и мщения и побуждаемые силой и мощью своей, они вступили в ту страшную битву, жертвуя жизнями, ради сокрушения Дроны. Схватка героев, неизмеримых в мощи, разыгрывающих в свирепой битве игру на собственные свои жизни,

напоминала столкновение железа с камнем. Старцы не могли даже вспомнить, о великий царь, о подобном сражении, виденном или слышанном ими прежде.

И в том побоище героев, Земля, отягченная бременем из-за огромного скопления войск, как :бы начала дрожать. Ибо от скопления мечущихся туда и сюда войск разгневанного Аджаташатру и сына твоего стоял шум, будто приводя в оцепенение сам небосвод. Но тут Дрона, нагрянув на подразделения войск пандавов, (исчисляющихся) тысячами, рыская по полю брани, принялся сокрушать их острыми стрелами. И меж тем как они были так теснимы Дроной, вершителем необычайных подвигов, его остановил сам (Дхриштадьюмна), верховный военачальник (пандавов), подступив к нему. И та битва, что произошла между Дроной и царевичем Панчалы, была весьма необычайной. И никакого сравнения с нею не может никогда возникнуть – таково мое суждение.

Затем Нила, напоминающий собою огонь, (тот герой), чьи стрелы заменяют вспышки самого огня, а лук – его пламя, стал сжигать войско кауравов, подобно тому как огонь (сжигает) сухую траву. И когда он уничтожал ряды войск, доблестный сын Дроны, еще прежде обратившийся к нему, (чтобы сразиться с ним), в очень мягких словах сказал ему с улыбкой: «ОвНила, что за польза тебе в уничтожении многочисленных простых воинов пламенем своих стрел? Сразись лучше со мною одним и, исполненный гнева, ударь в меня стрелами!»

И (когда он сказал так), его, чья внешность напоминала собрание лотосов, лицо чье было подобно распустившемуся лотосу, а глаза – лепесткам лотоса, – Нила пронзил своими стрелами. Глубоко и внезапно им пронзенный, сын Дроны тремя острыми стрелами с серповидным наконечником рассек лук, знамя и зонт своего противника.

Быстро соскочив со своей колесницы, Нила, держа (в руках) щит и превосходнейший меч, захотел снести голову у отпрыска Дроны с туловища, подобно птице (уносящей добычу в своих когтях). И когда он занес уже меч свой, сын Дроны с легкой улыбкой снес ему с туловища стрелою с серповидным острием голову, украшенную красивым носом и серьгами, о безупречный! И (герой тот) с лицом, напоминающим полную

луну, с глазами, подобными лепесткам лотоса, высокий ростом и с лоном подобным цветку лотоса, сраженный, упал на землю. И тут войско пандавов, сильно опечаленное, начало дрожать, когда Нила, сверкающий мощью, был убит так сыном наставника. И подумали тогда, о достойнейший, все те могучие воины пандавов, сражающиеся на колесницах: «Увы как сможет сын Васавы спасти нас от врагов, когда он, могучий, в южной части поля битвы учиняет резню среди остатков саншаптаков и в войске пастухов-нараянов?»

Так гласит глава тридцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 31

Санджая сказал:
Врикодара, однако, не мог вынести поражения своего войска. И он пронзил Бахлику шестьюдесятью, а Карну – десятью стрелами. Но тут Дрона, желая причинить конец его жизни, поразил Бхиму в жизненно важные места хорошо отточенными стрелами, сделанными целиком из железа, с острыми наконечниками. Затем Карна осыпал его двенадцатью стрелами, Ашваттхаман – семью, а царь Дурьйодхана – шестью. Могучий Бхимасена в ответ пронзил их всех. Дрону он поразил пятнадцатью, а Карну – десятью стрелами, Дурьйодхану – двенадцатью и сына Дроны – восемью стрелами. И поднимая громкий крик, он вступил в сражение с ними. И в той схватке, где (воины) пренебрегали своими жизнями и смерть была легко

достижима, Аджаташатру побудил тех воинов, чтобы они спасали Бхиму. И те (герои), неизмеримые в мощи Ююдхана и другие, оба сына Мадри и Панду направились к Бхимасене.

И соединившись вместе, те быки среди людей, сильно разгневанные; (вступили в битву), желая сокрушить войско Дроны, охраняемое луч шими из могучих лучников. В самом деле, те воины на колесницах, преисполненные великой мощи, – Бхима и другие обрушились (неистово на вражеское войско). Однако Дрона, лучший из воинов, сражающими на колесницах, без колебаний перехватил тех выдающихся воинов на колесницах, наделенных могучей силой, тех героев, блистающих в бою. И отбросив страх перед смертью, воины твои выступили против пандавов. Всадники сшибались со всадниками, равно как и воины на колесницах – с воинами, сражающимися на колесницах. Пускались в ход дротини против дротиков, мечи против мечей; происходила и битва на секирах. Отвратительная битва на мечах тоже возникала там, достигая своей предельной остроты.

И от столкновений между слонами битва становилась очень страшной. Один падал со спины слона, другой – с коня, с поникшею вниз головою, а иной падал с колесницы, пронзенный стрелою, о достойнейший! В той неистовой свалке, когда иной падал, лишенный доспехов, (можно было наблюдать, как) слон, ударив его в грудь, раздавливал ему голову. Иные же слоны убивали других яюдей, упавших, (на поле брани).

Другие, вонзаясь бивнями в землю (при падении), разрывали при этом (тела) многих воинов, сражавшихся на колесницах. Еще другие слоны с клыками, обвитыми вокруг человеческими внутренностями, бродили там сотнями, топча и раздавливая сотни людей. Иные же. слоны растаптывали в прах упавших воинов, пеших и сражающихся на колесницах, коней и слонов, облаченных в бронзовые и железные доспехи, словно это были лишь густые (заросли) тростника.

Многие повелители людей, наделенные скромностью, когда час их настал, находили покой на мучительных ложах, устланных (стрелами с) оперениями стервятников. Там отец убивал сына, обрушиваясь на колеснице; также и сын, в безумии, переступая все границы дозволенного, нападал на отца. Ломалось колесо колесницы, срубалось знамя, повергался на землю зонт. Таща за собой разорванную наполовину упряжку, конь убегал прочь. Падала рука, сжимавшая меч, скатывалась голова, украшенная серьгами. Брошенная на землю могучим слоном, разбивалась вдребезги колесница.

Сраженный воином на колеснице при помощи железной стрелы, падал слон бездыханный. Вместе со своим седоком падал конь, жестоко избитый слоном. Шла великая, страшная битва,, не знающая границ нравственности. «О отец! О сын! Где ты, о друг? Постой! Куда ты бежишь? Бей! Неси! Убей его!» – такие и другие-крики, раздававшиеся вместе с громким смехом - возгласами и ревом, слышались там. Кровь человека, коня и слона смешалась вместе.

Пыль от земли улеглась. Уныние охватило робких. Там, где не было прибежища, храбрые воины, желавшие убежища, таскали друг друга за волосы, свирепо бились на кулаках и схватывались зубами и ногтями. Там (можно было видеть), как у героя отрубалась поднятая рука, сжимающая меч. У другого же она отсекалась вместе с луком или стрелой или же со (сжатым в ней) стрекалом. Тут иной громко вызывал другого, другой же, повернувшись вспять, убегал с поля. Там иной сносил голову другому с туловища, когда тот оказывался в пределах досягаемости. Тут один с громким криком набрасывался (на врага), а другой стремглав убегал от крика. Там один убивал острыми стрелами своих,; а другой – врагов.

Тут слон, подобный горной вершине, поверженный железной стрелою, падал на землю (и лежал), напоминая запруду в реке во время жаркой поры. А там слон, исходящий течкой, словно гора (со стекающими по ней ручейками), растоптав своею ногою воина, сражающегося на колеснице, вместе с его конями и возницей, стоял на поле брани. При виде храбрых воинов, искусных во владении оружием и обагренных кровью, разящих друг друга, многие из робких и слабых сердцем впадали в беспамятство. Действительно, все кругом стало унылым. Ничего нельзя было больше различить. И оттого что войско было окутано пылью, возникла страшная путаница, преступающая всякие границы дозволенного.

Тогда военачальник (пандавов), говоря «Теперь время», быстра повел пандавов, поторапливая их, всегда отличающихся большой стремительностью. И повинуясь его приказанию, достославные пандавы,

сокрушая (вражеское войско), устремились к колеснице Дроны, как лебеди к озеру. «Хватайте его! Бегите друг к другу! Не бойтесь! Рубите в куски!» – такие раздавались буйные крики близ колесницы неприступного (Дроны). Затем Дрона, Крипа и Карна, сын Дроны и царь Джаядратха, Винда и Анувинда – оба правителя Аванти и Шалья остановили их.

Но те неотразимые и неприступные воины-панчалы вместе с пандавами, вдохновленные благородством своего нравственного долга, хотя и были мучимы стрелами, не оставили Дроны. Тогда, охваченный сильной яростью, Дрона, меча сотнями стрелы, учинил страшное опустошение среди чедиев, панчалов и (войск) пандавов. Звон его тетивы и шлепки его ладоней были слышны во всех направлениях, о достойнейшей! Подобные ударам грома, они приводили в трепет многих пандавов.

Тем временем могучий Джишну, уничтожив множество саншаптаков, примчался туда, где Дрона перемалывал войска пандавов. Переправившись через обширное озеро, где воды заменяла кровь и где сильными водоворотами служили потоки стрел, и убив саншаптаков, Пхальгуна показался там. Тогда как он был овеян (великою) славой, а скрытою мощью подобен самому Солнцу, увидели мы эмблему его – знамя с изображением обезьяны, сияющее блеском. Иссушив океан саншаптаков при помощи оружия вместо лучей своих, тот Пандава спалил также и кауравов, словно он был самим Солнцем, восходящим в конце юги!

И в самом деле, Арджуна сжег всех кауравов жаром своего оружия, подобно тому как дымознаменный (огонь), возникающий в конце юги, (сжигая) все существа. Поражаемые им тысячами стрел, воины, сражающиеся на слонах, верхом на конях и на колесницах, падали на землю, выпускай (из рук) оружие, мучимые теми потоками стрел. Некоторые поднимали горестные вопли, другие же громко кричали. А иные, пораженные стрелами Партхи, падали, лишенные жизни. Помня о добрых обычаях воинов Арджуна не убивал тех из нападавших воинов, которые падали или отвращались от битвы.

Большая часть кауравов, чьи колесницы, кони и слоны были шены, отвратившись от битвы, поднимали громкие крики (взывая. мощи): «О Карна, о Карна! Аи, аи!» Заслышав те призывные крики дущих защиты, сын Адхиратхи громко пообещал им словами «не тесь!» и ринулся навстречу Арджуне. И он, превосходнейший из воинов бхаратийских, сражающихся на колесницах, и радующий всех бхаратов« наилучший из знатоков оружия, вызвал тогда к действию оружие агнея.

Однако Дхананджая ливнем своих стрел отразил потоки стрел того героя, держащего сверкающий лук и исторгающего потоки пылающих стрел! Отражая оружием оружие и меча стрелы (в своего противника), он издавал громкие клики. Затем Дхриштадьюмна, Бхима и Сатьяки, могучий воин на колеснице, подступив к Карне, пронзили его каждый тремя пря-

мыми стрелами. Сын Радхи, однако, отразив оружие Арджуны ливнями своих стрел, рассек у тех троих луки тремя стрелами с усеченным острием. С рассеченными луками, герои те выглядели подобно змеям, лишенным яда. Меча дротики со своих колесниц, они издавали громкие львиноподобные рыки. И те свирепые дротики, наделенные большой стремительностью и сверкающие подобно змеям, пущенные руками, устремились прямо в сына Адхиратхи. Но рассекши каждый из них тремя острыми стрелами и тут же метнув стрелы в Партху, могучий Карна издал громкий клич.

Тогда Арджуна, пронзив сына Радхи семью стрелами, убил младшего брата Карны тремя острыми стрелами. И убив затем Шатрунджаю шестью стрелами, Партха стрелою с серповидным острием внезапно снес голову с Випаты, когда тот стоял на колеснице. Так на глазах у сыновей Дхритараштры и перед лицом сына возницы три его единоутробных брата были убиты Носящим диадему – одним без посторонней помощи. Затем Бхима, соскочив со своей колесницы, подобно сыну Винаты, убил превосходным мечом пятнадцать сторонников Карны.

И взойдя снова на свою колесницу и взяв другой лук, он пронзил Карну десятью стрелами, а возницу его и коней – пятью. Дхриштадьюмна тоже, взяв лучший меч и блестящий щит, сразил Чандравармана и Брихаткшатру Паураву. Тогда и царевич Панчалы, стоя на своей колеснице и взяв другой лук, пронзил Карну семьюдесятью тремя стрелами и издал громкий рык в сражении. Внук Шини также, взяв другой лук, блеском подобный луку Индры, пронзил сына возницы шестьюдесятью четырьмя стрелами и издал львиноподобный рык.

И рассекши лук Карны двумя искусно выпущенными стрелами с серповидным острием, он еще раз поразил Карну в обе руки и в грудь тремя стрелами. Тогда Дурьйодхана, Дрона и царь Джаядратха вызволили сына Радхи из океана Сатьяки, уже погружавшегося в него. Тогда и Дхриштадьюмна и Бхима, сын Субхадры и сам Арджуна, Накула и Сахадева стали охранять Сатьяки в той битве.

Так именно происходила эта весьма страшная битва ради уничтожения всех лучников, как твоих, так и вражеских, сражавшихся пренебрегая жизнью. Слоны, конница, колесницы и пехотинцы были заняты пехотинцами, колесницами, слонами и конницей. Воины на колесницах были заняты слонами, пехотинцами и конницей; колесницы и пешие воины – колесницами и слонами. Наблюдались также кони, схватившиеся с конями, слоны – со слонами, воины на колесницах – с воинами, сражающимися на колесницах, а также пехотинцы – с пешими воинами. Такая происходила битва, полная страшной путаницы, радующая людоедов и плотоядных тварей, между теми могучими (людьми), бесстрашно стоящими лицом друг к другу. И в самом деле, она увеличивала (число населяющих) царство Ямы!

Множество слонов, колесниц, коней и пехотинцев были тогда уничтожены людьми, колесницами, конями и слонами. Слоны (были убиты) слонами, воины на колесницах с поднятым оружием – воинами, сражающимися на колесницах," кони – конями и пехотинцы – полчищами пеших воинов. (Были убиты также) слоны колесницами, крупные кони – отборнейшими слонами, люди – конями и кони – наилучшими воинами. С высунувшимися языками, с вывалившимися зубами и выкатившимися глазами, с раздробленными доспехами и украшениями находили существа свою гибель на земле.

Иные, страшные видом, были убиты и повергнуты в прах другими, вооруженными разного рода превосходным оружием, и под ударами ног коней и слонов были растоптаны и сильно обезображены копытами (животных) и ободами колес колесничных. Меж тем как происходило там страшное побоище, усладительное для хищных зверей и птиц и ракшасов, те могу-

чие (воины), разгневанные и убивающие друг друга, рыскали (по полю), проявляя всю свою мощь.

И будучи сильно измотаны и утопая в потоках крови, оба войска взирали тогда одно на другое. Тем временем солнце зашло за гору заката, и оба те войска медленно отошли каждый в свой лагерь, о потомок Бхараты!

Так гласит глава тридцать первая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ ОБ УБИЕНИИ САНШАПТАКОВ

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ АБХИМАНЬЮ

Глава 32

Санджая сказал:
Оттого что вначале мы были разбиты Пхальгуной, неизмеримым в мощи, и благодаря также тщетности данного Дроной торжественного обета,1 из-за того что Юдхиштхира был хорошо охраняем, твои воины оказались побежденными в битве. И все они, в разбитых панцирях, покрытые пылью, в сильной тревоге бросали во все__стороны боязливые взгляды. Тогда, с согласия сына Бхарадваджи совершив отход к лагерю, после того как они были одолены врагами, метко разящими в цель, и сильно посрамлены ими в битве, (воины твои слышали) о неизмеримых достоинствах Пхальгуны, прославляемых существами, и о дружбе Ке-шавы с Арджуной, о которой говорится всеми. И они провели (ночь), словно одержимые проклятием, размышляя (о ходе событий) и пребывая в полном молчании.

На рассвете следующего дня Дурьйодхана сказал Дроне из расположения к нему с мягкосердечным гневом, в большом душевном унынии от преуспеяния своих врагов. Хорошо сведущий в речи, преисполненный гнева (от успехов врага), он так сказал во всеуслышание всех существ: «Несомненно мы низведены тобою в положение стороны, которая должна была быть уничтожена тобою, о превосходнейший из знатоков священной мудрости! Ибо ты не схватил сегодня Юдхшптхиру, хотя он и оказался в пределах твоей досягаемости!

Тот враг, которого ты жаждешь схватить в сражении, не может вызволиться от тебя, раз он попался тебе на глаза, если даже он будет охраняться пандавами вместе с самими богами. Довольный, ты дал мне торжественное заверение. Теперь же ты действуешь совсем иначе. Благородные (как ты) никогда не обманывают надежд того, кто предан им!» Услышав сказанное ему так (Дурьйодханой), сын Бхарадваджи почувствовал большую неловкость. И обратившись к царю, он сказал:

«Ты не должен считать меня таким! Я всегда стараюсь (выполнять) то, что приятно тебе. Три мира вместе с богами, асурами и ган-дхарвами, якшами, змеями и ракшасами не в состоянии победить (силу), охраняемую Носящим диадему. Там, где Говинда, творец вселенной, и Арджуна, предводитель войска, чья сила может (противостоять им), кроме трехглазого владыки? Я говорю тебе правду сегодня, и никогда это не будет иначе!

Сегодня я повергну могучего воина на колеснице, одного из выдающихся героев среди пандавов. Я построю войско таким боевым строем, который будет непроницаемым даже для богов. Однако, о царь, каким-нибудь средством необходимо отвести Арджуну (с поля брани)! Ибо нет ничего, что не было бы известно ему или не могло быть достигнуто им в битве. Ведь им отовсюду приобретены всевозможные знания, касающиеся войск».

И когда так было сказано Дроной, толпы саншаптаков снова вызвали на битву Арджуну к южной стороне поля. И произошло там между Арджуной и его врагами такое сражение, подобно которому другого не было нигде видано или слышано. С другой стороны, боевой строй, установленный Дроной, о царь, выглядел блистательным. И право, он был нестерпим для взора, подобно солнцу, когда оно катится в полдень, опаляя (все под собою).

И тот непроницаемый круглый боевой строй, о потомок Бхараты, Абхиманью, по приказанию старшего брата отца своего, побывал в пылу сражения во многих местах. Совершив трудновыполнимый подвиг и убив героев тысячами, он (наконец) столкнулся с шестью героями сразу и попал во власть сына Духшасаны. От этого мы исполнились великой радости, а пандавы истомились от сильного горя. И после того как был убит сын Субхадры, о царь, (наши войска) совершили отход к лагерю (на ночной покой).

Дхритараштра сказал:
Когда, о Санджая, я услышал, что убит в сражении сын того льва среди людей, еще не вступивший в возраст, сердце мое разрывается на части! Жесток, в самом деле, сей закон кшатриев, установленный законодателями, раз храбрецы обрушивают свое оружие даже на ребенка! Расскажи мне о том, о сын Гавальганы, каким образом столь многочисленные воины, искушенные во владении оружием, убили того младенца, хотя и взлелеянного в неге, но все же рыскавшего без страха (по полю брани)! Расскажи мне о том, о Санджая, как развлекались (наши воины) в битве с сыном Субхадры, неизмеримым в мощи, желавшим проникнуть в наш боевой строй колесниц.

Санджая сказал:
То, о чем ты спрашиваешь меня, о владыка царей, то есть об убиении сына Субхадры, я поведаю тебе полностью. Слушай же, о царь, внимательно, как (наши воины) развлекались с тем отроком, желавшим проникнуть в ряды наших войск. Подобно лесным обитателям в лесу, изобилующем кустарниками, травами и деревьями, когда они окружены отовсюду лесным пожаром, – твоих воинов обуял страх.

Так гласит глава тридцать вторая вДронапарве великой Махабхараты.

Глава 33

Санджая сказал:
Совершающие чрезвычайно суровые подвиги в битве, хотя и обнаруживающие усталость от своих подвигов, пятеро пандавов вместе с Кришной неодолимы даже богами. В справедливости, в деяниях, в происхождении, по нраву своему, славе и преуспеянию не было никогда и не будет другого человека, равного достоинствами Кришне. Преданный правде и справедливости и щедрый, царь Юдхиштхира, благодаря почитанию брахманов и другим подобного рода добродетелям, всегда ведь может обладать третьим небом. Сам Разрушитель в конце юги, о царь, доблестный сын Джамадагни и Бхимасена, (твердо) стоящий в бою, – все трое, говорят, равны (между собой). Для Партхи же, обладателя лука гандивы, способного исполнять свои клятвы в сражении, я не нахожу сравнения, равного ему на Земле.

Благоговейная почтительность к старшим, умение хранить тайну, скромность, самообуздание, красивая внешность и храбрость – эти шесть (достоинств) всегда пребывают в Накуле. Священным знанием, важностью своей, мягкостью нрава, справедливостью, геройством и силой доблестный Сахадева подобен двум божествам Ашвинам. Все те многочисленные достоинства, какие есть у Кришны, и те достоинства, которые есть у пандавов, – вся та совокупность добродетелей наблюдалась в Абхиманью одном! По твердости он был равен Юдхиштхире, а по поведению – Кришне, в подвигах он равен Бхимасене, страшному в своих деяниях,

а красотой своей, мужеством и священным знанием был подобен Дхананджае. В скромности же он был равен Сахадеве и Накуле.

Дхритараштра сказал:
Я хочу, о возница, услышать подробно об Абхиманью, сыне Субхадры непобедимом. Каким образом был он убит на поле брани?

Санджая сказал:
О великий царь, наставником был образован круглый боевой строй. Там были размещены все цари (нашего лагеря), каждый из них подобный Шакре. Были там сплочены и все царевичи. Все они дали клятву (стоять один за другого). Все были со знаменами, разукрашенными золотом. Все они носили красные одежды, все были в красных украшениях. Все они имели красные стяги и все были украшены золотыми гирляндами. Их было десять тысяч – неколебимых лучников. Выдвинув впереди себя внука твоего Лакшману, милого видом, все одинаково сочувствующие друг другу в несчастии и одинаково выказывающие смелость друг перед другом, все они состязались друг перед другом (в превосходстве) и были преданы благу друг друга.

А царь (Дурьйодхана) был окружен могучими воинами на колесницах Карной, Духшасаной и Крип ой, осененный белым зонтом. И обмахиваемый опахалами из буйволовых хвостов, он блистал великолепием, подобно царю богов. А во главе того войска стойким военачальником был Дрона, напоминающий восходящее солнце. Также стоял там и царь страны Синдху, прекрасный собою и неколебимый, как гора Меру. Стоя рядом с царем Синдху, предводительствуемые Ашваттхаманом, находились там, о великий царь, и тридцать твоих сыновей, подобных тридцати (богам). А рядом с царем Синдху блистали могучие воины на колесницах: царь Гандхары – игрок (Шакуни), Шалья и Бхуришравас.

Так гласит глава тридцать третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 34

Санджая сказал:
Тогда на тот неодолимый боевой строй, охраняемый сыном Бхарадваджи, двинулись партхи, возглавляемые Бхимасеной. Также Сатьяки и Чекитана, и Дхриштадьюмна – сын Паршаты, отважный Кунтибходжа и Друпада, могучий воин на колеснице; сын Арджуны (Абхиманью) и Кшатрадхарман, и Брихаткщатра могучий, Дхриштакету, повелитель чедиев, оба сына Мадри (Накула и Сахадева) и Гхатоткача; отважный Юдхаманью u и Шикхандин непобедимый, Уттамауджас неотразимый и Вирата, могучий воин на колеснице; сыновья Драупади, возбужденные гневом, и доблестный сын Шишупалы, кекайи, преисполненные могучей силы, и сринджайи тысячами – эти и другие, искусные во владении оружием и одержимые в битве, внезапно ринулись вместе со свитами на сына Бхарадваджи, желая сразиться.

Однако всех их, как только они приблизились вместе, доблестный сын Бхарадваджи бесстрашно сдержал могучим потоком своих стрел. Как громадные водяные валы, обрушиваясь на непробиваемую скалу, или как (вздымающиеся) моря, достигая своих берегов, (откатываются назад), они не могли подступить к Дроне. Мучимые стрелами, выпущенными из лука Дроны, о царь, пандавы не в состоянии были устоять перед сыном Бхарадваджи.

И так сила рук Дроны, которую мы видели, была весьма необычайна, ибо панчалы вместе со сринджаями не могли подступить к нему. При виде Дроны, наступающэго в сильном гневе, Юдхиштхира подумал о различных средствах для воспрепятствования его продвижению. Но

сочтя под конец, что Дрону невозможно остановить кем-либо другим, Юдхиштхира возложил то тяжелое и невыносимое бремя на сына Субхадры.

Обратившись к Абхиманью, тому сокрушителю вражеских героев, который был не ниже самого Васудевы и чья мощь была более неизмерима, чем у Пхальгуны, он сказал ему такие слова: «О сын мой, действуй таким образом, чтобы Арджуна, возвратившись (от саншаптаков), не мог порицать нас! Мы не знаем, как прорвать круглый боевой строй! Только ты, или Арджуна, или Кришна, или же Прадьюмна могут прорвать тот круглый строй! Но невозможно, о могучерукий, найти другого, пятого (чтобы совершить такой подвиг)! О Абхиманью, тебе надлежит дать дар отцам твоим, дядям по матери и войскам всем, просящим тебя, о сын мой! Быстро взяв оружие, сокруши боевой строй Дроны, ибо Дхананджая, о сын мой, вернувшись из сражения, станет порицать нас всех!»

Абхиманью сказал:
Желая победы отцам моим, я в бою проникну в тот крепкий, неколебимый и превосходнейший строй, (установленный) Дроной, и сокрушу его. Ибо отец мой обучил меня способу (прорыва) и сокрушения подобного строя. Я не смогу, однако, выбраться (оттуда), если окажусь в какой-нибудь опасности!

Юдхиштхира сказал:
Прорви с боем этот строй, о превосходнейший, и сделай проход для нас. Мы же последуем за тобой путем, каким двинешься ты, о сын мой! В битве ты равен самому Дхананджае. Как только ты проникнешь в строй (врага), о сын мой, мы последуем за тобой, охраняя тебя со всех сторон!

Бхима сказал:
Я сам последую за тобой, также Дхриштадьюмна и Сатьяки; панчалыг кекайи и матсьи, а также все прабхадраки. Прорванный тобою один раз, боевой строй мы снова и снова разорвем в разных местах, убивая в нем выдающихся воинов!

Абхиманью сказал:
Я проникну в этот неприступный строй Дроны, как возбужденный гневом мотылек (проникает) в пылающий огонь. Сегодня я совершу такой подвиг, который будет благотворным для обоих родов. Я исполню тог что доставит радость и моему дяде по матери, и отцу моему. Сегодня все существа увидят толпы вражеских воинов, теснимых в битве мною, лишенным помощи ребенком!

Юдхиштхира сказал:
Так как ты, охраняемый этими тиграми среди мужей, могучими лучниками, этими воинами, подобными Садхьям, Рудрам или Марутам, или равными в доблести (восьмерым) Васу, Агни или самому Адитье, отваживаешься прорвать непроницаемый строй Дроны и так как ты говоришь так, то пусть сила твоя, о сын Субхадры, возрастет!

Санджая сказал:
Услышав такие слова Юдхиштхиры, Абхиманью поторопил своего возницу (приказав ему): «О Сумитра, быстро погоняй коней по бранному полю к войску Дроны!»

Так гласит глава тридцать четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 35

Санджая сказал:
Выслушав слова мудрого царя справедливости, сын Субхадры, о потомок Бхараты, поторопил возницу (ехать) к войску Дроны. И понуждаемый его возгласами «поезжай, поезжай!», возница, о царь, сказал тогда в ответ Абхиманью такие слова: «О долговечный, неимоверно тяжелое бремя возложено на тебя пандавами! Удостоверившись своим умом о возможности перенести его, ты должен потом вступить в битву. Ведь наставник Дрона искусен во владении высочайшим оружием и опытен (в битве)! Ты же взлелеян в роскошной неге и все же искушен в битве!»

Тогда Абхиманью, смеясь, сказал вознице такое слово: «О возница, кто же этот Дрона! И кто, опять же, все эти кшатрии? С самим Шакрой, восседающим на Айравате, вместе с сонмами бессмертных я мог бы сразиться на головном участке боя. Нет у меня ни малейших опасений сегодня перед всеми кшатриями! Это вражеское войско не заслуживает даже (быть приравненным к) шестнадцатой части меня самого! Имей я даже дядю моего по матери – Вишну, покорителя вселенной, о сын суты, или отца моего Арджуну (своим противником) в битве, страх не овладел бы мною!» Абхиманью затем, пренебрегши теми словами возницы, сказал ему: «Поезжай немедля к войску Дроны!»

И возница тогда, не очень радостный душою, погнал трехлетних коней, покрытых золотыми попонами. И те кони, погоняемые Сумитрой к войску Дроны, помчались к самому Дроне, о царь, с большой быстротой и отвагой. Заметив его, несущегося (к ним) таким образом, все кауравы, возглавляемые Дроной, выступили против него, в то время как пандавы последовали за ним.

И сын Арджуны, превосходящий самого Арджуну, облаченный в золотые доспехи и осененный превосходных знаменем с изображением дерева карникара, ринулся, горя желанием битвы, на могучих воинов колесничных, возглавляемых Дроной, подобно тому как детеныш льва (набрасывается) на слонов.

Тогда те (воины), пытаясь защитить свой боевой строй, стали наносить удары (по Абхиманью). И на минуту произошло там волнение, которое, казалось, напоминало водоворот, образовавшийся от впадения Ганги в океан. И между сражающимися героями, разящими друг друга, о царь, разыгралась свирепая и страшная битва. И в то время как происходило то вселяющее ужас сражение, сын Арджуны, прорвав на глазах у самого Дроны тот боевой строй, проник в него.

Но когда он проник в середину стана врагов и начал уничтожать их, большие отряды слонов, конницы, колесниц и пехотинцев с поднятым оружием окружили того могучего воина. Оглашая Землю звуками различных музыкальных инструментов, всяким шумом, призывами и гневными словами, грозными восклицаниями и львиными кличами, выкриками «Постой, постой!», свирепыми возгласами одобрения, криками «Не уходи! Постой! Иди ко мне!», многократными возгласами «Этот! Это я! Туда!», – оглашая Землю ревом слонов, звоном колокольцев и украшений, взрывами смеха и стуком копыт и ободов колес, (воины кауравов) обрушились на сына-Арджуны.

Но прежде тот герой, ловкий во владении оружием и сведущий в уязвимых местах (противника), быстро и неколебимо (осыпая стрелами), способными поражать жизненно важные места, сам убил полчища тех нападавших (на него) воинов. Убиваемые различного вида острыми стрелами, они нападали на него на поле брани, подобно тому как стаи саранчи (набра-

сываются) на пылающий огонь. И Абхиманью быстро усеял землю их телами и различными членами тел, как (жрецы) устилают алтарь при жертвоприношении листьями травы куща.

И сын Арджуны отрубил тысячами красивоокруглые руки твоих воинов. Некоторые из этих рук имели кожаные предохранители и напальчники (от удара тетивы), другие держали колчаны и луки; иные сжимали мечи или щиты, стрекала или поводья, другие – пики и секиры; некоторые держали шары или стрелы с железными наконечниками или копья, иные же – заостренные колья и железные булавы или пики, заостренные трезубцем; еще-другие сжимали короткие дротики или заостренные железом колья, иные же – метательные дротики или отборные дреколья; некоторые держали кнуты и огромные раковины, другие – колючие дротики и железные крючья; иные сжимали деревянные молоты и другие виды метательного оружия, еще другие имели сети или тяжелые -дубины или каменья. И все те руки были украшены браслетами и запястьями и умащены очень приятными благовониями и притираниями. И из-за тех (рук), обагренных кровью и ярко(красных) на вид, о великий царь, (то поле брани) представлялось красивым, как будто (оно было усеяно) пяти-головыми змеями, растерзанными Гарудой, о достойнейший!

Сын Пхальгуны также устлал поле битвы множеством голов вражеских (воинов), голов, украшенных изящными носами, красивыми лицами и локонами, без всяких изъянов и с прекрасными серьгами; со ссадинами на нижних губах, искусанных от ярости, они обильно истекали кровью. Украшенные чудесными венками, коронами и тюрбанами, драгоценными камнями и жемчужинами, блеском подобные солнцу или луне, они, казалось, напоминали собою лотосы, лишенные стеблей.

Издающие тонкое благовоние, они в свое время могли говорить слова приятные и благотворные. Тут же (валялись повсюду) видом напоминающие воздушный город гандхарвов и как должно оснащенные колесницы (противника), лишенные дышел впереди и тройных бамбуковых шестов, они красовались лишь древками знамен, повергнутыми на них. Одни были лишены своих задков, боковых дышел и осей, а также ободов и спиц. Иные были лишены своих колес и других принадлежностей или площадок, и (всевозможные) приспособления на них были разбиты. Оснащения всяки& были с них снесены, а воины на них – убиты тысячами. Превращая (все колесницы эти) в обломки, (Абхиманью) показывался во всех направлениях.

Своими стрелами с тонко отточенными остриями он изрубил на куски вражеских слонов и воинов на слонах вместе со стягами, стрекалами и знаменами; также колчаны и панцири, подпруги, веревки вокруг щей слонов и попоны; также колокольца, хоботы и кончики бивней; равно и пеших воинов, охранявших с тылу копыта слонов. Там (можно было видеть множество) коней, происходящих из Ванаю, горных областей, Камбоджи, Аратты и Бахли, с хвостами, ушами и глазами неподвижно уставленными, быстрых и хорошо обученных, с ловко восседающими на них искусными воинами, сражающимися дротиками, копьями и пиками, с султанами (на головах) и чапраками и с украшениями (на хвостах) в виде пучков волос, совсем развязавшихся. Многие (лежали) с высунувшимися языками и выкатившимися (из орбит) глазами и с вывалившимися в изобилии внутренностями и печенью. Седоки (лежали рядом) убитые, и упряжь (на животных) была разорвана. (Распростертые так), они доставляли наслаждение стаям кровожадных хищников. С доспехами и панцирями искромсанными, извергая кал и мочу, они плавали в них.

Так повергая лучших коней в (воинстве) твоем, Абхиманью выглядел блистательно. Совершив без посторонней помощи трудновыполнимый подвиг, как некогда – непостижимый Вишну, Абхиманью сокрушил твое огромной войско, состоящее из трех родов. Он уничтожил также твоих пеших воинов, о потомок Бхараты! И при виде того войска, сильно иссе-

ченного сыном Субхадры, одним (без постороннего участия), своими острыми стрелами, словно воинство асуров – Скандой, твои воины и сыновья твои бросали во все стороны (отсутствующие) взгляды.

С пересохшими ртами, беспокойно бегающими глазами, с покрытыми потом телами, на которых волоски поднялись от содрогания, потеряв уверенность в победе над врагом, они приняли тогда решение убежать с поля боя. И желая спасти свои жизни, они называли друг друга по своим и родовым именам и, покидая раненых своих сыновей и отцов, друзей, родных и родственников по браку, собрались пуститься в бегство, понукая своих коней и слонов (скакать во всю прыть).

Так гласит глава тридцать пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 36

Санджая сказал:
Видя свое войско разбитым наголову сыном Субхадры, неизмеримым в мощи, Дурьйодхана, сильно разгневанный, сам двинулся против него. Увидев царя, повернувшего обратно к сыну Субхадры в сражение, Дрона тогда, обратившись к воинам, сказал: «Спасайте своего повелителя! Перед нами, на глазах у нас самих, доблестный Абхиманью убивает все, что служит ему мишенью. Так нагряньте же быстро на него, не бойтесь и защитите царя кауравов!»

И тогда благодарные и могучие воины, благорасположенные (к Дурьйодхане) и горделивые от побед, встревоженные (грозящей) опасностью, окружили твоего храброго сына. Дрона и сын Дроны, Крипа и Карна, Критаварман и сын Субалы, Брихадбалазг и царь мадров, Бхури и Бхуришравас и Шала; Паурава и Вришасена, меча острые стрелы, окатили сына Субхадры могучим ливнем своих стрел. И приведя его в замешательство, они спасли Дурьйодхану. Сын Арджуны, однако, не мог вынести того, что у него словно выхватили кусок изо-рта. Мощным потоком стрел обратив вспять тех могучих воинов на колесницах вместе с их возницами и конями, сын Субхадры издал тогда львиный клич.

И услышав тот его клич, подобный рыку льва, жаждущего сырого мяса, эти воины на колесницах, возглавляемые Дроной, не вынесли его, охваченные вновь сильной яростью. Окружив его со всех сторон множеством колесниц, о достойнейший, они выпустили в него обильные ливни самых разнообразных стрел. Твой внук, однако, рассек их в воздухе (прежде чем они смогли достичь цели) своими острыми стрелами и пронзил ими всех тех (воинов).

И тот (подвиг его) казался весьма удивительным. Тогда они, приведенные им в ярость при помощи стрел, подобных ядовитым змеям, окружили сына Субхадры, не отступающего (в сражении), желая убить его. И похожее на вздымающийся океан, то море твоих войск Абхиманью сдерживал один, как берег морской (сдерживает) обиталище Макаров. И среди тех героев, сражающихся так и поражающих друг друга, то есть Абхиманью и его приверженцами (с одной стороны) и его противниками (с другой) – не было никого, который отвратился бы от битвы.

Меж тем как происходила та свирепая и страшная битва, Духсаха пронзил Абхиманью девятью стрелами; Духщасана – двенадцатью, Крипа, сын Шарадвана, – тремя, а Дрона – семнадцатью стрелами, напоминающими ядовитых змей. Вивиншати пронзил его двадцатью стрелами, а Критаварман – семью, Брихадбала – восемью, Ашваттха-ман же – семью. Бхуришравас пронзил его тремя стрелами, а повелитель мадров – семью, Шакуни – двумя стрелами, а царь Дурьйодхана – тремя. Но доблестный Абхиманью, о великий царь, будто приплясывая с луком в руке, пронзил в ответ каждого (из тех воинов) тремя стрелами.

Затем Абхиманью, исполненный ярости из-за сыновей твоих, так досаждавших ему, проявил свою чудесную силу, приобретенную от самой природы и упражнений. Мчащийся на хорошо выезженных конях, наделенных быстротою Гаруды или Ветра, всецело послушных приказаниям своего возницы, он быстро обрушился на наследника Аш-маки. Но тот пронзил его десятью стрелами и воскликнул «Стой»! Абхиманью затем десятью стрелами (сразил) его возницу и коней, (срубил) знамя, обе его руки, лук и голову и повергнул их на землю, смеясь при этом. И когда тот герой, повелитель ашмаков, был убит так сыном Субхадры, все его войско дрогнуло и начало убегать с поля.

Тогда Карна и Крипа, Дрона и сын Дроны, царь Гандхары, Шали и Шалья, Бхуришравас и Кратха, Сомадатта и Вивиншати, Вришасена и Сушена, Кундабхедин и Пратардана, Вриндарака и Лалиттха, Прабаху и Диргхалочана и Дурьйодхана разгневанный окатили его ливнями своих стрел. Но тут Абхиманью, сильно разъяренный теми могучими лучниками, (досаждавшими ему) прямыми стрелами, пустил в Карну стрелу, способную пронзить насквозь тело.

И пробив его панцирь и пронзив насквозь тело, та стрела вонзилась затем в землю, о царь, подобно тому как змея проходит сквозь муравейник. И от того сильного удара Карна совсем обессилел, почувствовав страшную боль, и стал дрожать в той битве, как будто холм при землетрясении. Затем тремя другими острыми стрелами могучий (сын Арджуны), воспылавший гневом, убил трех из тех воинов: Сушену, Диргхалочану и Кундабхедина. Но тут Карна (очнувшись от потрясения) поразил его двадцатью пятью длинными стрелами, затем Ашваттхаман – двадцатью и Критаварман – семью.

С телом, всюду истерзанным стрелами, сын сына Шакры, воспаленный гневом, рыскал по полю. И он представлялся всему войску точно сам Разрушитель (Яма) с путами в руке. Затем он окатил Шалью, оказавшегося поблизости от него, ливнем стрел. И он, могучерукий, издал громкие клики, устрашая этим твои войска. А между тем Шалья, пронзенный (Абхиманью), сведущим в оружии, при помощи прямых стрел, поражающих жизненно важные места, о царь, сел на площадку колесницы и потерял сознание. При виде его, так пронзенного достославным сыном Субхадры, все войско обратилось в бегство на глазах у сына Бхарадваджи.

Видя того могучерукого воина, покрытого так стрелами с золотым оперением, и твои воины тоже разбежались, как олени, преследуемые львом. И прославляемый сонмами усопших предков и богов, чаранов, сиддхов и якшей, а также толпами различных существ на Земле возданием хвалы (его доблести и искусству) в битве, Абхиманью выглядел весьма блистательно, подобно жертвенному огню, поливаемому топленым маслом.

Так гласит глава тридцать шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 37

Дхритараштра сказал:
Меж тем как сын Арджуны, тот могучий лучник, так крушил (своих г противников) прямыми стрелами, кто из моих воинов пытался окатить его ливнем своих (стрел)?

Санджая сказал:
Слушай, о царь, о чудесной удали в сражении юного (Абхиманью), а когда он сокрушал отряды колесниц (кауравов), защищаемые сыном Бхарадваджи. Увидев повелителя мадров обессиленным в битве сыном Субхадры, младший брат Шальи, преисполненный гнева, выступил против (Абхиманью), меча свои стрелы. Пронзив сына Арджуны вместе с его конями

и возницей десятью стрелами, он издал громкий клич и промолвил: «Стой, остановись!» Однако сын Арджуны при помощи своих стрел

отсек ему голову вместе с шеей, руки и ноги, сразил коней и возницу, рассек лук его, зонт и знамя, тройной бамбуковый шест, приспособление-из дощечек дерева шами (для добывания огня), оба колеса колесничные, ярмо и дышла, колчаны и днище колесницы, древко знамени, обоих воинов, охраняющих колеса колесницы, и все боевые принадлежности колесницы. И из-за высокой его ловкости никто не мог видеть, как он проявлял ее. А тот, лишенный жизни, с разорванными украшениями и одеянием, упал на землю, как могучее дерево чайтья, сломанное ветром неимоверной силы. А его приверженцы, сильно перепуганные, разбежались во все стороны. Увидев тот подвиг сына Арджуны, все существа (испытали большое удовлетворение), о потомок Бхараты, и приветствовали его громкими одобрительными возгласами «Превосходно, превосходно!»

После того как брат Шальи был убит так, многие из его воинов, громгко объявляя свой род, местожительство и имена, ринулись против сына Арджуны, преисполненные гнева и с различным оружием в руках. Некоторые из них были на колесницах, другие – на конях, еще другие – на слонах, а иные двигались пешком. И все они отличались чрезмерною-силой. Другие (устремились), оглашая отпрыска Арджуны громким свистом стрел и резким стуком копыт и ободов колес колесничных, грозными окриками, гиканьем и воинственными кликами, львивоподобными рыками и ревом (возбужденных слонов), звоном тетивы и шлепками кожаных нарукавников.

И они говорили ему: «Живым ты не избавишься от нас, пока мы сами живы!» Слыша их, говорящих так, и смеясь при этом,. сын Субхадры пронзил своими стрелами каждого из них, кто первым ударил в него. Намереваясь показать различные виды оружия, чудесные и отличающиеся быстротою, доблестный сын Арджуны сражался мягко в битве. То оружие, которое он получил от Васудевы, и то, которое – от Дхананджайи, сын Арджуны показывал таким же самым способом, какой (применялся) Кришной и Арджуной. Не обращая внимания на тяжкое бремя (которое он взял на себя) и достигая своей цели все снова и снова, он накладывал и метал стрелы. И не было совершенно видно никакого различия между (его действиями).

Только дрожащий круг натянутого лука можно было видеть со всех сторон, подобный рассеивающему мрак, сверкающему диску солнца. Слышались (там) звон тетивы его (лука) и страшные шлепки ладоней, напоминающие раскаты (грома из) облака, исторгающего в свое время могучие вспышки молний. Скромный, неистовый, почтительный (к старшим) и миловидный, сын Субхадры, намереваясь почтить (вражеских) героев-лучников, сражался с ними (вежливо).

Начав мягко, о великий царь, он постепенно сделался свиреп, как прославленный творец дня в в осеннюю пору после окончания времени дождей. Подобно тому как солнце источает свои лучи, (Абхиманью), исполненный гнева, метал сотнями различные стрелы, огромные, остро отточенные на камне и снабженные золотым оперением. Стрелами с подковообразным наконечником и с острием в виде телячьего зуба, различными длинными стрелами, а также снабженными наконечником в виде полумесяца и с серповидным острием и другими стрелами с широким острием он, достославный, окатил боевой строй колесниц на глазах у сына Бхарадваджи. И тогда войско то, так теснимое стрелами, отвратилось от поля битвы.

Так гласит глава тридцать седьмая в Дронапарве великой Махабхарате.

Глава 38

Дхритараштра сказал:
Мое сердце раздваивается противоположными чувствами: стыдом и довлетворенностью, о Санджая, (слыша) о том, что сын Субхадры один сдерживал целое войско сына моего. Поведай мне снова подробно, о сын Гавальганы, все о (чудесном) сражении юного (Абхиманью), которое как бы должно напоминать (сражение) Сканды с асурами.

Санджая сказал:
О конечно, я расскажу тебе о страшном побоище, о той свирепой битве, как она происходила между одним и многими. Стоя на колеснице, Абхиманью, преисполненный отваги, приводил в восхищение всех твоих воинов на колесницах, тех усмирителей врагов, отмеченных смелостью. Мчась (с быстротою), подобно кругу, описываемому горящей головешкой, он обрушился своими стрелами на Дрону, Карну и Крипу, Шалью, сына Дроны, (Критавармана) из рода Бходжа и Брихадбалу; на Дурьйодхану, сына Сомадатты и могучего Шакуни, на различных царей и царевичей и на различные отряды войск. Сокрушая своих врагов превосходнейшим оружием, доблестный сын Субхадры, наделенный скрытою мощью, (казалось), появлялся во всех местах (сражения), о потомок Бхараты! При виде такого поведения сына Субхадры, обладающего неизмеримой мощью, войска твои трепетали все снова и снова.

Тогда премудрый и доблестный сын Бхарадваджи, видя в том сражении Абхиманью, столь искусного в битве, с широко раскрытыми от радости глазами быстро (подошел) к Крипе и, обратившись к нему, промолвил, словно уязвляя жизненно важные места твоего сына, о достойнейший: «Вот приближается юный сын Субхадры во главе партхов, радуя всех друзей и царя Юдхищтхиру, Накулу и Сахадеву и Бхимасену, сына Панду, всех родных и родственников (по женитьбе), а также других беспристрастных зрителей. Ни одного другого лучника я не считаю равным ему в битве! Если он пожелает, он сможет уничтожить все это войско! Но по той или иной причине (кажется мне) он не пожелает этого». Услышав слова Дроны, проникнутые чувством удовлетворения, сын твой, пылая гневом на сына Арджуны, взглянул на Дрону, слегка улыбаясь при этом. И сказал затем Дурьйодхана Карне, Бахлике и Крипе, Духшасане, царю мадров и многим другим могучим воинам на колесницах.

«Наставник всего рода кшатриев, первейший из знатоков брахмы, не желает убивать безрассудного сына Арджуны! Никто не может в сражении избавиться от него (живым), даже сам Разрушитель (Яма), если последний выступит против наставника, покушаясь на его жизнь. Что же говорить тогда о другом смертном? Говорю вам правду! Ведь этот (юнец) – сын Арджуны, а он – ученик наставника. Именно поэтому он защищает этого (юношу)! Сыновья и ученики и их потомство всегда очень милы для людей добродетельных. Защищаемый Дроной, он считает себя одаренным доблестью. Высоко возомнивший о себе, он всего лишь глуп.

Поэтому сокрушите его немедля!» И после таких слов, произнесенных царем, те воины, возбужденные гневом и жаждущие убить своего противника, ринулись на отпрыска (Субхадры), той дочери из рода Сатвата, на глазах у сына Бхарадваджи. А Духщасана, тот тигр из рода Куру, услышав те слова Дурьйодханы, сказал ему в ответ такое слово: «Говорю я тебе, о великий царь, что только я убью его на глазах у сынов Панду в перед взором панчалов! Я пожру сегодня сына Субхадры, подобно тому как Раху проглатывает Творца дня (Солнце)!»

И снова обратившись громогласно к царю кауравов, он сказал ему такие слова: «Услышав о том, что сын Субхадры сражен мною, оба Кришны, отличающиеся чрезмерным самомнением, несомненно отправятся в мир усопших из этого мира живущих! Услышав затем о смерти

их обоих, вполне очевидно, что другие сыновья, рожденные от жен Панду, вместе со всеми друзьями в течение одного дня расстанутся с жизнью от бессильного отчаяния!

Поэтому если этот враг твой будет убит, то и все враги твои будут убиты! Пожелай мне удачи, о царь, – именно я убью этого врага твоего!» И сказав так, о царь, твой сын Духшасана, пылая гневом и издавая громкий крик, ринулся против сына Субхадры, покрывая его ливнями стрел. Но в сына твоего, в пылу гнева так устремлявшегося на него, тот усмиритель врагов Абхиманью ударил двадцатью шестью острыми стрелами. Духшасана, однако, сильно разгневанный, будто слон, одержимый течкой, отчаянно сражался с сыном Субхадры, а Абхиманью противостоял ему в битве.

Оба они, опытные в науке о боевых колесницах, сражались, описывая красивые круги своими колесницами, один налево, другой направо. А воины тогда различными барабанами – боевыми, большими и малыми, бубнами, литаврами и цимбалами производили оглушительный шум, смешанный с львиноподобными рыками, словно поднимающийся из вместилища соленых вод.

Так гласит глава тридцать восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 39

Санджая сказал:
Тогда мудрый Абхиманью с телом, израненным стрелами, обратившись с улыбкой к противнику своему Духшасане, стоявшему напротив, сказал ему: «Благодаря счастливой судьбе я вижу в сражении тщеславного врагаг явившегося (передо мной), жестокого, отринувшего всякое чувство справедливости и громко кричащего (о собственной славе)! В собрании (кауравов), тогда как это слышал и царь Дхритараштра, ты разгневал грубыми словами царя справедливости Юдхиштхиру. Опьяненным победой (в игре-в кости), тобою было также сказано много нелепых слов и Бхиме.

Вследствие гнева тех людей благородных ты наконец должен будешь получить воздаяние за те твои поступки! О злоумышленный, получай же без промедления горькие плоды от ограбления чужого достояния, проявлений гнева и твоей ненависти к миру, жадности и невежества, враждебности: (к родственникам), несправедливости и преследования, захвата у отцов моих, свирепых лучников, царства, а также собственного твоего беззакония! Сегодня я накажу тебя своими стрелами на глазах у всего войска! Сегодня в сражении я стану свободным от долга перед гневом негодующей Кришны и отца моего, жаждущего (отомстить тебе)! Сегодня в бою, о Кауравья, я стану свободным от долга перед Бхимой. Ибо ты не избавишься от меня живым, если, конечно, не покинешь поля битвы!»

Сказав так, могучерукий воин, тот сокрушитель вражеских героев, нацелил стрелу, наделенную блеском Ямы, Агни или бога Ветра, способную причинить Духшасане гибельный конец. Быстро достигнув его груди, она пронзила ему ключицу. Затем Абхиманью вновь поразил его двадцатью пятью стрелами. Глубоко пронзенный и совсем обессиленный, Духшасана сел на площадке колесницы, о великий царь, и впал в сильный обморок.

И бесчувственного Духшасану, измученного стрелами сына Субхадры, вывез его возница из средины битвы. При виде его пандавы и (пятеро) сыновей Драупади, Вирата, панчалы и кекайи издали тогда львиноподобный клич.

И тут отряды войск нандавов, преисполненные радости, заставили повсюду зазвучать всевозможные музыкальные инструменты. Видя тот подвиг сына Субхадры, они радостно смея-

лись. И увидев, что непримиримый и надменный враг побежден так, сыновья Драупади, те могучие воины на колесницах, носящие на верхушках своих знамен изображения Ямы, Маруты и Шакры и обоих Ашвинов; равно и Сатьяки и Чекитана, Дхриштадьюмна и Шикхандин, кекайи и Дхриштакету, матсьи, панчалы и сринджайи, а также пандавы, предводительствуемые Юдхиштхирой, преисполнились радостью. И они вместе двинулись вперед, желая прорвать боевой строй Дроны.

Тогда произошла страшная битва между твоими и вражескими войнами. Все из них были героями, неотвращающимися (от битвы) и жаждущими победы. (В разгаре битвы), о великий царь, Дурьйодхана, обратившись к сыну Радхи, сказал так: «Посмотри, Духшасана, напоминающий палящее солнце и уничтожавший (все время) врагов в битве, попал сам теперь во власть Абхиманью. Пандавы тоже устремляются на нас, пытаясь спасти сына Субхадры!» И тогда Карна, воспалившись гневом и желая сделать благо сыну твоему, окатил (ливнями) стрел неодолимого Абхиманью. И герой тот, как бы из презрения к сыну Субхадры, пронзил также его спутников на поле битвы множеством превосходнейших острых стрел.

Однако Абхиманью благородный, о царь, желая пробиться к Дроне, быстро пронзил сына Радхи семьюдесятью тремя стрелами. И никто (из твоих воинов) не смог тогда в бою отвратить от Дроны того (героя), сокрушавшего лучших воинов на колесницах (из войска кауравов), словно Громодержец – асуров.

Тогда Карна, наиболее чтимый среди всех стрелков из лука, желая (одержать) победу, пронзил сына Субхадры сотнями стрел, показывая свое превосходнейшее оружие. И лучший из знатоков оружия, тот доблестный ученик РамыБв стал своим оружием жестоко мучить в сражении Абхиманью, неодолимого для врагов. Но хотя и теснимый так в битве сыном Радхи ливнями его оружия, сын Субхадры, подобный (по своей отваге) самим бессмертным, не чувствовал боли.

И затем своими прямыми стрелами, остро отточенными на камне, с серповидными наконечниками, сын Арджуны, рассекши луки многих героев, стал в ответ жестоко теснить Карну. Рассекши его знамя и лук, он сбросил их на землю. Видя К«рну в такой беде, младший брат Карны, сильно натянув свой лук, быстро выступил против сына Субхадры. Тогда партхи и их последователи издали громкие крики и ударили в музыкальные инструменты и одобрили сына Субхадры (за его героизм).

Так гласит глава тридцать девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 40

Санджая сказал:
Затем младший брат Карны с луком в руке, издавая громкие крики і натягивая тетиву все снова и снова, быстро устремился в промежуток лежду колесницами тех двух благородных воинов. И он пронзил десятью стрелами Абхиманью непобедимого, его зонт и знамя, возницу и коней, слегка улыбаясь при этом. При виде сына Кришны, так теснимого стрелами, хотя и совершившего этот нечеловеческий подвиг, достойный его отцов и дедов, воины твои преисполнились восторга. Абхиманью же, сильно натянув свой лук и улыбаясь слегка, снес одной пернатой стрелою голову своему противнику, и тот упал с колесницы на землю.

Увидев своего брата убитым (и поверженным), подобно дереву карникара, сотрясенному и сорванному ветром с вершины горы, Карна, о царь, проникся горем. А сын Субхадры тем временем, заставив Карну при помощи стрел 5 оперением цапли отвратиться (от битвы), быстро ринулся на других могучих лучников. Затем Абхиманью, овеянный великой славой,

прорвал гот обширный боевой строй, состоящий из слонов, конницы, колесниц і пехотинцев, подобно тому как огромная рыба, разгневавшись, (прорывает) сеть.68 А что до Карны, то теснимый Абхиманью множеством стрел, он спасся бегством (с поля брани) на быстрых конях. И ряды войск (кауравов) были тогда прорваны.

В то время как небо было покрыто стрелами Абхиманью, словно роями саранчи или ливнями дождя, ничего, о царь, нельзя было различить. А среди твоих воинов, так уничтожаемых теми острыми стрелами, никого, о царь, не оставалось более на поле брани, кроме властителя страны Синдху.

Затем сын Субхадры, тот бык среди мужей, затрубив в свою раковину, стремительно обрушился на войско бхаратийское, о бык из рода Бхараты! Подобно пылающей головне, брошенной среди сухой травы, сын Арджуны стал сжигать своих врагов, быстро проносясь среди войск бхаратов. Проникнув сквозь их строй, он крушил колесницы, слонов, коней и людей острыми стрелами и усеял поле битвы грудами безглавых тел.

Иссеченные превосходнейшими стрелами, извергающимися из лука сына Субхадры, (воины кауравов) убегали прочь, стремясь (сохранить) свою жизнь и убивая (при бегстве) своих же соратников, попадавшихся перед ними. Те жестокие стрелы, страшные по оставляемым последствиям, широко заостренные и хорошо отточенные, поражая воинов на колесницах, слонов и коней, густо падали на землю. Отрубленные руки с зажатыми в них мечами и другим оружием, с кожаными напальчниками (от удара тетивы), украшенные браслетами и другими золотыми украшениями, виднелись на поле брани. Стрелы, луки и мечи, тела и головы, украшенные серьгами и венками, лежали тысячами на земле.

(Загроможденное) остовами колесниц, их боевыми площадками, дыш-лами, древками (знамен) и сидениями,60 сломанными осями и колесами и множеством разбитых самих колесниц; дротиками, луками и щитами (лежащими вокруг) и упавшими большими знаменами, вместе с убитыми кшатриями, конями и слонами, о владыка народов, поле битвы, являвшее собою вид весьма ужасный, вскоре стало непроходимо. Громкий шум, производимый царевичами, когда они, убиваемые (Абхиманью), взывали друг к другу, становился явственней и увеличивал страх у робких.

И тот шум, о первейший из рода Бхараты, оглашал все страны света. А сын Субхадры обрушивался на войско (кауравов), уничтожая коней, воинов на колесницах и слонов. Он рыскал по (бранному полю) во всех направлениях, главных и промежуточных, сокрушая своих врагов. И окруженного нашим войском и окутанного пылью, не могли мы видеть его, когда он отнимал жизни у слонов, коней и воинов, о потомок Бхараты! И вскоре мы увидели Абхиманью снова, о великий царь, сжигающим полчища своих врагов, подобно полуденному солнцу (опаляющему все своими лучами). Равный самому Васаве в сражении, тот отпрыск сына Васавы – Абхиманью, о великий царь, выглядел блистательно среди (вражеского) войска.

Так гласит глава сороковая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 41

Дхритараштра сказал:
Еще (в сущности) ребенок, воспитанный в роскошной неге, гордый неотразимой силой и опытный в сражениях, отпрыск знатного рода, герой, готовый пожертвовать своею жизнью, – когда Абхиманью проник в боевые ряды (кауравов) на добрых трехлетних конях, был ли в Юдхиштхирином войске кто-нибудь из воинов на колесницах, который последовая за ним?

Санджая сказал:
Юдхиштхира и Бхимасена, Шикхандин и Сатьяки и оба близнеца,
Дхриштадьюмна и Вирата и Друпада вместе с кекаями, Дхриштакету,
исполненный ярости, и матсьи ринулись в битву. Построившиеся в боевые порядки, те воины, разящие (врагов), бросились вперед, желая (спасти его). При виде тех подступающих к ним героев войска твои повернули вспять. Увидев затем, что обширное войско твоего сына обращается вспять, зять твой, преисполненный великой силы, бросился, чтобы остановить их.

И в самом деле, царь Джаядратха, сын правителя Синдху, о великий царь, быстро остановил партхов вместе с их соратниками, стремившихся (спасти) своего сына. И тот суровый лучник, сын Вридхакшатры, вызывая (к действию) небесное оружие, отразил (пандавов), подобно тому как (отгоняют) слонов от отлогих мест.

Дхритараштра сказал:
Я думаю, о Санджая, что очень тяжким было бремя, возложенное на правителя Синдху, так как он один должен был остановить разгневанных пандавов, желавших спасти своего сына! Весьма удивительны, я считаю, были сила и героизм у властителя Синдху. Расскажи мне о доблести того благородного (воина) и о том его выдающемся подвиге. Какие дары роздал он? Какие возлияния (священному огню) и какие жертвоприношения совершил он? И каким аскетическим занятиям царь Синдху усердно предавался, вследствие которых он один сдержал разъяренных партхов?

Санджая сказал:
(Однажды), по случаю похищения Драупади, Джаядратха был побежден Бхимасеной. Из уязвленного чувства гордости царь принялся за свершение весьма сурового аскетического подвига ради получения дара. Сдерживая свои чувства от милых им соответствующих объектов, перенося голод, жажду и жару, он истощил себя вплоть до того, что стали видны вены. Произнося вечные слова вед, он удовлетворил бога Шарву.

Всегда сострадательный к своим преданным поклонникам, величественный бог проявил тогда к нему свое милосердие. И в самом деле, явившись к нему во время сна, Хара сказал сыну правителя Синдху: «Выбирай себе дар! Я доволен тобою, о Джаядратха! Чего ты желаешь?» Услышав сказанное так Шарвой, царь Синдху Джаядратха преклонился перед Рудрой и сказал ему со сложенными почтительно ладонями и с обузданной душою: «Пусть я один сдержу в сражении всех сынов Панду, хотя и одарены они страшною мощью и доблестью». Именно такой (дар испросил он), о потомок Бхараты! И на такую просьбу его владыка богов сказал тогда Джаядратхе: «Я дам тебе дар, о милый! Исключая Дхананджаю, сына Притхи, ты сдержишь в сражении четырех других сыновей Панду!» «Да будет так», – сказал царь владыке богов и пробудился. И благодаря тому дару, пожалованному ему, а также силе небесного оружия Джаядратха один сдержал целое войско пандавов. От звона его тетивы и шлепков ладоней страх обуял вражеских кшатриев, а твое войско (в то же самое время) было охвачено великой радостью. И видя все бремя, возложенное на правителя Синдху, кшатрии (воинства кауравов) с громкими криками, о царь, ринулись туда, где находилось Юдхиштхирино войско.

Так гласит глава сорок первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 42

Санджая сказал:
Ты спрашиваешь меня, о владыка царей, о доблести царя страны Синдху. Слушай же меня о том. Я расскажу тебе обо всем, как сражался он с пандавами! Его везли (в той битве) ретивые крупные кони, происходящие из страны Синдху, хорошо объезженные, быстротою подобные ветру и послушные воле возницы. Его колесница, надежно оснащенная, видом своим напоминала воздушный город гандхарвов. Его знамя, носящее изображение огромного вепря из серебра, выглядело очень красиво. С белым зонтом, знаменами и опахалом из буйволовых хвостов – теми знаками царского достоинства – он сиял, как владыка звезд на небосклоне.

Предохранительный щит колесницы, сделанный из железа, был украшен жемчужинами, алмазами, драгоценными каменьями и золотом. И он сверкал подобно небу, усеянному (ночными) светилами.

Натягивая свой огромный лук и сея бесчисленные тучи стрел, он восполнил тот прорыв (в рядах кауравов), который совершил сын Арджуны. И он пронзил Сатьяки тремя стрелами, Врикодару – восьмью, Дхриштадьюмну – шестью, а Вирату – десятью стрелами; Друпаду он пронзил пятью острыми стрелами и десятью – Шикхандина, кекаев – двадцатою пятью и (пятерых) сыновей Драупади тремя стрелами каждого; пронзив затем Юдхиштхиру семью стрелами, он сокрушил остальных героев (воинства пандавов) могучим ливнем стрел.

И тот подвиг его казался весьма удивительным! Тогда доблестный сын Дхармы, царь (Юдхиштхира), прицелившись в лук Джаядратхи, рассек его стрелой с серповидным острием, хорошо отточенной и закаленной, улыбаясь в то же время. Однако правитель Синдху в одно лишь мгновение ока, взяв другой лук, пронзил Партху десятью стрелами, а других поразил тремя стрелами каждого. Заметив такую ловкость его рук, Бхима в ответ тремя широко заостренными стрелами быстро поверг на землю его лук, знамя и зонт.
Однако могучий Джаядратха, взяв другой лук и натянув на него тетиву, рассек его знамя и лук и сразил коней, о достойнейший! Имея лук он рассеченным, Бхимасена тогда, спрыгнув с превосходнейшей колесницы, кони которой были убиты, вскочил на колесницу Сатьяки, словно лев на вершину горы.

Увидев тот выдающийся, невероятный подвиг царя Синдху, твои (воины) возрадовались и громко закричали «Превосходно, превосходно!» И в самом деле, все существа одобрили тот его подвиг, состоявший в том, что он один сдерживал мощью своего оружия всех пан-давов, воспаленных гневом. Путь, который перед этим был проложен сыном Субхадры убиением превосходнейших воинов и слонов и указан пандавам, был прегражден правителем Синдху. Но напрягая усилия, геров те – матсьи, панчалы и кекайи, а равно и пандавы, – каждый порознь подступили к властителю Синдху. И каждого среди твоих врагов, кто стремился прорвать боевой строй, установленный Дроной, правитель Синдху сдерживал благодаря дару, полученному от бога.

Так гласит глава сорок вторая в Дронапарве великой Махабхарати.

Глава 43

Санджая сказал:
Меж тем как правитель Синдху сдерживал пандавов, жаждущих победы, битва между твоими войсками и вражескими стала весьма ужасной. Проникнув в неприступное войско (кауравов), сын Арджуны, твердый в своих намерениях, взволновал его, подобно тому как макара (приводит в волнение) океан.

И против такого усмирителя врагов – сына Субхадры, столь волновавшего ливнями стрел (вражеское войско), ринулись превосходнейшие воины кауравов соответственно их главенству и званию. Столкновение между ними, неизмеримыми мощью, непрерывно исторгающих ливни стрел, с одной стороны^ и (одним) Абхиманью – с другой, стало ужасающим. Сдерживаемый отовсюду врагами с помощью потока колесниц, сын Арджуны убил возницу Вришасены и рассек его лук. Могучий, он пронзил затем его коней неуклоннолетящими стрелами. И те кони тогда с быстротою ветра вынесли его с поля битвы. Воспользовавшись этим случаем, возница Абхиманью, отведя колесницу (в сторону), устремил ее (в другую часть поля). И тут воины на многочисленных колесницах (при виде этого подвига) преисполнились радости и воскликнули «Превосходно, превосходно!»

Тогда приблизившись к тому львоподобному герою, в гневе сокрушающему врагов своими стрелами и подступающему издали, Васатия стремительно нагрянул на него. Он осыпал Абхиманью шестьюдесятью-стрелами с золотым оперением и, обратившись к нему, сказал: «Пока я живг ты не избавишься живым из битвы!» И хотя Васатия был в железных доспехах, сын Субхадры пронзил ему грудь быстроразящей стрелою, и он грянул бездыханным на землю. Увидев, что Васатия убит, быки среди кшатриев преисполнились гнева и окружили тогда внука твоего, о царь, желая убить его. И они (приблизились к нему), натягивая свои многочисленные различного вида луки. И та битва между сыном Субхадры и его.

врагами была ужасной. Тогда сын Пхальгуны, охваченный гневом, рассек их стрелы и луки, а также их тела и их головы, украшенные серьгами и венками. (Повсюду) виднелись отрубленные руки, украшенные золотыми украшениями: они все еще держали мечи, пики, заостренные трезубцем, и секиры, а пальцы на них все еще были одеты в кожаные предохранители.

И земля стала усеянной цветочными венками, украшениями и одеждами, упавшими знаменами, доспехами и щитами, жемчужными ожерельями, зонтами и опахалами из буйволовых хвостов; остовами колесниц, их боевыми площадками, дышлами, древками (знамен) и сидениями; сломанными осями и разбитыми колесами и множеством ярем; днищами колесниц и стягами, возницами и конями, а также разбитыми колесницами и убитыми слонами. Покрытое сраженными кшатриями, героями (при жизни), властителями различных стран, жаждавшими победы, поле битвы представляло страшное зрелище.

В то время как Абхиманью, пылая гневом, рыскал по полю брани во всех направлениях – главных и промежуточных, сама внешность его исчезала из виду. Только лишь золотой панцирь, что был на нем, и украшения на луке и стрелах его мы и могли видеть. В самом деле, когда он истреблял своими стрелами (вражеских) воинов, находясь среди них, подобно (ослепительному) солнцу, никто не мог тогда взглянуть на него своими глазами!

Так гласит глава сорок третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 44

Санджая сказал:
Отнимающий жизни у героев, сын Арджуны был подобен самому Разрушителю, когда тот уносит жизни у всех существ при наступлении гибели мира. Преисполненный отваги, словно сам Шакра, Абхиманью, тот могучий отпрыск сына Шакры, приводя в волнение войско кауравов, выглядел весьма блистательно. Проникнув в их ряды, о царь царей, тот сокрушитель главнейших кшатриев, уподобляясь самому Яме, схватил Сатьяшраваса, как тигр хватает

крупного оленя. И когда Сатьяшравас был схвачен, могучие воины на колесницах, захватив различное оружие, поспешно ринулись на Абхиманью.

«Я первый, я первый!» – с такими возгласами, соперничая друг с другом, те быки среди кшатриев собрались вокруг отпрыска Арджуны, горя желанием убить его. Но он истребил стремительные отряды нападающих кшатриев, подобно тому как кит, настигнув в море стаи мелких рыб, проглатывает их (без всяких усилий). Как реки никогда не текут назад, когда впадают в море, так и те из кшатриев, которые приблизились к нему, не повернули вспять. И то войско содрогалось тогда, как судно, брошенное в море и словно схваченное могучей акулой, (с людьми на нем), мучимыми страхом от порывов ветра.

Тогда могучий Рукмаратха по имени, сын владыки мадров, ободряя перепуганное войско, бесстрашно сказал такие слова: «Довольно вам страшиться, о герои! Сей (Абхиманью) – никто, когда я стою здесь. Без сомнения я схвачу его живым в плен!»

И сказав так, доблестный (царевич), везомый на сверкающей и хорошо снаряженной колеснице, ринулся на сына Субхадры. Поразив Абхиманью тремя стрелами в грудь, тремя в правую его руку, а тремя другими острыми стрелами в левую руку, он издал громкий клич. Сын Пхальгуны, однако, разрезав его лук и отсекши ему левую и правую руки и голову с красивыми глазами и бровями, быстро сбросил их на землю.

Увидев, что Рукмаратха, досточтимый сын Шальи, сражен прославленным сыном Субхадры, тот Рукмаратха, который жаждал схватить своего врата живым в плен, (многие) царевичи, о царь, друзья сына Шальи, одержимые в сражении и искусные разить (врагов), со знаменами, украшенными золотом, (выступили на битву). Натягивая свои луки размером с веерообразную пальму, те могучие воины на колесницах окружили со всех сторон сына Арджуны, (поливая его) дождем своих стрел.

При виде храброго и непобедимого Сына Субхадры, в одиночку сражающегося с теми неистовыми героями, наделенными сноровкой благодаря обучению и силе и юными, при виде его, покрываемого потоками стрел, Дурьйодхана сильно возрадовался и считал уже его отправившимся в обитель Вайвасваты. И в мгновение ока те царевичи, каждый треця стрелами с золотым оперением и разнообразными по форме, сделали сына Арджуны невидимым.

Мы видели, о достойнейший, его колесницу вместе с возницей, конями и знаменем и его самого покрытым (стрелами), словно дикобраз иглами. Глубоко пронзенный стрелами, он вскипел от ярости, как слон, мучимый стрекалами. Затем он взял оружие гандхарва и применил силу иллюзии к колеснице. Предавшись подвижничеству, Арджуна получил то оружие от Тумбуру и других гандхарвов. При помощи его (Абхиманью) теперь сбивает с толку своих врагов. Быстро применяя все свое оружие, он (кружил) в той битве подобно пылающей головешке и показывался, о царь, то в одном лице, то в сотне, то в тысяче образов.

Приводя в замешательство (своих врагов) искусством управления колесницей и силой иллюзии, создаваемой его оружием, тот усмиритель врагов рассекал на сотни частей, о царь, тела царей земных (противостоявших ему). Жизни живых существ в том бою были при помощи острых стрел отправлены (в обиталище мертвых). Они, о царь, достигли потустороннего мира, тогда как тела их упали на землю. Их луки, коней и возниц, знамена и руки, украшенные браслетами, и их головы сын Пхальгуны рассек острыми стрелами с серповидным наконечником. Точно так же сотня царевичей была убита сыном Субхадры и рухнула (на поле брани), словно роща пятилетних манговых деревьев на грани принесения плодов, поломанная (бурей).

При виде тех юных (царевичей), достойных (жить) в неге, напоминающих разгневанных ядовитых змей, убитых одним лишь самим Абхиманью, Дурьйодхана был сильно перепуган. Видя своих воинов на колесницах, слонов, коней и пехотинцев уничтоженными, Дурьйодхана, горя негодованием, быстро выступил против него. Между ними на самое короткое время произошло незакончившееся сражение. Твой сын затем, терзаемый сотнями стрел, вынужден был отвратиться (от битвы).

Так гласит глава сорок четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 45

Дхритараштра сказал:
То, что ты рассказываешь мне, о сута, о сражении, свирепом и страшном, между одним и многими и о победе того благородного (воина, – то (рассказ) об отваге сына Субхадры является весьма удивительным и почти невероятным! Но разве это не представляется чудом совершенно непостижимым для тех, кому закон служит прибежищем? После того как Дурьйодхана повернул вспять и сотня царевичей была убита, какой образ действий предприняли мои воины против сына Субхадры?

Санджая сказал:
Их уста пересохли, глаза стали беспокойными; тела их были покрыты потом и волоски на них поднялись от содроганья. Потеряв всякую уверенность в победе над своими врагами, они приняли решение оставить поле боя. Покидая своих раненых братьев и отцов, сыновей и друзей, родственников по женитьбе и близких, они все вместе пустились в бегство, погоняя коней и слонов до предельной их скорости. Увидев их, разбитых наголову, Дрона, сын Дроны и Брихадбала, Крипа, Дурьйодхана и Карна, Крита-варман и сын Субалы (Шакуни) ринулись, сильно разгневанные, против непобедимого сына Субхадры.

И почти все они, о царь, были обращены вспять твоим внуком. Один лишь Лакшмана, воспитанный в неге, сведущий в искусстве владения луком, одаренный великой мощью, бесстрашный из-за неопытности и гордости своей, выступил против сына Арджуной. Но испытывая беспокойство за своего сына, отец его (Дурьйодхана) вернул его назад, чтобы тот следовал за ним. Вслед за Дурьйодханой повернули и другие могучие воины на колесницах. Они затем окатили Абхиманью (потоками) стрел, подобно тому как облака заливают гору ливнями дождя. Но он один стал сокрушать их, как всюду веющий ветер (разрушает скопления) облаков.

Подобно одержимому течкой слону, (нападающему) на другого возбужденного слона, сын Кришны нагрянул в пылу сражения на твоего неодолимого внука Лакшману, миловидного и храброго, стоявшего вблизи отца своего с натянутым луком, воспитанного в роскошной неге и подобного сыну владыки богатств. И сразившись с Лакшманой, сын Субхадры, губитель вражеских героев, поразил его в обе руки и в грудь хорошо отточенными острыми стрелами. И твой внук могучерукий, сильно разгневанный, как змея, побитая палкой, обратившись тогда, о великий царь, к (другому) твоему внуку, сказал: «Гляди хорошо на этот мир, ибо ты (скоро) отправишься в мир иной! На глазах у всех твоих родных я отправлю тебя в обиталище Ямы!»

Сказав так, тот губитель вражеских героев – могучерукий сын Субхадры, извлек стрелу с серповидным острием, напоминающую змею, только что освободившуюся из своей обветшалой кожи. И та стрела, выпущенная его руками, снесла красивую голову Лакшманы, украшенную серьгами, с изящным носом, красивыми бровями и локонами. Увидев Лакшмана убитым, воины твои громко воскликнули «Ой! Аи!» И когда был убит милый ему сын,

Дурьйодхана преисполнился ярости. И тот бык среди кшатриев громко стал понуждать (подвластных ему) кшатриев, говоря: «Убейте его!»

Тогда Дрона, Крипа и Карна, сын Дроны и Брихадбала, и Критаварман, сын Хридики, – эти шестеро воинов на колесницах окружили (Абхиманью). Пронзив их острыми стрелами и отвратив их от себя, сын Арджуны со стремительным порывом и яростью обрушился на огромное войско правителя Синдху. Но тут калинги и нишады, и доблестный сын Кратхи, все облаченные в доспехи, (отрезали) ему путь, окружив его своим отрядом слонов. И та битва, происшедшая между ними, была упорной и свирепой, о владыка народов!

Тогда сын Арджуны стал смело крушить тот отряд слонов, подобно тому как постоянно дующий ветер разгоняет сотнями скопления облаков на небосводе. Затем Кратха окатилсына Арджуны потоками стрел, в то время как другие воины на колесницах, возглавляемые Дроной, возвратившись вновь (на поле битвы), ринулись на сына Субхадры, меча в него высочайшее и мощное оружие.

Но отражая все то оружие своими стрелами, сын Арджуны стал изматывать сына Кратхи нескончаемым потоком стрел, торопясь и горя желанием убить (своего противника). Обе его руки вместе с луком, стрелами и браслетами, его голову, украшенную диадемой, его зонт и знамя, возницу и коней (рассекши стрелами), поверг он (на землю). И когда сын Кратхи, отличавшийся благородным происхождением, добрым нравом, осведомленностью в священном писании и большой силой, своей славой и мощью оружия, был убит, другие герои–воины почти все отвратились (от битвы).

Так гласит глава сорок пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 46

Дхритараштра сказал:
В то время как юный и непобедимый сын Субхадры, никогда не отступающий в сражениях, проникнув так в наш боевой строй, совершал подвиги, достойные его высокого рода, мчась на трехлетних конях благородных кровей, наделенных страшною мощью, будто плавающий в воздушном пространстве, какие герои (из моего войска) окружили его?

Санджая сказал:
Лишь только проникнув в строй твоих войск, Абхиманью, потомок Панду, при помощи острых стрел заставил всех царей отвратиться от битвы.

Но затем Дрона, Крипа и Карна, сын Дроны и Брихадбала, и Критаварман, сын Хридики, – эти шестеро воинов на колесницах окружили его. Что (до других воинов) твоего войска, то, увидев, что правитель Синдху возложил на себя чрезмерно тяжкое бремя (отражения пандавов), они ринулись против Юдхиштхиры. Другие могучие воины на колесницах, натягивая свои луки величиною с веерообразную пальму, окатили доблестного сына Субхадры, словно ливнями дождя, потоками стрел. Но тех могучих лучников, искушенных во всех науках, сын Субхадры, тот губитель вражеских героев, повергнул всех своими стрелами в битве в состояние полного оцепенения.

Пронзив Дрону пятьюдесятью стрелами и Брихадбалу двадцатью, он пронзил затем Критавармана восемью и Крипу шестьюдесятью. Сын Арджуны пронзил также Ашваттхамана десятью стрелами, (выпущенными из лука), натянутого вплоть до самого уха. Сын Пхальгуны пронзил среди врагов у Карны ухо могучей стрелою с колючкообразным острием, блестящей и хорошо отточенной. Повалив коней Крипы и обоих возниц, погонявших пристяжных ко-

ней, он поразил его самого в середину груди десятью стрелами. Затем могучий (Абхиманью) на глазах твоих храбрых сынов убил доблестного Вриндараку, увеличивавшего славу кауравов.

Меж тем как он бесстрашно убивал так одного за другим лучших из врагов своих, сын Дроны поразил его двадцатью пятью небольшими стрелами. Однако сын Арджуны в ответ быстро пронзил Ашваттхамана на глазах сыновей Дхритараштры своими острыми стрелами, о достойнейший! Сын же Дроны, пронзив его в ответ шестьюдесятью жестокими стрелами с тонкими и хорошо отточенными остриями, не смог даже поколебать его, (стоявшего неколебимо) как гора Майнака.

Преисполненный великой мощи, могучий (Абхиманью) пронзил тогда сына Дроны, досаждавшего ему, семьюдесятью тремя прямыми стрелами, оснащенными золотым ; оперением. Но тут Дрона, желая вызволить сына своего, выпустил в противника сотню стрел. И Ашваттхаман тоже выпустил восемь стрел, желая вызволить своего отца в том сражении. И Карна выпустил в него двадцать две стрелы с серповидным острием, и Критаварман – четырнадцать. Также и Брихадбала (выпустил в него) пятьдесят (таких стрел), и Крипа, сын Шарадвана, десять.

Однако сын Субхадры, мучимый ими отовсюду острыми стрелами, пронзил в ответ каждого из них десятью стрелами. Тогда правитель косалов Ударил его в грудь стрелой с колючкообразным острием. Но тот (стремительно) повалил на землю коней своего противника, его лук и возницу. Тогда царь Косалы, лишенный колесницы, держа меч и щит, захотел снести с туловища сына Пхальгуны голову, украшенную серьгами. Но последний пронзил стрелою грудь царевичу Брихадбале, повелителю косалов, и тот с растерзанным сердцем рухнул (на землю).

(При виде этого), о царь, десять тысяч благородных (воинов) рассеялись, держа мечи и луки и произнося слова, совсем нелестные (для царя Дурьйодханы). Так убив Брихадбалу сын Субхадры рыскал по полю брани, приводя в оцепенение твоих воинов – тех могучих лучников потоками своих стрел (точно ливнями дождя).

Так гласит глава сорок шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 47

Санджая сказал:
Сын Пхальгуны снова пронзил Карне ухо стрелой с колючкообразным острием, и чтобы разгневать его еще больше, он пронзил его пятьюдесятью другими стрелами. Сын же Радхи тоже пронзил его в ответ столькими же стрелами. И тот с телом, всюду покрытым ими, выглядел чрезвычайно красиво, о потомок Бхараты! Преисполненный гнева, он заставил Карну тоже обагриться кровью. Храбрый Карна, пестрый от (вонзившихся в него) стрел и залитый кровью, тоже блистал великолепно.

Оба с телами, пестреющими от стрел, оба обагренные кровью, те благородные (воины) напоминали собою два дерева киншука, распустившихся цветами. Затем сын Субхадры убил шестерых храбрых советников Карны, сведущих в различных приемах ведения боя, вместе с их конями и возницами, знаменами и колесницами. А что до других могучих лучников, то он, не дрогнув, пронзил в ответ каждого из них десятью стрелами. И тот подвиг его казался весьма удивительным! Убив затем сына правителя Магадхи, Абхи-манью шестью прямыми стрелами уложил юного Ашвакету вместе с его (четырьмя) конями и возницей. Сокрушив потом стрелою с подковообразным острием Мартикаватаку, царевича из рода Бходжа, нося-

щего изображение слона на своем знамени, он издал громкий клич, исторгая стрелы (во все стороны).

Тогда сын Духшасаны, пронзив четырех коней сына Арджуны четырьмя стрелами, а его возницу одной, поразил его самого десятью стрелами. Сын же Кришны, пронзив сына Духшасаны семью быстролетными стрелами, обратился к нему громким голосом и с глазами, покрасневшими от гнева, сказал: «Твой отец, покинув поле битвы, бежал, как трус. К счастью, ты тоже знаешь, как сражаться. Однако ты не избавишься сегодня живым!» Сказав такие слова, Абхиманью выпустил в него длинную железную стрелу, гладко зачищенную кузнецом.

Но сын Дроны рассек ее тремя своими стрелами. Срезав его знамя, сын Арджуны ударил тогда Шалью тремя стрелами. А Шалья в ответ ударил в него девятью стрелами с оперением стервятника. Сын Арджуны затем, срубив его знамя и обоих возниц, погоняющих пристяжных коней, пронзил самого Шалью стрелами, сделанными целиком из железа. И тот перескочил тогда на другую колесницу. А Абхиманью убил еще следующих пятерых воинов: Шатрунджаю, Чан-дракету, Мегхавегу, Суварчаса и Сурьябхасу и пронзил затем сына Субалы. Сын же Субалы, пронзив Абхиманью тремя стрелами, сказал Дурьйодхане: «Сокрушим его все вместе. Иначе он скоро убьет нас поодиночке!»

И тогда Карна, сын Викартаны, (иначе прозываемый) Вриша, сказал Дроне: «Он скоро уничтожит нас всех! Скажи нам скорее средство для его убиения!» На это могучий лучник Дрона, обратившись ко всем, сказал им в ответ: «Есть ли кто-нибудь среди вас, который способен обнаружить у этого юноши какое-либо слабое место? Ведь он сегодня рыскает по всем направлениям, подражая своему отцу! Посмотрите на быстроту движения отпрыска пандавов, этого льва среди людей! По следам его колесницы может быть виден только лишь круг от натягиваемого им лука, – так быстро накладывает он стрелы (на лук) и так быстро мечет их!

И право, сей губитель вражеских героев, сын Субхадры, весьма радует меня, хотя он и беспокоит мои жизненные органы и приводит меня в замешательство своими стрелами. Даже могучие воины на колесницах, воспаленные гце-вом, не способны обнаружить у него уязвимое место. Потому этот сын Субхадры, рыскающий по полю брани, радует меня чрезвычайно! Я не вижу в этой битве никакого различия между Обладателем лука гандивы и ниМ* с большой ловкостью рук мечущим во все стороны света свои мощные стрелы!»

Тогда Карна, мучимый стрелами сына Арджуны, сказал снова Дроне: «Терзаемый (стрелами) Абхиманью, я стою (в битве) только потому, что (как воин) должен стоять здесь! В самом деле, стрелы этого юноши, неистовые по мощи своей, чрезвычайно свирепы! Страшные собою и наделенные мощью огня, они сегодня ослабляют мое сердце!» И наставник с легкой улыбкой медленно сказал Карне:

«Его панцирь непроницаем, а сам он молод и обладает стремительным натиском. Отец его был обучен мною искусству ношения доспехов. Сей покоритель вражеских городов несом
ненно знает уж его целиком. Однако стрелами, хорошо нацеленными, возможно рассечь его лук и тетиву, поводья (у коней) и самих коней и обоих возниц, погоняющих пристяжных коней. Сделай это, о могучей лучник, если ты в силах, о сын Радхи! Заставь его отвратиться от битвы (этими средствами), а затем ударь в него! С луком в руках он не может быть побежден даже богами и асурами вместе! Если желаешь, лиши его колесницы и лука!»

Услышав слова наставника, Карна, сын Викартаны, поспешно рассек тогда своими стрелами лук Абхиманью, в то время как он метал (стрелы) с большой ловкостью рук. Отпрыск рода Бходжа92 убил затем его коней, а сын Гаутамы (Крипа) сразил обоих возниц, погонявших пристяжных коней. Остальные же покрыли его ливнями стрел, когда он лишился своего лу-

ка. Те шестеро могучих воинов на колесницах, сильно торопясь, в то время как поспешность была столь необходима, окатили безжалостно того юношу, лишенного колесницы и (сражающегося с ними) в одиночку, ливнями стрел.

С рассеченным луком и лишенный колесницы, но все же соблюдая свой долг (кшатрия), прекрасный Абхиманью, держа меч и щит, вспрыгнул в небо. (Проявляя) могучую силу и ловкость и (оставляя) следы, называемые каушика, и другие, сын Арджуны неистово проносился по небу, подобно царю пернатых. «Он может упасть на меня с мечом в руках!» – с такими мыслями те могучие лучники, высматривая у него уязвимые места, стали пронзать его в той битве, вперив вверх свои взоры.

Тогда Дрона отсек сжатую в руке Абхиманью рукоять меча, отделанную драгоценными камнями. А сын Радхи острыми стрелами сокрушил превосходнейший его щит. Лишенный своего меча и щита, с телом, покрытым стрелами, Ахбиманью вновь спустился с воздушного пространства на землю. Затем, подняв колесо колесницы, он в ярости ринулся на Дрону. С телом, сияющим от блеска пыли с колеса колесницы, и сам держащий колесо колесницы в своих поднятых руках, прекрасный Абхиманью в битве выглядел одно мгновение в высшей степени величаво, подобно Васу-бхадре, (вооруженному диском). С лицом, окрашенным кровью, струящейся (из ран), с грозно сдвинутыми бровями, изогнутыми в морщинах, сам издающий громкие львиные рыки, величавый Абхиманью, наделенный неизмеримой мощью, стоя среди тех наилучших царей, казался весьма блистательным на поле брани.

Так гласит глава сорок седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 48

Санджая сказал:
Источник радости сестры Вишну, тот непревзойденный воин на колеснице, украшенный оружием самого Вишну, сиял красотою на поле битвы, словно это был второй Джанардана. С кончиками локонов, развевающихся по ветру, с превосходнейшим оружием – колесом колесницы, поднятым в руках, тело его стало недоступным для взоров даже самих богов. Взирая на тело его и на то колесо (в его руках), владыки земные сильно перепугались.

И затем они разрубили то колесо на множество кусков. Тогда сын Кришны, могучий воин на колеснице, схватил огромную палицу. И лишенный ими своего лука, колесницы и меча, а также лишенный врагами своего колеса, Абхиманью с палицей в руках бросился на Ашваттхамана. А тот бык среди мужей, увидев ту палицу, подобную сверкающей громовой стреле, (быстро) сошел со своей колесницы и (сделал) три (длинных) прыжка, (чтобы уклониться от Абхиманью). Убив своею палицей коней Ашваттхамана и обоих его возниц, погонявших пристяжных коней, сын Субхадры с телом, покрытым стрелами, выглядел подобно дикобразу. Затем он смял сына Субалы Калакею98 и убил семьдесят семь его гандхарских последователей.

Еще убил он десять воинов на колесницах из рода Брахма-васатия и семь таких же воинов из кекаев. И убив затем десять слонов, он сокрушил своею палицею колесницу сына Духшасаны вместе с его конями. Тогда разгневанный сын Духшасаны, о достойнейший, подняв свою палицу, ринулся на сына Субхадры и воскликнул: «Стой, остановись!» И оба те героя – двое двоюродных братьев, с поднятыми палицами, стали разить друг друга, страстно желая взаимно смерти (своего противника), как некогда Трехглазый (Махадева) и (асура) Андхака. Эти укротители врагов, ударяя друг друга концами своих палиц, падали посреди бранного поля подобно двум вырванным флагам, водружаемым в честь Индры.

Тогда сын Духшасаны, возвеличивающий славу кауравов, встав первым, ударил палицею сына Субхадры по макушке головы, в то время как тот только стал подниматься. Ошеломленный сильным ударом палицы и охватившей его усталостью, сын Субхадры, тот губитель вражеских героев, упал на землю, лишившись чувств. Так, о царь, был один убит многими в сражении – тот, кто изматывал целое войско, как слов (топчет) лотосовые поля. И (лежа) убитый, герой тот выглядел подобно лесному слону, убитому охотниками.

И павшего героя тогда окружили твои воины. Он выглядел как угасший огонь на исходе холодов, после того как он сжег весь лес; иди как ветер, утихший совсем, после того как он изломал вершины дерев; или как солнце, опустившееся на Гору заката, после того как опалило (своим жаром) бхаратийское войско; или как Сома (Месяц), проглоченный (демоном Раху); или как океан, полностью высохший. Увидев его, с лицом, подобным полной луне, и с глазами, обрамленными височными локонами (черными), как воронье крыло, лежащим на голой земле, твои могучие воины на колесницах преисполнились великой радостью.

И они многократно испустили львиноподобные рыки. В самом деле, о владыка народов, высочайший восторг охватывал твоих воинов, тогда как у других героев капали (горькие) слезы из глаз. При виде простертого (на поле брани) героя, подобно Месяцу, упавшему с небосвода, о владыка пародов, различные существа в воздушном пространстве стали громко причитать: «Увы, этот (герой) лежит (на земле), убитый, сражавшись один, шестью могучими воинами на колесницах из ДхритараШтрова войска, возглавляемыми Дроной и Карной! Этот поступок является по мнению нашему несправедливым!»

И когда был убит тот герой, земля, казалось, блистала чрезвычайно а как усеянный гирляндами звезд небосвод с полным месяцем (посредине). И в самом деле, она была усеяна стрелами, оснащенными золотым опере1 нием и залита потоками крови.

И покрытая яркокрасующимися головами героев, украшенными серьгами; различными покрывалами, знаменами и опахалами из буйволовых хвостов, расписными попонами (для слонов) и разбросанными (всюду) превосходнейшими уборами; сверкающими украшениями колесниц, коней, людей и слонов, также мечами, острыми и хорошо закаленными, напоминающими змей, освободившихся (от своей кожи); также луками, рассеченными стрелами, дротиками, копьями и дрекольями и другим различного рода оружием, земля представляла красивое зрелище.

И из-за убитых коней, лежащих в лужах крови вместе со своими седоками, поверженных сыном Субхадры, земля (во многих местах) сделалась непроходимой. И из-за слонов, громадных как горы, снаряженных доспехами, оружием и знаменами, сокрушенных стрелами и лежащих (на земле) вместе с (валявшимися подле) железными стрекалами и погонщиками; из-за превосходнейших колесниц, лишенных коней, возниц
и своих воинов, (колесниц), устилающих землю, сокрушенных слонами и колеблемых подобно (волнуемым) озерам; и из-за множества тел убитых пеших воинов, украшенных различным оружием, поле битвы являло ужасный вид, вселяя ужас в робкие сердца.

При виде Абхиманью, блеском подобного солнцу или месяцу, лежащего на земле, великая радость охватила твоих воинов, в то время как пандавы были преисполнены горя. Когда юный Абхиманью, еще не достигший совершеннолетия, был убит, о царь, все войско (пандавов) обратилось в бегство на глазах у царя справедливости.

Видя, что войско его разрушается, после того как пал сын Субхадры, Аджаташатру сказал своим воинам такие слова: «Сей герой, который убит не отвратившийся (от битвы), несо-

мненна вознесся на небо! Стойте же твердо и не бойтесь, ибо мы еще победим в сражении наших врагов!»

Говоря так своим воинам, глубоко опечаленным, наделенный великой мощью и великим блеском царь справедливости, наилучший из воителей, пытался рассеять их горе. И он продолжал: «Ведь прежде всего убив в бою на поле брани множество царевичей, видом подобных ядовитым змеям, сын Арджуны потом уже ушел из жизни! Убив в сражении десять тысяч (воинов) и царя косалов, могучего воина на колеснице, сын Кришны, который был подобен Кришне или самому Арджуне, несомненно отправился в обиталище Шакры! Сокрушив колесницы, коней, людей и слонов тысячами, он все еще не был доволен результатами битвы. А раз он совершал столь похвальные подвиги, нам конечно не следует о нем печалиться!»

Так убив превосходнейшего среди них (воина), преследуемые их стрелами, мы возвратились к своему лагерю вечером, забрызганные кровью. Пристально наблюдая за врагом, мы медленно, о великий царь, оставили поле боя и в страшном изнеможении едва не лишились чувств. Затем наступил удивительный сумеречный час перед слиянием дня и ночи. Слышался вой шакалов, не предвещающий счастья, между тем как солнце, оттенком подобное (волокнам) лотоса, склонилось к горизонту, достигнув Горы заката. И оно уносило с собою блеск наших превосходнейших мечей, дротиков и копий, предохранительных щитов у колесниц (от столкновений), боевых щитов и украшений. И словно соединяя небосвод и землю в единый (цвет), Солнце принимало свой излюбленный облик огня.

Покрытая множеством слонов, напоминающих гребни гор с объятыми огромным облаком вершинами, поверженными громом, и лежащими подле знаменами, стрекалами, доспехами и погонщиками, (упавшими с их спин), сама земля, казалось, стонала. Из-за убитых предводителей, из-за сраженных пеших воинов и разнесенных на куски снаряжений, из-за убитых коней и возниц и из-за знамен и стягов, разорванных и сломанных, поле битвы выглядело красиво.

И те (огромные колесницы), о владыка людей, уподоблялись телам живых существ, сраженных врагами. Но в то же время от множества коней колесничных, убитых вместе с их седоками, от дорогих конских попон и убранств всевозможного вида, разбросанных вокруг, от вырванных у этих существ языков и зубов, внутренностей и глаз земля являла вид ужасный и безобразный. Люди в богатых доспехах и украшениях, снабженные отличнейшим оружием, сраженные, лежали вместе с убитыми слонами и конями и разбитыми колесницами на голой земле, словно беззащитные, хотя и заслуживали всегда роскошных, бесценных лож и одеял.

Собаки и шакалы, волки и гиены, вороны и вороны, коршуны и другие хищные птицы, и все иные кровожадные существа, различные племена ракшасов и ужасные толпы пишачей на поле битвы, – все обрадованные чрезвычайно, – раздирая кожу (у трупов) и выпивая их жир, кровь и мозг, стали пожирать их мясо. И они стали также высасывать выделение из разлагающихся трупов, в то время как ракшасы страшно смеялись и громко пели, таская эти трупы в великом множестве.

И внушающая великий ужас река, труднопересекаемая, подобно самой Вайтарани, была там создана выдающимися из воинов. Ее воды состояли из крова, и несла она скопление тел. Колесницы заменяли собою лодки (для переправы через нее), скалами служили ей слоны, головы людей составляли ее мелкие камни, а мясо (убитых животных и людей) заменяло ей грязь.

Разбросанное же всюду оружие различного рода служило ей венками (плавающими по ней или лежащими по берегам ее). И та страшная река текла неистово посередине поля брани, унося живых в области, уготованные для мертвых. И толпы всевозможных пишачей, весьма страшных и отвратительных видом, пили и жрали в том (потоке). И собаки, шакалы и хищные птицы, все пожирающие одинаковую пищу и вызывающие ужас у живых существ, ликовали восторженно, (справляя свой кровавый пир).

И воины, озирая поле битвы, напоминавшее царство владыки усопших предков и являвшее при наступлении ночи столь страшный вид, переполненное скоплением безглавых тел, поднимающихся (в предсмертной агонии), медленно оставляли его. Ибо тогда они увидели могучего врина, сражавшегося на колеснице, Абхиманью, подобного Шакре, лежащего на поле брани без дорогих украшений, валявшихся подле, словно он.упс^ доблялся жертвенному огню на алтаре, над которым не совершалось болыце возлияния топленым маслом.

Так гласит глава сорок восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 49

Санджая сказал:
После того как был убит тот герой, сын Субхадры, предводитель отряда колесниц, (воины пандавов) оставили свои колесницы и, сняв доспехи и отложив в сторону свои луки, уселись все, окружив царя Юдхиштхиру. И они думали о той печали своей, обратившись мыслями к (павшему) сыну Субхадры.

В самом деле, после падения доблестного племянника своего, могучего воина на колеснице Абхиманью, царь Юдхиштхира сильно опечаленный, стал горестно причитать: «Увы, из желания оказать мне добрую услугу, Абхиманью, прорвав обширный строй, установленный Дроной, проник в него, как лев – в середину (стада) коров.

Противостоящие ему могучие лучники, отличающиеся храбростью, искусные во владении оружием и трудноодолимые в бою, были разбиты и вынуждены отступить. Наш неумолимый враг Духшасана, двинувшийся ему навстречу в битве, принужден был его стрелами быстро повернуть вспять, лишившись чувств. Но увы, переправившись через трудный для переправы обширный океан войска Дроны, тот доблестный сын Кришны отправился (в конце концов) в обитель Вайвасваты, столкнувшись (в схватке) с сыном Духшасаны!

Когда убит сын Субхадры, как я взгляну на Арджуну, сына Кунти, или на Субхадру, наделенную великой участью, на ту, которой не придется более лицезреть своего любимого сына? Какие же бессмысленные, несвязные и неподходящие слова должны мы будем сказать (сегодня) тем обоим (героям) – Хришикеше и Дхананджае! Это я, желая сделать благое дело и страстно желая победы, причинил это великое зло Субхадре, а также Кешаве и Арджуне!

Тот, кто жаден, не признает своих недостатков. Жадность возникает от безрассудства. Ведь подобно человеку, собирающему мед, я не видел перед собою того же самого обрыва, какой (возникает перед ним)! Ведь тот, кто еще ребенок, кто должен был находить удовольствие во (вкусной) пище, в колесницах, в ложах и украшениях, увы, даже он был поставлен нами впереди битвы. Как же ребенок, нежный годами, неопытный в сражениях, может, подобно доброму коню, (жертвующему собою ради своего господина), рассчитывать на благополучный исход в состоянии столь грозной опасности? Увы, если же мы вслед за ним109 не ляжем на голой земле, тогда мы будем сожжены скорбным взглядом воспаленного гневом Бибхатсу!

(Дхананджая) не жаден, умен, скромен, снисходителен, прекрасен и могуч, с отличным телосложением, почтителен к старшим, доблестен, любим (всеми) и предан правде. Подвиги его, вершителя славных деяний, восхваляют сами премудрые (боги). Могучий, он убил ниватакавачей и калакеев, тех врагов могучего Индры, обитающих в Хираньяпуре. В мгновение ока были им убиты пауломы вместе со всеми их приверженцами. Могущественный, он дает обещание безопасности даже врагам своим, просящим о безопасности! Увы, мы не смогли защитить сегодня сына даже такого (человека) от опасности! Великий страх обуял огромное войско Дхритараштры.

Разгневанный из-за убийства своего сына, Партха истребит кауравов. Очевидно также, что низменный в помыслах Дурьйодхана, имеющий низменно настроенных советников, видя гибель своих сторонников, расстанется с жизнью, в бессилии своем терзаясь печалью. При виде этого отпрыска сына лучшего из богов, непревзойденного в доблести и мужестве, распростертого (на земле), ни победа, ни верховная власть, ни бессмертие и ни пребывание в мире небес вместе с самими богами не доставляет мне ни малейшей радости!»

Так гласит глава сорок десятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 50

Санджая сказал:
Когда тот страшный день и вместе с ним гибель живых существ миновали и когда солнце зашло (за Гору заката), наступило восхитительное время вечерних сумерек. И войска (обоих противных сторон) возвратились к своим шатрам, о бык из рода Бхараты! Тогда и Джишну обезьянознамен-ный, убив полчища саншаптаков при помощи небесного оружия, отправился в своей лагерь, стоя на своей победоносной колеснице. И следуя (по пути), он обратился к Говинде, сказав с подступившими к горлу слезами:

«Почему сердце мое охвачено страхом, о Кешава, и почему речь моя обрывается? Зловещие знамения встречаются на моем (пути) и члены мои слабеют, о Ачьюта! Недобрые предчувствия владеют моим сердцем и не оставляют его. И на земле тоже со всех сторон грозные признаки пугают меня! Всевозможных видов показываются те (знамения и признаки), и все они предвещают страшное бедствие! Все ли будет благополучно у моего досточтимого старшего (брата) – царя вместе с его приближенными?»

Васудева сказал:
Совершенно очевидно, что у брата твоего вместе с его друзьями все будет благополучно. Не печалься! Некое зло иного порядка случится в другом месте.

Санджая сказал:
Тогда оба героя (Кришна и Арджуна), совершив поклонение сумеркам, взошли на колесницу и поехали дальше, беседуя о событиях той битвы, столь гибельной для героев. Совершив трудновыполнимые подвиги, Васудева и Арджуна достигли наконец лагеря (пандавов). И видя лагерь в безрадостном состоянии, потускневшим в блеске своем и в полнейшей растерянности, губитель вражеских героев, Бибхатсу, сказал тогда Кришне, с сердцем, сильно расстроенным: «Не звучат сегодня возвещающие радость трубы, о Джанардана! Их звуки смешиваются с грохотом барабанов и зычным ревом раковин. Также и вина нигде не играет сего дня в сопровождении звуков цимбал. Счастливые и усладительный песни, возносящие хвалу, не распевают и не читают панегиристы среди моих войск!

И воины также, увидев меня, отходят прочь с опущенными вниз лицами! Они не рассказывают мне, как прежде, о подвигах, свершенных ими! Все ли может обстоять благополучно у

моих братьев сегодня, о Мадхава? При виде наших собственных людей, погруженных в печаль, сердце мое не испытывает покоя Все ли может быть благополучно у царя панчалов или у Вираты, о милостивый, а также у всех наших воинов, о неувядаемый (славою)? Увы, всегда радостный, сын Субхадры сегодня вместе с братьями не выходит, как обычно, с улыбкой встречать меня, возвращающегося с битвы!»
Так собеседуя, оба они (Кришна и Арджуна) вступили в свой лагерь. И они увидели пандавов пребывающими в страшном унынии и бесчувственными (от горя).

При виде братьев своих и сыновей (Арджуна) обезьянознаменный сильно опечалился. И не видя там сына Субхадры, он сказал такие слова: «Цвет лица у всех вас кажется потускневшим! И я не вижу Абхиманью! Вы тоже не подходите приветствовать меня! Я слышал, что Дроной был установлен круглый боевой строй. И никто среди вас, кроме сына Субхадры, не смог прорвать его в сражении. Однако он не был мною обучен тому, как выйти из того строя, (проникнув в него).

Не был ли мальчик принужден вами проникнуть в тот вражеский строй? Прорвавшись сквозь тот строй, среди множества вражеских воинов в бою, не лежит ли теперь сын Субхадры, могучий лучник, тот губитель вражеских героев, убитый (на поле брани)? О, расскажите мне о том могучеруком, красноглазом (герое), рожденном (в нашем роду), подобно льву в горах, равном младшему брату Индры, – как он был убит на поле битвы! Расскажите о том нежноюном, могучем лучнике, отпрыске сына Васавы, всегда мною любимом, – как он был сражен на поле боя!

Кто, понуждаемый самой Смертью, (отважился) убить того героя, любимого дщерью рода Вришни, постоянно лелеемого мною и всегда милого моей матери? Равный благородному Кешаве, льву из рода Вришни, в доблести, учености и собственном достоинстве, как он был убит на поле брани? Всегда милого Субхадре, Драупади и Кешаве, если я не увижу сына своего, то я отправлюсь в обиталище Ямы!

С кончиками локонов в нежных завитках, совсем юного, с глазами молоденькой газели, с поступью возбужденного течкой слона, высокого, как свежий ствол дерева шала; в речи обращающегося с улыбкой, смиренного, всегда послушного повелениям старших, действующего подобно зрелому в годах, хотя и юного по возрасту, приятноречивого и независти́вого; преисполненного великой отваги, могучерукого, с продолговатыми, как лепестки голубого лотоса, глазами, благорасположенного к преданным ему, хорошо обузданного и не следующего ничему низкому; благодарного, обладающего знанием, искусного во владении оружием и неотвращающегося от битвы, всегда находящего удовольствие в сражении и увеличивающего горе врагов; занятого в оказании блага своим родственникам, желающего победы отцам своим, никогда не наносящего первым удара и совершенно лишенного страха в сражении, – увы, если я не увижу сына своего, то я отправлюсь в обиталище Ямы!

С красивым лбом, с красивыми локонами, с красивыми бровями, глазами и губами, если я не увижу того лица, то какое же спокойствие может быть для моего сердца? Сладостного, как звучание струн, восхитительного, с тембром мелодичным, как у кукушки-самца, если я не услышу уже его голоса, то какое же спокойствие может быть для моего сердца? Его красота несравненна, ее трудно найти даже среди тридцати (богов). Если я не увижу сегодня ее у героя, то какое же спокойствие может быть для моего сердца? Умеющего почтительно приветствовать (старших) и всегда послушного повелениям отцов своих, если я не увижу его сегодня, то какое же спокойствие может быть для моего сердца?

Храбрый (в сражении), изнеженный во всем и достойный роскошного ложа, увы, он лежит теперь на голой земле, словно лишенный покровителей, хотя он и отличнейший из тех, кто

имеет покровителей! Кому прежде, пока он возлежал (на ложе), прислуживали прекрасные женщины, увы, тому сегодня, с членами, искалеченными (от стрел), прислуживают зловещие шакалы! Кто прежде пробуждался ото сна (под пение) сказителей, певцов и панегиристов, того, увы, сегодня несомненно пробуждают своим беспорядочным воем хищные звери! То прелестное лицо его, достойное быть осененным тенью от зонта, увы, будет несомненно покрывать сегодня пыль на поле брани!

О сынок, у обездоленного, как я, смерть уносит тебя насильно от меня, (никогда не насыщавшегося лицезрением своего сына! Без сомнения, царственная столица Ямы, та восхитительная (обитель), которая всегда служит прибежищем для добродетельных, озаряемая своим собственным, блеском, сегодня благодаря тебе сверкает великолепием чрезвычайным!

Без сомнения, Вайвасвата и Варуна гостеприимный, Шатакрату и Владыка богатств наделяют бесстрашную (душу твою) блеском вечного блаженства!» – так горестно сетуя в различных причитаниях, как купец» у которого судно затонуло, (Арджуна), проникнутый великим горем, вопросил Юдхиштхиру: «Отправился ли на небо тот бык среди людей» о отпрыск Панду, учинив побоище среди врагов и сражаясь в битве с лицом, устремленным вперед?

Несомненно, сражаясь без помощников со множеством (воинов), быков среди людей, преисполненных старания и решимости, он конечно обращался мыслями ко мне, жаждя помощи! Мучимый стрелами, мальчик (мой, должно быть, повторял) про себя: «О отец мой, поспешай же скорее ко мне (на помощь)!» Я думаю, что когда он так сетовал, он был убит многочисленными свирепыми воинами! Или вполне возможно, коль он рожден мною и приходится сыном сестры Мадхаве, коль он родился у Субхадры, не мог он здесь сказать так!

Без сомнения, сердце мое, и так слишком твердое, сделано из самой сути громовой стрелы, раз оно не разрывается, даже когда я не вижу того долгорукого (героя) с красными глазами! Как могли свирепые метать стрелы, способные пронзать жизненно важные места, в того могучего лучника, совсем еще ребенка, – в сына моего и отпрыска сестры Васудевы? Тот (отрок) с неопечаленной душой, который, неизменно выходя мне навстречу, обычно приветствовал меня, почему он сегодня не показывается мне, когда я возвратился сюда, убив врагов?

Без сомнения, поверженный, он лежит сейчас на голой земле, утопая в крови! Украшая землю телом своим, он лежит, будто Солнце, упавшее (с небосвода)! Услышав, что он убит в сражении, Субхадра, мучимая скорбью (о сыне), наверно погибнет! Что мне скажет она, не видя Абхиманью? (Что скажет) также и Драупади? И что же скажу я им обеим, страдающим от горя? Без сомнения, сердце мое сделано из самой сути громовой стрелы, раз оно не разрывается на тысячу кусков при виде рыдающей невестки моей, терзаемой скорбью!

Львиный клич ликующих сынов Дхритараштры слышится мною! И Кришна тоже услышал Ююцу, порицавшего героев (из войск Дхритараштры такими словами): «О могучие воины на колесницах, не будучи в состоянии одолеть Бибхатсу и убив лишь ребенка, чего же вы радуетесь! Неведающие справедливости, вы скоро узнаете мощь Партхи! Свершив то, что неприятно тем обоим – Кешаве и Арджуне, в битве, чего вы, упоенные радостью, орете, как львы, когда час урочный для вашей собственной печали уже наступил! Плоды греховных деяний ваших скоро - скажутся на вас! Жестокое злодейство совершено вами! Как же может оно .долго оставаться без последствий?» – так высказав им (порицание), многоумный сын (Дхритараштры от) женщины-вайшьи удалился прочь, бросив оружие, преисполненный гнева и горя! Почему же ты, о Кришна, не рассказал мне обо всем этом в течение битвы? Я сжег бы тогда всех тех, столь жестокосердных, могучих воинов, сражающихся на колесницах!»

Тогда Васудева-Кришна, успокоив (Партху), подавленного сильным горем из-за (гибели) сына и преисполненного глубокой скорби, сказал ему: «Не следует так (печалиться)! Это ведь именно путь всех героев, неотвращающихся (от битвы), особенно кшатриев, у коих средства к жизни (добываются) войною.

Именно это есть конечная цель, о лучший из тех, кто следует к этой цели, – предписанная знатоками священного свода законов для неотвращающихся героев, сражающихся в битве! Ведь смерть в бою несомненна для героев, неотвращающихся от него! Нет сомнения, что Абхиманью отправился в миры, уготованные для людей, справедливых в своих деяниях! И этого сильно желают все герои, оТЙш из рода Бхараты, думая в мыслях: «Найдем смерть в сражении лицом к лицу (с вратами)», о милостивый!

А (что до Абхиманью), то он, убив в сражении множество храбрых и могучих царевичей, нашел смерть, столь желанную для героев, с лицом, устремленным к битве! Не печалься, о тигр среди людей! Этот извечный закон, а именно гибель в бою, был установлен древними блюстителями закона. Эти братья твои все сильно опечалены, о наилучший из рода Бхараты, а также цари и друзья твои, когда ты преисполнен горестным чувством. Успокой их утешительным словом, о милостивый! То, что должно быть известно, ведь известно тебе! И ты не должен печалиться!»

Так утешенный Кришной, вершителем необычайных подвигов, Партха сказал тогда всем своим братьям такие слова голосом, проникнутым скорбью: «Я желаю услышать о том, как долгорукий и широкоплечий Абхиманью, тот (герой) с продолговатыми, как лепестки голубого лотоса, глазами, вел себя (в сражении). Вы увидите, что я уничтожу в битве тех врагов моего сына вместе с их слонами, колесницами и конями, а также с их приверженцами и родственниками! Все вы искусны во владении оружием, все вы (стоите) с оружием в руках. Как же в таком случае сын Субхадры мог прийти к своей гибели, если бы даже он встретился (в битве) с самим Громодержцем?

Увы, если бы я знал, что пандавы и панчалы не в состоянии будут защитить моего сына (в сражении), тогда бы я сам защищал его! Вы находились тогда на своих колесницах, вы выпускали ливни стрел. Увы, как же в таком случае мог Абхиманью быть приведен к гибели своей врагами, обратившими вас ни во что? Увы, нет у вас мужественности и нет у вас доблести, раз в пылу сражения4 на глазах у вас самих Абхиманью был повержен! Я должен упрекать себя самого, ибо зная, что все вы столь бессильны, трусливы и бездеятельны, я уехал тогда отсюда! Увы, разве панцири ваши и оружие всякого рода служат вам только для украшения, а слова даны вам, чтобы только говорить в собраниях, коль вы не смогли защитить моего сына?».

Сказав такие слова, Бибхатсу тогда сел, держа свой лук и превосходнейший меч. И право, никто не мог тогда даже взглянуть на него, напоминавшего самого Разрушителя в ярости и испускавшего поминутно глубокие вздохи. И никто из друзей его (или родственников) не мог тогда осмелиться заговорить с Арджуной или взглянуть на него, сильно тер*-заемого печалью о сыне, с лицом, залитым слезами, – никто, за исключением Васудевы и старшего отпрыска Панду.

Эти двое при всех обстоятельствах были приятны и желанны для Арджуны. И оттого что оба они пользовались глубоким уважением и большой любовью, они одни могла обращаться к нему (в такую минуту). И тогда, обратившись к Партхе, с глазами, подобными лепесткам голубого лотоса, воспаленному гневом и с сердцем, сильно измученным скорбью о сыне царь (Юдхиштхира) промолвил такие слова.
Так гласит глава пятидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 51

Юдхиштхира сказал:
О могучерукий, после того как ты отправился к войску саншаптаков, наставник (Дрона) приложил крайние усилия для того, чтобы схватить меня. Мы, однако, сумели остановить Дрону во главе его войска, выстроенного в боевые порядки, со всех сторон, противопоставив в том сражении свой старательно (сражающийся) встречный строй из отрядов колесниц. Сдерживаемый воинами на колесницах и мною, хорошо охраняемым, 6и стал со всей стремительностью разить нас, терзая острыми стрелами. И мучимые Дроной, мы не могли даже взглянуть на его строй, а утк чтём более – прорвать его в битве! Все мы тогда обратились к сыну Субхадры, равному тебе, о владыка, в доблести, сказав ему: «О сын наш, прорви этот строй (Дроны)!»

И тот доблестный (герой), словно добрый конь, взялся нести то бремя, хоть и невыносимым оно (могло быть) для него. Наделенный мощью и подкрепленный наукой владения оружием, усвоенной от тебя, тот мальчик проник во (вражеское) войско, как Супарна (проникает) в океан. Что же до нас, то мы последовали за тем героем, сыном дщери рода Сатвата, страстно желая в том сражении проникнуть во (вражеское) войско тем самым (путем), каким проник он сам.

Тогда, о братец мой, злобный царь страны Синдху, Джаядратха, благодаря дару, дарованному ему Рудрой, остановил всех нас. Затем Дрона, Крипа, Карна и сын Дроны, Брихадбала и Критаварман – эти шестеро воинов на колесницах окружили сына Субхадры. И окружив того мальчика в состоянии одолеть Бибхатсу и убив лишь ребенка, чего же вы радуетесь! Неведающие справедливости, вы скоро узнаете мощь Партхи! Свершив то, что неприятно тем обоим – Кешаве и Арджуне, в битве, чего вы, упоенные радостью, орете, как львы, когда час урочный для вашей собственной печали уже наступил! Плоды греховных деяний ваших скоро скажутся на вас! Жестокое злодейство совершено вами! Как же может оно долго оставаться без последствий?» – так высказав им (порицание), многоумный сын (Дхритараштры от) женщины-вайшьи удалился прочь, бросив оружие, преисполненный гнева и горя! Почему же ты, о Кришна, не рассказал мне обо всем этом в течение битвы? Я сжег бы тогда всех тех, столь жестокосердных, могучих воинов, сражающихся на колесницах!»

Тогда Васудева-Кришна, успокоив (Партху), подавленного сильным горем из-за (гибели) сына и преисполненного глубокой скорби, сказал ему: «Не следует так (печалиться)! Это ведь именно путь всех героев, неотвращающихся (от битвы), особенно кшатриев, у коих средства к жизни (добываются) войною. Именно это есть конечная цель, о лучший из тех, кто следует к этой цели, – предписанная знатоками священного свода законов для неотвращающихся героев, сражающихся в битве! Ведь смерть в бою несомненна для героев, неотвращающихся от него!

Нет сомнения, что Абхиманью отправился в миры, уготованные для людей, справедливых в своих деяниях! И этого сильно желают все герои, о бык из рода Бхараты, думая в мыслях: «Найдем смерть в сражении лицом к лицу (с врагами)», о милостивый! А (что до Абхиманью), то он, убив в сражении множество храбрых и могучих царевичей, нашел смерть, столь желанную для героев, с лицом, устремленным к битве! Не печалься, о тигр среди людей! Этот извечный закон, а именно гибель в бою, был установлен древними блюстителями закона. Эти братья твои все сильно опечалены, о наилучший из рода Бхараты, а также цари и друзья твои, когда ты преисполнен горестным чувством. Успокой их утешительным словом, о милостивый! То, что должно быть известно, ведь известно тебе! И ты не должен печалиться!»

Так утешенный Кришной, вершителем необычайных подвигов, Партха сказал тогда всем своим братьям такие слова голосом, проникнутым скорбью: «Я желаю услышать о том, как долгорукий и широкоплечий Абхиманью, тот (герой) с продолговатыми, как лепестки голубого лотоса, глазами, вел себя (в сражении). Вы увидите, что я уничтожу в битве тех врагов моего сына вместе с их слонами, колесницами и конями, а также с их приверженцами и родственниками! Все вы искусны во владении оружием, все вы (стоите) с оружием в руках. Как же в таком случае сын Субхадры мог прийти к своей гибели, если бы даже он встретился (в битве) с самим Громодержцем? Увы, если бы я знал, что пандавы и панчалы не в состоянии будут защитить моего сына (в сражении), тогда бы я сам защищал его! Вы находились тогда на своих колесницах, вы выпускали ливни стрел. Увы, как же в таком случае мог Абхиманью быть приведен к гибели своей врагами, обратившими вас ни во что? Увы, нет у вас мужественности и нет у вас доблести, раз в пылу сражения4 на глазах у вас самих Абхиманью был повержен! Я должен упрекать себя самого, ибо зная, что все вы столь бессильны, трусливы и бездеятельны, я уехал тогда отсюда! Увы, разве панцири ваши и оружие всякого рода служат вам только для украшения, а слова даны вам, чтобы только говорить в собраниях, коль вы не смогли защитить моего сына?».

Сказав такие слова, Бибхатсу тогда сел, держа свой лук и превосходнейший меч. И право, никто не мог тогда даже взглянуть на него, напоминавшего самого Разрушителя в ярости и испускавшего поминутно глубокие вздохи. И никто из друзей его (или родственников) не мог тогда осмелиться заговорить с Арджуной или взглянуть на него, сильно терзаемого печалью о сыне, с лицом, залитым слезами, – никто, за исключением Васудевы и старшего отпрыска Панду. Эти двое при всех обстоятельствах были приятны и желанны для Арджуны.

И оттого что оба они пользовались глубоким уважением и большой любовью, они одни могли обращаться к нему (в такую минуту). И тогда, обратившись к Партхе, с глазами, подобными лепесткам голубого лотоса, воспаленному гневом и с сердцем, сильно измученным скорбью о сыне, царь (Юдхиштхира) промолвил такие слова.

Так гласит глава пятидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 51

Юдхиштхира сказал:
О могучерукий, после того как ты отправился к войску саншаптаков, наставник (Дрона) приложил крайние усилия для того, чтобы схватить меня. Мы, однако, сумели остановить Дрону во главе его войска, выстроенного в боевые порядки, со всех сторон, противопоставив в том сражений свой старательно (сражающийся) встречный строй из отрядов колесниц.

Сдерживаемый воинами на колесницах и мною, хорошо охраняемым, он стал со всей стремительностью разить нас, терзая острыми стрелами и мучимые Дроной, мы не могли даже взглянуть на его строй, а уж тем более – прорвать его в битве! Все мы тогда обратились к сыну Субхадры, равному тебе, о владыка, в доблести, сказав ему: «О сын наш, прорви этот строй (Дроны)!» И тот доблестный (герой), словно добрый конь, взялся нести то бремя, хоть и невыносимым оно (могло быть) для него. Наделенный мощью и подкрепленный наукой владения оружием, усвоенной от тебя, тот мальчик проник во (вражеское) войско, как Супарна (проникает) в океан. Что же до нас, то мы последовали за тем героем, сыном дщери рода Сатвата, страстно желая в том сражении проникнуть во (вражеское) войско тем самым (путем), каким проник он сам.

Тогда, о братец мой, злобный царь страны Синдху, Джаядратха, благодаря дару, дарованному ему Рудрой, остановил всех нас. Затем Дрона, Крипа, Карна и сын Дроны, Брихадбала и Критаварман – эти шестеро воинов на колесницах окружили сына Субхадры. И окружив того мальчика в бою, все те могучие воины на колесницах, слишком многочисленные (для него одного), хотя он и сражался старательно изо всех своих сил, лишили его колесницы. И когда он так лишен был ими колесницы, сын Духшасаны, хотя и сам он оказался в крайней опасности, (угрожавшей его жизни), быстро вынудил его встретить свой гибельный конец, предопределенный судьбою.

Что же до (Абхиманью), то, сокрушив тысячи слонов, коней, колесниц и всадников и (убив) еще сотню первейших царевичей, а также множество героев, не отмеченных славою, а также отправив в той битве царя Брихадбалу на Не6q, он, с душою в высшей степени преданной долгу, нашел, однако ж, свой гибельный конец, предназначенный судьбою. Так именно случилось это событие, столь увеличивающее нашу скорбь! И тот тигр среди людей таким образом достиг мира небес!

Санджая сказал:
Услышав слова, сказанные царем справедливости, Арджуна воскликнул: «О сын мой!» и, испустив глубокий вздох, грянулся оземь в сильном горе. Тогда все (воины пандавов) с опечаленными лицами, окружив Дха-нанджаю, стали в унынии взирать друг на друга немигающими глазами. Придя затем в сознание, сын Васавы стал неистовым от ярости.

Казалось, он дрожал словно в лихорадке и поминутно вздыхал_глубоко. Сжимая руку в руке, испуская вздохи, с глазами, полными слез, и бросая взгляды словно безумный, он сказал такие слова: «Воистину перед вами торжественно клянусь, что завтра я убью Джаядратху! Если из страха смерти он, испугавшись, не покинет сынов Дхритараштры или не прибегнет к нам искать покровительства, или к Кришне, высочайшему из людей, или же к тебе, о великий царь, то завтра я (непременно) убью Джаядратху! Забывший дружбу ко мне и исполняющий то, что приятно сынам Дхритараштры, тот негодяй является причиной в убийстве ребенка! Завтра же я убью Джаядратху!

И кто бы ни были те из них, которые будут сражаться со мною в битве, защищая его, будь то даже оба героя – Дрона и Крипа, я покрою их всех своими стрелами! Если я не исполню это именно так в (предстоящем) сражении, о быки среди людей, то пусть я не обрету миров, уготованных для добродетельных, (всегда) желанных для героев!

Те миры, которые уготованы для убийц своих матерей или же для губителей отцов своих, или кои предназначены для имевших плотскую связь с женами своих наставников или же для низменных и злых; или которые уготованы для питающих зависть к благочестивым или же для тех, кто порицает других, или которые для тех, кто присваивает заклады, доверительно помещенные другими, или же для разрушающих доверие; или миры, которые предназначены для тех, кто порицает женщину и говорит о ней дурно, насладившись с ней раньше, или же для убийц брахманов, а также и для губителей коров; или миры, которые уготованы для тех, кто ест нерассудительно (не предложив сначала богам) рис, сваренный на молоке и сахаре, или пищу, приготовленную из ячменя, или овощи, или похлебку, приготовленную из молока, сезама и риса, или лепешки из пшеничной муки (на молоке), поджаренные на топленом масле, и другого рода лепешки, или мясо – пусть я отправлюсь именно в те миры в тот же самый день, если я не убью Джаядратху!

(Те миры), куда идут те, кто презирает лучшего из дваждырожденных, усердно занятого изучением вед или твердо соблюдающего (данный обет), или же (ненавидит) старцев, праведников или наставников своих, – (пусть я попаду именно туда, если я не убью Джаядратху!)

Тот конечный путь, который становится уделом тех, кто касается брахмана или коровы, или огня ногою, и который ожидает тех, кто исторгает мокроту и испражнения и испускает мочу в воду, – пусть я вступлю на тот страшный путь, если я не убью Джаядратху!

Тот конечный путь, который уготован для тех, кто купается нагим (в воде), или для тех, кто не оказывает радушного приема гостю, тот конечный путь, который становится уделом тех, кто берет взятки, говорит ложно и кто вводит в заблуждение и обманывает других, или путь, который предназначен для тех, кто грешит против своей души или кто ложно возносит хвалу (другим); или тот конечный путь, который уготован для людей низменных, кои едят свежеприготовленную пищу на глазах у слуг, сыновей, жен и подчиненных, не поделившись с ними, – пусть я вступлю на тот страшный путь, если я не убью Джаядратху!

(Тот конечный путь, на какой обречен) нечестивец душою, который, покинув прибегнувшего к нему за покровительством или праведника, послушного его слову, не поддерживает их и осуждает того, кто ему оказывал помощь, который не дает от поминальной жертвы соседу, заслуживающему (таких подношений), но дает супругу женщины-шудры, не заслуживающему их; (тот путь, на который вступает) тот, кто пьет хмельное, кто преступает границы нравственности, кто неблагодарен или кто порицает братьев своих, – пусть я вступлю скоро на тот конечный путь, если я не убью Джаядратху! И (конечный путь) Других, которые отступились от закона и тут мною не упомянуты, и тех, кои упомянуты (мною), – пусть я скоро обрету его, если по прошествии этой ночи я не убью завтра Джаядратху!

Внимайте также и другому клятвенному моему обещанию! Если (завтра) солнце зайдет, прежде чем тот злодей будет убит (мною), тогда пусть тут же я войду в пылающий огонь! Вы, о асуры, боги и люди, о птицы и змеи, о усопшие предки и бродящие в ночи, о брахманские и божественные мудрецы, о все движущееся и неподвижное, а равно и другое, что есть еще кроме этого, – все вы не в состоянии будете защитить от меня того врага!

Если он проникнет в самую нижнюю область преисподней или даже поднимется в твердь небесную, или отправится в царство богов или же в области дайтьев, даже там стремительно настигнув его сотнями стрел, я на рассвете снесу голову тому врагу!» Сказав так, Арджуна стал натягивать лук гандиву левой и правой рукою. И превосходя его собственный голос, (раздавшийся) звук от того лука коснулся самих небес. И после того как Арджуна дал торжественную клятву, Джанардана, преисполненный гнева, подул тогда в свою раковину панчаджанью. А Дхананджая подул в раковину девадатту. И раковина панчаджанья, хорошо заполненная воздухом, (выдыхаемым) из уст Ачьюты, исторгла
из своего чрева громкий рев. И тот рев заставил содрогнуться всю вселенную вместе с ее преисподней, небесами и всеми странами света, словно (происходило это) на исходе юги. И действительно, после того как благородным (Арджуной) была произнесена торжественная клятва, отовсюду раздались звуки музыкальных инструментов и львиноподобные рыки в стане пандавов.

Так гласит глава пятьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ ОБ УБИЕНИИ АБХИМАНЬЮ

СКАЗАНИЕ О КЛЯТВЕННОМ ОБЕЩАНИИ

Глава 52

Санджая сказал:
Когда же шпионы (Дурьйодханы), услышав тот громкий шум, исходящий от пандавов, жаждущих (отомстить) за своего сына, поведали ему об этом, Джаядратха, властитель Синдху, сильно подавленный горем, с сердцем, сжавшимся от печали, словно погружающийся в бездонный и обширный океан скорби, (медленно) поднялся и, много размышляя, на правился в собрание царей. Горько сетуя в присутствии тех владык людей, страшась отца Абхиманью и чувствуя стыд, (он) сказал такие слова:

«Тот, кто был рожден на поле Панду Шакрой под влиянием страсти, тот злоумышленник хочет ведь отправить меня в обиталище Ямы! Да будет вам благо! Я возвращусь поэтому к себе домой из желания жить! Или же противопоставьте свою силу, чтобы защитить меня, о быки среди кшатриев! Раз Партха домогается (убить меня), вы, о герои, дайте мне обещание безопасности! Дрона, Дурьйодхана и Крипа, Карна, владыка мадров и Бахлика, Духшасана и другие способны защитить даже того, кого преследует сам бог смерти! А уж тем более когда я (стану сражаться) с Пхалгуной одним, жаждущим меня убить, разве все эти владыки земли, разве все вы, объединившись вместе, не сможете защитить меня?

Когда я услышал крики радости пандавов, велик был мой страх мой, члены будто сильно расслабли, как у человека, находящегося на грани смерти, о владыка земли! Обладатель лука гандивы дал клятвенное обещание непременно убить меня! Потому-то пандавы так кричат в радости, хотя в это время они должны предаваться печали! Ни боги и ни гандхарвы, ни асуры, змеи и ракшасы не могут осмелиться сделать напрасной (его клятву), а куда уж повелителям людей! Поэтому, о быки среди людей, – Да будет вам благо, – дозвольте мне (покинуть лагерь кауравов). Я хочу скрыться. Пандавы не смогут увидеть меня более!» И когда он сетовал так, с душою, расстроенной от страха, царь Дурьйодхана, всегда отдавая предпочтение исполнению своих собственных дел, сказал ему:

«Не следует бояться, о тигр среди мужей! Ибо кто станет, о бык среди людей, домогаться тебя в битве, когда ты будешь стоять среди героев кшатриев! Это (суть следующие): я сам, сын Викартаны – Карна, Читрасена и Вивиншати, Бхуришравас, Шала и Шалья и Вришасена неодолимый; Пурумитра, Джая и Бходжа и Судакшина, правитель Камбоджи, Сатья-врата могучерукий, Викарна, Дурмукха и Саха; Духшасана и Субаху, также и повелитель калингов с поднятым оружием, Винда и Анувинда – оба царя Аванти, Дрона, сын Дроны вместе с сыном Субалы. И сам ты также – превосходнейший из воинов на колесницах, герой, наделенный неизмеримым блеском! Как же ты можешь (в таком случае) испытывать страх перед пандавами, о властитель Синдху! Одиннадцать акшаухини войск, подвластных мне, будут старательно сражаться ради (обеспечения) твоей защиты! Поэтому не бойся, о властитель Синдху! Да рассеется твой страх!»

Так успокоенный твоим сыном, о царь, властитель Синдху в сопровождении Дурьйодханы отправился в ту же ночь к Дроне. И тогда, прикоснувшись с почтительным поклоном к стопам Дроны, о владыка народов, и со смирением усевшись (на отведенное ему место), он вопросил его такими словами: «В меткости попадания в цель, в поражении ее с дальнего расстояния, в ловкости рук и в силе удара скажи ты о различии между мной и Пхальгуной! Я хочу, о наставник, знать точно о различии в искусстве (владения оружием) между мной и Арджуной. Расскажи мне об этом по правде, о владыка!»

Дрона сказал:
Мера обучения (полученная от) наставника, о сын мой, (у вас обоих) – у тебя и у Арджуны, одинакова. Однако вследствие постоянных упражнений в йоге и способности (переносить) лишения 9 Арджуна стоит выше тебя! Но ты не должен в битве ни в коем случае испытывать страха перед Партхой! Ибо я буду хранить тебя, о сын мой, от этих опасений. Тут не может быть сомнений! Ведь даже сами бессмертные не в состоянии одолеть того, кто охраняется моими руками! Я построю такой боевой строй, который Партха не сможет прорвать! Поэтому сразись в битве, не бойся и соблюдай закон своей касты!

Следуй же по пути своих отцов и дедов, о повелитель людей! Изучив должным образом веды, ты совершил возлияния, как надлежит, (священному) огню! Ты также совершил жертвоприношения многочисленными жертвами. Поэтому у тебя не может быть страха перед опасностью смерти! Но (если ты погибнешь), удостоившись великой участи, труднодостижимой людьми низкими, ты обретешь несравненные небесные миры, достигаемые лишь мощью своих рук! Кауравы и пандавы, вришнии и другие люди, а также и я вместе с сыном – все недолговечны! Подумай об этом. Один за другим все мы, сокрушенные всемогущим Временем, отправимся в другой мир, сопровождаемые только своими соответствующими деяниями! Но те миры, которых подвижники достигают, предаваясь суровому покаянию, – их доблестные кшатрии обретают, соблюдая обязанности своей касты.

Санджая сказал:
Так, о царь, был успокоен правитель Синдху сыном Бхарадваджи. Он отогнал свой страх перед Партхой и устремил свои помыслы к битве.

Так гласит глава пятьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 53

Санджая сказал:
После того как Партхой было дано клятвенное обещание убить царя (страны) Синдху, Васудева могучерукий, обратившись к Дхананджав, сказал ему: «С согласия (одних) своих братьев (но без моего ведома), поклялся словами «Завтра я убью правителя Синдху!»

Это был поступок весьма опрометчивый (с твоей стороны)! Не посоветовавшись со мной, ты взял (на себя) чрезмерно тяжкое бремя! Увы, как же мы избежим посмешища среди всех людей! Я послал шпионов в лагерь сына Дхритараштры.

И они, быстро вернувшись сюда, сообщили нам такое известие. После того как тобою было дано клятвенное обещание убить царя Синдху, громкие львиноподобные рыки, (раздававшиеся) тут в сопровождении звуков (наших) музыкальных инструментов, были услышаны сынами Дхритараштры. И от того шума сыновья Дхритараштры пришли в ужас вместе с правителем Синдху. «Эти львиноподобные рыки – не без причины!» –
так подумав, они оставались ждать (что последует дальше). Невообразимый шум, о могучерукий, поднялся тогда среди кауравов, их слонов, коней и пеших воинов. Страшный шум был также (слышен) от скрипа их колесниц. «Услышав о смерти
Абхиманью, Дхананджая, сильно удрученный, в гневе своем непременно выступит ночью на битву!» – так думая, они оставались ждать, (готовясь к бою).

В то время как сами они старательно готовились, они узнали на самом деле об этой клятве убить царя Синдху, данной тобою, о Лотосоглазый, преданным правде. Тогда все советники Суйодханы упали духом и перепугались, словно жалкие твари. Что же до царя Джаядратхи,

то тот Владыка саувиров и народов-синдху, приунывший и сильно подавлеййЫй горем, встал тогда и вошел в свой собственный шатер вместе со своими советниками.

И во время, когда он нуждался в совете (своих приближенных), посовещавшись (с ними) о всевозможных средствах, могущих способствовать его благополучию, он (отправился) в собрание (союзных) царей и сказал Суйодхане такие слова: „Дхананджая, считая меня убийцей своего сына, сразится завтра со мною в битве! Ведь он дал среди своего войска клятвенное обещание убить меня! И ту торжественную клятву Савьясачина не смеют нарушить ни сами боги, ни гандхарвы, ни асуры, ни змеи и ракшасы! Поэтому все вы защитите меня в сражении! Пусть Дхананджая не сможет поразить цели, поставив (дерзновенно) свою ногу вам на голову! Так пусть же по этому случаю будут сделаны необходимые приготовления! Если же, однако, мне не может быть обеспечена защита в сражении, о радующий род Куру, то дай мне тогда дозволение, о царь, чтобы мог я возвратиться к себе домой!»

Когда ему так сказал (Джаядратха), Суйодхана впал в уныние и опечалился, поникнув головой. Услышав о том, что ты дал клятву (убить Джаядратху), Суйодхана погрузился в глубокое раздумье. И видя, что тот сильно удручен, царь страны Синдху сказал мягко такие слова, имеющие отношение к своему собственному благополучию: „Я не вижу среди вас лучника столь превосходящей мощи, который может отразить своим оружием оружие Арджуны в великой битве!

Кто, будь то даже воочию сам. Шатакрату, сможет устоять перед Арджуной, имеющим своим союзником Васудеву, когда он потрясает луком гандивой? Известно ведь, что даже сам владыка Махешвара, наделенный величайшей мощью, сражался некогда с Партхой, который (в единоборстве выступал) пешим, на горе Химаване! Понуждаемый царем богов, он на одной-единственной колеснице убил тысячи данавов, обитавших в Хираньяпуре! Ведь объединившись ныне с мудрым Васудевой, сын Кунти способен уничтожить три мира совокупно даже с бессмертными – таково мое мнение. Я хочу, чтобы (ты) дал мне дозволение (покинуть поле битвы) или же чтобы великий духом и доблестный Дрона вместе со своим сыном защитил меня Или же как ты сам считаешь!»

(Выслушав такие слова Джаядратхи), о Арджуна, царь (Суйодхана) сам стал усердно взывать к наставнику (и упросил его взять на себя защиту правителя Синдху). Все приготовления уже сделаны. И колесницы тоже приведены в готовность. Карна и Бхуришравас, сын Дроны и Вришасена непобедимый, Крипа и царь мадров – эти шестеро будут находиться впереди (Джаядратхи). Дроной будет установлен боевой строй, (одна половина которого примет) вид повозки, а другая половина – вид лотоса. В середине ответвлений того лотосообразного строя, где должен расположиться боевой порядок в виде острия иглы, будет стоять царь Синдху, защищаемый героями, трудноодолимыми в бою. В (стрельбе) из лука и во владении оружием, в доблести, а равно и в силе эти шестеро воинов на колесницах, о Партха, определенно являются самыми неотразимыми.

Не победив сначала их вместе с их приверженцами, к Джаядратхе невозможно будет подступить. Ты подумай о доблести каждого на этих шести. Ведь когда эти тигры среди мужей объединены вместе, их невозможно легко победить! Поэтому я должен буду поразмыслить еще о политике (более подходящей в этом случае) вместе с доброжелательными советниками, сведущими в совещаниях, ради нашей собственной пользы, и ради успеха нашей цели!»

Арджуна сказал:
(Совокупная) мощь тех шестерых воинов на колесницах, которых ты считаешь превосходящими по силе, я полагаю, не равна даже половине моей! Ты увидишь, о Сокрушитель Мадху, оружие у всех их рассеченным при помощи оружия (которое будет пущено) мною, жажду-

щим убийства Джаядратхи! На глазах у самого Дроны и всех его приверженцев, под горестные их причитания, я заставлю скатиться голову царя Синдху на землю! Если Садхьи, Рудры и (восьмеро) Васу вместе с Ашвинами, Маруты с Индрой (во главе), Вишведевы и асуры, усопшие предки вместе с гандхарвами, супарны, Океан и горы, Небеса, воздушное пространство и эта земля, все страны света вместе с их владыками, все существа – домашние и лесные, – если, в самом деле, все движущееся и неподвижное (объединившись вместе) станут защитниками царя Синдху, все равно, о

Сокрушитель Мадху, ты увидишь его убитым мною завтра в битве моими стрелами! Правдою клянусь тебе, о Кришна, а также прикасаюсь к оружию своему (и на нем клянусь), что прежде всего я выступлю, о Ке-шава, против Дроны, того могучего лучника, который стал защитником злостного негодяя (Джаядратхи)! Суйодхана считает, что эта игра битвы держится на (Дроне). Поэтому, прорвав головной отряд войска самого Дроны, я нагряну на правителя Синдху!

Ты увидишь завтра могучих лучников, сокрушаемых мною в битве при помощи длинных стрел, наделенных неистовой мощью, словно вершины горы, раскалываемые громовыми стрелами! Кровь будет течь (потоками) из тел павших людей, слонов и коней, рассеченных острыми стрелами, (густо) падающими на них! Стрелы, посланные из лука гандивы, по быстроте равные мысли иль ветру, лишат тысячи людей, слонов и коней их жизней! Люди увидят в (завтрашнем) бою то страшное оружие, которое получено мною от Ямы, Куберы, Варуны, Индры и Рудры! Ты увидишь в (завтрашнем) сражении различные виды оружия всех защитников правителя Синдху, отражаемые мною при помощи оружия Брахмы! Завтра в пылу битвы, о Кешава, ты увидишь землю устилаемой мною головам» царей, отсеченными силою моих стрел! (Завтра) я ублаготворю (всех)' кровожадных тварей, обращу в бегство врагов, порадую своих друзей в повергну правителя Синдху!

Великий обидчик, поступающий как дурной родственник, происходящий из греховной страны, царь народа Синдху, убитый мною, опечалит своих родных. Вкушающие только всевозможную молочную пищу, отличающиеся греховным поведением, воины Синдху вместе со своим царей (погибнут на поле брани, теснимые мною при помощи стрел.

Завтра на рассвете, о Кришна, я сделаю так, что Суйодхана будет думать, что нет другого лучника в мире, равного мне в битве! Ведь мой лук гандива – это небесный лук! И сам я – воин, о бык среди людей! А ты, о Хришикеша, мой возница. Так отчего же я буду не в состоянии победить? Ведь как пятно (всегда присутствует) на Луне, как вода (всегда находится) в Океане, точно так же, знай, о Джанардана, и мое клятвенное обещание будет правдивым!

Не презирай моего оружия, не презирай моего тугого лука, не пренебрегай силой моих рук, не пренебрегай Дхананджаей! Ибо как я, выступив на битву, одержу победу и не потерплю поражения, то знай, что в силу этой правды Джаядратху (можно считать) уже убитым в сражении! Воистину, в брахмане – правда; воистину, у праведных – скромность; воистину, у способных – преуспеяние; воистину, в Нараяне – победа!

Санджая сказал:
Сказав так Хришикеше и сам (сказав это) самому себе, Арджуна, сын Васавы, громогласно приказал владыке Кешаве: «Тебе, о Кришна, надлежит действовать таким образом, чтобы моя колесница могла быть хорошо снаряжена, как только этой ночью забрезжит рассвет, ибо цель великая совсем уже близка!»

Так гласит глава пятьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 54

Санджая сказал:
И Васудева и Дхананджая, оба терзаемые печалью и горем и часто вздыхающие, подобно двум змеям, не обрели сна в ту ночь. Узнав, что Нара и Нараяна оба разгневаны, боги вместе с Васавой очень встревожились и подумали: «Что же это может быть?» Свирепые ветры начали дуть, сухие и предвещающие страшное. Железная булава вместе с безглавым туловищем показалась на диске солнца. Хотя и было безоблачно, падали громовые удары в сопровождении гулких раскатов и вспышек молнии. Задрожала земля вместе с горами, лесами и рощами.

Взбушевались моря, о великий царь, вместе с обиталищами Макаров. Реки тоже потекли в направлении, обратном их обычному течению. Нижние и верхние губы у воинов, сражающихся на колесницах, и коней, у людей и слонов, начали дрожать. И (как бы) для того, чтобы обрадовать кровожадных тварей и (предвозвестить) о большом притоке населения во владения Ямы, упряжные и верховые животные стали испускать кал и мочу и издавать громкий жалобный рев. При виде тех грозных знамений, заставляющих от содроганья подниматься волоски на теле, а также услышав о страшной клятве могучего Савьясачина, все твои воины, о бык из рода Бхараты, сильно встревожились.

Между тем могучерукий сын Пакашасаны сказал Кришне: «Ступай и успокой свою сестру Субхадру вместе с ее невесткой! О безупречный, невестка и ее свекровь опечалены горем; утешь их, о Мадхава! Успокой их словами участия, проникнутыми правдой, о владыка!» Тогда, отправившись в жилище Арджуны, Васудева, приунывший душою, стал утешать свою опечаленную сестру, мучимую скорбью о сыне: «Не предавайся скорби вместе с невесткой, о дщерь рода Вришни, по поводу своего сына! Для всех живых существ, о робкая, предопределен Временем только один конец! Ведь эта смерть, постигшая твоего сына, достойна героя, рожденного в высоком роду, особенно же кшатрия! Поэтому не печалься! Благодаря счастливой судьбе тот могучий воин на колеснице, герой, равный по доблести своему отцу, нашел, по обычаю кшатриев, уготованный конец.) столь желанный для героев!

Победив великое множество врагов и отправив их к богу смерти, он сам отправился в нетленные миры, которые приводят к исполнению всех желаний и уготованы для добродетельных! Твой сын достиг того конца (жизненного пути), которого благочестивые домогаются воздержанной жизнью, священным знанием и мудростью! Мать героя, супруга героя, родственница тестя героя, ты, о милая, не печалься о сыне, – он отправился в высочайший жизненный путь!

А тот жалкий правитель Синдху, убийца ребенка, вершитель греховных дел, вместе со своими друзьями и родственниками получит, о прекраснобедрая, плоды своего преступления на исходе этой ночи! Ибо не избавится он от Партхи, даже если он проникнет в (обиталище самих богов) Амаравати! Завтра ты услы-шишь, что голова правителя Синдху снесена в битве (и катится) вне пределов Самантапанчаки! Развей же свою печаль и не рыдай горько.

Твердо придерживаясь закона кшатриев, твой храбрый (сын) отпраг вился в конечный путь добродетельных, которого и мы здесь надеемся достичь, а равно и другие, кои добывают средства к жизни оружием. Широкогрудый и могучерукий, неотвращающийся (от битвы) и рассеивающий лучших (из воинов), сын твой, о прекраснобедрая, отправился на небо! Изгони лихорадку (из своего сердца)! Похожий (во всем) на отца своего и на родственника с материнской стороны, тот отважный и могучий воин на колеснице, исполненный великой доб-

лести, пал убитым, после того как сам он убил тысячи врагов! Успокой свою невестку, о царица!

Не горюй так сильно, о жена кшатрийская! Рассей свою печаль, о радость моя, ибо ты услышишь столь приятные вести завтра! То, в чем торжественно поклялся Партха, так и должно исполниться. И оно не может быть иначе! Ибо то, что уж задумано сделать супругом твоим, никогда не останется невыполненным! Если даже люди все, змеи и пипшчи, существа, бродящие в ночи, и птицы, боги и асуры – все будут помогать царю Синдху на поле брани, то все равно он вместе с ними прекратит свое существование завтра на рассвете!»

Так гласит глава пятьдесят четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 55

Санджая сказал:
Услышав эти слова благородного Кешавы, Субхадра, мучимая скорбью о сыне, стала горестно и жалобно причитать: «О сын мой, чья (мать) сама столь несчастна, как ты, о дитя мое, будучи равен в доблести отцу своему, мог найти свою гибель, отправившись на битву? Увы, как лицо твое темного цвета, подобно синему лотосу, украшенное красивыми зубами и очаровательными очами, как оно выглядит теперь, о сын мой, покрытое пылью битвы?

Несомненно, смотрят на тебя, столь храброго и необращавшегося вспять, павшего на поле брани – на тебя с красивой головой, шеей, руками и плечами, с широкой грудью и подтянутым животом, с телом, всюду красиво украшенным, на тебя, прекрасноокого, покрытого ранами, нанесенными оружием, несомненно взирают существа, словно на восходящий месяц! Как же ты, чье ложе раньше бывало устлано дорогими юкрывалами, увы, как ты, заслуживающий всякой роскоши, спишь сегодня на голой земле, пронзенный стрелами? Тот герой могучерукий, которому прежде прислуживали лучшие из красивых женщин, увы, так же павший на поле битвы, обслуживается теперь шакалами? Тот, кого прежде прославляли восторженно сказители, певцы и панигиристы, – тот сегодня обслуживается страшными и завывающими хищниками и кровожадными тварями!

Кем, увы, ты мог быть убит как беззащитный, в то время как пандавы, герои общины Вришни и герои-панчалы, о владыка, были твоими защитниками? О сын мой, я все еще не насытилась лицезрением тебя, о безупречный! Несчастная, я очевидно должна буду сегодня отправиться в обиталище Ямы! Когда же, о сын мой, я снова взгляну на лицо твое, украшенное большими глазами и красивыми локонами, на то гладкое лицо без изъянов, из которого всегда исторгались сладостные слова и тонкое благоухание? Позор силе Бхимасены, позор искусству владения луком Партхи, позор отваге героев общины Вришни и позор мощи панчалов! Позор кекаям и чеди, а также матсьям и сринджаям, которые не ведают, что ты, герой, повержен, когда вступил в сражение! Сегодня я вижу Землю будто опустелой и потускневшей в блеске! Не видя Абхиманью, глаза мои встревожены горем! Ты был сыном сестры Васудевы, сыном Обладателя лука гандивы. Как я увижу тебя, героя, без колесницы, поверженным другими? Увы, о герой, ты был для меня как сокровище во сне: увиденное и (тут же) исчезнувшее! Увы, все человеческое – преходяще и трепетно, как пузырьки воды.

Эта юная супруга твоя подавлена горем из-за постигшего тебя (несчастья). Увы, как я успокою ее, словно буренушку без теленка! Увы, не вовремя отправился ты (в последний свой путь), о сынок мой, покинув меня в тот час, когда (ты готов уже был) принести свои плоды, (покинув) несмотря на то, что я жаждала лицезреть тебя! Без сомнения, поведение Всеразрушителя не может быть постижимо даже мудрым, раз ты, хотя Кешава и являлся твоим защитником, все же был убит в сражении, словно был совсем беззащитный!

Да обретешь ты (о сын мой) тот конечный путь, который уготован для тех, кои совершают жертвоприношения со щедрыми дарами, кто суть брахманы с обузданною душою, для тех, кои соблюдают обет воздержания и кои совершают омовения в святых местах для купания; для тех, кто благодарен и щедр и кои находятся в послушании своих наставников, а также для тех, кто раздает тысячами жертвенные дары.

Отправляйся в тот конечный путь, который предназначен для тех, кто храбры и сражаются, не отвращаясь от битвы, или для тех, кои пали в битве, убив своих врагов! В тот конечный путь, который уготован для тех, кто дает в дар тысячи коров или раздает дары при жертвоприношениях, в тот благостный путь, который предназначен для тех, кои дают дома и обиталища со всём необходимым для домашнего обихода, желанные (для получающих); в тот путь, по которому следуют отшельники, суровые в обетах, благодаря воздержанной жизни, или тот, по которому идут жены, имеющие только одного супруга, – в тот конечный путь отправляйся, о сыночек мой!

В тот последний, предвечный путь, который достигается царями благодаря доброму поведению или теми, кои очистили себя, придерживаясь последовательно четырех ступеней жизни и усердным соблюдением своих -священных обязанностей; тот путь, который предопределен для тех, кто сострадателен к бедным и страждущим, кто всегда делит беспристрастно (радости между собой и подчиненными), и для тех, кто никогда не поддается обману и злобе, – в тот конечный путь отправляйся, о сыночек мой!

В тот конечный путь, который предназначен для тех, кои соблюдают обеты и добродетельны, или для тех, кои прислуживают своим наставникам, или для тех, кто не отсылает гостя, не оказав ему должного приема, – в тот путь отправляйся, о сыночек мой! В тот конечный путь, который достигается мудрыми, кои вступают в связь только со своими женами во время, удобное для зачатия, и не предаются усладам с женами других, – в тот путь отправляйся, о сыночек мой! Обрети тот конечный путь, который предназначен для тех, кто, будучи свободны от зависти и вражды, обращаются ко всем существам с миром, или для тех, кои не причиняют страданий другим и кои всегда прощают! Отправляйся, о сыночек мой, в тот конечный путь, который уготован для тех, кто воздерживается от меда, мяса и хмельного, кто отрекся от гордыни и неправды, для тех, кои отказались причинять горе другим! В тот путь, по которому следуют те, кто обладает скромностью, сведущ во всех священных писаниях и доволен знанием, а также обуздавшие свои чувства и праведные, – в тот конечный путь отправляйся, о сыночек мой!»

И меж тем как опечаленная Субхадра причитала так, терзаемая печалью, к ней подошла тогда царевна Панчалы (Драупади) в сопровождении дочери Вираты (Уттары). И они тут горько зарыдали и предались жалобным стенаниям, охваченные великим горем. И подобно безумным, о царь, они, лишившись чувств, упали на землю.

Но тут Кришна, готовый к услугам, глубоко опечаленный, окропил водою свою сестру, измученную печалью, и утешил ее, сказав добрые слова, какие говорят в подобных случаях. И ей, почти бесчувственной, рыдающей и дрожащей, покинутой (сыном), Лотосоглазый молвил такие слова:

«Не печалься о сыне, о Субхадра! О царевна Панчалы, успокой Уттару! Абхиманью, тот бык среди кшатриев, отправился в славный конечный путь. Пусть также и другие люди, которые еще существуют в нашем роду, о прекрасноликая, отправятся все по тому конечному пути, который обретен Абхиманью, овеянным славою! Пусть и мы свершим и пусть свершат и

друзья наши такой подвиг, какой сегодня твой сын, могучий воин на колеснице, совершил в одиночку!»

Так утешив сестру свою, а также Драупади и Уттару, тот могучерукий усмиритель врагов возвратился к Партхе. Затем, испросив дозволения у царей, а также у друзей, владыка Кришна, о царь, вошел во внутренние покои (Арджуны), в то время как другие отправились тоже по своим обиталищам.

Так гласит глава пятьдесят пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 56

Санджая сказал:
Тогда лотосоглазый владыка, войдя в бесподобный чертог Арджуны,. коснулся воды и разостлал (для последнего) на ровном полу, отмеченном: счастливыми знаками, великолепное ложе из священной травы дарбха, подобное цветом драгоценному камню вайдурья. Окружив затем то ложе превосходнейшим оружием, он украсил его, как подобает, гирляндами цветов и жареными зернами (риса), благовониями и прочими усладительными предметами.

И когда Партха (тоже) прикоснулся к воде, смиренные и покорные служители совершили обычное ночное жертвоприношение Трехглазому (Махадеве). Затем Партха с радостной душою, украсив Мадхаву благовониями и цветочными венками, преподнес упомянутому (божеству) то вечернее приношение. Тут Говинда, с радостной* улыбкой обратившись к Пхальгуне, сказал: «Ложись ты сам спать, о Партха, благополучие и счастье да будут с тобою! Я оставляю тебя!»

Поставив затем привратников и несущих охрану людей, хорошо вооруженных, великолепный (Кешава) в сопровождении Даруки (своего возницы) отправился в свой собственный шатер. И он улегся на белом ложе и стал обдумывать различные меры, которые следует предпринять. Никто в лагере пандавов не спал в ту ночь. Бессонница овладела каждым из людей, о владыка народов!

«Одолеваемый скорбью о сыне, благородный Обладатель лука гандивы опрометчиво дал клятвенное обещание убить царя страны СиндхуР Как же, в самом деле, могучерукий сын Васавы тот губитель вражеских героев, выполнит свою клятву? – так размышляли они. – Ведь, право же, благородным Пандавой принято весьма трудное решение! Велика та клятва, данная им, сжигаемым скорбью о сыне! Братья же (Дурьйодханы) преисполнены все великой доблести, и войска их многочисленны Сыном Дхритараштры все передано Джаядратхе (для его защиты). Пусть же Дхананджая снова вернется (в лагерь), убив правителя Синдху в сражении! И, победив своих врагов, да выполнит Арджуна свою клятву.

Ибо если ему не удастся убить (завтра) правителя Синдху, он непременно войдет в пылающий огонь! Ведь сын Притхи, Дхананджая не позволит себе сделать эту (клятву свою) ложной! Если же Арджуна погибнет, то как же сын Дхармы добьется успеха (в возрасте своего царства)? Ведь, на него сын Панду (Юдхиштхира) возложил целиком (все свои надежды)! на победу! Если нами приобретены какие-нибудь (религиозные) заслуги,, если нами всегда совершались возлияния (топленым маслом священному огню), то пусть, благодаря плодам всего этого, Савьясачин победит своих врагов!»

Меж тем как они беседовали так между собой, возлагая надежды на-(завтрашнюю) победу, о владыка, прошла для них тяжелая и длинна» ночь, о царь! В середине той ночи Джанардана, пробудившись ото снаг вспомнил о клятвенном обещании Партхи и, обратившись к Даруке,

сказал: «Арджуна, скорбящий об убитом сыне своем, дал клятву, о Дарука, что завтра, пока будет длиться день, он убьет Джаядратху. Но, прослышав об этом, Дурьйодхана конечно будет совещаться со своими советниками о том, как (им следует поступить), чтобы Партха не смог убить его в сражении! Ведь все акшаухини его войск (выделенные для этого) будут защищать Джаядратху.

Искушенный в правилах применения всякого оружия, Дрона также вместе со своим сыном (будет защищать его). Даже сам Тысячеглазый, сокрушитель дайтьев, – даже тот герой не осмелится один убить в бою его, охраняемого Дроной! Я поэтому сделаю завтра так, что Арджуна, сын Кунти, убьет Джаядратху раньше, чей зайдет солнце! Ибо ни жены мои и ни друзья, ни мои родственники и близкие и ни кто-нибудь другой не более мил мне, чем Арджуна, сын Кунти!

Я не буду в состоянии, о Дарука, взглянуть даже на миг на этот мир без Арджуны! Но не будет этого так! Я уничтожу войска врагов вместе с их конями, колесницами и слонами и вместе с Карной и Суйодханой! Пусть три мира завтра увидят мою доблесть в великой битве, когда я проявлю отвагу, о Дарука, ради Дхананджайи! Завтра тысячи царей и сотни царевичей вместе со своими конями, слонами и колесницами убегут с поля брани, о Дарука! Завтра ты увидишь то войско царей сокрушенным в пылу сражения моим диском и повергнутым мною в гневе ради Пандавы!

Завтра все (три) мира вместе с богами, гандхарвами, пишачами, змеями и ракшасами узнают меня как (истинного) друга Савьясачина! Кто ненавидит его, тот ненавидит меня. Кто следует за ним, тот следует за мной. Поразмысли так умом, и (ты поймешь), что Арджуна – половина моего тела!

Пока еще не забрезжил рассвет на исходе этой ночи, ты (о Дарука), снарядив превосходнейшую мою колесницу согласно правилам военной науки, должен доставить ее (сюда) со всей заботливостью к своим обязанностям. Уложив на колеснице мою дивную палицу (по названию) наумо-даки, мой дротик, диск, лук и стрелы, а также всякие боевые приспособления, о сута; приготовив место на площадке колесницы для моего знамени и для храбрейшего Вайнатейи, украшающего мою колесницу в сражении; водрузив зонт, а также впрягши в нее коней Балахаку, Метхапушпу, Сайнью и Сугриву – превосходнейших скакунов моих, украшенных дивными золотыми кольчугами, сверкающими подобно солнцу или огню, сделанными Вишвакарманом, и сам, облачившись в доспехи, стой на ней с сосредоточенным вниманием, о Дарука! Услышав низкий и страшный звук моей раковины панчаджаньи, переливающийся пронзительной нотой ришабха, ты быстро подъезжай ко мне. В один-единственный день, о Дарука, я развею гнев и всякие горести моего брата, сына тетки моей со стороны отца.

Всевозможными средствами я буду стараться таким образом, что Бибхатсу убьет в бою Джаядратху на глазах у самих сынов Дхритараштры! Я говорю тебе, о возница, что у Бибхатсу будет несомненной победа над всяким, ради убиения которого он приложит старания!»

Дарука сказал:
Победа всегда несомненна у того, обязанности возницы коего взял на себя ты, о тигр среди людей! Откуда, в самом деле, может быть поражение для него? Что до меня, то я сделаю так, как ты мне повелеваешь. Ибо на исходе этой ночи забрезжит благоприятный рассвет для победы» Виджайи!

Так гласит глава пятьдесят шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 57

Санджая сказал:
Сын Кунти Дхананджая, наделенный непостижимой доблестью, обдумывая (как выполнить) свое клятвенное обещание, вспомнил о мантре дарованной ему Вьясой, и тут же впал в забытье. И к тому герою обезьянознаменному, терзаемому печалью и погруженному в мысли, явился во сне могучий в блеске своем (Кешава), на чьем знамени сидит Гаруда. Справедливый душою Дхананджая из-за своей любви и преданности к Кришне никогда не упускал при любых обстоятельствах того, чтобы не встать, и не пойти к нему навстречу.

И поэтому, поднявшись теперь (во сне) навстречу Говинде, он предложил ему сидение. Но сам Бибхатсу, однако, не посмел занять свое место. Тогда Кришна, наделенный великой мощью, зная о решении Партхи, сказал, восседая, такое слово сыну Кунти, в та время как тот стоял: «Не повергай сердце свое в уныние, о Партха! Ибо время неодолимо! Время принуждает все существа идти по неизбежному течению. Отчего же это уныние твое? Скажи (мне) о том, о лучший из* велеречивых! Мудрому не следует печалиться, ибо печаль – помеха делу. Человек, который предается печали, радует врагов и огорчает своих друзей, а сам он слабеет. Поэтому ты не должен печалиться!»

Когда так было сказано Васудевой, непобедимый Бибхатсу, наделенный мудростью, промолвил тогда слова, проникнутые глубоким смыслом:: «Велика данная мною клятва убить Джаядратху. Завтра я убью того злостного негодяя, убийцу моего сына – такова именно (клятва моя), о Кешава! Чтобы нарушить мое клятвенное обещание, правитель Синдху, охраняемый всеми могучими воинами на колесницах, о Ачьюта, будет ведь-удерживаться у них в тылу сыновьями Дхритараштры!

А войск (у них)? одиннадцать акшаухюш, трудноодолимых! Как сможет человек, подобный мне, жить, если клятвенное обещание его не будет выполнено? У меня обнаруживается отсутствие пыла, о герой (в исполнении моей клятвы, которая является) источником великого горя! (В это время года) солнце садится быстро, – поэтому я и говорю тебе об этом». Услышав об этой причине горя Партхи, Кришна птицезнаменный84 прикоснулся тогда к воде и уселся, обратившись лицом к востоку. Затем он, с глазами, как голубой лотос, наделенный великой мощью, сказал такие слова ради блага сына Панду, согласный на убийство правителя Синдху:

«О Партха, есть извечное и высочайшее оружие, по названию «пашупата». При помощи его бог Махешвара убил в битве всех дайтьев! Если оно придет тебе на память сегодня, тогда ты сможешь убить Джаядратху завтра! А чтобы узнать его, прибегни мыслию к богу с изображением быка на своем знамени! Думая в мыслях о том боге, оставайся спокойным, о Дхананджая! Ты – поклонник его. И по милости его ты обретешь то великое (оружие)!»

Услышав слова Кришны, Дхананджая тогда прикоснулся к воде и, усевшись на земле, глубоко сосредоточился мыслию на (владыке) Бхаве.

И вот, когда наступил тот час, называемый брахма, с благоприятными признаками, Арджуна увидел себя (парящим) в небе вместе с Кришной. И двигаясь со скоростью ветра, Партха (казалось) достиг вместе с Кришной небес, усеянных звездами и часто посещаемых сиддхами и чаранами. И владыка Кешава (будто) ухватился за его правую руку. И он видел множество чудесных явлений и зрелищ, когда достиг (тех сфер).

В северной стране света он, справедливый душою, увидел Белую гору, а в увеселительном саду Куберы – прелестный пруд, украшенный лотосами. И увидел он также ту наилучшую из

рек, многоводную Гангу, покрытую (по берегам) деревьями, всегда дающими цветы и плоды, и усеянную камнями из прозрачного кристалла, а в (прибрежных чащах) населенную львами и тиграми и изобилующую различного рода животными, украшенную святыми обителями, восхитительную и оглашаемую прелестными, (сладкозвучными) птицами.

И также (увидел он) местности вокруг (горы) Мандары, оглашаемые пением киннаров. Украшенные золотыми и серебряными вершинами, они были расцвечены разнообразными растениями и травами. И они также были украшены деревьями мандара с распустившимися цветами.

Затем (Арджуна) достиг горы (по названию) Кала, видом подобную скоплению густой глазной мази, потом – священного подножья Химавана и горы Маниман, (изобилующей драгоценными камнями). Потом (он достиг) вершины Брахматунга и многих рек, а также иных населенных областей. Затем (он оказался) на (горе) Шаташринге, увенчанной красивыми вершинами, и в лесах Шарьяти. Далее (увидел он) святое место Ашваширас и область Атхарваны. Затем (узрел он) владыку гор Вришаданшу и великую Мандару, занятую апсарами и украшенную киннарами.

И блуждая по тем горам, Партха вместе с Кришной увидел восхитительные места, с прекрасными водопадами, украшенные золотыми минералами, и (саму) Землю, озаренную блеском лунных лучей и опоясанную городами. И также увидел он моря, необычайные видом, и многочисленные рудники с сокровищами. И странствуя так по небу и воздушному пространству, равно и по земле, и взирая на место, (называемое) Вишнупада, он, изумленный, в сопровождении Кришны пролетел мимо как стрела, выпущенная (из лука). И вскоре Партха увидел ярко сверкающую гору, блеск которой был равен сиянию планет, созвездий или месяца, солнца или огня. И спустившись на ту гору, он увидел сидящего на ее вершине бога, великого душою, с изображением быка на своем знамени, и всегда занятого аскетическим покаянием, подобного тысяче солнц и сияющего своим собственным блеском, с трезубцем (в руке), с заплетенной на голове косою, белоснежного видом и облаченного в одежду из древесной коры и антилоповую шкуру.

Наделенное великой мощью, тело божества пестрело тысячами глаз. И он восседал вместе с Парвати и сонмами лучезарных существ (его окружавших). И его ублажали пением и громкими звуками музыкальных инструментов, хлопками ладоней и плясками, круговыми движениями, простиранием рук и громкими криками; ублажали его также тончайшими благовониями. И отшельники, истолкователи брахмы, восславляли его дивными хвалебными гимнами, – того покровителя всех существ, держателя (грозного) лука, неувядаемого (славой). И увидев его, Васудева, справедливый душою, вместе с Партхой коснулся головою земли, произнося извечные слова вед.

И восславил тогда Кришна словом, душою, разумом и действиями того бога-вседержителя, который есть первопричина вселенной, будучи сам нерожденным, всевышний владыка, неувядаемый (славою); который есть высочайший источник мысли, небесное пространство, ветер и причина всех светил (на небосводе); того, кто есть сотворитель дождевых ливней и является высочайшей и изначальной сущностью Земли, кто есть средство для преуспеяния богов, данавов, якшей и людей, кто есть высочайшая брахма; кто становится явным для йогинов и служит прибежищем для истолкователей брахмы; кто есть творец всего, что движется и неподвижно, а равно – и разрушитель всего этого; кто есть Гнев, сжигающий все в конце юги, кто есть высший дух и кто есть источник всех атрибутов Шакры и Сурьи.

И оба они прибегли к покровительству Бхавы, которого видят люди ученые, желающие достичь то, что носит признак тончайшего и духовного, – (к покровительству) того, нерожден-

ного, который есть душа всех причин. И Арджуна тоже поклонился снова тому божеству, зная, что оно единственное является первопричиной прошедшего, будущего и настоящего и началом всех существ.

И тогда им, явившимся вдвоем, Шарва промолвил с легкой улыбкой: «Привет вам, о наилучшие из мужей! Встаньте, и пусть ваша усталость (от странствий) исчезнет! Какое желание в вашем сердце, о герои? Да говорите же скорее! По какому делу вы явились сюда, –то я исполню для вас! Выбирайте, что может быть благим для вас! Я дам вам все, что ни (пожелаете)!»

Услышав те слова божества, оба они встали. Затем с почтительно сложенными ладонями. Васудева и Арджуна, оба наделенные великой мудростью, начали ублажать Шарву: «Поклонение Бхаве, Шарве, Рудре и подателю даров! Поклонение владыке всех живущих тварей, постоянно свирепому, (носящему прозвище) Капардин (Косматый)! Поклонение Махадеве, Бхиме, Трьямбаке, или Шамбху! Поклонение Ишане (Владыке), или сокрушителю (глаз) Бхаги! Да будет поклонение сокрушителю Андхаки, отцу Кумары, тому, кто всегда с темно-синим горлом, тому, кто есть создатель! Тому, кто пурпурного или дымчатого цвета, охотнику (за дичью), неизменно побеждающему!

(Поклонение да будет) тому, кто всегда с темно-синими локонами, кто вооружен трезубцем, тому, кто наделен сверхъестественной силой зрения! Тому, кто разрушает и кто охраняет всех, у кого три ока, кто вызывает болезни, тому, чье жизненное семя упало в огонь! Тому, кто непостижим, супругу Амбики, тому, кто прославляется всеми богами! Тому, на чьем знамени изображение быка, кто рыже-бурого цвета, кто носит заплетенную косу и кто блюдет обет воздержания! Тому, кто предается покаянию, стоя в воде, кто благочестив, кто никогда непобедим! Тому, кто есть душа вселенной, кто творец вселенной, тому, кто существует, проникая все! Хвала и поклонение тебе, кто всегда почитаем всеми и кто – повелитель всех бхутов! Тебе, который зовется Брахмавактра, Шарва, Шанкара и Шива! Поклонение да будет (тебе) – владыке слова! Поклонение владыке всех созданий! Поклонение владыке всего сущего! Поклонение владыке всех великих! Поклонение тебе, тысячеглавому, тысячерукому и тысячегневному! Поклонение тебе, тысячеглазому и тысяче-ногому! Тебе, чьи деяния неисчислимы! Поклонение тебе, чей облик цвета золота, тебе, облаченному в золотой панцирь, всегда сострадательному к своим поклонникам! Да осуществится наше желание, о владыка!»

Восславив так Махадеву, Васудева с Арджуной начали тогда умилостивлять Бхаву ради получения (могучего) оружия (пашупата). Затем Арджуна, радостный душою, приветствовал бога с изображением быка на своем знамени и с глазами, широко раскрытыми (от изумления), пристально взирая на него – вместилище всей сосредоточенной мощи.

И он увидел собственные свои приношения, которые он каждую ночь сам преподносил Васудеве, возлежащему рядом с трехглазым божеством. Затем, почтив мысленно Шарву и Кришну, Пандава сказал Шанкаре:

«Я хочу (получить) божественное оружие!» Услышав слова Партхи, имеющие целью получение дара, тот всемогущий бог, улыбаясь, промолвил тогда Васудеве и Арджуне: «Есть поблизости отсюда небесное озеро, полное амриты, о сокрушители врагов! Там некогда были положены на хранение тот дивный лук и стрела, принадлежащие мне! При помощи их мною были сокрушены в битве все враги богов! Так принесите сюда, о Кришны, тот превосходнейший лук с (возложенной на нем) стрелой!»

И сказав «хорошо» Шарве, оба героя в сопровождении его спутников отправились к тому дивному озеру, окруженному сотнями дивных чудес, к тому священному, способному давать всякую вещь, озеру, которое было им указано Носящим изображение быка на своем знамени.

И к нему пошли бесстрашно оба мудреца Нара и Нараяна. Ипрйдяктому озеру, напоминающему диск солнца, Арджуна и Ачьюта увидели внутри его вод страшного змея. И увидели они там другого, второго змея, еще более выдающегося, с тысячью голов. Обладающий блеском огня, он извергал могучее пламя. Затем Кришна и Партха, прикоснувшись к воде и сложив почтительно ладони рук, приблизились к тем змеям, поклоняясь богу с изображением быка на своем знамени. Сведущие в ведах, они произносили из той священной брахмы сотню гимнов для прославления Рудры, поклоняясь в то же время со всей своей душою Бхаве, неизмеримому (в мощи).

И тогда те оба могучих змея, вследствие величания Рудры, оставив свою змеиную форму, приняли вид той пары, сокрушающей врагов, – лука и стрелы. Обрадованные (таким зрелищем, Кришна и Арджуна) схватили тот лук и стрелу, ярко сверкающую. Затем оба те благородных (героя) принесли их и отдали великому духом (Махадеве). Тогда из одного бока Носящего изображение быка на своем знамени вышел брахмачарин с ярко-красными глазами. Казалось, он был вместилищем аскетических подвигов. С темно-синим (горлом) и рыжими (волосами), он был наделен могучей силой.

Взяв тот превосходнейший лук, он стал, поставив (соответственно лук и свои ноги), глубоко сосредоточенный. И возложив стрелу на лук, он стал натягивать его должным образом. Наблюдая его приемы держать рукоять лука, натягивать тетиву и ставить свои ноги, а также слыша мантры, произносимые Бхавой, Пандава, наделенный непостижимой доблестью, усвоил все, как должно. Могущественный владыка выпустил затем стрелу в то озеро и бросил снова, отважный, также и лук в то же самое озеро.

Тогда Арджуна, одаренный хорошей памятью, зная, что Бхава остался доволен им, и помня также о его даре, данном ему в лесу, и возможность лицезреть Шанкару (предоставленную последним), мысленно задумал желанное: «Пусть оно исполнится у меня!» Зная о том его желании, Бхава, довольный им, дал ему дар. Он также (даровал ему) то страшное оружие пашупата и исполнение его клятвы.

И непобедимый (Арджуна), с волосками на теле, поднявшимися от радостного возбуждения, счел, что дело его уже довершено. Затем Арджуна и Кешава, преисполненные радости, почтили, отвесив поклон головою, того великого бога. И получив дозволение Бхавы, оба те героя в тот же миг возвратились в свой лагерь, исполненные высочайшего восторга. В самом деле, они испытывали такую же радость, как Индра и Вишну, упорно домогавшиеся убийства Джамбхи.

Так гласит глава пятьдесят седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 58

Санджая сказал:
Меж тем как Кришна и Дарука беседовали так вдвоем, прошла та ночь, о царь! И (когда) забрезжил рассвет, пробудился царь (Юдхиштхира). Музыканты, панигиристы и подносящие медвяный напиток, певцы и сказители-суты играли и распевали песни и всячески ублажали того быка среди людей. Плясуны начали плясать, а сладкоголосые певцы распевали сладостно свои песни, содержащие хвалу роду Куру. (Зазвучали) мриданги, джарджары и бхери, панавы, анаки и гомукхи, адамбары, раковины и литавры громкозвучные, а также различные

другие инструменты, о потомок Бхараты, – на них играли вдохновенно опытные (музыканты), хорошо обученные (каждый в своем искусстве). И тот громкий шум, подобный грохоту облаков, касался самих небес. И он разбудил ото сна первейшего из царей – Юдхиштхиру. Выспавшись спокойно на превосходнейшем драгоценном ложе, (царь) пробудился. И встав, он направился тогда к помещению для купания, чтобы совершить обязательно необходимые обряды.

И тут сто восемь прислужников в белых одеждах, сами вымытые и 8~1& все юные, подошли к царю с наполненными (до краев) золотыми сосудами. Усевшись удобно на великолепном сидении и облачившись в легкие одежды, он искупался в разнородной воде, благоухающей сандалом и освященной мантрами. Растертый благовонной мазью (из всевозможных лекарственных трав) с помощью сильных и хорошо обученных слуг, он был затем обмыт водою, издающей благовоние из-за разведенных в ней различных душистых соков.

Умастив потом свое тело желтой сандаловой мазью, в цветочных венках и в неношеной одежде, могучерукий (царь) стал, обратившись лицом на восток и сложив почтительно руки. Следующий по пути добродетельных, сын Кунти прочел шепотом молитвы. Потом смиренно он вошел в хранилище, где пылал священный огонь. Почтив воспламененный пучками священной травы (куша) огонь возлияниями из топленого масла, освященными (изречением) мантр, он вышел из того помещения.

Затем царь, тот тигр среди людей, войдя во второе помещение, увидел там мудрецов, быков среди брахманов, хорошо знающих веды. Все они были обузданы (душою) и очищены изучением вед и обетами, и все совершили омовения после окончания предпринятых ими жертвоприношений. Были там тысяча спутников, поклоняющихся Солнцу, и еще восемьдесят сотен.

И могучерукий сын Панду, побудив тех дваждырожденных произнести отчетливыми (голосами) приятные (благословения), одарив их (сперва) медом и топленым маслом и лучшими, весьма усладительными плодами, дал каждому из брахманов по золотой нишке, сотне украшенных коней, дорогие одежды и другие желанные дары. Также даровав им вместе с быками бурых дойных коров с рогами, украшенными золотом, и с копытами, покрытыми серебром, отпрыск Панду совершил обхождение слева направо.

Увидев затем и прикоснувшись к изображениям свастики,м сулящим счастье, и к золотым сосудам нандьяварта, цветочным венкам и кувшинам с водой и к пылающему огню; (коснувшись) сосудов, полных высушенного на солнце риса, лимонов и желтого красящего вещества, приготовленного из коровьей мочи, также хорошо украшенных, прелестных девушек, кислого молока, топленого масла и медовой воды, благостных птиц, а равно и других вещей, которые чтятся, сын Кунти вошел тогда во внешнее помещение.

И пока он, могучерукий, стоял там (немного), прислужники принесли богатое золотое сидение, кругом великолепное, украшенное жемчужинами и драгоценными камнями вайдурья. Дивное, покрытое весьма дорогим ковром и поверх устланное еще тонким покрывалом, оно было сделано самим Вишвакарманом. И когда благородный (владыка) занял свое место, слуги принесли ему все его драгоценные и сверкающие украшения. Благородный царь надел одежды, украшенные драгоценностями, после чего, о великий царь, красота его стала такой, что увеличивала печаль его врагов.

И обвеваемый белыми опахалами из буйволовых хвостов, подобными сиянию лучей месяца и снабженными золотыми рукоятками, он выглядел блистательно, подобно облаку, пронизанному молниями. И сказители-суты начали восславлять его, а панегиристы возносили хва-

лу; и певцы стали петь тому отпрыску рода Куру. Ив один миг голоса панегиристов слились в громкий шум.

И тогда (послышался) скрип ободов колес колесничных и стук копыт коней (боевых). И от звона колокольцев, привешенных к слонам, от рева раковин и от топота ног воинов, казалось, дрожала сама земля. Тогда, войдя во внутренние покои, един из привратников, облаченный в панцирь, юный в годах, с серьгами и с пристегнутым (сбоку) мечом, преклонив к земле колени, приветствовал головным поклоном того царя земного, заслуживающего поклонения головой, и сообщил благородному сыну Дхармы, что прибыл Хришикеша. И тот тигр среди людей, приказав (своим слугам):

«Пусть великолепное сидение и почетное питье будут приготовлены для него», дозволил Мадхаве беспрепятственно войти." И затем, когда потомок рода Вришни вошел и уселся на роскошном сидении, Юдхишт-хира почтил его и, будучи сам почтен им, вопросил его.

Так гласит глава пятьдесят восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 59

Юдхиштхира сказал:
Счастливо ли проведена тобою ночь, о сокрушитель Мадху? Все ли восприятия твои ясны, о неувядаемый славою?

Санджая сказал:
Васудева тоже вопросил Юдхиштхиру о том же самом. Тогда (явился) привратник и сообщил, что прибыли первейшие кшатрии-воины100 (и ждут, чтобы войти). И с дозволения царя он ввел ту группу (героев): Вирату и Бхимасену, Дхриштадьюмну и Сатьяки, Шикхандина и обоих близнецов (Накулу и Сахадеву), Чекитану и кекаев, Ююцу из рода Куру и Уттамауджаса из Панчалы. Эти и многие другие кшатрии приблизились к тому быку среди кшатриев, великому духом, и уселись на (приготовленных) сидениях. Оба могучих и благородных героя, отличающиеся великим блеском, – Кришна и Ююцу уселись на одном сидении. Тогда, обратившись к лотосоглазому сокрушителю Мадху, Юдхиштхира сказал ему эти сладостные слова, и при этом его слышали все:

«Полагаясь на тебя одного, как бессмертные – на Тысячеглазого, мы домогаемся победы в бою и вечного счастья! Ты ведь знаешь, о Кришна, о потере нами своего царства, о нашем изгнании усилиями врагов, а равно о всех наших всевозможных лишениях. О владыка всего (сущего), о сострадательный к тем, кто предан тебе, на тебе целиком зиждется счастье всех нас и само существование наше, о сокрушитель Мадху!

Сделай так, о отпрыск рода Вришни, чтобы сердце мое всегда могло опереться на тебя, чтобы заветная клятва Арджуны могла осуществиться! О, избавь нас от этого великого океана горя и ярости! Будь сегодня, о Мадхава, лодкой для нас, жаждущих переправиться на другой берег (этого океана)! Ведь воин, сражающийся на колеснице, будь он даже равен Картавирье, не может в сражении делать то (для успеха своей цели), что, о Кришна, может делать возница, когда сам усердно прилагает старания!»

Васудева сказал:
Во всех мирах совокупно с бессмертными нет ни одного такого лучника, как сын Притхи – Дхананджая. Преисполненный великой отваги, искусный во владении оружием, обладающий высокой доблестью и могучей силой, искушенный в битве и всегда неистовый, он по мощи своей наиболее выдающийся среди людей! Молодой годами, с плечами быка, с длинными

руками, он наделен великой силой. С поступью льва или быка, одаренный красотой, он убьет всех твоих врагов! Что же до меня, то я сделаю так, что Арджуна, сын Кунти, в состоянии будет испепелить войска Дхритараштры, как разбушевавшийся огонь.

Сегодня Арджуна при помощи своих стрел отправит того подлейшего нечестивца, убийцу сына Субхадры, в путь, откуда больше нет возврата. Сегодня стервятники и ястребы, вороны и шакалы, а также другие плотоядные твари будут пожирать его мясо. Если даже все боги вместе с Индрой станут его защитниками, все же Джаядратха сегодня, убитый в жаркой схватке, достигнет столицы Ямы! Убив правителя Синдху, Джишну сегодня (вечером) явится к тебе. Разгони печаль свою и лихорадку (твоего сердца), о царь, и будь ты увенчан преуспеянием!

Так гласит глава пятьдесят девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 60

Санджая сказал:
Меж тем как они беседовали так, туда явился Дхананджая, желая м видеть царя (Юдхиштхиру), первейшего из рода Бхараты, вместе с его друзьями и доброжелателями. И как только он вошел в то великолепное помещение и, приветствовав (царя), остановился перед ним, тот бык среди пандавов, поднявшись (со своего сидения), обнял Арджуну с большой любовью.

И поцеловав его в голову и обняв рукою, он произнес высокие благословения и, обратившись к нему с улыбкой, сказал: «Совершенно очевидно, о Арджуна, что полная победа в сражении несомненно будет за тобою, ибо об этом свидетельствует (веселое) выражение твоего лица и то, что Джанардана весьма доволен тобою!» Тогда Джишну сказал ему о том крайне чудесном случае: «Благо тебе, я видел по милости Кешавы нечто весьма необычайное!»

И затем Дхананджая рассказал все, как он видел, о своей встрече с Трехглазым, ради ободрения своих друзей. И все (слушавшие его), преисполненные изумления, коснувшись долу головами, поклонились богу с изображением быка на своем знамени и воскликнули «Превосходно, превосходно!» И тогда, по приказанию сына Дхармы, все друзья и доброжелатели (пандавов), хорошо снаряженные, поспешно и радостно выступили на битву.

Приветствовав царя, Ююдхана, Ачьюта и Арджуна, радостные, выехали из обиталища Юдхиштхиры. И оба непобедимых героя Ююдхана и Джанардана ехали вместе на одной колеснице к местопребыванию Арджуны. Прибыв туда, Хриишкеша как возница (по обязанности своей) начал снаряжать для битвы колесницу лучшего из воинов, сражающихся на колесницах, несущую изображение вожака обезьян (на своем знамени).

И та превосходнейшая из колесниц, излучающая блеск литого золота и издающая грохот подобно раскатам облаков, снаряженная (Кришной), сверкала ярко, как утреннее солнце. Затем тот тигр среди людей, весь облаченный в доспехи, сообщил Партхе, окончившему утренние молитвы, что колесница его снаряжена. И тогда лучший из мужей в этом мире, Носящий диадему, облаченный в золотые доспехи, с луком и стрелами в руках, обошел почтительно вокруг той колесницы слева направо.

И освященный благословениями победы (из уст брахманов), престарелых в знании и годах, всегда занятых исполнением жертвенных обрядов и обуздавших свои чувства, (Арджуна) взошел затем на ту могучую колесницу, превосходнейшую из всех колесниц, освященную еще заранее мантрами, сулящими победу в бою, подобно тому как ярколучистое солнце

(поднимается) на гору Востока. И он, первейший среди воинов, сражающихся на колесницах, украшенный золотом, сиял на своей золотой колеснице, как ясное светлолучистое солнце на (горе восхода) Меру.

Вслед за Партхой взошли (на ту колесницу) Ююдхана и Джанардана, как оба Ашвина (всходили на боевую колесницу) вслед за богом Индрой, ехавшим на жертвоприношение Шарьяти. Затем Говинда, лучший из владеющих поводьями, взял поводья (коней), подобно тому как Матали (брал поводья коней) Васавы, когда тот собирался отправиться (на битву), чтобы сокрушить Вритру.

Стоя на превосходнейшей колеснице вместе с теми обоими (друзьями), Партха, сокрушитель полчищ врагов, отправился, страстно желая убить правителя Синдху, как Месяц (восходит на небосводе) вместе с Будхой и Шукрой, чтобы рассеять мрак ночи, или как Индра (устремлялся) вместе с владыкой вод и Митрой (на битву с асурами), вызванную (похищением) Тараки. Певцы и панегиристы ублажали тогда Арджуну на протяжении его пути звуками музыкальных инструментов и благоприятными хвалебными гимнами, сулящими счастье. И голоса певцов и панегиристов, выражавших благословения победы и пожелания доброго дня, смешиваясь со звуками музыкальных инструментов, становились усладительными для тех (героев). И благоприятный попутный ветер, несущий тонкое благоухание, дул вслед Партхе, радуя его и повергая в печаль его врагов.

И показывались тогда знамения, предвещающие победу пандавам и поражение для твоих воинов, о достойнейший!

Видя те знамения, предвещающие победу, Арджуна, обратившись к могучему лучнику Ююдхане (стоявшему) направо от него, сказал ему такие слова: «О Ююдхана, в (предстоящей) сегодня битве моя победа кажется несомненной, ибо показываются все эти (благоприятные) признаки, о бык из рода Шини! Я поэтому устремлюсь туда, где царь страны Синдху ожидает (проявления) моей геройской доблести, собираясь отправиться в мир Ямы! Ведь в то время как один мой настоятельный долг заключается в убийстве правителя Синдху, точно так же и вторая моя высочайшая обязанность состоит в защите царя справедливости.

О могучерукий, охраняй ты сегодня царя! Он должен быть охраняем тобою точно также, как он охранялся мною! Возложив доверие на тебя или на Прадьюмну, могучего воина на колеснице, я смогу, о бык из рода Бхараты, убить без всяких опасений правителя Синдху. Никаких забот не должно быть предпринимаемо в отношении меня, о потомок рода Сатвата! Всею душою ты должен заботиться об охране самого царя! Ведь там, где находится могучерукий Васудева и где также нахожусь я сам, никакой опасности (для него и для меня) никогда не может возникнуть!»

И на такое обращение Партхи Сатьяки, губитель вражеских героев, сказав «хорошо», отправился туда, где был царь Юдхиштхира.

Так гласит глава шестидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ О КЛЯТВЕННОМ ОБЕЩАНИИ

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДЖАЯДРАТХИ

Глава 61

Дхритараштра сказал:
Когда наступил следующий день после убийства Абхиманью, что делали пандавы, преисполненные печали и скорби? И кто среди воинов моих сражался с ними? Зная о подвигах Савьясачина, как могли, о скажи: мне, кауравы, воины мои, совершив такое зло, оставаться бесстрашными? Как они отважились в сражении даже взглянуть, на того тигра среди людей, когда он подступал, подобно всеразрушительной яростной Смерти,, сжигаемый скорбью о сыне?

При виде воина, на чьем знамени изображен царь обезьян, (того героя), скорбящего из-за смерти своего сына, размахивающего в битве своим огромным луком, что делали мои воины? И что, о Санджая, произошло в сражении с Дурьйодханой? Громкие прискорбные сетования доходят тут до меня, но не слышу я более возгласов радости? Те пленительные звуки, весьма приятные для слуха, которые прежде раздавались в чертоге царя страны Синдху, – все те звуки уже не слышатся сегодня более! Увы, в лагере сыновей моих не слышно более звуков многочисленных певцов и панегиристов, возносящих хвалу, и всякого рода плясунов! Прежде такими звуками мой слух услаждался непрестанно. Но сегодня, увы, когда все они (сыны мои) опечалены, я неслышу более тех звуков, произносимых (в их лагере)!

Прежде, о Санджая, когда я восседал в чертоге Сомадатты, твердого в правде, я обычно слышал, о сын мой, такие восхитительные звуки! Увы, я, должно быть, лишен религиозных заслуг, раз я замечаю, что жилище сыновей моих сегодня оглашается печальными звуками и лишено (всякого шума), воодушевляющего на отвагу и смелость! В домах Вивиншати, Дурмукхи, Читрасены и Викарны и других моих сыновей не слышу я звуков, (которые обычно слышались раньше)! В доме у того-могучего лучника, сына Дроны, который был прибежищем для моих сыновей, которому обычно прислуживали брахманы, кшатрии и вайшьи, а равно (многочисленные) ученики, который услаждался днем и ночью полемическими рассуждениями, разговорами и беседами, восхвалениями тех, кому совершаются жертвенные возлияния и у кого просят подаяния, и который был почитаем многими из кауравов, пандавов и потомков рода Сатвата, – в доме у того сына Дроны, увы, о сута, сегодня не слышно звуков, как бывало прежде! Певцы и плясуны обычно прислуживали усердно могучему лучнику, сыну Дроны. Увы, их звуков не слышно более (в его жилище)!

Тот громкий шум, который поднимался в лагере Винды и Анувинды каждый вечер, увы, тот шум сегодня не слышится более! Также и в обиталищах кекаев громкие звуки от пения и хлопаний в ладоши, которые производились обычно отрядами их воинов, постоянно предававшихся веселью и пляскам, – те звуки, о сын мой, сегодня уже не слышатся более! Голоса тех жрецов, могущих совершать жертвоприношения, жрецов, которые обычно прислуживали сыну Сомадатты, вместилищу священного знания, увы, голоса их уже не слышатся более! Звон тетивы и звуки от повторения вед, свист копий и мечей и грохот колесниц обычно раздавались непрестанно в жилище Дроны. Увы, тех звуков я больше не слышу там! Те звуки песен, происходящих из различных стран, тот громкий шум от музыкальных инструментов, который обычно раздавался там, – увы, сегодня уже не слышатся более!

Когда Джанардана, неувядаемый (славою), прибыл из Упаплавьи, желая мира из сострадания ко всем существам, я тогда, о возница, сказал злобному Дурьйодхане: «Избрав Васудеву средством, заключи мир с пандавами, о сын мой! Я считаю, что время уже наступило (для этого)! Не нарушай, о Дурьйодхана, (моего повеления)! Если ты откажешь Кешаве, прося-

щему (теперь) о мире и обращающемуся к тебе ради твоего же блага, то тогда не будет для тебя победы!»

Однако Дурьйодхана отклонил (посредничество) Дашархи, того быка среди всех лучников, который затем говорил ему о том, что могло быть для него благим и полезным. И этим он не избежал бедствий. Увлеченный самой смертью, злоумышленный (сын мой), отвергнув мои (советы), последовал мнению двоих (приверженцев своих) Духщасаны и Карны. Ведь сам я не одобрял игры в кости. Видура не отзывался похвально о ней. Не одобрял игры правитель Синдху, не одобрял ее и Бхишма.

Ни Шалья и ни Бхуришравас, ни Пурумитра и ни Джая, ни Ашваттхаман, ни Крипа, ни Дрона не одобряли игры в кости, о Санджая! Если бы мой сын поступал согласно мнению этих мужей, тогда он вместе со своими родственниками, друзьями и близкими жил бы долго в полном благополучии. Учтивые и сладкоречивые, говорящие приятное среди своих родственников, принадлежащие к высокому роду, всеми чтимые и мудрые, пандавы несомненно обретут счастье.

Человек, обращающий свое внимание на справедливость, всегда и всюду достигает счастья. Он и после смерти достигает блаженства и милости.
Обладающие достаточной мощью, пандавы достойны владеть половиной земли. Вплоть до самых границ морей, земля является таким же наследственным их владением, (как и кауравов).

Пользуясь (верховной властью), дандавы будут всегда стоять на пути справедливости. «У нас есть родственники, о сын мой, к (голосу) которых пандавы всегда будут прислушиваться. Это (такие, например, как) Шалья, Сомадатта и Бхишма, великий душою, Дрона, Викарна, Бахлика и Крипа, а также другие среди бхаратов, преклонные в годах и благородные. Если они скажут им от твоего имени, о сын мой, то пандавы несомненно будут действовать согласно их благим советам. Или кто среди них, ты думаешь, может найтись такой, который будет говорить тебе иначе? Кришна никогда не покинет стезю добродетели. А те все послушны тебе. И слова, проникнутые справедливостью, сказанные мною, герои те никогда не истолкуют по-иному, ибо пандавы все справедливы душою!» – так, о сута, жалобно сетуя говорил я многократно своему сыну. Но глупый, он не послушался меня, Я думаю, что все это пагубное веяние времени!

В этом мире, где существуют Врикодара и Арджуна и герой из рода Вришни – Сатьяки, Уттамауджас из страны Панчалийскойп и Юдхаманью непобедимый, Дхриштадьюмна неотразимый и Шикхандин неодолимый, ашмаки и кекайи и Кшатрадхарман из рода Сомака; правитель чедиев и Чекитана и могущественный сын властителя Каши, сыновья Драупади, Вирата и Друпада, могучий воин на колеснице, а также оба близнеца (Накула и Сахадева), тигры среди мужей, и Сокрушитель Мадху, дающий советы, – кто же на самом деле сразился бы с ними, если сам он хочет жить?

Кто другой, кроме Дурьйодханы и Карны, а также Шакуни, сына Субалы, и Духшасаны, четвертого среди них, ибо другого, пятого, я не вижу, (отважился бы противостоять им), применяющим божественное оружие? Ибо те усмирители врагов сокрушили бы (всех). У тех, у кого на колеснице – сам Вишваксена с поводьями в руках, а воином – Арджуна, облаченный в доспехи, – у тех никогда не может быть поражения! Не вспомнит ли (теперь) Дурьйодхана о тех сетованиях моих? Ибо те оба тигра среди людей – Бхишма и Дрона, ты сказал мне, убиты.

Я думаю, что, видя эти ощутимые плоды слов, сказанных дальновидным Видурой, сыновья мои теперь терзаются горем. Как бушующий огонь, раздуваемый ветром, сжигает сухую траву на исходе зимы, точно так и Дхананджая спалит мое войско! Расскажи мне обо всем, что случилось после того, как было причинено Партхе то великое горе вечером. Ибо ты, о Санджая, искусен (вести повествование)! Когда был убит Абхиманью, о сын мой, каким был образ ваших мыслей?

Нанеся сильную обиду Обладателю лука гандивы, о милый мой, воины мои никогда не смогут перенести в бою его подвиги! Что же решил предпринять Дурьйодхана и что решил Карна? И что решили делать Духшасана и сын Субалы? Ведь то, что случилось в сражении, о Санджая, со всеми моими сыновьями, сошедшимися вместе, то несомненно произошло, о сын мой, вследствие дурных поступков злобного (Дурьйодханы), чей порочный ум поддался жадности, чей рассудок извращен под влиянием гнева, – того, кто домогается верховной власти, кто глуп и кто лишился разума от (кипящей в нем) ярости! (Какие же меры были тогда предприняты Дурьйодханой) – дурно обдуманные или хорошо обдуманные? О том расскажи мне, о Санджая!

Так гласит глава шестьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 62

Санджая сказал:
Ну хорошо, я расскажу тебе обо всем, ибо я сам лицезрел все это воочию. Слушай же спокойно, ибо велика твоя вина! Как плотина (становится бесполезной), после того как вода вытекла (с поля), точно так же и сетования твои бесполезны, о царь! Поэтому не печалься, о бык из рода Бха-раты! Удивительны предписания Разрушителя, – их невозможно переступить! Не печалься же, о превосходнейший из рода Бхараты, ибо это хорошо известно издавна! Ведь если бы ты прежде удержал Юдхиштхируг сына Кунти, а также сыновей своих от игры в кости, то тебя никогда не постигло бы это бедствие!

Если бы, опять же, когда время для битвы наступило, тобою были сдержаны (обе враждебные стороны), воспламененные гневом, то тебя тогда не постигло бы это бедствие! Если бы раньше ты принудил кауравов связать непослушного Дурьйодхану, то тебя никогда не постигло бы это бедствие! Ведь пандавы, панчалы и вришни все, а также другие влиятельные люди знали о том заблуждении ума твоего. Если бы ты, исполняя свой отцовский долг, поставил сына своего на правильный путь и поступал по справедливости, то тебя никогда не постигло бы это бедствие!

Но ты же – мудрейший в мире. Оставив (извечный) закон, ты последовал мнению Дурьйодханы, Карны и Шакуни. Поэтому все эти сетования твои, о царь, которые я слышу, тогда как сам ты предаешься мирской пользе, представляются мне медом, смешанным с ядом! Раньше Кришна не уважал так сильно ни царя (Юдхиштхиру), сына Панду, ни Бхишму и ни Дрону, как обычно уважал тебя, о царь!

Когда же, однако, он распознал тебя как отстранившегося от обязанностей царя, с тех пор Кришна не стал уже чтить тебя столь глубоко! Твои сыновья (часто) обращались к партхам с оскорбительными речами. Но так как ты оставался безразличен к ним, желая верховной власти своим сыновьям, то последствия такого (безразличия твоего) сказались на тебе самом! Уже тогда унаследованная верховная власть была подвержена опасности, о безупречный! (Если это не так), то тогда ты обрел бы всю эту Землю, завоеванную партхами!

Царство, принадлежащее кауравам, равно и слава их были приобретены (царем) Панду. Затем все то (царство и слава) было увеличено благочестивыми пандавами. Однако те подвиги их, дойдя до тебя, оказались (для них) совершенно бесплодными, так как последние были лишены даже своего наследственного царства тобою, алчным к наживе.

Теперь же, во время битвы, ты, о царь, осуждаешь своих сыновей, указывая на различные их ошибки. Это едва ли считается пристойным!

Ведь кшатрии, сражаясь, не заботятся о своей жизни в бою! И действительно, те быки среди кшатриев сражаются, проникая в боевой строй партхов! Кто еще, в самом деле, кроме кауравов, отважился бы сражаться с таким войском, которое защищают Кришна и Арджуна, Сатьяки и Врикодара? С теми, у кого воином выступает Гудакеша, а советником Джанардана, у кого защитниками – Сатьяки и Врикодара, – какой же лучник из смертных осмелился бы сражаться с ними, кроме кауравов или тех, кто следует за своими предводителями? И насколько все может быть выполнено преданными повелителями людей, верными закону кшатриев и преисполненными храбрости, настолько же все то делают воины кауравов! Поэтому слушай меня обо всем, как происходила воистину та чрезвычайно страшная битва между теми мужами-тиграми: между кауравами и пандавами!

Так гласит глава шестьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 63

Санджая сказал:
Когда прошла та ночь, Дрона, лучший из носящих оружие, начал выстраивать все свои воинские подразделения в боевые порядки. Слышались, о царь, различные голоса неистовых героев, кричащих в гневе и жаждущих убивать друг друга. То натягивая свои луки, то натирая руками тетивы у луков, то глубоко вздыхая, они выкрикивали на поле битвы: «Где теперь тот Дхананджая!» Другие стали бросать вверх (и ловить вновь) извлеченные из ножен мечи, упорные и хорошо закаленные, цветом подобные небу, с острыми лезвиями и снабженные красивыми рукоятями.

Тысячами виднелись храбрые воины, помышляющие о сражении, проделывающие (различные) приемы мечами и луками с искусством, приобретенным опытом. Иные, подбрасывая вверх палицы, снабженные колокольцами, смазанные сандалом и украшенные золотом и алмазами, вопрошали о Пандаве. Другие, опьяненные гордостью от (сознания) своей силы, обладающие толстыми руками, заграждали небосвод булавами с железным наконечником, напоминающими флаги, водруженные в честь Индры. Еще другие, все храбрые воины, украшенные пестрыми цветочными венками, помышляющие о сражении, расположились там и сям (на поле боя), вооруженные различным оружием. «Где Арджуна? Где Говинда? И где надменный Врикодара? И где же их союзники?» – так вызывали они их на битву.

Тогда, затрубив в свою раковину и сам подгоняя коней, чтобы скакали быстрее, Дрона стал стремительно носиться туда и сюда, выстраивая свои войска. И после того как все те воинские подразделения, испытывающие наслаждение в битве, заняли свои места, сын Бхарадваджи, о махараджа, сказал тогда Джаядратхе: «Ты сам, сын Сомадатты и Карна, могучий воин на колеснице, Ашваттхаман и Шалья, Вришасена и Крипа вместе с сотней тысяч коней и шестьюдесятью тысячами колесниц, четырнадцатью тысячами слонов, исходящих течкой, и двадцатью одной тысячей пехотинцев, одетых в кольчугу, пусть займут место на расстоянии трех гавьюти от меня. Там не в силах будут противостоять тебе даже боги с Васавой во главе, а что уж говорить обо всех пандавах! Успокойся же, о правитель Синдху!»

После таких слов, сказанных (Дроной), Джаядратха, правитель Снндху, успокоился. И он отправился (к указанному месту), окруженный гандхарскими ратниками и теми могучими воинами на колесницах, а также всадниками, облаченными в панцирь, готовыми сражаться рьяно, с копьями в руках. Кони Джаядратхи, о владыка царей, были хорошо обучены в езде и вее были увенчаны султанами из буйволовых хвостов и украшены золотом. И семь тысяч таких коней и две тысячи других, происходящих из страны Синдху, были с ним.

Твой сын Дурмаршана, жаждущий сражаться, расположился сам во № главе всех войск в сопровождении полутора тысяч возбужденных слонов, ужасных видом, одетых в кольчугу, страшных в своих действиях и управляемых опытными погонщиками. А двое других сыновей твоих .– Духшасана и Викарна заняли место в передовых подразделениях войска для осуществления целей властителя Синдху. Тот боевой строй, установленный сыном Бхарадваджи, частью в виде круга и частью в виде тележки, был длиною двенадцать гавьюти, а шириною с тыловой стороны простирался на пять гавьюти.

Дроной самим был установлен тот строй с расположившимися повсюду в нем многочисленными храбрыми царями и бесчисленными отрядами колесниц, конницы, слонов и пехотинцев. В тыловой части того строя был запасной, непроницаемый отряд, построенный в виде лотоса. А внутри того лотосообразного строя был образован другой, скрытый строй, называемый иглой. Установив таким образом этот могучий боевой строй, Дрона занял свое место. У головы иглообразного строя расположился могучий лучник Критаварман. А непосредственно за ним – правитель Камбоджи и Джаласандха, о достойнейший! Следующим же сразу за ними стоял Дурьйодхана вместе с советниками.

За ними расположились в том войске, выстроенном в виде тележки, и сотни и тысячи воинов, неотвращающихся (от битвы), для защиты иглообразного строя.

Позади же их всех, о царь, окруженный могучей ратью, занял свое место царь Джаядратха у ушка того иглообразного строя. У входа же в тележкообразный строй, о царь царей, стоял сын Бхарадваджи. За ним находился правитель бходжей и сам охранял его. Облаченный в белые доспехи, в белом одеянии и тюрбане, широкогрудый и могучерукий, стоял Дрона, натягивая свой лук, будто сам Разрушитель в порыве гнева. Взирая на колесницу Дроны, осененную знаменем и запряженную гнедыми конями, украшенную алтарем и шкурой черной антилопы, кауравы преисполнились восторга.

Увидев тот боевой строй, установленный Дроной, подобный взбушевавшемуся океану, сиддхи и чараны пришли в великое изумление. «Этот строй может пожрать всю Землю вместе с ее горами, морями и лесами, изобилующую различными странами», – так думали все существа. И глядя на тот могучий строй, расположенный в виде тележки, со множеством колесниц, людей, коней и слонов, поднимающий страшный шум, имеющий необычайную форму и способный разрывать сердца врагов, царь (Дурьйодхана) возрадовался.

Так гласит глава шестьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 64

Санджая сказал:
После того как подразделения войск (кауравов) были (так) выстроены в боевые порядки и громкий шум поднялся (отовсюду), о достойнейший; после того как стали звучать ударяемые литавры и барабаны, после того как (раздались) громкие крики воинов и звуки музыкальных инструментов; после того как затрубили в раковины и раздался ужасный рев, заставляющий подниматься волоски на теле; после того как постепенно снарядились и приготовились (к

битве) герои бхаратийские, желающие сражаться, и после того как страшный час наступил, показался Савьясачин.

Множество тысяч воронов и ворон резвились там, (кружа) перед (колесницей) Савьясачина, о потомок Бхараты! Различные твари со страшным визгом и шакалы, являющие собою неблагоприятное зрелище, стали завывать направо от нас, в то время как мы направлялись (на битву). Со страшным шумом падали со всех сторон сверкающие метеоры. И сама Земля вся дрожала при наступившей страшной опасности. Сухие ветры в сопровождении грома дули во всех направлениях, разнося жесткий песок и мелкие камешки, когда сын Кунти прискакал к началу битвы.

Тогда сын Накулы, Шатаника, и Дхриштадьюмна, сын Паршаты, – те оба воина, наделенные мудростью, построили в боевые порядки воинские подразделения пандавов. Затем в окружении тысячи колесниц, сотни слонов, трех тысяч коней и многих сотен пехотинцев, на участке (размером) в полторы тысячи луков твой сын Дурмаршана, стоя впереди всех войск, сказал: «Подобно тому как берег морской сдерживает обиталище Макаров, я буду сегодня сдерживать Обладателя лука гандивы, того усмирителя (врагов), одержимого в битве.

Пусть сегодня увидят (люди) неистового Дхананджаю столкнувшимся со мною в сражении, словно неприступную каменную громаду – с каменной скалой!» – так говоря, о великий царь, тот благородный и великий духом могучий лучник, о государь, стоял, окруженный могучими лучниками.

Тогда, словно сам Разрушитель в неистовом гневе, или Васава с громовой стрелою, или сама неотразимая Смерть с булавою в руке, понуждаемая Временем; или невозмутимый (Махадева), вооруженный трезубцем, или Варуна, носящий свою сеть, или сверкающий огонь в конце юги, собирающийся сжечь существа, сокрушитель ниватакавачей, воспаленный гневом и мщением и возносящийся силою, всегда побеждающий Джая, стойкий в правде и намеревающийся исполнить свой великий обет; облаченный в панцирь, вооруженный мечом, увенчанный золотой диадемой, с белым щитом и в белом одеянии, с красивыми браслетами ангада (на руках) и чудесными серьгами; стоя на превосходнейшей из колесниц, (воплощенный) Нара, сопутствуемый Нараяной, потрясая луком гандивой в сражении, сиял блистательно, как взошедшее солнце!

И Дхананджая, преисполненный великой доблести, поместив снаряженную колесницу на самом переднем участке своего войска, где должен был обрушиться могучий поток стрел, затрубил в свою раковину. Тогда и Кришна бесстрашно изо всей силы затрубил в свою раковину панчаджанью одновременно с Партхой, о достойнейший! И от рева их раковин все воины в твоем войске, о владыка народов, содрогнулись и впали в бесчувственное состояние. И волоски на теле у них поднялись от содроганья.

И подобно тому как все существа испытывают страх от раскатов грома, так и воины твои перепугались от рева тех раковин. И все упряжные и верховые животные испускали кал и мочу. Так все войско вместе с животными (находившимися в нем) было охвачено глубокой тревогой. От звука тех (обеих) раковин, о царь, все люди впали в отчаяние, о достойнейший!

Некоторые из них, о царь, проникнулись страхом, другие же лишились чувств. И тут обезьяна на знамени (Арджуны) вместе с другими существами, усевшимися на нем, широко раскрыв свою пасть, испустила ужасный рев, устрашая твоих воинов. И тогда вновь зазвучали раковины и цимбалы, и ударили в барабаны-мриданги и анаки ради подбадривания твоих воинов. И (тот шум) смешался со звуками различных (других)

музыкальных инструментов, с криками воинов и шлепками от похлопываний их рук, с львиными рыками, издаваемыми при вызове (своих противников) на битву могучими воинами на колесницах, в сопровождении музыкальных инструментов.

И когда тот громкий, буйный шум поднялся там, увеличивая страх у робких, сын Пакашасаны, чрезвычайно обрадованный, сказал отпрыску рода Дашарха: «Погоняй коней, о Хришикеша, туда, где стоит Дурмаршана! Прорвав этот боевой строй из слонов, я проникну во вражеское войско!»

В ответ на эти слова Савьясачина могучерукий Кешава погнал коней туда, где находился Дурмаршана. Свирепым и ужасным было то сражение, которое произошло там между одним и многими и которое оказалось гибельным для колесниц, слонов и людей! Тогда Партха, словно исторгающий ливни Парджанья, окатил своих врагов ливнем из стрел, подобно тому как облако (поливает дождем) горы. И те все (вражеские) воины на колесницах тоже, с большой ловкостью рук, быстро покрыли Кришну и Дхананджаю густою сетью своих стрел.

И тогда могучерукий Партха, так сдерживаемый в битве врагами, преисполнился гнева и начал сносить своими стрелами головы с туловищ у воинов, сражающихся на колесницах. И земля стала усеянной красивыми ликами, обрамленными серьгами и шлемами, с глазами, искаженными (от гнева), и впадинами между сомкнутой верхней губой и закушенной нижней. И в самом деле, рассеянные (по полю брани) лики воинов выглядели величаво, будто группы лотосов, вырванных и разбросанных кругом по полю. Расцвеченные золотом и забрызганные кровью, они выглядели, о царь, как скопления облаков, пронизанных молнией.

Шум от падающих на землю голов, о царь, был подобен грохоту падающих плодов пальмиры, созревших от времени. И при этом некоторы& из безглавых туловищ стояли, опираясь на луки, другие, извлекши мечи, стояли, занеся их рукою. Те быки среди мужей, невыносящие сына Кунти в сражении и жаждущие победы над ним, не осознавали отчетливо (того мгновения), когда их головы падали на землю (снесенные Арджуной).

Земля покрылась головами коней и хоботами слонов, руками и головами героев-воинов. «Это Партха! Где Партха? Вот Партха!» – именно такою мыслию, поглощенною всецело Партхой, о владыка, были одержимы воины в войсках твоих! Приведенные в замешательство Временем, они считали весь мир заполненным только Партхой, и поэтому многие из них: гибли, убивая друг друга, а иные убивали даже самих себя. Издающие горестные вопли и истекающие кровью и лишившиеся чувств, многие герои лежали в страшных мучениях, взывая к своим друзьям и близким:

Руки, держащие короткие стрелы, метательные копья или дротики, мечи или секиры, или заостренные колья, или сабли, или луки и пики; или стрелы, или палицы, или (руки) одетые в латы и украшенные браслетами ангада и другими украшениями, руки, видом подобные громадным змеям и напоминающие железные засовы, (виднелись) на поле брани. Отсеченные (от туловищ) могучими стрелами, они подскакивали, извивались и двигались повсюду, точно в порыве ярости, проявляя большую силу. Всякого из тех, кто в гневе устремлялся против Партхи в том сражении, настигала роковая его стрела, пронзая тело каждого.

В то время как Партха подплясывал на колеснице по пути ее следования и натягивал свой лук, никто там не мог найти даже малейшего удобного случая (чтобы поразить его). От ловкости сына Панду, с какой он брал стрелы, накладывал их и метал, вражеские воины приходили в изумление.

И в самом деле, Партха пронзал своими стрелами слонов и погонщиков слонов, коней и всадников, воинов, сражающихся на колесницах, и их возниц. Не быда никого (среди его противников), заходящего ли в обход, или выдвинувшегося впереди (других), или сражающегося, или же стоящего перед ним, которого бы не убил тот сын Панду.

Как солнце, поднимающееся на небосводе, рассеивает густой мрак,, точно так Арджуна уничтожал войско слонов своими стрелами с оперениями цапли. (Поле), занятое твоими войсками, из-за рассеченных (стрелами) слонов, упавших на него, выглядело будто Земля, устланная горами во время гибели мира. Как в полдень на солнце никогда невозможно смотреть существам, точно так и на Дхананджаю, воспаленного гневом, невозможно было взирать в той битве врагам его.

То войско сына твоего, о усмиритель врагов, так измотанное стрелами (Дхананджайи), было разбито и разбежалось в великом страхе. Как полчища облаков, разорванные и гонимые могучим бушующим ветром, то войско было разбито и рассеяно (Партхой). И (никто) не мог тогда даже взглянуть на него. Погоняя поспешно своих коней стрекалами, изогнутыми концами лукова гневными рыками и одобрительными понуканиями, кнутами, ударами пяток (по их бокам) и грозными словами, твои всадники и воины на колесницах, а равно и пехотинцы обратились в бегство, теснимые (стрелами) Арджуны.

Другие (сражавшиеся на слонах) убегали (с поля битвы), погоняя слонов ударами пяток и надавливанием большими пальцами ног (в бока) и крюками, но, приведенные в замешательство стрелами (Партхи), бросались ему же навстречу. И право же, у твоих воинов тогда был сбит пыл и рассудок их был тронут смятением.

Так гласит глава шестьдесят четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 65

Дхритараштра сказал:
Когда передовой участок моего войска, уничтожаемый так Носящим диадему, был разбит наголову, какие же герои выступили в той битве против Дхананджайи? Действительно ли (каждый из них сражался с ним, или) все они, тщетные в проявлении своей решимости, вошли в строй в виде повозки и пребывали там без страха, найдя опору в Дроне, как в надежной стене?

Санджая сказал:
Когда Арджуна, сын Пакашасаны, начал непрерывно изматывать так и истреблять превосходнейшими стрелами то войско твое, многие герои в нем либо были убиты, либо, утратив свой пыл, нетерпеливо выжидали удобного случая пуститься в бегство. И никто в том сражении не был в состоянии даже взглянуть на Арджуну.

Тогда сын твой Духшасана, о царь, видя войско в таком положении, сильно разгневался и ринулся против Арджуны в битву. Облаченный в красивый золотой панцирь, в шлеме, украшенном золотом, тот герой Духшасана, наделенный неистовой отвагой, о великий царь, окружил Савьясачина могучим войском слонов, будто собираясь поглотить всю эту Землю.

От бренчания колоколец у слонов и рева раковин, от звона натягиваемой тетивы и трубных звуков слонов Земля, страны света и воздушное пространство, казалось, все стало наполненным сплошным шумом. И тот шум в короткий промежуток времени стал свирепым и ужасным.

Завидя тех (громадных животных) с вытянутыми хоботами, разъяренных и быстро устремляющихся на него, подобных крылатым горам, Дхананджая, тот тигр среди мужей, с громким львиным рыком начал поголовно истреблять то войско слонов своими стрелами. Как макара проникает в глубь обширного океана, вздымающегося громадными волнами от силы ветра, точно так и Носящий диадему проник в то войско слонов.

И в самом деле, Партха, покоритель вражеских городов, показывался во всех направлениях подобно палящему солнцу, переступающему извечный порядок в отношении сторон света и времени в день гибели мира. И от стука копыт коней и от грохота ободов колес (колесничных), от криков воинов и от звучаний тетивы, от рева раковины девадатты и звона лука: гандивы слоны стали еще более медлительны в своем порыве и вовсе лишались чувств.

Те слоны были иссечены Савьясачином своими стрелами, прикосновение коих подобно ядовитым змеям. И в битве той они были пронзены во все члены острыми стрелами, исчисляемыми многими сотнями тысяч, посланными луком гандивой. Так убиваемые Носящим диадему, они,, испуская громкий рев, падали непрерывно на землю подобно горам с отрезанными крыльями. Другие слоны, пораженные стрелами в десна, в выпуклости на лбу и в виски, издавали поминутно крики, подобна журавлям.

Носящий диадему начал затем срезать своими стрелами с серповидным острием головы воинов, находящихся на спинах слонов. И те головы, украшенные серьгами, когда (непрестанно) падали на землю, напоминали-скопища лотосов, коими Партха делал подношения богам. Меж тем как: слоны бродили по полю брани, многие воины свисали с них, лишенные доспехов, страдающие от ран и забрызганные кровью, и (казались будто) нарисованные кистью.

В некоторых случаях двое или трое (воинов), пронзенные одной пернатой стрелой, метко выпущенной (из лука гандивы), падали (вместе) на землю. При помощи прямых стрел с серповидным острием (Партха) рассекал на части тетивы, луки, знамена, ярма и дышла у (вражеских) воинов, сражающихся на колесницах. Невозможно было заметить, когда он накладывал и выпускал (стрелы) или метал (дротики). Было только видно, что Партха казался пляшущим (на своей колеснице) с луком (в руке), натянутым до круга. Тут иные слоны, глубоко пронзенные длинными железными стрелами и изрыгающие кровь изо ртов, мгновенно падали на землю.

И среди того кровавого побоища, о великий царь, были видны бесчисленные безглавые тела, встающие кругом. Повсюду виднелись на поле брани отрубленные руки, сжимающие (рукояти) луков, или пальцы которых были одеты в кожаные предохранители, или держащие мечи, или украшенные браслетами ангада или другими золотыми украшениями.

И из-за разбросанных на нем неисчислимых принадлежностей колесниц и мест для стояния на них воинов, из-за дышел, древков (копий и знамен) и корон, разбитых колес и сломанных осей, многочисленных ярем; из-за рассеянных там и сям доспехов, луков и стрел, цветочных венков, украшений и одежд и упавших больших знамен; из-за убитых слонов и коней и из-за, поверженных кшатриев земля там представляла собою страшное зрелище.

Так уничтожаемое Носящим диадему войско Духшасаны, о великий царь, обратилось в бегство, и при этом военачальники его впали в великое расстройство. И тогда Духшасана, терзаемый стрелами и охваченный страхом, вступил вместе со своим войском в боевой строй в виде повозки, желая найти в Дроне своего спасителя.

Так гласит глава шестьдесят пятая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 66

Санджая сказал:
Сокрушив войско Духшасаны, Савьясачин-Дхананджая, желая добраться до царя Синдху, ринулся против боевого строя Дроны. И достигнув Дроны, стоявшего во главе своего строя, он, с одобрения Кришны, сложив почтительно руки, сказал ему такие слова: «Пожелай мне благополучия, о брахман, и скажи мне «свасти!» По твоей милости я хочу лроникнуть в этот непроницаемый строй. Ты для меня точно как отец, или как царь справедливости, или же как сам Кришна! Говорю тебе правду! Как Ашваттхаман, о отец мой, достоин быть защищаемым тобою, о безупречный, так и я заслуживаю тоже пользоваться всегда твоею защитой, о лучший из дваждырожденных! По твоей милости, о первейший из людей, я хочу убить царя Синдху в бою. Позаботься же, чтобы обет мой был выполнен, о владыка!»

Когда были произнесены такие слова, наставник промолвил ему в ответ, улыбаясь слегка: «Не победив (сначала) меня, о Бибхатсу, невозможно будет тебе победить Джаядратху!» Сказав ему так, Дрона, смеясь, окатил его потоками острых стрел, а также его колесницу, коней и знамя вместе с его возницей. Тогда Арджуна, отразив потоки стрел Дроны своими - стрелами, ударил в Дрону еще более могучими и более страшными стрелами. Соблюдая закон кшатриев, он, с дозволения Дроны, о владыка народов, пронзил его снова в том сражении девятью стрелами.

Но рассекши его стрелы своими стрелами, Дрона пронзил обоих – Кришну и Пандаву (многими) стрелами, подобными яду или пылающему огню. И он захотел рассечь своими стрелами лук Пандавы. И вот тогда как благородный Пхальгуна думал о том же (относительно противника своего), Дрона, преисполненный великого мужества, бесстрашно и стремительно рассек своими стрелами тетиву его лука. Он также пронзил его коней, знамя и возницу. И самого Арджуну отважного он осыпал стрелами, улыбаясь при этом.

Тем временем, натянув свой огромный лук, Партха, имея преимущество над своим наставником, лучшим из всех знатоков оружия, быстро .метнул в него шесть сотен стрел, будто он взял (и выпустил) только одну стрелу. И снова он метнул семь сотен других стрел и затем тысячу неотвратимых стрел и десятки тысяч других стрел. И они убили (множество воинов) в том войске Дроны. Глубоко уязвленные при помощи того оружия могучим и искусным (Партхой), сведущим в различных приемах ведения боя, люди, кони и слоны падали, лишенные жизни.

И воины, сражающиеся на колесницах, терзаемые стрелами, разбегались по полю брани и падали со своих превосходнейших колесниц вместе с конями, лишенные оружия и жизней. И слоны падали, уподобляясь видом своим вершинам гор, или облакам, или дворцам, кои сокрушены громом, рассеяны ветром или сожжены огнем. Сраженные стрелами Арджуны, тысячи коней падали (на землю), словно лебеди – на хребет Химавана, сбитые водяным потоком. Как невероятные громады вод (иссушаются) лучами солнца, (восходящего) в конце юги, так точно оружием и стрелами Пандавы было уничтожено множество воинов, сражавшихся на колесницах, коней, слонов и пехотинцев.

Тогда подобно облаку, заслоняющему собою лучи солнца, облако Дроны потоками ливней стрел своих покрыло солнце Пандавы, чья густая сеть лучей в виде стрел опаляла в бою выдающихся из кауравов. И тут Дрона ударил в грудь Дхананджаю длинной стрелой, выпущенной с чрезвычайной силой и способной отнимать жизни у врагов. И Бибхатсу задрожал всем своим телом, будто гора при землетрясении, но скоро, набравшись мужества, пронзил Дрону пернатыми стрелами.

Тут же Дрона ударил в Васудеву пятью стрелами. И он поразил Арджуну семьюдесятью тремя стрелами и его знамя – тремя. Затем, о царь, отважный Дрона, имея преимущество над своим учеником, в мгновение ока сделал Арджуну невидимым при помощи ливней своих стрел. И мы видели стрелы сына Бхарадваджи падающими сплошной линией, и лук его также представлялся чудесным зрелищем, будучи непрерывно натягиваем до круга. И стрелы те, весьма многочисленные, снабженные оперениями цапли, выпускаемые Дроной в сражении, беспрерывно падали, о царь, на Васудеву и Дхананджаю.

Видя подобную битву между Дроной и Пандавой, Васудева, одаренный великим умом, стал тогда размышлять о выполнении (главной) намеченной цели. И затем, обратившись к Дхананджае, сказал ему такие слова: «О Партха, о Партха, нам не следует терять времени, о могучерукий? Уклонившись от Дроны, мы должны отправиться для (осуществления более важной цели (стоящей пред нами)!»

И Партха в ответ промолвил Кришне: «Как тебе будет угодно, о Кешава!» Тогда, обходя Дрону слева направо, могучерукий Бибхатсу проследовал вперед. И оборачиваясь вокруг, он следовал, меча стрелы. И тогда Дрона сказал ему, смеясь: «Куда это ты направляешься, о Пандава! Не правда ли, что, не победив своего врага в сражении, ты не вернешься с поля?».

Арджуна сказал:
Ты – мой наставник, а не враг! Я – ученик твой и поэтому подобен сыну твоему! Нет во всем мире такого человека, который смог бы победить тебя в бою!

Санджая сказал:
Говоря так, Бибхатсу могучерукий, жаждя убить Джаядратху, с большой поспешностью ринулся против войска (кауравов). И когда он проникал в твое войско, его сопровождали как охранители колес (его колесницы) благородные царевичи Панчалы – Юдхаманью и Уттамауджас. Тогда, о великий царь, Джая и Критаварман из рода Сатвата, правитель Камбоджи и Шрутаюс начали препятствовать (продвижению) Дхананджайи. И у них было десять тысяч колесниц, сопровождавших их.

Абхишахи, шурасены, шиби и васати; мачеллаки и лалиттхи, кекайи и мад-раки, пастухинараяны и различные племена Камбоджей, которые раньше были побеждены Карной и считались храбрейшими в сражении выдвинув впереди себя сына Бхарадваджи, двинулись, пренебрегая жизнью, против Арджуны, чтобы остановить того разъяренного героя, сжигаемого скорбью о сыне, подобного всесокрушительной Смерти, облаченного в доспехи, сведущего в различных приемах ведения боя и готового положить свою жизнь в свирепой схватке, – того могучего лучника, преисполненного великой доблести, того тигра среди людей, напоминавшего возбужденного вожака стада слонов и будто собравшегося поглотить все вражеские войска!

И тогда произошла битва, весьма свирепая, заставляющая подниматься от содроганья волоски на теле, – между воинами, страстно рвущимися друг к другу (с одной стороны), и Арджуной (с другой). И все они, сплотившись вместе, стали отвращать того быка среди людей, устремляющегося вперед с жаждой убить Джаядратху, подобно тому как лечебное средство останавливает усиливающуюся болезнь.

Так гласит глава шестьдесят шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 67

Санджая сказал:
В то время как Партха, наилучший из воинов на колесницах, исполненный могучей силы и доблести, был сдерживаем ими, его быстро преследовал сзади Дрона. Однако (сын Панду), сея тучи острых стрел, как бы этим напоминая солнце, рассеивающее свои яркие лучи, истощил то войско, подобно тому как болезни изнуряют тело. Пронзались кони, срубались знамена, падали слоны вместе с седоками, выбрасывались разорванные зонты, и колесницы лишались своих колес.

И воины разбегались во все стороны, сильно страдающие от стрел. Так проходила свирепая битва между теми (воинами и Арджуной), сталкивающимися в сражении друг с другом. И ничего нельзя было там различить. Своими прямолетящими стрелами Арджуна, о царь, непрерывно приводил в трепет вражеское войско. Но желая сделать правдивым клятвенное обещание свое, верный данному слову (Арджуна), мчащийся на белых конях, ринулся на первейшего из воинов, сражающихся на колесницах, (Дрону), владельца гнедых коней.

Тогда наставник Дрона ударил в своего ученика, того могучего лучника, двадцатью пятью прямолетящими стрелами, способными пронзить жизненно важные места. И тут Бибхатсу, наилучший из всех носящих оружие, быстро нагрянул на него, меча стрелы, способные отразить стремительный натиск противных стрел. Вызывая затем оружие Брахмы, он с душою неизмеримой отвратил прямыми стрелами с серповидным острием такие же стрелы противника своего, которые тот метал с такой быстротой.

То искусство в бою, которое мы видели у Дроны, было весьма необычайным, так как Арджуна, хотя, будучи молод, и старался изо всех сил, не мог пронзить его (ни одной стрелой). Как громадное облако проливает несметные потоки дождя, так и облако Дроны дождило ливни стрел на гору Партхи. Одаренный великой мощью, Арджуна перехватил тот ливень стрел, о достойнейший, оружием Брахмы, рассекая все те стрелы своими стрелами. Тогда Дрона поразил Владельца белых коней двадцатью-пятью стрелами, а также ударил Васудеву семьюдесятью стрелами в обе-руки и в грудь. Но тут Партха, отмеченный мудростью, смеясь, сдержал в той битве наставника своего, беспрерывно выпускающего ливни острых стрел.

Затем оба те превосходнейших из воинов на колесницах, так теснимые Дроной, уклонились от него, неодолимого, подобно разрушительному огню, свирепствующему в конце юги. Избегая острых стрел, выпускаемых из лука Дроны, украшенный диадемой и гирляндами цветов, сын Кунти начал крушить войско бходжей. Уклоняясь от Дроны (стоявшего неколебимо) подобно горе Майнаке, он ринулся (в сторону) между Критаварманом и Судакшиной, правителем Камбоджи. Тогда правитель бходжей, невыносимый (в бою), о первейший из рода Куру, быстро пронзил невозмутимый того тигра среди людей десятью стрелами с оперениями цапли.

Но его, о царь, Арджуна пронзил в той битве острой стрелою. И снова (он пронзил) его тремя другими стрелами, как бы приводя в замешательство-того героя из рода Сатвата. Но тут правитель бходжей, смеясь, поразил Партху и Васудеву из рода Мадху каждого двадцатью пятью стрелами.

Тогда Арджуна, рассекши лук Критавармана, пронзил его двадцатью» одною стрелою, подобной сверкающим языкам пламени или разгневанной ядовитой змее. Однако же Критаварман, могучий воин на колеснице, взяв другой лук, быстро пронзил ему грудь пятью стре-

лами, о потомок Бхараты! И снова он пронзил Партху пятью острыми стрелами. А Партха в ответ ударил его в середину груди девятью стрелами.

Видя сына Кунти, остановленного перед колесницей Критавармана, отпрыск рода Врипши подумал, что не должно быть у них потери времени. И Кришна тогда, обратившись к Партхе, сказал: «Не проявляй никакого сострадания к Критаварману! Сделав его родственным кауравам, сокруши и убей его!» И тогда Арджуна, сбив с толку Критавармана своими стрелами, направился на быстрых своих конях к войску Камбоджей. И вот когда Владелец белых коней проник (в то войско), сын Хридикв преисполнился гнева. Потрясая своим луком с наложенной на нем стрелой, он столкнулся с обоими царевичами Панчалы.

И Критаварман оказавшимися под рукой стрелами остановил обоих царевичей панчалийских, когда они продвигались вперед, следуя за Арджуной как охранители колес (его колесницы). Затем правитель бходжей пронзил обоих сплошными железными стрелами, поразив Юдхаманью тремя, а Уттамауджаса четырьмя стрелами. Те же оба (царевича) в ответ пронзили его каждый десятью стрелами, а также рассекли его знамя и лук.

Тогда, взяв другой лук, сын Хридики, воспаленный гневом, лишил обоих героев их луков и окатил их ливнями стрел. Но они оба, взяв и натянув другие луки, стали разить правителя бходжей. Тем временем Бибхатсу проник в строй вражеского войска. Но оба те (царевича), остановленные Критаварманом, не получили доступа в ряды войска Дхрита-раштры, хотя те быки среди людей и старались усердно. А Шветавахана в быстро изматывал в той битве ратные отряды противника. Но тот сокрушитель врагов не убил Критавармана, хотя последний и был вполне досягаем.

Видя Партху, так устремляющегося вперед, храбрый царь Шрутаюдха, преисполненный гнева, ринулся на него, размахивая своим огромным луком. И он пронзил Партху тремя стрелами, а Джанардану – семью. И он ударил также в знамя Партхи очень острой стрелой с подковообразным острием. Но тут Арджуна, воспаленный гневом, сильно поразил своего противника девятью десятками прямых стрел, подобно тому как (погонщик) ударяет стрекалом могучего слона.

Однако Шрутаюдха не мог вынести, о царь, такого проявления отваги со стороны Пандавы. И он в ответ пронзил его семьюдесятью семью длинными стрелами. Арджуна тогда, рассекши его лук и срезав колчан, ударил яростно его в грудь семью прямыми стрелами. Но вот царь Шрутаюдха, обезумевший от гнева, взял другой лук и поразил сына Васавы девятью стрелами в обе руки и в грудь. Тогда Арджуна, усмиритель врагов, улыбаясь слегка, стал теснить Шрутаюдху многими тысячами стрел, о потомок Бхараты!

И тот могучий воин на колеснице немедля убил тут же его коней и возницу. А его самого он, наделенный могучею силой, пронзил семьюдесятью длинными стрелами. Но тут доблестный царь Шрутаюдха, оставив колесницу с убитыми конями, ринулся в пылу сражения на Партху с поднятой булавою.

Тот отважный царь Шрутаюдха был сыном Варуны, а матерью ему была великая река Парнаша, с холодными водами. И его мать, обратившись к Варуне ради своего сына, сказала: «Пусть этот сын мой будет неуязвим для врагов на Земле!»

И Варуна, довольный (ею), промолвил: «Я дам ему дар, благотворный для него, – небесное оружие, благодаря которому этот сын твой будет всегда неуязвим! В действительности же для каждого человека никогда не может быть бессмертия. Всякому родившемуся (на Земле) должно неизбежно умереть, о превосходнейшая из рек! Однако этот (сын твой) всегда будет

неодолим для врагов в сражениях, благодаря мощи этого оружия. Да рассеется лихорадка твоего сердца!»

Сказав так, Варуна дал ему палицу, сопровожденную мантрами. Обретя ее, Шрута юдха стал непобедим во всем мире. И все же ему снова сказал прославленный владыка вод: «Эту (палицу) не следует метать в того, кто не сражается в битве, иначе она упадет на тебя же самого!»

И тою (палицей), убивающей героев, Шрутаюдха ударил в Джанардану. Но могучий Кришна перехватил ее своим округлым толстым плечом. И она не смогла пошатнуть Шаури,66 подобно тому как ветер (не в состоянии поколебать) гору Виндхья. Свободная от действия своей силы, она вернулась к самому Шрутаюдхе (не достигнув успеха), словно богиня Критья (с ее волшебными чарами), представшая некстати, и поразила того неистового героя, применившего ее. И убив храброго Шрутаюдху, она упала на землю.

При виде Шрутаюдхи, усмирителя врагов, убитого своим же собственным оружием, громкие крики «Аи, аи!» раздались там среди войск. И так как та булава, о владыка людей, была пущена Шрутаюдхой в Кешаву, не сражающегося в битве, то она и убила его самого. И как было предречено Варуной, таким именно образом он и нашел свою гибель на поле брани. И вот безжизненный, он упал на землю на глазах у всех лучников. Когда же падал тот любимый сын Парнаши, он выглядел блистательно, будто высокое лесное дерево с широко раскинутыми ветвями, сломанное ветром. И увидев, что Шрутаюдха, тот усмиритель врагов, убит, все войска и даже все стоявшие во главе их воины тут же разбежались.

Тогда сын царя Камбоджи, храбрый Судакшина устремился на быстрых конях на Пхальгуну, сокрушителя врагов. Но Партха послал в него семь стрел, о потомок Бхараты! И они, пронзив насквозь того героя, вошли в землю. Глубоко пронзенный острыми стрелами, выпущенными в битве из лука гандивы, тот в ответ пронзил Арджуну десятью стрелами с оперениями цапли. И пронзив Васудеву тремя стрелами, он снова поразил Партху пятью. А Партха, рассекши его лук, срубил его знамя, о достойнейший! И Пандава пронзил своего противника двумя очень острыми стрелами с серповидным наконечником. Но тот, все же пронзив Партху еще тремя стрелами, издал львиный клич. Затем храбрый Судакшина, преисполненный гнева, послал в Обладателя лука гандивы дротик, целиком сделанный из железа и увешанный колокольцами. И тот дротик, сверкающий подобно огромному метеору и рассыпая искры огня, достигнув могучего воина на колеснице, пронзил его насквозь и упал на землю.

Но тут Партха, полный непостижимой отваги, пронзил своего противника вместе с его конями, знаменем, луком и возницей четырнадцатью стрелами с оперениями цапли, а другими неисчислимыми стрелами разнес его колесницу на части. А Судакпшне, царевичу Камбоджи, чьи намерения и удаль оказались тщетными, Пандава пронзил грудь стрелою с широким острием.

И тот герой, уязвленный в жизненно важные места, с содрогающимися членами, с диадемой и браслетами ангада скатившимися, упал головой вниз, будто праздничный шест со знаменем Индры, когда его метнули из особого устройства. Подобно красивому дереву карникара на исходе зимы, стройно высившемуся с красивыми ветвями на вершине горы, но поваленному ветром, лежал царевич Камбоджи, сраженный, на голой земле, хотя и заслуживал роскошного ложа. Чудно прекрасный, с медно-красными глазами (лежал) Судакщина, сын царя Камбоджи, поверженный стрелою Партхи с ухообразным острием. Тогда все войска сына твоего разбежались, увидя Шрутаюдху и Судакшину, царевича Камбоджи, убитыми.
Так гласит глава шестьдесят седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 68

Санджая сказал:
После того как были убиты Судакшина и доблестный Шрутаюдха, о царь, воины, твои, охваченные гневом, ринулись с большой стремительностью на Партху. Абхишахи, шурасены, шиби и васати начали, о царь, поливать Дхананджаю ливнями стрел. Из них сто шестьдесят благородного происхождения Пандава уничтожил сразу же своими стрелами. Вслед за тем воины те, сильно перепуганные, убежали, как мелкие твари– от тигра. Но собравшись с силами, они снова окружили со всех сторон Партху, тогда как он в пылу сражения убивал своих врагов ц хотел победить их в битве.

Тогда стрелами, посылаемыми из лука гандивы, Дхананджая быстро снес головы и (срубил) руки воинам, бросившимся на него. И не было там на поле битвы даже маленького промежутка из-за скатившихся голов и казалось, будто облаченный полог навис над полем от парящих над ним ворон, стервятников и воронов.

Меж тем как истреблялись те воины, (их предводители) Шрутаюс и Ачьютаюс, оба преисполненные гнева, продолжали неистово сражаться с Дхананджаей. Могучие, горделивые, отважные, благородного происхождения и наделенные крепкою силою рук, оба те лучника, о великий царь, домогающиеся великой славы и жаждущие ради твоего сына сокрушения Арджуны, со стремительной быстротою выпустили на него ливни стрел одновременно слева и справа. Оба они, разъяренные, покрыли Арджуну тысячью прямых стрел, подобно тому как два дождевых облака наполняют пруд.

Затем Шрутаюс, превосходнейший из воинов на колесницах, пылая гневом, ударил в Дхананджаю хорошо закаленной и отточенной пикой. И тот сокрушитель врагов, глубоко пронзенный (оружием) могучего своего врага, впал в полное беспамятство в том сражении, приводя в замешательство и Кещаву (своим поступком). В это самое время Ачьютаюс, могучий воин на колеснице, сильно ударил в Пандаву тонко заостренным копьем. (Этим ударом) он словно подлил кислоты на рану благородного Пандавы. И сильно уязвленный (этим оружием), Партха прислонился к древку знамени.

Тогда среди всего войска твоего, о владыка народов, раздался львиный клич в полной уверенности (воинов), что Дхананджая убит. Кришна же был сильно удручен при виде Партхи, лишившегося чувств. И тут он успокоил Дхананджаю сердечными участливыми словами. Но вот те оба превосходнейших воина на колесницах (Шрутаюс и Ачьютаюс), метко поражающие цель, (дождя) ливнями стрел со всех сторон в той битве, сделали Дхананджаю и Васудеву из рода Вришни невидимыми вместе с их колесницей, ее колесами и дышлами, с конями, знаменами и древками знамен.

И все это казалось весьма удивительным! Между тем Бибхатсу медленно пришел в себя, о потомок Бхараты, точно он возвратился вновь, достигнув обиталища царя усопших. Увидев свою колесницу вместе с Кешавой, покрытую сетью стрел, заметив также обоих своих врагов, стоящих перед ним подобно двум пылающим огням, могучий воин на колеснице – Партха вызвал тогда оружие Шакры.

Из того оружия полились тысячи прямых стрел. И стрелы те поразили обоих могучих лучников, а также выпущенные ими же стрелы. Пронзенные стрелами Партхи, они летели, проникая сквозь небосвод.

Быстро отразив те стрелы стремительным натиском собственных стрел, Пандава стал рыскать там и сям (по полю брани), сражаясь с могучими воинами на колесницах. А те оба (ге-

роя) были потоками стрел Пхальгуны лишены своих рук и голов и рухнули на землю, словно два высоких дерева, поваленные ветром. Как смерть Шрутаюса, так и сокрушение Ачьютаюса вызвали изумление среди людей, подобное тому (какое могло быть при зрелище), если бы иссушился океан.

Убив затем еще пять сотен воинов на колесницах среди приверженцев тех двух (царевичей), Партха двинулся против войска бхаратов, убивая все лучших и лучших воинов. Видя Шрутаюса и Ачьютаюса обоих убитыми, их сыновья, лучшие из людей, – Аютаюс и Диргхаюс, оба разгневанные, о потомок Бхараты, выступили против сына Кунти, сея различные стрелы, в то время как сами были мучимы бедствием, случившимся с их отцами.

И обоих их Арджуна, сильно разгневанный, мигом отправил при помощи прямых стрел в обиталище Ямы. Те быки среди кшатриев (которые сражались в войске кауравов), совсем были не в состоянии сдерживать Партху, приводившего в волнение их боевые ряды, подобно тому как слон волнует озеро, полное лотосов. Однако анги, верхом на слонах, хорошо обученные, о царь, воспаленные гневом, тысячами окружили Пандаву многочисленным отрядом слонов.

По повелению Дурьйодханы, цари восточных и южных стран и (многие другие) во главе с правителем Калинги (также окружили Арджуну) своими слонами, подобными горам. Но Партха своими стрелами, посланными из лука гандивы, в сильном гневе быстро отсек головы и руки, покрытые украшениями, у тех нападавших на него (ратников). Поле битвы, усеянное их головами и руками в браслетах ангада, казалось великолепным, подобно золотым камням, обвитым змеями. И руки (воинов), отсеченные стрелами, и отрубленные головы, когда падали вниз, выглядели подобно птицам, слетающим с деревьев. А слоны, пронзенные тысячами стрел и истекающие кровью, казались подобны горам во время (дождей) со стекающими (по их откосам) струйками размытого красного мела.

Другие (из них), убитые острыми стрелами Бибхатсу, лежали (распростертые на земле). Млеччхи, (сражавшиеся) со спин слонов, разнообразные и страшные видом, облаченные в различные одежды, о царь, вооруженные различного рода оружием, с телами, залитыми кровью, выглядели великолепно, (когда они лежали на поле) убитые разного вида стрелами. Тысячи слонов вместе с седоками и пешими, подгонявшими их сзади, пораженные стрелами Партхи, с иссеченными телами, извергали кровь; другие же издавали мучительные крики, или падали, или брели по всем направлениям. И сильно перепуганные, слоны топтали и давили множество своих же (ратников). Равным образом и слоны, которых в боевом снаряжении придерживали в запасе, возбужденные и свирепые подобно ядовитым змеям (делали то же самое).

Те, что знают силу волшебства асуров, страшные видом и со страшными глазами, – яваны и парады, и щаки вместе с суниками, и млеччхи, происходящие из утробы коровы (Нандини), ловко разящие и напоминающие (посланцев) Смерти, а также дарвы и абхисары, дарады и пундры вместе с бахликами – все те полчища (наводняли поле брани) сотнями и тысячами, и их невозможно было исчислить. Ибо такого рода наплыв был подобен протяженности стай саранчи. Но создав своими стрелами над войском густую тень, словно от облаков, Дхананджая уничтожил волшебной силой своего оружия всех: собравшихся там млеччхов с головами, полностью бритыми и полувыбритыми, или носящими косу, нечистых внешностью и с бородатыми лицами. И пронзенные сотнями стрел, те полчища живущих сообща или обитающих в горных пещерах бежали прочь, перепуганные в сражении.

Вороны, цапли и волки с восторгом пили кровь слонов и коней и их седоков-млеччхов, поверженных на землю сотнями стрел. (Воистину, Партха) заставил течь там свирепую реку,

чьи стремительные потоки сострят из обильной крови. (Убитые) пехотинцы и кони, колесницы и слоны заменяли ей запруженные ими переходы через нее, ливни выпущенных стрел служили ей плотами, а волосы воинов составляли ее мох и прибрежную траву; тюрбаны же воинов заменяли ей мелких рыб. Он создал реку, точно вызванную самой Смертью в конце юги.

И она была запружена туловищами (убитых) слонов и изобиловала кровью, (текущей) из тел кшатриев, слонов, коней, их седоков и воинов, сражавшихся на колесницах. Как не может быть (на поверхности земли), возвышенностей и низин, когда дождит Васава, точно так и вся земля была затоплена кровью. Шесть тысяч выдающихся героев и еще десять сотен лучших кшатриев отправил тот бык среди кшатриев в мир бога смерти. Тысячи отлично снаряженных слонов, пронзенных стрелами, лежали распростертыми на поле, подобно; скалам, сокрушенным громом. И Арджуна рыскал цо полю брани, убивая коней, воинов на колесницах и слонов, будто одержимый течкой слон, топчущий тростниковый лес.

Как огонь, раздуваемый ветром, сжигает лес, полный деревьев, лиан и зарослей кустарников, сухих дров, травы и тростника, так и тот огонь, иначе Дхананджая, сын Панду, своими стрелами вместо пламени, подгоняемый ветром Кришны, сжигал в пылу гнева лес твоих воинов. Делая площадки колесниц пустующими (от ратников) и устилая землю телами людей, Дхананджая, казалось, будто подплясывал с луком в руке среди того людского скопища. Затопляя землю кровью при помощи своих громоподобных стрел, Дхананджая, воспаленный гневом, проник в войско бхаратов.

И когда он так продвигался, Шрутаюс, правитель амбаштхов, остановил его. Но Арджуна острыми стрелами, оснащенными оперением цапли, быстро поверг коней его, прилагавшего старания (в битве), о достойнейший! И рассекши другими стрелами также и его лук, Цартха бросился рыскать (по полю брани). Но тут правитель амбаштхов, с глазами, возбужденными от гнева, схватив булаву, обрушился в пылу сражения на Партху и Кешаву, могучего воица на колеснице. Затем герой тот со смехом, подняв булаву, остановил (ее ударами) колесницу (Арджуны) и ударил тою же палицей также и Кешаву.

Увидев, что Кешава получил удар булавой, тот сокрушитель вражеских, героев, Арджуна, сильно разгневался на правителя амбаштхов, о потомок; Бхараты! И тогда стрелами с золотым оперением он в пылу сражения покрыл того героя, наилучшего из воинов на колесницах, вооруженного» булавой, подобно тому как густое облако закрывает восходящее солнце. Затем другими стрелами Партха раздробил на мелкие части булаву того-благородного воина, (едва не превратив ее в порошок). И все это казалось, весьма удивительным. Увидев ту булаву, распавшуюся (на мелкие кусочки, правитель амбащтхов), взяв другую увесистую палицу, еще и еще раз ударил ею Арджуну и Васудеву.

Тогда Арджуна двумя стрелами с подковообразным острием срубил обе поднятых руки Шрутаюса, подобные двум шестам со знаменем Индры, а другой стрелою снес ему голову. И сраженный, тот упал, о царь, словно выпущенный из особого устройства шесг со знаменем Индры, когда веревка, (прикрепляющая его к устройству), отпущена. Затерявшийся среди отрядов колесниц и окруженный сотнями: слонов и коней, Партха стал тогда невидимым, подобно солнцу, скрытому облаками.

Так гласит глава шестьдесят восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 69

Санджая сказал:
После того как сын Кунти, движимый желанием убить царя страны Синдху, проник (в войско бхаратов), прорвав непроницаемые ряды войск Дроны и бходжей, после того как наследник Камбоджи Судакшина, о царь, был убит, после того как и отважный Шрутаюдха тоже был убит Савьясачином, после того как отряды войск (кауравов) бежали прочь и рассеялись во все стороны, твой сын, видя свое войско разбитым, отправился к Дроне. Быстро примчавшись на своей колеснице к Дроне, он сказал ему:

«Тот тигр среди людей (Арджуна), сокрушив это огромное войско, уже прошел сквозь него! Поразмысли своим здравым умом, что тут можно сразу же предпринять дальше для сокрушения Арджуны в этом страшном побоище людей! Благо тебе, прими такие меры, чтобы тот тигр среда людей Джаядратха не был убит! Ибо ты наше крайнее прибежище!

Как воспламененный огонь сжигает сухую траву, так ведь и этот огонь Дхананджайи, раздуваемый ветром его гнева, сжигает траву и солому, заменяемую моим войском. Ведь когда сын Кунти прошел сквозь это войско, воины, охраняющие Джаядратху, впали в сомнение (относительно своей способности противостоять Партхе). Существовало твердое-убеждение среди владык людей, о лучший из знающих брахму, что Дхананджая никогда при жизни не превзойдет Дрону. Однако сей Партха прошел (сквозь твой же строй) у тебя на глазах, о величавый, и я считаю теперь все войско свое слабым.

И в самом деле, (я считаю, что) у меня нет войска! Я знаю тебя, о великий своей участью, как преданного благу пандавов. И я теряю разум, о благочестивый, думая о том, что следует делать. Ведь в меру своих сил, о благочестивый, я веду себя по отношению к тебе превосходнейшим образом! И в меру своих сил я стараюсь ублаготворить тебя. Однако ты не осознаешь всего этого!

Хотя мы всегда преданы тебе, о неизмеримый в отваге, все же ты не стараешься для нашего блага! Ты постоянно угождаешь пандавам, которые всегда находят удовольствие в причинении нам зла. Хотя ты получаешь средства к существованию от нас, все же ты испытываешь удовольствие в причинении нам вреда! Я ведь не знал, что ты подобен братве, смазанной медом! Если ты не пожалуешь нам дар как унизить и сдержать пандавов, я никогда не воспрепятствую правителю Синдху в возвращении его домой!

Глупый, я, надеясь на защиту с твоей стороны, заверил повелителя Синдху и по своей глупости обрек его на жертву Смерти. Человек может вызволиться, даже попав в самую пасть Ямы. Но не может спастись в сражении Джаядратха, попав во власть Арджуны! Сделай же так, о Владелец гнедых коней, чтобы правитель Синдху еще мог быть защищен! И не гневайся на меня за вздорные выстраданные мои жалобы! Защити же правителя Синдху!»

Дрона сказал:
Я не сержусь на твои слова! Ты так же дорог мне, как сам Ашваттхаман. Но я скажу тебе правду. Действуй же теперь согласно моим словам, о владыка народов! Наилучший из возниц–Кришна, и быстрые его кони – превосходнейшие из всех. Воспользовавшись самым маленьким промежутком, Дхананджая может очень быстро промчаться черев него.

Разве ты не видишь, что потоки стрел Носящего диадему, (выпущенные из его лука), падают на расстоянии в целую крошу и позади его колесницы, когда он быстро мчится? Обремененный тяжестью своих лет, я же теперь не способен мчаться так быстро. А тут еще на головном участке наших сил опять сосредоточилось это войско партхов! Юдхиштхира же должен быть

схвачен мною. Именно таков был обет, данный мною на глазах у всех лучников и среди всех кшатриев, о могучерукий!

Оставленный Дхананджаей, он теперь находится на переднем участке моих войск. Поэтому я не буду, оставив вход в нага боевой строй, сражаться с Пхальгуной! При поддержке со стороны необходимых помощников ты сам должен выступить против своего врага, который сейчас один и равен с тобою по происхождению своему и подвигам! Сразись же с ним! Не бойся! Ты ведь владыка этого мира! Ты царь! Ты герой! Ты весьма способен и достиг «воей цели, вызвав вражду с пандавами! О доблестный, быстро отправляйся сам туда, где находится Дхананджая!

Дурьйодхана сказал:
Как же возможно мне, о наставник, противостоять Дхананджае, лучшему из всех носящих оружие, превзошедшему даже тебя? Ведь возможно победить в бою даже самого Пурандару с громовою стрелокь в руке, но Арджуна, покоритель вражеских городов, не может быть побежден в сражении! С тем (героем), которым, благодаря мощи своего оружия, побеждены сын Хридики, правитель бходжей и ты сам, подобный тридцати (богам); которым сокрушен Шрутаюс, а также убит Судакшина и еще царь Шрутаюдха; которым также убиты Шрутаюс и Ачьютаюс и сотни млеччхов, – с тем непобедимым Пандавой, сжигающим в битве-многочисленных врагов, как я смогу сразиться в бою? О том скажи мне, о знаток владения оружием! Если же ты считаешь меня способным (сразиться), то дай мне наставление вступить сегодня в битву с ним. Я зависим: от тебя. Как распорядитель слуги своего охрани мою славу!

Дрона сказал:
Ты говоришь правду, о Кауравья, что Дхананджая неотразим! Я все же сделаю так, что ты сможешь его перенести! Пусть все лучники в мире увидят сегодня необычайное событие, как сын Кунти будет крепко прикован к тебе на глазах у самого Васудевы. Этот золотой твой панцирь, о царь, я завяжу на тебе таким образом, что никакие стрелы или другое оружие не смогут поразить тебя в сражении! Если даже три мира вместе с асурами и богами, с якшами, змеями и ракшасами и вместе со всеми людьми будут сражаться с тобою (сегодня), у тебя все же не будет страха! Ни Кришна, ни сын Кунти и ни кто-либо другой из носящих оружие в бою не в состоянии будут вонзить стрелы в твой панцирь! Облачившись в тот панцирь, быстро отправляйся сегодня сам, чтобы выступить против разгневанного Арджуны в битве! И он не сможет вынести тебя!

Санджая сказал:
Сказав так, Дрона, лучший из знающих брахму, прикоснувшись к воде и произнеся мантры по установленным правилам, быстро завязал (на Дурьйодхане) тот весьма необычайный и сверкающий панцирь ради победы твоего сына в том жесточайшем бою, повергая весь мир в изумление своим высоким искусством.

Дрона сказал:
Да благословит тебя Брахма! Да благословят тебя брахманы! Пусть наилучшие из пресмыкающихся послужат к благополучию тебе, о потомок Бхараты! Пусть Яяти и Нахуша, Дхундхумара и Бхагиратха и все-другие царственные мудрецы делают все, что благотворно для тебя! Да будет тебе благополучие от существ об одной ноге и от существ о многих ногах! И да будет тебе всегда благополучие в том великом сражении от существ вовсе безногих! Пусть Сваха и Свадха, а также и Шачи всегда делают то, что служит твоему счастью! Пусть Лакшми и Арундхати благоприятствуют тебе, о безупречный! Пусть Асита Девала, Вишвамитра» и Ангирас, Васиштха и Кашьяпа способствуют твоему счастью, о царь.

Пусть Дхатри и Видхатри, владыка миров и страны света вместе? с хранителями стран света, а также шестиликий Карттикея дадут сегодня то, что благотворно для тебя! Пусть божественный Вивасван содействует во всем твоему благополучию! Пусть четверо слонов стран света, Земля, воздушное пространство, небеса и планеты и тот, кто всегда поддерживает снизу Землю (на своей голове), о царь, –тот Шеша, лучший из змеев, даст тебе то, что служит для твоего блага! О сын Гандхари, некогда дайтьей Вритрой, после того как он проявил доблесть в битве, были побеждены лучшие из богов. И с искалеченными телами, исчисляемые тысячами, небожители те во главе с Индрой, лишенные своей мощи и пыла, все прибегли тогда к защите Брахмы, преисполненные страха перед великим асурой.

Боги сказали:
О первейший из богов, будь прибежищем для богов, сокрушенных и Вритрой, о наилучший из божеств! Избавь нас от великого страха!

Дрона сказал:
Тогда (Брахма), обратившись к Вишну, стоявшему подле, а равно и к лучшим из богов, предводительствуемых Индрой, сказал тем первейшим из богов, впавшим в уныние, такие слова, преисполненные правды: «Боги вместе с Индрой, а также с дваждырожденными, должны быть постоянно защищаемы мною. Непреодолима вовсе скрытая мощь Тваштри, от которой был создан Вритра. Предавшись некогда аскетическому покаянию в течение миллиона лет, Тваштри тогда, о боги, сотворил Вритру! получив на это дозволение от Махешвары. Благодаря именно его милости, тот могущественный враг ваш мог разбить (вас). Не явившись к местопребыванию Шанкары, (вам) невозможно увидеть божественного Хары!

Увидев его, вы сможете убить своего врага! Поэтому быстро отправляйтесь к горе Мандаре, где пребывает источник аскетических покаяний, тот разрушитель жертвоприношения Дакши, вооруженный палицей, тот владыка всех существ, сокрушитель глаз Бхаги! И те боги, отправившись в сопровождении брахманов к Мандаре, увидели там скопище жара аскетической мощи, (того Махешвару), блеском равного десяти миллионам солнц.

И он сказал: «Привет вам, о боги! Что я должен сделать для вас? Лицезрение меня не бывает напрасным. Пусть же от этого сбудется исполнение ваших желаний!» На сказанные им такие слова все те небожители промолвили ему в ответ: «Скрытая мощь наша отнята Вритрой. Будь же прибежищем для небожителей! Взгляни, о всевышний, на наши тела, израненные и искалеченные ударами! Мы прибегли к тебе, ища защиты! Будь же нашим прибежищем, о Махешвара!»

Махешвара сказал:
Мне хорошо известно, о боги, как это событие, сопряженное с весьма 6 могучей силой, страшное и неотвратимое теми, кто необуздан душою, произошло, возникнув из могучей мощи, скрытой в Тваштри! Что до меня, то непременно мне надлежит оказать помощь всем небожителям! Возьми, о Шакра, этот сверкающий панцирь с моего тела. И надень его, мысленно произнося эти мантры, о владыка богов!

Дрона сказал:
Сказав так, податель даров (Шива) дал (Шакре) тот панцирь вместе с теми мантрами. И защищенный тем панцирем, он выступил против полчища Вритры. И хотя потоки различного оружия извергались на него в той жестокой битве, все же соединения завязок на том панцире не могли быть разрезаны. Тогда владыка богов сам убил в сражении Вритру и затем отдал тот панцирь Ангирасу вместе с креплениями, составленными из мантр. Ангирас же сообщил (те мантры) своему сыну Брихаспати, знатоку всех мантр. Брихаспати затем сообщил (знание их) Агнивешье, одаренному мудростью. А Агнивешья передал его мне. И с помощью этих

мантр я, для защиты твоего тела, завязываю сегодня этот панцирь на твоем теле, о наилучший из царей!

Санджая сказал:
Сказав так, Дрона, одаренный великим блеском, тот бык среди наставников, снова обратившись к твоему сыну, спокойно произнес такие слова: «Я завязываю этот панцирь на твоем теле, о царь, нитями Брахмы, как был некогда завязан он самим Хираньягарбхой на Вишну в сражении! Как был самим Брахмой завязан этот божественный панцирь на Шакре в сражении, вызванном (похищением) Тараки, так и я завязываю его на тебе!»

И завязав так, при помощи мантр, панцирь на Дурьйодхане по установленным правилам, тот дваждырожденный послал царя на великую битву. И одетый в доспехи благородным наставником, он, могучерукий, в окружении тысячи боевых колесниц с тригартами, искусно разящими (врагов), тысячи возбужденных слонов, наделенных великой отвагой, и десяти тысяч коней, а также многих других могучих воинов на колесницах двинулся по направлению к колеснице Арджуны. И (царь тот выступил) так (против своего врага) под звуки различных музыкальных инструментов, как некогда –сын Вирочаны (Бали). Тогда среди войск твоих, о потомок Бхараты, поднялся громкий шум при виде царя кауравов, отправлявшегося непроницаемым, подобно океану.

Так гласит глава шестьдесят девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 70

Санджая сказал:
После того как Партха и Варшнея проникли (в строй кауравов), о великий царь, и когда Дурьйодхана, тот бык среди людей, отправился вслед за ними, пандавы вместе с сомаками стремительно ринулись на Дрону с громким шумом. И тогда началась битва (между ними и войском Дроны). И та битва, которая происходила между панчалами и кауравами перед боевым строем, была ужасной и свирепой, заставляющей подниматься от содрогания волоски на теле. Она вызывала удивление (у зрителей). О царь, солнце в то время находилось в зените.

Подобного сражения, какое происходило тогда, о владыка народов, никогда нами не было видано и слышано (прежде). Предводительствуемые Дхриштадыомной, партхи, все выстроенные, как должно, в боевые порядки и искусные наносить удары, покрыли войско Дроны ливнями стрел. Мы тоже, выдвинув Дрону, наилучшего из всех носящих оружие, впереди (наших рядов), стали поливать партхов во главе с сыном Паршаты своими стрелами.

Два главных войска, украшенные колесницами, красиво сверкающие, казались подобными двум могучим облакам на исходе зимы, несущимся (одно к другому) под влиянием встречных ветров. И встречаясь одно с другим, два могучих войска усиливали до пределов свою стремительность, словно реки Ганга и Ямуна, переполненные водою в период дождей.

Обладающее различными видами оружия вместо ветра, дующего впереди, окруженное слонами, конницей и колесницами, насыщенное вместо молний булавами (в руках воинов), страшно грозное и могучее облако, состоящее из боевого войска (кауравов), подгоняемое мощным ветром сына Бхарадваджи и исторгающее тысячи стрел вместо ливней дождя, пыталось залить разбушевавшийся огонь войска пандавов. Подобно тому как страшная буря на исходе летней поры волнует океан, так и (Дрона), лучший из дваждырожденных, приводил в волнение боевые ряды пандавов. А те, напрягаясь изо всех сил, обрушились прямо на Дрону, желая прорвать его строй, как могучие потоки воды устремляются на мощную плотину, чтобы снести ее.

Но как неподвижный утес сдерживает стремительные потоки воды, так и Дрона удерживал в той битве разгневанных пандавов и панчалов вместе с кекаями. Тут и другие цари, отличающиеся могучей силой и храбрые в бою, окружив их со всех сторон, тоже стали сдерживать панчалов. Тогда сын Паршаты, тот тигр среди людей, соединившись в сражении с пандавами, начал многократно поражать Дрону, стремясь прорвать строй вражеского войска. И действительно, как Дрона дождал ливни стрел на сына Паршаты, так точно и Дхриштадыомна извергал потоки своих стрел (на Дрону).

Снаряженное саблями и мечами вместо ветров, дующих впереди, снабженное дротиками, копьями и обоюдоострыми мечами, с тетивой, заменяющей молнию, и со (звоном) лука вместо громовых раскатов, облако Дхриштадьюмны во все стороны изливало потоки оружия, заменяя ими ливни из камней. Убивая лучших из воинов на колесницах и множество коней, (сын Паршаты) покрыл вражеское войско (своими стрелами).

И сквозь какой бы поток колесниц пандавов не пытался пробиться Дрона, (расчищая путь) своими стрелами, отовсюду сын Паршаты отвращал ш того героя своими стрелами. Но хотя и старался Дрона столь усердно в битве, все же войско его, столкнувшись с Дхриштадьюмной, раскололось на три части.

Одни из них (воины) отошли к правителю бходжей (Критаварман), другие же – к Джаласандхе, а еще другие, к тому же жестоко убиваемые пандавами, проследовали к самому Дроне. Но те войска, которые (многократно) сплачивал Дрона, лучший из воинов, сражающихся на колесницах, и те также сокрушал и рассеивал Дхриштадьюмна, могучий воин на колеснице.

И действительно, войска сына Дхритараштры, разъединенные на три части, уничтожались пандавами и сринджаями, как не охраненные пастухами стада скота в лесу – многочисленными хищными зверями. «Это сама Смерть в том страшном сражении пожирает воинов, сперва приведенных в замешательство Дхриштадьюмной!» – так думали люди.

Как царство при плохом царе разрушается из-за голода, болезней и грабителей, точно так же и войско твое терпело урон от пандавов. И оттого, что оружие и панцири подвергались ударам солнечных лучей, а также от пыли, поднимаемой воинами, глаза у всех страдали отмучитель-ной боли. Меж тем как войско (кауравов), истребляемое пандавами, было расчленено на три части, Дрона, преисполненный неистовой ярости,, начал тогда уничтожать панчалов своими стрелами.

И когда Дрона сокрушал те отряды войск и истреблял их стрелами, вид,его стал подобен пылающему разрушительному огню в конце юги. Колесницы, слонов, коней и пе-> хотинцев, о владыка народов, тот могучий воин, на колеснице пронзал в пылу битвы каждого только одною стрелой (не применяя второй).

И среди воинов в стане пандавов не было никого, о потомок Бхараты, кто мог перенести в том сражении (удары) острых стрел, выпускаемых из лука Дроны. Палимое солнцем и изводимое стрелами Дроны, то войско сына Парщаты стало кружиться там и сям (по полю брани), о потомок Бхараты! Точно так же и твое войско, одинаково теснимое сыном Паршаты, казалось, пылало со всех сторон, будто сухой лес, (охваченный) пламенем огня.

Меж тем как оба войска подвергались уничтожению от стрел Дроны и сына Паршаты, воины в них, совсем пренебрегая жизнью, сражались изо всех сил. И ни в твоем войске и ни во вражеском, о бык из рода Бхараты, не было среди сражающихся никого, о великий царь, кто по-

кинул сражение из страха. Те единоутробные братья Вивиншати, Читрасена и Викарна, могучий воин на колеснице, окружили Бхимасену, сына Кунти, (со всех сторон), Винда и Анувинда – оба царевича Аванти и Кшемадхурти, преисполненный великой доблести, все трое следовали за тремя твоими сыновьями (в поддержку им).

Геройский царь Бахлика, отпрыск знатного рода, могучий воин на колеснице, вместе со своим войском и советниками сдерживал сыновей Драупади. Царь Шайбья, (иначе) Говасана, вместе с десятью сотнями превосходнейших воинов сдерживал преисполненного отваги сына властителя Каши. Владыка мадров – царь Шалья окружил царя Аджаташатру, сына Кунти, подобного сверкающему огню. А храбрый и гневный Духшасана, опираясь на поддержку своего собственного войска, яростно выступил в той битве против Сатьяки, лучшего из воинов, сражающихся на колесницах.

Сам я со своим войском, облаченный в панцирь и хорошо снаряженный, при поддержке четырех сотен могучих лучников сдерживал Чекитану. Шакуни со своим войском, в сопровождении семи сотен гандхарских воинов, вооруженных луками, дротиками, стрелами и мечами, сдерживал сына Мадри (Сахадеву). Винда и Анувинда, царевичи Аванти, – два могучих лучника, поднявшиеся на битву ради друга своего (Дурьйодханы); пренебрегая жизнью, нападали на Вирату, Царя матсьев.

Царь Бахлика, усердно прилагая старания, сдерживал могучего и непобедимого Шикхандина, сына Яджнясены, – героя, способного противостоять (всем врагам). Властитель Аванти вместе с саувирами и жестокими прабхадраками сдерживал гневного видом Дхриштадьюмну, царевича Панчалы. Алаюдха же быстро ринулся на храброго ракшаса Гхатоткачу, жестоко-сражающегося и яростно вступающего в битву. А могучий воин на колеснице, Кунтибходжа, в сопровождении большого войска сдерживал Аламбусу, гневного видом владыку ракшасов.

Что до правителя Синдху, то он находился в тылу всего войска, охраняемый, о потомок Бхараты, превосходнейшими лучниками и воинами на колесницах – Крипой и другими. И правителя Синдху сопровождали два величайших воина, охраняющих колеса его (колесницы): сын Дроны – справа от него, о царь, и сын суты (Карна) – слева. А с тылу его охраняли воины, возглавляемые сыном Сомадатты: Крипа и Вришасена, Шала и Шалья непобедимый, – все сведущие в политике, могучие лучники, искушенные в бою. Сделав такие приготовления для защиты правителя Синдху, (воины кауравов) сразились тогда (с пандавами).

Так гласит глава семидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 71

Санджая сказал:
Слушай меня, о царь, как я буду рассказывать тебе о необычайном в сражении, о том, как происходила битва между кауравами и пандавами. Приблизившись к сыну Бхарадваджи, стоявшему впереди своего боевого строя, партхи сражались в битве усердно, стремясь прорвать войско Дроны. Также и воины Дроны, желая защитить свой боевой строй, сражались в той битве с партхами, домогаясь великой славы. Винда и Анувинда – оба царевича Аванти, сильно воспаленные гневом и желавшие оказать Добрую услугу сыну твоему, поразили Вирату десятью стрелами.

И Вирата тоже, о великий царь, отважно ринувшись против обоих тех, отмеченных доблестью, воинов, стоящих в битве, сразился с ними и их последователями. Битва, которая про-

изошла между ними, была ужасной и отличалась текущею как вода кровью. Она напоминала схватку в лесу между львом и Двумя могучими слонами, одержимыми течкой.

Могучий сын Яджнясены сильно ударил в той битве по царю Бахлике свирепыми, острыми стрелами, способными поразить жизненно важные места и кости. Бахлика также, сильно разгневанный, глубоко пронзил сына Яджнясены девятью прямыми стрелами, с золотыми оперениями и отточенными на камне. И та битва (между ними) стала очень страшной, наводненной (потоками) стрел и дротиков. Она вызывала ужас у робких и увеличивала радость у храбрых.

И стрелами, которые там они метали, был совсем покрыт весь небосвод и все страны света, и ничего нельзя было больше различить. А Шайбья, иначе Говасана, во главе своего войска, сразился с сыном властителя Каши, могучим воином на колеснице, точно слон с противоборствующим слоном. Царь Бахлика, охваченный яростью, сражаясь в битве с (пятью) сыновьями Драупади, могучими воинами на колесницах, выглядел подобно разуму, (состязающемуся с) пятью чувствами. И те (пятеро царевичей) тоже сражались упорно со своим противником, (поливая его) со всех сторон потоками стрел, подобно тому как объекты чувств постоянно (борются) с телом, о лучший из обладающих плотью!

Твой сын Духшасана в той битве ударил в Сатьяки из рода Вришни девятью прямыми острыми стрелами. Глубоко пронзенный тем сильным и могучим лучником, Сатьяки, исполненный истинной отваги, внезапно впал немного в бесчувственное состояние. Но скоро успокоившись, тот отпрыск рода Вришни быстро пронзил твоего сына, могучего воина на колеснице, десятью стрелами с оперениями цапли. Глубоко пронзающие друг друга и взаимно терзаемые стрелами, оба они красовались величаво, о царь, подобно двум деревьям киншука, распустившимся цветами.

Так и Аламбуса, мучимый стрелами Кунтибходжи и преисполненный гнева, блистал чудесно красотою, подобно дереву киншука, изобилующему цветами. Затем ракшас, пронзив множеством железных стрел Кунтибходжу, испустил страшный рев перед твоим войском. И когда те оба героя сражались друг с другом в той битве, всем существам казалось, что напоминают они Шакру и Джамбху, (сражавшихся) в отдаленные времена.

Оба сына Мадри, пылая гневом, жестоко изматывали своими стрелами в битве Шакуни, проявившего сильную враждебность к ним в бою, о потомок Бхараты! То побоище людей, которое произошло, о великий царь, ведь коренится в нем. Вызванный тобою и чрезмерно увеличенный и затем раздутый твоим сыном, огонь гнева (пандавов) теперь (воспылал могучим пламенем), о царь, и готов сжечь всю эту землю! Обращенный вспять на поле битвы обоими сыновьями Панду при помощи стрел, Шакуни, не (будучи в состоянии) сколько-нибудь проявить свою доблесть, не знал, что нужно делать.

И видя, что он повернул вспять, оба сына Панду, те могучие воины на колесницах, вновь окатили его ливнями стрел, подобно тому как два облака (проливают ливни дождя) на могучую гору. И теснимый множеством прямых стрел, тот сын Субалы умчался на своих быстрых конях к войску Дроны.

А Тут Гхатоткача быстро ринулся на храброго ракшаса Алаюдху в той битве, выказав при этом умеренную стремительность. Битва между ними обоими, о великий царь, представляла красивое зрелище, подобное томуа какое некогда имело место при сражении между Рамой и Раваной. Тогда же царь Юдхиштхира, пронзив в той битве царя мадров пятьюдесятью стрелами, снова пронзил его семью. Затем началась битва между ними обоими весьма необычайная, о царь, напоминавшая великую битву, некогда происходившую между асурой Шамба-

рой и царем бессмертных. Вивиншати, Читрасена и Викарна, сын твой, сражались с Бхимасеной окруженные огромным войском.

Так гласит глава семьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 72

Санджая сказал:
Когда так началась та битва, заставляющая подниматься волоски на теле, пандавы ринулись против кауравов, разделившихся на три группы. Бхимасена могучерукий теснил Джаласандху, а Юдхиштхира во главе своего войска (сдерживал) в том сражении Критавармана. Дхриштадьюмна, сияющий как лучистое солнце, о великий царь, обрушился на Дрону, дождившего ливни стрел.

Затем началась битва между всеми лучниками, стремительными в действии, у кауравов и сомаков, разгневанных друг на друга. И меж тем как происходило то ужаснейшее побоище и все воины бесстрашно сражались друг с другом попарно, могучий Дрона, (сражаясь) с могучим царевичем панчалов, метал тучи стрел. И все это казалось весьма удивительным! Дрона и царевич Панчалы сносили несчетно головы у людей и усеивали ими всюду (поле брани), словно уподобляя его лотосовым полям.

Во всех подразделениях войск были (видны) разбросанные повсюду одежды, украшения и оружие героев, а также знамена, доспехи и снаряжение. Пестреющие золотом тела, обагренные кровью, выглядели словно скопившиеся гряды облаков, насыщенных -молнией. Могучие воины на колесницах, натягивая свои луки размером в четыре локтя, подвергали стрелами в той битве слонов, коней и людей.

Там, при столкновении благородных героев, (виднелись) разбросанные повсюду мечи и щиты, головы и панцири. Неисчислимые безглавые туловища, еще встающие (сгоряча)»; были видны, о великий царь, повсюду в той свирепой схватке. Стервятники и цапли, вороны и коршуны, вороны и шакалы и множество других плотоядных тварей виднелись там, о достойнейший, – пожирающие мясо и пьющие кровь грудами павших людей, коней и слонов, или таскающие их за волосы, или лижущие и выклевывающие их мозг, о царь, или волокущие их тела и отдельные члены, или катящие там и сям их головы. Лучники, обученные искусству ведения боя, опытные во владении оружием, сражались тогда неистово, домогаясь победы в бою.

Твои воины рыскали по полю брани, показывая разнообразные приемы в ловкости владения мечами. Другие ратники, вступавшие на поле битвы, в пылу гнева убивали друг друга обоюдоострыми мечами, дротиками, метательными копьями и пиками, трезубцами и пиками с серпообразным острием, удавами и копьями с железными шипами, и даже без оружия – одними голыми руками. Воины на колесницах (сражались) с воинами тоже на колесницах, всадники – с верховыми, слоны – с отборными слонами, пехотинцы – с пешими воинами. Иные (среди них), сильно возбужденные точно в самом деле обезумевшие, поднимали громкий крик и убивали друг друга в той битве, будто это представляли актеры, состязаясь на аренах.

Меж тем как происходила та битва, не знающая границ дозволенного, о владыка народов, Дхриштадьюмна заставил своих коней смешаться с конями Дроны. И те кони, наделенные быстротою ветра, одинакового цвета с голубиным и красные как кровь, так смешавшись вместе в сражении, выглядели, чрезвычайно красиво. И право же, кони красовались величаво, о царь, как облака, насыщенные молнией.

И герой Дхриштадьюмна, сын Паршаты, тот губитель вражеских героев, увидев Дрону, подъехавшего так близко, о потомок Бхараты, бросил свой лук и взял меч и щит, намереваясь совершить трудновыполнимый подвиг. Переступив через дышло колесницы Дроны, он взошел на нее. То он стоял посредине ярма, то на связывающих его креплениях, то он бил по крупу коней. И тот его (подвиг) приветствовали войска.

И когда он с мечом (быстро) перебегал по спинам рыжих коней Дроны, последний не мог усмотреть удобного случая (чтобы поразить его). И все это казалось весьма удивительным! Как стремительно бывает падение в лесах ястреба, жаждущего добычи, таким точно казалось нападение Дхриштадьюмны, желавшего сокрушить Дрону.

Тогда Дрона сотнею стрел забросал усеянный сотнею лун щит сына Друпады и меч его – десятью стрелами. Могучий, он убил затем шестьюдесятью четырьмя стрелами его коней, и двумя стрелами с серповидным острием он срезал знамя и зонт своего противника и убил обоих его возниц, погонявших пристяжных коней. Потом, с большой стремительностью натянув тетиву вплоть до самого уха, он метнул необычайную стрелу, губительную для жизни, подобно тому как Громовержец (посылает во врага) громовую стрелу.

Но как раз ту стрелу рассек четырнадцатью стрелами Сатьяки и освободил Дхриштадьюмну, захваченного первейшим из наставников. Так, о достойнейший, вызволил тот бык из рода Шини царевича Панчалы, захваченного Дроной, львом среди людей, подобно животной твари, схваченной львом. Увидев Сатьяки, охраняющего царевича Панчалы в той свирепой битве, Дрона стремительно поразил его двадцатью шестью стрелами. Тогда и внук Шини пронзил в ответ Дрону посередине груди двадцатью шестью острыми стрелами, в то время как тот истреблял, словно пожирая, сринджаев. Затем все воины панчалов на колесницах, домогающиеся победы, когда Дрона был тесним героем из рода Сатвата, быстро вызволили Дхриштадьюмну (из битвы).

Так гласит глава семьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 73

Дхриштараштра сказал:
После того как та стрела (Дроны) была рассечена и Дхриштадьюмна был вызволен Юдханой, тем выдающимся героем из рода Врипши, о Санджая, что делал в отношении внука Шини в пылу битвы могучий лучник Дрона, лучший из всех носящих оружие, тот неистовый тигр среди людей?

Санджая сказал:
Избежав (поражения, Дрона), подобно могучему змею, чей гнев заменяет в нем яд, а натянутый лук – его разверстую пасть, чьи остро отточенные стрелы заменяют его зубы, а острые длинные стрелы – его ядовитые зубы, с глазами, медно-красными от гнева и ярости, и дышащий тяжело, ринулся на своих рыжих стремительно-быстрых конях, восхищенных тем героем среди мужей, проносящихся повсюду, будто взмывающих в небо, – ринулся против Юдханы, меча стрелы с золотым оперением.

Увидев то неотвратимое облако Дроны, чьи потоки стрел заменяют «ему ливни, а грохот колесницы – его раскаты, чей натянутый лук заменяет его исторгающую мощь, а длинные стрелы – многочисленные молнии; чьи дротики и мечи заменяют его громы, а гнев – сопутствующие ему порывы (ветра), – подгоняемое теми конями вместо (дующих) ветров и обрушивающееся на него, тот покоритель вражеских городов, герой из рода Шини, несокруши-

мый в битве, сказал, улыбаясь, своему вознице: «Быстро и веселее поезжай на конях с предельной скоростью навстречу этому свирепому брахману, отступившему от обязанностей своей касты, – опоре сына Дхритараштры, тому (герою), рассеивающему печаль и опасения царя (кауравов), наставнику всех царевичей, постоянно горделивому своим геройством!»

Тогда превосходнейшие кони серебристой масти, принадлежащие и отпрыску рода Мадху, наделенные скоростью ветра, быстро помчались навстречу Дроне. И оттого что (небосвод) был окутан сетью стрел, возник там сплошной страшный мрак, непреодолимый для других героев.

И между ливнями стрел как у Дроны, так и у отпрыска рода Сатвата, обоих тех львов среди людей, ловко владеющих оружием, не было видно промежутка. Шум, производимый от встречных ударов (мощных) потоков стрел при их столкновении, был слышен там, подобно раскатам громовых стрел, исторгаемых Шакрой.

Вид стрел, насквозь пронзенных длинными стрелами, казалось, был подобен зрелищу змей, искусанных ядовитыми змеями, о потомок Бхараты! Слышался непрестанно ужасающий звон тетивы их луков и хлопки их ладоней, словно это раздавался (оглушительный шум) с вершин гор, раскалываемых громом. Колесницы обоих (героев) тех, о царь, те кони их и возницы, покрытые стрелами с золотым оперением, приобрели тогда удивительно красивый вид. Ужасно свирепым был обрушивающийся ливень длинных стрел, блестящих и прямых, напоминающих ядовитых змей, высвободившихся из своей обветшалой кожи.

У обоих (героев) были срублены зонты, у обоих упали знамена. У обоих тела были забрызганы кровью, оба равно жаждали победы. С членами, истекающими кровью, они напоминали двух слонов, исходящих течкой. Оба они продолжали поражать друг друга стрелами, способными причинить конец жизни. Воинственные кличи, возгласы и другие крики (воинов), рев раковин и грохот барабанов прекратились, о великий царь, ибо никто не произносил ни звука.

Войска стали безмолвными, а воины все приостановились от битвы. Люди, исполненные изумления, наблюдали их поединок на колесницах. Воины, сражающиеся на колесницах, и погонщики слонов, всадники и пехотинцы, окружив тех двух быков среди воинов на колесницах, взирали на их (поединок) с неподвижными глазами. Отряды слонов стояли тихо, так же и отряды конницы и точно так же и отряды колесниц, – все стояли спокойно, выстроившись в боевые порядки.

С пестреющими жемчугом и кораллами и украшенными драгоценными каменьями и золотом стягами и разнообразными уборами, с золотыми панцирями; с победными знаменами, с цветными попонами слонов и тонкими шерстяными одеялами, со сверкающим остро отточенным оружием и с султанами из буйволовых хвостов на головах коней; со сделанными и золота и серебра гирляндами на лобной выпуклости слонов и кольцами, вокруг их бивней, о потомок Бхараты, (войска обеих сторон) выглядели тогда подобно скопищам облаков на исходе жаркой поры, с вереницами: журавлей и мириадами светляков (над ними) и украшенным радугой айраватой и вспышками молний. Как твои воины, так и Юдхиштхиры, находившиеся там, взирали на ту битву между Ююдханой и благородным Дроной.

Стоя на превосходнейших небесных колесницах, (взирали на нее)» и боги, предводительствуемые Брахмой и Шакрой, и сонмы еиддхов и ча-ранов, а также видьядхары и могучие змеи. От различных приемов, как выпадов вперед, так и отскоков назад, обоих тех львов среди людей и разнообразных их способов наносить (друг другу) удары оружием (все зрители)

пришли в изумление. И показывая ловкость своих рук во владении оружием, оба они, наделенные могучею силой, – Дрона и Сатьяки стали пронзать друг друга стрелами.

Тогда отпрыск рода Дашарха своими мощными стрелами рассек стрелы Дроны в том сражении и стремительно – также и лук его, о величавый! В одно лишь мгновение ока сын Бхарадваджи взял другой лук и натянул его. Но и тот его лук быстро рассек Сатьяки. Затем с большой поспешностью Дрона снова встал выжидательно с другим луком в руке. Однако всякий раз, как он натягивал свой лук, тот рассекал его острыми стрелами. Видя тогда сверхчеловеческий подвиг Юдханы в сражении, Дрона, о царь царей, так подумал в уме:

«Эта сила оружия, которую (я наблюдаю) в превосходнейшем из сатватов, существует у Рамы, Картавирьи и Дхананджайи, а также у Бхишмы, того тигра среди людей!» И ту отвагу его Дрона поэтому в мыслях одобрил. И видя ту ловкость, его рук, подобную (ловкости) Васавы, он, первейший из дваждырожденных и наилучший из знатоков оружия, остался весьма доволен. Также были, удовлетворены и боги во главе с Васавой. Боги и гандхарвы, о владыка, народов, никогда раньше не наблюдали той ловкости рук у быстродействующего Юдханы, хотя они и сонмы еиддхов и чаранов знали о подобном подвиге Дроны.

Тогда, взяв другой лукх тот сокрушитель кшатриев – Дрона, наилучший из знатоков оружия, стал сражаться, (целясь) другим оружием, о потомок Бхараты! Сатьяки, однако, отразив то оружие волшебной силой своего оружия, ударил в него острыми стрелами. И все это казалось весьма удивительным!

Увидев тот сверхчеловеческий его подвиг в сражении, несравнимый с другими и сопряженный с большим искусством (испод-нения), те из твоих воинов, кои были сведущи в подобном искусстве, одобрили его. Какое оружие метал Дрона, такое же самое метал и Сатьяки. Но все же наставник, тот усмиритель врагов, сражался не с таким рвением, как обычно.

Затем тот (герой), превзошедший военную науку, о великий царь, пылая гневом, вызвал небесное оружие для сокрушения Юдханы. Увидев то ужаснейшее оружие агнея, уничтожающее врагов, тот могучий лучник (Сатьяки) вызвал себе другое небесное оружие – варунаи*. При виде их обоих, держащих небесное оружие, раздались громкие горестные крики «Аи, ах!» Даже сами существа, пребывающие в небесном просторе, прекратили тогда странствовать по небу.

И тут оба те (дивных оружия) варуна и агнея, наведенные ими (при помощи мантр) на свои стрелы, придя в соприкосновение одно с другим, не дали (ожидаемых результатов). И тот же час солнце отклонилось к закату от своего пути. Тогда царь Юдхиштхира, Бхимасена, сын Панду, Накула и Сахадева кинулись защищать Сатьяки.

Также Вирата вместе с войсками во главе с Дхриштадьюмной и кекаями, также матсьи и войска шальвеевш быстро ринулись против Дроны. Но тут и царевичи тысячами, выдвинув впереди себя Духшасану, устремились к Дроне, (дабы защитить его), окруженного врагами. Тогда, о царь, произошла (свирепая) битва между ними и твоими лучниками. Вокруг вся земля была покрыта пылью и окутана сетью стрел. Все пришло в полное расстройство и ничего нельзя было больше различить. ш И действительно, когда войска так были окутаны пылью, (битва) лроисходила, переступая всякие границы дозволенного

Так гласит глава семьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 74

Санджая сказал:
Меж тем как солнце отклонилось от своего пути к закату, воины, покрываемые пылью, под действием лучей дневного светила стали тогда ослабевать. Некоторые из них стояли, другие сражались или снова возвращались (к сражению), а еще другие терпели поражение или побеждали сами, – так прошел медленно тот день. И в то время как те войска, сильно жаждущие победы, были заняты так, Арджуна и Васудева помчались тУда, где находился правитель Синдху. Сын Кунти при помощи острых стрел расчистил там путь (сквозь вражеский строй), достаточно широкий для проезда колесницы. По нему и проследовал Джанардана (правя колесницей).

И всюду, где проезжала колесница благородного Пандавы, – там всякий раз были прорываемы ряды твоих войск, о владыка народов И отпрыск рода Дашарха, исполненный могущества, обнаружил высокое искусство в управлении колесницей, показывая высшие, низшие и средние виды круговых движений. И стрелы Арджуны,146 обозначенные его именем, хорошо закаленные, подобные разрушительному огню при гибели мира, обвязанные вокруг тонкими ремешками, с прямыми членениями, толстые и далеко разящие, сделанные или из бамбука, или целиком из железа, очень длинные и различные видом, – пили в сражении том, вместе с (слетевшимися туда хищными) птицами, кровь живых существ.

Стоя на колеснице, Арджуна метал свои стрелы на расстоянии целой кроши, и те стрелы убивали его врагов, как раз когда колесница уже покрывала эту крошу. Хришикеша мчался на хорошо обученных конях, наделенных скоростью Таркшьи или ветра, столь быстро, что приводил-в изумление всю вселенную. И право, о владыка народов, ни колесница самого Солнца, ни Индры, ни Рудры и ни Вайшраваны никогда не мчатся так быстро. Ни у кого другого прежде, о царь, колесница не мчалась с такой быстротою в сражении, как колесница Арджуны, которая мчалась со скоростью желания, взлелеянного в мыслях.

Тогда Кешава, о царь, тог губитель вражеских героев, вторгнувшись в сражение, быстро погнал коней сквозь середину (вражеского) войска, о потомок Бхараты! Достигнув. середины скопления колесниц, те превосходнейшие кони с трудом везлк колесницу Арджуны,160 одолеваемые голодом, жаждою и усталостью. Израненные различным оружием многих героев, восторгающихся битвой, они все же описывали красивые круги, переезжая через убитых коней и людей, через разбитые колесницы и павших слонов, напоминающих собою тысячами (раскинувшиеся) холмы.

Тем временем, о царь, оба брата – героя Аванти (Винда и Анувинда) вместе со своими войсками двинулись на Пандаву, когда кони его утомились. Глубоко проникнувшиеся радостью, оба они пронзили Арджуну шестьюдесятью четырьмя стрелами и Джанардану – семьюдесятью, и сотнею стрел – коней (Арджуновой колесницы). Но тут Арджуна, о великий царь, воспылавший гневом, знающий жизненно важные места, поразил их обоих в сражении девятью прямыми стрелами, способными проникать в самые жизненно важные места. Тогда те оба (брата), кипящие яростью, покрыли Бибхатсу вместе с Кешавой сплошным потоком стрел и издали львиный клич.

Но Владелец белых коней двумя стрелами с серповидным: острием быстро рассек в том сражении красивые луки обоих и оба их знамени, сияющих как золото. Затем, о царь, взяв другие.луки в пылу сражения, оба они в сильной ярости принялись терзать Пандаву своими стрелами. Но, сильно разгневавшись, Дхананджая, сын Панду, снова двумя стрелами рассек быстро оба их лука. А другими стрелами с золотым оперением, отточенными на камне, он убил их коней вместе с пешими воинами и обоих их возниц, погонявших пристяжных коней.

Затем стрелой с подковообразным острием он отсек от туловища голову старшего брата. И тот, сраженный, повалился на землю, подобно дереву, сломанному ветром.

Тогда могучий Анувинда, преисполненный великой доблести, увидев Винду убитым, покинул свою колесницу с павшими конями и схватил булаву. И тот могучий из воинов, сражающихся на колесницах, лучший, из владеющих булавою, словно подплясывая с булавою (в руках), ринулся в сражение, чтобы отомстить за убийство своего (старшего) брата. И воспаленный гневом, Анувинда ударил Сокрушителя Мадху ш по лбу своею булавою. Но нанеся удар, он не смог пошатнуть его, точно это была гора Майнака. Тогда Арджуна шестью стрелами срезал ему шею, обе его ноги и руки и голову.

И тот, разрубленный на куски, рухнул, как: (распавшаяся на части) вершина горы. Видя их обоих убитыми, приверженцы их, о царь, охваченные яростью, бросились (на Арджуну), сея сотнями стрелы. Быстро убивая их своими стрелами, о потомок Бхараты, Арджуна выглядел блистательно, будто огонь, сжигающий лес на исходе зимы. Проходя их войска и пробиваясь с трудом, Дхананджая сиял ярке, как взошедшее солнце, прорывающее облака.

При виде его кауравы перепугались, но вскоре обрадовались снова и стали дождить тогда Партху со всех сторон (ливнями стрел), о бык из рода Бхараты! Заметив, что он утомлен, и зная, что правитель Синдху был еще далеко, они окружили его отовсюду, издавая громкие львиные рыки. Но видя их, сильно кипящих гневом, Арджуна, бык среди людей, обратившись с улыбкой к отпрыску рода Дашарха, сказал ему мягко такие слова: «Наши кони измучены стрелами и утомлены, а правитель Синдху все еще далеко. Что тебе кажется наилучшим из того, что следовало бы сделать вслед за этим теперь? Скажи мне, о Кришна, по правде, ибо ты всегда, самый мудрейший! Обладая тобою как своими глазами, пандавы тут победят своих врагов в сражении! Что, по-моему, должно быть сделано сейчас непосредственно, о том внимай же мне по сути. Распрягши коней, чтобы дать им покой, извлеки из них стрелы, о Мадхава!» На такие слова, сказанные Партхой, Кешава промолвил ему в ответ: «И мое такое же мнение, о Партха, какое высказано тобою!»

Арджуна сказал:
Я буду сдерживать все войска (кауравов), о Кешава! Ты же должным образом исполни то, что должно быть сделано вслед за этим.

Санджая сказал:
Сойдя с площадки колесницы, Дхананджая, взяв свой лук гандиву, бесстрашно встал там, как неподвижный утес. Заметив, что Дхананджая стоит на земле, и сочтя, что это самый удобный случай, кшатрии, жаждущие победы, ринулись на него с громкими криками. Его, стоящего одиноко, они окружили могучим потоком колесниц, натягивая свои луки и
меча стрелы. Разгневанные, они показывали там различные виды оружия, покрывая совсем Партху стрелами, подобно тому как тучи (скрывают) солнце.

И кшатрии, могучие воины на колесницах, обрушились в стремительном натиске на того быка среди кшатриев, на того льва среди воинов, сражающихся на колесницах, как возбужденные от течки слоны бросаются на льва. Сила рук Партхи, которая была там замечена, была очень велика, так как, распаленный гневом, он один сдерживал со всех сторон многочисленные войска. Могущественный, он, отражая отовсюду своим оружием оружие врагов, быстро окутал всех их своими бесчисленными стрелами.

Там в воздушном пространстве из-за столкновения густых потоков стрел, о владыка народов, возник огонь, разбрасывающий огромные искры. Там всюду из-за вражеских героев, бесчисленных, преисполненных гнева и ярости, могучих лучников, объединившихся для единой

цели и домогающихся победы в бою при помощи коней, забрызганных кровью и тяжело дышащих, а также одержимых течкой слонов, сокрушающих врагов и издающих громкие крики, (воздух) сделался чрезвычайно жарким.

Тот непреодолимый и неизмеримый океан колесниц, беспредельный и невозмутимый, где стрелы заменяют ему волны, а знамена – водовороты, где слоны служат ему крокодилами, а пехотинцы заменяют бесчисленных рыб, где рев раковин и грохот барабанов служат ему рокотом (волн), а раны и увечья заменяют ему грязь, (тот океан), покрытый тюрбанами (воинов) вместо черепах, окаймленный вместо пены стягами (и зонтами) и устланный телами (убитых) слонов вместо (подводных) камней, – Партха сдерживал своими стрелами, точно превратившись в берег морской.

Тогда, в пылу той битвы, могучерукий Джанардана, бесстрашно обратившись к своему милому другу, первейшему из людей, Арджуне, сказал ему такие слова: «Тут нет вовсе колодца на поле брани, чтобы напиться коням, о Арджуна! Они ведь жаждут воды для того, чтобы пить, но не для купания!» «Вот оно!» – говоря так безмятежно, Арджуна пронзил землю оружием и образовал прелестное озеро, из которого могли напиться кони. И Партха, способный совершать необычайные дела, подобно (зодчему богов) Тваштри, соорудил там чертог из стрел, где вместо балок и стропил были стрелы, где колоннами служили стрелы и крышу заменяли стрелы. И тогда Говинда, весело смеясь, сказал: «Превосходно, превосходно!» – при виде, как Партхой был сооружен тот чертог из стрел на великом поле битвы.

Так гласит глава семьдесят четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 75

Санджая сказал:
После того как благородным сыном Кунти была сотворена та вода, после того как он стал сдерживать вражеское войско и соорудил чертог из стрел, Васудева, великий в блеске своем, сойдя быстро с колесницы, распряг коней, пронзенных и израненных стрелами с оперением цапли. При виде того зрелища, невиданного ранее, громкие львиные клики раздались там, (исторгаемые) сонмами сиддхов и чаранов и всеми воинами. Но даже сражавшемуся пешим сыну Кунти не в состоянии были противостоять те быки среди людей (сплотившиеся вместе). И все это казалось весьма удивительным! Хотя потоки колесниц и несметное множество слонов и коней обрушивались на него, Партха, однако, не чувствовал страха, а (продолжал сражаться), превосходя всех тех мужей.

Все (вражеские) цари выпускали ливни стрел против Пандавы, но справедливый душою сын Васавы, тот губитель вражеских героев, не испытывал совсем тревоги. Те тучи стрел, булавы и копья, настигавшие его, доблестный Партха уничтожал (словно поглощая их), подобно тому как океан поглощает (сотни) рек (впадающих в него). Стремительной мощью своего оружия и силою своих рук Партха уничтожал (как бы поглощая) те превосходнейшие из стрел, (метаемые) всеми выдающимися из царей.

И ту весьма необычайную отвагу обоих – Партхи и Васудевы, о великий царь, одобрили кауравы (воскликнув): «Что более удивительного случалось когда-либо в этом мире или еще может случиться, чем то, что Иартха и Говинда распрягли коней в пылу сражения? Проявив свою свирепую мощь и большую самоуверенность на головном участке боя, те оба (героя), превосходнейшие из мужей, вселили в нас великую тревогу!»

Тогда Хришикеша с глазами голубого лотоса, улыбаясь непринужденно, о потомок Бхараты, словно он находился среди женщин, (а не вооруженных врагов), после того как Арджуной

был сооружен на поле брани чертог из стрел, дал покататься по земле коням на глазах всех твоих войск, о владыка народов! И искушенный в уходе за лошадьми, Кришна затем удалил с них всю усталость и слабость, дрожь и пену и (залечил) раны. Извлекши потом из них стрелы и погладив тех коней руками, он прогулял их должным образом и дал им напиться воды.

И когда они напились воды и искупались, подкрепились кормом и освободились от усталости, он радостно снова запряг их в превосходнейшую из колесниц.
Затем Шаури, одаренный великой мощью, лучший из всех носящих: оружие, взойдя вместе с Арджуной на ту превосходнейшую из колесниц, помчался с большой быстротою. Увидев на поле брани колесницу лучшего из воинов, сражающихся на колеснице, вновь запряженную теми конями, утолившими свою жажду, выдающиеся (ратники) среди войска кауравов опять впали в уныние. И стали они тяжело дышать, о царь, подобно змеям, у коих зубы вырваны.

И говорили они, каждый отдельно: «О позор, позор нам! Партха и Кришна на главах у всех кшатриев умчались на одной-единственной колеснице, облаченные в доспехи, ставя ни во что наши войска, словно (вместо колесницы) это для них игрушка, с которой обращаются дети. И право, те оба усмирителя врагов промчались на виду у всех Царей, проявляя свою доблесть и не будучи сдерживаемы кричащими и прилагающими старания нашими (воинами)!» Видя, как промчались те оба (героя), другие воины говорили тогда: «Поспешайте, о кауравы, для сокрушения Кришны и Носящего диадему! Ведь запрягши колесницу на глазах у всех лучников, сей отпрыск рода Дашарха мчится прямо к Джаядратхе, ставя нас ни во что в сражении!»

Там, о царь, некоторые хранители земли говорили друг другу при виде того весьма необычайного происшествия в сражении, никогда невиданного прежде: «Увы, по вине Дурьйодханы, все (эти) войска и царь Дхритараштра, кшатрии и Земля вся, впав в великое бедствие, уже пришли к своей гибели! А царь (Дурьйодхана) не понимает этого!» Так говорили многие кшатрии. Другие же, о потомок Бхараты, заявляли: «Правитель Синдху уже отправился в обиталище Ямы! С обманчивым зрением, несведущий в применении средств, пусть сын Дхритараштры теперь делает то, что должно делать (царю)!»

Тем временем Пандава, когда солнце склонилось к закату, мчался еще быстрее к правителю Синдху на своих повеселевших конях, напившихся воды. И того могучего героя, лучшего из всех носящих оружие, не могли остановить воины (кауравов), когда он следовал подобно самому Разрушителю, пылающему гневом. Обращая в бегство воинов, (попадавшихся перед ним), Пандава, усмиритель врагов, приводил тогда в волнение то войско ради встречи с Джаядратхой, подобно тому как лев (приводит в трепет) стада антилоп.

Проникая в ряды (вражеского) войска, отпрыск рода Дашарха погнал коней, мастью подобных цвету журавлей, с большой быстротою и затрубил в свою раковину панчаджанью. Стрелы, посылаемые вперед сыном Кунти, падали позади него, ибо с еще более превосходящей скоростью, чем скорость (полета стрелы), уносились те кони, наделенные быстротою ветра. При виде колесницы, издающей грохот подобно раскатам облаков, снабженной страшным древком знамени с обезьяной на нем и осененной самим знаменем с краями, полыхающими от ветра, воины, сражавшиеся на колесницах, впали в уныние.

И когда солнце было со всех сторон густо окутано пылью (поднимаемой ратниками), воины (кауравов), мучимые стрелами, не были в состоянии даже взглянуть в том сражении на обоих Кришн. Тогда многие цари, охваченные яростью, и многие другие кшатрии окружили Дхананджаю, жаждавшего убить Джаядратху. И когда тот бык среди мужей (Арджуна) остано-

вился (на минутку), пока извлекались стрелы, Дурьйодхана поспешно двинулся на Партху в том великом срат жении.

Так гласит глава семьдесят пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 76

Санджая сказал:
Увидев обоих – Васудеву и Дхананджаю, прорвавшихся сквозь (их боевой строй), главари отрядов твоих войск разбежались было в страхе. Вскоре же, однако, все они, благородные, обуреваемые гневом и преисполненные стыда, понуждаемые своей мощью, обрели стойкость и твердость и выступили против Дхананджайи. Но те, которые, воспалившись от гнева и мщения, устремились на Пандаву в пылу битвы, те не возвратились и доныне, как никогда не возвращаются реки из океана. (Видя это), низменные (из кшатриев) отвратились от битвы, как неверующие – от вед. И обрекая себя на (ниспровержение) в ад, они отдались во власть греха. Проскочив сквозь строй колесниц, двое тех быков среди людей наконец вызволились оттуда и выглядели подобно двум светилам, освободившимся из пасти (демона) Раху.

Какими (кажутся) две рыбы, которые избавились от беды, прорвав крепкую сеть, так же точно выглядели оба Кришны, (когда они избавились от опасности), прорвав ту густую сеть войска. Вызволившись из непроницаемого боевого строя Дроны, путь через который был прегражден (мощным потоком) оружия, оба великих духом (героя) выглядели как два солнца в конце юги, взошедшие (на небосклоне).

Проникнув сквозь те преграды, воздвигаемые (ливнем) оружия, и избавившись от опасности, нависшей от того оружия, оба благородные, они, сами создавая преграду для врагов (густыми тучами стрел), казались подобными (двум существам), избавившимся от соприкосновения с пылающим огнем, или двум рыбам, вызволившимся из пасти макары. И они оба взволновали войско (кауравов), подобно тому как двое макар волнуют
океан.

Твои воины и сыновья твои, когда те два (героя) находились еще среди отрядов Дроны, пришли к такому мнению, что оба они никогда не смогу» прорваться через строй Дроны. Видя же их, величавых в блеске, пробившихся сквозь строй Дроны, они больше уже, о великий царь, не надеялись на жизнь Джаядратхи! До этого же у твоих сыновей, о царь, была твердая уверенность, что оба Кришны никогда не смогут вызволиться от Дроны и сына Хридики, о владыка!

Сделав бесплодными те их надежды, оба усмирителя врагов, о великий царь, проскочили через войско Дровы и труднопроходимый строй бходжей. Поэтому, видя их прорвавшимися (сквозь вражеский строй) и казавшимися подобно двум сверкающим огням, (воины твои) впали в отчаяние и не надеялись уже больше на жизнь-царя Синдху.

А те оба бесстрашных героя – Кришна и Дхананджая, увеличивающие страх (своих врагов), беседовали между собою, (высказывая) те или другие суждения по поводу убиения Джаядратхи.

«Сей (Джаядратха) помещен среди них же самих шестью могучими воинами на колесницах из лагеря сынов Дхритараштры. Однако попав в поле нашего зрения, правитель Синдху не избавится от нас. Если даже сам Шакра вместе с сонмами богов станет его защитником в сражении, все же и тогда мы убьем его!» – так говорили оба Кришны. Так именно беседова-

ли тогда между собою оба Кришны могучерукие, высматривая царя Синдху. И все то слышали сыновья твои.

Те оба усмирителя врагов напоминали тогда двух мчавшихся томимых жаждою слонов, которые потом успокоились, напившись воды, после того как пересекли пустыню. Будучи вне пределов смерти и старости, они выглядели точно два могучеруких (героя), пересекших горные области, кишащие тиграми, львами и слонами. И в самом деле, при виде их обоих, освободившихся (от Дроны и Критавармана), твои воины считали, что это выражение их лица представляется таким. И они завопили громко со всех сторон. Вызволившиеся от Дроны, видом подобного ядовитой змее или сверкающему огню, а равно и от других царей земных, оба они (Партха и Кришна) выглядели как два сверкающих солнца.

И действительно, вызволившись из войска Дроны, напоминающего сам океан, те двое усмирителя врагов, казалось, были преисполнены радости, как двое людей, (благополучно) переправившихся через обширное море. Избавившиеся от мощного потока оружия, от (тех боевых отрядов), охраняемых Дроной и сыном Хридики, оба они, казалось, блистали, подобно Индре и Агни в сражении. Унизанные острыми стрелами сына Бхарадваджи и истекающие кровью, оба Кришны выглядели блистательно, будто два утеса, покрытые (цветущими) деревьями карникара.

Вызволившись из того обширного озера, где крокодила заменял Дрона, а ядовитыми змеями служили дротики, где страшных Макаров заменяли железные стрелы, а глубокие воды – первейшие из кшатриев, высвободившись из того облака, состоящего из оружия Дроны, облака, откуда вместо раскатов грома раздавались звон тетивы и хлопки ладоней и где вспышками молний служили булавы и мечи, – оба они (Партха и Кришна) напоминали собою солнце и месяц, освободившиеся от тьмы.

«Вплавь оба они переправились через (пять) рек и океан, вместо шестой (в их числе), куда они все впадают, переполненных (водою) при наступлении поры дождей и кишащих крокодилами!» – так думали об обоих Кришнах, могучих лучниках, овеянных славой в мире, все существа в изумлении от мощи оружия Дроны. Бросая взгляды на Джаядратху, находящегося вблизи, из желания убить его, они стояли подобно двумя тиграм, выжидающим у водопоя, чтобы напасть на антилопу из породы Руру.

Таким, было точно выражение их лица, что твои воины, о великий царь, сочли Джаядратху уже убитым. С красными глазами, могучерукие и готовые к (бою), Кришна и Пандава при виде царя Синдху возрадовались и многократно издали клич. И блеск их обоих – Шаури с поводьями в руках и. Партхи, вооруженного луком, был подобен солнцу или огню. И радость, их обоих, вызволившихся из войска Дроны, когда они увидели вблизи правителя Синдху, была подобна восторгу двух ястребов при виде мяса.

Видя правителя Синдху, находящегося совсем близко, оба те (героя), воспаленные гневом, стремительно ринулись на него, подобно тому как пара ястребов стремглав кидается на кусок мяса.

Но заметив их – Хришикешу и Дхананджаю, прорвавшихся сквозь (боевой строй Дроны), твой отважный сын, царь Дурьйодхана в панцире, завязанном на нем Дроной, хорошо сведущий в уходе за конями и управлении ими, устремился тогда на одной-единственной колеснице в битву для защиты царя Синдху, о владыка!

И перегнав тех могучих лучников Кришну и Партху, твой сын затем повернул назад став перед лицом Лотосоглазого, о повелитель людей! И когда сын твой перегнал так Дхананджаю,

среди всех войск: (твоих) радостно заиграли тогда музыкальные инструменты. Львиные рыки и кличи, смешанные с ревом раковин и грохотом барабанов, раздались там при виде Дурьйодханы, стоящего перед лицом обоих Кришн.

И те, которые стояли как защитники царя Синдху, уподобляясь сверкающим огням, те тоже преисполнились радости, увидев твоего сына в сражении» о владыка! При виде Дурьйодханы, обогнавшего их, вместе с его последователями, Кришна, о царь, сказал Арджуне такие слова, подходящие к случаю.

Так гласит глава семьдесят шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 77

Васудева сказал:
Посмотри, о Дхананджая, на этого Суйодхану, он перегнал нас! Я полагаю, что это чревато неудачей (для нас), ибо нет равного ему воина, сражающегося на колеснице! Он – могучий лучник, и стрелы его настигают далеко. Искусный во владении оружием, он трудноодолим в битве. Могучий сын Дхритараштры разит крепко и умеет сражаться различными способами. Воспитанный в исключительной роскоши, он высоко чтится даже могучими воинами на колесницах. Ловкий, он всегда преуспевает в Своей цели, о Партха, и ненавидит пандавов! Я считаю битву с ним сейчас как раз подходящей по времени для тебя, о безупречный! Здесь для вас теперь совсем приблизилась битва, как игра в кости, за победу иль за противное.

Здесь, о Партха, исторгни яд своего гнева, столь долго накоплявшегося! Сей могучий воин, сражающийся на колеснице, есть корень всех бедствий пандавов! Он находится теперь на расстоянии полета твоих (стрел). Следи за своим успехом! Как же, однако, царь (Дурьйодхана), жаждущий царства, мог решиться вступить в сражение с тобою?

Благодаря счастливой судьбе теперь он оказался в пределах досягаемости твоих стрел. Действуй так, о Дхананджая, чтобы он мог расстаться с самой жизнью. Ослепленный гордыней из-за богатства, сей (муж) никогда еще не испытывал горя! И он не знает также твоей доблести в сражении, о бык среди мужей! Ведь в самом деле, три мира вместе с богами, асурами и существами человеческими не осмелятся, о Партха, победить тебя в сражении! А что уж говорить об одном-единственном Суйодхане!

Это благодаря счастливой судьбе, о Партха, он оказался вблизи твоей колесницы! Убей же его, о могучерукий, как Пурандара (убил) Вритру, ведь сей (Дурьйодхана) постоянно прилагал усилия, чтобы причинить тебе зло, о безупречный! Путем обмана он нечестно обыграл царя Справедливости в игре в кости. Хотя все вы и свободны от грехов, о милости вый, им с душою греховной всегда совершалось против вас множество жесточайших поступков. Приняв благородное решение ринуться в битву, убей без колебания, о Партха, этого злостного и низкого человека, всегда действующего по своей прихоти! Памятуя в душе о лишении царства путем обмана, об изгнании вашем на жительство в леса и о страданиях Кришны (Драупади), прояви свою доблесть, о Пандава!

Благодаря счастливой судьбе сей (недруг) находится в пределах досягаемости твоих стрел. Благодаря счастливой судьбе он, стоя пред тобою, пытается противодействовать твоей цели! Благодаря ведь счастливой судьбе он знает, что ему должно будет сразиться с тобою в битве.

И благодаря ведь счастливой судьбе все твои цели желанные, о Партха, увенчаются успехом! Поэтому, о Партха, убей в сражении этого сына Дхритараштры, низменного в своем роду, как был некогда убит Индрой (асура) Джамбха в битве между богами и асурами! Если он бу-

дет убит тобою, тогда может быть прорван строй этого войска, лишенного своего повелителя. Подруби самый корень этих зловредных нечестивцев! Пусть обряд авабхритха этой вражды будет (сегодня) завершен!

Санджая сказал:
«Хорошо, –промолвил ему в ответ Партха. –Это именно то, что надлежит мне сделать! Не обращая внимания на все другое, поезжай туда, где Суйодхана! Проявив свою доблесть в бою, я отсеку голову в этом сражении даже ему, который столь долгое время наслаждался нашим царством, свободным от терниев! Надеюсь, смогу я отомстить, о Мадхава; за оскорбление Кришны (Драупади), состоящее в том, что волокли ее за косу, когда она вовсе не заслуживала такого унижения!»

Так беседуя друг с другом, оба Кришны, преисполненные радости, погнали превосходнейших белых коней своих, жаждя (встретиться) в сражении с тем повелителем людей. Что же до твоего сына, о бык из рода Бхараты, то, оказавшись поблизости от них обоих, он совсем не выказал страха, хотя великая опасность уже нависла (над ним), о достойнейший! И все кшатрии там из его лагеря горячо одобрили его за то, что он без колебаний выступил, чтобы встретиться лицом к лицу с Арджуной и Хришикешей. И в самом деле, тогда при виде царя в сражении громкий шум поднялся там, о владыка народов, среди всего войска твоего.

Меж тем как те громкие и страшные вскрики людей раздавались там, твой сын, обратив ни во что (усилия) противника своего, сдержал его (натиск). И сдерживаемый твоим сыном, вооруженным луком, сын Кунти пришел в ярость, а тот усмиритель врагов тоже сильно разгневался на него. Видя обоих – Дурьйодхану и Дхананджаю, разъяренных друг на друга, кшатрии, свирепые видом, взирали на них со всех сторон.

И видя Партху и Васудеву разгневанными, о достойнейший, твой сын, жаждущий битвы, вызвал их, слегка улыбаясь при этом. Тогда отпрыск: рода Дашарха преисполнился радости, также и Дхананджая, сын Панду. Оба они издали громкий клич и затрубили в свои превосходнейшие раковины. При виде их, радостных видом, кауравы все потеряли уже надежду на жизнь твоего сына. И в самом деле, все те кауравы впали в глубокую-печаль и считали уже сына твоего жертвенным возлиянием, пролитым в зев (священного) огня.

Видя Кришну и Пандаву, столь радостных, воины твои громко воскликнули, мучимые страхом: «Царь убит! Царь убит!» Но услышав те громкие возгласы людей, Дурьйодхана промолвил: «Да рассеется ваш страх! Я отправлю обоих Кришн в объятия Смерти!» Сказав так всем воинам своим, тот повелитель людей, надеющийся на победу, в гневе обратился к Партхе и промолвил такие слова: «О Партха, если ты рожден Панду, то без промедления покажи на мне все оружие, небесное и земное, какое изучено тобою! Прояви быстро на мне всю силу и доблесть, что есть у тебя, а равно и у Кешавы. Мы хотим увидеть мужественность твою! Говорят о многих твоих подвигах, совершенных тобою вне нашего поля зрения. Покажи здесь те (подвиги), которые (вызвали одобрение у многих как) сопряженные с великим героизмом!»

Так гласит глава семьдесят седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 78

Санджая сказал:
Сказав так, царь (Дурьйодхана) пронзил Арджуну тремя стрелами, наделенными большой стремительностью и способными проникать в жизненно важные места, а четырьмя другими он (поразил) четырех его коней.

И он пронзил Васудеву посредине груди десятью стрелами и, срезав стрелой с серповидным острием кнут в его (руках), он сбросил его на землю.

Тогда Партха невозмутимо и стремительно поразил его четырнадцатью стрелами, остро отточенными на камне и с красивым оперением. Но все они были отражены его панцирем. Видя их бесполезность, Партха снова послал в него еще девять и пять стрел, хорошо заостренных. Однако и те также были отражены его панцирем. И видя, что те двадцать восемь выпущенных стрел оказались бесполезными, Кришна, губитель вражеских героев, сказал такие слова: «Я вижу невиданное ранее, будто передвижение гор! Посланные тобою стрелы, о Партха, оказываются бесполезными! Уж такова ли (как прежде) мощь лука гандивы, о бык из рода Бхараты! И такова ли хватка твоя и сила рук твоих, какими были прежде? И время это, предоставленное судьбой, уж не будет ли последним как для тебя, так и для врага твоего? Скажи мне о том, я спрашиваю тебя! Велико изумление мое, о Партха, при виде этих твоих стрел, падающих в сражении на колесницу Дурьйодханы без всякого результата! Увы, какое несчастье сегодня, о Партха что твои страшные стрелы, равносильные громовым ударам и всегда пронзающие тела врагов, не оказывают никакого действия!»

Арджуна сказал:
Я думаю, о Кришна, что этот (панцирь) надет на сына Дхритараштры Дроной! Крепления этого панциря по краям (соединений) составлены из мантр. В этом панцире, о Кришна, заключена мощь трех миров. Один только Дрона знает это, а от него, наилучшего из мужей, я тоже узнал о том. Этот панцирь невозможно никаким образом пронзить стрелами. Даже сам Магхаван, о Говинда, не в состоянии пронзить его в битве громовою стрелой! Зная и сам обо всем этом, о Кришна, зачем же ты пытаешься ввести меня в смущение? То, что происходит в трех мирах, то; о Кешава, что существует теперь и что еще предстоит в будущем, – то все ведомо тебе! И право же, никто этого не знает так, как знаешь ты, о Сокрушитель Мадху!

Сей Дурьйодхана, о Кришна, закованный Дроной в эти доспехи, стоит бесстрашно в сражении, нося этот панцирь. Однако же то, что в этом случае должно делать (носящему его), то он не знает, о Мадхава! Он только носит, как женщина, надетый на него панцирь. Посмотри на силу рук моих и на мощь лука моего, о Джанардана! Я одержу победу над царевичем кауравов, хотя он и защищен таким панцирем! Этот сверкающий панцирь владыка богов дал Ангирасу. И снова повелитель богов дал затем панцирь мне вместе с тайными заклинаниями (произносимыми при ношении его). Если бы даже этот панцирь у него был божественным или был бы создан самим Брахмой, все равно он не защитит сегодня неразумного (Дурьйодхану), пораженного моими стрелами!

Санджая сказал:
Сказав так, Арджуна освятил мантрами несколько стрел и начал натягивать их, возложив на середину лука. И когда он так натягивал стрелы (при помощи тетивы), сын Дроны рассекал их оружием, способным сокрушать всякое оружие. Видя те стрелы свои, так рассекаемые издали изрекающим брахму (Ашваттхаманом), Шветавахана, преисполненный изумления, промолвил Кешаве: «Мне нельзя применить дважды это оружие, Дхананджая, ибо в таком случае оно убьет меня самого. Но посмотри! Сегодня на силу мою!»

Тем временем Дурьйодхана пронзил в том сражении обоих Кришн, о царь, каждого девятью прямыми стрелами, напоминающими ядовитых змей. И еще раз в пылу сражения он окатил дождем стрел Кешаву и Пандаву. И при виде могучего ливня его стрел воины вой возрадовались тогда. Они заставили звучать музыкальные инструменты и издали львиные рыки и клички. Воспаленный гневом в той битве, Партха тогда облизывал уголки рта.

И (бросая взгляд) на тело врага своего, не увидел ни одного места, которое не было бы хорошо защищено (непроницаемым) панцирем. И тогда остро отточенными стрелами, ловко выпущенными (из лука) и подобными самой Смерти, он иссек его коней обоих возниц, погонявших пристяжных коней. И доблестный, он рассек чудесный его лук и кожаный предохранитель, надетый на пальцы. Затем: Савьясачин стал разбивать на части колесницу врага. И потом, двумя острыми стрелами лишив Дурьйодхану колесницы, Арджуна пронзил обе ладони его рук.

Видя его, мучимого стрелами Дхананджайи и попавшего в тяжкую беду, превосходнейшие лучники ринулись туда, желая выручить его со многими тысячами колесниц, хорошо снаряженными слонами и конями и с полчищами пеших воинов, воспаленных гневом, они окружили Дхананджаю. Покрытые густым ливнем оружия и окруженные потоками; людей, ни Арджуна и Говинда и ни их колесница не были больше видны.

Тогда Арджуна мощью своего оружия начал уничтожать то войско. И лишенные членов своего тела, воины, сражающиеся на колесницах, и слоны падали там сотнями. Убитые или убиваемые, они не могли перехватить превосходнейшую из колесниц. И в самом деле, колесница та стояла неподвижно на расстоянии кроши (от осаждающего войска) со всех сторон. Тогда герой из рода Вришни без промедления сказал Арджуне такие слова: «Быстро натяни лук с предельной силой, ибо я затрублю в свою раковину». И тут Арджуна, натягивая сильно лук гандиву, стал уничтожать врагов, (извергая) могучий ливень стрел и (производя) громкий шум хлопками о ладони рук (при натягивании тетивы). А Кешава сильно и громко трубил в раковину панчаджанью, и при этом кончики его ресниц были, покрыты пылью, а лицо его исходило обильным потом. И от рева той раковины и от звона лука (гандивы) воины (кауравов), слабые и сильные, все попадали тогда на землю.

Освободившаяся от них, колесница выглядела блистательно, подобно облаку, гонимому ветром. (При таком зрелище) защитники Джаядратхи вместе со своими последователями сильно обеспокоились. И действительно, увидев внезапно Партху, те защитники правителя Синдху принялись издавать самые разнообразные крики, сотрясая (своим шумом) землю. Свист, производимый их стрелами, смешивался со страшным шумом и громким ревом раковин. А благородные воины те издавали львиные рыки и кличи.
Услышав тот страшный шум, поднятый твоими войсками, Васудева и Дхананджая затрубили тогда в свои раковины. Громким их ревом, казалось, наполнилась вся Земля вместе с ее горами, морями и островами и преисподней, о владыка народов! В самом деле, тот рев, о лучший из рода Бхараты, заполнив все десять стран света, отозвался там же в войске кауравов и пандавов. Твои воины, сражающиеся на колесницах, увидев там Кришну и Дхананджаю, впали в сильное смятение. Но вскоре те могучие воины в колесницах проявили себя (с новою силой). И видя обоих Кришн, великих участью своей, облаченных в доспехи, воины твои, воспаленные гневом, ринулись тогда против них. И (зрелище) то казалось весьма удивительным!

Так гласит глава семьдесят восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 79

Санджая сказал:
Как только воины твои увидели впереди обоих (героев), первейших из родов Вришни–Андхака и Куру, они поспешно устремились на них, жаждя убить их. Также и Виджая ринулся против тех врагов своих. На огромных своих колесницах, расцвеченных золотом и устланных тигровыми шкурами, издающих звонкий грохот и подобных сверкающим огням, (двинулись они), озаряя все десять стран света, о владыка земли, с луками, покрытыми золо-

том с тыльной стороны и недоступными для взора (из-за блеска их), тогда как сами они поднимали невероятные крики и были раздражены, как змеи.

Бхуришравас, Шала и Карна, Вришасена, Джаядратха и Крипа, царь мадров и сын Дроны, наилучший из воинов на колесницах, будто выпивая небесное пространство (при стремительном движении), озаряли десять стран света своими конями, покрытыми тигровыми шкурами и украшенными золотыми лунными серпами. Облаченные в доспехи и воспаленные яростью, они со своих колесниц, чей грохот подобен грому скоплений облаков, окутали Партху со всех сторон (тучами) острых стрел. Происходящие из страны кулутов, красивые, быстрые кони, мчащие тех могучих воинов на колесницах, выглядели блистательно, озаряя десять стран света.

На своих превосходнейших конях благородных кровей, отличающихся большой быстротою и происходящих из различных стран – одни вскормленные в горных областях, другие в долинах рек, а иные в стране Синдху, – лучшие из воинов среди кауравов, желая, о царь, вызволить твоего сына, стремительно ринулись со всех сторон к колеснице Дхаванджайи.

И воины те, превосходнейшие из мужей, взяв свои огромные раковины, затрубили в них, наполняя, о царь, небо и землю вместе с морями (их ревом). Также затрубили в наилучшие свои раковины на земле Васудева и Дхананджая, высочайшие из всех существ. Сын Кунти затрубил в девадатту, а Кешава – в панчаджаныо. И громкий рев девадатты, исторгаемый Дхананджаей, наполнил землю, воздушное пространство и все страны света. Также и панчаджанья, в которую трубил Васудева, заглушая все звуки, наполнила небо и землю.

И в то время как продолжался тот страшный и непрерывный рев, вызывая страх у робких и увеличивая радость у храбрых, и в то время как ударяли в различные барабаны – большие и малые и заставляли звучать во множестве литавры и цимбалы, о царь царей, превосходнейшие лучники, прославленные как махаратхи, желающие блага Дурьйодхане, преисполненные гнева и не переносящие зычного рева тех (раковин), – те хранители земли из различных стран, поддерживаемые своими войсками, те доблестные могучие воины на колесницах неистово затрубили в свои огромные раковины, намереваясь ответить на рев, производимый Кешавой и Арджуной. И то войско твое, понуждаемое (двигаться вперед) их ревом, было встревожено и перепугано вместе со своими воинами на колесницах, слонами и конями.

И казалось, будто (все они, составляющие) то войско, были нездоровы, о владыка! И то войско, оглашаемое ревом раковин, в которые трубили герои, было сильно взволновано, подобно небосводу, оглашаемому раскатами грома. И тот страшно громкий шум, о царь, наполнил все стороны света и привел в ужас (твое) войско, подобно тому как в конце юги вместе скопившиеся (явления устрашают все существа).

Тогда Дурьйодхана и те восьмеро царей, могучих воинов на колесницах, назначенные для защиты Джаядратхи, все окружили Пандаву. И сык Дроны ударил в Васудеву семьюдесятью тремя стрелами и в самого Арджуну тремя стрелами с серповидным острием, а в его знамя и (четырех) его коней – пятью другими. Видя, что Джанардана пронзен, Арджуна сильно разгневанный, ударил в Ашваттхамана шестью сотнями стрел-

Пронзив затем Карну двенадцатью стрелами и Вришасену – тремя, отважный (Дхананджая) рассек лук Шальи вместе со стрелой, возложенной на нем, у самой рукояти. Но Шалья, взяв другой лук, пронзил в ответ Пандав. И Бхуришравас (пронзил его) тремя стрелами с золотым оперением и остро отточенными на камне. Карна же тридцатью двумя стрелами, а Вришасена – пятью. И Джаядратха пронзил его семьюдесятью тремя, а Карна – десятью стрелами. И царь мадров тоже пронзил Пхальгуну в том сражении десятью стрелами. Затем сын Дроны

осыпал Партху шестью стрелами. Васудеву же он осыпал семьюдесятью и снова Партху – пятью стрелами.

Но тут, засмеявшись, Владелец белых коней, тот тигр среди людей имеющий своим возницею Кришну, пронзил в ответ их всех, показывая легкость своих рук. Пронзив Карну двенадцатью стрелами и Вришасену – тремя, Партха в пылу сражения рассек лук Шальи у самой рукояти. И пронзив сына Сомадатты тремя стрелами, а Шалью – десятью, он поразил сына Дроны восемью, острыми стрелами, подобными видом огненному пламени. Пронзив затем сына Гаутамы двадцатью пятью стрелами и правителя Синдху – сотнею, Партха снова ударил в сына Дроны семьюдесятью стрелами. Но тут Бхуришравас, воспаленный гневом, разрезал кнут (в руке) у Хари и поразил Арджуну семьюдесятью тремя стрелами. Тогда Владелец белых коней, преисполненный ярости, быстро рассеял тех врагов своих сотнями острых стрел, подобно тому как могучий ветер (разгоняет) тучи.

Так гласит глава семьдесят девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 80

Дхритараштра сказал:
О разнообразных знаменах, блистающих высочайшей красотою, как (виденных) у партхов, так и у моих воинов (в той битве), – о них расскажи, о Санджая!

Санджая сказал:
Слушай меня о разного вида знаменах тех благородных воинов. Внимай же мне, как я буду описывать их соответственно их формам и названиям. В самом деле, о царь царей, на колесницах главнейших воинов, сражающихся на них, виднелись разного вида знамена, сиявшие подобно сверкающим огням! Сделанные из золота, или окаймленные золотом, или украшенные золотыми венками, словно золотые вершины великой Золотой горы, те их знамена были обрамлены со всех сторон стягами.

И обрамленные вокруг стягами различных цветов и оттенков, они сияли величаво. И те стяги, движимые ветром, казалось, напоминали там игривых красавиц, пляшущих посреди сцены. Наделенные блеском, равным цвету радуги, флаги воинов, сражающихся на колесницах, о бык из рода Бхараты, развеваясь (по ветру), сильно украшали огромные их колесницы.

Мы видели там знамя с изображением обезьяны со свирепым лицом и львиным хвостом, принадлежащее Дхананджае, внушавшее ужас в том сражении. И то знамя Обладателя лука гандивы, о царь, с (изображением) наилучшей из обезьян, украшенное стягами, приводило в трепет войско (кауравов). Также мы видели украшенную львиным хвостом верхушку знамени сына Дроны, о потомок Бхараты, сиянием равную восходящему солнцу. Украшенное золотом, колеблемое ветром и блеском равное знамени Шакры, изображение на знамени сына Дроны высилось там, радуя выдающихся из воинов кауравов.

На знамени же сына Адхиратхи было изображение подпруги слона, сделанное из золота. Казалось, о великий царь, что в сражении оно заполняло весь небосвод. Обрамленное стягами и украшенное золотыми венками, знамя Карны в сражении, движимое ветром, казалось, будто плясало на его колеснице. А у наставника пандавов, прославленного брахмана Крипы, сына Гаутамы, (изображением на знамени) служил великолепный бык, хорошо украшенный.

И та огромная колесница, о царь, благодаря великолепному изображению быка, сверкала величаво, подобно тому как блистала колесница Сокрушителя Трипуры благодаря изображению быка (на ее знамени). У Вришасены изображением (на знамени) был павлин, сделанный

из золота и украшенный драгоценными Камнями и жемчугом. Он стоял (на его знамени), будто собираясь кричать и всегда радуя передовой отряд войска. И благодаря тому павлину колесница благородного Вришасены сияла, о царь, как если бы это был сверкающий павлин самого Сканды.

У Шальи, царя на дров, мы видели на вершине его знамени несравненный и красивый лемех, сделанный из золота и напоминающий пламя огня. И тот лемех сверкал на колеснице его, о достойнейший, как сама богиня – покровительница земледелия,200 наделенная красотою и производящая всякое семя. Изображение серебряного вепря красиво сверкало на верхушке знамени царя страны Синдху. Украшенное золотой сеткой, оно имело блеск бледного солнца.

И благодаря тому серебряному изображению на своем знамени Джаядратха выглядел блистательно, как некогда Пушан в битве между богами и асурами. У сына же Сомадатты, преданного жертвоприношениям и мудрого, на знамени (изображен) жертвенный столб. И знамя от этого, казалось, сияло подобно солнцу или месяцу. И то изображение жертвенного столба у сына Сомадатты, о царь, сделанное из золота, выглядело блистательно, как высокий жертвенный столб, водруженный во время совершения Раджасуйи, наипревосходнейшего из жертвоприношений.

Знамя Шалы, о великий царь, носило серебряное изображение огромного слона и было украшено со всех сторон пестрыми павлинами, сделанными из золота. И то знамя украшало твое войско, о бык из рода Бхараты, подобно тому как могучий белый слон (украшает) полчище царя богов. На знамени же царя (Дурьйодханы), украшенном золотом, было изображение слона, сделанного из драгоценных камней. Звенящее сотнею колокольцев, оно сверкало на прекрасной, превосходнейшей его колеснице.

И сын твой, о царь, тот бык среди кауравов, выглядел тогда весьма блистательно благодаря тому высокому знамени в сражении, о владыка народов! Эти девять превосходнейших знамен реяли высоко в твоем войске. Блеском подобные солнцу в конце юги, они озаряли твои отряды. Десятым же было там знамя Арджуны с единственным изображением огромной обезьяны. И благодаря тому (знамени) Арджуна блистал величаво, как Химаван по случаю огня (на своей вершине).

Тогда могучие воины на колесницах, все усмирители врагов, поспешно взяли свои красивые, блестящие и огромные луки, чтобы (воспрепятствовать) Арджуне. Точно так же взял свой лук гандиву и Партха, тот сокрушитель врагов и вершитель дивных подвигов, о царь, – вследствие твоих дурных советов. Ведь по твоей вине множество людей, созванных из различных стран (твоими сыновьями), было уничтожено в той битве вместе
с конями, колесницами и слонами.

И вот между теми (могучими воинами: на колесницах), возглавляемыми Дурьйодханой, (с одной стороны), и тем быком среди пандавов – (с другой), громко кричавшими друг на друга, началось сражение. И подвиг, который совершил там сын Кунти, имея возницею Кришну, был весьма удивительный, так как один он сам сражался бесстрашно со многими, объединившимися вместе.

И он, могучерукий, блистал величаво, когда он натягивал лук гандиву, желая победить, тех тигров среди людей и убить Джаядратху. Там, о великий царь, своими стрелами, исторгаемыми тысячами, Арджуна, мучитель врагов, сделал всех твоих воинов невидимыми, (покрывая их словно тучей). Со своей стороны и те тигры среди людей, все могучие воины на колесницах, тоже сделали Партху в том сражении невидимым, (окутав его) тучами своих стрел,

(метаемыми) со всех сторон. И когда Арджуна, бык из рода Куру, был окутан (при помощи стрел) теми тиграми среди людей, страшно громкий: был шум, поднятый их войском!

Так гласит глава восьмидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 81

Дхритараштра сказал:
После того как Арджуна настиг правителя Синдху, о Санджая, что делали панчалы, теснимые сыном Бхарадваджи вместе с кауравами?

Санджая сказал:
После полудня того же дня, о великий царь, в сражении между панчалами и кауравами, заставляющем подниматься от содроганья волоски на теле, разыгралась игра со ставкой на Дрону (с целью выиграть победой иль все потерять). Ибо панчалы, желая убить Дрону, радостные душою, громко крича, дождили ливни стрел, о достойнейший!

И битва, которая разразилась тогда между панчалами и кауравами – свирепая, страшная и необычайная – была подобна той, (что происходила некогда) между богами и асурами. В самом деле, все панчалы вместе с пандавами, настигнув колесницу Дроны, применяли множество мощного оружия, стремясь прорвать его боевой строй. Воины, сражающиеся на колесницах, разместившиеся на них, заставляя сотрясаться под ними землю, устремились к месту нахождения колесницы Дроны с умеренной быстротой. На него затем ринулся Брихаткшатра, могучий воин на колеснице среди кекаев, непрестанно сея острые стрелы, подобные громовым стрелам могучего Индры.

Но тут против него стремительно выступил Кшемадхурти, овеянный великою славой, меча острые стрелы сотнями и тысячами. А Дхриштакету, бык среди чедиев, вознесшийся чрезмерною силой, поспешно ринулся на Дрону, как могучий Индра – на (асуру) Шамбару. (Видя) его, обрушивающегося с большой стремительностью, подобно самому Разрушителю с широко отверстой пастью, Вирадханван, могучий стрелок из лука, поспешно выступил против него.

Тем временем, о великий царь, Юдхиштхиру, находившегося там со своим отрядом из желания одержать победу, сдерживал сам Дрона, преисполненный доблести. Против подступавшего Накулы, искушенного в битве и исполненного великой отваги, выступил Викарна, о владыка, твой сын отважный. А Сахадеву, тоже подступавшего (к своим противникам), осыпал многими тысячами быстролетных стрел Дурмукха, терзающий врагов. Сатьяки же, того тигра среди мужей, сдерживал Вьягхрадатта, заставляя его поминутно трепетать своими острыми, тонко отточенными «тредами. (Пятерых) сынов Драупади, тех тигров среди мужей, наилучших из воинов на колесницах, яростно мечущих превосходнейшие стрелы, сдерживал сын Сомадатты.

А нападавшего Бхимасену, разъяренного и наводящего страх, сдерживал ужасный видом сын Ришьяшринги (ракшас Аламбуса), могучий воин на колеснице. И битва, возникшая между ними человеком и ракшасом – в том сражении, была подобна той, какая происходила некогда между Рамой и Раваной, о царь!

Тогда Юдхиштхира, о лучший из потомков Бхараты, поразил Дрону во все жизненно важные места, (выпустив в него) девяносто стрел, о потомок Бхараты! Приведенный в ярость прославленным сыном Кунти, Дрона ударил его в ответ, о лучший из бхаратов, посередине гру-

ди двадцатью пятью стрелами. И еще раз, на глазах у всех лучников, Дрона осыпал его вместе с его конями, возницей и знаменем двадцатью стрелами.

Но те стрелы, выпущенные Дроной, справедливый душою Пандава отразил ливнем своих стрел, показывая высокую ловкость рук. Тогда могучий лучник Дрона, сильно разгневанный, мгновенно рассек в пылу сражения лук благородного царя справедливости. И тот могучий воин на колеснице (Дрона) быстро покрыл со всех сторон Юдхиштхиру, лишившегося лука, многими тысячами стрел. Видя царя, невидимого из-за стрел сына Бхарадваджи, все существа подумали, что Юдхиштхира уже убит. Некоторые думали,
что он отвратился (от битвы е Дроной). Другие же, о царь царей, восклицали: «Увы, царь схвачен прославленным брахманом!»

Царь справедливости Юдхиштхира, попав в крайне тяжелое положение, оставил лук, рассеченный сыном Бхарадваджи в сражении, и взял другой дивный лук, еще более мощный и тугой. Затем герой тот рассек в пылу сражения все те стрелы, исторгнутые Дроной тысячами. И все это казалось весьма удивительным! И рассекши те стрелы, царь, с глазами, красными от гнева, схватил в пылу той битвы дротик, способный расколоть даже горы. С золотым древком, ужасный на вид и снабженный восьмью колокольцами, он наводил страх. И взяв его, могучий (сын Панду) радостно издал громкий клич. И тем кличем он будто приводил в ужас все существа, о потомок Бхараты!

Увидев дротик, поднятый царем справедливости в битве, все существа единодушно тогда промолвили: «Благополучие да будет Дроне!» Выпущенный из рук царя, тот дротик, напоминающий змею, только что высвободившуюся из своей обветшалой кожи, понесся к Дроне, освещая небесный свод и все стороны света, главные и промежуточные, будто змея с пылающей пастью. Видя его, несущегося на него стремительно, о владыка народов, Дрона, наилучший из знатоков оружия, вызвал тогда к действию оружие Брахмы. И оружие это, превратив тот ужасный видом дротик в пепел, быстро устремилось к колеснице овеянного славой Пандавы.

Тогда царь Юдхиштхира, одаренный великой мудростью, отразил то оружие Дроны, пущенное в него, таким же оружием Брахмы, (вызванным им самим), о потомок Бхараты!

И в том сражении он пронзил Дрону пятью прямыми стрелами и рассек острой бритвообразной стрелой его огромный лук. Но отбросив рассеченный лук, Дрона, сокрушитель кшатриев, метнул с большой силой булаву в сына Дхармы, о достойнейший!

Видя ту булаву; стремительно несущуюся на него, Юдхиштхира, усмиритель врагов, пылая гневом, схватил тоже булаву.

И те обе булавы, пущенные с большой стремительностью, столкнувшись одна с другой (в воздухе), вызвали при столкновении огненные искры и упали на землю. Затем Дрона, сильно разгневавшись, убил, о достойнейший, коней царя справедливости четырьмя превосходнейшими стрелами, острыми и тонко отточенными. Другой стрелой он рассек лук (царя), подобный шесту со знаменем, (водруженному в честь) Индры. Еще одной стрелой он срубил знамя его, а тремя другими он причинил страдание самому Пандаве.

Быстро спрыгнув с колесницы, лишенной коней, царь Юдхиштхира стоял безоружный с поднятыми вверх руками, о бык из рода Бхараты! Видя его без колесницы и, особенно, безоружным, Дрона поверг в смятение своих врагов и, пожалуй, все войска, о владыка! Твердый в своем обете и наделенный ловкостью рук, он, меча ливни острых стрел, ринулся на царя, как могучий лев – на лань.

При виде царя, теснимого Дроной, сокрушителем врагов, крики «Аи, аи!» внезапно раздались среди (войска) пандавов. «Схвачен царь, схвачен царь сыном Бхарадваджи!» – кричали (многие). Такие громкие возгласы были слышны отовсюду, о достойнейший, в войске пандавов. А тем временем царь Юдхиштхира, сын Кунти, поспешно взойдя на колесницу Сахадевы, умчался прочь на быстрых конях.

Так гласит глава восемьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 82

Санджая сказал:
Между тем Кшемадхурти, о великий царь, пронзил многими стрелами грудь нападавшему Брихаткшатре, твердому в отваге царевичу кекаев. Но царь Брихаткшатра, желая прорвать боевой строй Дроны, с большой стремительностью поразил в той битве своего противника девятью прямыми стрелами. Кшемадхурти, однако же, сильно разгневанный, рассек острой, хорошо закаленной стрелою с серповидным острием лук благородного Царевича кекаев.

И рассекши лук его, он затем прямой стрелою быстро пронзил грудь тому (герою), превосходнейшему из всех лучников. Тогда Брихаткшатра, взяв другой лук и как бы насмехаясь (над своим врагом), лишил Кшемадхурти, могучего воина на колеснице, его коней, возницы и знамени. А другой стрелой с серповидным наконечником, острой и хорошо закаленной, он снес царю голову с туловища вместе со сверкающими на ней серьгами. И та голова его, украшенная вьющимися локонами и диадемой, внезапно отсеченная, упала на землю и казалась блистательной, подобно светилу, скатившемуся с небосвода. Убив своего врага в той битве, Брихаткшатра, могучий воин на колеснице, преисполнился радости и обрушился с большой стремительностью на твое войско ради (успеха) Партхи.

Могучий лучник Вирадханван, преисполненный великой отваги, сдерживал Дхриштакету, выступавшего против Дроны, о потомок Бхараты. Сшибаясь друг с другом, оба они, обладающие стрелами вместо клыков и отличающиеся большой стремительностью, поражали один другого многими тысячами стрел. И право, те оба тигра среди мужей сражались друг с другом, подобно двум слонам, вожакам своих стад, в дремучем лесу, охваченным бешенством. Оба наделенные великой мощью, сражались они, жаждя убить друг друга, будто два разъяренных тигра, попавших в горную пещеру. И битва та была весьма свирепой, о владыка народов! Достойная зрелища, она представлялась необычайной для взора. Сами сиддхи и чараны сонмами взирали на нее с изумлением.

Тогда Вирадханван, воспаленный гневом, рассек надвое, как бы смеясь, лук Дхриштакету стрелою с серповидным острием, о потомок Бхараты! Оставив тот рассеченный лук, царь чедиев, могучий воин на колеснице, схватил огромный дротик, сделанный из железа и снабженный золотым древком. Направляя обеими руками тот дротик огромной мощи на колесницу Вирадханвана, о потомок Бхараты, он метнул его старательно и с большой силой. И пораженный сильно тем дротиком, губительным для героев, Вирадханван, с сердцем, насквозь пронзенным, быстро упал с колесницы на землю.

Когда был сражен тот герой, могучий воин на колеснице среди тригартов, войско твое, о владыка, было прорвано пандавами со всех сторон. Тогда (сын твой) Дурмукха выпустил шестьдесят стрел в Сахадеву и издал громкий клич в пылу сражения, угрожая Пандаве. Но тут сын Мадри, преисполненный гнева, пронзил Дурмукху десятью стрелами, улыбаясь при этом – и брат (ударил) в нападающего брата!

Видя могучего Сахадеву столь неистовым в сражении, Дурмукха вновь ударил в него девятью стрелами, о потомок Бхараты! Но наделенный великой силой, тот (герой) срубил стрелою с серповидным острием знамя Дурмукхи и поразил четырех его коней четырьмя острыми стрелами. Затем другой стрелой с широким наконечником, хорошо закаленной и острой, он отсек его вознице голову от туловища вместе со сверкающими на ней серьгами. И рассекши острой стрелою с бритвообразным наконечником огромный лук кауравьи, Сахадева пронзил его самого в той битве пятью стрелами. И Дурмукха, удрученный, покинув свою колесницу с убитыми конями, о царь, взошел на колесницу Нирамитры, о потомок Бхараты!

Тогда Сахадева, тот сокрушитель вражеских героев, преисполненный ярости, убил в той великой битве Нирамитру среди его отряда стрелою с серповидным острием. И тот повелитель людей Нирамитра, сын царя тригартов, упал со своей колесницы, повергая в глубокое уныние твое войско. И убив его, могучерукий Сахадева казался величавым, как Рама, сын Дашаратхи, когда убил могучего (ракшаса) Кхару. При виде могучего царевича Нирамитры убитого, громкие крики «Аи, аи!» раздались среди тригартов, о владыка народов! Тут Накула, о царь, в одно мгновение победил твоего сына Викарну большеглазого.

И это казалось весьма удивительным! Вьягхрадатта же своими прямыми стрелами сделал Сатьяки невидимым вместе с его конями, возницей и знаменем посреди его отряда. Но отразив те стрелы с большой ловкостью рук, храбрый внук Шини поверг Вьягхрадатту своими стрелами вместе с его конями, возницей и знаменем.

После того как был сражен тот царевич, сын правителя магадхов, о владыка, последние смело ринулись против Юдханы со всех сторон. Меча стрелы и копья тысячами, а также короткие дротики и пики, деревянные молоты и толстые булавы, те храбрые воины сражались в той битве с героем из рода Сатвата, неодолимым в бою.

Но всех их могучий Сатьяки, непобедимый в бою, победил с величайшей легкостью и смеясь при этом, о бык среди людей! Жалкие остатки сокрушенных магадхов разбежались во все стороны. При таком зрелище войско твое, уже измотанное стрелами Юдханы, подверглось полному поражению, о владыка! Уничтожив в сражении войско твое, выдающийся из рода Мадху герой тот, овеянный великой славой, выглядел блистательно, размахивая своим превосходнейшим луком.

И войско твое, о царь, сокрушенное там благородным отпрыском рода Сатвата, не возвратилось уже для битвы (с ним), устрашенное тем долгоруким героем. Тогда Дрона, сильно разгневанный и быстро вращая глазами, стремительно ринулся сам на (отважного) Сатьяки, вершителя вставных подвигов.

Так гласит глава восемьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 83

Санджая сказал:
Достославный сын Сомадатты пронзил сыновей Драупади, могучих лучников, каждого пятью стрелами и еще раз –семью стрелами. Сильно и внезапно пронзенные тем свирепым воином, они были ошеломлены и не знали некоторое время, что делать. Но тут Шатаника, сын Накулы, мучитель врагов, пронзил сына Сомадатты двумя стрелами и в радости издал громкий рык. И другие (братья) тоже, усерднейшие в битве, быстро пронзили в том сражении неистового сына Сомадатты каждый тремя прямолетящими стрелами. Но тот, овеянный великой славой, о великий Чарь, метнул в них пять стрел и пронзил грудь каждому из них

одной стрелою. Тогда те пятеро братьев, так уязвленные стрелами благородного воина» окружили на колесницах того героя и глубоко пронзили его своими стрелами.

Затем сын Арджуны, воспламененный гневом, отправил, (сразив) четырьмя острыми стрелами, четырех коней сына Сомадатты в обиталище Ямы. Сын же Бхимасены, рассекши лук благородного сына Сомадаттыг издал громкий рык и пронзил своего врага острыми стрелами. А сын Юдхиштхиры, срубив его знамя, сбросил на землю, тогда как сын Накулы вышиб вражеского возницу с его сидения на колеснице.

Тогда благородный сын Сахадевы, уразумев, что противник его уже почти отвращен от битвы действиями своих братьев, о царь, отсек ему голову стрелой с бритвообразным острием. И та голова, украшенная золотыми (серьгами), скатилась на землю и озарила то место поля битвы, сиянием уподобляясь восходящему солнцу. Увидев голову благородного сына Сомадатты, скатившуюся так (на землю), твои войска, о царь, охваченные страхом, разбежались в разные стороны.

(Ракшас) Аламбуса в том бою, преисполненный гнева, сражался с могучим Бхимасеной, как сын Раваны (Индраджит) – с Лакшманой (братом Рамы). При виде их обоих, человека и ракшаса, занятых в битве, все существа тогда были охвачены изумлением и радостью. Затем Бхима, о царь, смеясь, пронзил гневного владыку ракшасов, того сына Ришья-шринги (Аламбусу) девятью острыми стрелами. А ракшас тот, пронзенный так в битве, испустив страшный рев, ринулся тогда на Бхиму вместе со всеми своими последователями. Пронзив Бхиму пятью прямыми стрелами, тот усмиритель врагов быстро уничтожил тридцать колесниц, следовавших за Бхимой. И еще сокрушив четыре сотни (его колесниц), он пронзил самого Бхиму пернатой стрелою.

Глубоко пронзенный ракшасом, могучий Бхима опустился на днище своей колесницы, впав в беспамятство. Но обретя вновь сознание, сын Ветра преисполнился тогда гнева. Натянув свой превосходнейший, грозный лук, способный выдержать большое напряжение, он принялся терзать Аламбусу по всем членам тела острыми стрелами. И пронзенный множеством стрел, тот, уподобляясь скоплению сурьмы, выглядел кругом блистательно, о царь, словносверкающее дерево киншука.

Поражаемый в сражении стрелами, выпускаемыми из лука Бхимы, ракшас вспомнил об убийстве брата своего благородным Пандавой. И приняв тогда ужасный вид, он обратился к Бхимасене: «Подожди немного в этой битве, о Партха! Посмотри сегодня на доблесть мою! О злонамеренный, тот могучий, превосходнейший из ракшасов, по имени Бака, был моим братом! И то, что он был убит тобою, случилось не на моих глазах!» Сказав так Бхиме, (Аламбуса) сделался невидимым и сильно окатил его могучим ливнем стрел.

Бхима же, о царь, когда в сражении том ракшас исчез из виду, наполнил воздушное пространство прямыми стрелами. Так терзаемый Бхимой, Аламбуса в мгновение ока вернулся к своей колеснице. Затем он опять вошел в землю и снова, сделавшись маленьким, стремительно взмыл в небо. То принимая малую, то большую форму, то опять громадную, он начал произносить разного рода слова со всех сторон.

Им было сокрушено множество слонов в войсках Пандавы на поле битвы, множество коней, о царь, а также пеших воинов. Воины, сражающиеся на колесницах, падали со своих колесниц, сраженные его стрелами. И он создал там реку из крови вместо вод, с колесницами вместо водоворотов, изобилующую слонами вместо крокодилов, (реку), где зонты (воинов на колесницах) заменяли лебедей, изобильную липкой грязью и кишащую вместо змей (отрубленными) руками воинов. Посещаемая толпами ракшасов, она уносила, о царь, во множестве

чедиев, панчалов и сринджаев. Глядя на того (ракшаса), о царь, столь бесстрашно рыскающего в том сражении, и видя его доблесть, пандавы сильно встревожились. Твои же войска были охвачены великой радостью. И среди них раздались громкие и страшные звуки музыкальных инструментов, заставляющие подниматься (от содроганья) волоски на теле.

Услышав тот страшный шум, производимый твоим войском, Пандава не смог вынести его, подобно тому как змея не может переносить звук от (хлопков) ладоней рук. С глазами, красными, как медь, от гнева, с (взглядом), подобным всесожигающему огню, он возложил (на тетиву) оружие тваштра, словно сам Тваштри, о достойнейший! И тогда от него произошли тысячи стрел со всех сторон. И от стрел тех наблюдалось всеобщее бегство среди войска твоего. То оружие, выпущенное в сражении Бхимасеной, разрушив чудодейственную силу иллюзии ракшаса, причинило изрядно страдания и самому ракшасу.

И поражаемый во множество мест Бхимасеной, ракшас тот, покинув в сражении Бхиму, убежал к войсковому отряду Дроны. И когда, о царь, был побежден тот владыка ракшасов благородным (Бхимой), пандавы огласили все стороны света львиными рыками. И преисполненные радости, они почтили могучего сына Маруты, подобно тому как сонмы Марутов (почтили) Шакру после победы в сражении над Прахрадой.

Так гласит глава восемьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 84

Санджая сказал:
Когда Аламбуса, (покинув Бхиму), бесстрашно рыскал по (другому участку) поля битвы, на него стремительно обрушился сын Хидимбы и пронзил его острыми стрелами. Битва между теми львами среди ракшасов разразилась страшная. Оба они вызывали различного вида иллюзии, как (некогда) Шакра и Шамбара. Аламбуса, сильно разгневанный, ударил в Гхатоткачу, а Гхатоткача, пронзив Аламбусу посредине груди двадцатью длинными стрелами, издал многократно рык, подобно льву. Точно так же и Аламбуса, о царь, пронзив еще и еще раз сына Хидимбы, неодолимого в бою, радостно издал громкие кличи, наполняя небо со всех сторон.

Так оба они, выдающиеся из ракшасов, оба наделенные великой мощью, охваченные сильной яростью, сражались друг с другом, проявляя силу иллюзии, но без малейшего преимущества одного перед другим. Оба неистовые, создавая сотню иллюзий, они сбивали с толку друг друга. Оба весьма искусные творить иллюзию в бою, они сражались (друг с другом), применяя иллюзию. Какую бы иллюзию, о царь, ни проявлял Гхатоткача в бою, ее всякий раз разрушал Аламбуса, о царь, применяя соответствующий вид своей иллюзии.

Видя того владыку ракшасов, Аламбусу, искушенного в битве с применением иллюзии, сражающегося таким образом, пандавы преисполнились гнева. И охваченные сильным гневом, выдающиеся из них, Бхимасена и другие, (окружив) его со всех сторон на своих колесницах, ринулись на него со всей яростью, о царь! И окружив ракшаса со всех сторон потоком колесниц, о достойнейший, они осыпали его отовсюду стрелами, как (окружают в лесу) слона пылающими головешками.

Но отразив тот ливень их оружия силой иллюзии своего оружия, Аламбуса высвободился из того потока колесниц, как слон – от лесного пожара. Натянув затем свой страшный лук, чей звон подобен грому Индры, он пронзил сына Маруты двадцатью пятью стрелами, а сына Бхимасены – пятью, Юдхиштхиру пронзил тремя, а Сахадеву – семью; Накулу пронзил, семьюдесятью тремя, а сыновей Драупади – пятью стрелами каждого, о достойнейший, и ис-

пустил ужасный рев. Тогда в ответ пронзил его Бхимасена девятью стрелами, а Сахадева – пятью. Юдхиштхира пронзил ракшаса сотнею стрел, Накула же – шестьюдесятью четырьмя, а сыновья Драупади – тремя стрелами каждый.

Сын Хидимбы, пронзив ракшаса в той битве пятьюдесятью стрелами, снова пронзил его семьюдесятью и, наделенный могучею силой, испустил громкий рев. Глубоко пронзенный со всех сторон теми могучими воинами на колесницах, могучий лучник (Аламбуса) в ответ пронзил их всех пятью стрелами каждого. Но ракшас, сын Хидимбы, о лучший из рода Бхараты, воспылав гневом в ответ на того разгневанного ракшаса, пронзил его в пылу битвы семью стрелами. И пронзенный могучим (противником), тот могучий владыка ракшасов быстро выпустил множество стрел с золотым оперением и отточенных на камне.

И те стрелы, совершенно прямые, вошли тогда в (тело) ракшаса (Гхатоткачи), подобно тому как свирепые, яростные змеи, наделенные могучей силой, (вползают) в гору. Тогда пандавы, о царь, охваченные тревогой, а также сын Хидимбы Гхатоткача послали в (своего противника) со всех сторон (тучи) острых стрел. Так он в битве терпел поражение от пандавов, жаждущих победы. Тут (сын Хидимбы), подняв обеими руками (Аламбусу), подобного сожженной громаде вершины горы или разрушенной груде сурьмы, стал вращать его снова и снова и разнес его на куски, стремительно бросив на землю, словно полный глиняный кувшин – о скалу. И наделенный силой и ловкостью, преисполненный великой отваги, сын Бхимасены, разъяренный в сражении, устрашал все войска.

А тот (ракшас) Салакатанката со всеми членами разбитыми и с костями в виде украшений раздробленными был убит так храбрым Гхатоткачей. И когда был убит тот (ракшас), бродящий в ночи, партхи сильно повеселели душой. Они издавали львиные рыки и размахивали своими одеждами. Твои же (сыновья) и воины, увидев могучего и страшного видом владыку ракшасов Аламбусу убитым и (лежащим) подобно разрушенной горе, подняли, о бык из рода Бхараты, крик с возгласами «Аи, аи!»

И люди, охваченные любопытством, взирали на того ракшаса, нежданно распростертого на земле, подобно упавшему древесному угольку (уже совсем погасшему). А Гхатоткача, убив так ракшаса, первейшего из могучих, издал громкий клич, как Васава, когда убил (асуру) Балу. После свершения столь трудновыполнимого подвига Гхатоткача получил одобрение от своих предков, а также родственников.

И в самом деле, повергнув своего врага Аламбусу, словно спелый плод аламбуса, он радовался чрезвычайно (вместе с друзьями). Тогда поднялся страшно громкий шум (в войске пандавов) от звука раковин и разного рода стрел. Услышав его, кауравы тоже подняли в ответ громкий шум. И отзвук его далеко коснулся тогда самих небес.

Так гласит глава восемьдесят четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 85
Дхритараштра сказал:
Каким образом Ююдхана двинулся против сына Бхарадваджи в битве? Расскажи мне по правде, о Санджая! Ибо велико мое любопытство!

Санджая сказал:
Слушай, о царь многомудрый, о сражении, заставляющем подниматься от содроганья волоски на теле, – между Дроной и пандавами, предводительствуемыми Ююдханой. Видя войско (кауравов), уничтожаемое Ююдханой, о достойнейший, Дрона сам обрушился на Сатьяки,

воистину отважного. И того могучего воина на колеснице, сына Бхарадваджи, стремительно подступавшего к нему, Сатьяки поразил двадцатью пятью небольшими стрелами.

Дрона тоже, преисполненный великой доблести в битве, сосредоточившись на одной цели, быстро пронзил Ююдхану пятью стрелами с золотым оперением и отточенными на камне. И те стрелы, пронзив очень крепкий панцирь врага и пожирая его плоть, вошли в землю, о царь, как (тяжело) дышащие змеи. Тогда долгорукий (Сатьяки), воспаленный гневом, подобно слону, терзаемому стрекалом, пронзил Дрону пятью длинными стрелами, подобными огненному пламени.

Но сын Бхарадваджи, быстро пронзенный так в бою Ююдханой, пронзил в ответ Сатьяки, усердно прилагавшего старания, множеством стрел. Затем, распалившись гневом, тот могучий лучник, наделенный великой мощью, еще раз причинил страдания герою из рода Сатвата сотнею прямых стрел. И уязвляемый так в сражении сыном Бхарадваджи, Сатьяки не знал совершенно, что делать, о владыка народов!

И тогда Сатьяки даже опечалился лицом, о царь, при виде сына Бхарадваджи в сражении, мечущего (непрестанно) острые стрелы. Но увидев его (в таком положении), сыновья твои и воины, о владыка народов, возрадовались в душе и многократно издали львиноподобные рыки. Услышав тот страшный рев и заметив героя из рода Мадху, мучимого так, Юдхиштхира, о царь, обратившись ко всем своим воинам, о потомок Бхараты, сказал:

«Сей герой, выдающийся среди вришниев, Сатьяки, вершитель истинных подвигов, поглощается в бою героем (Дроной), как Солнце – (демоном) Раху. Отправляйтесь и нагряньте туда, где сражается Сатьяки!» И обратившись затем к Дхриштадьюмне, царевичу Панчалы, о повелитель людей, он сказал: «Быстро нагрянь на Дрону! Чего же ты медлишь, о сын Паршаты! Разве ты не видишь страшной опасности для нас, уже нависшей от Дроны? Сей Дрона – могучий лучник. Он играет Ююдханой в сражении, как мальчик – птицей, связанной веревочкой! Пусть все воины на колесницах, во главе с Бхимасеной и вместе с тобою прилагая старания, отправятся туда же, к колеснице Ююдханы! Вслед за тобой я последую со своим войском! Вызволи сегодня Сатьяки, уже попавшего в пасть бога Ямы!»

Сказав так, царственный сын Панду вместе со своим войском ринулся тогда против Дроны ради (избавления) Ююдханы. И великий был шум, – благо тебе, – поднявшийся там от пандавов и сринджаев всех, жаждущих сражаться с одним лишь Дроной.

Приблизившись вместе к сыну Бхарадваджи, могучему воину на колеснице, те тигры среди людей окатили его ливнями острых стрел, украшенных перьями цапли и павлина. Однако Дрона принял тех героев с приветливой улыбкой, подобно тому как (домохозяин принимает) гостей, пришедших по своей воле, предложением (для них) сидения и воды. Стрелами сына Бхарадваджи, того стрелка из лука, были они ублаготворены, как гости, о царь, (бывают ублажаемы с радушием), явившись в гостеприимный дом. Но все они не могли даже взглянуть на сына Бхарадваджи, будто на тысячелучистое солнце, достигшее полудня, о владыка!

В самом деле, Дрона, лучший из носящих оружие, опалял всех тех могучих лучников потоками своих стрел, как солнце (опаляет все) своими жаркими лучами. Так уязвляемые в сражении, о царь, пандавы и сринджайи не находили себе защитника, подобно слонам, погруженным в болото. А мощные стрелы Дроны, пролетая (сквозь небосвод), выглядели подобно лучам солнца, опаляющим все вокруг.

В сражении том были убиты Дроной двадцать пять воинов-панчалов, считавшихся махаратхами и одобренные (в таком звании) Дхриштадьюмной. И среди всех войск пандавов, а так-

же панчалов видели храброго Дрону, убивающего (одного за другим) лучших и лучших воинов. Убив сотню воинов среди кекаев и обратив их в бегство со всех сторон, Дрона стоял, о великий царь, как сам Разрушитель с широко разверстой пастью.

Панчалов, сринджаев, матсьев, кекаев, а также пандавов могучерукий Дрона побеждал сотнями и тысячами. Громкие вопли исторгались от них, уязвляемых стрелами Дроны, словно (это раздавались крики) в лесу обитателей лесных, сжигаемых огнем. Там боги, гандхарвы и усопшие предки, о царь, говорили: «Это бегут панчалы и пандавы вместе со своими войсками!» И в самом деле, когда Дрона уничтожал так сомаков в сражении, никто не отважился подступить к нему и никому не удалось пронзить его.

И в то время как продолжалось то страшное столкновение, столь гибельное для лучших из героев, Партха внезапно услышал рев раковины панчаджаньи. Та царица раковин, в которую трубил Васудева, звучала очень громко. Ведь когда сражались доблестные защитники правителя Синдху и когда сыновья Дхритараштры громко кричали перед колесницей Виджайи, звон лука гандивы отовсюду заглушался. И царственный сын Панду, не раз теряя сознание, подумал: «Наверно не всё благополучно у Партхи, так как царица раковин ревет так громко и так как кауравы тоже, преисполненные радости, поминутно издают такие крики!»

И подумав так, с обеспокоенной душою, Аджаташатру, сын Кунти, сказал отпрыску рода Сатвата голосом, прерывающимся слезами. Хотя поминутно и лишаясь чувств, он не упускал из виду, что нужно делать вслед за этим и (так обратился) к внуку Шини, быку из своего (прославленного) рода:

«Время для того вечного долга, который некогда, о Шайнея, был предусмотрен добродетельными (для друзей) по отношению к друзьям в годину бедствий, – это время теперь наступило. Размышляя про себя, о бык из рода Шини, я не вижу даже среди всех воинов ни одного, кто был бы наиболее доброжелателен, чем ты, о Сатьяки! Ведь кто всегда благосклонен и кто всегда предан, тот и должен быть назначен на (выполнение) важнейшего задания во времена бедствий, – таково мое мнение.

Как Кешава всегда служит прибежищем для пандавов, точно так же и ты, о отпрыск рода Вришни, равный Кришне в доблести! Я, поэтому, возложу бремя на тебя! И ты должен его нести. И никогда не должен ты намерение мое делать напрасным! Арджуна – твой брат, друг и наставник! В этом сражении окажи ему помощь в годину бедствия, о бык среди людей! Ты ведь предан правде, ты – герой и ты рассеиваешь страх своих друзей! Ты пользуешься известностью в мире благодаря своим деяниям, о герой, как правдоречивый! Ведь кто, о Шайнея, сражаясь (в битве) ради друзей, оставляет свое тело и кто отдает дваждырожденным всю Землю, те одинаково считаются равными.

Мы слышали о многих царях, которые отправились на небо, отдав всю эту Землю брахманам по установленным правилам. О справедливый душою, я прошу тебя, со смиренно сложенными ладонями рук моих, только лишь об одном: да обретешь ты плод, равный дарению (брахманам) всей Земли, или нечто гораздо высшее, чем то, о владыка!

Есть один, именно Кришна, который рассеивает страх у друзей и всегда готов ради них жертвовать своей жизнью в сражении! И ты – второй, о Сатьяки! Только герой может оказать помощь герою, проявляющему доблесть в бою и домогающемуся славы! Но не другой из простых людей! Тогда как Виджая занят сейчас в столь ужаснейшем побоище, о Мадхава, нет ведь кроме тебя другого, кто может быть ему защитником в сражении! Ибо (как-то однажды), восхваляя подвиги твои сотнями, Пандава.248 доставляя мне большую радость, все снова и снова упоминал о них.

И говорил он: «С легкостью владеющий оружием, способный сражаться различными способами, (Сатьяки) отличается большой ловкостью и доблестью. Одаренный большой мудростью, сведущий во всех видах оружия, он – герой и никогда не теряется в сражении! С широкими плечами и могучей грудью, могучий стрелок из лука, наделенный могучею силой и великой отвагой, он – махаратха, великий духом! Он ученик мой и друг, я мил ему, и он мил мне.

Став моим союзником, Ююдхана уничтожит кауравов! Если даже Кешава и Рама, или Анируддха и Прадьюмна, могучий воин на колеснице, или Гада и Сарана, или Самба вместе со всеми вришни снарядятся в доспехи, о царь царей, для оказания нам (помощи) на головном участке величайшего сражения, то и тогда я назначу внука из рода Шини, того тигра среди людей, воистину отважного, на дело оказания нам помощи, ибо, о великий царь, нет для меня здесь другого, равного ему!» – так, о братец мой, говорил мне в Двайтаване Дхананджая, рассказывая за глаза об истинных твоих добродетелях в собрании людей благородных. Ты не должен, о отпрыск рода Вришни, сделать напрасной ту надежду Дхананджайи а равно и обоих – мою и Бхимы!

Когда я, странствуя по различным местам священных омовений, направлялся в Двараку, я тоже наблюдал там твою благоговейную преданность Арджуне. И когда мы пребывали в бедствии, мною, о Шайнея, не было замечено ни у кого среди других той добросердечности, какую обнаружил к нам ты! Из-за своего благородного происхождения и из-за преданности нам ты, о могучий лучник, должен ради выражения сочувствия к своему другу и наставнику действовать, о могучерукий, путем, достойным твоей дружбы и доблести, высокого происхождения и правдивости, о отпрыск из рода Мадху! Ведь Суйодхана, облаченный в доспехи Дроной, внезапно отправился (преследовать Арджуну). А еще перед этим выехали (преследовать его) другие могучие воины кауравов. Страшный громкий шум слышен перед (колесницей) Виджайи! О Шайнея, благоволи отправиться туда скорее, о отпрыск из рода Мадху! Бхи-масена и мы сами, готовые к битве вместе со всеми войсками, будем сдерживать Дрону, если он двинется против тебя.

Посмотри, о Шайнея, на отряды войска бхаратийского, убегающие с поля битвы: раздираемые в сражении, они издают громкие вопли! Подобно океану, волнуемому силой могучего ветра во время приливов и отливов, войско сына Дхритараштры, о братец мой, приведено в волнение Савьясачином. От множества колесниц, людей и коней, быстро двигающихся повсюду, поднялась пыль и распространяется над всем войском. (Смотри), Пхальгуна, тот губитель вражеских героев, окружен синдху-саувирами, вооруженными когтеобразными пиками и копьями, и украшен (во всех сторон) высокочтимыми героями!

Не отразив (сперва) этого войска, невозможно будет убить Джаядратху! Ведь все эти воины готовы положить свои жизни ради правителя Синдху! Посмотри на это совсем неприступное войско сыновей Дхритараштры, ощетинившееся стрелами и дротиками и осененное лесом знамен, изобилующее конями и слонами! Слушай грохот их барабанов и призывный вой их раковин, издаваемые ими страшные львиные рыки и скрип ободов колес колесничных! Слушай трубный рев их слонов и тяжелую поступь тысяч пехотинцев. Слушай же и топот мчащихся всадников, сотрясающих землю!

Впереди (Арджуны) находится войско правителя Синдху, а позади него – войско Дроны. И так как последнее весьма многочисленно, о тигр среди мужей, то (враг) способен причинить страдания даже самому владыке богов! Потонувший среди этого безграничного войска, (Арджуна) может даже лишиться своей жизни!

И если он будет убит в бою, как сможет жить тогда подобный мне? Во всяком случае, окажись я в таком столь горестном несчастии, увы, (какой тогда смысл) в жизни? Иссиня-темный внешностью, юный годами, с хлопкоподобными (в завитушках) локонами, прекрасен для взора тот Пандава! Ловко владеющий оружием и искусный в различных приемах ведения боя, он, могучерукий, проник, о братец мой, в войско бхаратов при восходе солнца! А день уже проходит! И я не знаю, о отпрыск рода Вришни, жив он или нет! А ведь то обширное войско кауравов подобно океану! О братец мой, Бибхатсу могучерукий проник в бхаратийское войско совершенно один, а оно ведь непреодолимо даже богами в великой битве! И мой рассудок сегодня никак не обращается к битве! Да и Дрона, столь неистовый в бою, изматывает мое войско.

Тебе воочию видно, о могучерукий, как мчится сей дваждырожденный (по бранному полю)! Когда различные задачи представляются сразу все вместе, ты как раз весьма искусен (в выборе того, чему должно быть сперва уделено внимание). И ты должен, о отпрыск рода Мадху, сделать то, что представляется наиболее важным и безотлагательным! 2Бв Среди всех задач, – я сам считаю всегда, – это (именно, помощь Арджуне) должно привлечь наше внимание! Вызволение Арджуны в сражении должно быть предпринято прежде всего!

Я не печалюсь об отпрыске рода Дашарха, ибо он хранитель и владыка вселенной! Ведь он в состоянии, о братец мой, победить в сражении даже три мира, вместе взятые! Говорю тебе правду, о тигр среди людей! А что уж говорить об этом весьма слабом войске сына Дхритараштры! Арджуна, однако же, о потомок рода Вришни, терпит мучения от многочисленных (преимуществ противника) в битве. Он может расстаться с жизнью в сражении! Потому-то я испытываю упадок духа! Отправляйся ты по пути его, как и должны подобные тебе следовать ему подобному в такую годину, (отправляйся же), побуждаемый подобным мне!

Среди наиболее выдающихся в сражении героев рода Вришни двое считаются атиратхами. Это – Прадьюмна могучерукий и ты сам, о Сатвата, кто столь известен! Во владении оружием ты равен самому Нараяне, в силе равен Санкаршане! В храбрости ты равен Дхананджае, о тигр среди мужей, превосходя Бхишму и Дрону и всякого, кто хорошо искушен в бою. Сегодня в мире добродетельные говорят о тебе, о Мадхава, тигре среди людей: „Нет ничего в этом мире недостижимого для Сатьяки!» Поэтому делай то, что я скажу тебе, о могучий!

Ведь тут у людей и у обоих – у тебя и у Партхи есть подлинное представление (о высоком происхождении и нравственности, об учености и прочих достоинствах). И ты, о могучерукий, не должен разрушить его теперь! Жертвуя самой жизнью, столь дорогой (каждому), рыскай по полю брани, как герой! Ибо, о Шайнея, отпрыски рода Дашарха не заботятся о сохранении своей жизни в сражении! Уклонение от битвы, отсутствие твердости и побег с поля боя – это обычай трусливых и низменных, и его никогда не придерживаются дашархи. Арджуна, справедливый душою, есть твой наставник, о братец мой! Васудева же, о бык из рода Шини, является наставником и твоим, и мудрого Партхи.

Ведь зная эти две причины, я говорил тебе это. Не пренебрегай же моими словами, ибо я – наставник твоего наставника! И это, (сказанное) мною, одобрено Васудевой и Арджуной. Я сказал тебе сущую правду! Отправляйся же туда, где находится Дхананджая! Приемля эти слова мои, о воистину отважный, проникни, о братец мой, в это войско злостного сына Дхритараштры! И проникнув в него должным образом, ты, сражаясь с могучими воинами на колесницах, покажи, о Сатвата, такие подвиги, какие достойны тебя!»

Так гласит глава восемьдесят пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 86

Санджая сказал:
Услышав те слова, полные любви и сердечности, сопровожденные сладостными звуками, своевременные и восхитительные, сказанные с полной беспристрастностью царем справедливости, тот бык из рода Шини – Сатьяки, о лучший из рода Бхараты, промолвил в ответ Юдхи-штхире:

«Я выслушал все эти слова твои, как ты говорил мне, о неувядаемый (славою), слова, проникнутые справедливостью, восхитительные и ведущие к славе ради Пхальгуны! Ведь в такое время, увидя подобного мне, преданного (тебе друга), ты благоволи, о царь царей, только приказать мне точно так же, как это ты мог бы сделать самому Партхе! Что до меня, то я нисколько не собираюсь беречь свою жизнь ради Дхананджайи. Когда же, однако, я получил уже твое приказание, что же (есть еще такого, чего) я не должен буду делать в этой великой битве? Побуждаемый тобою, я смогу сражаться с тремя мирами вместе с их богами, асурами и людьми, о владыка людей! А что уж говорить о слабосильном войске сына Дхритараштры! Но сегодня я сражусь с войском Суйодханы, (подступая к нему) со всех сторон, и одержу над ним победу в сражении, о царь! Говорю тебе правду! Здравым и невредимым я достигну Дхананджайи здравого и невредимого и, когда будет убит Джаядратха, я вновь, о царь, вернусь к тебе же!

Мне необходимо, однако, уведомить тебя обо всех этих словах Васудевы и мудрого Пхальгуны! Меня сильно уговаривал все снова и снова Арджуна среди всего войска (в таких словах) и при этом Васудева их слышал: «Сегодня, о Мадхава, приняв благородное решение вступить в битву, охраняй бдительно царя, пока я не убью Джаядратху. Поручив (охрану) царя тебе, о могучерукий, или Прадьюмне, могучему воину на колеснице, я спокойно двинусь на Джаядратху. Ты ведь знаешь Дрону, неистового в сражении, считающегося наилучшим (среди воинов). И ты постоянно слышал также о клятве Дроны, о Мадхава! Сын Бхарадваджи нетерпеливо жаждет схватить царя справедливости! И Дрона способен также сломить Юдхиштхиру в сражении!

При таком течении дела, поручив тебе (охрану) царя справедливости, лучшего из людей, я отправлюсь сегодня на сокрушение правителя Синдху! Убив Джаядратху, я непременно вернусь сюда, о Мадхава! (Смотри же), чтобы Дрона не смог схватить насильно царя справедливости в сражении! Если же он, лучший из мужей, будет схвачен сыном Бхарадваджи, о Мадхава, тогда убиения Джаядратхи не совершится и велико будет мое горе! И если, о лучший из людей, такое случится с правдоречивым Пандавой, то очевидно нам снова придется отправиться в лес!

И та победа моя (над Джаядратхой), вполне очевидно, будет совершенно бесполезной, если Дроне, воспаленному гневом, удастся схватить Юдхиштхиру в сражении! Поэтому сегодня ты, о могучерукий, чтобы сделать мне приятное, о Мадхава, а также ради победы моей и славы, охраняй царя в сражении!»

Таким образом (как видишь), ты передан мне под мою опеку Савьясачином, постоянно усматривающим опасность для тебя от сына Бхарадваджи, о владыка! И ты, о могучерукий, постоянно видишь, что нет ведь никого другого, кроме сына Рукмини (Прадьюмны), кто мог бы выступить соперником Дроны в сражении, о владыка! Да и меня также считаешь ты достойным соперником мудрого сына Бхарадваджи в битве. Я не могу поэтому осмелиться пренебречь этим высоким уважением ко мне и тем повелением наставника моего (Арджуны) или же покинуть тебя, о царь земной!

Наставник (Дрона), облаченный в неуязвимый панцирь, благодаря ловкости своих рук, настигнув тебя в сражении, будет играть тобою, как дитя с птичкой! Если бы сын Кришны, с изображением макары на своем знамени и с луком в руке, был здесь, тогда я конечно передал бы ему тебя, ибо он защитил бы тебя, как сам Арджуна! Ты должен заботиться о своей собственной защите! Если я уйду, кто же тогда будет защитником твоим, кто может выступить в битве против Дроны, когда я отправлюсь к Пандаве? Да не будет у тебя опасений в отношении Арджуны!

Могучерукий, никогда он не впадает в уныние, какое бы тяжкое бремя не возлагал он на себя! Те воины, которые (противостоят ему), – саувираки и сайндхава-пауравы, и те, что пришли с севера с юга, и те, о царь, кои возглавляемы Карной и слывут выдающимися из воинов на колесницах, – все они не стоят и шестнадцатой доли разгневанного Арджуны!

Вся Земля, поднимись она против него, вместе с богами, асурами и людьми, со всеми племенами ракшасов, о царь, с киннарами и могучими* змеями, – в сущности, все, что движется и неподвижно, не в состоянии противостоять Партхе в сражении! Коль ты знаешь об этом, о великий царь, пусть рассеется твой страх в отношении Дхананджайи! Там, где-находятся оба те героя, могучих лучника, – оба Кришны, воистину отважные, – там никакой беды для их дела отнюдь не может случиться? Подумай о божественном могуществе, о совершенстве во владении оружием, о находчивости и о ярости в бою, а также о благодарности в сострадании брата своего!

Подумай также, о царь, о чудесном знании оружия, которое проявит Дрона в сражении, когда я покину (это место), чтобы отправиться к Арджуне! Ведь наставник, о царь, неистово жаждет схватить тебя, стремясь также сделать клятву свою правдивой, о потомок Бхараты! Позаботься сегодня о собственной своей защите! Кто же будет охранять тебя, когда я уеду, на кого полагаясь, о Партха, могу я отправиться к Пхальгуне?

Ведь, не передав тебя, о великий царь, кому-нибудь в этом великом сражении, я ни за что не отправлюсь (к Арджуне), о Кауравья! Говорю тебе правду! Поразмыслив об этом по-разному своим умом, о лучший из разумнейших, и усмотрев умом своим, что подходит для твоего высшего блага, приказывай мне, о царь!»

Юдхиштхира сказал:
Это именно так, о могучерукий, как ты говоришь, о Мадхава! И все жег однако, душа моя не становится спокойной в отношении Владельца белых коней, о достойнейший! Я приложу заботливо крайние усилия для своей собственной защиты. G моего дозволения ты отправляйся туда,. куда поехал Дхананджая! Поразмыслив своим умом о собственной моей ващите в сражении и о необходимости отправиться к Арджуне, я предпочитаю из этих двух (возможностей) последнюю: чтобы (ты) отправился туда. Ты приготовься поэтому, чтобы отправиться туда, куда уехал Дхананджая!

Мою же собственную защиту обеспечит Бхима могучий! Сын Паршаты вместе со своими единоутробными братьями и все могущественные цари, и сыновья Драупади, о братец мой, будут, без сомнения, защищать меня! Пятеро братьев-кекаев и ракшас Гхатоткача, Вирата и Друпада, и Шикхандин, могучий воин на колеснице, и Дхриштакету, преисполненный силы, и Кунтибходжа, о достойнейший, Накула и Сахадева, а также панчалы и сринджайи, – все они, о братец мой, будут, без сомнения, весьма старательно защищать меня!

Дрона со своим войском и Критаварман в сражении не в состоянии будут побить нас или причинить мне вред. А Дхриштадьюмна, усмиритель врагов, проявляя свою доблесть, будет

сдерживать яростного Дрону в сражении, как берег морской сдерживает обиталище Макаров.

Там, где будет находиться в пылу битвы сын Паршаты, губитель вражеских героев, туда никогда не сможет подступить могучее войско Дроны. Сей (герой) произошел из пылающего огня для сокрушения Дроны, облаченный в панцирь, вооруженный луком, стрелами и мечом, и в дорогих украшениях. Отправляйся вполне уверенно, о Шайнея, и не тревожься обо мне! Дхриштадьюмна, воспаленный гневом, сдержит Дрону в сражении!

Так гласит глава восемьдесят шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 87

Санджая сказал:
Услышав эти слова царя справедливости, тот бык из рода Шини, опасаясь осуждения Партхи, если он покинет царя земного, и особенно желая уберечь себя от порицания людей (за непослушание Юдхиштхире) подумал про себя: «Да не скажут люди обо мне, что я испугался, отправляясь к Пхальгуне!»

Поразмыслив об этом множество раз, Сатьяки, неодолимый в бою, тот бык среди людей, сказал царю справедливости такие слова: «Если ты считаешь, что защита твоя достаточно устроена, – благополучие да будет с тобою, о владыка народов, – то я исполню повеление твое и последую за Бибхатсу! Ибо нет никого в трех мирах, кто был бы милее для меня, чем Пандава, о царь, – говорю тебе правду! Я последую по его пути по твоему повелению, о милостивый! Нет ведь ничего такого, чего бы я когда-либо не сделал для тебя! Ибо как повеление наставника моего всегда особенно важно для меня, о лучший из людей, так и твое повеление исключительно важно для меня еще в гораздо большей степени! Ведь братья твои Кришна и Пандава всегда делают то, что приятно тебе. Знай же, о бык среди царей, что я всегда подвизаюсь в том, что приятно им обоим!

Приемля приказание твое головой своей ради Пандавы, о владыка, я отправлюсь (к нему), прорвавшись сквозь этот непроницаемый строй, о наилучший из людей! Разгневанный, я проникну сквозь войско Дроны, как рыба – сквозь море, и двинусь туда, о царь, где находится царь Джаядратха, где стоит он, полагаясь на свое войско в страхе перед Пандавой, охраняемый лучшими из выдающихся воинов на колесницах: сыном Дроны, Карной, Крипой и другими. Расстояние отсюда, о владыка народов, я думаю, составляет три йоджаны до того места, где стоит сейчас Партха, готовый к убиению Джаядратхи!

Однако, хотя он и находится на расстоянии трех йоджан, я все же последую по его пути с твердым сердцем и (останусь с ним), о царь, пока правитель Синдху не будет убит! Но кто же из людей вступит в битву без приказания вышестоящего? И кто, подобный мне, получив повеление, как я от тебя, о царь, не стал бы сражаться? Я знаю то место, куда я должен отправиться, о владыка! Изобилующий железными прутьями, дротиками, булавами и пиками, саблями и обоюдоострыми мечами, щитами и копьями и наилучшими из лучших стрелами и луками – я всколеблю этот океан войска!

Это войско слонов, которое видишь ты, состоит из тысячи слонов, принадлежащих к роду по названию Анджана, – все они наделены великой мощью, и на (спинах) их сидят множество млеччхов, восторгающихся битвой и искусно разящих. Эти слоны, видом подобные облакам, о царь, источающие течку, словно дождевые тучи, никогда не отвращаются (от битвы), будучи понуждаемы своими седоками. И не может быть для них поражения, о царь, за исключением случаев, когда они бывают убиты? Затем, с другой стороны, эти воины, сражающиеся

на колесницах, которых ты видишь со всех сторон, о царь, все принадлежат к царскому роду и являются махаратхами, по прозвищу «рукмаратхи» («обладатели золотых колесниц»).

Они искусны во владении оружием и сражении на колесницах, а также со спин слонов, о владыка народов! Они полностью преуспели в науке владения оружием и хорошо сведущи в кулачном бою. Способные сражаться булавами и владеющие искусством рукопашного боя, они одинаково ловки в нанесении ударов саблями и в нападении с мечом и щитом. Они храбры и хорошо обучены и соперничают (в доблести) друг с другом. Ежедневно, о царь, они жаждут убивать (как можно больше) людей в сражении.

Эти воины подчинены Карне, о царь, и преданы Духшасане. Даже Васудева восхваляет их как выдающихся из воинов, сражающихся на колесницах. Движимые постоянно желанием совершать приятное для Карны, они послушны его воле. Это по его приказанию, о царь, они возвратились от (преследования) Шветаваханы и поэтому, нераненные и неутомленные, облаченные в крепкие доспехи и с тугими луками, наверное, выступили против меня также по повелению сына Дхритараштры! Сокрушив их в сражении ради блага твоего, о Каурава, я после этого последую по пути Савьясачина! А эти другие слоны, о царь, числом в семь сотен, которых ты видишь облаченных в доспехи и хорошо украшенных, на чьих спинах восседают кираты, – их вместе со множеством слуг, (их обслуживающих), царь киратов, схваченный (ранее) Савьясачином, даровал ему, желая сохранить свою жизнь. Они, о царь, были прежде усиленно используемы для выполнения твоих работ. Теперь же они собираются сражаться против тебя самого. Обрати внимание на эту превратность времени!

Эти же их седоки – кираты трудноодолимы в бою. Хорошо сведущие в искусстве сражаться со слонов, все они происходят из рода Агни. Все они раньше были побеждены в сражении Савьясачином и теперь старательно дожидаются меня, послушные воле Дурьйодханы. Искромсав их своими стрелами, о царь, этих киратов, трудноодолимых в бою, я отправлюсь вслед за Пандавой, сосредоточившимся всецело на убиении правителя Синдху. А эти (другие) громаднейшие слоны, происходящие из рода Анджана, с крепкой кожей, хорошо обученные, со щек и ртов своих источающие течку и хорошо украшенные всевозможными доспехами, целиком сделанными из золота, неотступно настигают цель в сражении, о царь, и подобны в битве самому Айраване. Они прибыли с Северной горы,288 и на них разъезжают свирепые дасыо, с крепкими мускулами, все – превосходнейшие воины, облаченные в кольчуги из вороненой стали. Там среди них есть такие, кои родились из коровьей утробы, и есть родившиеся от обезьяньей утробы, и еще такие, что родились от утробы различных других существ, а также родившиеся от человеческой утробы. Это подразделение войска млеччхов, нечестивых и зловредных, обитающих в твердынях Химавана, кажется (на расстоянии) цвета дымчатого.

Обретя все это и целое полчище слонов, а также Крипу и сына Сома-датты, и Дрону, превосходнейшего из воинов, сражающихся на колесницах, также царя страны Синдху и Карну, Дурьйодхана думает пренебрежительно о пандавах! Побуждаемый судьбою, он считает себя уже достигшим своей цели. Однако все они (названные мною), попав в сферу досягаемости моих стрел, не вызволятся (от меня), о Каунтея если даже были бы они наделены быстротою мысли! Высокочтимые всегда Дурьйодханой, зависящим от геройской доблести других, (воины те) придут к гибели, мучимые тучами моих стрел. А эти другие воины на колесницах, которые, о царь, виднеются там, с золотыми знаменами и неотразимые, – эти называются камбоджами, если ты слышал. Они храбры и хорошо воспитаны и неизменно преданы науке оружия.

Желающие благополучия друг другу, ведь все они крепко сплочены. Они составляют целое акшаухини разгневанных воинов у сына Дхритараштры, о потомок Бхараты, и стоят, приго-

товившись старательно, ради меня, охраняемые героями кауравами. Неусыпно бдительные, о великий царь, они стоят, сосредоточив свое внимание как раз на мне! Но их непременно я сокрушу, как огонь (уничтожает) сухую траву!

Поэтому пусть те, кто занимается снаряжением колесниц, положат, о царь, все колчаны и всевозможные боевые принадлежности подобающим образом в мою колесницу. И в самом деле, в такой (свирепой) битве должно быть взято оружие различных видов. Пусть колесница будет снабжена пятью неотъемлемыми элементами, как это предписано учителями (военного дела), ибо я должен буду сразиться с камбоджами, яростными, подобно ядовитым змеям. Я должен буду также сразиться с киратами, вооруженными различными видами оружия и способными сражаться. А всяким оружием, подобными змеиному яду и искусно разящими, (киратами), которые всегда обласканы самим Дурьйодханой и всегда желают блага своему царю. Я должен будут также сразиться с шаками, по доблести равными самому Шакре, свирепыми, подобно огню, и неприступными, подобно пылающему пламени. Также и со множеством других различных воинов, о царь, – неотразимых, неумолимых и одержимых в бою, я должен буду сразиться в битве. Поэтому пусть превосходнейшие кони, отмеченные благоприятными признаками, будут снова впряжены в мою колесницу, после того как они отдохнули, напились воды и покатались по земле!»

И после (этих слов Сатьяки) царь (Юдхиштхира) велел положить в его колесницу все колчаны и всевозможные боевые принадлежности, а также различные виды оружия. Затем люди, (прислуживавшие за лошадьми), отпустив четырех его превосходных коней на все стороны, напоили их вкусной водою, приводящей в возбуждение. И после того как они напились воды и покатались по земле, выкупались и поели корму и стрелы из них были извлечены, а сами они были украшены золотыми гирляндами, – тех четырех коней, старательно обученных, обладающих мастью, подобной цвету золота, и быстро мчащихся, резвого нрава и чрезвычайно послушных, запряг украшенных золотыми сбруями в колесницу Сатьяки, как должно, младший брат Даруки.

И колесница та была, как подобает, снабжена высоким знаменем с изображением льва, увенчанного золотой гривой, и украшена флажками цвета белых облаков и покрыта золотыми узорами, пестреющими драгоценными камнями и кораллами, и высился над ней зонт, установленный на золотом шесте, и была заполнена она множеством всякого оружия. И (когда кони были впряжены), младший брат Даруки – возница и любимый друг Сатьяки, доложил ему, подобно тому как (сообщает об этом) Матали – Васаве, что колесница уже заложена.

Тогда, совершив омовение и очистившись, Сатьяки, над которым были совершены благоприятствующие обряды, велел дать (много) золотых нишаков тысяче брахманов-снатаков (призвавших на него благословения). И освященный теми благословениями, он, наилучший из прекрасных, заслуживающий почетного напитка, выпив тогда мед кайла-вата, выглядел весьма блистательно с покрасневшими глазами, вращающимися от опьянения. Прикоснувшись к бронзовому зеркалу и преисполненный великой радости, он вдвое усилился в своей мощи, уподобившись сверкающему огню.

И затем, когда он, лучший из воинов, сражающихся на колесницах, облаченный в панцирь и хорошо украшенный, взял к себе на колени лук со стрелами, над ним был совершен брахманами умилостивительный обряд для отвращения зла. И юные девушки почтили его ливнями жареных зерен, благовониями и гирляндами цветов. Затем он с почтительно сложенными ладонями рук поклонился стопам Юдхиштхиры и тот поцеловал его в голову. После этого он взошел на свою могучую колесницу. И тогда те кони, резвые и хорошо упитанные, быстрые как ветер и непобедимые, происходящие из страны Синдху, игриво помчали ту победоносную колесницу.

Затем Сатьяки, всем существом своим преисполненный радости, обратившись к Бхиме, (следовавшим за ним), сказал ему: «Ты, о Бхима, охраняй царя, ибо это первостепенный твой долг! Прорвав строй этого войска, чей пробил уже час, я проникну в него. Теперь ли, или в дальнейшем, защита царя – твой высочайший долг! Ты знаешь мою геройскую доблесть, я же знаю твою, о усмиритель врагов! Поэтому возвращайся, о Бхима, если ты желаешь (сделать) мне приятное!»

На такие слова Сатьяки тот промолвил ему: «Отправляйся тогда для успеха твоего дела! Я буду осуществлять защиту царя, о лучший из людей!» На эти сказанные слова тот отпрыск рода Мадху промолвил в ответ Бхимасене: «Быстрее отправляйся, отправляйся назад, о Партха! Сегодня победа моя несомненна! Ибо проникнутый любовью ко мне и преданный, ты сегодня послушен моим желаниям! Ибо и благоприятные знамения, о Бхима, также говорят мне, (что победа моя несомненна)! После того как зловредный правитель Синдху будет убит благородным Пандавой, я без сомнения обниму царя, справедливого душою!»
Сказав такие слова Бхиме и отпустив его, тот благородный (воин) стал пристально разглядывать твое войско, подобно тому как тигр (высматривает) стада антилоп. И войско твое, увидев его, так на него взирающего, о повелитель людей, впало опять в замешательство и стало сильно трепетать. Тогда Сатьяки тот, желая видеть Арджуну но велению царя справедливости, о царь, внезапно ринулся против твоего войска.

Так гласит глава восемьдесят седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 88

Санджая сказал:
Меж тем как Ююдхана, желая сражаться, двинулся против твоего войска, царь справедливости, о великий царь, окруженный своим войском, последовал за Ююдханой, чтобы достичь колесницы Дроны. Затем сын царя панчалов (Дхриштадьюмна), неодолимый в сражении, и царь Васудана, оба громко возгласили среди войска пандавов: «Подходите, разите быстро и обрушивайтесь (на врага) так, чтобы Сатьяки, неодолимый в бою, мог свободно пройти (сквозь строй кауравов)! Ибо многие могучие воины на колесницах стараются победить его!»

Так говоря, (могучие воины пандавов) стремительно нагрянули на твое войско; И право, все они ринулись туда (с возгласами): «Мы непременно победим самих тех (воинов)!» И тогда громкий шум раздавался перед колесницей Ююдханы. Огромное войско твоего сына, приводимое в трепет героем из рода Сатвата, о великий царь, было разбито им на сто сражающихся горсточек (храбрецов). И когда тот строй расчленялся так, внук Шини, могучий воин на колеснице, сокрушил семерых героев, могучих лучников, на переднем участке вражеского войска. Перепуганные, сильно крушимые, и теснимые могучеруким воином, герои те покинули поле боя при виде того сверхчеловека.

И от колесниц со сломанными осями и разбитыми сидениями, о достойнейший, от раскатившихся (в разные стороны) колес, от срубленных и поверженных знамен; от колесничных днищ и стягов, от головных уборов, украшенных золотом, от человечьих рук, умащенных сандалом и украшенных браслетами ангада, о владыка народов; от человечьих бедер, напоминающих хоботы слонов или извилистые тела змей, – чем была покрыта земля, о лучший из мужей, – от луноподобных ликов, украшенных чудесными серьгами, волооких воинов, лежащих повсюду (на поле брани), о потомок Бхараты, сама земля выглядела красиво! От павших на землю слонов, рассеченных различным образом и подобных утесам, она выглядела чрезвычайно красиво, словно обширная равнина, усеянная холмами.

Сокрушенные тем долгоруким (героем) и лишенные жизни, кони, упав на землю, выглядели красиво в постромках, сделанных из блестящего золота и украшенных нитями жемчуга, и в пестрых чудесных панцирях. И уничтожив различные роды твоего войска, тот отпрыск рода Сатвата проник в твой боевой строй, сильно измотав и обратив в бегство все твое войско. Затем Сатьяки пожелал следовать тем путем, которым до него отправился Дхананджая. Однако он был остановлен Дроной.

Столкнувшись с сыном Бхарадваджи, о достойнейший, Ююдхана, преисполненный гнева, не остановился, как громада вод при столкновении с берегом морским. Дрона, однако же, сдерживая в сражении Ююдхану, могучего воина на колеснице, пронзил его пятью острыми стрелами, способными проникать в жизненно важные места. Сатьяки же, о царь, в том сражении пронзил Дрону семью стрелами, отточенными на камне и оснащенными золотым основанием и оперением цапли и павлина. Но Дрона больно потревожил своего противника, его коней и возницу шестью стрелами.

И Ююдхана, тот могучий воин на колеснице, не смог вынести такого (подвига) Дроны. Издав львиный клич, Сатьяки тогда пронзил Дрону десятью стрелами, затем шестью и потом еще восемью другими. И снова Ююдхана пронзил Дрону десятью стрелами, его возницу – одной и четырех коней его – четырьмя стрелами. А другой стрелой он пронзил его знамя в той битве, о достойнейший! Тогда Дрона стремительно покрыл его вместе с конями, возницей и знаменем быстролетящими стрелами, словно тучами саранчи. Точно так же и Ююдхана бесстрашно покрыл Дрону множеством быстролетных стрел. И тогда Дрона сказал ему:

«Твой наставник (Арджуна) удалился прочь, как трус, оставив поле боя, ибо, покидая меня, сражавшегося с ним, он проследовал с правой стороны. Ты тоже, о отпрыск рода Мадху, не избавишься от меня живым сегодня, когда я сражаюсь с тобой, если ты, подобно своему наставнику, не уедешь быстро, оставив меня на поле битвы!»

Сатьяки сказал:
По повелению царя справедливости я должен следовать путем Дхананджайи! Благополучие пусть сопутствует тебе, о брахман! Да не будет у меня потери времени (из-за битвы с тобою)!

Санджая сказал:
Сказав так, внук Шини объехал стороной наставника и внезапно устремился вперед, о царь! И обратившись к своему вознице, он сказал ему: «Дрона будет всячески прилагать усилия, чтобы воспрепятствовать мне. Поезжай старательно в сражении, о возница, и внимай этим важным словам моим! Вон это виднеется войско авантьев, отличающееся великим блеском. А непосредственно за ним – это могучее войско из южан.

Следующее за ним – это обширное войско бахликов. А рядом с бахликами стоит и могучее войско Карны, готовое к бою. Разделенные одно от другого, но полагающиеся одно на другое, все они, о возница, не покинут поля битвы! Достигнув открытого промежутка между этими (войсками), погоняй бодро коней! Держась умеренной скорости, вези меня туда, о возница, где виднеются бахлики с различным поднятым оружием и многочисленные воины-южане, предводительствуемые сыном суты, чье войско представляется взору, (войско), состоящее из слонов, коней и колесниц, включая также и пехотинцев, происходящих из различных областей!»

Сказав так много вознице своему, он, избегая брахмана (Дроны), стремительно прорвался туда, где находилось свирепое и могучее войско Карны. Распаленный гневом, Дрона, однако, неотступно преследовал его, сея в него множество стрел, тогда как могучерукий Ююдхана

все продвигался вперед, не поворачивая вспять. Поразив весьма обширное полчище Карны острыми стрелами, Сатьяки проник в бескрайнее войско бхаратов. Когда же, однако, Ююдхана проник туда и отряды, (противодействовавшие ему), разбежались, неистовый Критаварман стал сдерживать Сатьяки.

Но поразив нападающего на него противника шестью стрелами, отважный Сатьяки убил мгновенно четырех его коней четырьмя другими стрелами. И затем снова шестнадцатью прямыми, быстролетными стрелами Сатьяки пронзил Критавармана посредине груди. Терзаемый множеством стрел с тонко отточенными остриями, (посылаемых) отпрыском рода Сатвата, о великий царь, Критаварман не смог вынести этого. Возложив (на лук) стрелу с острием в виде телячьего зуба, подобную (ядовитой) змее и (быструю), как ветер, и натянув (тетиву), о царь, вплоть до самого уха, он пронзил грудь Сатьяки. И с оперенным основанием та стрела, пробив доспехи и пронзив наскозь тело, вонзилась в землю, обагренная кровью.

Затем Критаварман, знаток высочайшего оружия, о царь, рассек множеством стрел его лук вместе с тетивой и стрелою, (возложенной на ней). И вслед за этим, возбужденный гневом, о царь, он в той битве пронзил Сатьяки, воистину отважного, посредине груди десятью острыми стрелами. И когда лук его был рассечен, Сатьяки, лучший из обладающих мощью, поразил дротиком в правую руку Критавармана. Взяв затем другой тугой лук, доблестный Сатьяки быстро стал метать стрелы сотнями и тысячами и окутал ими со всех сторон Критавармана вместе с его колесницей. И окутав густо (тем потоком) сына Хридики в сражении, Сатьяки тогда стрелою с серповидным острием отсек голову его вознице. И возница сына Хридики, сраженный так, упал с огромной колесницы.

И тут кони Критавармана, когда возница его был убит, умчались прочь со всей стремительностью. Тогда правитель бходжей бесстрашно сам сдержал коней и с луком и стрелами в руках встал, (готовый к бою). И тот (подвиг его) громко приветствовали его войска. Вздохнув свободно только с минутку, он погнал затем своих добрых коней. Сам же, лишенный страха, «н внушал врагам своим великий страх. А Сатьяки тем временем выехал вперед от него, тогда как сам Критаварман ринулся против Бхимасены.

Сатьяки же, со своей стороны, выбравшись из войска Дроны, помчался со стремительной быстротой к могучему войску Камбоджей. Но сдерживаемый там многочисленными храбрыми и могучими воинами на колесницах, Сатьяки, воистину отважный, не смог тогда, о царь, двинуться (ни на шаг). Тем временем Дрона, расположив свое войско в должном порядке и возложив бремя (о защите его) на правителя бходжей, решительно двинулся в пылу той битвы на Ююдхану с желанием сразиться.

И меж тем как он преследовал так Ююдхану сзади, главнейшие воины из войска пандавов, разгневанные, стали сдерживать его. Панчалы же, однако, предводительствуемые Бхимасеной, достигнув сына Хридики, выдающегося из всех воина, сражающегося на колеснице, утратили свой пыл, будучи остановлены, о царь, отважным Критавармаком, сто.чь проявлявшим свою доблесть. Хотя и несколько упавшие духом, все они сражались с большим рвением. А он бесстрашно сдерживал их потоками своих стрел вместе с утомленными их животными. Однако сдерживаемые так правителем бходжей, храбрые воины (из войска пандавов), жаждущие-сражаться с войском самих бходжей, стояли, подобно благородным (по-своей родовитости) ратникам, домогаясь великой славы.

Так гласит глава восемьдесят восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 89

Дхритараштра сказал:
Наше войско в одинаковой степени состоит из различных родов, оно в равной степени рассматривается как превосходнейшее. Равным образом оно построено в боевые порядки, согласно установленным правилам, и в равной степени оно многочисленно, о Санджая! Оно постоянно чтится нами и оно всегда предано нам. Оно обширно (по величине своей) и представляет весьма необычайное зрелище, и доблесть его испытана заранее. Воины в нем не слишком стары и не слишком молоды.

И они не худы и не слишком толсты. Учтивые в обхождении, склонные к долголетию и с крепким телосложением, они свободны от болезней. Они облачены в боевые доспехи и вооружены многочисленным оружием, они искусны в различных видах применения оружия. Они сведущи в искусстве взбираться на спины слонов и спускаться с них, в продвижении вперед и быстром отходе назад, в ловком нанесении ударов, в выступлении в поход и отступлении. Множество раз они испытывались в управлении слонами, конями и колесницами. И будучи испытаны должным образом, они ублаготворялись жалованием, не из-за одной родовитости, не из благосклонности и не из-за родственных связей. И не было в войске моем такого, кто (пришел бы случайно), не будучи призван, или же не получал бы содержания?

Мое войско состоит из людей родовитых и благородных, которые довольны, накормлены досыта и покорны. Оно пользуется заслуженными почестями и благосклонностью, овеяно славой и отмечено мудростью. Оно охраняется, о сын мой, главными из наших советников и многими другими, занятыми в главных делах, из коих все – превосходнейшие из людей, подобные самим хранителям мира! Оно охраняется также многочисленными царями земными, желающими сделать приятное для нас и примкнувшими к нам по своей воле вместе со своими войсками и приверженцами.

И право же, (войско наше) подобно великому океану, наполненному водами (неисчислимых) потоков, текущих.со всех сторон. Оно изобилует конями и колесницами, напоминающими, хоть и бескрылые они, крылатых тварей (парящих над гладью океана). Воины в этом (океане войска) заменяют его неистощимые воды, а верховые и упряжные животные составляют его страшные вздымающиеся волны. Бесчисленные пращи, мечи и булавы, дротики, стрелы и копья заменяют в нем рыб.

Изобилующее знаменами и убранствами, оно украшено жемчугами вместо (прибрежных) галек. Быстро мчащимися верховыми и упряжными животными оно приводится в сотрясение вместо могучих порывов ветра; Дрона заменяет в нем глубочайшую бездну, а Критаварман – обширные омуты в нем; Джаласандха представляет его могучих крокодилов, а Карна – восход луны, придающий ему надменный вид!

Когда тот бык среди пандавов быстро помчался на одной-единственной колеснице, о Санджая, прорвавшись сквозь океан моего войска, и когда Ююдхана также (последовал за ним), я не предвижу там даже остатков от войска моего после вторжения Савьясачина и выдающегося из воинов, сражающихся на колесницах, того героя из рода Сатвата, о Санджая! Видя их обоих, смелых и бесстрашных, прорвавшихся там сквозь (передние ряды строя), и видя также правителя Синдху, оказавшегося в пределах досягаемости стрел лука гандивы, какие тогда меры предприняли кауравы, понуждаемые судьбой? В то страшное время, когда все были поглощены единой решимостью (сражаться), что же произошло с ними?

Я полагаю, о сын мой, что кауравы, собравшиеся вместе, уже поглощены самою Смертью! Ибо их доблесть в сражении не кажется сегодня уже такой, (какой она была некогда). Криш-

на и Пандава проникли оба черей тот боевой строй невредимыми! И нет здесь никого, о Санджая, способного задержать их! Многие ратники – могучие воины на колесницах – были допущены нами после надлежащей проверки. Все они были ублаготворены содержанием по заслугам каждого, другие же – приятною речью. Нет в моем войске, о сын мой, такого, кто без всякой причины не был бы ублаготворен, ибо каждый получает назначенную плату и питание соответственно характеру его службы. Не было в моем войске, о Санджая, ни одного воина, который получал бы меньшую плату и содержание, чем того он заслуживает, и не было, о сын мой, человека, получавшего плату неблагородным металлом. Ведь воины ублажаются мною, по мере моих сил, дарами, почестями и сидениями. Точно так же чтятся они и моими сыновьями, о сын мой, и родственниками вместе с друзьями.

И (теперь) они побеждены Савьясачином и оттеснены внуком Шини, едва только последние настигли их в сражении! Что же это может быть иное, кроме проявления судьбы? Тот, кто охраняется в сражении, и те, кто сами охраняют, о Санджая, – для них путь одинаковый: как для охраняемого, так и для охраняющих. Увидев в сражении Арджуну, стоящего перед правителем Синдху, какой образ действий предпринял мой крайне глупый сын? Увидев на поле брани также Сатьяки, бесстрашно проникнувшего в строй, какие же задумал Дурьйодхана принять меры, подходящие ко времени? В самом деле,. увидев их обоих, превосходнейших из воинов на колесницах, избежавших (прикосновений) всех видов оружия и проникнувших в ряды моего войска,, какое решение приняли мои воины в битве?

Я думаю, что при виде Кришны из рода Дашарха, а также того быка из рода Шини, решительно выступивших ради Арджуны, сыновья мои терзаются печалью! Я думаю, что при виде моего войска, прорванного героем из рода Сатвата и Арджуной, а также кауравов, убегающих прочь, сыновья мои терзаются горем! Я думаю, что при виде их воинов на колесницах, отступающих в полной безнадежности победить врагов и принявших решение обратиться в бегство, сыновья мои терзаются печалью! Я думаю, что при виде сидений колесниц, опустошенных героем из рода Сатвата и Арджуной, а также убитых ими воинов сыновья мои терзаются горем!

Я думаю, что при виде там коней, слонов и колесниц и храбрых воинов, тысячами бегущих в испуге с поля брани, сыновья мои терзаются печалью! Я думаю, что при виде там коней, лишенных своих храбрых седоков, и воинов, лишенных своих колесниц усилиями Сатьяки и Партхи, сыновья мои терзаются горем! Я думаю, что при виде целых толп пехотинцев, убегающих с поля битвы во все стороны, сыновья мои терзаются печалью! Я думаю, что при виде тех обоих героев, прорвавшихся сквозь боевой строй Дроны непобежденными даже на миг, сыновья мои терзаются горем!

Я ошеломлен ужасно, о сын мой, услышав, что Кришна и Дхананджая, неувядаемые славой, проникли оба вместе с Сатьяки в мое войско? После того как тот превосходнейший воин на колеснице среди шиниев зп проник в мое войско и прорвался сквозь строй бходжей, как же вели себя кауравы? И когда пандавы были теснимы Дроной в сражении, как тогда происходила там битва? О том расскажи мне, о Санджая! Ведь Дрона обладает сильною мощью, храбр, искушен во владении оружием и тверд в отваге!

Как могли панчалы сражаться с тем могучим лучником в бою? Желающие победы царю справедливости, они питают злейшую вражду к Дроне. Также и сын Бхарадваджи, могучий воин на колеснице, проявляет жгучую враждебность по отношению к ним. И поэтому расскажи о том, что сделал Арджуна для свершения убийства правителя Синдху, – обо всем том расскажи мне. Ибо ты искусен (в умении повествовать), о Санджая!
Так гласит глава восемьдесят девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 90

Санджая сказал:
Оказавшись в бедствии по причине своей собственной оплошности, ты не должен, о герой, так печалиться, подобно простому человеку! Зная твою непригодность (в делах) и твое пристрастие к сыновьям своим, а также твое двойственное отношение к справедливости и ревность к пан-давам и слыша многочисленные горестные твои причитания, о наилучший из повелителей людей, тот могущественный учитель всех (трех) миров, знающий истинную сущность всего, что есть в этих мирах, – Васудева вызвал тогда великую войну среди всех кауравов! Из-за твоей собственной оплошности наступила эта ужасная всеобщая гибель!

Ибо (в течение этих событий) никакой добродетельной заслуги твоей не видно, о потомок Бхараты, как в начале, так в середине и конце! Ведь поражение коренится полностью в тебе! Поэтому, зная о подлинной сущности этого мира, будь стоек и слушай, как происходила свирепая битва, подобная той, (что велась некогда) между богами и асурами! После того как внук Шини, воистину отважный, проник в твое войско, партхи во главе с Бхимасеной тоже двинулись против твоей рати.

И тех пандавов, стремительно и с яростным видом подступавших вместе с их приверженцами, Критаварман, могучий воин на колеснице, сдерживал один в том сражении. Как берег морской сдерживает море взволновавшихся вод, так и сын Хридики сдерживал войско пандавов в пылу сражения. И доблесть сына Хридики считали там необычайной, поскольку партхи, объединившиеся вместе, не могли превзойти в битве его одного.

Тогда Бхима могучерукий, пронзив Критавармана тремя железными мгм стрелами, затрубил в раковину, радуя всех пандавов. Затем Сахадева пронзил сына Хридики двадцатью стрелами, царь справедливости-пятью и Накула – сотнею стрел. Сыновья же Драупади поразили Крита вармана семьюдесятью тремя стрелами, Гхатоткача – семью и Дхриштадьюмна – тремя, а Вирата, Друпада и сын Яджнясены (Шикхандин) пятью стрелами каждый. Кроме того, Шикхандин, пронзив уже раз сына Хридики пятью быстролетными стрелами, пронзил его снова двадцатый ; стрелами, как бы посмеиваясь (над ним).

Тогда Критаварман, о царь, пронзил всех тех могучих воинов на колесницах пятью стрелами каждого, а Бхиму – снова семью. И сражаясь старательно, он поверг на землю лук и знамя Бхимы с его колесницы. Затем тот могучий воин на колеснице, разгневанный, с большой стремительностью ударил Бхиму, чей лук был рассечен, семьюдесятью острыми стрелами в грудь. Глубоко пронзенный отличнейшими стрелами сына Хридики, могучий Бхима затрясся посреди своей колесницы, подобно горе во время землетрясения. И видя Бхи-масену в таком положении, (партхи), предводительствуемые царем справедливости, стали больно тревожить Критавармана, выпуская в него жестокие стрелы. И окружив его потоком колесниц, о достойнейший, они в радостном возбуждении пронзили его своими стрелами, чтобы защитить сына Ветра в той битве.

Придя вновь в сознание, Бхимасена, наделенный могучей силой, схватил тогда в пылу сражения дротик, сделанный из стали и снабженный золотым древком, и метнул его стремительно со своей колесницы в колесницу Критавармана. И выпущенный из рук Бхимы, тот дротик, напоминающий змею, высвободившуюся из своей обветшалой кожи, страшный" видом, ярко сверкал, когда он несся на Критавармана. И (видя) дротик, блеском подобный разрушительному огню в конце юги, стремительно-несущийся на него, сын Хридики двумя стрелами рассек его надвое.

И рассеченный так, дротик тот, украшенный золотом, упал на землю, озаряя все страны света, о царь, подобно огромному метеору, падающему с небосвода. Видя, что дротик его сбит, Бхима пришел в сильную ярость. Тогда, взяв другой лук, более тугой и издающий звон гораздо мощный, Бхимасена, преисполненный гнева, остановил сына Хридики в сражении. Затем Бхима, наделенный страшною мощью, ударил его посредине груди пятью стрелами, – вследствие твоей дурной политики, о царь! И правитель бходжей, с телом, всюду израненным Бхимасеной, о достойнейший, сиял блистательно на поле битвы, словно красное ашоковое дерево, распустившееся цветами.

Тогда могучий лучник (Критаварман), воспаленный гневом, слегка улыбаясь, ударил сильно в Бхимасену тремя стрелами и пронзил в ответ всех тех могучих воинов на колесницах, усердно сражавшихся в битве тремя стрелами каждого. А те в ответ пронзили его семью стрелами каждый. И затем кипящий гневом, тот могучий воин на колеснице рассек стрелою с бритвообразным наконечником лук Шикхандина, как бы смеясь
в пылу сражения, о потомок Бхараты!

Шикхандин же, разгневавшись при виде рассеченного своего лука, быстро схватил меч в разгаре битвы и сверкающий щит, усеянный сотнею лун. Кружа огромным щитом,,
украшенным золотом, он послал тот меч в колесницу Критавармана.

И тот огромный меч, рассекши в сражении его лук вместе с возложенной на нем стрелою, упал на землю, о царь, подобно яркому светилу, скатившемуся с небосклона. В это самое время могучие воины на колесницах быстро и глубоко пронзили Критавармана своими стрелами в той битве.

Тогда, отбросив свой рассеченный огромный лук и взяв другой лук, о лучший из рода Бхараты, сын Хридики, губитель вражеских героев, пронзил пандавов в пылу сражения тремя прямыми стрелами каждого. И Шикхандина пронзил он – сначала тремя, а затем пятью стрелами.

Но тут Шикхандин достославный, взяв другой лук, сдержал сына Хридики быстролетными стрелами с остриями в виде когтей черепахи. Тогда, о царь, сын Хридики, воспаленный гневом в том сражении, ринулся со всей стремительностью на сына Яджнясены, могучего воина на колеснице, о царь, бывшего причиной поражения благородного Бхишмы в бою.

И право же, (ринулся) тот герой, проявляя свою мощь, словно тигр, нападая на слона! И оба те укротителя врагов, напоминающие двух слонов стран света или два сверкающих огня, нападали друг на друга, разя тучами стрел. Потрясая превосходнейшими луками и накладывая на них стрелы, оба они выпускали их сотнями, будто два солнца, посылающие
свои лучи. И жестоко терзая друг друга острыми стрелами, те оба героя, могучих воина на колесницах, сияли блистательно, подобно двум солнцам, появляющимся в конце юги. Тут Критаварман пронзил неистового сына Яджнясены, могучего воина на колеснице, семьюдесятью тремя стрелами и еще раз – семью.

И тот, глубоко пронзенный, в мучительном бессилии опустился на площадку колесницы и, выпустив лук со стрелами, впал в обморочное состояние.

Увидев того героя безжизненным на колеснице, твои войска, о бык из рода Бхараты, почтили сына Хридики и стали размахивать своими одеждами (в воздухе). Заметив, что Шикхандин так измучен стрелами сына Хридики, возница его поспешно вывез того могучего воина на колеснице с поля битвы. Партхи же при виде Шикхандина, лежащего в изнеможении на площадке колесницы, быстро окружили Критавармана в том сражении своими колесницами.

И там Критаварман, могучий воин на колеснице, совершил весьма необычайный подвиг, так как он один сдерживал всех партхов вместе с их приверженцами. И победив так партхов, Критаварман, могучий воин на колеснице, победил также и чедиев, панчалов, сринд-жаев и кекаев – всех, преисполненных великой доблести. И те (войска) пандавов, так сокрушаемые в битве сыном Хридики, начали разбегаться туда и сюда, ибо не способны уже были устоять в сражении. Победив в бою сыновей Панду, предводительствуемых Бхимасеной, сын Хридики стоял в сражении, подобно бездымному (ярко сверкающему) огню. И обращенные в бегство сыном Хридики в пылу сражения, те могучие воины на колесницах совсем отвратились от него, теснимые ливнями стрел.

Так гласит глава девяностая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 91

Санджая сказал:
Слушай с неослабным вниманием, о царь, о чем ты спрашиваешь меня! После того как то войско (партхов) было обращено в бегство благородным сыном Хридики, после того как оно было унижено стыдом, а твои войска охвачены радостью, тот, кто стал прибежищем пандавов, искавших покровительства, когда они находились в том бездонном море (бедствия), тот герой, внук Шини, услышав страшный шум твоих войск в свирепом сражении том, о царь, быстро двинулся на Критавармана.

Но тут Критаварман, сын Хридики, воспаленный гневом, осыпал внука Шини острыми стрелами. Тогда разгневался и Сатьяки. И тут внук Шини в пылу сражения послал в Критавармана остро отточенную стрелу с серповидным острием и еще четыре других стрелы. И те стрелы убили (четырех) его коней, а стрелою с серповидным острием Сатьяки рассек его лук. Затем он пронзил возницу своего противника и воина, охранявшего его с тылу, множеством острых стрел. И лишив его колесницы, Сатьяки, наделенный подлинной отвагой, стал изматывать его войско прямыми стрелами.

И терзаемое стрелами внука Шини, вражеское войско было полностью рассеяно. И тогда Сатьяки, воистину отважный, поспешно проследовал своим путем.

Слушай теперь, о царь, что сделал тот герой отважный войскам твоим. Переправившись, о великий царь, через великий океан, состоящий из войска Дроны, а сам преисполненный радости оттого, что одержал победу над. Критаварманом в сражении, герой тот сказал своему вознице: «Поезжай: медленно без опасений!» Видя, однако, то войско твое, изобилующее колесницами, конями и слонами и кишащее пешими воинами, он снова сказал вознице: «Это обширное войско, что находится левее рати Дроны и выглядит подобно черной туче, состоит из (вражеских) слонов. Рукмаратха является его предводителем. Эти слоны ведь многочисленны, о возница, и трудноотразимы в сражении.

Получив приказание Дурьйодханы, они (ожидают) меня, готовые положить свои жизни. Все воины – царевичи (по рождению) и могучие стрелки из лука и способны проявить свою доблесть в сражении. Среди тригартов (к коим они принадлежат) – это прославленные воины на колесницах, несущие знамена, украшенные золотом. Те герои, с лицами, обращенными ко мне, стоят, желая сразиться со мною. Туда доставь меня быстро. Гони же коней, о возница! Я сражусь с тригартами на глазах у сына Бхарадваджи».

Тогда возница, послушный воле отпрыска из рода Сатвата, поехал: медленно на сверкающей колеснице, блеском подобной солнцу и осененной: знаменем. Ее мчали послушные вознице

превосходнейшие кони, игриво приплясывая, по быстроте равные ветру в сражении, светлой масти, словно цветок жасмина, или месяц, или же серебро.

И когда тот воин на колеснице, влекомый превосходнейшими конями масти, подобной цвету раковины, примчался (к вражескому строю), его окружили тогда со всех сторон те герои отрядом слонов, сея разного рода острые стрелы, способные легко пронзать все. Отпрыск рода Сатвата тоже сразился с войском слонов, посылая острые стрелы, подобно тому как мощное облако на исходе жаркой поры исторгает на горы ливни дождя.

Убиваемые стрелами, по. прикосновению равносильными громовым ударам, сторгаемыми доблестнейшим из шиниев, слоны те стали убегать, покидая поле брани, с бивнями сломанными, истекающие кровью, с головами и выпуклостями на лбу размозженными, с ушами, мордами и хоботами отсеченными и лишенные своих погонщиков и знамен. Иные из них с кольчугами и колокольцами разбитыми, с высокими стягами срубленными, с седоками убитыми и с попонами сползшими разбегались, о царь, в разные стороны. Другие же,, изувеченные отпрыском из рода Сатвата длинными стрелами, а также снабженными острием в виде телячьего зуба, (убегали прочь), испуская разнообразный рев, подобный раскатам (грома из) облаков.

Меж тем как то войско слонов было обращено в бегство, Джаласандха могучий воин на колеснице, старательно прилагая усилия, повел своего, слона против колесницы (Ююдханы), запряженной конями серебристой масти. С руками золотистого оттенка, украшенный золотыми браслетами ангада, в серьгах и диадеме, с раковиной (в руке), умащенный красным сандалом и носящий вокруг головы сияющий золотой венок, на груди же золотое украшение нишку, а на шее – сверкающее ожерелье (из золота), герой тот, чистый душою, размахивая над головою слона луком, украшенным золотом, выглядел блистательно, о великий царь, подобно облаку, пронзенному молнией. И подступающего к нему с таким неистовством, Сатьяки остановил превосходнейшего слона правителя Магадхи, как берег морской сдерживает взбушевавшийся океан.

Увидев, что слон его остановлен превосходнейшими стрелами внука Шини, могучий Джаласандха, о царь, воспалился гневом в сражении. И тогда разъяренный: Джаласандха пронзил внуку Шини могучую грудь стрелами, способными: наносить тяжкие удары. А другой острой и хорошо закаленной стрелой: с серповидным острием он рассек лук героя из рода Вришни, в то время как тот натягивал его.

Затем, о потомок Бхараты, улыбаясь слегка, отважный правитель Магадхи пронзил Сатьяки, чей лук был рассечен так, пятью острыми стрелами. Но пронзенный множеством стрел Джаласандхой, тот доблестный и могучерукий герой, однако, ничуть не содрогнулся. И это казалось весьма удивительным! Затем он без всякого страха подумал о стрелах, (какие необходимо ему применить).

И взяв другой лук, он, (обратившись к Джаласандхе), сказал: «Стой, остановись!» Сказав так, внук Шини глубоко-пронзил Джаласандхе могучую грудь шестью стрелами, улыбаясь при. этом. И другой стрелой с бритвообразным острием, хорошо закаленной, он рассек лук Джаласандхи у самой рукояти и еще тремя пронзил его самого. Джаласандха же, отбросив тот лук свой вместе с возложенной на него стрелою, быстро метнул пику в Сатьяки, о достойнейший!

И та страшная пика, пронзив насквозь левую руку Мадхавы, вошла в землю, подобно огромной шипящей змее. И когда левая рука его была пронзена так, Сатьяки, воистину отважный, ударил в Джаласандху тридцатью острыми стрелами.

Тогда, взяв кривую саблю и огромный щит из воловьей кожи, украшенный сотнею лун, могучий Джаласандха, закружив той саблей, метнул ее в отпрыска рода Сатвата. И та сабля, разрубив лук внука Шини, упала на землю и сверкала блистательно, подобно огненному кругу пылающей головешки, лежащей на земле.

Но вот (Ююдхана), взяв другой лук, способный поражать любое тело, подобный (по величине) ветви дерева шала и звоном напоминающий раскаты грома Индры, и натянув его, преисполненный гнева, пронзил Джаласандху одною стрелою. Затем он, первейший из рода Мадху, улыбаясь слегка, отсек двумя стрелами с бритвообразным острием обе руки Джаласандхи, покрытые украшениями и браслетами ангада.

И те обе руки, похожие на две булавы, снабженные шипами, упали с превосходнейшего из слонов, подобно тому как две пятиглавые змеи падают с горы. Затем третьей стрелою с подковообразным острием Сатьяки отрубил голову своему противнику, с красивыми зубами и челюстями, с выдающимся носом и украшенную чудесными серьгами туловище Джаласандхи, лишенное головы и рук, страшное видом, обагрило кровью слона его.

Убив Джаласандху в сражении, отпрыск рода Сатвата стремительно сбросил погонщика-нишадцасо спины слона, о владыка народов! И с телом, залитым кровью, слон Джаласандхи нес укрепленное на нем дорогое сидение, свесившееся набок.

И терзаемый стрелами отпрыска рода Сатвата, громадный слон, сокрушая ряды своего же войска, бежал прочь, испуская страшный мучительный рев. И громкий вопль скорби поднялся среди твоего войска, о достойнейший, при виде Джаласандхи, убитого тем быком среди вришниев. А воины твои, с лицами, отвращенными (от битвы), разбежались в разные стороны. И в самом деле, потеряв всякую уверенность в победе над врагом, они приняли решение обратиться в бегство. Между тем, о царь, Дрона, лучший из носящих оружие, примчался на быстрых конях к Ююдхане, могучему воину на колеснице.

Увидев внука Шини, сильно возбужденного (от ярости и гордыни), быки среди кауравов вместе с Дроной, разгневанные, окружили Сатьяки. Затем произошла битва, о царь, на поле брани между кауравами и Дроной (с одной стороны) и отпрыском рода Сатвата (с другой), страшная, подобная той, (что происходила некогда) между богами и асурами.

Так гласит глава девяносто первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 92

Санджая сказал: Сея тучи стрел, все те воины, искусно разящие (врагов), усердно и 1 смело, о великий царь, сражались с Ююдханой. Дрона ударил в него семьюдесятью семью острыми стрелами, Дурмаршана – двенадцатью и Духсаха – десятью стрелами. Викарна тоже пронзил его в левый бок и промеж сосцов тридцатью острыми стрелами с оперением цапли. Дурмукха ударил его десятью стрелами, Духшасана – восемью, а Читрасена пронзил внука Шини двумя стрелами, о достойнейший! Дурьйодхана же и другие герои, о царь, могучие воины на колесницах, теснили жестоко отпрыска рода Мадху могучим ливнем стрел в той битве. Хотя и уязвлявмый со всех сторон могучими воинами на колесницах – твоими сыновьями, отпрыск рода Вришни пронзил их в ответ каждого в отдельности прямолетящими стрелами. Сына Бхарадваджи он пронзил тремя стрелами, Духсаху – девятью, Викарну – двадцатью пятью и Читрасену – семью. Дурмаршану он пронзил двенадцатью стрелами и Вивиншати – четырьмя, Сатьяврату – девятью и Виджаю– десятью стрелами.

Пронзив затем Рукмангаду, Сатьяки, могучий воин на колеснице, размахивая своим луком, быстро двинулся против сына твоего (Дурьйодханы), могучего воина на колеснице. И на глазах у всех людей он глубоко поразил своими стрелами царя, наилучшего из всех носящих оружие. И тогда началась битва между ними обоими. Каждый из обоих могучих воинов на колесницах, меча острые стрелы, непрестанно накладывая их (на тетиву), каждый из них делал другого невидимым в сражении. И Сатьяки, пронзенный царем кауравов, выглядел весьма блистательно, ибо он истекал обильно кровью, подобно тому как красное сандаловое дерево источает свои соки.

Пронзенный же отпрыском рода Сатвата тучами стрел, твой сын тоже выглядел красиво, словно жертвенный столб, воздвигнутый (при священном обряде), увитый вокруг золотыми гирляндами. Но вот Мадхава, о царь, в пылу сражения стремительно рассек стрелой с подковообразным острием лук царя кауравов, могучего лучника, улыбаясь при этом. И затем он покрыл его, лишенного лука своего, бесчисленными стрелами. И пронзенный стрелами, (выпущенными) тем врагом, действующим с большой стремительностью, царь не мог вынести этого признака победного успеха врага своего.

Тогда (Дурьйодхана), взяв другой, непревзойденный лук с позолоченной тыльной частью, быстро пронзил Сатьяки сотнею стрел. Глубоко пронзенный твоим сыном, могучим лучником, последний подпал под власть гнева и стал мучительно беспокоить твоего сына. Видя царя, жестоко теснимого так, сыновья твои – могучие воины на колесницах немедленно покрыли отпрыска рода Сатвата сплошным ливнем стрел.

Но в то время как его окутывали так могучие воины на колесницах – твои многочисленные сыновья, Юудхана пронзил каждого из них пятью стрелами и затем снова пронзил семью. И он стремительно пронзил Дурьйодхану восемью быстролетными стрелами и, усмехаясь при этом, рассек его лук, наводящий страх на врагов. И несколькими стрелами он повалил такж& его знамя, украшенное слоном из драгоценных камней.

И убив затем четырех коней своего противника четырьмя острыми стрелами, многославный (Сатьяки) поверг его возницу стрелою с бритвообразным острием. И в то же время он, преисполненный радости, осыпал могучего воина на колеснице – царя кауравов множеством стрел, способных проникнуть в жизненно важные места. И поражаемый так в сражении превосходнейшими стрелами внука Шини, сын твой Дурьйодхана, о царь, внезапно пустился в бегство и потом вскочил на колесницу Читрасены, вооруженного луком.

При виде царя, теснимого Сатьяки в битве, напоминающего Сому - Месяц в небесном пространстве, когда его поглощает демон Раху, вселенная наполнилась вся воплями скорби. И услышав тот громкий шум, Критаварман, могучий воин на колеснице, стремительно двинулся туда, где находился могущественный Мадхава. И он (мчался), размахивая превосходнейшим луком, понукая своих коней и строго выговаривая вознице: «Езжай быстрей, езжай быстрей!» Завидя его, устремляющегося подобно Разрушителю с широко разверстой пастью, Юудхана, о великий царь, сказал так своему вознице:

«Этот Критаварман, вооруженный стрелами,, на колеснице быстро устремляется сюда! Рinься на своей колеснице против этого (воина), превосходнейшего из всех лучников!» Тогда на (колеснице), запряженной конями, погоняемыми до предельной скорости, и. снаряженной должным образом, (Сатьяки) ринулся в сражении на правителя бходжей, наиболее выдающегося среди лучников. И оба сильно разъяренные и оба подобные двум сверкающим огням, те тигры среди людей сразились (друг с другом), словно два тигра, отличающиеся большой стремительностью.

Тут Критаварман ударил во внука Шини двадцатью шестью острыми, хорошо отточенными стрелами и в его возницу – семью стрелами. И четырьмя мощными стрелами он пронзил четырех превосходнейших и хорошо объезженных коней отпрыска рода Сатвата, происходящих из страны Синдху. Осененный знаменем, украшенным золотом, облаченный в золотые доспехи и украшенный золотыми браслетами ангада, (Критаварман), потрясая громадным луком с позолоченной тыльной частью, осыпал его стрелами с золотым оперением.

Тогда внук Шини, жаждущий видеть Дхананджаю, послал с большой стремительностью восемьдесят стрел в Критавармана. И глубоко пронзенный могучим врагом, тот усмиритель врагов неодолимый стал дрожать подобно горе во время землетрясения. После этого Сатьяки быстро пронзил четырех коней Критавармана шестьюдесятью тремя острыми стрелами, а также его возницу – семью. Затем, возложив (другую) стрелу с золотым оперением, сильно блещущую пламенем и напоминающую разгневанную змею, Сатьяки метнул ее (в своего противника). И та лютая стрела, подобная жезлу самого Ямы, пронзила насквозь Критавармана и, пробив его сверкающие доспехи, расцвеченные золотом, вошла в землю, окрашенная кровью.

Мучимый стрелами Сатваты в той битве и залитый кровью, (Критаварман), шатаясь, выпустил свой лук и повалился на превосходнейшей своей колеснице. Тот львиноподобный (герой) с неизмеримой отвагой, тот бык среди людей, терзаемый Сатьяки его стрелами, упал на колени на площадке колесницы. Сдержав так Критавармана, подобного Тысячерукому (Арджуне) или невозмутимому Океану, Сатьяки проследовал тогда вперед. Прорвавшись сквозь середину строя (противника), оснащенного мечами, дротиками и луками и изобилующего слонами, конями и колесницами, страшного видом из-за крови, пролитой быками среди кшатриев, исчисляемых, сотнями, тот бык из рода Шини проследовал далее на глазах у всех войск, подобно тому как сокрушитель Вритры (пробился) сквозь полчища асуров. А тем временем могучий сын Хридики, совсем оправившись и взяв другой, громадный лук, остался стоять там, сдерживая в битве пандавов.

Так гласит глава девяносто вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 93

Санджая сказал:
Меж тем как войска (кауравов) были теснимы внуком Шини там и тут (на пути его следования), сын Бхарадваджи окатил его мощными потоками стрел. И сражение, которое произошло между Дроной и Сатватой на глазах у всего войска, было весьма свирепым, как (некогда) между Бали и Васавой.

Тогда Дрона поразил в лоб внука Шини тремя красивыми стрелами, сделанными целиком из железа и напоминающими ядовитых змей. И с теми прямыми стрелами, вонзившимися в лоб, Ююдхана, о великий царь, выглядел красиво, подобно горе с тремя вершинами. Затем сын Бхарадваджи, всегда подстерегающий удобный случай, послал в него в пылу сражения много других стрел, чей грохот был подобен грому Индры.

И те летящие стрелы, выпущенные луком Дроны, отпрыск рода Дашарха, сведущий в высочайшем оружии, рассек двумя красивооперен-ными стрелами каждую. Видя такую легкость его рук, о владыка народов, Дрона, улыбаясь при этом, пронзил внезапно того быка из рода Шини двадцатью стрелами. Превосходя своею ловкостью ловкость Ююдханы, он снова ударил в него пятьюдесятью и еще сотнею стрел.

Подобно тому как могучие разгневанные змеи выползают из муравейника, так, о царь, вылетали те наносящие увечье стрелы с колесницы Дроны. Равным образом и пьющие кровь стрелы, выпускаемые Ююдханой сотнями и тысячами, покрывали колесницу Дроны. Мы не заметили, однако, никакого различия между ловкостью (рук) первейшего из дваждырожденных и отпрыска из рода Сатвата, о достойнейший! И действительно, тут оба эти быка среди людей были равны. Затем Сатьяки, сильно разгневанный, ударил в Дрону девятью прямыми стрелами, а также в его знамя многими острыми стрелами.

И на глазах у сына Бхарадваджи он пронзил также его возницу сотнею стрел. Видя ловкость (рук) Ююдханы, Дрона, могучий воин на колеснице, пронзил Сатьяки семьюдесятью стрелами и каждого из (четырех) его коней – тремя стрелами, а одной стрелой срубил знамя, высившееся на колеснице Мадхавы. Затем другой стрелой с серповидным острием и с золотым оперением рассек в сражении лук благородного отпрыска из рода Мадху.

Но тут Сатьяки, могучий воин на колеснице, воспаленный гневом, оставив тот лук, схватил увесистую булаву и метнул ее в сына Бхарадваджи. Однако ту стремительно несущуюся на него булаву, сделанную из железа и обвитую вокруг веревкой, Дрона отразил множеством разновидных стрел.

Тогда Сатьяки, наделенный истинной отвагой, взяв другой лук, пронзил доблестного сына Бхарадваджи множеством стрел, отточенных на камне. И пронзив Дрону в том сражении, он издал львиный клич. Однако Дрона, наилучший из всех носящих оружие, не мог перенести тот клич. И схватив тогда дротик, сделанный из железа и снабженный золотым древком, он стремительно послал его в колесницу Мадхавы.

Но тот ужасный дротик, подобный самой Смерти, не задев внука Шини, пробил насквозь его колесницу и вонзился в землю со страшным шумом. Тогда внук Шини, о царь, пронзил Дрону пернатой стрелою. Попав ему в правую руку, он заставил его мучительно страдать, о бык из рода Бхараты! Дрона также в пылу сражения, о царь, рассек огромный лук Мадхавы стрелою с наконечником в виде полумесяца и сразил его возницу особым дротиком.

И пораженный тем дротиком, возница (Ююдханы) лишился чувств и некоторое время лежал (без движения) на площадке колесницы. И тогда, о царь, ьатьяки совершил там сверхчеловеческий подвиг, так как он продолжал сражаться с Дроной и (в то же время) сам держал поводья.

Затем Ююдхана, могучий воин на колеснице, пронзил того брахмана в сражении сотнею стрел и весьма этим возрадовался, о владыка народов! Дрона же в ответ послал в него пять стрел, о потомок Бхараты! И те-стрелы, пробив панцирь Сатьяки, испили его кровь в той битве. Пронзенный же страшными стрелами, Сатьяки сильно воспылал гневом. И послал в ответ тот герой (множество) стрел в Обладателя золотой колесницы. Затем, повергнув на землю одной стрелою возницу Дроны, он обратил в бегство своими стрелами коней благородного (противника своего), лишенных своего возницы.

И увезенная далеко, та блистательная колесница, о царь, стала описывать на поле битвы тысячи кругов, подобно сияющему солнцу, (когда оно совершает свой путь). «Устремляйтесь вперед! Бегите! Хватайте коней Дроны!» – такие громкие выкрики издавали все цари и царевичи (среди войска кауравов). И быстро покинув Сатьяки в той битве, о царь, все те могучие воины на колесницах поспешно ринулись туда, где находился Дрона.

При виде всех их бегущих, жестоко теснимых стрелами Сатваты, войско твое снова подверглось полному поражению и впало в глубокое уныние. Тем временем Дрона, вновь примчав-

шись к входу в боевой строй, занял там свое место, будучи (перед этим) увезен (от местонахождения Сатъяки) теми конями, быстрыми как ветер, мучимыми жестоко стрелами героя из рода Вришни. Видя, что боевой его строй разбит (в его отсутствие) пандавами и панчалами, он, отмеченный доблестью, не приложил усилий к преследованию внука Шини, но отдался защите своего (разбитого) боевого строя. Сдерживая пандавов и панчалов, огонь Дроны, воспламененный жаром его гнева, пребывал там, сжигая все, подобно солнцу, поднявшемуся в конце юги.

Так гласит глава девяносто третья в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 94

Санджая сказал:
Победив Дрону и других твоих воинов, возглавляемых сыном Хридики, тот герой из рода Шини, выдающийся среди мужей, о первейший среди быков из рода Куру, смеясь, сказал своему вознице такое слово: «Наши враги, о возница, уже сожжены Кешавой и Пхальгуной. В этом деле мы были только (видимым) средством. Мы тут лишь убили уже убитых тем быком среди мужей, сыном владыки богов!»

Сказав ему так, тот бык из рода Шини, первейший среди лучников, тот губитель врагов могучий, сея вокруг стрелы с большой быстротой в пылу великой битвы, обрушился (на врага), словно ястреб на добычу. И те (воины твои), хотя и (подступали) к нему со всех сторон, не в состоянии были остановить того выдающегося героя, (сияющего) подобно лучам солнца, первейшего из людей, который, прорвавшись сквозь вражеский строй, несся на превосходных конях масти белой, как месяц иль раковина. В самом деле, о потомок Бхараты, все без исключения отряды твои (не смогли сдержать) его, неотразимого, наделенного невыносимой отвагой и неиссякаемой мощью, по доблести равного Тысячеглазому и подобного солнцу на небосводе, освобожденном от облаков.

Тогда наилучший из царей Сударшана, непревзойденный в различных приемах ведения боя, облаченный в золотые доспехи и вооруженный луком и стрелами, преисполненный гнева, сильно ринувшись против нападавшего Сатьяки, пытался сдержать его. И сражение, которое произошло между ними обоими, о потомок Бхараты, было чрезвычайно свирепым. Ибо воины твои и сомаки высоко восхвалили его, подобно тому как сонмы бессмертных (восхваляли) битву между Вритрой и Индрой. Сударшана пытался пронзить первейшего из рода Сатвата в той битве сотнями острых стрел. Однако же тот бык среди шиниев своими стрелами рассек те стрелы еще до того, как они могли достигнуть его.

Точно так же и Сударшана, стоя на отличнейшей из колесниц, рассек превосходными своими стрелами на две, на три части все стрелы, которые метал в него Сатьяки, уподоблявшийся самому Индре. Видя тогда стрелы свои, уничтожаемые стрелами Сатьяки, Сударщана, обладающий неистовой мощью, будто намереваясь сжечь (своего врага), в гневе выпустил стрелы, сверкающие золотом. И затем снова он пронзил (своего противника) тремя огнеподобными стрелами, очень острыми и хорошо оперенными, выпущенными тетивой, натянутой вплоть до самого уха. И они, пробив доспехи Сатьяки, вонзились в его тело. Равным образом тот царский сын (Сударшана), возложив (на тетиву) четыре других сверкающих стрелы, проворно сразил ими четырех его коней, масти белой, как серебро.

Так уязвляемый им, внук Шини, отличающийся большой стремительностью и обладающий доблестью, равной (доблести) Индры, мгновенно убил своими острыми стрелами коней Сударшаны и издал громкий клич. Затем, отсекши стрелой с серповидным острием, подобной громовой стреле Индры, голову его вознице, тот выдающийся герой из рода Шини стрелой с

бритвообразным острием проворно отделил голову Сударщаны от его туловища – отрубил ее, украшенную серьгами и с лицом лучезарный, напоминающим полную луну, подобно тому как некогда Держащий громовую стрелу, о царь, с проворством снес голову в сражении могущественному Бали!

Убив так внука царя (Сударшану) в сражении, тот бык среди ядавов, отличающийся большой стремительностью и великий душою, преисполнился великой радости и сиял блистательно, о царь, подобно царю богов. Затем Ююдхана, герой среди людей, проследовал прямо к Арджуне, из-за которого он сдерживал тучами своих стрел твое войско, мчась на колеснице, запряженной отличными конями и намереваясь привести всех в изумление. И тот выдающийся его подвиг, достойный изумления, восславили все первейшие из воинов, собравшиеся там, так как он сжег своими стрелами всех врагов, оказавшихся в пределах досягаемости его стрел, подобно тому как огонь (сжигает все на своем пути).

Так гласит глава девяносто четвертая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 95

Санджая сказал:
Убив Сударшану в бою, мудрый и благородный Сатьяки, бык из рода Вришни, обратившись тогда к своему вознице, сказал так: «Мы переправились, о братец мой, через труднопроходимый океан войск Дроны, кишащий колесницами, конями и слонами, увенчанный вместо волн стрелами и дротиками, чей громкий шум заменяет звон оружия героев, океан неистовый и губительный для жизней, оглашаемый звуками музыкальных инструментов, неприятный при соприкосновении для воинов и невыносимый для ищущих поражения, окруженный у берегов, словно людоедами, войском Джаласандхи.

Через другую часть войска, что остается от этого, я полагаю, легко будет пройти, как через маловодный ручеек. Поэтому- ;' гони коней без всяких опасений! Я думаю, что теперь Савьясачин совсем уже близко от меня. Победив в бою неодолимого Дрону вместе с его последователями и сына Хридики, выдающегося среди воинов, я думаю, что Дхананджая уже совсем рядом со мною. Ведь у меня никогда не возникает страха при виде многочисленных войск (врага). Это для меня как ворох, сухой травы и соломы для пылающего огня в жаркую пору.

Смотри, путь, которым проехал Носящий диадему, главнейший' среди пандавов, сделался неровным из-за множества пехотинцев, коней, воинов, сражающихся на колесницах, и слонов, павших на земле. Я полагаю, что Владелец белых коней, имеющий своим возницей Кришну, находится уже совсем близко от меня. Вот слышится звон лука гандивы неизмеримого в мощи (героя). По тем признакам, которые показываются мне, (я уверен), Арджуна убьет правителя Синдху еще до того, как зайдет солнце. Давая коням возможность дышать свободно, езжай медленно и старательно к вражескому войску, туда, где стоят вон эти воины, закованные в панцири, предводительствуемые Дурьйодханой; жестокие в своих деяниях, Камбоджи, облаченные в доспехи и трудноодолимые в бою, и яваны, вооруженные луками и стрелами и искусно разящие (врагов); и (где находятся) шаки, кираты, дарады, варвары и тамралиптаки и многие другие млеччхи с разнообразным оружием в руках, – все они стоят с лицами, обращенными ко мне, и жаждущие сразиться со мною! Считай, что я уже прошел через эту ужаснейшую крепость, уничтожив в сражении всех этих (воинов) вместе с их колесницами, слонами и конями, а также-пехотинцами!»

Возница сказал:
Нет у меня страха, о Варшнея, воистину отважный! Даже если сам сын Джамадагни, разгневанный, будет стоять пред тобой, или Дрона, превосходнейший среди воинов на колесницах,

или Крипа, или сам владыка мадров, то даже тогда не может быть у меня страха, пока я нахожусь под твоей защитой, о могучерукий! Весьма многочисленные (противники) были тобою уже побеждены в битве, о сокрушитель врагов! И никогда у меня не было раньше никакого страха!

Так почему же, в самом деле, о герой, (я должен испытывать страх), оказавшись в этой незначительной схватке? О долговечный, каким путем я должен буду доставить тебя к Дхананджае? Кто те, на кого ты разгневан, о Варшнея! И кто те, которых уже подстерегает смерть? И кто те, у кого может появиться желание отправиться сегодня в Саньямани? Кто те, которые будут убегать в сражении, увидев тебя, преисполненного отваги, подобно Яме, когда он выступает как всесокрушающее Время, и проявляющего свою доблесть в бою? Кто те, о ком вспоминает сегодня царь Вайвасвата, о могучерукий?

Сатьяки сказал:
Я убью этих бритоголовых, как Васава (убивает) данавов. Этим я выполню свое клятвенное обещание. Вези же меня прямо к камбоджам! Произведя среди них опустошение, я быстро примчусь сегодня к Пандаве. Сегодня увидят мою доблесть кауравы вместе с Суйодханой, когда боевой отряд бритоголовых будет, о возница, уничтожаем неоднократно среди всех войск (кауравов).

Услышав сегодня многократные громкие вопли курувийского войска, раздираемого (мною) в сражении, Суйодхана будет тяжко мучиться. Сегодня я покажу первейшему из пандавов, благородному Владельцу белых коней, искусные приемы в сражении, усвоенные мною от него, моего наставника! Увидев сегодня тысячи выдающихся воинов, убитых мною стрелами, царь Дурьйодхана будет предаваться тогда глубокой печали!

Сегодня кауравы увидят мой лук, напоминающий круг от пылающей головни, когда, наделенный ловкостью рук, я буду метать превосходнейшие стрелы. Видя (беспрерывное) уничтожение своих воинов, истекающих обильною кровью, с телами, унизанными моими стрелами, Суйодхана будет тяжко мучиться! Сегодня, когда я, воспаленный гневом, буду убивать лучших из лучших (его воинов), Суйодхана будет считать, что в этом мире есть двое Арджун! Увидев сегодня тысячи царей, убитых мною в сражении, царь Дурьйодхана будет тяжко мучиться в этом великом побоище! Убив сегодня тысячи царей, я покажу свою любовь и преданность благородным царственным пандавам!

Санджая сказал:
После таких слов, обращенных к нему, возница погнал тогда изо всех сил хорошо обученных скакунов, красиво бегущих в упряжке и мастью подобных месяцу. И те превосходнейшие кони, наделенные скоростью ветра иль мысли, (помчались), будто выпивая пространство, и быстро доставили Ююдхану к яванам. Они же, многочисленные и наделенные ловкостью Рук, приблизившись к Сатьяки, неотвращающемуся в сражениях, окатили его ливнями стрел. Но те их стрелы и различные виды оружия стремительный Сатьяки, о царь, рассек своими прямыми стрелами.

И те (вражеские) стрелы не достигли его. Рассвирепевший, он затем меткими стрелами, хорошо заостренными и украшенными золотым оперением и перьями стервятника, стал отсекать головыирукияванам.И повсюду те стрелы, пробив их доспехи, сделанные из хорошо закаленной стали и желтой меди, и пройдя сквозь их тела, вошли в землю.

Убиваемые храбрым Сатьяки в той битве, млеччхи сотнями падали на землю бездыханными. Своими стрелами, выпускаемыми сплошной непрерывной линией из (лука), натягиваемого до его предельной силы, тот (герой) начал иссекать по пять, шесть, семь и восемь яванов сра-

зу. Тысячи Камбоджей и шаков, о владыка народов, а равно шабаров, киратов и варваров (были также убиты отважным Сатьяки).

В самом деле, внук Шини, учиняя побоище в твоем войске, сделал там землю непроходимой, покрытой месивом из мяса и крови. Там и сям поле битвы было усеяно головными уборами тех воинов дасью, а также их бритыми головами, напоминавшими птиц, лишенных хвостовых перьев. И право же, поле битвы, покрытое кругом безглавыми телами, всюду залитыми кровью, выглядело красиво, будто небосвод, покрытый медно-красными облаками. Убитые неуклонно летящими стрелами, по соприкосновению равными громовым ударам (стрел Индры), яваны вместе с конями и колесницами устлали землю.

Немногие оставшиеся из них, облаченные в доспехи, побежденные в сражении Юдханой, о великий царь, впавшие в уныние и чьи жизни уже обречены, были полностью разбиты, и, подхлестывая пятками и кнутами своих коней до предельной их скорости, они в страхе разбежались во все стороны. Обратив в бегство войско Камбоджей, трудноодолимое в бою, о потомок Бхараты, а также то полчище яванов и обширное войско шаков, тот тигр среди людей Сатьяки, наделенный истинной отвагой, радостный от победы, одержанной над твоими войсками, поторопил своего возницу, сказав «Поезжай!» И при виде его, мчащегося на защиту Арджуны с тылу, о владыка народов, чараны преисполнились радости, равно и твои воины почтили его.

Так гласит глава девяносто пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 93

Санджая сказал:
Победив яванов и Камбоджей, Юдхана, наилучший; из воинов, сражающихся на колесницах, проследовал тогда к Арджуне прямо сквозь середину твоего войска. Подобно тому как тигр терзает ланей, так и тот тигр среди людей, с стрелами вместо зубов, в чудесном панцире вместо шкуры, уничтожая твое войско, приводил его в ужас.

Прокладывая пути своей колесницей, он усиленно размахивал луком с позолоченной тыльной частью, наделенным огромной мощью и усеянным золотыми лунами. Украшенный золотыми браслетами ангада и золотой тиарой, облаченный в золотые доспехи и осененный позолоченным знаменем, герой тот сиял, как вершина Меру.
Излучающий столь яркое сияние в том сражении, с круглым луком в руках, он выглядел подобно солнцу, поднявшемуся в осеннюю пору, сам будучи солнцем среди людей. Обладающий плечами, поступью и глазами быка, тот бык среди людей казался среди твоих войск подобным быку среди коров.

И на него, видом напоминающего возбужденного слона, и с поступью взбешенного слона, ринулись в битве твои воины, жаждя убить его, подобно тому как тигры набрасываются на одержимого течкой вожака слонов, гордо стоящего среди своего стада.

И действительно, после того как он прошел сквозь войско Дроны и через непроходимое войско бходжей, после того как он переправился через море (войск) Джаласандхи, а также боевой строй Камбоджей, после того как он вызволился от акулы в облике сына Хридики и переправился через океан тех войск, твои воины, сражающиеся на колесницах, окружили Сатьяки, воспаленные гневом. Дурьйодхана и Читрасена, Духшасана и Вивиншати, Шакуни и Духсаха, юный Дурмаршана и Кратха и многие другие храбрые воины, хорошо вооруженные и неприступные, яростно следовали Сатьяки сзади, когда тот продвигался дальше.

И велик был тогда шум, поднявшийся от твоего войска, о достойнейший, подобный гулу океана во время наивысшего прилива, когда он (яростно) вздымается от сильных порывов ветра. При виде всех их, ринувшихся на него, тот бык из рода Шини, обратившись с легкой улыбкой к своему вознице, сказал:

«Езжай медленно. Это войско сына Дхритараштры, обуреваемое (гневом и гордыней) и состоящее из слонов, коней, колесниц и пехотинцев, войско, которое стремительно движется на меня, наполняя все страны света грохотом своих колесниц, о колесничий, и сотрясая при этом землю, воздушное пространство и сами моря, – это море войск, о братец мой, я сдержу в великом сражении, подобно тому как берег морской сдерживает вместилище вод, яростно бушующее в день полнолуния!

Посмотри, о возница, на мою доблесть, подобную той, что у самого Индры в великой битве! Я рассею эти войска врагов острыми стрелами. Посмотри на убитых тысячами в сражении пехотинцев, всадников, воинов на колесницах и слонов, чьи тела лишены жизней моими огнеподобными стрелами!» Меж тем как он говорил так (своему вознице), воины те, жаждущие сразиться, быстро приблизились к Сатьяки, обладающему неизмеримой отвагой, издавая при этом громкие возгласы:

«Убей! Нагрянь! Постой! Смотри! Гляди!» И среди тех храбрых воинов, говоривших так, Сатьяки убил острыми стрелами три сотни всадников и четыре сотни слонов. И то столкновение между ним одним и объединившимися лучниками было весьма яростным, подобно битве, (происходившей некогда) между богами и асурами. И началось кровавое побоище. Внук Шини перехватил своими стрелами, напоминающими сильно ядовитых змей, войско твоего сына, о достойнейший, подобное скопищу облаков. Окутываемый в том сражении сетями стрел, тот доблестный (герой), о великий царь, бесстрашно убивал множество твоих воинов. И чрезвычайно удивительное зрелище, о царь царей, я наблюдал там: ни одна стрела Сатьяки не оказалась там выпущенной напрасно, о владыка!

Изобилующий колесницами, слонами и конями и заполненный волнами, состоящими из пехотинцев, тот океан войск остановился, достигнув морского берега, олицетворяемого внуком Шини. И войско то, состоящее из охваченных смятением воинов, слонов и коней, поражаемое со всех сторон тем (героем) при помощи своих стрел, поминутно поворачивалось и блуждало туда и сюда, подобно стаду коров, мучимому холодными (порывами ветра). Я не видел там ни одного пехотинца или воина на колеснице, всадника или коня, который не был бы пронзен стрелами Ююдханы.

Даже Пхальгуна, о царь, не совершил там такой кровавой резни, какую тогда учинил Сатьяки среди тех войск, о повелитель! Тот внук Шини сражается, превосходя самого Арджуну, о бык из рода Бхараты! Тогда царь Дурьйодхана пронзил возницу Сатваты тремя острыми стрелами и четырех его коней четырьмя стрелами. И пронзив самого Сатьяки тремя стрелами, он пронзил его снова – восемью. А Духшасана пронзил того быка из рода Шини шестнадцатью стрелами. Шакуни пронзил двадцатью пятью и Читрасена пятью. А Духсаха пронзил у Сатьяки грудь пятнадцатью стрелами.

Так поражаемый их стрелами, тот тигр среди вришниев пронзил, улыбаясь при этом, всех их, о великий царь, тремя стрелами каждого. Глубоко пронзив своих врагов чрезвычайно лютыми стрелами, внук Шини, быстро-стремительный, рыскал, уподобляясь коршуну, по полю брани. Рассекши лук сына Субалы и разрезав кожаный его нарукавник, он пронзил Дурьйодхану посредине груди тремя стрелами. Читрасену же он пронзил сотнею стрел и Духсаху – десятью. А Духшасану тот бык из рода Шини пронзил двадцатью стрелами. Тогда, взяв другой лук, твой шурин, о владыка народов, пронзил Сатьяки восемью стрелами и снова – еще

пятью. Духшасана же пронзил его десятью и Духсаха – тремя стрелами. А Дурмукха, о царь, пронзил Сатьяки двенадцатью стрелами. Дурьйодхана же, пронзив Мадхаву семьюдесятью тремя стрелами, о потомок Бхараты, пронзил затем его возницу тремя острыми стрелами.

Тогда Сатьяки в ответ пронзил всех тех храбрых и могучих воинов на колесницах, ревностно прилагавших совместные старания (в битве), пятью стрелами каждого. Затем он, превосходнейший из воинов, сражающихся на колесницах, стремительно ударил в возницу твоего сына стрелой с серповидным острием, и тот, сраженный, грянулся на землю. И когда упал тот возница, о владыка, колесница сына твоего была увезена из битвы (впряженными в нее) конями, мчащимися как ветер. А твои сыновья, о царь, и другие воины, о владыка народов, обратив свои взоры на колесницу царя, убежали прочь сотнями.

Видя, что войско то обратилось там в бегство, о потомок Бхараты, Сатьяки осыпал его острыми стрелами, отточенными на камне и снабженными золотым оперением. И обратив со всех сторон в бегство все отряды твои, Сатьяки, о царь, проследовал в направлении колесницы Владельца белых коней. И воины твои, (видя) его, накладывающего (на тетиву) стрелы и защищающего своего возницу, а равно и оберегающего себя самого, все вместе почтили его.

Так гласит глава девяносто шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 97

Дхритараштра сказал:
В то время как внук Шини направлялся к Арджуне, круша на своем пути то обширное войско, что же делали бесстыдные мои сыновья, о Санджая? При виде подвигов внука Шини, равных (деяниям) Савьясачина, как же могла у них, находившихся уже на грани смерти,351 проявляться такая стойкость в битве? Что же должны были они, побежденные (в схватке), говорить кшатриям среди войск своих?

И каким образом Сатьяки многославный мог пробраться сквозь гущу битвы? И как же, о Санджая, когда сыновья мои находились там в полном здравии, внук Шини мог отправиться на битву? О том расскажи мне по правде! Это крайне удивительно, о сын мой, что я слышу от тебя, а именно о сражении между одним (героем) и многими противниками – могучими воинами на колесницах! Я думаю, что судьба неблагосклонна к моим несчастным сыновьям, так как (многие из этих могучих воинов) убиты в сражении благородным отпрыском из рода Сатвата!

Ведь войско мое, о Санджая, неспособно (противостоять) даже одному воину – Юдхане, воспаленному гневом! Пусть пандавы все остаются (бездеятельными)! Победив в сражении самого Дрону, искусного (во владении оружием) и одержимого в битве, Сатьяки убьет моих сыновей, подобно тому как лев (уничтожает) стада мелкого скота! Многочисленными героями, Критаварманом и другими, ревностно прилагающими старания в битве, не мог быть убит Юдхана, который является быком среди людей! Сам Пхальгуна не давал там такого сражения, какое дал внук Шини, овеянный великой славой!

Санджая сказал:
(Все это случилось), о царь, по твоим дурным советам и благодаря действиям Дурьйодханы. Слушай меня внимательно о том, что я скажу тебе, о потомок Бхараты! Те (воины твои) снова возвратились, поклявшись взаимно не отвращаться от битвы, и по приказанию твоего сына приняли твердое решение сражаться неистово. Три тысячи всадников, предводительствуемых Дурьйодханой, (многочисленные) шаки, Камбоджи и бах-лики, яваны и парады, ку-

нинды, танганы и амбаштхи, пайшачи и мандары ринулись все против внука Шини, как (туча) саранчи на огонь.

И пять сотен колесниц, заполненных храбрыми горцами, вооруженными камнями, о царь, точно так же ринулись против внука Шини. Вслед за тем и (другие) мощные боевые отряды, состоящие из тысячи колесниц и сотни могучих воинов, сражающихся на колесницах, из тысячи слонов и двух тысяч коней, а равно и бесчисленные пехотинцы, исторгая ливни всевозможных стрел, тоже двинулись против внука Шини. И понуждая, о потомок Вхараты, всех их словами «Убейте его», Духшасана, о великий Царь, окружил тотчас Сатьяки.

Велик и необычаен был подвиг внука Шини, что мы наблюдали там, и так как он один сражался бесстрашно со многими. И он сокрушил весь тот отряд колесниц и то войско слонов, равно и всех тех всадников, и все племена дасью также. И земля там покрылась колесами колесниц, сломанными и разбитыми его мощным оружием, многочисленными осями и красивыми дышлами – передними и боковыми, разломанными на куски, древками знамен и знаменами, упавшими (с колесниц), а также доспехами и буйволовыми хвостами, (украшавшими головы коней). Венками, украшениями и одеждами, а также и днищами колесниц, о достойнейший, была там усеяна земля, будто небосвод – звездами, о потомок Бхараты!

Там много повержено было слонов превосходнейших, видом подобных горам, рожденных в роду Анджаны и Ваманы, о потомок Бхараты, и рожденных в роду Супратики и Махападмы и в роду Айраваны. Рожденные также и в других родословных, множество отборнейших слонов, о царь, лежало там убитыми. И много отличных коней, происходящих из Ванаю, из горных областей, из стран Камбоджи, Аратты и Бахли, о царь, убил там Сатьяки.

Там внук Шини убил также пехотинцев сотнями и тысячами, происходящих из различных стран и принадлежащих к разным родам. В то время как они были так уничтожаемы, Духшасана, обратившись к племенам дасью, сказал: «Вернитесь, о вы, невежественные в нравственном долге, сражайтесь! Почему вы убегаете!» И обозревая пристально всех их, сын твой Духшасана поторопил храбрых горцев, искусно сражающихся камнями, сказав:

«Вы искусны в сражениях камнями! Сатьяки же не знает этого искусства. Так убейте же его, несведущего в искусстве сражаться камнями, хотя и жаждущего битвы! Точно так же и кауравы несведущи все в искусстве такого сражения. Нагряньте на Сатьяки! Не бойтесь! Он не сможет приблизиться к вам!» И тогда те обитатели гор с поднятыми каменьями, подобными величиной детенышам слонов, остановились перед Ююдханой, ища смерти. Также и другие, понуждаемые твоим сыном и жаждущие убить Сатвату, обступили его со всех сторон с оружием в руках.

В ответ Сатьяки, прицелившись в тех же (воинов), ринувшихся на него из желания сразиться камнями, послал в них три сотни стрел. И тот неистовый ливень камней, обрушенный горцами, он, бык из рода Шини, раздробил на мелкие куски длинными стрелами, подобными змеям. И осколками тех камней, напоминающими рои сверкающих светляков, было убито там множество воинов, после чего, о достойнейший, раздались скорбные крики «Ой, ой!»

Вслед за тем пять сотен храбрейших воинов с поднятыми вверх огромными камнями попадали, о царь, на землю с отсеченными руками. Много тысяч героев, искусных в сражении камнями, прилагавших старания с большим рвением и стойкостью, убил (Сатьяки). И все это казалось весьма удивительным! Тогда, (возвратившись) снова, бастамукхи, дарады, кхаши и танганы, амбаштхи и кунинды, с мечами и копьями в руках, стали непрерывно метать со всех сторон в Сатьяки ливни камней. Но всякий раз в ответ он, зорко следящий за ними, наделенный могучей силой, сокрушал те ливни камней (и оружия) своими длинными стрелами. И от

сильного шума, производимого от тех камней, раздробляемых в воздухе острыми стрелами (Сатьяки), о царь, (многие) слоны, кони, воины на колесницах и пехотинцы пустились в бегство.

И осыпаемые осколками камней, люди и птицы не в состоянии были оставаться долее на месте, как если бы они страдали от укусов пчел. Разбитые остатки (отрядов) слонов, истекающих кровью, с головами и лобными выпуклостями раскроенными, бросились вспять мимо колесницы Ююдханы. И тогда среди войска твоего, о достойнейший, изматываемого так Мадхавой, поднялся страшный шум, подобный гулу океана. Услышав тот неистовый шум, Дрона молвил своему вознице: «О сута, этот могучий воин на колеснице из рода Сатвата, разгневанный в сражении, раздирая на множество частей наше войско, рыщет в битве, подобно самому Разрушителю.

Направь колесницу туда, о возница, откуда слышится этот неистовый шум! Наверно, Ююдхана занят битвой с (горцами), сражающимися камнями. Ведь также (видно, что) и все наши воины на колесницах увозятся прочь дикомчащимися конями. Многие из них, лишенные оружия и доспехов, израненные, падают там и сям! И возницы не в состоя-' нии сдерживать своих коней в столь сильном смятении!»

И когда, о царь, мудрый сын Бхарадваджи говорил так, возница молвил тогда в ответ Дроне, лучшему из носящих оружие: «О долговечный войско курувийское бежит отовсюду! Гляди, воины наши, разбитые В сражении, разбегаются в разные стороны! А эти герои – панчалы с пандавами, соединившиеся вместе, обрушиваются со всех сторон, желая ведь убить тебя! Определи теперь, что тут необходимо предпринять в первую очередь, о усмиритель врагов! Стоять ли нам здесь, (дожидаясь пандавов), или же двинуться (против Сатьяки)? Ведь Сатьяки теперь отъехал далеко от нас!»

Меж тем как возница говорил так сыну Бхарадваджи, о достойнейший, (внезапно) показался на виду у всех внук Шини, занятый сокрушением многочисленных воинов на колесницах. Те твои войска, так уничтожаемые Ююдханой в сражении, оставив (попытку осаждать) колесницу Ююдханы, пустились бежать по направлению к боевому отряду Дроны.

И те (другие) воины на колесницах, вместе с которыми отправился ранее Духшасана, все, охваченные страхом, тоже кинулись в направлении колесницы Дроны.

Так гласит глава девяносто седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 98

Санджая сказал:
Увидев колесницу Духшасаны, стоящую вблизи него, сын Бхарадваджи, обратившись тогда к Духшасане, сказал такие слова: «Почему, 0 Духшасана, все эти колесницы уносятся прочь? Пребывает ли в благополучии царь? Здравствует ли еще правитель Синдху? Ты же царский сын! Ты – брат царя! Ты ведь могучий воин на колеснице! Так почему же ты уоегаешь из битвы, обретя сан наследника престола? Вызвав сам лютую ражду с панчалами и пандавами, почему ты испытываешь страх в сражении при встрече с одним Сатьяки? Мог ли ты знать заранее, беря игральные кости по случаю состязания в такой игре, что эти же самые кости скоро обратятся в стрелы, напоминающие страшноядовитых змей? Слова оскорблений в отношении пандавов и в особенности страдания, перенесенные тогда Драупади, коренились ведь в тебе! Где же теперь та гордость твоя, та надменность и где то хвастовство твое, о герой! Вызвав сильный гнев у партхов, подобных ядовитым змеям, куда же ты умчишься?

Это войско бхаратийское и сам царь Дурьйодхана тоже несомненно должны заслуживать жалости, раз ты, самый отчаянный брат его, намереваешься бежать! И в самом деле, о герой, тебе ведь надлежит сегодня, полагаясь на мощь своих собственных рук, защищать это обращаемое в бегство и одержимое страхом войско! Однако же ты сейчас покидаешь в страхе поле битвы и этим радуешь своих врагов! Если ты, будучи предводителем своего войска, убегаешь так, кто другой будет стоять в сражении?

Раз ты, его прибежище, испугался, кто же другой не испугается? Тогда как ты сражаешься сегодня с одним лишь воином из рода Сатвата, о безупречный, сердце твое обращается к бегству из битвы! Но что же, однако, ты будешь делать, о Каурава, когда ты увидишь Обладателя лука гандивы в битве и Бхимасену и обоих близнецов (Накулу и Сахадеву)? Стрелы Сатьяки, коими напуганный, ты обращаешься в бегство, не равны ведь стрелам Пхальгуны в бою, блеском подобных солнцу или огню! Если разум твой столь упорно склоняется к бегству, пусть тогда владычество над землею через заключение мира будет передано царю справедливости!

Пока длинные стрелы Пхальгуны, напоминающие змей, сбросивших свою обветшалую кожу, не вонзятся в твое тело, заключи мир с пандавами! Пока благородные партхи, убив сотню твоих братьев в сражении, не отторгнут силою землю, заключи мир с пандавами! Пока царь Юдхиштхира, сын Дхармы, не воспылал еще гневом, а равно и Кришна, восхваляющий битву, заключи мир с пандавами! Пока могучерукий Бхима, проникнув в это обширное войско, не сокрушит твоих единоутробных братьев, заключи мир с пандавами! Твоему брату Суйодхане еще прежде было сказано Бхишмой: «Пандавы непобедимы в сражении! О милый, заключи мир с пандавами!»

Незлобный твой брат Суйодхана, однако, не сделал этого. Поэтому, твердо обратив свое стремление к битве, сразись ты усердно и рьяно с пандавами! Отправляйся быстро на колеснице туда, где находится Сатьяки. Ведь без тебя это войско обратится в бегство, о потомок Бхараты! Ради себя самого сразись в битве с Сатьяки, одаренным истинной отвагой!»

После таких слов, обращенных к нему, тот сын твой не сказал ничего в ответ. И притворившись, что он не слышал им услышанное, Духшасана проследовал туда, где был Сатьяки. Сопровождаемый огромным войском млеччхов, необращающихся вспять, он, приблизившись к Ююдхане в бою, сразился с ним усердно и рьяно. Также и Дрона, превосходнейший из воинов на колесницах, возбужденный гневом, двинулся против панчалов и, пандавов с умеренной быстротой.

И проникнув в войско панчалов в том сражении, Дрона стал крушить там воинов сотнями и тысячами. И объявляя свое имя в сражении, о великий царь, Дрона производил тогда великое опустошение среди пандавов, панчалов и матсьев. Меж тем как сын Бхарадваджи побеждал всюду войска (пандавов), блистательный Виракету, сын повелителя панчалов, двинулся против него. Пронзив Дрону пятью прямыми стрелами, он пронзил затем его знамя одной стрелою и возницу его – семью. И зрелище, что я видел там, о великий царь, было весьма удивительным, так как Дрона не мог подступить к царевичу Панчалы, столь неистовому в сражении!

Видя, что Дрону упорно сдерживают в битве, о достойнейший, панчалы окружили его со всех сторон, о царь, желая победы сыну Дхармы. И они затем осыпали одного Дрону огнеподобными стрелами и дорогими копьями, а также другим всевозможным оружием, о царь! Но отразив со всех сторон те тучи стрел, о царь, подобно тому как ветер разгоняет на небосводе скопища облаков, Дрона, губитель вражеских героев, нацелил тогда ужаснейшую стрелу, блеском подобную солнцу или огню, на колесницу Виракету.

И та стрела, о царь, пронзив насквозь царевича Панчалы, радующего свой род, быстро вошла в землю, залитая кровью и сверкающая (подобно пламени). И тут же царевич Панчалы, радость рода своего, мгновенно упал с колесницы, подобно тому как высокое дерево чам-пака падает с вершины горы, сломанное ветром. Когда же пал тот могучий лучник – царевич, наделенный великой силой, панчалы поспешно окружили Дрону со всех сторон. Читракету и Судханван, и Читраварман, о потомок Бхараты, а также Читраратха, терзаемые горем о (павшем). брате, ринулись вместе против сына Бхарадваджи, желая сразиться с ним и выпуская (в него) ливни стрел, подобно облакам, (проливающим дождь) на исходе жаркой поры.

Но теснимый с разных сторон могучими воинами на колесницах, происходящими из царского рода, Дрона, преисполненный гнева, лишил тех царевичей в пылу сражения их коней и возниц. Затем другими остро-отточенными стрелами с серповидным острием он, многославный, снес им головы, подобно тому как срывают (с дерева) цветы. И убитые, те царевичи великолепные упали, о царь, со своих колесниц на землю, как некогда (падали) дайтейи и данавы, (сраженные) в битве между богами и асурами. Убив их в сражении, о царь, доблестный сын Бхарадваджи стал потрясать тогда своим неприступным луком с золотой тыльной частью.

При виде панчалов, тех могучих воинов на колесницах, напоминающих самих богов, убитыми Дхриштадьюмна, сильно разгневанный, стал проливать слезы ч из глаз. И возбужденный гневом, он ринулся в том сражении против колесницы Дроны. Тогда, о царь, скорбные возгласы «Аи, аи!» внезапно раздались там при виде Дроны, сдерживаемого стрелами царевичем Панчалы. Окутываемый многократно (покровом из стрел) благородным сыном Паршаты, Дрона, однако, не испытывал боли. Он продолжал себе сражаться, улыбаясь при этом.

Тогда, о великий царь, царевич Панчалы, неистовый от гнева и ярости, Ударил Дрону в грудь, (выпустив в него) девяносто прямых стрел. И глубоко пронзенный могучим (воином), многославный сын Бхарадваджи сел на площадке колесницы и впал в обморочное состояние. Видя его в таком: состоянии, Дхриштадьюмна, наделенный великой отвагой и мощью, оставив свой лук, быстро схватил меч. Затем, спрыгнув поспешно со своей колесницы, тот могучий воин, сражающийся на ней, проворно взошел на колесницу сына Бхарадваджи, о достойнейший, и с глазами, покрасневшими от гнева, он вознамерился снести ему голову с туловища.

Между тем Дрона, могучий своей силою, вновь придя в сознание, взял свой лук и стал сражаться в битве с Дхриштадьюмной, могучим воином на колеснице, короткими стрелами, длиною в витасти, о царь, постоянно применяемыми при сражениях в непосредственной близости. Ведь эти стрелы, по названию вайтастики, подходящие для применения при ближнем бое, были известны Дроне, о царь! И они посыпались на Дхриштадьюмну.

Уязвляемый множеством тех стрел, могучий Дхриштадьюмна поспешно спрыгнул с колесницы (Дроны). Преисполненный великой отваги, но сбитый в своем натиске, тот герой взошел на свою колесницу и снова взял свой огромный лук. И Дхриштадьюмна, могучий воин на колеснице, снова стал пронзать Дрону в том сражении.

И битва та, что произошла между ними, была необычайной, ибо сонмы существ, кшатрии, о великий: царь, и другие воины, которые были там, горячо одобрили ее. «Несомненно, Дрона, сразившись в битве с Дхриштадьюмной, подпадет под власть нашему царю!» – так восклицали громко панчалы. Но тут Дрона в пылу сражения снес голову вознице Дхриштадьюмны, подобно тому как срывают спелый плод с дерева. И тогда, о царь, кони благородного Дхриштадьюмны помчались прочь.

И когда они мчались, (увозя того героя), Дрона, преисполненный великой отваги, стал обращать в бегство там и сям панчалов и сринджаев в той битве. Победив пандавов и панчалов, доблестный сын Бхарадваджи, тот усмиритель врагов, снова занял свое место в собственном боевом строю и стоял неколебимо. И пандавы не осмеливались уже пытаться победить его в битве, о владыка!

Так гласит глава девяносто восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 99

Санджая сказал:
Тем временем Духшасана, о царь, ринулся против внука Шини, сея тысячи стрел, подобно грозовому облаку, проливающему ливни дождя» Пронзив Сатьяки шестьюдесятью и еще шестнадцатью стрелами, он не смог пошатнуть (своего противника), стоявшего в битве неколебимо, как гора Майнака. А тот герой (в ответ) густо окутал Духшасану своими стрелами, подобно тому как паук опутывает комара, попавшего в (пределы его досягаемости), своею паутиной.

Увидев Духшасану, осыпанного так стрелами, царь (Дурьйодхана) понудил тригартов направиться к колеснице Ююдханы.

И те воины тригартов, сражающиеся на колесницах,, жестокие в своих действиях и искушенные в битве, числом в три тысячи двинулись к Ююдхане. Приняв твердое решение сражаться и взаимно поклявщись не поворачивать вспять, они окружили его могучим потоком колесниц. Но когда они устремились на него в пылу битвы, выпуская ливни стр^ел, (Ююдхана) сразил пять сотен их главнейших воинов, находившихся в передних рядах войска. И мгновенно пораженные стрелами первейшего из рода Шини, они повалились, будто громадные деревья, сломанные порывом могучего ветра.

Из-за множества разбитых колесниц и срубленных знамен, о владыка народов, из-за павших там коней, украшенных золотыми гирляндами, иссеченных стрелами внука Шини и плавающих в лужах крови, поле битвы выглядело красиво, о великий царь, словно оно было (покрыто) цветущими деревьями киншука. Те воины твои, так убиваемые Ююдхат ной в сражении, не находили себе защитника, будто слоны, погруженные в болото. Затем все они повернули туда, где стояла колесница Дроны», подобно тому как могучие змеи (устремляются) к своим норам из страха перед царем летающих.

Убив так пять сотен воинов своими стрелами, напоминающими ядовитых змей, герой тот медленно проследовал туда> где находилась колесница Дхананджайи. И когда он, лучший из людей, следовал так, сын твой, Духшасана, быстро пронзил его девятью прямыми стрелами. А тот могучий лучник зв9 пронзил Духшасану в ответ пятью прямыми и острыми стрелами, украшенными золотым оперением и перьями стервятника.

Тогда Духшасана, о потомок Бхараты, усмехаясь при этом, пронзил Сатьяки, о великий царь, тремя стрелами и еще раз – пятью. А внук Шини, пронзив твоего сына пятью быстролетящими стрелами и, рассекши лук его, проследовал дальше горделиво к Арджуне. Тогда Духшасана, распаленный гневом, метнул в героя из рода Вришни, следовавшего своим путем, дротик, целиком сделанный из железа, с намерением убить его. Но тот страшный дротик сына твоего, о царь, Сатьяки рассек на сто частей своими острыми стрелами с оперением цапли.

Тогда, взяв другой лук, сын твой, о владыка людей, пронзил Сатьяки десятью стрелами it издал львиный клич. Сатьяки же, воспаленный гневом, сбив е толку , твоего сына в сражении, ударил его посредине груди стрелами, видом подобными языкам пламени. И пронзил затем его снова восемью стрелами, целиком сделанными из железа и с тонко отточенными остриями. Духшасана же в ответ пронзил Сатьяки двадцатью стрелами. Но тут отпрыск из рода Сатвата, о великий царь, пронзил его посреди груди тремя прямыми стрелами, отличающимися большой стремительностью.

Затем тот могучий воин на колеснице (Ююдхана) убил острыми стрелами коней Духшасаны, и, воспаленный гневом, он также убил прямыми стрелами и возницу его. Одной стрелою с серповидным острием он рассек лук его и пятью стрелами – его кожаный нарукавник. Знаток высочайшего оружия, он срезал затем двумя широко заостренными стрелами знамя и древко, поддерживающее знамя боевой колесницы (твоего сына). И потом другими острыми стрелами он сразил обоих его возниц, погонявших пристяжных коней.

И тот, с рассеченным луком своим и лишенный колесницы, с конями и возницей убитыми, был взят повелителем войска тригартов на свою колесницу. Преследовав его с минуту, «'потомок Бхараты, внук Шини тогда не стал убивать его, памятуя слойа Бхима-сены. Ведь в самом деле, Бхимасеной среди собрания было дано клятвенное обещание убить всех сыновей твоих в сражении, о потомок Бхараты! И Сатьяки, победив так Духшасану в сражении, о владыка, быстро отправился, о царь, путем, которым до него проследовал Дхананджая.

Так гласит глава девяносто девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 100

Дхритараштра сказал:
Разве не было в том войске моем никого из могучих воинов на колесницах, которые могли убить или остановить Сатьяки, когда он так следовал своим путем? Воистину отважный и наделенный мощью, равной самому Шакре, он ведь один совершал подвиги в сражениях, подобно могучему Индре – среди данавов в битве! Или, может быть, путь, которым следовал Сатьяки, был пуст совсем? В самом деле, ведь тот бык среди людей один сокрушил многочисленные войска! Каким образом внук Шини один прорвался сквозь многочисленные ряды благородных, сражавшихся с ним (воинов), – о том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
О царь, неимоверные усилия твоего войска, состоящего из колесниц, слонов, коней и пехотинцев, и неистовый шум от воинов были подобны тому, что наблюдается в конце юги. Когда происходили ежедневные сосредоточения твоего войска, о милостивый, представлялось моему разумению, что никогда еще не было в мире другого подобного скопления войск. Боги и чараны, вместе явившиеся там, говорили: «Подобного рода скопления войск будут последними на земле!»

В самом деле, никогда (прежде) не было установлено такого боевого строя, о владыка народов, какой был установлен Дроной в день (ожидаемого) убийства Джаядратхи. Шум от полчищ воинов, подступающих друг к другу в битве, был подобен гулу морей, всколебленных яростным ветром. Много тысяч и сотен царей, собравшихся вместе, о наилучший из людей, было в твоем войске и войске пандавов. Шум, производимый разгневанными в сражении героями,, твердыми в своих действиях, был там ужасно страшен и заставлял подниматься от содроганья волоски на теле.

Тогда Бхимасена и Дхриштадьюмна, о достойнейший, а также Накула и Сахадева и царь справедливости – Пандава громко закричали: «Подходите! Наносите удары! Стремительно нагряньте! Ибо храбрые герои Мадхава и Пандава проникли во вражеское войско! Быстро сделайте так, чтобы они могли легко проехать дальше для убиения Джаядратхи!» Сказав так, они понудили своих воинов. (И они продолжали): «При гибели обоих кауравы достигнут своей цели, а мы сами будем побеждены! Поэтому все вы, сплотившись вместе, быстро всколебайте это море войск (врага), как могуче-стремительные ветры волнуют океан!»

И те (воины), о царь, понуждаемые Бхимасеной и царевичем Панчалийским, принялись сокрушать кауравов в сражении, пренебрегая самой жизнью, столь дорогой каждому. Наделенные неистовой мощью, желающие найти смерть в бою от оружия ради достижения неба, они не заботились о собственной жизни, сражаясь за дело друзей своих. Точно так же и твои воины, о царь, домогающиеся великой славы и решившиеся на благородную битву, стояли готовые к бою.

Меж тем как происходила та свирепая и страшная битва, Сатьяки убил всех воинов и проследовал к Арджуне. Там блеск и сияние панцирей, расцвеченных лучами солнца, губили повсюду зрение воинов в сражении. И в то время как пандавы усердно прилагали старания (в битве), Дурьйодхана тоже, о великий царь, проник бесстрашно в их могучее войско. И то сражение, что происходило между ним и теми (воинами), о потомок Бхараты, было весьма свирепым, и велико было там всеобщее побоище воинов.

Дхритараштра сказал:
В то время как войска (пандавов) продвигались так (в сражении), сам Дурьйодхана должен был оказаться в серьезной опасности. Не обратил ли он, о возница, свой тыл к полю брани? Столкновение между одним и многими в великой битве, особенно когда один является царем, представляется мне неравным! Кроме того, Дурьйодхана взлелеян в чрезмерной роскоши и богатстве, и он – владыка людей. Один столкнувшись в схватке со многими, не обратился ли он вспять?

Санджая сказал:
Слушай меня, о царь, как я буду рассказывать об удивительном столкновении твоего сына (в бою), о потомок Бхараты, о том необычайном сражении между одним и многими! Дурьйодханой в том сражении было Внезапно всколеблено войско пандавов, как лотосовое поле окрест (бывает потревожено) слоном. При виде твоего войска, так теснимого тволм сыном, о Каурава, панчалы, возглавляемые Бхимасеной, ринулись на него. Тут Дурьйодхана пронзил Бхимасену десятью стрелами, обоих сыновей Мадри – тремя стрелами каждого, Вирату и Друпаду – шестью стрелами и Шикхандина – сотнею. Пронзив затем Дхриштадьюмну двадцатью стрелами и сына Дхармы – семью и кекаев – десятью, он поразил (пятерых) сынов Драупади тремя стрелами каждого.

Своими лютыми стрелами он иссек сотни других воинов в той битве, включая также слонов и воинов, сражающихся на колесницах, подобно тому как Разрушитель в неистовом гневе уничтожает существа. Благодаря его искусству, приобретенному упражнениями, и мощи его оружия казалось, что лук его, натягиваемый непрестанно до формы круга, не был виден вовсе, когда он, сокрушая своих врагов, накладывал стрелы и метал их.

Меж тем как сын твой поражал так тех врагов, старший сын Панду двумя стрелами с серповидным острием рассек на три части громадный лук его с позолоченной тыльной частью, о достойнейший! Затем он пронзил его самого множеством острых и ловко пущенных стрел. Но, натолкнувшись на доспехи (Дурьйодханы), те стрелы быстро разлетелись в куски и во-

шли в землю. Тогда партхи, преисполненные радости, окружили Юдхиштхиру, подобно тому как боги вместе с великими мудрецами окружали с радостью Шакру.

Но вот царь Дурьйодхана, взяв другой, тугой лук, крикнул царственному сыну Панду: «Стой, остановись!» – и ринулся против него. И когда сын твой говорил так, о царь, наперерез ему, могучему воину на колеснице, бросились панчалы, обрадованные и жаждущие победы. Но их перенял Дрона, желая (захватить) Пандаву, подобно тому как гора принимает дождевые облака, гонимые яростным ветром. И сражение, о царь, что произошло там, было весьма свирепым и все более возрастающим (в силе). Это было лютое побоище всех существ, напоминающее игру самого Рудры (в конце юги).

Так гласит глава сотая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 101

Санджая сказал:
Во второй половине дня, о великий царь, битва, шум от которой был равен грозовому облаку, произошла вновь между Дроной и сомаками. Тот герой среди мужей (Дрона), стоя на своей колеснице, запряженной гнедыми конями, и сосредоточившись (на битве), ринулся против пандавов со средней скоростью. Доблестный сын Бхарадваджи, могучий лучник, наделенный огромной силой, тот (герой), родившийся в превосходнейшем сосуде, занятый свершением того, что приятно и полезно для тебя, поражая по выбору, о потомок Бхараты, лучших из лучших воинов своими острыми стрелами с красивым оперением, казалось, играл в том сражении, о царь! Но против него выступил Брихаткшатра, могучий воин на колеснице из кекаев, старший среди пятерых доблестных братьев, крайне свирепых в битве. Меча острые стрелы, он густо окутал своего наставника, подобно тому как огромное облако, исторгая ливни дождя, (покрывает) гору. Тогда, о великий царь, Дрона, возбужденный от гнева, послал в него десять и семь стрел, отточенных на камне и оснащенных золотым оперением. Но те страшные стрелы, выпущенные Дроной и подобные ядовитым змеям, (царевич кекаев) весело рассек в бою десятью стрелами каждую.

Видя ту его ловкость, первейший из дваждырожденных, улыбаясь слегка, послал в него восемь прямых стрел. Заметив те стрелы, выпущенные из лука Дроны и быстро летящие на него, Брихаткшатра отвратил их столькими же острыми, мощными стрелами. И тут, о великий царь, твое войско преисполнилось изумлением при виде того весьма трудного подвига, совершенного Брихаткшатрой.

Тогда, о великий царь, Дрона, великий подвижник, отличив царевича кекаев, вызвал к действию в том сражении небесное оружие Брахмы. Но то оружие, вызванное им в сражении, о царь, могучерукий и непреклонный царевич кекаев отразил таким же оружием Брахмы. И отразив то оружие сына Бхарадваджи в бою, он пронзил брахмана шестьюдесятью стрелами, отточенными на камне и оснащенными золотым оперением. Дрона же, наилучший из двуногих, в ответ поразил его длинной стрелою. И она, пронзив его панцирь и (пройдя сквозь тело), вошла в землю. Как черная змея проникает сквозь муравейник, так и стрела та вошла в землю, пронзив насквозь царевича кекаев в сражении, о лучший из царей!

Глубоко и жестоко пронзенный Дроной, знатоком оружия, о великий царь, (Брихаткшатра), преисполненный сильного гнева и вращая прекрасными глазами, пронзил Дрону семьюдесятью стрелами с золотым оперением и отточенными на камне, а другой стрелой с серповидный острием поразил его возницу в обе руки и грудь. Дрона же, пронзенный множество раз Брихаткшатрой, о достойнейший, метал острые стрелы в колесницу царевича кекаев. Приведя в замешательство Брихаткшатру, могучего воина на колеснице, Дрона затем выпустил в

царевича кекаев острую стрелу, о потомок Бхараты! И глубоко пронзенный ею в середину груди, о великий царь, тот тигр среди людей с пробитым сердцем стремительно упал со своей колесницы.

Когда был убит Брихаткшатра, могучий воин на колеснице из кекаев, о царь, сын Шишупалы, сильно разъяренный, сказал так своему вознице: «Поезжай, о возница, туда, где стоит Дрона, облаченный в доспехи, сокрушающий всех кекаев и войско панчалов!»

Услышав те его слова, возница (вскоре) доставил того воина, лучшего из сражающихся на колесницах, к Дроне на быстрых конях, происходящих из Камбоджи. И Дхриштакету, тот бык среди чедиев, слишком возносившийся своей мощью внезапно обрушился на Дрону, как мотылек – на пылающий огонь.

И тут он пронзил Дрону вместе с его конями, колесницей и знаменем шестьюдесятью стрелами. Затем он поразил его снова другими острыми стрелами, словно (человек), возбуждающий спящего тигра. Тогда Дрона острой стрелою с бритвообразным наконечником рассек посредине лук могучего царя, сражавшегося с большим рвением в битве. Но вот, взяв другой лук, сын Шишупалы, могучий воин на колеснице, вновь пронзил Дрону остро отточенными мощными стрелами. В ответ Дрона, обладающий могучей силой, убив его коней и возницу, поразил его самого Двадцатью пятью стрелами. И лишенный своей колесницы и лука, царь чедиев, разгневанный в сражении, метнул булаву в колесницу сына Бхарадваджи.

Однако ту увесистую булаву, ужасную видом и наводящую страх, наделенную прочностью кремня и украшенную золотом, стремительно несущуюся на него, сын Бхарадваджи сокрушил множеством тысяч стрел. И булава та, сбитая сыном Бхарадваджи, упала на землю, покрытая украшением из красных венков, будто звезда – с небосклона. Увидев, что булава его сокрушена, Дхриштакету, крайне негодующий, поспешно метнул пику и следом дротик, сверкающий золотом.

Но разрубив ту пику тремя стрелами в великой битве, Дрона, отличающийся могучей силой и ловкостью рук, стремительно рассек и дротик. Затем доблестный сын Бхарадваджи послал в том сражении ради сокрушения своего противника острую стрелу в (Дхриштакету), тоже жаждавшего сокрушить (его самого). И та стрела, пронзив насквозь панцирь и сердце его, преисполненного неизмеримой мощи, вошла в землю, подобно тому как лебедь (ныряет) в озеро, покрытое лотосами. Как голодная сойка, о царь, схватывает и пожирает мотылька, так точно и герой Дрона поглотил Дхриштакету в той великой битве. Когда же был убит царь чедиев, сын его, сведущий в высочайшем оружии, поддавшись власти сильного гнева, попытался заполнить собою тот пролом, (образовавшийся) с (потерей) отца. Но и его тоже Дрона, смеясь при этом, отправил своими стрелами в обиталище Ямы, подобно тому как огромный, могучий тигр в дремучем лесу (умерщвляет) олененка.

Меж тем как пандавы так терпели урон, о потомок Бхараты, доблестный сын Джарасандхи сам ринулся против Дроны. И покрывая Дрону своими острыми стрелами, о великий царь, он быстро сделал его невидимым, как облако, заволакивая солнце, (совсем скрывает его). Видя ту его ловкость, Дрона, сокрушитель кшатриев, стремительно выпустил в него стрелы сотнями и тысячами. И покрыв (стрелами) в сражении стоящего на своей колеснице лучшего из воинов, сражающихся на колесницах, Дрона убил сына Джарасандхи на глазах у всех лучников.

И в самом деле, Дрона, уподобляясь Разрушителю, поглощал всякого, кто приближался к нему, подобно тому как сам Разрушитель поглощает все существа, когда час их наступил. Затем Дрона, могучий лучник, объявив свое имя в сражении том, множеством тысяч стрел

привел в замешательство пандавов. И стрелы те, обозначенные (именем) Дроны, с золотым оперением и отточенные на камне, убивали повсюду в сражении людей, слонов и коней. Так убиваемые Дроной, словно могучие асуры Шакрой, панчалы стали трепетать, как стада скота, мучимые холодом.

И в самом деле, когда войска пандавов были так уничтожаемы Дроной, о бык из рода Бхараты, страшный, горестный вопль поднялся от них. Сбитые с толку ливнем стрел сына Бхарадваджи в том сражении, могучие воины на колесницах среди панчалов были скованы (от нанесенных ударов) онемением бедер.

Тогда, о великий царь, чеди, сринджайи и сомаки в радостном возбуждении ринулись против сына Бхарадваджи из желания сразиться с ним. «Убейте Дрону! Убейте Дрону!» – с такими возгласами они подступили к Дроне. И те тигры среди людей старались в сражении изо всех сил, желая отправить величавого Дрону в обиталище Ямы. Но тех героев, прилагавших старания с таким рвением, сын Бхарадваджи своими стрелами отправил самих к Яме, особенно же главнейших среди чедиев. И меж тем как те главнейшие (воины) из чедиев были уничтожаемы, о потомок Бхараты, панчалы начали трепетать, мучимые стрелами Дроны.

Видя такого вида подвиги Дроны, о достойнейший, они стали громко взывать к Бхимасене в направлении колесницы Дхриштадьюмны: «Сей брахман наверно совершил аскетическое покаяние, великое и трудновыполнимое! Ибо, проявляя столь усердно свою доблесть в бою, он сжигает быков среди кшатриев! Закон для кшатрия есть битва,
для брахмана – высочайшее подвижничество. Наделенный силой подвижничества и преуспевший в знании, брахман способен сжечь все даже одним своим взглядом! Многие быки среди кшатриев, войдя в соприкосновение с непроходимым и свирепым огнем оружия Дроны, сокрушены тут и сожжены, о потомок Бхараты! Величественный Дрона в меру своих сил, своей смелости и упорства, приводя в замешательство все существа,
уничтожает наши войска!»

Услышав те их слова, Кшатрадхарман, изготовившись должным образом, рассек стрелой, заостренной в виде полумесяца, лук Дроны вместе с возложенной на него стрелой. Дрона же, тот сокрушитель кшатриев, еще более воспалившись гневом, взял другой сверкающий лук, более упругий, чем тот. Возложив на него острую, лишенную пятен стрелу, мощную и губительную для скопищ (врагов), наставник, одаренный могучей силой, выпустил ее (в своего противника), натянув (тетиву) вплоть до самого уха.

И та стрела, убив Кшатрадхармана, вошла в землю. А он с грудью, насквозь пронзенной, упал с колесницы на землю. Когда же был убит сын Дхриштадьюмны, войска (пандавов) стали трепетать. Тогда Чекитана, могучий воин на колеснице, обрушился на Дрону.

Он пронзил Дрону десятью стрелами посредине груди, четырьмя стрелами он пронзил его возницу и еще четырьмя – четырех его коней. А наставник пронзил ему правую руку шестнадцатью стрелами и его знамя – шестнадцатью, а его возницу – семью. Когда был убит возница, кони Чекитаны умчались прочь вместе с колесницей, осыпаемые в сражении стрелами сына Бхарадваджи, о достойнейший! И при виде колесницы Чекитана умчавшейся вместе с убитым возницей, панчалов и пандавов обуял великий страх.

Дрона тогда, обращая в бегство со всех сторон чедиев, панчалов и сринджаев – тех героев, сплотившихся вместе на поле брани, выглядел весьма блистательно, о достойнейший! С седыми волосами до самых ушей и темной внешностью, в возрасте, перевалившем за восемьдесят лет, почтенный Дрона рыскал в битве, словно шестнадцатилетний отрок.

И право, о великий царь, когда Дрона, сокрушитель врагов, бесстрашно рыскал (в сражении), враги принимали его за самого (Индру) с громовой стрелой в руке. И тогда, о великий царь, Друпада, одаренный мудростью, о повелитель, сказал: «Сей (Дрона) убивает кшатриев, как жадный тигр жалких лесных тварей! Греховный и злонравный, Дурьйодхана несомненно обретет ничтожные потусторонние миры! Ибо из-за его жадности зти быки среди кшатриев, убитые в сражении, лежат сотнями на земле, будто искалеченные отборнейшие быки, с телами, залитыми кровью, и ставшие пищей для собак и шакалов!»

Сказав так, о великий царь, Друпада, повелитель акшаухини войск, выставив в пылу сражения впереди себя партхов, быстро двинулся к Дроне.

Так гласит глава сто первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 102

Санджая сказал:
Меж тем как войска пандавов были там и сям приводимы в расстройство, партхи и панчалы вместе с сомаками отошли на очень далекое расстояние. И в то время, когда происходила та ужасная битва, заставляющая подниматься от содрогания волоски на теле, словно это наступила страшная гибель мира в конце юги, о потомок Бхараты, когда Дрона,. проявляя свою доблесть в сражении, издавал поминутно победные клики и когда панчалы ослабевали, а пандавы были убиваемы, царь справедливости Юдхиштхира, отчаявшись увидетькакоенибудь прибежище (в том бедствии), стал, о царь царей, размышлять, как это может кончиться.

Бросая тогда взгляды во все стороны в надежде увидеть Савьясачинаг Юдхиштхира, однако, не увидел ни Партхи, ни Мадхавы. И не видя того тигра среди людей, с изображением обезьяны-самца (на его знамени), и не слыша звона лука гандивы, он сильно встревожился, и чувства его. расстроились. Не видя также Сатьяки, первейшего воина на колеснице среди вришниев, царь справедливости Юдхиштхира всем существом своим проникся тревогой. В самом деле, не видя тех обоих быков среди мужей, он не находил тогда покоя. Овеянный великой славой, царь справедливости могучерукий, из-за боязни осуждения со стороны людей, стал беспокоиться о колеснице Сатьяки.

«Внук Шини, Сатьяки, верный данному слову, рассеивающий страх своих друзей, послан мною следовать в сражении по пути Пхальгуны! Ведь до этого была у меня одна только (забота). Но теперь она стала уже двойной! Ибо я должен знать о (судьбе) Сатьяки и Дхананджайи, сына Панду! Но послав уже Сатьяки следовать по пятам Пандавы, кого же в пылу битвы пошлю я теперь вслед по пятам Сатьяки? Если я всякими средствами буду пытаться производить розыски своего брата, не предпринимая розысков Ююдханы, мир будет осуждать меня! (Ибо люди скажут тогда):

«Предприняв розыски своего брата, царь справедливости Юдхиштхира оставляет (без своего участия) Сатьяки из рода Вришни, воистину отважного!» Из-за боязни осуждения мира людского я поэтому отправляю-Врикодару, сына Притхи, по пути благородного Мадхавы. Ибо какова любовь моя к Арджуне, сокрушителю врагов, такова же точно она и к герою вришниев, тому воину из рода Сатвата, непобедимому в битве. И радующий отпрысков рода Шини, он был назначен мною на выполнение чрезвычайно трудной задачи! Но одаренный могучей силой, он то ли из чувства озабоченности к друзьям, то ли из-за высокого благоговения проник в бхаратийское войско, словно макара – в океан.

Ведь это слышится шум неотвращающихся (от битвы) героев, вместе сражающихся с героем из рода Вришни, одаренным мудростью! Поразмыслив достаточно глубоко и по-разному, (я полагаю), что наступило для меня подходящее время (действовать). Мне нравится поэтому мысль, чтобы отправился сын Панду Бхимасена, вооруженный луком, туда, где находятся те оба могучих воина на колесницах. Нет ведь ничего на земле, что не могло бы быть перенесено Бхимой.

Ибо он, полагаясь на силу своих рук, способен надежно противостоять в сражении против всех лучников на земле, как бы они ни старались. Полагаясь на силу рук того благородного (воина), мы смогли возвратиться из жительства в лесах и никогда не были побеждены в боях. Если Бхимасена, сын Панду, отправится отсюда к отпрыску рода Сатвата, тогда ведь Сатвата и Пхальгуна будут иметь в битве защитника! Без сомнения, и Сатвата и Пхальгуна, оба в сражении не должны бы вызывать у меня беспокойства, ибо оба они опытны во владении оружием и оба охраняются самим Васудевой!

Но несомненно, я должен рассеять свои опасения. Поэтому я отряжу Бхиму по следам отпрыска из рода Сатвата. И тогда я буду считать, что меры в отношении Сатьяки мною полностью предприняты!»

Решив так в уме своем, сын Дхармы – Юдхиштхира сказал, о царь, своему вознице: «Вези меня к Бхиме!» И услышав повеление царя справедливости, возница, хорошо сведущий в конях, пригнал колесницу, украшенную золотом, к Бхиме. Достигнув Бхимасены и помня о подходящем времени, царь впал в душевное расстройство и стал многими просьбами увещевать его:

«Я не вижу, о Бхимасена, признаков того младшего брата твоего, который на одной-единственной колеснице победил дайтьев вместе с богами и гандхарвами!» Тогда промолвил Бхимасена царю справедливости, находившемуся в таком состоянии: «Никогда раньше не видел я и не слышал, чтоб тобою овладел такой упадок духа! И право, ведь прежде, когда мы были измучены горем, именно ты был нашим прибежищем! Встань, поднимись, о царь царей, прикажи, что я должен сделать для тебя! Нет ведь ничего, что не могло бы быть достигнуто или сделано мною, о милостивый! Не повергай же сердце свое в печаль!»

И тогда сказал Бхимасене царь, с печальным выражением лица и полными слез (глазами), такие слова, вздыхая при этом подобно черной змее: «Слышится рев раковины панчаджаньи, в которую яростно трубит Васудева, овеянный славой! Вполне вероятно поэтому, что брат твой Дхананджая лежит сегодня убитый! И несомненно, раз он убит, это сражается Джанардана! Тот преисполненный великой мощи герой, на чью полагаясь доблесть, здравствуют пандавы, к которому во время опасностей мы всегда прибегаем, подобно тому как бессмертные – к Тысячеглазому, тот герой, жаждущий встретить правителя Синдху, проник в бхаратийское войско! Я знаю это по тому, о Бхима, что он отправился туда и назад все еще не возвратился! Темный внешностью, юный годами, с хлопко-подобными волосами, прекрасный и могучерукий; с широкой грудью и могучими плечами, с поступью возбужденного слона, с медно-красными очами, подобными глазам чакоры, тот (брат твой) увеличивает горести врагов!

Это и есть то, – да будет тебе благо, – что служит причиной моей печали, о усмиритель врагов! Именно из-за Арджуны, о могучерукий, а равно и из-за Сатваты все более возрастает эта печаль, подобно пылающему огню, питаемому возлиянием из топленого масла! Я не вижу признаков Арджуны. Оттого я впадаю в душевное расстройство! Узнай также о том тигре среди людей, – о Сатвате, могучем воине на колеснице. Ведь он отправился следом за тем

могучим воином, сражающимся на колеснице, – твоим младшим братом! Не видя также и его, могучерукого, я испытываю упадок духа!

Несомненно, это Кришна, сведущий в битве,, сражается на поле брани. Поэтому, о Каунтея, отправляйся туда, куда помчался могучий Дхананджая, на чью полагаясь доблесть, здравствуют пандавы, и где находится также и Сатьяки, наделенный великою мощью, если, конечно, ты считаешь своим долгом слушаться моего слова, о сведущий в долге! (Помни), что я есть старший брат твой! И следует помнить еще, что Арджуна не должен для тебя считаться столь дорогим, как должен быть признаваем Сатьяки! Ведь он, о Партха, только из желания сделать мне приятное отправился следом по пути Савьясачина, труднопроходимому и страшному, но вовсе непроходимому для нечестивцев!

Бхимасена сказал:
Восседая на той колеснице, которая некогда возила Брахму, Ишану, Индру и Варуну, на той самой колеснице отправились об» Кришны. И не может быть у них страха перед опасностью! Но держа, однако, приказание твое в голове своей, я отправляюсь сам! Не печалься же! Встретившись с теми тиграми среди мужей, я пошлю тебе известие!

Санджая сказал:
Промолвив так, могучий Бхимасена стал готовиться к отправлению, передавая снова и снова Юдхиштхиру (на попечение) Дхриштадьюмне-и другим (верным) друзьям своим. И обратившись к Дхриштадьюмне, он, преисполненный могучей силы, так сказал: «Тебе известно, о могучерукий, как Дрона, могучий воин на колеснице, всегда стоит на страже, чтобы схватить царя справедливости любыми возможными средствами.

Ведь в самом деле, вопрос о моем отправлении (к Арджуне и Сатьяки), о сын Паршаты, является не столь важным, сколь чрезвычайно важной представляется для нас обязанность охранять царя! Тем не менее я получил от Партхи приказание отправиться, и я не осмелился противоречить ему. Я отправлюсь туда, где находится тот правитель Синдху, уже близкий к смерти. Я должен без всяких колебаний поступать согласно слову царя справедливости. Ты поэтому, старательно приготовившись к битве, защищай сегодня сына Кунти – Юдхиштхиру. Ибо из всех обязанностей – это – наивысший долг в сражении!»

И Врикодаре, о великий царь, промолвил на это Дхриштадьюмна: «Отправляйся по своей охоте, о Партха могучерукий, и не рассуждая! Не убив сперва в сражении Дхриштадьюмны, Дрона никогда не сможет причинить насилия над царем справедливости в бою!» И тогда, поручив царя (заботам) Дхриштадьюмны, Пандава, поклонившись своему старшему высокочтимому брату, отправился туда, где находился Пхальгуна.

А перед этим царь справедливости обнял Каунтею, о потомок Бхараты, и, поцеловав его в голову, произнес над ним благословения, сулящие благополучие. Бхимасена могучерукий, наилучший из воинов, сражающихся на колесницах, был одет в панцирь, украшен сверкающими серьгами и браслетами ангада, в доспехах и с луком (в руке). Его дорогая кольчуга из вороненой стали, пестреющая золотом, выглядела подобно облаку, окутавшему гору 390 и пронизанному молнией. Облаченный нарядно в желтые и красные, черные и белые одежды, в красивых латах, защищающих и шею, он выглядел блистательно, словно облако, украшенное радугой.

Меж тем как Бхимасена готов уже был выехать против твоего войска из желания сразиться, страшный рев раковины панчаджаньи раздался снова, о владыка народов! Услышав тот громкий, ужасный рев, способный повергнуть в трепет все три мира, могучерукий сын

Дхармы, вновь обратившись к Бхиме, сказал: «Это громко трубит в раковину герой из рода Вришни. Ибо та царица раковин наполняет своими звуками землю и небо!

Несомненно, когда Савьясачин оказался в великом бедствии, тот герой, носящий диск и булаву, сражается со всеми кауравами! Наверно, досточтимая Кунти, Драупади и Субхадра видят сегодня вместе с родственниками и друзьями весьма неблагоприятные знамения! Поэтому ты, Бхима, с предельной быстротой поезжай туда, где находится Дхананджая. И право же, все страны света, главные и промежуточные, о Партха, как бы спутываются в моих глазах из-за моего (тщетного) желания видеть Дхананджаю, а равно и из-за Сатваты!»

И Юдхиштхира все снова повторял Бхимасене: «Поезжай, поезжай!» И настойчиво понуждаемый своим братом, тот брат Бхима, всегда готовый оказать любезность своему брату, заставил бить в барабан. И протяжно трубя в раковину и издавая львиный клич, снова и снова натягивая тетиву и принимая свой устрашающий вид, он стремительно ринулся против врагов.

Его везли ретивые, превосходнейшие кони, хорошо выезженные, наделенные быстротою мысли или ветра. И управлял ими Вишока. Тут Партха, сильно натягивая рукою тетиву, стал изматывать передние Ряды (вражеского) войска, рубя и пронзая, круша и сметая (воинов). И меж тем как тот герой могучерукий продвигался вперед, позади него следовали храбрые панчалы вместе с сомаками, как бессмертные – вслед за Магхаваном.

Тогда, о великий царь, его окружили единоутробные братья (кауравы) в сопровождении своих войск: Духшала, Читрасена, Кундабхедин и Вивиншати; Дурмукха, Духсаха, Викарна и Шала, Винда и Анувинда, Сумукха, Диргхабаху и Сударшана; Вриндарака, Ухаста, Сушена и Диргхалочана. Наилучшие из воинов, сражающихся на колесницах, герои те с разновидными своими войсками и приверженцами, старательно приготовившиеся к сражению, обрушились на Бхимасену.

Бросив взгляд на них, сын Кунти, Бхимасена, преисполненный великой доблести, ринулся против них с такой стремительностью, как лев. бросается на жалких лесных тварей. А те герои, показывая там (различные виды) могучего дивного оружия, окутывали Бхиму стрелами, подобно тому как облака – взошедшее солнце. Но он, проскочив сквозь их (ряды) со стремительным натиском, двинулся против войска Дроны а осыпал стрелами отряд боевых слонов перед ним ливнями стрел.

И в самое кратчайшее время сын Ветра, сокрушив своими стрелами то войско слонов, рассеял его во все стороны. И действительно, как животные в лесуг перепуганные ревом Шарабхи, те слоны все убежали прочь, поднимая страшный рев. И промчавшись с большой скоростью через (тот участок боя), Бхима снова подступил к войску Дроны. Однако наставник сдержал! его (натиск), подобно тому как берег морской сдерживает взбушевавшееся море. Улыбаясь слегка, он ударил его в лоб длинной стрелою. И вследствие этого Пандава выглядел блистательно, точно солнце с направленными вверх лучами.

Думая, что Бхима будет оказывать ему почтение, какое оказывал ему раньше Пхальгуна, наставник, обратившись к Врикодаре, сказал ему: «О Бхимасена, тебе не под силу проникнуть во вражеский строй, не победив сначала меня в сражении посреди врагов, о одаренный могучей силой! Если младший твой брат и Кришна проникли в это войско с моего дозволения, то тебе же, увы, никогда не удастся проникнуть туда!» Услышав эти слова наставника, Бхима бесстрашный, воспаленный гневом, с кроваво-медно-красными глазами, дыша (глубоко), сказал тогда Дроне:

«Это не по твоему дозволению, о недостойный брахман, Арджуна проник сквозь этот боевой строй. Ведь он непобедим и мог бы проникнуть в войско самого Шакры! А то, что он оказывает тебе высокое почтение, так это только; лишь из уважения к тебе! Но (знай), о Дрона, я ведь – не сострадательный Арджуна! Я – Бхимасена, враг твой! Мы почитаем тебя за отца нашего, за наставника и друга, а самих себя – за сыновей твоих! Думая так, все мы почтительно преклоняемся пред тобою! Когда же ты говоришь нам так сегодня, то все это представляется обратным! Если ты считаешь себя нашим врагом, пусть тогда это будет так! Я же – Бхима, и буду действовать в отношении тебя так, как (должен поступать) по отношению к врагу!»

Тогда Бхима, кружа своей палицей, будто сам Разрушитель – роковым жезлом, метнул ее, о царь, в Дрону. Но он (быстро) спрыгнул со своей колесницы (и этим спасся). А (палица та) раздавила колесницу Дроны вместе с ее конями, возницей и знаменем и сокрушила многих воинов, подобно тому как ветер (уничтожает) деревья своею силой. Но те сыновья твои снова окружили его, превосходнейшего из воинов, сражающихся на колесницах. А Дрона, лучший среди разящих, взошел тем временем на другую колесницу.

И тут, о великий царь, разгневанный Бхимасена, преисполненный великой доблести, осыпал отряд колесниц впереди ливнями стрел. А те могучие воины на колесницах, сыновья твои так теснимые в сражении, сражались с Бхимасеной, наделенным могучей силой, жаждя победы в бою. Тогда Духшасана, воспаленный гневом, метнул в него острый дротик, целиком сделанный из железа, желая убить отпрыска Панду. Но тот летящий на него огромный дротик, посланный твоим сыном, Бхима рассек надвое. И (подвиг) тот казался весьма удивительным!

Затем могучий (Пандава), распаленный гневом, тремя другими острыми стрелами убил трех (братьев) – Кундабхедина, Сушену и Диргханетру. И потом из тех отважных твоих сыновей, сражающихся с ним, он убил доблестного Вриндараку, увеличивавшего славу кауравов. И затем снова тремя стрелами Бхима убил трех сыновей твоих Абхаю, Раудракармана и Дурвимочану. Так убиваемые, о великий царь, тем могучим (воином), сыновья твои окружили Бхиму, наилучшего из разящих, со всех сторон. Но тут сын Кунти, улыбаясь слегка, отправил своими стрелами Винду и Анувинду, обоих вместе, и Сувармана, твоего сына, в обиталище Ямы. Затем, о бык из рода Бхараты, он быстро пронзил в пылу сражения твоего храброго сына Сударшану. И тот сразу рухнул и умер мгновенно.

В течение весьма короткого времени отпрыск Панду измотал своими стрелами тот отряд колесниц, рассеяв его во все стороны. Как (стада) лесных животных, подавляемые грохотом колесницы или ревом (хищников), сыновья твои в сражении, о владыка народов, мучимые страхом перед Бхимасеной и терпя поражение, умчались все прочь на своих колесницах. Однако же Каунтея преследовал то огромное войско сыновей твоих и начал, о царь, пронзать кауравов в сражении том со всех сторон.

И убиваемые так Бхимасеной, о великий царь, твои сыновья, покинув Бхиму, бежали прочь с поля боя, погоняя изо всех сил превосходнейших своих коней. И победив их в сражении, могучий Бхимасена издал тогда победный клич, подобный львиному реву, и поднял сильный шум, прихлопывая под мышками. И производя также очень громкий шум хлопками ладоней, Бхима могучий миновал тех воинов на колесницах, (им побежденных), и двинулся в направлении войска Дроны.

Так гласит глава сто вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 103

Санджая сказал:
После того как тот (сын Панду) выбрался из войска (вражеских) колесниц, как солнце из мрака, наставник окатил его ливнями стрел, желая преградить ему (путь). Но приведя в замешательство твое войско силою своей иллюзии, как бы выпивая те потоки стрел, исторгнутых из превосходнейшего лука Дроны, (Бхимасена) обрушился на тех единоутробных братьев (твоих сыновей).

Тогда выдающиеся лучники, побуждаемые твоими сыновьями в сражении, двинувшись со стремительным натиском, начали окружать его со всех сторон. Так окруженный (ими), могучий Бхима, о потомок Бхараты, улыбаясь слегка и издавая львиный рык, поднял на них страшную палицу, способную их сокрушить, и сильным рывком метнул ее в них. И выпущенная, словно громовая стрела Индры – самим Индрой, она, отличающаяся высокой прочностью, как бы наполняя всю землю громким гулом, о царь, сверкающая сильным блеском и страшная, повергла в трепет твоих сыновей. Увидев ту палицу, окутанную огненными вспышками, несущуюся на них с огромнейшей быстротой, все сыновья твои побежали прочь, издавая страшные крики.

И под влиянием невыносимого гула, идущего от нее, о достойнейший, многие люди повалились там, (где стояли), а также и воины, сражавшиеся на колесницах, попадали тогда со своих колесниц. Обратив в бегство тех врагов в сражении том, Каунтея неприступный со стремительным натиском пересек (вражеское) войско, подобно красивоперому царю птиц (Гаруде).

Меж тем как Бхимасена, предводитель предводителей отрядов колесниц, так изматывал (врагов), сын Бхарадваджи, о махараджа, ринулся на него. И Дрона, сдержав в пылу сражения Бхиму потоками стрел, издал внезапно победный клич и привел в ужас пандавов. И битва, которая произошла между Дроной и благородным Бхимой, была, о великий царь, неистовой и страшной, подобная той, (что происходила некогда) между богами и асурами.

И в сражении том острые стрелы, выпущенные из лука Дроны, убивали героев сотнями и тысячами. Тогда пешком, спрыгнув со своей колесницы, Пандава, закрыв глаза, о царь, бросился со стремительным натиском на Дрону. И в самом деле, как матерый бык переносит сильный ливень, так и Бхима, тигр среди людей, перенес тог (мощный) ливень стрел. Уязвляемый так в сражении, о достойнейший, могучий Бхима, ухватив колесницу Дроны рукою за дышло, опрокинул; ее (с большой силой). Дрона же, сброшенный Бхимой в сражении, о царь, поспешно взойдя на другую колесницу, направился ко входу в боевой строй, в то время как его возница погонял коней с большой скоростью. И тот (подвиг) Бхимасены, о Кауравья, казался весьма удивительным!

Тогда, взойдя на колесницу, Бхимасена могучий ринулся со всей стремительностью против войска твоего сына. И он сокрушал кшатриев в сражении, как сильный порывистый ветер – деревья. И право же, он мчался, сдерживая (вражеское) войско, как взбушевавшееся море противостоит горам. Достигнув войска бходжей, охраняемого сыном Хридики, Бхимасена, о царь, измотал его многократно и проехал дальше. И приводя в трепет (вражеские) полчища хлопками ладоней рук своих, о достойнейший, он победил всех их, подобно тому как тигр одолевает стада матерых быков.

Пройдя сквозь войско бходжей и боевой строй Камбоджей, а также сквозь ряды других многочисленных племен млеччхов, хорошо искушенных в битве, и увидев Сатьяки, быка среди мужей, занятого в сражении, сын Кунти, Бхимасена, о великий царь, на колеснице двинулся

тогда решительно и с большой стремительностью, желая увидеть Дхананджаю. И миновав твоих воинов в той битве, отпрыск Панду увидел тогда Арджуну, быка среди мужей, занятого в сражении.

Увидев там Арджуну, проявляющего свою доблесть ради убиения правителя Синдху, доблестный (Бхима) издал громкие клики. И тот страшный рык его, громко ревущего, услышал Партха. И тогда Партха, а также Мадхава, испуская ответный громкий рык, помчались навстречу, о великий царь, подобно двум ревущим быкам. И Васудева и Арджуна, слыша одновременно тот рев могучего (Бхимы), сами издавали клики все снова и снова, желая видеть Врикодару. Услышав тогда рык Бхимасены, а также Пхальгуны, вооруженного луком, о великий царь, возрадовался Юдхиштхира, сын Дхармы. И когда царь услышал те громкие их клики, печаль его рассеялась. И владыка тот пожелал затем победы Дхананджае в сражении.

Меж тем как Бхимасена, свирепый в битве, зычно орал так, могучерукий Юдхиштхира, сын Дхармы, лучший из блюстителей закона, улыбаясь, подумал немного и выразил словами то, что в мыслях тяготило его сердце:

«Тобою, о Бхима, действительно подана мне весть и исполнено повеление старшего! Никогда не может быть в бою победы у тех, чьим врагом ты являешься, о Пандава! Благодаря счастливой судьбе, все еще жив в сражении Дхананджая, одинаково ловкий и на левую руку. Благодаря счастливой судьбе, здравствует также доблестный Сатьяки, воистину отважный! Благодаря счастливой судьбе, я слышу Васудеву и Дхананджаю, издающих эти зычные рыки!

Тот, кто, победив самого Шакру в сражении, ублаготворил Уносителя жертв, тот сокрушитель-врагов, Пхальгуна, благодаря счастливой судьбе, все еще здравствует в битве! Тот, на чью полагаясь силу рук, мы все живы, тот сокрушитель вражеских полчищ, Пхальгуна, благодаря счастливой судьбе, все здравствует еще! Тот, кем на одной-единственной колеснице были побеждены (демоны) ниватакавачи, непобедимые даже для богов, тот (герой), Партха, благодаря счастливой судьбе, все жив еще!

Тот, кто при городе Матсьи победил всех кауравов, собравшихся вместе для похищения скота (царя Вираты), тот Партха, благодаря счастливой судьбе, все здравствует еще! Тот, кто мощью своих рук убил четырнадцать тысяч калакеев в великом сражении, тот Партха, благодаря счастливой судьбе, все жив еще! Тот, кто ради Дурьйодханы мощью своего оружия победил могучего царя гандхарвов, тот Партха, благодаря счастливой судьбе, все жив еще! Украшенный диадемой и (золотыми) гирляндами, обладающий могучею силой, мчащийся на белых конях и имеющий своим возницею Кришну, тот Пхальгуна, всегда мне милый, благодаря счастливой судьбе, все жив еще! Сжигаемый скорбью о сыне, жаждущий совершить трудноисполнимый подвиг и теперь вот стремящийся убить Джаядратху и который, увы, дал такую клятву, сможет ли тот Дхананджая убить правителя Синдху в сражении? После того как он, охраняемый Васудевой, исполнит свою клятву, смогу ли я снова встретиться с Арджуной до того, как зайдет солнце?

Преданный благу Дурьйодханы, царь страны Синдху, поверженный Пхальгуной, будет ли радовать своих врагов? Увидев правителя Синдху, поверженного Пхальгуной в бою, заключит ли царь Дурьйодхана мир с нами? Увидев своих братьев, убитых Бхимасеной в сражении, заключит ли злобный Дурьйодхана мир с нами? Увидев и многих других воинов, лежащих распростертыми на земле, будет ли злобный Дурьйодхана после предаваться раскаянию? Не утихнет ли наша вражда одною только (жертвой) в лице Бхишмы? И не заключит ли Суйодхана мир с нами ради спасения остальных (уцелевших с его и нашей стороны)?».

Так он, о царь, размышлял по-разному, охваченный состраданием. А тем временем битва (между пандавами и кауравами) разыгралась со свирепым неистовством.

Так гласит глава сто третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 104

Дхритараштра сказал:
В то время как Бхимасена могучий издавал такие громкие клики, кто из героев (нашего войска) окружили его? Ибо я не вижу в трех мирах такого (воина), о Санджая, который мог бы устоять перед разгневанным Бхимасеной в сражении! Ведь я не вижу того, о сын мой, кто способен устоять в великой битве перед ним, когда он поднимает булаву, напоминая саму Смерть! Кто может, хотя бы он был сам Шатакрату, устоять в сражении перед ним, который сокрушает колесницу колесницей, а слона слоном, (действуя ими, как своим оружием)? Кто из преданных благу Дурьйодханы твердо стоял (в бою) перед разгневанным Бхимасеной, жаждущим убить моих сыновей? Кто из героев на головном участке боя стоял перед Бхимасеной, собирающимся сжечь моих сыновей, подобно тому как лесной пожар сжигает сухую траву или солому? Кто из них окружили Бхиму в сражении, увидев моих сыновей, повергаемых Бхимой, точно все существа, подкашиваемые самою Смертью? Кто те герои, которые ринулись против того пылающего огня в облике Бхимы, намеревающегося сжечь сыновей моих? – о том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
В то время как Бхимасена, могучий воин на колеснице, издавал такой громкий рев, могучий Карна, не способный перенести его, тоже с громким криком обрушился на него, натягивая свой лук с чрезвычайною силой. Ибо и Карна могучий, жаждущий битвы, намеревался проявить свою мощь. И в том столкновении между Карной и Бхимой, когда воины, сражающиеся на колесницах, и всадники слышали шум от хлопков их ладоней, все члены у них начинали трепетать.

В самом деле, услышав страшный клич Бхимасены на поле битвы, даже быки среди кшатриев считали и небо и землю наполненными (тем звуком). И от ужасного рыка, вновь исторгнутого благородным Пандавой, у всех воинов луки в том сражении попадали на землю. И все верховые и упряжные животные, задрожав стали испускать кал и мочу, о великий царь, и впали в уныние. И различные грозные знамения показывались, о царь, во время того страшного столкновения между Бхимой и Карной.

Тогда Карна больно поразил Бхиму двадцатью стрелами и быстро пронзил и возницу его пятью стрелами. А Бхимасена в ответ, усмехнувшись могучий и решительный, ударил в Карну шестьюдесятью стрелами в пылу той битвы. Карна же, могучий стрелок из лука, метнул в него четыре стрелы.

Однако Бхимасена своими прямыми стрелами рассек их, не достигших цели, на множество кусков, о царь, показывая ловкость своих рук. В ответ Карна покрыл его много раз сряду потоками стрел. Но так покрываемый (стрелами) Карны множество раз, отпрыск Панду, могучий воин на колеснице, рассек его лук у самой рукояти и затем пронзил его самого множеством прямых стрел. Тогда взяв другой лук и натянув на него тетиву, сын суты, могучий воин на колеснице, тот вершитель страшных подвигов, пронзил Бхиму в том сражении (множеством стрел). Бхима же, воспаленный гневом, вонзил тогда с большой силой .в грудь сыну возницы три прямых стрелы.

И с теми стрелами, торчащими посредине его груди, Карна выглядел там блистательно, о бык из рода Бхараты, подобно высокой горе с тремя вершинами. И из (ран) его, так пронзенного превосходнейшими стрелами, начала стекать кровь, подобно потокам жидкой красной глины, стекающим с горы. Мучимый от сильного удара (стрел), Карна покачнулся немного. Затем, возложив, стрелу на лук свой, он пронзил Бхиму, о достойнейший!

И снова стал он метать стрелы сотнями и тысячами. И окутываемый внезапно (стрелами) Карны, твердого лучника, тот отпрыск Панду быстро рассек тетиву его лука, улыбаясь при этом. Затем стрелою с серповидным острием он отправил его возницу в обиталище Ямы. И четырех его коней в сражении также умертвил тот могучий воин на колеснице. И тогда, спрыгнув со своей колесницы, лишенной коней, о владыка народов, Карна, могучий воин, сражающийся на колеснице, взошел на колесницу Вришасены.

Победив в сражении Карну, доблестный Бхимасена издал очень громкий клич, подобный рокоту грозовых облаков. И услышав тот его клич и решив, что Карна побежден Бхимасеной, возрадовался Юдхиштхира, о потомок Бхараты! Со всех сторон затрубили тогда в раковины в войске пандавов. Но услышав шум во вражеском войске, твои воины, однако, вовсе не издали никаких кликов. Партха отложил свой лук гандиву, а Кришна затрубил в свою раковину. Заглушая, однако, все те звуки, гул от ревущего Бхимы был, о великий царь, слышен среди всех воинов, о потомок Бхараты! Затем те оба усмирителя врагов (Карна и Бхима) сражались каждый своим оружием. Сын Радхи (действовал) мягко, а сын Панду – с большим упорством.

Так гласит глава сто четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 105

Санджая сказал:
После того как войско то было обращено (так) в бегство, а Арджуна, Сатвата и Бхимасена двинулись все на правителя Синдху, твой сын (Дурьйодхана) проследовал к Дроне. Он (отправился к нему) поспешно на одной-единственной колеснице, размышляя (по пути) о различных обязанностях. И та колесница сына твоего, наделенная скоростью мысли или ветра, стремительно, с предельной быстротой примчалась к Дроне. И обратившись к нему, промолвил твой сын, с глазами, покрасневшими от гнева:

«Арджуна и Бхимасена и Сатьяки непобедимый, а также (другие) могучие воины на колесницах, победив все наши огромные войска, настигли уже, сокрушители врагов, царя страны Синдху! И действительно, все они, сами непобедимые, сражаются уже там! Если Партха, могучий воин на колеснице, сумел прорваться сквозь такое сражение, то каким образом удалось Сатьяки и Бхиме проскочить мимо тебя, о милостивый? Твое поражение, о первейший из брахманов, пришедшее от Сатваты и Арджуны, а также от Бхимасены, является весьма удивительным в этом мире, подобно высыханию океана! Люди громогласно вопрошают: «Каким образом, в самом деле, мог Дрона, опытнейший в военной науке, быть побежден в сражении?».

Ведь погибель уже несомненна для меня, злополучного в битве, когда три воина, сражающиеся на колесницах, сумели проскочить мимо тебя, тигра среди людей! Однако же, когда все так случилось, поведай нам, что намерен сказать ты о деле, еще предстоящем для нас! Что случилось, то уже прошло! Поразмысли теперь о том, что осталось еще, о милостивый! Скажи ты немедля о том, что должно быть вслед за этим сделано для царя страны Синдху в настоящем случае, и пусть то, (что ты говоришь), будет быстро и надлежащим образом исполнено!»

Дрона сказал:
Слушай меня, о великий царь, что должно быть сделано в этом случае, после требуемого долгого обдумывания. Пока ведь только три могучих воина на колесницах среди пандавов проскочили (мимо нас). Сколь велика (для нас) опасность, грозящая сзади (тех трех), столь же велика она и спереди них.

Там, однако, где Кришна и Дхананджая, я полагаю, опасность (для нас) наиболее значительна. Войско бхаратийское охвачено (противником) и спереди и сзади. При таком положении я считаю, что нашей первейшей обязанностью должна быть защита правителя Синдху. Ведь он, испытывая страх перед разгневанным Дхананджаей, о сын мой, заслуживает больше всех нашей защиты! Ибо доблестные Ююдхана и Врикодара оба двинулись уже против правителя Синдху.

Все это, что случилось (теперь), есть результат той игры в кости, которая была задумана в уме Шакуни. Не в собрании (где происходила игра) была одержана победа, и не там пришло и поражение. А здесь, сегодня, когда мы заняты этой военной игрой, о сын мой, будет победа или поражение! Те таящие в себе угрозу вещи, коими Шакуни, считая их за игральные кости, играл раньше в собрании кауравов, были в действительности неотразимыми стрелами.

Теперь там, где собрались вон те многочисленные кауравы, о сын мой, знай, что войско заменяет игроков, а стрелы – игральные кости, о владыка народов, правитель же Синдху, о царь, служит ставкой в этой игре сражения, – и тут у меня убеждение твердое. Ибо за ((жизнь) правителя Синдху завязалась (сегодня у нас) великая битва с врагами!

При таких обстоятельствах все вы, о великий царь, пренебрегая своей жизнью, должны сделать необходимые приготовления для защиты правителя Синдху в сражении. Там, когда мы будем заняты военной игрой, для нас, о сын мой, будут уж несомненны победа иль поражение! Туда, где выдающиеся лучники те старательно защищают правителя Синдху, поезжай сам без промедления и защищай тех защитников (Джаядратхи)! Что до меня, то я останусь здесь и буду отправлять других (на тот же участок боя). Я буду также сдерживать панчалов вместе с пандавами и срин-джаями, соединившимися вместе!»

И тогда, по приказанию наставника, Дурьйодхана поспешно отправился (к указанному месту) вместе со своими последователями, настроив себя (на выполнение) сурового задания. А (в это время) двое воинов, охранявших колеса (Арджуновой колесницы), – царевичи Панчалы Юдхаманью и Уттамауджас проследовали к Савьясачину, обойдя стороной войско (кауравов). Ведь (как ты помнишь), о великий царь, еще раньше, когда Арджуна проник в твое войско из желания победы, те двое (царевичей), о царь, были задержаны (в своей продвижении) Критаварманом. И Дурьйодхана, могучий отпрыск Бхараты, без промедления вступил в отличнейшую битву с теми обойма братьями, тоже неистово стремившимися к ней.

Оба те выдающихся кшатрия, известные как махаратхи – могучие воины, сражающиеся на колесницах, ринулись затем в той битве на Дурьйодхану с поднятыми луками. И Юдхаманью, воспаленный гневом, выпустил стремительно тридцать железных стрел в середину груди твоего сына. Дурьйодхана же в ответ, о царь царей, убил четырех коней Утта-мауджаса, царевича Панчалы, а также обоих его возниц, погонявших пристяжных коней. Но тут Уттамауджас, потеряв в сражении коней своих и возниц, поспешно взошел на колесницу брата своего Юдхаманью. И взойдя на колесницу своего брата, он ударил в коней Дурьйодханы многочисленными стрелами. И те, убитые, упали на землю. И когда пали кони его, Юдхаманью мощной стрелою быстро рассек лук Дурьйодханы и (другой стрелою) – колчан его в пылу сражения.

Тогда, спрыгнув с колесницы, лишенной коней и также возницы, тот воин могучий, сражающийся на колеснице, сын твой взял палицу и бросился на обоих царевичей Панчалы. Увидев того покорителя вражеских городов, в гневе так подступающего к ним, Юдхаманью и Уттамауджас соскочили с площадки своей колесницы. И тут (Дурьйодхана), вооруженный палицей, в пылу сражения расплющил (сильным ударом) своей палицы ту превосходнейшую из колесниц, украшенную золотом, вместе с ее конями, возницей и знаменем.

И сокрушив таким образом ту (колесницу), сын твой, тот усмиритель врагов, сам лишенный коней и возницы, быстро взошел затем на колесницу царя мадров. Тем временем оба те первейших царевича панчалов, наделенные могучею силой, взойдя на другую колесницу, направились к Дхананджае.

Так гласит глава сто пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 106

Дхритараштра сказал:
Меж тем как оба те могучих героя Карна и Бхима были заняты сражением, как разыгралась дальше та битва между ними поблизости от колесницы Арджуны? Ведь раньше однажды Карна был побежден Бхимасеной в сражении. Каким же образом сын Радхи, могучий воин на колеснице, мог опять выступить против Бхимы? Или также Бхима, как он мог двинуться против сына возницы в сражении, того выдающегося воина, известного на Земле как величайший воин, сражающийся на колеснице?».

Оставляя в стороне Бхишму и Дрону, Юдхиштхира, сын Дхармы, не испытывал страха ни перед кем другим, кроме лучника Карны. И действительно, думая постоянно о том могучем воине на колеснице, он не спит от страха Так каким же образом мог Бхима сражаться с тем сыном суты в битве?' Как мог, в самом деле, Бхима сразиться в битве с Карной, превосходнейшим из воинов, который благожелателен к брахманам, наделен мощью* и никогда не отвращается от сражений? Как же, право, те оба героя могли встретиться перед самой колесницей Арджуны?

И как они оба – сын суты и Врикодара сражались друг с другом? После того как еще раньше было-сообщено ему об его братском родстве (с пандавами), сын возницы ведь, к тому же, сострадателен. Памятуя также о словах, (сказанных им) Кунти, как же он мог сражаться с Бхимой? Точно так же и Бхима, помня враждебность, некогда проявленную к нему сыном суты, как герой тот сражался с Карной в битве?

Мой сын Дурьйодхана, о возница, твердо надеется, что Карна победиг всех пандавов в сражении. Тот, на которого моим негодным сыном возлагаются надежды на победу в сражении, – как он сражался с Бхима-сеной, вершителем страшных дел? С тем сыном возницы, полагаясь на которого, мои сыновья вызвали вражду с могучими воинами на колесницах (пандавами), – с ним, о сын мой, как же сражался Бхима? В самом деле, помня различные обиды и оскорбления, проистекавшие от сына суты, как сражался Бхима с тем сыном возницы? Как же, право, мог Бхима сражаться в битве с тем сыном суты, который, будучи преисполнен великой доблести, покорил (прежде) всю Землю на одной-единствен-ной колеснице? С тем сыном возницы, который родился вместе с серьгами и (естественным) панцирем, – с ним как сражался в битве Бхима? Как происходила битва между ними обоими и кто из них одержал победу, – о том мне расскажи по правде, ибо ты искусен (рассказывать), о Санджая!

Санджая сказал:
Что до Бхимасены, то, оставив сына Радхи, наилучшего из воинов, сражающихся на колесницах, он пожелал отправиться туда, где находились оба героя –Кришна и Дхананджая. А сын Радхи, однако, ринувшись на него, когда тот следовал своим путем, окатил его, о великий царь, ливнем стрел с оперениями цапли, подобно тому как облако поливает своим ливнем гору.

И могучий сын Адхиратхи, с лицом, подобным распустившемуся лотосу и озаренным улыбкой, вызвал тогда на битву Бхиму, проезжавшего мимо. Бхимасена же не мог перенести вызова Карны на битву и, сделав поворот на полкруга, начал сражаться с сыном возницы. Он окатил его дождем прямолетящих, длинных железных стрел. Желая также положить конец враждебным действиям и потому намереваясь убить его, он стал истощать Карну, лучшего из всех носящих оружие, облаченного в доспехи и старательно приготовившегося к поединку на колесницах.

И желая также убить всех других (противников), после того как убьет его самого, могучий Бхима, усмиритель врагов, неистовый и воспаленный гневом Пандава, выпустил в него различные ливни лютых стрел, о достойнейший!

Однако те ливни стрел, выпущенные героем с походкою возбужденного а4' слона, овеянный величайшею славой, сын суты поглотил волшебной силой своего оружия. Должным образом удостоенный (военной) науки, могучий лучник Карна, о великий царь, стал рыскать по полю брани, подобно наставнику (в военном деле). Неистовый сын Радхи, улыбаясь при этом, обрушивался на Врикодару, в то время как и сам Бхимасена сражался с большой яростью.

И не вынес сын Кунти той улыбки Карны в бою на глазах у многих сражавшихся героев, наблюдавших (за поединком) со всех сторон. Как (погонщик ударяет) огромного слона стрекалами, могучий Бхимасена, охваченный яростью, пронзил посредине груди Карну, оказавшегося (в пределах досягаемости), стрелами с наконечником в виде телячьего зуба. Затем и возницу сына возницы, облаченного в пёстрые доспехи, пронзил он семьюдесятью тремя острыми и ловко выпущенными стрелами с красивым оперением. А доблестный Карна в ответ лронзил коней (своего противника), покрытых золотыми сетками, наделенных быстротою ветра, пятью стрелами каждого.

И тогда в полмгновения ока показалась, о царь, сеть из стрел вокруг колесницы Бхимы, образованная Карной. И в самом деле, о великий царь, стрелами, выпущенными из лука Карны, Пандава был там полностью окутан вместе с его колесницей, знаменем и возницей. Затем Карна пробил крепкий панцирь его шестьюдесятью четырьмя стрелами. И разгневанный, он также поразил его самого в бок длинными стрелами, способными проникнуть в жизненно важные места. Не обращая внимания, однако, на стремительно быстрые стрелы, выпущенные из лука Карны, Врикодара бесстрашно пронзил в ответ сына суты. Неся (в своем теле) стрелы, подобные ядовитым змеям, выпущенные из лука Карны, Бхима,. о великий царь, не чувствовал боли в сражении.

И тогда доблестный Бхи-масена пронзил в пылу сражения Карну тридцатью двумя стрелами с серповидным острием, тонко отточенными и наделенными неистовой мощью. Карна же в ответ, без малейших усилий, осыпал своими стрелами Бхимасену могучерукого, жаждавшего убить правителя Синдху. И в самом деле, сын Радхи в той битве сражался вяло с Бхимой, тогда как Бхима, помня прежнюю вражду, сражался с ним яростно.

Негодующий Бхимасена не смог вынести такого пренебрежения (от Карны). И он, побеждающий врагов, быстро выпустил в него ливень стрел. И те грозные стрелы, о царь, послан-

ные Бхимасеной в сражении, упали повсюду (на теле Карны), словно воркующие птицы. В самом деле, о великий царь, стрелы те, с золотым оперением, выпущенные из лука Бхимасены, устремились на сына Радхи, как бросаются волки на жалкую» тварь. Карна же, превосходнейший из воинов, сражающихся на колесницах, так застилаемый кругом (стрелами), о царь, выпустил в ответ ливни, лютых стрел в том сражении. Но те стрелы, подобные громовым стрелам, выпущенные тем (героем), блистающим в бою, Врикодара рассек многочисленными стрелами с серповидным острием еще до того, как они смогли достичь цели.

И снова Карна, сын Викартаны, окутал, о потомок Бхараты, ливнем своих стрел Бхимасену, могучего воина на колеснице, в пылу тойг битвы. Там, о потомок Бхараты, мы видели Бхиму, густо покрытого стрелами в сражении, словно это был дикобраз с торчащими иглами на теле. Подобно тому как солнце содержит в себе свои собственные лучи, герой тот удерживал в себе стрелы в сражении, выпущенные из лука Карвы, снабженные золотым оперением и отточенные на камне. С телом, всюду залитым кровью, Бхимасена выглядел блистательно, подобно дереву в лесу, покрытому золотистыми цветами.

Однако, о великий царь, такого поведения Карны в сражении не мог вынести Бхима, тот могучий лучник. Вращая в гневе глазами, он ударил в Карну двадцатью пятью длинными стрелами, вследствие чего тот выглядел наподобие белой горы со (свисающими по склонам) ядовитыми змеями. И снова Бхима, наделенный отвагою бессмертных, поразил сына возницы в жизненно важные места шестью и потом еще восемью стрелами в том великом сражении. Затем доблестный Бхимасена, воспаленный гневом, быстро рассек лук Карны и все боевые принадлежности.

И он убил также своими стрелами четырех его коней и поспешно – возницу его, а затем пронзил Карне грудь длинными стрелами, блеском подобными лучам: солнца. И все те (стрелы), пронзив насквозь Карну, вошли в землю, о достойнейший, подобно тому как (достигают ее) лучи солнца, о царь, пробиваясь сквозь облако. Мучимый стрелами и лишенный своего лука, он, хотя и мнил себя таким героем, почувствовал сильную слабость и проследовал к другой колеснице.

Так гласит глава сто шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 107

Дхритараштра сказал:
Что же сказал Дурьйодхана, увидев, что Карна, на которого постоянно возлагались надежды на победу моими сыновьями, о Санджая, отвратился от битвы? И что также, о сын мой, делал после этого Карна в сражении?

Санджая сказал:
При виде Бхимасены на поле битвы, подобного пылающему огню, Карна, взойдя на другую колесницу, должным образом снаряженную, снова обрушился на Пандаву, будто океан, вздымаемый ветром. Видя сына Адхиратхи, воспаленного гневом, сыновья твои, о владыка народов, считали уже Бхимасену принесенным в жертву в пасть сына Вивасвана.

Производя неистовый звон (тетивой) своего лука и страшный шум хлопками ладоней, сын Радхи устремился на колесницу Бхимасены. И вновь тогда, о царь, произошла неистовая и очень страшная битва между сыном суты и Бхимой, о владыка народов! Оба воспаленные гневом, оба могучерукие, каждый жаждущий убить другого, оба они смотрели друг на друга, словно собираясь сжечь один другого (гневными) взглядами.

С глазами, покрасневшими от гнева, разъяренные, глубоко дыша, оба могучих воина на колесницах – те усмирители врагов, нападая друг на друга, иссекали один другого в пылу битвы. И право же, они сражались друг с другом подобно двум тиграм, сильно разъяренным, или двум ястребам, быстро летающим, или двум шарабхам, возбужденным от гнева.

Тогда Бхима, усмиритель врагов, вспоминая все обиды и лишения, перенесенные им во время игры в кости и в изгнании в лесу, а также горе, испытанное при (жительстве) в городе Вираты; помня также о лишении твоими сыновьями всех владений своего царства, изобилующих богатством и драгоценными камнями, равно и о многих других притеснениях, постоянно причинявшихся тобою (пандавам) вместе с сыном твоим; памятуя также о том, что ты замыслил сжечь невинную Кунти вместе с ее сыновьями, а равным образом и о страданиях Кришны (Драупади), перенесенных ею среди собрания от злостных негодяев, (говоривших):

«Выбирай себе другого супруга, ибо твои мужья уже не существуют: все партхи низринулись в ад и подобны бесплодным сезамовым семенам, лишенным зародышей»; (помня также) и те (другие слова), о Кауравья, которые говорили тогда кауравы в твоем присутствии, а также то, что сыновья твои жаждали наслаждаться Кришною как рабыней; (припоминая) также те оскорбительные слова, которые сказал в собрании Карна в твоем присутствии пандавам, когда они, облаченные в черные антилоповые шкуры, собрались уже отправиться в изгнание, а равно и то, что сын твой, сам находясь в полном благополучии, дерзостно издевался над партхами, ставя их ни во что, когда те находились в бедственном состоянии, бесчувственные от гнева, – раздумывая об этих и всех невзгодах, перенесенных им с самого детства, тот губитель врагов, справедливый душою Врикодара почувствовал отвращение к жизни.

Тогда, натянув свой громадный и неотразимый лук с позолоченной тыльной частью, тот тигр из рода Бхараты, совсем пренебрегая жизнью, ринулся против Карны. Густыми сетями своих сверкающих стрел, отточенных на камне, Бхима заслонил перед колесницей Карны блеск самого солнца. Но тут сын Адхиратхи, улыбаясь при этом, быстро меча оперенные, острые стрелы, рассеял ими мгновенно те тучи стрел Бхимасены.

Могучерукий, исполненный могучей силы, тот могучий воин на колеснице – сын Адхиратхи пронзил затем Бхиму девятью острыми стрелами, наделенными большой стремительностью. Уязвляемый стрелами, как слон, (понукаемый) стрекалами, Врикодара бесстрашно ринулся на сына возницы. Однако на того быка среди пандавов, нападавшего на него с таким мощным натиском, Карна обрушился с ответным рвением, как возбужденный от течки слон – на возбужденного слона, чтобы сразиться с ним. Затрубив потом в раковину, звучащую подобно сотне литавр (одновременно), он с радостным чувством привел в смятение войско (Бхимы), словно это был взбушевавшийся океан. Видя свое войско, состоящее из колесниц, слонов, коней и пехотинцев, так взволнованное Карной, Бхима, подступив к нему, покрыл его стрелами.

Тогда Карна заставил в пылу сражения коней (Бхимасены) одинаковой масти с белоногой антилопой смешаться с превосходнейшими собственными конями масти лебединой, покрывая Пандаву своими стрелами. При виде коней масти белоногой антилопы и быстрых как ветер, смешавшихся с белыми конями, крики «Ой, ой!» раздались среди войска сыновей твоих. Те кони, наделенные быстротою ветра, так смешавшиеся вместе, выглядели чрезвычайно красиво, точно белые и черные облака, о великий царь, (смешавшиеся) в небе. Увидев Карну и Врикодару, обоих разъяренными, с покрасневшими от гнева глазами, твои могучие воины на колесницах стали трепетать, перепуганные. Поле битвы, где они оба (сражались), стало ужасным, подобно царству Ямы.

И действительно, о наилучший из рода Бхараты, оно было страшным на вид, как город царя усопших. Смотря на то зрелище, будто (зрители) на арену (состязаний), могучие воины на колесницах (из войска твоего) не замечали сколько-нибудь заметного преимущества ни у одного над другим при (взаимном) отражении натиска (обоих противников). Они лишь видели неистовую схватку их обоих, когда могучее их оружие скрещивалось, о царь, в результате пагубной политики твоей и твоих сыновей, о владыка народов.

Те оба сокрушителя врагов продолжали покрывать друг друга острыми стрелами и заволокли небосвод сетью из стрел, (исторгая) ливни своего оружия. Оба те могучих воина на колесницах, жаждущие убить друг друга острыми стрелами, были весьма привлекательны для взора, подобно двум облакам, проливающим ливни дождя. Меча стрелы, украшенные золотом, оба те усмирителя врагов придали небосводу вид сверкающий, будто от огненных метеоров, о владыка! Выпущенные ими стрелы с оперением цапли и павлина напоминали вереницы возбужденных журавлей в осеннем небе. Между тем Кришна и Дхананджая, увидев Бхиму, усмирителя врагов, занятого битвой с сыном возницы, подумали о чрезмерно тяжком бремени, возложенном на Бхиму.

И в то время как сын Адхиратхи и Бхима, отражая ливни стрел друг друга, метали в ответ свои стрелы один в другого, там падало много коней, людей и слонов, смертельно пораженных ими. И вследствие множества падавших и павших и еще других существ, лишенных жизней, великое побоище людей, о великий царь, совершалось (в войске) сыновей твоих. И в одно мгновение поле битвы стало покрытым лишенными жизней телами людей, коней и слонов, о потомок Бхараты!

Так гласит глава сто седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 108

Дхритараштра сказал:
Я считаю отвагу Бхимасены весьма необычайной, так как он успешно сражался в битве с Карной, изумительно ловким и отважным. Как же о сын мой, Карна, который способен отразить в бою даже тридцать (богов) вместе с якшами, асурами и людьми, носящих все виды оружия и отчаянных в схватке, не смог одолеть в сражении Пандаву, блистающего величавой красотою? – О том расскажи, мне, о Санджая!

И как вновь произошла битва между ними, когда ставкой в этой игре служила сама жизнь обоих их? Я думаю, что при таком (поединке) победа иль поражение одинаково зависимы от каждого из них. Обретя Карну в сражении, о возница, мой сын Суйодхана отваживается победить партхов вместе с Говиндой и сатватами. Когда я слышу о неоднократных поражениях Карны, понесенных в битве с Бхимасеной, вершителем страшных подвигов, бесчувственное состояние как бы овладевает мною! Я считаю кауравов уже погибшими, вследствие пагубной политики моего сына! Ибо никогда не удастся Карне победить партхов, тех могучих лучников, о Санджая! Во всех битвах, в которых Карна сражался с сыновьями Панду, пандавы48? всегда побеждали Карну на поле боя.

И право же, о сын мой, пандавы непобедимы даже для самих богов с Васавой во главе! Но увы, этого не понимает мой зловредный сын Дурьйодхана! Отняв у Партхи, словно у самого владыки богатства, его богатство, мой безрассудный сын не представляет себе падения, подобно искателю меда, (беспечно лазающему в горах). С рассудком, подверженным обману, обманом отняв царство у благородных (пандавов) и считая их побежденными, он всегда презирает пандавов.

И мною самим, с необузданной душою, одержимым любовью к сыну, были унижаемы благородные сыновья Панду, пребывающие в нравственном законе! Сын Притхи Юдхиштхира, будучи дальновидным, всегда желал мира. Однако, считая его неспособным, сыновья мои презирали его. Держа в сердце своем те многочисленные невзгоды и обиды все, могучерукий Бхима и сражался с сыном суты. Поэтому расскажи мне, о Санджая, как Карна и Бхима, оба превосходнейшие в битве, сражались на поле брани, жаждущие убить друг друга!

Санджая сказал:
Слушай, о царь, как происходило сражение между Карной и Бхимой, напоминавшее схватку между двумя слонами в лесу, жаждавшими убить друг друга. Сын Викартаны, о царь, воспаленный гневом и проявляя свою доблесть, пронзил разгневанного Бхиму, того усмирителя врагов, преисполненного доблести, тридцатью стрелами.

И действительно, о первейший из рода Бхараты, сын Викартаны поразил Бхиму множеством стрел со сверкающими остриями, украшенных золотом и отличающихся большой стремительностью. Бхима, однако, тремя острыми стрелами рассек лук Карны, в то время как тот метал (в него свое оружие), и затем стрелой с серповидным острием он поверг на землю возницу противника с его сидения на колеснице.

А тот бык, сын Викартаны, жаждущий убить Бхимасену, схватил дротик, которого древко было украшено золотом и камнями вайдурья. И схватив тот огромный дротик, словно это был другой дротик самой Смерти, могучий сын Радхи поднял его и, прицелившись, метнул в Бхимасену (с такой силой), чтобы причинить конец его жизни. Метнув свой дротик, как Пурандара выпускает громовую стрелу, Радхея, могучий отпрыск суты, издал громкий клич. И услышав тот клич, сыновья твои преисполнились тогда радости.

Но тот дротик, наделенный блеском солнца или огня, выпущенный из рук Карны, Бхима рассек в воздухе семью быстролетными стрелами. И рассекши дротик, напоминавший змею, только что сбросившую свою обветшалую кожу, Бхима тогда, словно охотясь за самой жизнью сына возницы, о достойнейший, послал, разгневанный, в пылу битвы девять стрел с оперением павлина и золотым основанием, отточенных на камне и подобных жезлу Ямы. Карна тоже, наделенный великой мощью, взяв другой, неотразимый лук с золотой тыльной частью и сильно натянув его, выпустил девять стрел. Но их сын Панду рассек девятью своими прямыми стрелами.

И рассекши, о царь, те девять могучих стрел, выпущенных Васушеной, Бхима, о великий царь, издал, подобно льву, громкий рык. Словно два могучих быка, ревущих из-за слонихи, или будто два тигра, рыкающих один на другого, они громко и грозно кричали друг на друга. Оба пытающиеся ударить друг в друга и каждый из них жаждущий воспользоваться оплошностью другого, они временами взирали пристально друг на друга, как два могучих быка в коровьем загоне.

Подобно двум громадным слонам, наносящим друг другу удары остриями своих клыков, они поражали друг друга стрелами, выпущенными (из луков), натянутых до предельной возможности. Опаляя один другого, о великий царь, ливнями стрел, оба они поглядывали друг на друга глазами, широко раскрытыми от гнева. То часто посмеиваясь друг над другом, то порицая один другого, то поминутно трубя в раковины, они продолжали сражаться друг с другом.

Затем Бхима снова рассек лук Карны у рукояти, о достойнейший, и при помощи своих стрел отправил его коней масти (белой), как раковины, в обиталище Ямы. Увидев Карну, попавшего в бедственное положение, царь Дурьйодхана, трясясь от гнева, повелел тогда (брату сво-

ему) Дурджае: «Отправляйся туда, о Дурджая! Там Пандава скоро пожрет Радхею! Убей того безбородого евнуха немедленно и придай силы Карне!»

После таких слов, обращенных к нему, сын твой, сказав твоему отпрыску «Хорошо!», ринулся на Бхимасену, занятого (Карной), и осыпал его стрелами. И он поразил Бхиму девятью стрелами, коней его – восемью, его возницу – шестью, знамя его – тремя и снова его самого – семью. Бхимасена же, воспаленный гневом, пронзив быстролетными стрелами самые жизненно важные места Дурджайи вместе с его конями и возницей, отправил их в обиталище Ямы.

И тогда Карна, оплакивая в скорби твоего сына, совершил почтительное обхождение слева направо вокруг него, красиво наряженного, распластанного на земле и корчившегося, подобно змею. А Бхима, лишив своего заклятого врага колесницы, осыпал его тучами стрел, улыбаясь в то же время, (отчего тот выглядел) как оружие шатагхни, усеянное острыми шипами. Однако Карна, непревзойденный воин на колеснице, тот усмиритель врагов, хотя и был так уязвляем стрелами, не покинул разгневанного видом Бхиму в том сражении.

Так гласит глава сто восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 109

Санджая сказал:
Лишенный колесницы, Карна, так снова побежденный Бхимой, взошел на другую колесницу и быстро стал пронзать Пандаву. Подобно двум громадным слонам, нападающим друг на друга остриями своих клыков, они поражали друг друга стрелами, выпущенными (из луков), натянутых до предельной возможности. Но вот Карна сильно ударил в Бхиму потоками стрел и издал громкий рык, а затем снова пронзил ему грудь. Бхима же в ответ пронзил его десятью меткими стрелами и еще раз пронзил двадцатью прямыми стрелами.

Тогда Карна, пронзив Бхиму, о царь, девятью стрелами посредине груди, другой острой стрелою срубил его знамя. А Партха в ответ пронзил его шестьюдесятью тремя стрелами, подобно тому как (подгоняя, укалывают) могучего слона стрекалами (или бьют) коня кнутами. Глубоко пронзенный, о великий царь, прославленным Пандавой, тот герой начал облизывать (языком) уголки своего рта, и при этом глаза его стали красными от гнева.

Тогда, о великий царь, (Карна) послал в Бхимасену стрелу, способную пронзить любое тело, подобно тому как Индра метнул в Балу громовую стрелу. И та стрела с красивым оперением, выпущенная из лука сына суты, пронзив в сражении Партху, глубоко вошла в землю. А он в ответ, нисколько не раздумывая, метнул в сына возницы увесистую шестигранную булаву длиною в четыре локтя, целиком из хорошо закаленной стали и украшенную золотом. И подобно тому как Индра убивает асуров своей громовой стрелою, тот герой из рода Бхараты, воспаленный гневом, убил той булавою отличных, хорошо объезженных коней сына Адхиратхи.

Затем Бхима могучерукий, о бык из рода Бхараты, срубив двумя стрелами с бритвообразным острием знамя сына Адхиратхи, убил его возницу. Покинув тогда свою колесницу с убитыми конями и возницей и поверженным знаменем, Карна, о потомок Бхараты, стоял (на земле) удрученный, натягивая свой лук. Доблесть, которую мы наблюдали там у сына Радхи, была весьма удивительна, так как он, первейший из воинов, сражающихся на колесницах, хотя и лишенный колесницы, продолжал сдерживать своего врага.

Увидев выдающегося из воинов, сражающихся на колесницах, – того сына Адхиратхи, лишенного колесницы в сражении, Дурьйодхана, о царь, сказал тогда (брату своему) Дурмукхе: «Этот сын Радхи, о Дурмукха, лишен Бхимой своей колесницы! Обеспечь того могучего воина на колеснице, первейшего из мужей, колесницей!» Услышав слова Дурьйодханы, Дурмукха тогда, о потомок Бхараты, поспешно отправился к Карне и сдержал Бхиму своими стрелами. При виде Дурмукхи, стремящегося поддержать сына возницы в сражении, сын Ветра преисполнился восхищения, облизывая уголки своего рта. Затем, о великий царь, сдержав пока Карну своими стрелами, Пандава быстро направил свою колесницу против Дурмукхи.

И в то же мгновение, о великий царь, девятью прямыми, красиво оперенными стрелами Бхима отправил Дурмукху в обиталище Ямы. Когда же был убит Дурмукха, сын Адхиратхи взошел на его колесницу и выглядел тогда блистательно, о царь, подобно сверкающему солнцу.

Видя Дурмукху, лежащего (на земле), с жизненно важными органами, иссеченными (стрелами), и всего залитого кровью, Карна с полными слез глазами на минуту воздержался от битвы. Почтительно обойдя бездыханного слева направо и оставив его там, Карна, герой, начал испускать протяжные и жаркие вздохи и ничего не предпринимал. Воспользовавшись таким удобным случаем, о царь, Бхимасена послал в сына суты четырнадцать длинных стрел с оперением стервятника.

И те чрезвычайно мощные стрелы, с золотым основанием и золотом украшенные, о великий царь, озаряющие (при своем полете) десять стран света и способные выпивать кровь, пробив панцирь сына возницы, пили его кровь, словно разгневанные змеи, о владыка, побуждаемые самой Смертью. И вонзившиеся затем в землю, стрелы те сияли блистательно, будто разъяренные могучие змеи, наполовину вползшие в свои норы.

Тогда сын Радхи, не раздумывая, пронзил Бхиму в ответ четырнадцатью чрезвычайно лютыми стрелами, украшенными золотом. И те ужасные пернатые стрзлы, пронзив насквозь левую руку Бхимасены, вошли в землю, подобно тому как птицы (пролетают сквозь ущелье) в горе Краунча. Вонзаясь в землю, те длинные стрелы сияли блистательно, как сверкающие лучи солнца, когда они устремляются к горе заката. Пронзенный в сражении стрелами, проникающими в жизненно важные места, Бхима стал обильно источать кровь, будто гора – струями воду. Тогда в ответ неистовый Бхима пронзил сына суты тремя стрелами, наделенными стремительностью Супарны, и возницу его – семью. И теснимый силою Бхимы, о великий царь, Карна был сильно удручен и, оставив поле битвы, многославный умчался прочь на быстрых конях. А Бхимасена же непревзойденный воин на колеснице, стоял в сражении, блистая величием, будто сверкающий огонь.

Так гласит глава сто девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 110

Дхритараштра сказал:
Я думаю, что судьба превыше всего. Позор усилиям человеческим, раз они бесполезны, ибо сын Адхиратхи не мог одолеть Пандаву, хотя и был неистов в сражении. «Карна отваживается победить в сражении партхов вместе с Говиндой. И я не вижу в мире ни одного воина, подобного Карне!» – я часто слышал, как говорил это Дурьйодхана. И еще раньше, о возница, обычно говорил мне неразумный Дурьйодхана: «Ведь Карна – могучий герой, твердый лучник, не знающий усталости.

Когда я имею союзником своим Васушену, со мной не в состоянии даже боги (состязаться) в битве, а что уж говорить о сыновьях Панду, о царь, лишенных силы и бессердечных?» (Так поведай мне, о Санджая), что же, право, сказал Дурьйодхана, увидев там Карну побежденного, напоминавшего змею, лишенную яда, и бежавшего прочь от битвы? Увы, потерявший рассудок, он отправил Дурмукху одного без поддержки, неопытного в сражениях, в горячую схватку, как мотылька в пылающий огонь! Даже Ашваттхаман, царь мадров, Крипа и Карна, объединенные вместе, не могут, конечно, устоять перед Бхимой, о Санджая! Даже они знают страшную силу его, наделенного скрытою мощью самого Маруты, – равную десяти тысячам слонов, и свирепые намерения его!

Для чего же те (воины), сведующие в силе, гневе и доблести (Бхимы), и будут возбуждать в сражении ярость у того героя, вершителя жестоких подвигов, напоминающего самого Яму, когда последний проявляет себя в облике Всеразрушителя (в конце юги)? Однако ж могучерукий Карна, сын возницы, один, полагаясь на силу своих собственных рук, сражается в битве с Бхимасеной, пренебрегая им. Сын Панду, который победил в сражении Карну, как Пурандара – асуру, ведь не может быть побежден никем в битве.

Кто же, желающий жить, приблизился бы к тому Бхиме, который в поисках Дхананджайи один проник в мое войско, измотав самого Дрону? Кто, в самом деле, о Санджая, отважился бы стоять перед Ьхимой, как если бы данава (осмелился стоять) перед могучим Индрой с поднятой молниеносной громовой стрелою? Попав в город царя усопших, человек моясет и вернуться. Но никогда он не сможет вернуться, столкнувшись (в битве) с Бхимасеной! Те малодушные, которые безрассудно обрушивались против разгневанного Бхимасены, – те подобно мотылькам попадали в пылающий огонь.

Поразмыслив о том, что разгневанным и свирепым Бхимой была произнесена в собрании клятва, – причем об этом слышали кауравы, – убить моих сыновей, и видя поражение, понесенное Карной, наверное, Духшасана вместе с братом своим прекратили (сражаться) с Бхимой из страха перед ним! А тот зловредный (сын мой), о Санджая, который неоднократно говорил в собрании: «Карна, Духшасана и я сам победим пандавов в бою», – наверное, увидев Карну побежденным и лишенным колесницы Бхимою, сильно терзается печалью вследствие своего отказа Кришне, о Санджая!

Увидев облаченных в доспехи братьев своих, убитых в бою Бхимасеной из-за его собственной оплошности, наверное, мой сын сильно терзается печалью! Кто же, право, жаждущий жизни, выступит против сына Панду, Бхимы, сильно разгневанного, вооруженного страшным оружием и стоящего (в битве) подобно самой Смерти, представшей во плоти? Ведь человек может избавиться, даже оказавшись в огненной пасти божественной кобылицы. Но попавший пред лицо Бхимы не сможет избавиться вовсе, – таково мое мнение. И в самом деле, ни пандавы, ни панчалы и ни Кешава и Сатьяки, когда они сильно разгневаны в битве, нисколько не заботятся о том, чтобы уберечь свою жизнь!

Санджая сказал:
Ты, о Кауравья, нечалишься по поводу нынешнего побоища. Но без сомнения, ты и есть корень этой гибели мира! Покорный слову своих | сыновей, ты сам вызвал эту лютую вражду. Хотя и наставляемый (доброжелательными друзьями), ты не приемлешь полезного лекарства, подобно человеку, обреченному на смерть! Выпив сам, о великий царь, страшный и самый неудобоваримейший яд, получай теперь всецелый плод его, о наилучший из людей! А так как ты все еще бранишь воинов, хотя они и сражаются в меру своих сил, я сейчас опишу тебе, как происходила битва.

Увидев там Карну, побежденного Бхимасеной, пятеро сыновей твоих – единоутробных братьев, тех могучих лучников, не могли вынести этого, о достойнейший! То были Дурмаршана и Духсаха, Дурмада, Дурдхара и Джая. Облаченные в красивые доспехи, все они ринулись против того Пандавы. Окружив со всех сторон могучерукого Врикодару, они окутали все стороны света своими стрелами, словно тучами саранчи. Однако тех царевичей, одаренных божественной красотою, с такой внезапностью подступающих к нему, Бхимасена перехватил в том сражении с легкой улыбкой.

Увидев твоих сыновей, подступающих к Бхимасене, сын Радхи ринулся против могучего Бхимы, выпуская, о царь, стрелы с золотым оперением и остро отточенные на камне. Однако Бхима (в ответ) стремительно двинулся на него, хотя и был сдерживаем твоими сыновьями. Тогда кауравы, окружив Карну со всех сторон, осыпали Бхимасену прямыми стрелами. Но своими двадцатью пятью стрелами, о царь, Бхима, вооруженный грозным луком, отправил тех быков среди людей вместе с их конями и возницами в обиталище Ямы.

И они повалились бездыханными со своих колесниц вместе с возницами, подобно несущим разнообразные цветы громадным деревьям, сломанным ветром. Отвага Бхимасены, которую мы наблюдали там, была весьма удивительной, так как, сдерживая в то же время сына Адхиратхи стрелами, он убил тех сыновей твоих. Сдерживаемый Бхимой со всех сторон острыми стрелами, сын возницы, о великий царь, только взирал на Бхимасену. Также и Бхимасена, с глазами, покрасневшими от гнева, натягивая свой огромный лук, стал часто поглядывать на Карну.

Так гласит глава сто десятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 111

Санджая сказал:
Увидев твоих сыновей, павших (на поле брани), доблестный Карна, охваченный великим гневом, почувствовал отвращение к жизни. И сын Адхиратхи счел себя как бы виновным (за них) и, разгневанный, ринулся тогда на Бхимасену в яростном возбуждении. Пронзив Бхиму пятью стрелами и улыбаясь при этом, сын Радхи снова пронзил его семьюдесятью стрелами с золотым оперением и отточенными на камне. Но той улыбки не перенес сын Притхи Врикодара и пронзил тогда сына Радхи сотнею прямых стрел.

И снова еще пронзив его пятью острыми, быстролетными стрелами, он рассек стрелою с серповидным острием лук сына суты, о достойнейший! Тогда, взяв другой лук, удрученный Карна, о потомок Бхараты, покрыл Бхимасену со всех сторон своими стрелами. Но тут Бхима, убив его коней и возницу, засмеялся громким смехом, отплатив таким образом за его подвиг. Затем тот бык среди мужей (Бхима) рассек своими стрелами лук Карны. И лук тот, о великий царь, с позолоченной тыльной частью и громкозвучный, выпал (из его рук).

Тогда Карна, могучий воин на колеснице, сошел со своей колесницы и, схватив булаву, в пылу сражения метнул ее в Бхимасену. Увидев ту булаву, стремительно несущуюся на него, Врикодара отразил ее, о царь двоими стрелами на глазах у всего войска. Затем Пандава, преисполненный великой доблести, действуя с большой стремительностью, послал тысячи стрел в сына возницы, желая убить его. Но отразив в свирепой битве те стрелы своими стрелами, Карна пробил панцирь Бхимасены своими же стрелами. Затем он поразил его самого двадцатью пятью короткими стрелами на глазах у всех существ.

И все это казалось весьма удивительным! Тогда Бхима, о великий царь, сильно разгневавшись, послал в пылу сражения девять прямых стрел в сына суты, о достойнейший! И те ост-

рые стрелы, пронзив насквозь его панцирь и правую руку, вошли в землю, как змеи – в муравейник.

Увидев сына Радхи, стоящего на поле битвы на собственных ногах, приведенного в ярость Бхимасеной, царь Дурьйодхана сказал: «Поспешайте старательно со всех сторон к колеснице сына Радхи!» Тогда сыновья твои, о царь, услышав эти слова брата своего, быстро двинулись против Пандавы на битву, выпуская острые стрелы. Это были Читра и Упачитра, Читракша и Чаручитра, Шарасана, Читраюдха и Читраварман – все искусные сражаться в битве различными способами. Однако всех их, так стремительно и смело подступавших к нему, о царь, Бхима, могучий воин на колеснице, поверг в сражении вместе с их конями, возницами и знаменами. И убитые, они рухнули на землю, словно деревья, вырванные ветром. Увидев сраженных тех сыновей твоих, о царь, – могучих воннов, сражавшихся на колесницах, Карна с лицом, залитым слезами, впал в душевное расстройство.

Затем снова, взойдя на другую-колесницу, должным образом снаряженную, он, преисполненный великой» доблести, поспешно двинулся против Пандавы в бою. Пронзая друг друга стрелами, с золотым оперением и отточенными на камне, оба они, о великий царь, выглядели блистательно, подобно двум деревьям киншука, распустившимся цветами.

Тогда Пандава, воспаленный гневом, разнес панцирь сына возницы тридцатью шестью стрелами с серповидным острием, хорошо отточенными и наделенными неистовой мощью. С телом, умащенным красным сандалом, с глубокими ранами, нанесенными друг другу стрелами, оба они, вымазанные кровью, выглядели блистательно, будто два солнца, взошедшие при гибели мира. В доспехах, иссеченных стрелами, с телом, залитым кровью, оба они, лишенные панцирей, выглядели подобно двум змеям, только что сбросившим свою обветшалую кожу. И в самом деле, подобно двум тиграм, терзающим один другого своими зубами, те оба тигра среди людей – усмирители врагов терзали друг друга своими стрелами вместо зубов.

Уязвляя друг друга острыми стрелами, оба они, преисполненные отваги возбужденных слонов, блистали величаво посреди поля битвы, подобно двум слонам, занятым (борьбою). Покрывая друг друга в сражении тучами стрел и оглашая кликами все стороны света, они проносились на своих колесницах. Оба благородные, о великий царь, они, когда делали круговые движения и другие приемы на своих колесницах, выглядели блистательно, подобно Вритре и Держащему громовую стрелу.

Натягивая свой лук обеими руками, со (сверкающими) на них украшениями, Бхима красовался величаво, будто облако, пронизанное молнией. И вот могучее облако Бхимы, издающее звон лука вместо раскатов грома, исторгающее потоки стрел вместо ливней дождя, обрушилось, о великий царь, на гору Карны. Тогда Пандава, о потомок Бхараты, окутал Карну тысячью стрел, выпущенных из лука, подобно тому как облако окутывает гору своими ливнями.

И так как Бхимасена покрывал Карну стрелами, красиво оперенными перьями цапли, сыновья твои видели там его необычайную доблесть. Радуя в бою самого Партху и Кешаву достославногог Сатьяки и обоих воинов, охраняющих колеса (Арджуновой колесницы), Бхима сражался так с Карной. А сыновья твои, о великий царь, наблюдали отвагу, мощную силу рук и упорство Пандавы, хорошо познавшего самого себя.

Так гласит глава сто одиннадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 112

Санджая сказал:
Услышав звон тетивы Бхимасены и шлепки его ладоней, сын Радхи не мог перенести их, подобно тому как возбужденный слон (не способен переносить) рев соперничающего с ним слона. Отъехав на минуту от пределов досягаемости стрел Бхимы, сын Адхиратхи кинул взгляд на сыновей твоих, упавших с колесниц. И видя их, убитых Бхимасеной, он впал в уныние и сильно опечалился. И испуская протяжные вздохи, он снова двинулся против Пандавы. С медно-красными глазами и глубоко дыша от гнева, подобно могучему змею, Карна, тогда, как он метал стрелы, выглядел блистательно, будто солнце, рассеивающее свои лучи.

И право же, о бык из рода Бхараты, Врикодара был тогда окутан стрелами, выпущенными из лука Карны, точно сетью простирающихся лучей солнца. Красивые стрелы с оперением павлина, выпущенные из лука Карны, проникли во все члены Партхи, как птицы в (листву) деревьев ради своего ночлега. В самом деле, выпущенные из лука Карны, стрелы с золотым оперением, падая там и сям, как бы уподоблялись гусям, соединенным в вереницу. Стрелы, посылаемые сыном Адхиратхи, о царь, были (столь многочисленны), что казалось, будто они исторгаются не только из лука его, но и из знамени и зонта, из переднего дышла, из ярма и других принадлежностей его колесницы. И в самом деле, сын Адхиратхи метал летящие по небу стремительно быстрые стрелы, красивые, с птичьим оперением и украшенные золотом, наполняя ими небосвод.

При (виде) его, столь неистового, обрушивающегося на него подобно самому Разрушителю, Врикодара, воспалясь гневом и пренебрегая жизнью, пронзил его девятью стрелами. И видя неотразимый натиск Карны, а также те мощные ливни стрел, Пандава, преисполненный великой доблести, отнюдь не испугался.

Тогда, рассеяв тучи стрел сына Адхиратхи, Пандава пронзил Карну снова двадцатью другими острыми стрелами. И действительно, как сам Партха (перед этим) был (стрелами) окутан сыном суты, точно так же и Карну окутал Пандава в сражении. Видя отвагу Бхимасены в битве, о потомок Бхараты, твои воины, а также чараны, обрадованные, приветствовали его. Бхуришравас и Крипа, сын Дроны, царь мадров и Джаядратха, Уттамауджас и Юдхаманью, Сатьяки, Кешава и Арджуна – эти десять могучих воинов на колесницах, о царь, наилучших среди кауравов и пандавов, громко одобрили (Бхиму) восклицаниями «Превосходно, превосходно!» и издали львиные клики.

Когда поднялся тот неистовый шум, заставлявший шевелиться от содрогания волоски на теле, Дурьйодхана, о царь, поспешно обратился к твоим сыновьям, всем царям и царевичам, особенно же к единоутробным братьям своим (с такими словами): «Отправляйтесь к Карне, чтобы избавить его от Врикодары, иначе стрелы, выпущенные из лука Бхимы, убьют сына Радхи! Приложите старания, о могучие воины на колесницах, для защиты сына суты!»

Получив такое повеление Дурьйодханы, семеро его единоутробных братьев, о достойнейший, ринулись, разгневанные, на Бхимасену и окружили его (со всех сторон). Подступив к сыну Кунти, они окатили его ливнями стрел, подобно тому как облака окутывают гору водяными потоками в период дождей.

Воспаленные гневом, те семеро могучих воинов на колесницах стали жестоко теснить Бхимасену, о царь, как семь планет (сильно беспокоят) Месяц в час гибели мира. Сын Кунти Пандава тогда, о царь, сильно сжав изящно украшенный лук крепкой хваткой левой руки и зная, что (противники его) лишь только люди, нацелил семь стрел. И повелитель (Бхима) в сильном неистовстве выпустил в них те стрелы, напоминающие лучи солнца. В самом деле, о

великий царь, вспоминая прежние обиды, Бхимасена (метнул те стрелы), будто собираясь исторгнуть жизни из тел сыновей твоих.

Те стрелы, отточенные на камне и снабженные золотым оперениемг о потомок Бхараты, выпущенные Бхимасеной, пронзив насквозь тех царевичей бхаратийских, полетели в небо. И право же, пронзив навылет сердца их, стрелы те, украшенные золотом, красовались величаво, о великий царь, когда они проносились по небосводу подобно красивоперым птицам. Украшенные золотом, с кончиками перьев у оснований, пропитанными кровью, семь тех стрел, о царь царей, выпив кровь у сыновей твоих, взвились ввысь.

И пронзенные стрелами в жизненно важные места, царевичи те рухнули на землю со своих колесниц, будто громадные деревья, растущие над обрывами гор, поваленные слоном. Шатрунджая в Шатрусаха, Читра, Читраюдха и Дридха, Читрасена и Викарна – это семеро поверженных (сыновей твоих). Убив их на глазах у самого Радхейи, могучерукий отпрыск Панду издал страшный рык, подобный львиному реву. И тот клик героя, о потомок Бхараты, оповестил царя справедливости о том, что та великая битва завершилась его победой.

В самом деле, услышав тот зычный рык Бхимасены, вооруженного луком, царь справедливости преисполнился великой радости в том сражении. И обрадованный Партха тогда, о великий царь, воспринял тот победный клич Бхимасены громкими звуками музыкальных инструментов, (заигравших) повсюду.

И после того как Врикодара дал (Юдхиштхире) условленный знак, тот, преисполненный великой радости, выступил в сражении против Дроны, лучшего из носящих оружие. С другой стороны,, о великий царь, Дурьйодхана, увидев тридцать одного сына твоего – могучих воинов на колесницах убитыми, вспомнил о словах Кшаттри. «Те благотворные слова Кшаттри исполнились теперь!» – (подумал он), и размышляя так, царь тот не был в состоянии что-либо предпринять дальше.

Всего, что во время игры в кости говорил твой глупый и злоумышленный сын, и подобных оскорбительных слов, что Карна говорил Кришне (Драупади) в собрании пред сыновьями Панду и тобою, о владыка народов, и в присутствии всех кшатриев, а также наставника, таких, к примеру, как «Пандавы погибли, о Кришна, и низринулись в вечный ад, поэтому выбирай себе другого супруга!» – увы, плоды всего этого уж& появляются теперь!

Так как возбуждавшие гнев сыновья твои, приведя Драупади в то собрание, говорили всякие оскорбления пандавам, грозным лучникам.

Бхимасена, исторгая тот огонь гнева, (вызванный ими) и пребывавший-в нем в течение тринадцати лет, уготовляет ныне гибельный конец твоим сыновьям, о Каурава! Предаваясь многочисленным сетованиям, Кшаттри не сумел склонить тебя к миру. Пожинай (теперь) вместе с сыновьями, о превосходнейший из рода Бхараты, плоды последствий всего этого! Убит Викарна, о царь царей, и Читрасена, отличавшийся великой доблестью! И наиболее выдающихся из твоих отпрысков и других твоих сынов – могучих воинов на колесницах, которых увидел Бхима, оказавшихся в поле его зрения, – тех сыновей твоих, о могучерукий, он убил без промедления. Ведь это только ради тебя я должен был видеть наше войско, сжигаемое тысячами стрел, выпущенных Пандавой и Вришей.

Так гласит глава сто двенадцатая в Дронапарве великой Махабхараты..

Глава 113

Дхритараштра сказал:
Это тяжкие последствия дурной политики моей, о возница, особенно когда я сам так печалюсь. Я полагаю, что они теперь уже наступили для нас, о Санджая! «Что прошло, то прошло», – так раньше мне думалось в мыслях. Но какие меры я должен тут предпринять теперь, о Санджая! Расскажи мне о том, как происходило это истребление героев, проистекающее из моей дурной политики. Ибо сейчас я опять спокоен, о Санджая!

Санджая сказал:
Карна и Бхима, о великий царь, оба преисполненные великой доблести, продолжали в неистовом сражении исторгать ливни своих стрел, словно это были два проливающих дождь облака. Обозначенные именем Бхимы, стрелы с золотым оперением и отточенные на камне, достигнув Карны, вонзались в его (тело), как бы проникая в самую жизнь. Равным образом и Бхима в том сражении был окутан стрелами Карны, выпущенными сотнями и тысячами, словно ядовитыми змеями. И от их стрел, о великий царь, падающих со всех сторон, возникло сильное волнение, подобно (взбушевавшемуся) океану.

Много воинов, о усмиритель врагов, было убито в твоем войске страшными стрелами, напоминающими ядовитых змей, выпущенными из лука Бхимы. Покрытое павшими слонами, о царь, и конями вместе с людьми, поле битвы выглядело как бы усеянным деревьями, сломанными ветром. Убиваемые в сражении стрелами, выпущенными из лука Бхимы, воины твои убегали прочь и говорили: «Что это?».

И в самом деле, то войско синдху, саувиров и кауравов, изматываемое стремительно-быстрыми стрелами Карны и Пандавы, было оттеснено на далекое расстояние. И воины те, большая часть коих была измучена стрелами и чьи кони и упряжные животные были убиты, оставив Карну и Бхиму, разбежались во все стороны. (И они выкрикивали): «Наверно ради партхов небожители приводят нас в замешательство, раз стрелами, исходящими от Карны и Бхимы, уничтожается наше войско!»

Так говоря, те воины, мучимые страхом, отойдя на расстояние полета стрел (Карны и Бхимы), остановились, чтобы наблюдать за битвой. И тогда на месте лютого побоища стала течь страшная видом река, увеличивающая страх особенно у робких. Она была вызвана потоками крови слонов, коней и людей.

И покрытая безжизненными телами людей, слонов и коней, древками знамен вместе с днищами колесниц, украшениями слонов, коней и колесниц, разбитыми колесницами, сломанными колесами, осями и боковыми дышлами; драгоценными луками, украшенными золотом, тысячами стрел с золотым оперением и длинных железных стрел, выпущенных Карной и Пандавой и подобных змеям, только что высвободившимся от своей обветшалой кожи, грудами метательных копий и пик, мечами и секирами; также булавами, палицами и бердышами, украшенными золотом, ваджрами различного вида, дротиками и кольями с железным острием, а также красивыми шатагхни, – земля, о потомок Бхараты, выглядела блистательно.

Из-за (выпавших) золотых браслетов и запястий, сверкающих серег и драгоценных камней, из-за доспехов вместе с кожаными нарукавниками, ожерелий и прочих золотых украшений, о потомок Бхараты; из-за разбросанных одежд и зонтов, а также буйволовых хвостов в и опахал, из-за пронзенных тел слонов, коней и людей, различных видов оружия и украшений колесниц, а также из-за разнообразных других предметов, лежащих и разбросанных вокруг, поле брани выглядело повсюду величаво, словно небосвод, (усеянный) звездами.

Видя необычайный и непостижимый, сверхчеловеческий подвиг тех обоих (героев), чараны и сиддхи пришли в сильное изумление. Каким бывает путь пылающего огня, имеющего своим союзником ветер, (когда он проходит) через (обширное поле) сухой травы, таким точно был страшный путь сына Адхиратхи в том сражении, имевшего соперником своим Бхиму, ибо он был усеян поваленными знаменами и колесницами, убитыми конями, людьми и слонами. Какой бывает тростниковая чаща, (вытоптанная) двумя слонами, занятыми взаимной борьбою, таким точно было огромное войско, о потомок Бхараты, (рассеянное) в том сражении. Ибо весьма лютым было побоище, учиненное в той битве Карной и Бхимой.

Так гласит глава сто тринадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 114

Санджая сказал:
Тогда Карна, о великий царь, пронзив Бхиму тремя стрелами, выпустил в него ливни стрел, красивых и многочисленных. Хотя и уязвляемый так, о великий царь, сыном суты, Бхимасена, отпрыск Панду, не почувствовал боли и стоял неколебимо, как утес, пронзаемый (стрелами). И в ответ, о царь царей, Бхимасена пронзил в пылу битвы Карне ухо стрелой с ухообразным острием, хорошо закаленной и тонко отточенной. И (той стрелою) он сбил на землю огромную серьгу из уха Карны. И она (скатилась), о великий царь, будто сверкающее и горящее блеском светило – с небосклона. Затем другой стрелой с серповидным острием Бхима, преисполненный могучей силы, сильно ударил посредине груди сына возницы, улыбаясь при этом.

И снова еще, о потомок Бхараты, Бхима немедля послал в него в пылу сражения десять длинных стрел, быстро-стремительных и уподобляемых жезлу Ямы. И посланные им, стрелы те, достигнув лба сына суты, о достойнейший, вошли туда, как змеи – в муравейник. И с теми стрелами, торчащими во лбу его, сын возницы выглядел красиво, как будто тот (лоб его) нес впереди гирлянду из голубых лотосов.

Тогда разъяренный гневом, оттого что в сражении был так жестоко мучим тем стойким лучником, Карна могуче-стремительный приложил усилия со всей стремительностью ради сокрушения Бхимы. И негодующий, могучий Карна, воспаленный гневом, о царь, послал в него сотню стрел с оперением стервятника, о потомок Бхараты! Однако Пандава в сражении, не обращая внимания на своего противника и не считаясь с его мощью, стал выпускать в него свирепые ливни стрел.

Тогда Карна, усмиритель врагов, о великий царь, поразил, разгневанный, гневного видом Пандаву острыми стрелами в грудь. И подобно двум облакам, (исторгающим ливни дождя), оба они поливали друг друга в сражении ливнями (стрел), пытаясь напугать один другого шлепками ладоней и громкими криками. Оба они, покрывая друг друга в битве сетью различных стрел, оба, кипящие гневом, стремились в том сражении противостоять подвигу другого.

Тогда Бхима могучерукий, рассекши стрелой с подковообразным острием лук благородного сына Радхи, пронзил Карну другой стрелою. Но отбросив тот рассеченный лук, сын суты, великий духом, взял другой лук, способный поражать (стрелами) с большой стремительностью и выдерживать большое напряжение.

При виде такого уничтожения войск кауравов, саувиров и синдху, при зрелище земли, покрытой доспехами, знаменами и оружием, разбросанными вокруг, а также при виде безжизненных тел слонов, коней в людей, (валяющихся) повсюду, все тело сына возницы от гнева

запылало сверкающим блеском. Натянув свой громадный лук, сын Радхи, о царь, глянул на Бхиму грозным взглядом. И воспаленный гневом, сын суты, меча стрелы, выглядел блистательно, подобно ярколучистому солнцу, достигшему полдня в осеннюю пору. Грозный облик сына Адхиратхи, излучающего сотни стрел, как бы уподоблялся, о царь, облику солнца, рассеивающему свои лучи.

И в то время как он в сражении брал руками стрелы, накладывал их на тетиву, натягивал ее и отпускал, нельзя было заметить никакого промежутка (между этими действиями). И когда Карна, о великий царь, метал стрелы налево и направо, лук его был непрестанно сгибаем в круг, подобный страшному огненному кольцу. Остро отточенные стрелы с золотым оперением, выпущенные из лука Карны, покрыли, о великий царь, все стороны света, затмевая блеск самого солнца.

Многочисленные виднелись тогда в небе потоки прямых стрел с золотым оперением, выпущенных из лука (Карны). И право, исторгаемые из лука сына Адхиратхи, стрелы те выглядели красиво, о царь, словно стаи краунчей на небосводе, летящих вереницей. Сын Адхиратхи метал стрелы, оснащенные оперением стервятника, отточенные на камне и украшенные золотом, стремительно быстрые и со сверкающими остриями.

И выпущенные с силой из его лука, стрелы те, украшенные золотом, беспрерывно сыпались на колесницу Партхи. Унизанные драгоценными камнями, стрелы, посланные Карной, когда они тысячами (пролетали) по небу, представлялись как (нескончаемые) рои саранчи. Выпущенные из лука сына Адхиратхи, стрелы, проносясь (по воздуху), казались одной длинной, непрерывной стрелой. Подобно тому как облако покрывает гору потоками дождя, так Карна, кипящий гневом, покрывал Бхиму ливнями стрел.

Там, о потомок Бхараты, сыновья твои вместе с кауравами видели силу и мощь, доблесть и упорство Бхимы. Ибо он, не обращая внимания на тот поднявшийся ливень стрел, подобный вздымающемуся океану, в гневе ринулся против Карны. У Бхимы был громадный лук с позолоченной тыльной частью, о владыка народов! От частого натяжения он, казалось, превращался в круг, словно это был второй лук Шакры.

От него непрерывно исходили стрелы, как бы наполняя весь небосвод. Благодаря прямым стрелам с золотым оперением, выпускаемым Бхимой, образовалась в небе непрерывная линия, которая казалась лучезарной, подобно золотой гирлянде. Тогда те сети стрел (Карны), нависшие в воздухе, сбитые стрелами Бхимасены, распались на мелкие кусочки и посыпались (на землю). И в то время как густые сети быстролетных стрел обоих – Карны и Бхимасены производили вспышки огня, сталкиваясь (одна с другой) в том сражении, все небо было покрыто теми стрелами, оперенными золотом.

Однако пренебрегая мощью благородного Бхимы, сын возницы покрыл его множеством разнообразных стрел и попытался взять верх над ним. И тогда те густые сети стрел, когда оба они метали их, о достойнейший, казалось, сталкивались одна с другой, подобно двум встречным потокам ветра. Но вот, жаждя убить Бхиму, Карна, воспаленный гневом, послал в него острые стрелы, оперенные золотом и гладко зачищенные кузнецом. Бхима, однако, рассек их своими стрелами каждую на три части и, получая перевес над сыном суты, крикнул: «Стой, остановись!»

И неистовый, могучий Пандава, будто всепожирающий огонь, снова выпустил в пылу гнева ливни лютых стрел. Но Карна бесстрашно перенял те все его стрелы. И потом сын суты Карна Вайкартана чудодейственной силой своего оружия, своими прямыми стрелами рассек оба колчана и тетиву лука сражавшегося сына Панду, а также поводья и постромки его коней.

Затем, убив также и коней его, он пронзил его возницу тремя стрелами. И возница тот, быстро соскочив вниз, устремился к колеснице Ююдханы.

Воспаленный гневом, сын Радхи, чей блеск был подобен разрушительному огню в конце юги, усмехаясь при этом, рассек древко знамени Бхимы и повалил его стяги. Лишенный лука, о великий царь, Бхима взял тогда особый дротик (каким пользуются воины на колесницах).

Воспаленный гневом, он повертел им и затем сильно метнул его в колесницу Карны. И тот дротик, украшенный золотом, несшийся на него подобно огромному метеору, сын Адхиратхи в сильном неистовстве рассек десятью стрелами. И он упал, рассеченный на десять частей, о царь, стрелами Карны, в то время как тот сын суты, искушенный в различных приемах ведения боя, метал их ради (успеха) своих друзей.

Тогда сын Кунти взял щит, украшенный золотом, и меч, желая обрести одно из двух: или смерть, или победу. Но Карна разнес тот щит его, улыбаясь в то же время. Без колесницы, о великий царь, и лишенный щита, Бхима обезумел от гнева. Быстро закружив своим мечом, он метнул его в колесницу Карны. И тот остроотточенный меч, рассекши лук и тетиву сына возницы, упал на землю, будто свирепый змей, свалившийся с неба.

Тогда сын Адхиратхи, разгневанный в сражении, взял с улыбкой другой лук, гибельный для врагов, с более крепкой тетивой и еще более тугой, (чем прежний). Но тут, разгневавшись, могучий Бхимасена, воистину отважный, подпрыгнул в воздух, приводя в трепет сердце Карны. Увидев в сражении тот поступок Бхимасены, желающего победы, сын Радхи ввел его в обман, скрывшись (в своей колеснице).

Не видя его, скрывшегося на площадке колесницы, Бхима, взявшись за древко его знамени, стоял (в ожидании) на земле. Все кауравы и чараны одобрили ту попытку его, что он захотел выхватить из колесницы Карну, подобно тому как Таркшья (хватает) змею. С луком рассеченным, лишенный колесницы, Бхима, соблюдающий закон своей касты, оставив позади себя (разбитую) свою колесницу, все же стоял, готовый для битвы. Тогда, нарушив то (положение) свое, о отец мой, сын Радхи, разгневанный в пылу сражения, ринулся против Пандавы, стоявшего в ожидании битвы.

И оба те могучих героя, бросая вызов друг другу, когда они сходились вместе на великом поде брани, громко гремели (своими криками), подобно двум облакам на небосводе, гремящим на исходе лета. И то столкновение между теми обоими львами среди людей, разгневанными и невыносящими друг друга в сражении, напоминало (схватку, некогда происходившую) между богами и данавами.

Но тут сын Кунти, чей запас оружия иссяк, (должен был повернуть и обратно), преследуемый Карной. Увидев лежащих вблизи слонов, подобных горам, убитых Арджуной, он, безоружный, вошел между них, чтобы воспрепятствовать движению колесницы (Карны). Достигнув груды слонов и войдя внутрь той крепости, неприступной для колесницы, Пандава, желая сохранить свою жизнь, не посмел напасть на сына Радхи.

И желая (оградить себя) прикрытием, Партха, покоритель вражеских городов, подняв слона, убитого стрелами Дхананджайи, стоял там (выжидая). Карна, однако, своими стрелами разнес на части того слона, (поднятого) им. И Пандава тут же послал в Карну куски того слона, а также колеса колесниц, коней и упряжных животных, испуская при этом громкий рык.

И все, что он видел лежащим там на земле, все то обуреваемый гневом Пандава брал и швырял в Карну. Однако все то, что так летело в него,. Карна рассекал своими острыми стрелами. Но, вспоминая слова Кунти, он не лишил жизни безоружного Бхиму. И быстро подступив к нему,. Карна коснулся его кончиком своего лука. И улыбаясь при этом, сын. Радхи сказал Бхимасене:

«Этот евнух безбородый, о глупец бестолковый, о ненасытный обжора! – повторял он все снова и снова. – Неискушенный во владении оружием, ты не должен сражаться со мною, ты лишь младенец, о робкий в сражении. Там, о Пандава, где встречается обилие всякой съедобной пищи и питья, там, о несчастный, ты всегда уместен, но никогда в сражениях! Или став, отшельником, о Бхима, тебе надлежит питаться плодами, о несчастнейший! Отправляйся же в лес, о Каунтея, ибо неискушен ты в битве. Ты способен в том, чтобы поедать плоды и коренья и угощать гостей, но не способен, я полагаю, в любом применении оружия, о Врикодара!

Питаясь цветами, кореньями и плодами, ты пригоден лишь для того, чтобы соблюдать обеты, совершать покаяния и проводить жизнь в лесу, ибо не искушен ты в битве! Что общего между битвой и аскетической жизнью отшельника? Поэтому отправляйся в лес, о Врикодара! Ты не подходишь для битвы, о братец мой! Так находи удовольствие в жительстве в лесу! Поторапливая усиленно поваров, слуг и рабов в доме, ты способен только колотить их в гневе ради (своей собственной) пищи, о Врикодара!»

И о всех обидах, которые были нанесены ему в юные года, о владыка народов, (Карна) также заставил его выслушать в очень резких выражениях. И когда тот стоял там, сжавшись (от страха), он опять коснулся его своим луком. И громко смеясь, Вриша снова промолвил тогда Бхиме такие слова:

«Ты должен вступать в сражение с другими, но не должен ты сражаться с подобными мне! Для тех, кто сражается с подобными мне, существует это и еще другое (условие). Ступай или туда, где находятся оба; Кришны! Оба они защитят тебя в битве! Или отправляйся домой, о Каунтея, ибо что тебе делать в битве, о младенец!» Так, лишив Бхиму колесницы, Карна, о царь, поносил его в хвастливых словах перед тем львом из рода Вришни и благородным Партхой.

Тогда Обезьянознаменный (Арджуна), понуждаемый Кешавой, послал в сына суты, о царь, множество стрел, отточенных на камне. И те стрелы, украшенные золотом, выпущенные руками Партхи и исходящие из лука гандивы, вошли в (тело) Карны, словно гуси – в ущелье Краунча. И теми стрелами, свирепыми как змеи, выпущенными из лука гандивы, Дхананджая отогнал сына возницы от Бхимасены.

С луком, рассеченным Бхимой, и сам теснимый стрелами Дхананджайи, Карна быстро умчался на своей громадной колеснице. Бхима, тот бык среди людей, тоже взойдя на колесницу Сатьяки, последовал в той битве за своим братом Савьясачином, отпрыском Панду. Тогда Дхананджая, с глазами медно-красными от гнева, прицелившись в Карну, послал длинную стрелу, подобно тому как Разрушитель (посылает) саму Смерть. И та стрела, посланная из лука гандивы, подобно Гаруде, домогающемуся в небе превосходнейшего из змей, быстро полетела в Карну.

Однако ту стрелу рассек в воздухе пернатой стрелою сын Дроны, могучий воин на колеснице, желая избавить Карну от страха перед Дхананджаей. Тогда Арджуна, воспылавший гневом, пронзил сына Дроны шестьюдесятью четырьмя стрелами, о великий царь, и, обратившись к нему, сказал: «Не убегай, постой (минутку)!» Но мучимый стрелами Дхананджайи,

сын Дроны быстро проник в строй войска (кауравов), изобилующего возбужденными слонами и переполненного колесницами.

Тут могучий сын Кунти заглушил звоном лука гандивы шум в том сражении, производимый от всех звонко звенящих луков с позолоченной тыльной частью. Затем Дхананджая преследовал сзади отъезжавшего совсем не на далеком расстоянии сына Дроны, приводя по пути в трепет все войско своими стрелами. Пронзая длинными стрелами с оперением цапли и павлина тела людей, слонов и коней, Арджуна стал изматывать то войско. И в самом деле, о лучший из рода Бхараты, неистовый Партха, сын Пакашасаны, начал уничтожать то войско, изобилующее конями, слонами и людьми.

Так гласит глава сто четырнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 115

Дхритараштра сказал:
День ото дня моя сверкающая слава меркнет, о Санджая! Многие воины мои убиты! Я думаю, что это вызвано превратностью времени. Дхананджая же, воспаленный гневом, проник в мое войско, охраняемое Дроной и Карной и потому недоступное для проникновения даже самим богам! Соединившись с теми двумя (героями), превосходнейшими в мощи, – Кришной и Бхимой, а также с тем быком среди шиниев, он еще более усилился (теперь) в своей доблести! С тех пор (как я услышал о вторжении Дхананджайи), меня сжигает печаль, словно огонь – гумно (со скошенным хлебом).

Ибо я вижу всех хранителей земли вместе с правителем Синдху уже поглощенными (злым роком). Причинив слишком большую обиду Носящему диадему, как может царь (страны) Синдху, если он попался ему на глаза, избавиться живым? Из обстоятельного умозаключения я вижу, о Санджая, что правителя Синдху уже не существует. Поэтому расскажи, коль я спрашиваю тебя, о том, как происходила битва! Расскажи мне как следует о битве того выдающегося героя из рода Вришни, который ради Дхананджайи, приведя в волнение и обеспокоив не раз то обширное войско, один проник в него, разгневанный, подобно тому как слон (погружается) в озеро, покрытое лотосами. Ибо ты искусен (в умении повествовать), о Санджая!

Санджая сказал:
Увидев, что выдающийся из людей – Бхима едет так, теснимый сыном Викартаны, о царь, среди героев-воинов, тот первейший герой из рода Шини последовал за ним на своей колеснице. Зычно гремя, как Громодержец на исходе жаркой поры, и сверкая, как солнце на исходе поры облаков, он стал убивать своих врагов грозным луком, приводя в трепет войско твоего сына. И того первейшего героя-воина из рода Мадху, о потомок Бхараты, мчавшегося по полю брани на конях серебристой: масти, никто из всех воинов твоих не смог остановить.

Тогда лучший из. царей, Аламбуса, преисполненный ярости и никогда не отвращающийся от битвы, вооруженный луком и облаченный в золотые доспехи, ринувшись вперед, задержал Сатьяки, первейшего из рода Мадху. Столкновение тогда, о потомок Бхараты, которое произошло между ними обоими, было таким, какого (раньше) никогда не бывало. Все воины твои и враги, (воздерживаясь от битвы), только взирали на них обоих, блистающих в сражении.

Тут Аламбуса, лучший из царей, сильно ударил в Сатьяки десятью» стрелами. Но те стрелы, прежде чем они могли достичь его, тот бык из рода Шини рассек своими стрелами. И снова он поразил его тремя острыми, огнеподобными стрелами с красивым оперением, выпущен-

ными из лука, натянутого вплоть до самого уха. И они, пробив доспехи, проникли в тела Сатьяки. Пронзив его тело другими сверкающими стрелами, наделенными силой огня или ветра, он сильно ударил в тех серебристо-белых четырех коней четырьмя другими стрелами.

Так пораженный им, внук Шини, стремительный в своем натиске и доблестью равный Носящему диск (Кещаве), убил четырьмя неистово-быстрыми стрелами коней Аламбусы. Затем, отсекши голову его вознице,, он стрелою с серповидным острием, напоминающей огонь в конце юги, отделил от туловища Аламбусы его голову с ликом, сияющим подобно полной луне и украшенным изящными серьгами. Убив того потомка (древних) царственных сыновей и внуков в сражении, тот бык из рода Мадху – герой, сокрушающий (врагов), отправился тогда вслед за Арджуной, о царь, отражая (на своем пути) твои войска.

В то время можно было видеть его, наилучшего из рода Вришни, так рыскавшего среди врагов, когда он устремлялся по следам (Арджуны), и снова и снова сокрушавшего своими: стрелами войска кауравов, словно ветер, разгоняющий скопления облаков. И тут его всюду, куда бы ни пожелал тот тигр среди людей, удобно везли отличные кони, происходящие из страны Синдху, хорошо выезженные, белые как коровье молоко, или цветок жасмина, или месяц, или же снег, и покрытые позолоченными попонами.

Тогда сыновья твои и другие твои воины, объединившись вместе, быстро ринулись против (Сатьяки), о потомок Бхараты, сделав твоего сына Духшасану, первейшего среди воинов, своим военачальником, о потомок Аджамидхи! Окружив со всех сторон внука Шини в том сражении, те предводители отрядов начали наносить ему удары. А тот герой, первейший из сатватов, также отражал их всех густою сетью своих стрел. И быстро отражая их своими огнеподобными стрелами, тот губитель врагов, внук Шини, высоко подняв свой лук, убил коней Духшасаны, о потомок Аджамидхи!

Так гласит глава сто пятнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 116

Санджая сказал:
Меж тем как могучерукий Анарта, стремительно действенный во всем, что требует стремительности, проникнув в океан (вражеского) войска, ринулся против колесницы Духшасаны, желая успеха Дхананджае, его окружили могучие лучники из воинов-тригартов со знаменами, украшенными золотом. Сдержав его со всех сторон мощным отрядом своих колесниц, те превосходнейшие лучники, возбужденные гневом, окатили его потоками стрел.

Но проникнув в середину бхаратийского войска, словно в непроходимые воды, наполненного звуками шлепков ладоней и изобилующего мечами, дротиками и булавами, Сатьяки, наделенный истинной отвагой, один победил своих врагов, тех пятьдесят царевичей (Тригарты), ревностно прилагавших старания в том великом сражении. Там мы видели, сколь необычайным было поведение внука Шини в бою. Из-за большой легкости (его движений), увидев его в западной части (битвы), сразу же видели мы его в восточной. Мчась то на север, то на юг, то на восток, то на запад, тот герой рыскал, будто приплясывая, как если бы это была сотня воинов на колесницах. Видя то поведение его, одаренного игривою поступью льва, тригарты, сильно теснимые, повернули вспять к своим соплеменникам.

Тогда другие герои среди шурасенов пытались сдержать Сатьяки в сражении, тесня его потоками стрел, как возбужденного слона (подгоняют) стрекалами. Но воинов тех, столь неистовых, Сатьяки отразил в самое короткое время, и затем он, наделенный непостижимой силой и доблестью, начал сражаться с калингами. И прорвавшись сквозь то войско калингов,

столь неприступное, могучерукий Сатьяки прибыл тогда к Дхананджае, сыну Притхи. Как уставший в воде пловец, когда он достиг суши, успокоился Ююдхана, увидев того тигра среди людей.

Заметив его, приблизившегося (к ним), Кешава сказал Арджуне: «Вот подъезжает внук Шини, следующий по твоим пятам, о Партха! Одаренный истинной отвагой, он ученик твой и друг! Сочтя всех воинов за солому, тот бык среди людей победил их. Нанеся воинам кауравов страшный урон, Сатьяки, который дорог тебе, как сама жизнь, приближается к тебе, о Носящий диадему! Обратив ни во что своими стрелами Дрону и Критавармана из рода Бходжа, Сатьяки приближается к тебе, о Пхальгуна! Стремящийся к благу царя справедливости, убив многих из лучших воинов, храбрый Сатьяки, искусный во владении оружием, приближается к тебе, о Пхальгуна!

Свершив столь трудновыполнимый подвиг средь войска (кауравов), могучий Сатьяки, жаждущий лицезреть тебя, приближается к тебе, о Пандава! Сразившись в битве на одной-единственной колеснице со многими могучими воинами на колесницах во главе с наставником (Дроной), этот Сатьяки уже приближается к тебе, о Партха! Посланный сыном Дхармы, сей Сатьяки приближается к тебе, о Партха, прорвавшись сквозь (вражеское) войско, полагаясь на мощь своих собственных рук.

Наделенный истинной отвагой, Сатьяки тот, равного которому вообще нет воина среди кауравов, приближается к тебе, о Каунтея! Убив множество воинов, сей Сатьяки приближается к тебе, о Партха, вызволившись из войска кауравов подобно льву, выбравшемуся из стада скота! Усеяв землю лотосоподобными ликами тысяч царей, этот Сатьяки быстро приближается; к тебе, о Партха! Победив Дурьйодхану вместе с его братьями в сражении, и убив Джаласандху, этот Сатьяки быстро подъезжает сюда! Создав реку из потоков крови вместе с ее кровавой трясиной и оставив (лежать) кауравов, как солому, этот Сатьяки приближается сюда!»

Тогда сын Кунти, совсем невеселый, сказал Кешаве такие слова: «То, что Сатьяки прибывает ко мне, о могучерукий, вовсе мне не приятно? Я ведь не знаю, в каком положении (сейчас) царь справедливости, о Ке-шава! Разлученный с Сатватой, жив он теперь или нет? Ведь им, о могучерукий, должен быть охраняем тот царь! Так почему же, покинув его, о Кришна, он следует по моим пятам? Ведь царь, таким образом, оставлен для Дроны, правитель же Синдху все еще не повержен.

А сей Бхуришравас выступил еще против внука Шини в сражении! Тягчайшее это бремя возложено на меня из-за правителя Синдху! Ибо мне должно знать о царе и должно также охранять Сатьяки! И мне должно также убить Джаяд-ратху! А солнце уж клонится низко. А (что до Сатьяки), то утомлен онг могучерукий, и сила его истощилась теперь. И кони его, и также возница устали, о Мадхава! Но, с другой стороны, не устал Бхуришравас, и его сопровождают приверженцы его, о Кешава!

Будет ли-теперь успех сопутствовать Сатьяки в этом сражении? Переправившись через сам океан, не погибнет ли он, воистину отважный, тот бык из рода Шини, наделенный великой мощью, встретив (на своем пути) след от копыта коровы? Встретившись (в битве) с первейшим из кауравов, благородным Бхуришравасом, искусным во владении оружием, будет ли Сатьяки увенчан удачей? Я считаю это оплошностью со стороны царя справедливости, о Кешава, что он, отбросив всякий страх перед наставником, отсылает Сатьяки (от себя)! Подобно парящему в небе ястребу, (высматривающему себе) кусок мяса, Дрона постоянно пытается захватить царя справедливости. Будет ли царь пребывать в полном благополучии?»
Так гласит глава сто шестнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 117

Санджая сказал:
Увидев Сатвату, одержимого в бою, приближающегося (к Арджуне), Бхуришравас в гневе, о царь, стремительно ринулся против него. И обратившись к тому быку из рода Шини, могучерукий отпрыск рода Куру сказал: «Благодаря счастливой судьбе ты оказался сегодня в поле моего зрения. Сегодня в сражении я достиг желания, давно лелеянного мною. Ибо ты не избавишься от меня живым, если не покинешь поля битвы».

Сегодня, убив тебя в сражении, всегда гордящегося своим геройством, я, о отпрыск рода Дашарха, обрадую царя кауравов Суйодхану! Сегодня оба те героя – Кришна и Арджуна вместе увидят тебя павшим на поле битвы, – опаленного моими стрелами! Сегодня царственный сын Дхармы, которым был ты принужден проникнуть сюда, услышав, что ты убит мною, немедленно преисполнится чувством стыда! Сегодня сын Притхи Дхананджая узнает мою доблесть, когда (увидит) тебя убитым и лежащим на земле, – залитого кровью!

Ведь сражение, что (начнется) сегодня с тобою, было давно лелеяно 8~м мною, как столкновение Шакры с Бали, некогда происшедшее в битве между богами и асурами! Сегодня я дам тебе ужасающий бой, о Сатвата! Отсюда ты узнаешь на деле мощь мою, силу и мужество! Сегодня, убитый мною в сражении, ты отправишься в столицу Ямы, как сын Раваны (Индраджит), убитый в бою Лакшманой, младшим братом Рамы! Сегодня Кришна и Партха и царь справедливости, о отпрыск рода Мадху, при виде тебя убитого, преисполненные отчаяния, несомненно покинут поле битвы! Сегодня, отплатив тебе, о Мадхава, острыми стрелами, я обрадую жен тех, кто убит тобою в сражении! Оказавшись в поле моего зрения, ты уже не вызволишься, о Мадхава, как (не может избавиться) мелкая тварь, попав в сферу зрения льва!»

Тогда Ююдхана, о царь, усмехнувшись слегка, промолвил ему в ответ: иь «О Кауравья, мною никогда не овладевает страх в сражении! Тот убьет меня в битве, кто сможет обезоружить меня! Ибо тот, кто убьет меня в сражении, будет убивать (своих врагов) вечные времена! Зачем напрасно так много хвастаться на словах! Докажи все это на деле! Ибо как гром осеннего облака, трескучие слова твои бесполезны! Ведь когда слышишь этот грохот (слов твоих), о герой, невольно прорывается смех! Так пусть же битва, желанная в мире столь долгое время, произойдет сегодня, о Каурава! Сердце мое, о любезный, торопится к тебе, жаждущему битвы! Не убив тебя сегодня, я не отвращусь от нее, о низкий из людей!»

Уязвляя друг друга такими словами, те оба быка среди людей, оба пылавшие гневом, стали тогда наносить взаимно удары в сражении, каждый желая убить другого. Те два тигра среди людей, оба наделенные сильною мощью, сражались в битве, вызывая друг друга, подобно двум разъяренным слонам, одержимым течкой, (дерущимся) из-за слонихи. И Бхуришравас и Сатьяки, оба усмирителя врагов, дождили друг в друга страшные ливни стрел, будто два (громадных) облака.

Тут сын Сомадатты, покрыв внука Шини быстролетными стрелами, пронзил его, о лучший из рода Бхараты, острыми стрелами, страстно желая убить его. И пронзив Сатьяки десятью стрелами, сын Сомадатты выпустил затем другие острые стрелы в того быка из рода Шини, горя желанием убить его. Но те его острые стрелы, о владыка народов, Сатьяки поглотил в воздухе чудодейственной силой своего оружия, прежде чем они смогли достичь его, о владыка!

И те два героя, оба высокого происхождения и оба возвеличивающие славу кауравов и вришниев, поливали так друг друга каждый ливнями своих стрел. Точно два тигра своими когтями или как два слона своими клыками, оба они терзали друг друга стрелами и особыми дротиками, (какими пользуются воины на колесницах). И калеча члены один другому и сами истекая кровью, оба они, занятые игрою, где на ставку была поставлена их жизнь, сдерживали и сковывали друг друга.

Так оба (героя) – вершители высочайших подвигов, возвеличивающие славу кауравов и вришниев, сражались друг с другом, подобно двум вожакам стада слонов. Оба они, коим в недалеком времени уготован мир Брахмы, оба жаждущие завоевать там высочайшее положение, так разили друг друга. И в самом деле, Сатьяки и сын Сомадатты продолжали поливать друг друга ливнями стрел на глазах у исполненных радости: сыновей Дхритараштры.

И люди там взирали на обоих повелителей воинов, сражающихся (друг с другом), подобно двум вожакам стада слонов, дерущимся из-за слонихи. Убив коней друг друга и рассекши один другому луки, оба они, лишенные своих колесниц, принялись тогда сражаться на мечах в страшной битве. Взяв красивые, широкие и сверкающие щиты из воловьей кожи и извлеченные из ножен мечи, оба они рыскали по полю брани. Устремляясь в различных направлениях и описывая попеременно круги, те оба сокрушителя врагов, воспаленные гневом, поминутно разили друг друга.

Вооруженные мечами, в сверкающих доспехах, украшенные ожерельями из золотых монет и браслетами ангада, оба они, о царь, свирепые в бою, влекли друг друга. И таская один другого, о царь царей, те оба героя на одну короткую минуту снова переводили дух на глазах у всех войск. Разрубив своими мечами сверкающие щиты и огромные колчаны друг у друга, те оба тигра среди людей вступили тогда в единоборство голыми руками. Оба широкогрудые, оба долгорукие, оба искушенные в рукопашной схватке, они обхватывали (друг друга) своими руками, подобными железным засовам. Они ударяли друг друга руками, каждый схватывал крепко руки другого и каждый хватал руками другого за шею. И их высокое искусство в этих приемах, приобретенное упражнениями,, вызывало радость у всех воинов.

И меж тем как те двое лучших из людей, о царь, сражались в битве, громкий и страшный поднялся шум от них, словно (при падении) громовой стрелы на гору. Подобно двум слонам, бьющимся друг с другом концами своих клыков, или подобно двум могучим быкам – своими рогами, сражались (друг с другом) оба благородных (героя), те двое быков из рода Куру и Сатвата.

В то Время как оружие Сатваты, занятого так в сражении, истощилось, Васудева сказал тогда Арджуне: «Посмотри на этого (воина) в бою, выдающегося из всех лучников, лишенного колесницы! Он проник в бхаратийское войско следом за тобою, о Пандава! Он был вынужден сражаться, со всеми воинами из рода Бхараты, наделенными великой мощью, о потомок Бхараты! Превосходнейший из воинов, он столкнулся с щедрым подателем жертвенных даров (Бхуришравасом), когда сам уже был изнурен, в то время как тот, жаждущий битвы, подступал к нему. Это будет весьма неравным (сражением), о Арджуна!» Тогда Бхуришравас, воспламененный гневом, изо всей силы ударил Сатьяки, одержимого в битве», о царь, как приведенный в бешенство слон (ударяет) возбужденного слона.

И тут двое выдающихся из воинов, оба на колесницах занятые в битве, оба воспаленные гневом, Кешава и Арджуна, о царь, были очевидцами их сражения. Затем Кришна могучерукий, обратившись к Арджуне, сказал: «Смотри, тот тигр среди вришниев и андхаков попал во власть сына Сомадатты! Свершив столь трудновыполнимый подвиг, изнеможенный, он оказался на земле (без колесницы). Защити же Сатьяки, о Арджуна, твоего храброго ученика!

Он, о губитель отборнейших врагов, не должен ради тебя попасть во власть (Бхуришраваса), преданного жертвоприношениям, о тигр среди людей! Сделай же быстро то, что необходимо, о могущественный!»

Тогда обрадованный в душе, Дхананджая промолвил Васудевег «Посмотри на этого быка из рода Куру, играющего с выдающимся героем ив рода Вришни, будто лев, властелин зверей, играющий в лесу с огромным слоном, возбужденным от течки!» И тут среди воинов, о бык из рода Бхараты, раздались громкие крики «Аи! Ой!», так как могучерукий (Бхуришравас), напрягши свои силы, ударил Сатьяки и поверг его на землю.

И подобно льву, таскающему слона, выглядел величаво в бою тот щедрый податель жертвенных даров, превосходнейший из рода Куру, влачивший выдающегося героя из рода Сатвата. Затем, извлекши из ножен меч, Бхуришравас в пылу сражения схватил его за волосы и ударил ногою в грудь ему. И видя Сатвату, так влекомого в битве, Васудева снова, о царь, обратился тогда к Арджуне и сказал: «Гляди, тот тигр среди вришниев и андхаков, твой ученик, о могучерукий, в искусстве владения луком не уступающий тебе,491 попал во власть сына Сомадатты! Коль Бхуришравас, о Партха, так превосходит в сражении героя из рода Вришни – Сатьяки, воистину отважного, то (само имя его связано тогда) скорее с мнимой отвагой!»

После таких слов, сказанных ему Васудевой, могучерукий Пандава мысленно почтил Бхуришраваса в том сражении, (подумав): «Меня очень радует, что (этот герой), возвеличивающий славу кауравов, влачит воина, превосходнейшего из рода Сатвата, в пылу битвы, словно играючи с ним. Ибо он не смеет убить Сатьяки, выдающегося среди героев общины Вришни, а только влачит его, подобно тому как царь зверей в лесу волочит огромного слона!»

Так почтя в мыслях Каураву, о парь, могучерукий Арджуна, сын Притхи, промолвил в ответ Васудеве: «По той причине, что взор мой сосредоточен на правителе Синдху, я не могу видеть Сатьяки, о Мадхава! Однако я совершу нелегковыполнимый подвиг ради того воина-ядавы!» Сказав так и выполняя повеление Васудевы, Пандава своей стрелою отсек преданному жертвоприношениям (Бхуришравасу) руку с зажатым в ней; мечом.

Так гласит глава сто семнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 118

Санджая сказал:
И та прекраснейшая рука его вместе с мечом и сверкающими браслетами ангада упала на землю к величайшему горю мира живущих. И в самом деле, та рука, которая собиралась отсечь (голову Сатьяки), сама отсеченная Носящим диадему, оказавшимся незамеченным, стремительно упала на землю, подобно пятиголовой змее. Увидев себя приведенным в негодность Партхой, тот Каурава выпустил Сатьяки и в гневе стал порицать Пандаву.

«Увы, о Каунтея, жестокий и нечестивый совершил ты поступок, так как отсек мне руку в то время, как я был занят (в сражении с другим) 494 и не мог видеть тебя! Что же ты скажешь царю Юдхиштхире, сыну Дхармы? Разве что: «Сражаясь со мною, Бхуришравас был мною убит в битве?». Ты был ведь обучен применению этого оружия самим Индрой благородным или Рудрой, о Партха, или Дроной, или же Крипой! Ты, конечно, ведь в этом мире наиболее осведомлен в законе своей касты, нежели другие! Так зачем же тогда ты отсек в сражении (руку) воину, не сражавшемуся с тобою? Благородные никогда не ударяют того, кто невнимателен, кто сильно напуган, или того, кто лишен колесницы или просит (пощады или защиты), или того, кто находится в бедственном положении! Так зачем же тогда совершен тобою,

о Партха, этот весьма недостойный поступок, пристойный лишь для самых низменных и совершаемый только людьми недобрыми?

Говорят, что человеком благородным легко может быть выполнено благородное дело, о Дхананджая! Однако же дело неблагородное становится более трудным для выполнения человеком благородным на земле. Среди кого из людей и где повсюду человек обретается, сообразное тому поведение он быстро усваивает. Это же самое наблюдается и в тебе, о Партха! Ибо принадлежа к царственной родословной и особенно будучи рожден в роду кауравов, как же ты отпал от закона кшатриев, хотя ты и был хорошего поведения и соблюдал усердно свои обеты? Этот крайне низменный поступок, который совершен тобою ради воина из вришниев, уж конечно сообразуется с мнением Васудевы! Такой поступок не приличествует тебе! Кто же еще, если только он не был другом Кришны, мог бы причинить несчастье тому, кто был невнимателен, сражаясь с другим? Вришни и андхаки – плохие кшатрии, действующие всегда сплоченно, они по природе своей достойны порицания. Так почему же, о Партха, они сделаны тобою мерилом?

Сказав так, могучерукий и достославный (Бхуришравас) с изображением жертвенного столба на своем знамени, покинув Ююдхану, приготовился умереть на поле брани согласно обету прая. Отмеченный счастливыми признаками, он разостлал левой рукою стрелы (для своего ложа) и, желая отправиться в мир Брахмы, вверил все жизненные органы дыханья заботе божеств, покровительствующих над ними. Устремив пристальный взор к солнцу, а очищенную душу обратив к воде и размышляя о (мантрах) великой Упанишады, он преобразился в отшельника, предавшегося йоге.

Тогда люди во всем войске стали осуждать Кришну и Дхананджаю и восхваляли того быка среди людей. Однако, хотя и были порицаемы, оба Кришны не говорили ничего неприятного (о том герое). Также и он, с изображением жертвенного столба на своем знамени, хотя и был так восславляем, не испытывал радости. И тогда, о царь, Дхананджая, сын Панду, иначе – Пхальгуяа, не переносящий в душе сыновей твоих, говорящих в таком тоне, и не терпящий также слов их и Бхуришраваса, без гнева в сердце, словно вспоминая те слова, о потомок Бхараты, промолвил как бы с укором: «Все цари ведь знают этот мой великий обет, что ни один, принадлежащий к моей стороне, не может быть убит (никем), пока он будет находиться в пределах досягаемости моих стрел! Помня об этом, ты, на чьем знамени изображение жертвенного столба, не должен осуждать меня! Ибо, не зная о нравственном законе, не подобает осуждать другого. Ведь то, что я отсек тебе руку, в то время как ты, хорошо вооруженный в сражении, собрался уже убить (безоружного) героя из общины Вришни, нисколько не предосудительно для закона нравственности! А кто здесь из людей справедливых, о милый мой, не одобрил бы убийства Абхиманью; сущего ребенка, лишенного колесницы, без доспехов и с оружием, выбиттым (из рук)?».

После таких слов, сказанных Партхой, Бхуришравас прикоснулся к земле головою и бросил ему левой рукою (отрубленную) правую свою руку. И услышав те слова Партхи, о великий царь, он, на чьем знамени изображение жертвенного столба, сияющий ослепительным блеском, пребывал в молчании, лицом склонившись долу.

Арджуна сказал:
Какую я питаю любовь к царю справедливости или к Бхиме, лучшему из речистых, или к Накуле и Сахадеве, такая же самая она у меня и к тебе, о старший брат Шалы! С моего дозволения, а также и Кришны благородного, отправляйся в миры праведных, как Шиби, сын Ушинары!

Санджая сказал:
Отпущенный сыном Сомадатты, внук Шини, поднявшись тогда, взял свой меч и вознамерился отсечь голову тому (воину) благородному. И в самом деле, Сатьяки захотел убить безгрешного старшего брата Шалы, подателя щедрых жертвенных даров, равнодушного (к битве) и уже почти убитого сыном Панду, сидевшего с рукою отсеченной и напоминавшего этим слона с отрубленным хоботом. Причем все воины, громко крича, осудили его (за это намерение).

Но лишенный рассудка и удерживаемый Кришной и Партхой благородным, Бхимой и обоими воинами, охраняющими колеса (Арджуновой колесницы), Ашваттхаманом и Крипой, Карной и Вришасеной, а также правителем Синдху, когда воины все еще громко кричали, (осуждая его), он убил Бхуришраваса, хотя и соблюдавшего свой (прощальный) обет. И действительно, Сатьяки своим мечом отсек голову предводителю воинов кауравов, чья рука была уже отсечена в сражении Партхой и который сидел на поле брани, предавшись обету прая (ради освобождения своей души).

Но воины его не одобрили Сатьяки за тот его поступок, что он убил продолжателя рода Куру, уже перед этим почти убитого Арджуной. А сиддхи, чараны и люди, а также боги, увидев там Бхуришраваса, убитого в бою, хотя и был он занят исполнением обета прая, почтили того (героя Сатьяки), изумленные его подвигами. И его воины тоже высказывали многократно суждения: «Нет вины у героя из общины Вришни. Ибо чему предопределено было случиться, то случилось. Поэтому не следует вам проявлять гнева. Гнев ведь причиняет горе людям. Было заранее предопределено, что Бхуришравас будет убит героем (из врищниев). Не должно по этому поводу высказывать различные суждения. Ибо самим создателем Сатьяки был определен причиной его смерти в бою!»

Сатьяки сказал:
Вы, о нечестивые, рядящиеся в тогу справедливых, вы говорите мне словами справедливости, что (Бхуришравас) не должен был быть убит, не должен. Куда же в таком случае девалась ваша справедливость, когда вами был убит в битве сын Субхадры, совсем еще ребенок, лишенный оружия? По какому-то случаю проявления надменности мною было дано клятвенное обещание: тот, кто, оскорбив меня живым в сражении, ударит меня ногою в порыве ярости, тот будет убит мною, если бы даже враг тот соблюдал обет отшельничества!

В то время как я сражался в схватке, с руками и глазами (целыми и невредимыми), вы все же считали меня мертвым! Этим было как раз проявлено легкомыслие с вашей стороны! Ведь убийство Бхуришраваса, совершенное мною, является вполне оправданным, о быки из рода Куру! Однако тем, что Партхой во исполнение, из расположения ко мне, своего клятвенного обещания (защищать всех своих сторонников) была отсечена рука этого (воина) вместе с зажатым в ней мечом, я ведь был обойден (в славе)! Чему предопределено случиться, то должно случиться. Это сама судьба понуждает все к действию. Сей Бхуришравас убит в разгаре этой битвы! Так что же здесь совершено недозволенного? Некогда был Вальмики спет этот стих на земле: «Всегда должно выполнять то, что будет причинять мучения врагам!»

Санджая сказал:
После таких слов (Сатьяки), о великий царь, кауравы и пандавы ничего не промолвили, но в мыслях почтили (Бхуришраваса). И никто там н.е одобрил убийства того достославного (героя), напоминавшего собою удалившегося в лес отшельника или (владыку), освященного мантрами в великих жертвоприношениях и щедро раздававшего тысячи (золотых монет). Голова того героя, щедрого подателя даров, обрамленная красивыми исси-ня-темными локонами, с глазами красными, как у голубей, напоминала голову жертвенного коня, отсеченную во время его жертвоприношения и помещенную налево от жертвенного алтаря.

И очищенный жаром своей мощи, сокрушенной оружием, тот щедрый податель даров, сам достойный всяческих даров, покинув свое превосходнейшее тело в великом сражении отправился ввысь (к иным мирам), наполняя небо и землю своими высочайшими добродетелями.

Так гласит глава сто восемнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 119

Дхритараштра сказал:
Не побежденный Дроной и сыном Радхи, Викарной и Критаварманом, каким образом тот герой (Сатьяки), никогда прежде не сдерживаемый в сражениях, переправившись, после своего обещания Юдхиштхире, через океан войск (кауравов), мог быть схвачен кауравой Бхуришравасом и с силой повергнут на землю?

Санджая сказал:
Слушай же, о царь, о происхождении внука Шини, как это было еще в давние времена, а также о том, как это случилось и в отношении Бхуришраваса, ибо тут у тебя есть сомнения, о царь! У Атри был сын Сома, а у Сомы сыном считался Будха. У Будхи же был один сын, блеском подобный могучему Индре, Пуруравас (по имени). У Пуруравраса был сын Аюс, у Аюса же сыном считался Нахуша. А у Нахуши был сын Яяти, царственный мудрец богоравный. У Яяти же от Деваяни старшим сыном был Яду. Среди потомства Яду был сын, известный под именем Девамидха. А у него был сын Шура, правитель ядавов, чтимый в трех мирах. Сыном же Шуры был выдающийся из людей, Васудева, овеянный великой славой. Необыкновенный в искусстве владения луком, Шура был равен Картавирье в бою. В том же роду Щуры, тоже равный ему в своей мощи, родился царь Шини.

Около этого времени у дочери благородного Деваки, о царь, происходила сваямвара, на которую съехались все кшатрии. И там Шини избрал ту царевну Деваки для Васудевы и, победив всех царей, посадил ее на свою колесницу. Увидев Деваки на колеснице Шини, того отпрыска Шуры, Сомадатта, бык среди людей, наделенный великой мощью, не мог перенести этого, о царь!

И между ними, о царь, произошла битва, которая длилась полдня, – красивая (для взора) и необычайная. То было единоборство голыми руками между двумя сильнейшими людьми, словно поединок между Шакрой и Прахрадой. И Сомадатта был с большой силой повергнут па землю (отважным) Шини. Извлекши затем свой меч и схватив противника за волосы, Шини ударил его ногою среди тысяч царей, бывших там очевидцами со всех сторон. Однако же из сострадания он отпустил его, сказав «Живи!»

Приведенный им в такое состояние, Сомадатта тогда, о достойнейший, подпав под власть гнева, стал умилостивлять Махадеву (Великого бога). Довольный им, Махадева, тот владыка, благосклонный податель всех даров, соблаговолил ему испросить себе дар. И царь тот выбрал такой дар:

«Я желаю сына, о благодатный, который сразил бы сына Шини среди тысяч: царей и ударил бы его ногою в сражении!» Услышав те слова Сомадатты, о царь, тот бог сказал «Да будет так!» и тут же исчез. И в силу пожалования того дара он обрел потом себе (сына Бхуришраваса), щедрого подателя жертвенных даров, и благодаря тому же сын Сомадатты поверг в сражении: отпрыска Шини. Это рассказано тебе, о царь, то, о чем ты спрашивал меня.

Ведь в самом деле, сатваты не могут быть побеждены в сражении, о бык среди людей! Они многочисленны, все метко поражают цель в битве и искусны в различных приемах ведения боя. Они могут победить даже самих богов, данавов и гандхарвов, ибо они никогда не впадают в замешательство. Они всегда увенчаны победой, ибо (сражаясь) полагаются на свою» собственную мощь. И никогда они не зависят от других.

Ничего не примечается в этом мире равного вришниям, о владыка. Ничего не было, нет и не будет равного им по своей мощи, о бык из рода Бхараты! Они никогда не пренебрегают своими родственниками. Ониз всегда послушны повелениям лиц, почтенных годами. Ни даже боги, асуры и гандхарвы, ни якпш, змеи и ракшасы не могут победить героев вришниев, ни тем более люди в сражении! Они никогда не покушаются на имущество брахманов или на имущество иных своих наставников или же своих родственников. Равным образом (они не покушаются на имущество) тех, кто всегда оказывает им помощь в любом случае бедствия.

Преданные брахманам и правдоречивые, они никогда не обнаруживают своей гордости, хотя и богатые. Они не пренебрегают сильными, а удрученных вызволяют (из бедствий). Всегда преданные богам, они обузданы (душою), щедры в раздаче даров и нехвастливы. Поэтому доблесть героев вришниев невозможно никогда сокрушить. Кто-нибудь может даже сдвинуть гору Меру или переправиться через обиталище Макаров. Но никто не может, столкнувшись (в битве) с героями вришни, привести их к гибельному концу, о царь! Это все рассказано тебе о том, относительно чего у тебя были сомнения, о владыка! Но несомненно, о царь кауравов, все это обязано твоей весьма пагубной политике, о лучший из людей!

Так гласит глава сто девятнадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 120

Дхритараштра сказал:
После того как при таких обстоятельствах был убит каурава Бхуришравас, расскажи мне о том, о Санджая, как дальше происходила битва!

Санджая сказал:
После того как Бхуришравас отправился в иной мир, о потомок Бхараты, могучерукий Арджуна стал поторапливать Васудеву: «Погоняй" коней быстрее, о Кришна, туда, где находится царь Джаядратха! Ибо, о могучерукий, солнце быстро клонится к горе Заката.

А ведь этот великий долг, о тигр среди людей, еще должен быть выполнен мною! К тому же сей (правитель Синдху) охраняется могучими воинами на колесницах из войска кауравов. Гони поэтому коней, о Кришна, таким образом, чтобы я мог убить Джаядратху, пока еще не зашло солнце, и чтобы клятвенное слово мое оказалось правдивым!» Тогда Кришна могучерукий, хорошо знающий нрав коней, погнал тех коней серебристой масти в направлении колесницы Джаядратхи.

И тут против него, чьи стрелы летят не напрасно, мчавшегося на быстрых скакунах, (подобных ветру), о великий царь, поспешно ринулись предводители войск (кауравов) – Дурьйодхана и Карна, Вришасена и царь мадров, Ашваттхаман и Крипа и сам правитель Синдху. Однако Бибхатсу, настигнув правителя Синдху, стоявшего перед ним, бросал на него взгляды, словно сжигая его горящими гневом глазами.

Тогда царь Дурьйодхана при виде Арджуны, устремляющегося к лестнице Джаядратхи, поспешно обратившись к сыну Радхи, сказал ему: «Вот пришло, наконец, о сын Викартаны, время битвы! Прояви теперь свою мощь, о благородный! Действуй таким образом, о Карна,

чтобы Джаядратха не был убит в сражении Арджуной! День уже совсем на исходе, о храбрейший из людей! Ударь теперь во врага тучами стрел! Если день истечет, о превосходнейший из людей, то несомненно, о Карна, победа будет за нами!

Ведь если правитель Синдху сможет быть обеспечен защитой вплоть до захода солнца, тогда Каунтея, чье клятвенное обещание окажется ложным, войдет в пылающий огонь. И когда мир лишится Арджуны, о милостивый, тогда не смогут жить даже одно мгновение его братья вместе со всеми их приверженцами! А когда будут уничтожены пандавы, мы будем наслаждаться, о Карна, всей этой землею вместе с ее горами, лесами и рощами, лишенной терниев (на нашем пути)!

По-видимому, Партха был сбит с толку самой судьбой и суждение его приняло ложное направление, о милостивый, когда он, не удостоверившись в том, что выполнимо и невыполнимо, дал свое клятвенное обещание в сражении! Наверно, Носящим диадему Пандавой дана была, о Карна, эта клятва об убиении Джаядратхи – ради своей собственной гибели!

Как же, о Радхея, когда ты жив неодолимый, сможет Пхальтуна убить царя страны Синдху, пока еще солнце не зашло за гору Заката? Защищаемого царем мадров и благородным Крипой, как может Дхананджая убить Джаядратху на головном участке боя? Охраняемый сыном Дроны, мною и Духшасаной, как может Бибхатсу подступить к правителю Синдху, понуждаемый судьбою? Многочисленные герои заняты сейчас в сражении.

А солнце уже катится низко. Я полагаю, Партха уже не настигнет Джаядратху, о милостивый! Ты должен поэтому, о Карна, вместе со мною и другими храбрыми и могучими воинами на колесницах сразиться с Партхой в битве, приложив свои крайние усилия!»

После таких слов, сказанных твоим сыном, о достойнейший, сын Радхи промолвил в ответ Дурьйодхане, превосходнейшему из кауравов, такие слова: «Я сильно измучен в сражении тучами стрел, неоднократно посылавшимися храбрым лучником Бхимасеной, способным наносить жестокие Удары. То, что я еще стою сейчас в битве, о милостивый, – только потому, что (подобному мне) должно стоять здесь! Ни один член тела неощущается у меня, опаленного боевыми стрелами. Однако (несмотря на все это), о царь, я буду сражаться в битве изо всех моих сил и (буду стараться) таким образом, чтобы сей (герой), главнейший из пандавов, не убил правителя Синдху.

Ибо пока я буду сражаться, меча свои острые стрелы, храбрый Дхананджая, одинаково ловкий и на левую руку, не настигнет правителя Синдху! Все, что человеком, обладающим силой и постоянно стремящимся оказать тебе благо, может быть сделано, все то я сделаю, о Кауравья! Что же до победы, то она зависит от судьбы! Сегодня я сражусь-с Арджуной, прибегнув к собственному мужеству, ради тебя, о тигр» среди людей! Победа же, однако, зависит от судьбы! Пусть сегодня все существа, о первейший из рода Куру, взирают на битву двоих – между мною и Партхой, – страшную, заставляющую от содроганья подниматься волоски на теле!»

Меж тем как Карна и царь кауравов беседовали так друг с другом в сражении, Арджуна принялся своими острыми стрелами уничтожает твое войско. Стрелами с остро отточенными наконечниками он отсекал в той битве у неотвращающихся героев руки, подобные железным засовам или; хоботам слонов. Также и головы их отсекал он, могучерукий, острыми: стрелами. Также и хоботы слонов, шеи коней и оси колесниц окрест, равно и забрызганных кровью всадников, вооруженных копьями и пиками, рассекал подряд Бибхатсу стрелами с бритвообразным острием на две или на три части.

Кони и отборнейшие из слонов, знамена и зонты, луки, буйволовые хвосты и головы падали тысячами. Сжигая твое войско, словно пылающий огонь – сухую траву, Партха вскоре сделал землю обильно политой кровью. Уничтожив большую часть воинов в твоем войске, могучий и неодолимый (Пандава), наделенный истинной отвагой, (вскоре) настиг правителя Синдху. Охраняемый Бхимасеной и Сатватой, Бибхатсуг о превосходнейший из рода Бхараты, выглядел блистательно, подобна сверкающему огню.

Увидев Пхальгуну в таком состоянии, твои могучие лучники, те быки: среди людей, гордящиеся своей мощью, не могли перенести его. И тогда Дурьйодхана и Карна, Вришасена и царь мадров, Ашваттхаман и Крипа и сам правитель Синдху, воспаленные гневом, окружили со всех сторон Носящего диадему, сражаясь за царя Синдху. И все воины те, искушенные в битве, поместив правителя Синдху позади себя, жаждущие убить Арджуну и Ачьюту, бесстрашно окружили Партху, хорошо сведущего в сражении, приплясывавшего на всем пути следования своей колесницы под. громкие звуки тетивы и шлепков ладоней, словно это был сам Разрушитель с широко разверстой пастью. А солнце тогда стало уже принимать красный оттенок.

И желая (скорейшего) захода светила, те (воины кауравов), натянув свои луки руками, подобными туловищам змей, выпустили в Пхальгуну сотни стрел, напоминавших лучи солнца. Но рассекши те (стрелы), посланные и летящие в него, на две, на три и на восемь частей каждую, Носящий диадему, неодолимый в бою, пронзил их всех в том. сражении.

Тогда сын дочери Шарадвана, на чьем знамени – изображение львиного хвоста, проявляя свою мощь, начал, о царь, сдерживать Арджуну. Пронзив Партху десятью стрелами и Васудеву семью, он стоял на пути движения колесницы (Арджуны), охраняя правителя Синдху. И тут превосходнейшие из кауравов, могучие воины на колесницах, все окружили его со всех сторон могучим потоком колесниц. Натягивая свои луки и меча (бесчисленные) стрелы, они стали защищать правителя Синдху, по приказанию твоего сына.

Там можно было наблюдать силу рук храброго Партхи и неистощимость его стрел, а равно и мощь лука гандивы. Отразив своим оружием оружие сына Дроны и отпрыска Шарадвана, он поразил всех (тех воинов) девятью стрелами каждого. Но тут его самого сын Дроны поразил двадцатью пятью стрелами и Вришасена семью, Дурьйодхана – двадцатью, а Карна и Шалья – тремя стрелами каждый. И все они, громко крича на него, пронзали его все снова и снова. И потрясая своими луками, они окружили его со всех сторон. И они быстро сделали так, что колесницы их были стянуты вокруг него в сомкнутый круг.

Желающие (скорейшего) захода солнца, те могучие воины на колесницах, действующие с большой стремительностью, принялись громко кричать на Арджуну и, потрясая своими луками, окатили его страшными стрелами, подобно тому как облака (поливают) ливнями гору. И герои те с руками, подобными железным засовам, также проявили там, о царь, на теле Дхананджайи и мощь своего могучего божественного оружия. Уничтожив большую часть воинов в твоем войске, могучий и непобедимый (Пандава), наделенный истинной отвагой, подступил наконец к правителю Синдху. Однако Карна, о царь, своими быстрыми стрелами сдержал его в том сражении на глазах у Бхимасены и Сатваты, о потомок Бхараты!

Но его в ответ могучерукий Партха пронзил на поле брани десятью стрелами на глазах у всего войска. Затем и Сатвата пронзил Карну трем!я стрелами, о достойнейший, и Бхимасена – тремя, и сам Партха еще раз семью. Карна же, могучий воин на колеснице, в ответ пронзил всех троих шестьюдесятью стрелами каждого. Так, о царь, происходила та битва между одним Карной и многими (его противниками). И то, что мы наблюдали у сына суты, о достой-

нейший, было весьма необычайным, так как воспаленный гневом в сражении, он один сдерживал трех могучих воинов на колесницах.

Тогда могучерукий Пхальгуна в пылу сражения ударил Карну, сына Викартаны, во все жизненно важные места сотнею стрел. С телом, всюду залитым кровью, сын суты, доблестный и храбрый, в ответ пронзил Пхальгуну пятьюдесятью стрелами. Видя ту ловкость его (рук) в бою, Арджуна не перенес этого. И рассекши тогда лук его, Партха, тот герой Дхананджая, со всей стремительностью пронзил его посредине груди девятью стрелами. И ради сокрушения его Дхананджая с большой быстротою как раз в то время, когда необходимо (действовать) быстро, выпустил в сражении стрелу, блеском подобную солнцу. Но ту стрелу, несшуюся стремительно (на Карну), сын Дроны рассек стрелою, заостренной в виде полумесяца. И рассеченная им, она упала на землю.

Преисполненный же великой доблести, сын возницы Карна, губитель врагов, взяв другой лук, осыпал Пхальгуну многими тысячами стрел, желая оказать противодействие его подвигу. Громко крича друг на друга, словно два (ревущих) быка, те оба тигра среди людей, могучие воины на колесницах, покрыли небосвод тучами неуклоннолетящих стрел. Оба они, становясь невидимыми из-за сплошных туч стрел, (посылаемых взаимно), продолжали разить друг друга. «Я Партха, о Карна, стой же!»; «Я Карна, стой, о Пхальгуна!» – так они угрожали друг другу и уязвляли один другого жалами своих слов. Тогда действительно, те оба героя сражались в битве друг с другом красиво, обнаруживая большое искусство и ловкость.

И оба они представляли собою зрелище для всех, ставших очевидцами в той их битве. Восхваляемые в сражении сиддхами, чаранами и ватиками, они сражались друг с другом, о великий царь, каждый желая убить другого. Тогда Дурьйодхана, о царь, обратившись к твоим воинам, сказал: «Старательно защищайте сына Радхи! Не убив Арджуны в сражении, Радхея не отвратится от битвы! Именно так сказал мне Вриша!»

Тем временем, о царь, видя отвагу Карны, (Арджуна) четырьмя превосходнейшими стрелами, выпущенными (из лука, натянутого) вплоть до самого уха, отправил четырех коней Карны в страну мертвых. Также и возницу его он вышиб стрелой с серповидным острием с его сидения на колеснице. А (самого Карну) он осыпал стрелами на глазах у твоего сына. Так покрываемый (стрелами), лишенный в сражении коней своих и возницы, Карна, сбитый с толку густою сетью стрел, не знал, что делать.

И увидев его оказавшимся без колесницы, Ашваттхаман, о великий царь, посадил его тогда на свою колесницу и продолжал дальше сражаться с Арджуной. Тут царь мадров пронзил сына Кунти тридцатью стрелами, а сын Шарадвана пронзил Васудеву двадцатью стрелами. И он ударил также Дхананджаю двенадцатью стрелами. Тут и царь страны Синдху пронзил Кришну и Партху четырьмя стрелами каждого, также и Вришасена пронзил каждого из них, о великий царь, семью стрелами. Точно так же и их пронзил в ответ сын Кунти Дхананджая.

И в самом деле, пронзив сына Дроны шестьюдесятью четырьмя стрелами, а царя мадров сотнею, правителя же Синдху десятью стрелами с серповидным острием и Вришасену тремя стрелами, а сына Шарадвана двадцатью, Партха издал громкий клич.

Но желая воспрепятствовать клятвенному обещанию Савьясачина, те воины твои, сплотившись вместе, быстро ринулись на Дхананджаю. Тогда Арджуна, приводя в ужас сыновей Дхритараштры, вызвал к действию оружие, со всех сторон снабженное острыми краями. Но против того сына Панду выступили кауравы на своих дорогих колесницах и стали дождить ливни стрел.

И в течение того времени, когда происходила та свирепая битва, весьма ужасная и сбивающая с толку, о потомок Бхараты, тот царственный сын, увенчанный диадемой, никогда не терял сознания, целиком отдавшись ей, и продолжал метать стрелы. Желая вернуть царство и вспоминая все лишения, перенесенные за двенадцать лет из-за кауравов, благородный Савьясачин окутал все страны света неисчислимыми стрелами, выпущенными из лука гандивы. Небо, казалось, пылало в огне метеоров.

Бесчисленные вороны, слетаясь, садились на тела (павших воинов). Ибо Увенчанный диадемой в гневе своем продолжал убивать врагов при помощи (лука гандивы) с красно-бурой тетивой, подобно тому как (Шива) своим мощным луком (убивал асуров). Увенчанный диадемой и овеянный великой славой, тот покоритель (вражеских) полчищ, меча повсюду стрелы своим огромным луком, повергал своими стрелами наиболее выдающихся героев среди кауравов, сидящих на превосходнейших своих конях и отборнейших слонах.

Тогда, схватив тяжелые палицы и булавы, сделанные из железа, мечи и дротики и разные другие виды мощного оружия, многие властители, приняв страшный вид, вне? запно обрушились на Партху в том сражении. Но тот герой, могучий стрелок из лука, лишил тех разгоряченных в пылу сражения воинов вместе с их колесницами, конями и слонами и отрядами пехотинцев – лишил всего их оружия и жизней, и они, таким образом, увеличили население владений Ямы.

Так гласит глава сто двадцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 121

Санджая сказал:
Сын Притхи, Дхананджая рыскал в сражении таким образом, что он был виден одновременно во всех направлениях, показывая (в действий) различные виды чудесного оружия. Словно на полуденное солнце, ярко пылающее на небосводе, никто среди всех существ не мог даже взглянуяь на Пандаву.

В том сражении мы наблюдали потоки стрел, выпущенные из лука гандивы того благородного героя, как бы напоминавшие вереницы гусей на небосводе. Отражая своим оружием оружие всех героев тех я показывая своим участием в страшных подвигах, что сам он воистину ужасен, Арджуна с твердым желанием убить Джаядратху прорвалея сквозь (ряды) тех превосходнейших из воинов на колесницах, о царь, приводя их в замешательство своими длинными стрелами.

Меча стрелы во все стороны, Дхананджая, имея своим возницею Кришну, представлял собою красивое зрелище, когда он быстро мчался по полю брани. Потоки стрел того благородного героя, сотнями и тысячами, казалось, непрерывно проносились по небу. И мы никак не могли заметить, когда тот могучий лучник брал стрелы, когда Пандава тот накладывал их (на тетиву) и когда тот сын Кунти метал их.

Так наполнив (стрелами) все страны света и приведя в замешательство всех воинов на колесницах в сражении том, Каунтея ринулся тогда на Джаядратху и пронзил его шестьюдесятью четырьмя прямыми стрелами. Правитель Синдху, однако, пронзенный так Обладателем лука гандивы стрелами, преисполнился сильной ярости и не смог перенести этого, как слон, терзаемый стрекалом. Носящий изображение вепря на своем знамени, он в пылу сражения быстро выпустил в Савьясачина остро отточенные прямые стрелы с оперением стервятника, гладко зачищенные кузнецом и напоминающие сильно ядовитых змей. Пронзив лук гандиву тремя стрелами и самого Арджуну шестью, он затем пронзил его коней восемью стрелами и

знамя его одной стрелою. Но Арджуна, отразив острые стрелы, посланные правителем Синдху, отсек в одно и то же время двумя стрелами голову возницы Сайндхавы от туловища и срубил его разукрашенное знамя. С древком срубленным и само пронзенное и разорванное стрелами, то вепреносное (знамя) царя страны Синдху рухнуло вниз, подобно пламени огня.

А тем временем солнце быстро клонилось к закату, и Джанардана, поспешно обратившись тогда к Пандаве, сказал: «О Дхананджая, быстро отсеки голову злонравному правителю Синдху! Солнце уже готово зайти за превосходнейшую из гор – Заката! Внемли же поэтому слову моему, (что скажу я) по поводу убиения Джаядратхи! Отцом Сайндхавы является Вриддхакшатра, известный во всем мире. Только после долгого времени он обрел себе сына Джаядратху, правителя Синдху, того сокрушителя врагов. И тогда голос невидимого существа, гремевший подобно облаку или барабану, сказал тому царю: «Этот сын твой, о владыка, будет здесь среди смертных достоин двух родов (Солнечного и Лунного) по высокому своему происхождению, поведению, самообузданию и другим достоинствам! Он станет наиболее выдающимся из кшатриев в мире и будет всегда чтиться героями. Но в то время, когда этот лучник будет сражаться в битве с врагами, один из них, весьма небезызвестный в этом мире, воспаленный гневом, отсечет ему голову!" Услышав это, (престарелый) царь страны Синдху глубоко задумался, о усмиритель врагов, и, мучимый страданиями из-за любви к своему сыну, сказал так всем своим родственникам: „Кто заставит упасть на землю голову моего сына в то время, когда он, сражаясь в битве, будет нести тяжелое бремя, – и его голова тоже лопнет без сомнения на сто частей!»

Сказав так и возведя на царский престол Джаядратху, Вриддхакшатра тогда отправился в лес и предался аскетическим занятиям. Наделенный внутренней мощью, он все еще занимается аскетическим покаянием, суровым и трудновыполнимым, за пределами этой Самантапанчаки, о Обезьянознаменный! Поэтому, отсекши голову Джаядратхе в свирепой схватке, ты, о сокрушитель врагов, должен своим страшным дивным оружием, свершавшим необычайные подвиги, о младший брат сына Ветра, быстро бросить ту голову, украшенную серьгами, на колени самому Вриддхакшатре, о потомок Бхараты!

Если же ты бросишь его голову на землю, то и твоя собственная голова тогда без сомнения лопнет на сто частей! Полагаясь на свое дивное оружие, соверши (подвиг) таким образом, о лучший из рода Куру, чтобы об этом не мог узнать тот владыка земли, (престарелый) царь (Синдху)! Ибо нет ведь ничего даже в трех мирах недостижимого или невыполнимого для тебя, о отпрыск Васавы!»

И услышав эти слова (Кришны), Арджуна, облизывая уголки рта, быстро выпустил стрелу, отобранную им для убийства Сайндхавы, стрелу, прикосновение которой подобно (удару) громовой стрелы Индры, освященную мантрами для обращения ее в дивное оружие, способную вынести любое напряжение и всегда чтившуюся подношениями благовоний и гирлянд.

И стрела та, выпущенная из лука гандивы, быстро летящая, снесла голову Сайндхавы, подобно тому как ястреб уносит пташку с вершины дерева. И затем снова Дхананджая своими стрелами послал ту голову ввысь (не давая ей упасть), к огорчению своих врагов и радости друзей своих. И обращая в то же время ее своими стрелами в цветы дерева ка-дамба, отсылал ту голову все дальше за пределы Самантапанчаки.

А в это самое время владыка земли Вриддхакшатра, твой родственник, наделенный скрытой мощью, о достойнейший, сидел за вечерней молитвой. И когда он сидел так (бормоча молитвы), обрамленная черными локонами и украшенная серьгами, голова царя Синдху была сброшена на его колени. И упавшая так на колени его, та голова с чудесными серьгами не была замечена царем Вриддхакшатрой, о усмиритель врагов!

Когда же мудрый Вриддхакшатра, окончив свои молитвы, встал, голова та внезапно скатилась на землю. И как только голова сына того владыки людей упала на землю, тогда и голова самого владыки лопнула на сто частей, о усмиритель врагов! И тут все существа пришли в крайнее изумление. А Васудева восславил Бибхатсу, могучего воина на колеснице.

Тогда при виде Джаядратхи, царя Синдху, убитого у сыновей твоих полились из глаз обильные слезы скорби. Бхимасена же в том сражении, как бы возвещая Пандаву, наполнил небо и землю потрясающим львиным кличем.

И услышав тот потрясающий клич, Юдхиштхира, сын Дхармы понял, что правитель Синдху убит благородным Пхальгуной. Радуя звучками музыкальных инструментов своих воинов, он двинулся тогда против сына Бхарадваджи с твердым желанием сразиться с ним в битве. И вот, после того как зашло солнце, о царь, разыгралась свирепая битва между Дроной и сомаками, заставляющая подниматься от содрогания волосы на теле.

И жаждущие убить его, те могучие воины на колесницах, о царь, когда правитель Синдху был убит, сражались с сыном Бхарадваджи изо всех сил. Пандавы же, одержав победу с убийством правителя Синдху» сражались тогда с Дроной там и тут, опьяненные успехом. Арджуна также, о великий царь, убив царя Синдху, сражался в битве с твоими воинами, наилучшими из сражающихся на колесницах. И подобно тому как царь богов сокрушает своих враговБ40 или как взошедшее солнце – Гонитель мрака рассеивает тьму, так стал крушить (врагов) повсюду тот герой, увенчанный диадемой, выполнив прежнее свое клятвенное обещание.

Так гласит глава сто двадцать первая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ ОБ УБИЕНИИ ДЖАЯДРАТХИ

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ГХАТОТКАЧИ

Глава 122

Дхритараштра сказал:
После того как храбрый правитель Синдху был убит Савьясачином, что делали мои воины? О том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Увидев правителя Синдху, убитого в сражении Партхой, о достойнейший, Крипа, сын Шарадвана, подпал под власть гнева и окатил Пандаву густым ливнем стрел. Сын Дроны также ринулся против сына Притхи – Пхальгуны. Оба те превосходнейших героя на колесницах начали с обеих сторон поливать со своих колесниц того первейшего воина, сражающегося на колеснице, дождем острых стрел. Жестоко теснимый так мощными ливнями стрел обоих (героев тех), могучерукий (Арджуна), наилучший из воинов, сражающихся на колесницах, почувствовал сильную мучительную боль.

Не желая, однако, убивать в сражении наставника своего (Крипу), а также сына (другого) своего наставника (Дроны), тот сын Кунти, Дхананджая стал тогда действовать как наставник, (обучающий владению оружием). Отражая своим оружием оружие сына Дроны и сына Шарадвана, он метал в них, без намерения убить их, стрелы с медленной скоростью. И стрелы те, (замедленно) посылаемые Джаей, не очень сильно ударяли в них; но из-за многочисленности стрел оба они испытывали мучительную боль.

Тогда сын Шарадвана, о царь, мучимый так стрелами Каунтейи,а опустился на площадке колесницы в полном изнеможении и впал в обморочное состояние. Заметив, что повелитель его, мучимый стрелами, впал в беспамятство, и думая, что он умер, возница Крипы увез его из (битвы). После того как Крипа, сын Шарадвана, столь изнемог в той битве, Ашват-тхаман тоже умчался от Пандавы. на другой колеснице. Увидев сына Шарадвана, измученного стрелами и в обморочном состоянии, Партха, могучий лучник, стал тогда на своей колеснице жалостно сетовать: «Видя все это (своим мысленным взором), многомудрый Кшаттри сказал царю (Дхритараштре), как только родился злостный Суйодхана, тот искоренитель рода своего: «Пусть этот (сын), позорящий свой род, будет скорей отправлен в мир иной! Ибо благодаря ему великая опасность нависнет над главами рода Куру!» Увы, эти слова правдоречивого (Видуры теперь) полностью исполнились. Ведь только из-за него я вижу сегодня Крипу лежащим на ложе из стрел. Позор да будет занятиям кшатрия! Позор да будет моей силе и мужеству! Ибо кто еще подобный мне мог бы так злобно нападать на брахмана и к тому же своего наставника? Крипа – сын мудреца; к тому же – мой наставник; он также – любимый друг Дроны! И теперь он лежит на площадке своей колесницы, терзаемый моими стрелами!

Сильно измученный моими стрелами, хотя и не желал я этого, он лежит в полном изнеможении на площадке своей колесницы и мучительно терзает мне душу! Ведь хотя и теснимый (его стрелами), я все же должен был только взирать на него, сияющего ослепительным блеском. Но затем был он сражен множеством стрел моих, когда сам я забылся в минуту слабости, (оттого что был измучен сильно). Ведь поверженный, он вызывает во мне скорбь гораздо больше, чем даже убийство моего собственного сына!

Посмотри, о Кришна, в каком жалком положении оказался он, лежа столь прискорбно в полном изнеможении на своей колеснице! Те быки среди людей, которые дают здесь предметы желаний своим наставникам, после того как приобрели знание от них, достигают положения богов! Напротив, те низменные из людей, которые, приобретя знание от наставников своих, вредят им же, те нечестивцы идут в ад! Несомненно, этот поступок, что совершен сегодня

мною, приведет меня в ад! Ибо поверг я своего наставника Крипу на его колеснице ливнями стрел! Еще давно, когда он обучал меня искусству владения оружием, Крипа сказал, мне: «Никогда, о Кауравья, не наноси удара по своему наставнику!* И тому повелению справедливого и благородного наставника моего я не последовал, ибо окатил его самого в сражении дождем своих стрел! Поклонение тому досточтимому сыну Гаутамы, не обращающемуся вспять герою! И позор мне, о отпрыск рода Вришни, ибо я тот, кто ударил в него!

Меж тем как Савьясачин сетовал так по поводу Крипы, сын Радхи, увидев правителя Синдху убитым, ринулся против него. И при виде сына Радхи, устремляющегося к нему, Партха, могучий воин на колеснице, обратившись с улыбкой к сыну Деваки, промолвил такое слово: «Это приближается сын Адхиратхи к колеснице Сатьяки! Несомненно, он не в состоянии вынести убийство Бхуришраваса в сражении! Ты гони коней, о Джанардана, туда, куда направляется Карна. Да не заставит Вриша отправиться Сатьяки по пути сына Сомадатты!»

На такие слова, сказанные ему Савьясачином, могучерукий Кешава, наделенный великой мощью, промолвил в ответ подходящие ко времени слова: «Сей могучерукий (Сатьяки) один ведь способен быть противостоящей парой Карне, о Пандава! А что уж говорить, когда этот бык из рода Сатвата объединился с двумя сыновьями Друпады!т Пока же, о Партха, тебе не подобает сражаться с Карной! Ибо при нем находится сверкающий дротик, подобный страшному метеору, данный ему Васавой! Для тебя он приберегается им и усердно чтится, о губитель вражеских героев! Пусть поэтому Карна выступит в данном случае против героя из рода Сатвата, как он и действует. Я знаю, о Кауравья, о (предрешенном) часе этого злонравного нечестивца!»

Дхритараштра сказал:
Как происходило то сражение между Карной и героем из рода Вришни, после того как был убит Бхуришравас и повержен правитель Синдху? На чью колесницу взошел Сатьяки, когда он лишился своей собственной колесницы? И как (сражались) оба царевича Панчалы, охранявшие колеса (Арджуновой) колесницы? Обо всем том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Увы, я опишу тебе, как все произошло в том страшном сражении. Слушай же терпеливо о (последствиях) своих собственных дурных поступков! Ведь еще раньше Кришной было постигнуто в мыслях, о владыка, что храбрейший Сатьяки должен быть побежден героем, на чьем знамени изображение жертвенного столба! Ибо Джанардана знает, о царь, прошлое и будущее. А потому, позвав своего возницу Даруку, он повелел ему:

«Пусть будет снаряжена своевременно моя колесница!» – Именно так, о царь, приказал он, могущественный. Ведь ни боги, ни гандхарвы, ни якши, змеи или ракшасы и ни люди – никто не в состоянии победить обоих Кришн. Боги с Прародителем и во главе (хорошо) знают его. Слушай же о несравненной мощи его и о том, как произошла битва. Увидев Сатьяки без колесницы и Карну, приготовившегося к битве, Мадхава затрубил тогда в свою раковину громкозвучную в тоне ришабха.

И Дарука, услышав рев его раковины и поняв смысл той вести, быстро примчал к нему колесницу, осененную высоким знаменем с изображением Супарны. И с дозволения Кешавы на ту колесницу, управляемую Дару-кой, подобную сверкающему огню или солнцу, взошел внук Шини.

Взойдя на ту колесницу, подобную колеснице небесной, запряженную превосходнейшими из коней: Сайньей, Сугривой, Мегхапушпой и Балахакой, способными мчаться всюду по желанию и стремительно-быстрыми, украшенными золотой сбруей, Сатьяки ринулся против сына

Радхи, сея бесчисленные стрелы. Также и оба охранителя колес (Арджуновой) колесницы Юдхаманью и Уттамауджас, покинув колесницу Джананджайи, выступили против сына Радхи.

Но и сын Радхи тоже, о великий царь, исторгая ливни стрел и пылая гневом, обрушился в том сражении на непреклонного внука Шини. О такой битве, (которая произошла между ними), никогда (раньше) не было слышано ни на земле и ни на небе, ни среди богов или гандхарвов, ни среди асуров, змей и ракшасов. И целое войско то, состоящее из колесниц, конницы, людей и слонов, прекратило (сражение), взирая, о царь, на ошеломляющие подвиги обоих героев. И все они наблюдали за той сверхчеловеческой битвой между ними обоими, выдающимися из мужей, и за искусством Даруки управлять колесницей. И в самом деле, (смотря на искусство) возницы Кашьяпейи, стоящего на колеснице, как он мчался вперед, возвращался назад и поворачивал вкось, то описывал круги, то сразу останавливался, все были изумлены.

Боги, гандхарвы и данавы с небосвода также с пристальным вниманием наблюдали за тем сражением между Карной и внуком Шини. Оба наделенные мощью, оба, состязаясь друг с другом, они проявляли свою .доблесть в сражении ради друзей своих. И Карна, видом подобный бессмертным, и Ююдхана – Сатьяки, о великий царь, оба дождили друг в друга ливнями стрел. Карна сильно изматывал внука Шини ливнями своих стрел, не будучи в силах примириться с убийством героя кауравов Джаласандхи (совершенным Сатьяки).

Преисполненный скорби (о нем) и вздыхающий подобно могучему змею, Карна, усмиритель врагов, сильно разъяренный, как бы сжигая взглядом внука Шини в том сражений, снова и снова обрушивался на него с упорным неистовством. Но увидев его, преисполненного гнева, Сатьяки пронзил его в ответ густым дождем стрел, подобно тому как слон (пронзает своим клыком) противоборствующего слона. И те оба тигра среди людей, отличающиеся большой стремительностью, будто и впрямь тигры, преисполненные несравненной отваге/ жестоко терзали друг друга в той битве.

Тогда внук Шини, усмиритель врагов, своими стрелами, целиком сделанными из железа, пронзил снова и снова Карне все члены тела. Он также стрелою с серповидным острием выбил его возницу из сидения на колеснице и затем острыми стрелами убил четырех его коней белой масти. Рассекши вслед за тем сотнею стрел знамя его на сто частей, тот бык среди людей лишил Карну его колесницы на глазах у твоего сына.

И тут воины твои, о царь, те быки среди людей, приуныли все. Тогда Вришасена, сын Карны, и Шалья, повелитель мадров, и сын Дроны окружили внука Шини со всех сторон. И потом все смешалось, и ничего нельзя было разобрать. И действительно, когда отважный сын суты был лишен колесницы (героем) Сатьяки, крики «Аи! Ой!» поднялись тогда, о царь, среди vcksof войска. Карна тоже, измученный стрелами Сатваты, о царь, и сильно удрученный, взошел на колесницу Дурьйодханы, тяжело вздыхая, о нем, высоко ценя свою дружбу с сыном твоим с самого детства и стараясь исполнить обещание, данное им относительно передачи ему верховной власти.

После того как Карна был так лишен колесницы, о царь, Сатьяки, обуздавший свои чувства, не убил, однако, храбрых сыновей твоих, возглавляемых Духшасаной. Напротив, не желая нарушить клятвенного обещания, данного прежде Бхимасеной, он только лишил их колесниц и сильно измотал их, но не лишил жизней. Ведь в самом деле, Бхимасеной было дано клятвенное обещание убить сыновей твоих, а Партхой во время последующей игры в кости было обещано убиение Карны. Но хотя все воины те, возглавляемые Карной, и прилагали усилия

для сокрушения Сатьяки, все же они, превосходнейшие воины на колесницах, не смогли убить его.

Сын Дроны и Критаварман, и другие воины на колесницах, а также быки среди кшатриев целыми сотнями были побеждены им с помощью лишь одного только лука. (Герой тот) сражался, желая сделать приятное царю справедливости и достичь потустороннего мира. И право, Сатьяки, сокрушитель врагов, равен каждому из двух Кришн по мощи своей. Таких в мире может быть только (трое): или Кришна, или Партха. могучий лучник, или Шайнея, тот тигр среди людей. Четвертого не встречается!

Дхритараштра сказал:
Взойдя на непобедимую колесницу Васудевы, управляемую Дарукоя, возмужалый Сатьяки, равный самому Васудеве и гордый силою своих рукг лишил Карну его колесницы. Садился ли Сатьяки еще на другую чью-либо колесницу (после его поединка с Карной)? Об этом я желаю услышать, ибо ты искусен (в умении) повествовать. Я полагаю, что Сатьяки невыносим (в своей доблести). Обо всем том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Слушай, о царь, о том, как многомудрый младший брат Даруки быстро-доставил Сатьяки другую колесницу, снаряженную всем необходимым^ С дышлом, прикрепленным к ней железными и золотыми цепями и шелковыми бечевками, расцвеченная тысячью звезд, украшенная флажками ж знаменем с изображением льва, с конями, впряженными в нее, быстрыми, как ветер и увешанными золотой сбруей, белыми как месяц, безразличными ко всякому шуму и упорными, превосходнейшими из скакунов, облаченными в сияющие золотые доспехи, о владыка народов, колесница, та издавала звон, увешанная сетью колокольцев, и сверкала дротиками и копьями. Снабженная боевыми принадлежностями и оснащенная многими видами оружия, она производила грохот, глубокий, как раскати (грома из) облаков. И взойдя на нее, внук Шини ринулся против твоего* войска. Дарука тоже отправился, как он сам пожелал, в сторону Кешавы.

Карне тоже, о великий царь, доставили превосходнейшую колесницу, запряженную отличными конями, еще более стремительными, белыми как раковина или коровье молоко, облаченными в сияющие золотые доспехи. Она была снаряжена золотыми предохранительными щитами и, знаменем. Оснащенная приспособлениями и флажками, она управлялась отличнейшим возницей и была снабжена многими видами оружия. Взойдя на нее, Карна тоже ринулся против своих врагов. Это тебе рассказано мною все, о чем ты спрашивал меня.

Все же еще раз узнай о (размерах) потерь, вызванных твоей неверной политикой. Тридцать один сын твой повергнут Бхимасеной, хотя они и поставили во главе Дурмукху, всегда искусного в различных приемах ведения боя. Сотнями были также убиты Сатватой и Арджуной герои, поставившие во главе себя Бхишму и Бхагадатту, о достойнейший! Именно так произошла эта гибель (людей) о царь, из-за твоих пагубных советов!

Так гласит глава сто двадцать вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 123

Дхритараштра сказал:
Меж тем как герои те находились в таком положении, как с их так и 1 с моей стороны, о Санджая, что делал тогда Бхима? О том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Лишившись колесницы, Бхимасена, измученный словесными жалами Карны и подпавший под власть гнева, обратился к Пхальгуне с такими словами: «У тебя на глазах, о Дхананджая, Карна говорил мне все снова и снова: «О евнух, глупец, обжора, о неискушенный во владении оружием, не сражайся, о мальчишка, трусливый в сражении!»

Но говорящий таи подлежит убиению мною. Карной же были сказаны мне такие слова, о потомок Бхараты! Этот обет, о могучерукий, дан мною совместно с тобою. Поэтому, как это касается меня, о Каунтея, так и тебя без сомнения! Вспомни же, о наилучший из людей, те слова мои, (сказанные) для убиения его! Действуй так, чтобы тот (обет наш) оказался правдивым, о Дхананджая!» Услышав те слова Бхимы, Арджуна, наделенный неизмеримой доблестью, немного приблизившись к Карне в сражении, сказал ему тогда: «О Карна, Карна, ты с обманчивым зрением! О сын суты, ты восхваляешь самого себя! О нечестивый в помыслах, слушай теперь меня, что я скажу тебе! У героев в битве бывает двоякого рода исход: победа или поражение! И оба они сомнительны, о сын Радхи! Это (не бывает иначе) даже для самого Васавы, когда он сражается (в битве)!

Лишенный колесницы Ююдханой, ты, находясь уже на грани смерти, был им все же отпущен (живым). Сам же ты случайно лишил Бхимасену колесницы. И это непристойно, о сын Радхи, что ты поносил Бхиму, зная о нравственных правилах ведения боя, зная о том, что он сражался, не отвращаясь от битвы, и выполнял в меру сил свой долг, подобающий героям в сражении.

На глазах у всех войск, а также Кешавы и меня самого ты был много раз лишен Бхимасеной колесницы в сражении. И все же тот отпрыск Панду не сказал тебе ни единого грубого слова) Но так как Врикодара был принужден тобою выслушать много оскорбительных слов и так как сын Субхадры был убит всеми вами в отсутствии моем, то поэтому ты сегодня же получишь плоды оскорблений своих!

То, что тобою был рассечен лук (Абхиманью), предрешило твою же собственную гибель,
о злонравный! Поэтому ты должен быть убит мною, о глупец, вместе со всеми твоими приспешниками, войском, верховыми и упряжными животными! Заверши теперь все дела свои, подлежащие исполнению, ибо великая опасность нависла над тобою! Я убью Вришасену (твоего сына).

У тебя на глазах в сражении. И также других тех царей, которые двинутся против меня в затмении рассудка, всех я уничтожу. В том правдою (клянусь), прикасаясь к оружию! Глупого, лишенного мудрости и слишком тщеславного, увидев тебя павшим на поле брани, злобный Дурьйодхана будет сильно мучиться горем».

И после того как Арджуной было дано клятвенное обещание убить сына Карны, громкий и страшный шум поднялся тогда среди воинов, сражающихся на колесницах. И вот в то время, когда страшное смятение-распространялось уже по всем местам сражений, тысячелучйстое солнце, все более тускнеющее в своем блеске, опустилось за гору Заката. Тогда,, о царь, Хришикеша, обняв стоявшего на головном участие боя Бибхатсу, выполнившего свое клятвенное обещание, сказал ему так: «Благодаря счастливой судьбе, о Джишну, исполнена тобою великая клятва! Благодаря счастливой судьбе убит зловредный Вриддхакшатра вместе со своим сыном. Столкнувшись с войском сына Дхритараштры, даже (предводитель) войск богов, о потомок Бхараты, упал бы духом в сражении, о Джишну! Тут не должно быть никаких сомнений! Кроме тебя, о тигр среди людей, я не вижу нигде, даже при глубоком размышлении, человека в трех мирах, который мог бы сразиться с этим войском! Многие-хранители Земли, наделенные великой доблестью, равные с тобою или превосходящие, объ-

единились вместе из-за сына Дхритараштры. Облаченные в доспехи, они не могут подступить к тебе, встретив тебя разгневанным в сражении.

Твоя доблесть и мощь равны (могуществу) Рудры или Шакры, или же-самого Разрушителя. Никто не смог бы проявить такую геройскую отвагу в бою, какую ты, усмиритель врагов, один проявил сегодня. Именно так я буду возвеличивать тебя вновь, когда злонравный Карна будет убит со своими последователями. (Так я буду восславлять тебя), когда тот враг твой будет побежден, когда тот ненавистник твой будет убит!» Ему ответствовал Арджуна: «Благодаря твоему благоволению, о Мадхава, это клятвенное обещание мое, трудно выполнимое даже богами, исполнено мною! И вообще, не представляет удивления победа у тех, чьим покровителем являешься ты, о Мадхава! Благодаря твоей благосклонности, Юдхиштхира обретет всю Землю. Это твое именно бремя, о отпрыск рода Вришни, это твоя именно победа, о владыка! Наше преуспеяние зависит от тебя, и мы твои слуги, о сокрушитель Мадху!» После таких слов, обращенных к нему, Кришна, слегка улыбнувшись, погнал своих коней. И он показал затем Партхе великое поле битвы, страшное своим зрелищем.

Шри Кришна сказал:
«Жаждавшие победы в бою и широко известной, великой славыг многие цари-герои лежат на земле, сраженные твоими стрелами! Их оружие и украшения разбросаны (всюду), их кони, колесницы и слоны искалечены и разбиты. В доспехах пробитых или совсем разрубленных, они попали в величайшую беду. Некоторые из них еще живы, а некоторые испустили дух. Те же цари, однако, хотя и скончались, все же кажутся будто живые, оттого что наделены высочайшим блеском. Посмотри на землю, покрытую их стрелами с золотым оперением и их разнообразным острым оружием, наступательным и оборонительным, и (павшими) их верховыми и упряжными животными. В самом деле, о потомок Бхараты, усеянная доспехами, щитами и ожерельями, их головами, украшенными серьгами, тюрбанами и диадемами, цветочными венками и драгоценными камнями, носимыми на макушке, одеждами, шейными (жемчужными) нитями их браслетами ангада, золотыми, ярко сверкающими обручами и другими чудесными украшениями, земля выглядит блистательно!

Посмотри на землю, устланную буйволовыми хвостами (знаками царского достоинства) и опахалами из них, пестрыми знаменами, конями, колесницами и слонами, разного рода покрывалами и хохолками волос для украшения коней, красивыми попонами и дорогими предохранительными щитами для колесниц, – словно покрытую расцвеченной шелковой тканью! Посмотри, вот другие (воины), упавшие с хорошо снаряженных слонов вместе с ними же, напоминают собою львов, упавших с горных вершин, сокрушенных громом. Смотри, а вот еще другие, пехотинцы и всадники во множестве, смешавшиеся с конями, лежат на земле, залитые потоками крови!

Санджая сказал:
Так показывая поле битвы Носящему диадему, Кришна затрубил в свою раковину панчаджанью, обрадованный вместе со своими (соратниками).

Так гласит глава сто двадцать третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 124

Санджая сказал:
Тогда царь Юдхиштхира, соскочив со своей колесницы, о потомок Бхараты, обнял обоих Кришн, обливаясь слезами радости. И утирая свое сияющее лотосоподобное лицо, он сказал Васудеве и Дхананджае, сыну Панду: «Благодаря счастливой судьбе, я вижу обоих вас, могучих воинов на колесницах, выполнившими в сражении труднейшую задачу!

Благодаря счастливой судьбе, убит тот злостный негодяй – правитель Синдху! Благодаря счастливой судьбе, о Кришна, мне дарована великая радость! Благодаря счастливой судьбе, наши враги погрузились в океан скорби! Нет в трех мирах ничего невыполнимого для тех, чьим покровителем являешься ты, высочайший учитель всех миров, о сокрушитель Мадху! По твоему благоволению, о Говинда, мы победим наших врагов, как некогда, по твоей же милости, Пакашасана (побеждал) данавов! Будь то покорение всей земли или же будь то покорение трех миров все это несомненно в отношении тех, о отпрыск рода Вришни, кем доволен ты, о Мадхава! У тех не может быть греха или не бывает поражения в бою, кем доволен ты, покровитель владык богов, о Мадхава!

Только благодаря твоей благосклонности, о Хришикеша, Шакра стал владыкой божеств! И (по твоей же милости) он, блистательный, обрел победой на головном участке битвы владычество над тремя мирами! Только благодаря твоей благосклонности, тридцать (богов), о владыка тридцати, обрели бессмертие, о Кришна, и услаждаются нетленными мирами! Убив тысячи дайтьев отвагою, исходящей от благосклонности твоей, о сокрушитель врагов, Шакра обрел верховенство над богами! Только по твоему благоволению, о Хришикеша, вселенная со всем, что в ней движется и неподвижно, не отклоняясь от своего (предписанного) пути, о герой, предается занятиям молитвами и возлияниями хома!

Вначале вселенная, развившись из тьмы, была вся единым водным пространством. По твоему же благоволению, она получила проявленную форму, о превосходнейший из людей! Те, кто прибегают к Хришикеше, творцу всех миров, высшему духу, нетленному, никогда не заблуждаются! Те, кто преданы тебе, о Хришикеша, божеству без начала и без смерти, творцу миров, извечному, – всегда преодолевают все трудности! Тому, кто прибегает к твоему высочайшему «Я», которое представляется Всевышним, Древнейшим, Изначальным мужем пурушей и Наивысшим из древнейших, – уготовано высочайшее благоденствие! Прибегнувший к (тебе), тому высочайшему духу, который пропел четыре веды и который воспевается в четырех ведах, достигает непревзойденного благоденствия! Прибегнувший к (тебе), тому покровителю Дхананджайи, который является другом Дханан-джайи и который способствует благу Дхананджайи, обретает счастье!»

После таких слов, обращенных к ним обоим, благородные Кришна и Пандава сказали тогда, радостные, царю, владыке земли: «Греховный царь Джаядратха сожжен огнем твоего гнева! И хотя войско сына Дхритараштры весьма обширно и сильно возбуждено в пылу сражения, все же оно сокрушено, терпит поражение и будет уничтожено, о потомок Бхараты!

Ибо эти кауравы истребляются вследствие гнева твоего, о сокрушитель врагов! Ведь разгневав тебя, героя, способного убить одним лишь взглядом своим, злонравный Суйодхана вместе со своими друзьями и родственниками положит жизнь свою в сражении! Сраженный ранее вследствие твоего гнева, непобедимый даже богами, дед кауравов лежит теперь на ложе из стрел! Ибо труднодостижима победа в бою для тех, о сокрушитель врагов, и попадают во власть смерти те, на кого ты разгневан, о Пандава!

Царство, жизнь, близкие, дети и разного рода блаженства быстро исчезают у того, на кого ты разгневан, о милостивый! Я считаю кауравов уже погибшими вместе с их сыновьями, животными и родственниками, когда ты, всегда преданный обязанностям царя, разгневан на них, о Юдхиштхира!»

Тогда Бхима могучерукий и Сатьяки, могучий воин на колеснице, изувеченные стрелами, приветствовали своего старшего наставника.31 И те оба могучих лучника остановились там, окруженные панчалами. Увидев обоих тех героев, преисполненных радости и стоящих перед

ним с почтительно сложенными руками, сын Кунти поздравил их обоих – Бхиму и Сатьяки. Он сказал:

«Благодаря счастливой судьбе, я вижу обоих вас, героев, избавившихся (живыми) из океана (вражеских) войск, неприступного, где роль крокодила исполняет Дрона, а вместо акулы действует сын Хридики! Благодаря счастливой судьбе, побеждены в бою все цари на земле! Благодаря счастливой судьбе, я вижу вас обоих победоносными сражении!

Благодаря счастливой судьбе, Дрона побежден в сражений, а также сын Хридики, исполненный могучей силы! Благодаря счастливой судьбе, я снова вижу вас, о безупречные, переправившихся через то море войск! Вы оба – герои, прославляющие битву и неотвращающиеся в Сражениях! Для меня вы одинаково дороги, как сама жизнь Благодаря счастливой судьбе, я вижу вас обоих».

Сказав так, царственный; сын Панду обнял Ююдхану и Врикодару, тех обоих тигров среди мужей, и от радости проливал слезы. И тогда все войско пандавов преисполнилось радости, о владыка народов, и, увидев победу, устремило свои помыслы к битве.

Так гласит глава сто двадцать четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 125

Санджая сказал:
После того как был убит повелитель Синдху, о царь, твой сын Суйодхана, с лицом, орошенным слезами, опечаленный и потерявший уверенность в победе над своими врагами, пришел к мысли, что нет на земле воина, равного Арджуне. Ни Дрона, ни сын Радхи, ни Ашваттхаман и ни Крипа не способны устоять перед ним, когда он воспален гневом, о достойнейший! (И Суйодхана сказал себе): «Ведь победив в сражении всех моих могучих воинов на колесницах, Партха убил правителя Синдху в бою. И никто не мог остановить его. Это мое обширное войско почти все уничтожено (пандавами).

И нет ведь никого, кто мог бы защитить его, не (смог бы) даже сам Пурандара! Тот, на кого полагаясь, всегда происходила (у меня) схватка в бою, увы, тот Карна побежден в сражении, а Джаядратха и вовсе убит! Тот Карна, который говорил среди собрания оскорбительные слова пандавам, увы, тот Карна побежден в сражении, а правив тель Синдху повержен! Тот Карна, на чью опираясь мощь, я счел Ачьюту за солому, когда он прибыл (ко мне) просить о мире, увы, тот Карна побежден в бою!»

Так сокрушаясь в душе, о царь, тот обидчик всего мираг сын твой отправился к Дроне, чтобы увидеть его, о бык из рода Бхараты! И тогда он поведал о том поголовном страшном истреблении кауравов, а также о победе врагов и об (ужасном бедствии), в которое погрузились сыны Дхритараштры.

Дурьйодхана сказал:
Посмотри, о наставник, какое учинено кровавое опустошение среди помазанных царей! (Я ведь вступил в битву), поставив во главе всех нас доблестного Бхишму, деда моего! Убив его, сей Шикхандин, с душою удовлетворенной, осиливает вместе со всеми панчалами головной участок войска, жаждя алчно (нового победного успеха). Другой же ученик твои, неодолимый царь Джаядратха убит Савьясачином, после того как он сокрушил семь акшаухини (наших) войск! Каким образом я стал свободным от долга перед союзниками моими, желавшими нам победы! и всегда оказывавшими помощь, а (ныне) отправившимися в обита-

лище Ямы? Те властители земли, которые желали дать мне всю землю, лежат теперь на земле, сами лишившись обладания землею!

Действительно, я трус! Причинив такую гибель друзьям, я не смею думать, что смогу очиститься даже совершением тысячи жертвоприношений коня! Оттого, что я алчен и греховен и совершаю прегрешения против справедливости, (эти владыки земли), прилагавшие усилия в своем желании победы, попали в обиталище Вайвасваты. Почему в присутствии тех царей земля не смогла предоставить отверстия и для меня, коль я так пал в своем поведении и замышляю распри среди друзей!

Увы, с телом, орошенным кровью, лежащего среди царей, я не смог спасти деда моего, Бхишму, сраженного на поле брани! И коль я человек неблагородный, подстрекающий друзей к раздору и нечестивый, что же скажет мне он, неодолимый, покоривший другой мир, когда встретит там меня? Смотри, тот могучий лучник Джаласандха убит (доблестным) Сатьяки! Тот герой, могучий воин на колеснице ревностно выступил ради меня, решившись положить свою жизнь! При виде правителя Камбоджи убитого, а также Аламбусы и многих других союзников моих, (я думаю), какая может быть теперь цель у меня сохранить жизнь?

Не обращающиеся вспять герои те, которые сражались ради меня и прилагали старания до крайних своих сил, чтобы победить (врагов моих), лежат (теперь) убитые из-за моей пагубной (политики). Сегодня, постаравшись изо всех своих сил, о усмиритель врагов, я освобожу себя от долга перед ними и ублажу их всех возлиянием водою у берегов Ямуны! Я верно обещаю тебе, о лучший из всех носящих оружие, и клянусь благочестивыми делами, мною совершенными, и всею моей доблестью, а также сыновьями моими, что, убив в сражении всех панчалов вместе с пандавами, я обрету спокойствие духа или же, (убитый) ими в бою, я отправлюсь в те же самые миры, куда уже переселились те (соратники мои)!

Ведь теперь союзники мои, не пользуясь достаточной поддержкой (с нашей стороны), не желают больше (находиться с нами)! Ибо они считают более предпочтительными для себя пандавов, но отнюдь не нас, о могучерукий! Ведь самим тобою, верным своей цели, предопределена наша смерть в сражении, ибо ты поступаешь снисходительно по отношению к Дхананджае, оттого что он твой любимый ученик! Поэтому все они убиты, – все те, кто стремились добыть нам победу! Только лишь Карну одного я вижу теперь, жаждущего нам победы! Ведь у того человека, недалекого умом, который, не распознав должным образом другого, привлекает его как друга своего, – у того дело гибнет.

Именно такого рода дело мое совершено людьми, притязающими быть моими друзьями и действующими изворотливыми приемами так и сяк, тогда как сам я в ослеплении жаден и греховен! Увы, убит Джаядратха, а также сын Сомадатты могучий, равным образом абхишахи, шурасены, шиби и васати. И сам я отправлюсь сегодня туда, куда (уже переселились) те быки среди людей, убитые Носящим диадему, когда ради меня сражались в битве! Ведь без тех быков среди людей нет для меня смысла в жизни! Ты – наставник сыновей Панду, дай нам на это свое дозволение!

Так гласит глава сто двадцать пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 126

Дхритараштра сказал:
После того как правитель Синдху был убит в сражении Савьясачином, о сын мой, и после того как пал также Бхуришравас, каким было тогда состояние ваших мыслей? Также и Дрона

после таких слов, сказанных ему Дурьйодханой в присутствии кауравов, что сказал он ему вслед за этик? О том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Громкий, прискорбный вопль поднялся среди твоих войск, о потомок Бхараты, при виде убитых правителя Синдху, а также Бхуришраваса. Они пренебрегли всеми советами твоего сына, советами, благодаря которым были убиты сотнями быки среди кшатриев. Что же касается Дроны, то он, услышав те слова сына твоего, встревожился душою. Но, подумав с минуту, он промолвил, сильно удрученный: «О Дурьйодхана, зачем ты так уязвляешь меня стрелами своих слов? Я ведь постоянно говорил тебе, что Савьясачин не может быть побежден в бою! Вполне достаточно о Каурава, узнать о (доблести) Арджуны в сражении по тому именно подвигу, когда охраняемый Носящим диадему Шикхандин убил Бхишму!

Увидев (Бхишму), непобедимого людьми и богами, убитым в сражении, я уже тогда узнал, что это войско бхаратийское не существует более, После того как был сражен тот герой, которого среди мужей в трех мирах мы считали самым выдающимся из всех героев, на кого же из оставшихся здесь мы должны опереться?

Те кости, о сын мой, которыми прежде играл Шакуни в собрании кауравов, не были игральные кости, а то были острые стрелы, способные убивать врагов! Именно те стрелы, о сын мой, посылаемые Джаей, теперь убивают нас! Хотя Видурой были они уже тогда определены такими, ты все еще не понимаешь (этого). Также и те слова, когда их говорил мудрый и благородный Видура с плачем в голосе, тех слов благих, ведущих к миру, ты не слушал тогда!

И то страшное бедствие, (о котором предрекал он), теперь наступило! То лютое побоище происходит из-за тебя, вследствие твоего пренебрежения теми словами Видуры! И это великое зло, что овладело тобою, о сын Гандхари, есть результат того греховного поступка твоего, когда тына наших глазах привел в собрание (кауравов) Кришну, не заслуживавшую такого обращения, рожденную в высоком роду и соблюдающую все нравственные свои обязанности! Если же нет здесь (по-твоему) особого греха, то в другом мире ты обретешь гораздо более страшные его последствия!

Победив пандавов в игре в кости нечестным путем, ты отправил их тогда в лес в изгнание, облаченных в антилоповые шкуры! Кто же в таком случае другой из людей, кроме меня, называющий себя брахманом, пытался бы вредить им, всегда соблюдающим свой нравственный долг и близким мне, как родные сыновья?

Этот гнев пандавов был вызван в собрании кауравов тобою вместе с Шакуни, с одобрения Дхритараштры! И подогреваемый Духшасаной, тот гнев был затем сильно раздут Карной. Пренебрегая словами Кшаттри, ты снова и снова раздувал его сам! Преодолев (сопротивление) отовсюду, все вы окружили сына Арджуны, опираясь на царя страны Синдху! Но каким же образом он мог быть убит среди вас? Каким образом, когда здравствуешь ты и Карна, Крипа и Шалья, и Ашваттхаман, о Кауравья, пришел к своей гибели правитель Синдху?

Все цари со стороны вашей проявляли неистовую свою мощь, чтобы защитить царя Синдху. Так почему же тогда он был убит среди вас? Ведь полагаясь на меня особенно и на тебя, о Дурьйодхана, тот властитель земли надеялся на избавление от АрджуныЕ Однако раз он не получил возможности избавиться от Пхальгуны, я не вижу никакого средства для сохранения своей собственной жизни! Пока я не убил панчалов вместе с тем Шикхандином, я чувствую себя словно погружающимся в (трясину) обид, (перенесенных) от Дхриштадьюмны!

Не оказавшись в состоянии вызволить царя страны Синдху, о потомок Бхараты, так зачем же ты уязвляешь меня стрелами своих слов, когда я сам тоже терзаюсь печалью? Не видя более в сражении золотого знамени Бхишмы, верного своей цели и неутомимого в своих деяниях, как тм можешь надеяться на победу? Когда убит среди могучих воинов на колесницах правитель Синдху, а равно убит и Бхуришравас, какой, ты думаешь, будет тогда конец? Крипа тоже ведь трудноодолим, если здравствует еще, о царь! Он не последовал по пути царя страны Синдху. Я высоко чту его за это! Когда я увидел самого Бхишму, совершавшего трудновыполнимые подвиги (в бою), того воина, которого не в состоянии были победить, в сражении даже сами боги с Васавой во главе, сраженного на глазах у тебя, о Кауравья, а также младшего твоего брата Духшасаны, я подумал тогда, о царь, что Земля покинула тебя! Вот войска пандавов и сринджаев, о потомок Бхараты, объединившись вместе, теперь обрушиваются против: меня, о достойнейший! Не убив всех панчалов, я не сниму своих доспехов. Я совершу для тебя, о сын Дхритараштры, благое дело в сражении!

О царь, (отправляйся) и скажи моему сыну Ашваттхаману, пребывающему в сражении, что он не должен допустить сомакам вызволиться, даже рискуя своей жизнью! (Ты должен также сказать ему): «Соблюдай все наставления, которые ты получил от своего отца! Будь стоек в милосердии, самообуздании, правде и чистосердечии! Искушенный в вопросах закона, пользы и любви, ты должен, не нарушая закона и пользы, постоянно исполнять такие дела, где главным выступает закон! Брахманы должны быть всегда ублажаемы на глазах у всех и мысленно и должны, в меру сил твоих, чтиться тобою. И не должен ты никогда делать им ничего неприятного! Ибо они подобны пламени огня!»

А что до меня, то я проникну во вражеские ряды, о сокрушитель врагов, ради великой битвы, о царь, уязвленный стрелами твоих слов! Если можешь, о Дурьйодхана, (отправляйся) и поддержи то войско (наше)! Ведь кауравы и сринджайи разгневаны и будут сражаться даже ночью!» Сказав так, Дрона тогда двинулся против пандавов и сринджаев, затмевая (своей мощью) блистательную мощь кшатриев, подобно тому как солнце затмевает свет звезд.

Так гласит глава сто двадцать шестая в Дронапарве великой Махабхарате.

Глава 127

Санджая сказал:
Так побуждаемый Дроной, царь Дурьйодхана, подпав под власть гнева, обратил тогда свои мысли к битве. И сказал твой сын Дурьйодхана затем Карне: «Смотри, носящим диадему Пандавой, имеющим своим единственным спутником Кришну, прорван боевой строй, установленный наставником, строй, не проницаемый даже богами, и на глазах у тебя, усердно сражавшегося, и благородного Дроны, а также (многих других) главнейших воинов повержен правитель Синдху! Смотри, о сын Радхи, многие выдающиеся цари лежат на земле, убитые Партхой, как мелкие животные, убитые львом! В то время как сам я с рвением прилагал усилия в сражении, сыном Шакры мое войско было низведено до незначительного остатка. Каким же образом, в самом деле, смог бы Пхальгуна, вопреки желанию Дроны, занятого в битве, прорвать непроницаемый боевой строй, хотя бы даже прилагая большие усилия в сражении?

Ведь правда, Пхальгуна неизменно мил благородному наставнику! Поэтому-то Дрона и предоставил ему доступ (в свой строй), не вступил с ним в битву, о усмиритель врагов! Посмотри на мое злосчастие! Дав сначала обещание безопасности в сражении правителю Синдху, Дрона, усмиритель врагов, предоставил затем Носящему диадему доступ (в свой боевой строй)! Если бы я еще раньше дал дозволение царю Синдху возвратиться домой, то не случилось бы никогда в сражении такого (страшного) побоища людей! Увы, Джаядратха ради

сохранения своей жизни намеревался возвратиться домой! Получив от Дроны обещание безопасности в сражении, он был, однако, удержан мною, недостойным! Увы, сегодня братья мои – Читрасена и другие погибли в бою, столкнувшись с Бхимасе-ной, на глазах у нас, злонравных!»

Карна сказал:
Не порицай наставника! Тот дваждырожденный сражается в меру своих сил! Я считаю, что пандавы не могут быть побеждены в бою Дроной, хотя он и хорошо сведущ во владении оружием! Ибо превозмогши его таким образом, (Арджуна), мчащийся на белых конях проник (в наш боевой строй). То, что предопределено судьбою, я полагаю, никогда не бывает иначе. И потому, о Дурьйодхана, что хотя мы и сражались из крайних наших сил, а правитель Синдху все же был убит, о царь, судьба тут представляется наивысшей!

Меж тем как вместе с тобою мы все прилагаем? крайние старания на поле брани, судьба, однако, расстраивая наши мужественные усилия, обходит нас! И при этом мы всегда старались (действовать против пандавов) обманом и отвагой! Всякое дело, которое где бы ни делал человек, обиженный судьбой, – оно всякий раз, будучи исполнено, расстраивается у него судьбою. То, однако, что должно быть сделано человеком добродетельным, проявляющим упорство, то должно быть, сделано без колебаний. Успех же зависит от судьбы!

Посредством обмана партхи были крайне унижены, а также и применением яда, о потемок Бхараты! Были они также сожжены в смоляномт доме, были они побеждены и в игре в кости. И в соответствии с предписаниями государственной политики, они были затем изгнаны в леса. И все это, что было совершено тобою с применением усилий, опрокинуто судьбою! Сражайся с предельным усилием, избрав смерть вместо отступления?

Меж тем как ты и они прилагаете крайние старания, даже судьба можег благоприятствовать одной из сторон, (превосходящей другую). Никогда не замечалось у пандавов, чтобы (какое-нибудь) благое дело было предпринято благодаря рассудительному уму. Ни также у тебя, о герой, (мы не наблюдаем) что-либо дурное, сделанное из-за отсутствия ума, о продолжатель рода Куру! Судьба является мерилом всего, что сделано благого-или иного!

Ибо судьба, неизменно устремленная к своей собственной цели, бодрствует, когда все еще спят! Обширны твои войска и многочисленны также воины твои. Но совсем не так (обстоит дело) у сынов Панду. Именно при таких (неравных) условиях началась битва. Их небольшими силами вы, более многочисленные и способные сильнее разить воины, приведены в состояние значительного истощения (своих рядов). Я опасаюсь, что это дело судьбы, которою расстроены наши мужественные усилия!

Санджая сказал:
Меж тем как они так беседовали много о том и о сем, о повелитель людей, войска пандавов показались в сражении. И тогда разыгралась (свирепая) битва между твоими и их воинами, в которой колесницы и слоны сталкивались вместе друг с другом, – и все это, о царь, благодаря твоей пагубной политике!

Так гласит глава сто двадцать седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 128

Санджая сказал:
То войско твое, состоящее из множества возбужденных слонов и коней, о повелитель людей, ринувшись против войска пандавов, сражалось повсюду. Приготовившиеся отправиться в

иной мир, панчалы и кауравы -сражались друг с другрм ради доступа в обширные области Ямы. Герои, сшибаясь с героями в сражении, пронзали друг друга стрелами, пиками и дротиками и быстро отправляли один другого в обиталище Ямы.

Страшной и кровопролитной была великая битва, которая происходила между воинами, сражающимися на колесницах, и воинами же на колесницах, жестоко разившими друг друга. Неистовые от возбуждения и разъяренные слоны, о великий царь, сталкиваясь друг с другом, рвали один друг гого своими клыками. Всадники, домогающиеся великой славы, пронзали м рубили всадников в той яростной схватке копьями, дротиками и секит рами. Пехотинцы тоже, о могучерукий, сотнями, с оружием в руках жестоко разили друг друга, о царь, неустанно ревностные в своей отваге. И (все настолько смешалось), что мы могли различать панчалов и кауравов друг от друга, только когда слышали, как их называли по их происхождению, роду и собственным именем, о достойнейший!

Воины при помощи стрел, дротиков и секир отправляли друг друга; в иной мир, бесстрашно рыская в сражении. И от их стрел, выпущенных тысячами, о царь, десять стран света не озарялись более, как раньше после захода солнца. И в то время как пандавы сражались так, Дурьйодхана, о великий царь, бесстрашно проник в их войско. Преисполненный сильным горем из-за убийства правителя Синдху, решив «пусть погибну», он проник во вражеское войско. Оглашая землю грохотом колесниц, как бы сотрясая ее, сыновья твои подступили к войску пандавов.

Ужасным было то столкновение между ним и последними, о потомок Бхараты, обратившееся в сокрушительное великое побоище воинов. Как полуденное солнце опаляет все своими лучами, так и сын твой среди (вражеского войска) опалял всех потоками своих стрел. И не в состоянии были пандавы в пылу битвы даже взглянуть на того отпрыска из рода Бхараты! Отчаявшиеся в победе над врагами, они приняли решение обратиться в бегство (с поля). Убиваемые твоим сыном благородным, вооруженным луком, при под мощи стрел с золотым оперением и сверкающими остриями, панчалы разбежались во все стороны. Терзаемые стрелами, воины пандавов стали быстро падать (на землю). И в самом деле, твои воины никогда не совершали такого подвига в сражении, какой совершил тогда твой царственный сын, о владыка народов! То войско пандавов было измотано и побито твоим сыном в сражении, как лотосовое поле с распустившимися цветами вытаптывается со всех сторон слоном. Как лотосовый пруд теряет свою красоту, когда вода в нем иссушена ветром иль солнцем, таким точно стало войско пандавов от сокрушительной мощи твоего сына.

Увидев войско пандавов, сокрушенное твоим сыном, о потомок Бхараты, панчалы, предводительствуемые Бхимасеной, ринулись на него. Пронзив тогда Бхимасену десятью стрелами и сыновей Мадри тремя стрелами каждого, Вирату и Друпаду–каждого шестью, а сотнею – Шикхандина, Дхриш-тадьюмну – семьюдесятью и сына Дхармы – семью, а кекаев и чедиев – многочисленными острыми стрелами, пронзив затем Сатвату пятью стрелами и (пятерых) сынов Драупади тремя стрелами каждбго, пронзив также и Гхатоткачу в пылу сражения (несколько раз), он издал львиноподобный клич. Сотнями он иссекал и других воинов вместе со слонами, конями и колесницами в той битве своими лютыми стрелами,, будто это сам Разрушитель истреблял в гневе существа.

Меж тем как Дурьйодхана сокрушал так своих врагов, его могучий лук с золотой тыльной частью старший сын Панду рассек на три части двумя стрелами с серповидным острием, о достойнейший! И он пронзил его самого десятью острыми стрелами, пущенными с большой силой. И пронзив насквозь жизненно важные места (в теле его), все они, рассеявшись (в разные стороны), вошли в землю. Тогда воины (пандавов), обрадованные, окружили Юдхиштхиру, подобно тому как (некогда) боги окружили Пурандару ради убиения Вритры.

Тут царь Юдхиштхира, о достойнейший, послал в твоего сына в пылу сражения ничем не отразимун> стрелу. И глубоко пронзенный ею, тот присел на превосходнейшей своей колеснице. И тогда среди ликующих войск панчалов поднялся, о царь царей, громкий, пронзительный крик со всех сторон: «Убит царь!» Грозные возгласы, сливающиеся со свистом стрел, также были слышны там, о достойнейший! Затем быстро показался там Дрона в сражении том.

Тем временем и Дурьйодхана тоже, воспрянувший, крепко схватил свой лук. И выкрикивая царю «Стой, остановись!», он ринулся на Пандаву. Тогда и панчалы, жаждущие схватить царя, тоже поспешно двинулись против него. Однако, желая вызволить его, лучшего из рода Куру, Дрона перехватил их и стал уничтожать всех, подобно тому как ярколучистое солнце рассеивает облака, поднимаемые сильнопорывистым ветром. И затем, о царь, произошла лютая, безмерно истребительная битва между твоими и вражескими (воинами), сошедшимися (друг с другом) с желанием сразиться.

Так гласит глава сто двадцать восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 129

Дхритараштра сказал:
Когда преисполненный огромной силы, наставник Дрона, сказав достойно моему сыну Дурьйодхане, всегда пренебрегающему моими приказаниями, проник, разгневанный, в ряды пандавов и когда герой тот, проникнув туда, упорно рыскал по полю брани, каким образом пандавы остановили того могучего лучника? Кто охранял правое колесо колесницы благородного наставника? И кто охранял его левое колесо, когда он сокрушал врагов в той битве? Каким образом он, лучший из всех носящих оружие, приплясывая во время движения колесницы, словно яростный огонь, нашел свою смерть?

Санджая сказал:
Убив вечером правителя Синдху, Партха, встретившись затем с царем Юдхиштхирой, и могучий лучник Сатьяки двинулись оба навстречу Дроне. Затем и Юдхиштхира и Бхимасена, сын Панду, каждый с отдельным подразделением войска, тоже двинулись против Дроны. Также и мудрый Накула и Сахадева неодолимый, Дхриштадьюмна и Шатаника, и Вирата с кекаями, а также и матсьи с войском шальвеев выступили против Дроны в битве.

Равным образом и царь Друпада, отец Дхриштадьюмны, охраняемый панчалами, выступил, о царь, против Дрова. Также и сыновья Драупади, могучие лучники, и ракшас Гхатоткача в сопровождении своих войск двинулись против Дроны, сияющего ослепительным блеском. Также прабхадраки и панчалы–шесть тысяч искусно разящих ратников выступили против Дроны, выставив впереди себя Шикхандина. Также и другие мужи-тигры и могучие воины на колесницах среди (войск) пандавов, объединившись вместе, выступила против Дроны, того быка среди дваждырожденных.

Когда герои те отправились на битву, о бык из рода Бхараты, ночь наступила страшная, увеличивающая ужас у робких. И та грозная, ужасная ночь, о царь, привела тогда к гибели многих воинов, а также причиняла гибельный конец (множеству) слонов, коней и пехотинцев. В ту страшную ночь воющие со всех сторон шакалы внушали великий страх своей сверкающей разверстой пастью. Показывались также совы, особенно над войском кауравов, предвещая своим крикои великую и самую грозную опасность. Потом, о царь царей, среди войск поднялся громкий шум.

От сильного грохота и треска барабанов – больших и малых, от рева слонов и ржания коней, от резкого стука копыт тот неистовый гул распространился повсюду. Тогда, в тот вечерний час, весьма ужасной была битва, которая произошла между Дроной, о великий царь, и всеми сринджаями. В то время как мир был окутан темнотою, ничего нельзя было различить. И пря этом небосвод был покрыт пылью, поднятой со всех сторон войском. Кровь человека, коня и слона смешалась вместе. Мы уже не видели больше шиш, поднимавшейся от земли, все мы были охвачены мрачным унынием.

В течение ночи, словно шум от горящего тростникового леса на горе, а раздавался страшный гул от обрушивающихся ударов, наносимых оружием. Когда поле битвы было окутано мраком, свои и чужие, о царь, не различались друг от друга. Все вокруг было словно одержимо в ту ночь. Пыль, поднявшаяся с земли, о царь царей, была вскоре успокоена потоками крови. И из-за золотых панцирей и сверкающих украшений мрак был рассеян.

И тогда войско бхаратийское, украшенное драгоценными камнями и золотом, выглядело подобно небосводу в ночи, усеянному звездами, о бык из рода Бхараты! Грозное, изобилующее дротиками и знаменами, оно оглашалось воем шакалов и карканьем ворон, боевыми кликами и возгласами (воинов), а также их криками ужаса. От этого возник страшный, неистовый шум, заставляющий подниматься от содроганья волоски на теле. Он наполнил собою все страны света, как раскаты грома могучего Индры. Глубокой ночью, о великий царь, то войско бхаратов казалось озаряемым браслетами ангада, серьгами, украшениями из золотых монет и оружием воинов.

Там слоны и колесницы, украшенные золотом, выглядели ночью подобно облакам, пронизанным молнией. Мечи, дротики и булавы, стрелы и палицы, копья и пики с серповидным острием, падая, выглядели точно-ослепительные вспышки огня. В том (буреподобном войске) Дурьйодхана! был порывом ветра, дующим спереди. Колесницы и слоны составляли там; облака. Громкий шум (барабанов и других) музыкальных инструментов заменял в нем раскаты грома. А луки в нем, осененном знаменами, служила вспышками молний. Дрона и Пандава заменяли там дождевые облака. Мечи, дротики и булавы служили там громовыми стрелами. Стрелы же в нем составляли ливни, а оружие (другого рода) – непрестанные порывы ветра. И ветры, дующие там, были и очень жаркими и очень холодными. Страшное, поразительное и свирепое, (войско) то было губительным для жизни. И не было никакого убежища от него.

И в то весьма грозное войско проникли воины, жаждущие битвы, проникли той страшной ночью, оглашаемой ужасным шумом, вызывающей страх у робких и увеличивающей радость героев. И тогда как происходила та свирепая и ужаснейшая ночная битва, пандавы и сринджайи, объединившись вместе, ринулись в гневе против Дроны. Однако тех, о царь, кто двинулся прямо, против благородного (Дроны), он заставил обратиться вспять, а некоторых отправил в обиталище Ямы.

Так гласит глава сто двадцать девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 130

Дхритараштра сказал:
Когда неодолимый (Дрона), с мощью неизмеримой, неспособный перенести (убиения Джаядратхи), проник, сильно разгневанный, в ряды сринджаев, каким было тогда состояние ваших мыслей? Когда тот герой с душой неизмеримой, сказав так моему сыну Дурьйодхане, всегда пренебрегающему моими приказаниями, проник (во вражеский строй), что предпринял Партха? Когда после убиения доблестного правителя Синдху и Бхуришраваса тот непо-

бедимый воин, наделенный великой мощью, выступил против панчалов и когда тот усмиритель врагов проник в их ряды, что подумал неприступный (Арджуна)?

И что также подумал Дурьйодхана относительно наиболее подходящих мер, какие следует предпринять? И кто были те, которые последовали за тем предоставляющим выбор героем, первейшим из дваждырожденных? Кто были те герои, которые стояли позади того героя, когда он был занят в сражении? И кто сражался впереди него, когда он сокрушал врагов в битве?

Я полагаю, что все пандавы, теснимые стрелами сына Бхарадваджи, были подобны тощему скоту, дрожащему во время зимних холодов, о могущественный! Проникнув в ряды панчалов, каким же образом тот могучий лучник, сокрушающий врагов, тот тигр среди людей пришел к своей гибели? Когда той ночью все войска, объединенные вместе, и все могучие воины на колесницах, тоже сплотившиеся, были поодиночке изматываемы (Дроной), кто среди вас тогда был из тех, которые отличались мудростью? Ты говоришь, что мои воины были убиты или скучены вместе, или были побеждены и что воины мои, сражающиеся на колесницах, были лишены своих колесниц в тех сражениях. Каким образом там можно было обнаружить той ночью различие между этими партхами, не обращающимися вспять, и кауравами, о Санджая!

Санджая сказал:
Меж тем как происходила, о царь, та свирепая ночная битва, пандавы вместе со сринджаями ринулись той ночью против Дроны. Тогда Дрона своими быстролетными стрелами отправил всех кекаев и сыновей Дхриштадьюмны в мир усопших. И в самом деле, тех могучих воинов на колесницах, о царь, которые двинулись прямо против Дроны, всех он отправил в мир иной, о потомок Бхараты!

Тогда доблестный Шиби, преисполненный гнева, о царь, устремился против того могучего воина на колеснице,, храбрейшего сына Бхарадваджи, так сокрушавшего (вражеских воинов).. Увидев могучего воина на колеснице из строя пандавов, обрушивающегося на него, Дрона пронзил его десятью стрелами, целиком сделанными из железа. Шиби, однако, пронзил его в ответ тридцатью острыми стрелами. И, улыбаясь при этом, он стрелою с серповидным острием также поверг его возницу. Дрона тогда, убив коней благородного (Шиби), а также возницу его, снес ему голову с туловища вместе с головным убором.

Сын правителя Калинги вместе с войском калингов обрушился в том сражении на Бхимасену, разгневанный на него за убийство своего отца, (совершенное им прежде). Пронзив Бхиму пятью стрелами, он снова пронзил его семью. Затем он поразил Вишоку (возницу Бхимы) тремя стрелами и знамя последнего – одной стрелою. Но того разгневанного-героя преисполненный ярости Врикодара, спрыгнув со своей колесницы? на колесницу (своего врага), ударил только лишь своим кулаком. И все-кости того (царевича), убитого могучим Пандавой одним только ударом кулака, мгновенно упали (на землю), отделившись одна от другой.

Такого поступка его не могли перенести Карна и братья (убитого царевича), равно и (другие) могучие воины на колесницах. И все они принялись разить Бхимасену длинными стрелами, напоминающими ядовитых змеи. Оставив тогда колесницу врага, (на которой он стоял), Бхима направился к колеснице Дхрувы, и ударом кулака сокрушил он Дхруву, непрестанно метавшего в него (стрелы).

И сшибленный так могучим сыном Панду, тот рухнул (наземь). Убив его, о великий царь, Бхимасена, наделенный огромной силой, настигнул колесницу Джаяраты вв и начал поминутно испускать рев, подобно льву. Вытащив затем Джаярату своею левой рукою и продол-

жая в то же время издавать рык, он убил его шлепком ладони, как раз когда тот стоял перед самим Карной.

Тут Карна метнул в Пандаву дротик, украшенный золотом. Сын Панду, однако, перехватил его (рукою), улыбаясь в то же время. И неприступный Врикодара метнул тот самый дротик обратно в Карну. Но тут Шакуни рассек его в воздухе мечом, впитавшим в себе масло. Тогда сыновья твои, о царь, ринулись к колеснице Бхимы, покрывая Врикодару густым ливнем стрел. Однако Бхима, улыбаясь слегка, отправил в пылу сражения своими стрелами возницу и коней Дурмады в обиталище Ямы. Дурмада же при этом (быстро) вскочил на колесницу Дущкарны.

Тогда те оба брата, усмирители врагов, мчась на одной и той же колеснице, обрушились на Бхиму посреди головного участка сражения, подобно тому как владыка вод и Митра устремлялись на Тараку, превосходнейшего из дайтьев. Тут оба твоих сына Дурмада и Душкарна, стоя на одной и той же колеснице, пронзили Бхиму своими стрелами. И тогда на глазах у самого Карны, сына Дроны и Дурьйодханы, Крипы, Сомадатты и Бахлики Пандава, усмиритель врагов, ударом своей ноги вдавил ту колесницу отважного Дурмады и Душкарны в землю. Преисполненный ярости, он ударил затем своим кулаком могучих и храбрых твоих сынов Дурмаду и Душкарну и раздавил их ногою.

Тогда среди войска раздались горестные восклицания «Аи! Ой!» И цари, увидев Бхиму, говорили: «Это сам Рудра в облике Бхимы алчно рыщет среди сынов Дхритараштры!» Говоря так, все цари пустились в бегство, о потомок Бхараты, теряя рассудок и усердно погоняя своих верховых животных. И не было (видно), чтобы они убегали по двое вместе.

И вот, когда войско (кауравов) той ночью было сильно потревожено, могучий, исполненный силы Врикодара, с глазами, подобными широко распустившемуся лотосу, горячо приветствуемый многими быками среди царей, (отправившись) к Юдхиштхире, почтил царя. Тогда оба близнеца, Друпада и Вирата, кекайи, а также Юдхиштхира испытали великую радость.

И все они оказали ему высокие почести, подобно тому как боги почтили Хару (Махадеву), после того как был убит Андхака. А тем временем сыновья твои, подобные отпрыскам Варуны, преисполненные ярости, в сопровождении благородного наставника и множества колесниц, пехотинцев и слонов, плотно окружили Врикодару со всех сторон, желая сразиться. И тогда в ту грозную ночь, когда все было окутано мраком, густым как облако, произошла необычайная битва, о лучший из царей, наистрашнейшая и наводящая ужас, между благородными (воинами), радующая ворон, волков и стервятников.

Так гласит глава сто тридцатая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 131

Санджая сказал:
После того как сын его (Бхуришравас) был убит Сатьяки, в то время как тот сидел, приготовившись умереть согласно обету прая, Сомадатта, сильно разгневанный, сказал Сатьяки такие слова: «Как же, о Сатвата, оставив закон кшатриев, некогда предусмотренный великими духом богами, ты предаешься образу действий разбойников? Как мог бы тот, кто предан долгу кшатриев и наделен мудростью, нанести удар в сражении человеку, отвратившемуся от битвы, или сильно удрученному, или положившему оружие, или просящему пощады? Только двое, в самом деле, там среди вришниев слывут могучими воинами, сражающимися на колесницах, – это Прадьюмна могучерукий и также ты, о Сатвата!

Так почему же тогда ты поступил столь жестоко и нечестиво по отношению к тому, кто уселся, чтобы умереть согласно обету прая и чья рука была отрублена Партхой? Я клянусь, о Сатвата, моими обоими сыновьями, тем, что желанно для меня, и всеми моими благодеяниями, что если до того, пока еще не прошла эта ночь, я не убью тебя, кичащегося своим геройством, вместе с твоими сыновьями и младшими братьями, при условии, что ты не будешь охраняем Джшпну, сыном Притхи, то пусть тогда я низвергнусь в страшный ад, о позорящий род Вришни!» Сказав так, могучий Сомадатта, сильно разгневанный, затрубил громко в свою раковину и издал львиный клич.

Тогда Сатвата с глазами, подобными лепесткам лотоса, и с зубами как 9~№ у льва, наделенный могучей силой и преисполненный сильного гнева, промолвил Сомадатте: «Твой доблестный сын Бхуришравас, могучий воин на колеснице, убит! Также и Шала, о царь, терзавшийся гибель»* своего брата! И тебя тоже я убью сегодня вместе с твоими сыновьями, родственниками и животными. Стой же теперь решительно в сражении, особенно когда ты – Каурава! Ты убит уже давно скрытой мощью царя Юдхиштхиры, на чьем знамени – изображение барабана, царя, в котором постоянно пребывают щедрость, смирение, чистота (внешняя и внутренняя) и воздержание от причинения зла, скромность, самообладание ш прощение и все то, что нерушимо!

Ты придешь к своей гибели в сражении вместе с Карной и сыном Субалы! Я клянусь стопами обоих Кришн и всеми моими благодеяниями желанными, что если, разгневанный, я не убью тебя, злостного, вместе с сыновьями в битве и если ты убежишь покинув (поле брани), тогда ты сможешь еще избавиться невредимым!» Обратившись так друг к другу, с глазами, покрасневшими от гнева, оба они, превосходнейшие из людей, начали метать стрелы один в другого.

Тогда с тысячей слонов и десятью тысячами колесниц Дурьйодхана, окружив Сомадатту, расположился там строем. Так же (сделал) и Шакуни, лучший из носящих оружие, сильно разгневанный, окруженный сыновьями и внуками, а также братьями, в отваге равными самому Индре. И тот твой шурин могучерукий, юный годами, с телосложением крепким; подобным громовой стреле, и наделенный мудростью, и у которого было целых сто тысяч коней, – охранял со всех сторон могучего лучника Сомадатту. И защищаемый теми могучими (воинами), Сомадатта покрыл Сатьяки (тучею стрел).

Увидев его, так покрываемого прямыми стрелами, Дхриштадьюмна, разгневанный, двинулся (на выручку) к нему в сопровождении мощного войска. И шум, о царь, поднявшийся там от множества войск, наносящих удары одно другому, напоминал громкий гул многих океанов, всколебленных яростным ветром.

И тогда Сомадатта пронзил Сатвату девятью стрелами. А Сатьяки в ответ ударил того быка из рода Куру десятью стрелами. Глубоко пронзенный тем могучим и твердым лучником, Сомадатта опустился на площадку колесницы и, лишившись чувств, впал в обморочное состояние. Видя его, лишившегося чувств, возница его с большой быстротою вывез из сражения доблестного Сомадатту, того могучего воина, сражающегося на колеснице.

Заметив, что Сомадатта, мучимый стрелами Ююдханы, лишился чувств, сын Дроны, преисполненный гнева, ринулся против Сатваты на головном участке сражения. При виде его, устремляющегося против колесницы внука Шини, сын Бхимасены (ракшас Гхатоткача), воспаленный гневом, сдержал того врага, стоя на громадной, страшной колеснице, сделанной из черного железа и покрытой медвежьей шкурой, запряженной не конями и не слонами, а существами, подобными слонам. Она была осенена устремленным ввысь сверкающим знаменем с изображением восьми колес, на котором восседал царь стервятников с широко раскры-

тыми глазами и пронзительно кричащий. Она была уставлена кроваво-красными флажками и украшена гирляндами из внутренностей (различных животных).

И та огромная колесница была снабжена восемью колесами. И стоящий на ней (Гхатоткача) был окружен целым акшаухини войска страшных видом ракщасов, вооруженных пиками и тяжелыми булавами и с глыбами скал и деревьями в руках. При виде его с поднятым огромным луком, словно это был сам Разрушитель с булавою в руке во время гибели мира, цари проникнулись страхом.

Мучимое страхом, войско сына твоего пришло в сильное волнение, словно бурное течение Ганги, взыгравшееся водоворотами под действием ветра. Перепуганные львиным рыком, издаваемым Гхатоткачей, слоны начали испускать мочу, а цари стали сильно трепетать. Тогда обрушился там со всех сторон на землю густой ливень камней, исторгаемый ракша-сами, ставшими более сильными во время сумерек. Железные колеса, бхушунди, дротики, пики и копья, шатагхни и пики с серповидным острием непрерывно падали там. При виде той свирепой и ужаснейшей битвы цари, сыновья твои и Карна, сильно обеспокоенные, разбежались во все стороны.

Только один надменный сын Дроны, всегда восхваляющий силу оружия, не дрогнул. И он своими стрелами развеял иллюзию, созданную Гхатоткачей. Когда же была разрушена иллюзия его, Гхатоткача в неистовстве выпустил страшные стрелы (в своего противника). И они вошли в Ащваттхамана, подобно тому как охваченные гневом змеи быстро проникают в муравейник. И те стрелы, остро отточенные на камне, пронзив насквозь сына дочери Шарадвана (Крипи), быстро вошли в землю, обагренные кровью.

Однако Ашваттхаман, отличающийся большой ловкостью рук и доблестью, преисполненный гнева, пронзил разгневанного Гхатоткачу десятью стрелами. Гхатоткача же, глубоко пронзенный в жизненно важные места сыном Дроны, испытывая сильную боль, схватил колесо, имевшее сто тысяч спиц. Края его были острыми, как бритва, и само оно обладало блеском утреннего солнца. И было оно украшено драгоценными камнями и алмазами. И желая убить своего противника, сын Бхимасены швырнул то колесо в Ашваттхамана.

И в то время как оно с большой быстротою устремлялось (к своей цели), сыном Дроны оно было раскрошено (на мелкие кусочки) при помощи его стрел. И оно рухнуло на землю, оказавшись напрасным (в своем применении), подобно надежде, взлелеянной человеком обездоленным. Увидев колесо свое сокрушенным, Гхатоткача тогда быстро окутал сына Дроны своими стрелами, словно сверкающий блеском (Раху) (проглотил) Солнце.

Тем временем блистательный сын Гхатоткачи, подобный массе растер той глазной мази, воспрепятствовал подступающему сыну Дроны, подобно тому как царь гор (Меру) преграждает (путь) ветра. Мучимый стрелами внука Бхимасены – Анджанапарвана, он выглядел подобно горе Меру, терзаемой дождевыми потоками, (низвергающимися) из облака. Однако Ашваттхаман, в доблести равный Рудре, или Упендре, или Индре, не дрогнул и срезал одной стрелою знамя Анджанапарвана. Двумя же другими он сразил возницу его колесницы, а тремя другими (срубил) его тройное бамбуковое дышло. Затем одной стрелою он рассек лук его, а четырьмя другими – четырех его коней. Лишенный колесницы, Анджанапарван занес свой меч. Но другой очень острой стрелою

Ашваттхаман рассек надвое тот меч, усеянный золотыми пятнышками, в руке его. Тут внук Хидимбы, о царь, закружив украшенною золотыми браслетами палицей, быстро метнул ее в Ашваттхамана. Однако сбитая стрелами сыном Дроны, она упала на землю.

Взмыв тогда в небо, Анджанапарван стал испускать рев, подобно тому, как гремит грозовое облако. И с небосвода он дождил ливни деревьев (на своего врага). Но как солнце пронизывает гущу облаков своими лучами, так и сын Дроны стал тогда пронзать своими стрелами сына Гхатоткачи, удерживающего в себе силу иллюзии, в небосводе. Спустившись вниз, величавый Анджанапарван снова очутился на своей украшенной золотом колеснице, уподобляясь высокой горе.

И тут сын Дроны убил того сына отпрыска Бхимы – Анджанапарвана, облаченного в железные доспехи, подобно тому как Великий владыка (Махадева) убил (некогда асуру) Андхаку. И увидев своего могучего сына убитым Ашваттхаманом, (Гхатоткача), с браслетами ангада, дрожащими на нем под влиянием его гнева, подойдя к сыну Дроны, бесстрашно обратился к доблестному сыну дочери Шарадвана, сжигавшему (в то время) войско пандавов, точно яростный огонь – лес, с такими словами: «Стой, остановись, о сын Дроны! Ты не уйдешь от меня живым! Я убью тебя сегодня, подобно тому как сын Агни сокрушил (скалу) Краунчу».

Ашваттхаман сказал:
Ступай, о сын мой, и сразись с другими, о наделенный доблестью бессмертных! Не подобает, о сын Хидимбы, чтобы отец сражался с сыном. И право же, нет у меня никакого гнева на тебя, о сын Хидимбы! Однако же, когда человек охвачен гневом, он может убить даже самого себя!

Санджая сказал:
Услышав это, сын Бхимасены, проникнутый скорбью о сыне, с глазами, медно-красными от гнева, обратившись в сильном неистовстве к Ашваттхаману, промолвил: «Разве я труслив в сражении, о сын Дроны, подобно человеку простому? Действительно, я родился от Бхимы в прославленном роду кауравов! Я сын пандавов, никогда не отвращающихся в сражениях! Я – верховный царь ракшасов, равный Десятишейному (Раване) в мощи!

Стой, остановись, о сын Дроны! Ты не уйдешь от меня живым! Сегодня на поле брани я отобью у тебя охоту к битве!» Сказав так, могучий ракшас, с глазами, медно-красными от гнева, ринулся в ярости на сына Дроны, как лев – на царя слонов. И Гхатоткача принялся дождить в того быка среди воинов на колесницах – сына Дроны стрелами размером в ось колесницы, подобно тому как облако дождит своими ливнями.

Сын Дроны, однако, своими собственными стрелами рассеивал тот ливень стрел еще до того, как он мог достичь его. В то время казалось, что происходило другое сражение в воздушном пространстве между (сталкивающимися) стрелами, (как бы олицетворяющими собою воинов). Небосвод тогда в течение той ночи сиял блистательно огненными вспышками, причиненными столкновением оружия, словно он пестрел мириадами светлячков.

Заметив, что вызванная им иллюзия развеяна сыном Дроны, горделивым в сражении, Гхатоткача, снова сделавшись невидимым, создал еще иллюзию. Он принял вид огромной, очень высокой горы со (множеством) вершин, густо покрытых деревьями, и с источниками, откуда (непрерывно) исторгались потоки копий, дротиков, мечей и тяжелых палиц. Увидев ту гору, подобную скопищу глазной мази, с бесчисленными потоками оружия, падающими из нее, сын Дроны не пошевельнулся вовсе. И потом, улыбаясь слегка, он вызвал к действию оружие ваджра.

И та владычица гор, пораженная тем оружием, была быстро сокрушена. Тогда ракшас, обратившись в синее облако в небе, украшенное радугой, стал неистово покрывать сына Дроны в сражении том ливнями камней. Сын Дроны, однако, наилучший из знатоков оружия, нацелив оружие ваявья, уничтожил то синее облако, поднявшееся (на небосводе). Покрыв затем все

стороны света тучами своих стрел, сын Дроны, лучший из двуногих, убил сто тысяч воинов, сражавшихся на колесницах.

И он снова увидел Гхатоткачу, бесстрашно подступающего к нему на колеснице и с натянутым луком, в сопровождении многочисленных ракшасов, напоминающих львов или тигров и наделенных отвагой возбужденных слонов, – одних на спинах слонов, других на колесницах, а иных же верхом на конях. Сын Хидимбы был окружен своими спутниками с очень широкими ликами, крупными головами и претолстыми шеями: ракшасами пауластьями и ятудханами, злобными и свирепыми в отваге. Храбрые, они были вооружены различного рода оружием и украшены разнообразными панцирями. Наделенные могучею силой, с глазами, широко раскрытыми от гнева, они испускали страшный рев. И в сопровождении тех ракшасов, трудноодолимых в бою, (Гхатоткача выступил тогда в битве.

Увидев их, сын твой (Дурьйодхана) впал в глубокое уныние. И ему сын Дроны сказал: «Постой, о Дурьйодхана! Не следует тебе впадать в смятение! Стой сегодня в стороне вместе с этими храбрыми братьями и владыками земли, наделенными отвагою Индры! Я убью твоих недругов! И не будет у тебя поражения! Говорю тебе клятвенно правду! А тем временем ты успокой свое войско!»

Дурьйодхана сказал:
Я отнюдь не считаю удивительным то, (что говоришь ты), ибо сердце у тебя большое! И твоя преданность нам очень велика, о сын дочери Гаутамы!

Санджая сказал:
Сказав так Ашваттхаману, он тогда обратился к сыну Субалы и молвил: «Окруженный сотнею тысяч боевых колесниц, блистающих в сражении, и шестьюдесятью тысячами слонов, выступи против Дхананджайи! Также Карна и Врищасена, Крипа и Нила; северные племена и Крита-варман, Пурумитра и Шрутарпана, Духшасана и Никумбха, Кундабхедин и Урукрама; Пуранджая и Дридхаратха, Патакин и Хемапанкаджа, Шалья, Аруни и Индрасена, Санджая, Виджая и Джая; Камалакша, Пуру и Кратхин, Джаяварман и Сударшана– все они будут сопровождать тебя вместе с шестьюдесятью тысячами пехотинцев. Убей Бхиму я обоих близнецов и также царя справедливости, о дядя по матери, подобно тому как владыка богов убивает асуров! Моя надежда на победу зиждется на тебе! Уже истерзанные стрелами сына Дроны, тела их сильно изувечены. Убей, о дядя мой, сынов Кунти, как сын Паваки (Карттикея) убивает асуров!» После таких слов, сказанных твоим сыном, Саубала быстро двинулся вперед, страстно желая испепелить пандавов и желая, о царь, обрадовать сыновей твоих!

Тем временем битва, которая происходила той ночью на поле брани между сыном Дроны и ракшасом, стала весьма ужасной, как (некогда) сражение между Шакрой и Прахрадой. Тогда Гхатоткача, воспаленный гневом, ударил сына дочери Гаутамы в грудь десятью жестокими стрелами, подобными яду иль огню. Глубоко пронзенный теми стрелами, выпущенными сыном Бхимасены, он зашатался посредине своей колесницы, словно дерево, сотрясаемое ветром.

И снова Гхатоткача широко заостренной стрелою (ударил в него) и быстро рассек ярко сверкающий лук, находившийся в руках сына Дроны. Тогда, взяв другой, огромный лук, способный выдерживать большое напряжение, сын Дроны принялся дождить (в своего врага) острые стрелы, подобно тому как облако проливает потоки дождя. Затем сын дочери Шарадвана послал, о потомок Бха-раты, проносящиеся по небу и сокрушающие врагов стрелы с золотым оперением против несущихся по небу (вражеских) стрел.

И терзаемое стрелами, то полчище широкогрудых ракшасов выглядело как стадо возбужденных слонов, обеспокоенных львами. Изматывая своими стрелами тех ракшасов вместе с их конями, возницами и колесницами, могущественный (воитель) тот испепелял их, подобно тому как божественный Агни сжигает существа в конце юги.

Сжегши своими стрелами целое акшаухини войска ракшасов найрритов, Ашваттхаман сиял весьма блистательно, как некогда бог Махещвара на небе, после того как сжег город Трипуру. Подобно тому как сверкает ослепительный огонь, сжегши все существа в конце юги, так сиял блистательно сын Дроны, лучший из побеждающих, когда испепелил твоих врагов.

И в самом деле, среди тех тысяч царей и тех пандавов, о потомок Бхараты, никто, кроме доблестного Гхатоткачи, могучего владыки ракшасов, не был в состоянии даже взглянуть на сына Дроны в том сражении. И тогда ракшас, о лучший из рода Бхараты, с глазами, покрасневшими по краям от гнева, ударяя в ладони и кусая (нижнюю) губу, сказал, разъяренный, своему вознице: «Вези меня к сыну Дроны!»

И на страшной видом колеснице, осененной победоносным знаменем, тот Сокрушитель врагов снова двинулся против сына Дроны, чтобы сразиться с ним в поединке на колесницах. И вот преисполненный гнева, ракшас метнул в сына Дроны оружие ашани, снабженное восемью дисками, очень страшное, созданное самим Рудрой. Однако, соскочив со своей колесницы, сын Дроны, оставив на ней свой лук, схватил то оружие и метнул его обратно в самого Гхатоткачу.

А тот тем временем (быстро) выпрыгнул со своей колесницы. И то ужаснейшее оружие ашани, наделенное ослепительным блеском, превратив в пепел колесницу (ракшаса) вместе с конями, возницей и знаменем, вошло в землю, пробив ее глубоко. Увидев тот подвиг сына Дроны, – то, что он, соскочив (с колесницы), схватил страшное оружие, созданное самим Шанкарой, все существа восхвалили его.

Сын Бхимасены тогда, направляясь к колеснице Дхриштадьюмны, о царь, выпустил снова острые стрелы в могучую грудь сына Дроны. Дхриштадьюмна также бесстрашно метал в грудь сына Дроны стрелы – с золотым оперением и напоминающие ядовитых змей. Тогда сын Дроны выпустил в них обоих длинные стрелы – тысячами. Однако те оба героя (Гхатоткача и Дхриштадьюмна) своими стрелами, подобными пламени огня, уничтожили его стрелы.

И битва, происходившая там между теми обоими львами среди людей (с одной стороны) и сыном Дроны (с другой), стала в высшей степени свирепой и вызывала восторг у воинов, о бык из рода Бхараты! Тогда в сопровождении тысячи колесниц, трех сотен слонов и шести тысяч коней к тому месту прибыл Бхима. Однако добродетельный сын Дроны, неустанно свершающий подвиги, продолжал сражаться с ракшасом – сыном Бхимы и с Дхриштадьюмной вместе с его приверженцами. И там сын Дроны показывал чрезвычайно удивительную отвагу, какая не могла быть проявлена никем другим среди всех существ, о потомок Бхараты!

В одно лишь мгновение ока он уничтожил своими острыми стрелами целое акшаухини войска ракшасов вместе с конями, возницами, колесницами и слонами на глазах у Бхимасены, сына Хидимбы и сына Паршаты, обоих близнецов и сына Дхармы, Виджайи и Ачыоты. Глубоко пораженные прямолетящими стрелами (Ашваттхамана), слоны падали на эемлю, словно двухвершинные горы. Устланная там и сям отрубленными хоботами слонов, еще двигающимися в судорогах, земля красовалась величаво, будто усеянная ползущими змеями.

И от брошенных золотых жезлов и царских зонтов земля выглядела блистательно, точно небесный свод в конце юги со множеством лун и солнц, усеянный планетами (и звездами). И сын Дроны заставил течь там кровавую реку со стремительным течением. Высокие знамена заменяли в ней лягушек, а барабаны – огромных черепах; зонты составляли вереницы лебедей, реющих над ней, а вместо пены ее окаймляли буйволовые хвосты. Цапли и стервятники заменяли в ней больших крокодилов, а многочисленное оружие – изобилие рыб; колесницы составляли в ней неустойчивые широкие отмели, а стяги ряды ее красивых деревьев.

И в той ужаснейшей реке стрелы заменяли (мелких) рыб, а копья и дротики – свирепых змей, мозг и мясо служили густой трясиной, а вместо лодок плавали безглавые тела. Вместо моха (у своих берегов) она пестрела волосами (людей и животных) и внушала робким уныние и страх. Она возникала (из крови) тел павших могучих слонов, коней и воинов. Покрытая кровавыми волнами и оглашаемая горестными криками и воплями воинов, она текла в невообразимо ужасный, великий океан, коим служило обиталище Ямы. Убив ракшасов, сын Дроны начал изводить сына Хидимбы своими стрелами.

И вновь преисполненный сильной ярости, могущественный и превосходнейший сын Дроны, пронзив потоками стрел партхов, включая Врикодару и сыновей Паршаты, убил одного из сынов Друпады, Суратху по имени. Затем он убил в том сражении младшего брата Суратхи, Шрутаджаю по имени. И еще он убил Баланику, Джанику и Джаяшву.

И потом еще Шрутахваю, о царь царей, отправил сын Дроны в обиталище Ямы. Тремя же другими острыми стрелами с красивым оперением он отправил украшенного золотым ожерельем могучего Шатрунджаю в мир Шакры.

Вслед за тем он убил Пришадхру и горделивого Чандрадеву. Покрыв десятью стрелами он убил еще в пылу сражения сыновей Кунтибходжи. Затем, сильно разгневанный, Ашваттхаман возложил на тетиву свирепую прямую стрелу. И из лука, натянутого вплоть до самого уха, он быстро выпустил ту лютую, превосходнейшую стрелу, подобную жезлу самого Ямы, целясь в Гхатоткачу. И та могучая стрела, оснащенная оперением, пронзив насквозь грудь того ракшаса, вошла стремительно в землю, о владыка земли! Заметив, что он упал, и считая его убитым, Дхриштадьюмна, могучий воин на колеснице, унес его от близости сына Дроны (и уложил) на другую колесницу.

Таким образом, о царь, Юдхиштхирино войско, состоящее из колесниц, отвратилось от битвы. А доблестный сын Дроны, победив в сражении своих врагов, издал громкий клич. И его почтили все существа и твои сыновья, о потомок Бхараты! И земля из-за сраженных и павших повсюду ракшасов, нашедших там свою гибель, с телами, пронзенными и изувеченными сотнями стрел, стала чрезвычайно ужасной на вид и непроходимой, словно была она устлана вершинами гор. И тогда сонмы сиддхов, гандхарвов и пишачей, змей-наги, супарны, усопшие предки и вороны, толпы ракшасов и бхутов, а также апсары и боги – все почтили сына Дроны.

Так гласит глава сто тридцать первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 132

Санджая сказал:
Увидев сыновей Друлады, равно и сыновей Кунтибходжи, а также ракшасов целые тысячи, убитых сыном Дроны, Юдхиштхира, Бхимасена и Дхриштадьюмна, сын Паршаты, и Ююдхана, объединившись вместе, устремили свои помыслы к битве. И тут Сомадатта, снова пре-

исполненный гнева, увидев Сатьяки в сражении, покрыл его со всех сторон густым ливнем стрел.

И тогда разыгралась битва, свирепая и увеличивающая чрезвычайно страх, между твоими и вражескими воинами, жаждущими победы. Сражаясь ради Сатваты, Бхима пронзил героя кауравов десятью стрелами. Сомадатта же в ответ пронзил того героя (пандавов) сотнею стрел. Но тут Сатвата, сильно разгневанный, пронзил десятью острыми стрелами, наделенными сокрушительной силой грома, того престарелого (воина), мучимого скорбью о сыне, преисполненного (помимо того) возвышенными добродетелями, подобно Яяти, сыну Нахуши. И пронзив его с большой силой, он поразил его снова семью стрелами.

Тогда, действуя ради Сатьяки, Бхимасена метнул в голову Сомадатты новую, крепкую и страшную паригху. Сатьяки тоже, преисполненный ярости, пустил в пылу сражения в грудь Сомадатты превосходнейшую стрелу, острую и красиво оперенную, блеском подобную самому огню. И паригха и стрела, ужасные обе, обрушились одновременно на тело Сомадатты.

И тот могучий воин на колеснице рухнул. При (виде) своего сына (Сомадатты), впавшего в обморочное состояние, Бахлика ринулся (на Сатьяки), выпуская ливни стрел, как облако (исторгает потоки воды) в период дождей. Тогда Бхима, все ради Сатьяки, измучив благородного Бахлику девятью стрелами, пронзил его на головном участке битвы.

Но преисполненный сильной ярости, могучерукий сын Пратипы вонзил дротик в грудь Бхимы, точно сам Пурандара – громовую стрелу. И сраженный им, Бхима зашатался (на свози колеснице) и потерял сознание. Но затем, обретя сознание, могучий воин метнул булаву в своего противника. И пущенная Пандавой, она снесла голову Вахлике; и тот, убитый, рухнул на землю, как царь гор, пораженный громом.

После того как был убит тот бык среда людей –доблестный Бахлика, десять сыновей твоих, равных (в отваге Раме), сыну Дашаратхи, принялись изматывать Бхиму. Однако Бхима, убив десятью длинными стрелами тех сыновей твоих, осыпал Вршпасену, любимого сына Карны, (тучею стрел). Тогда прославленный брат Карны, Вришаратха по имени, ударил в Бхиму множеством стрел. Но и его тоже устранил могучий (Пандава). Убив затем семь воинов на колесницах среди твоих шуринов своими стрелами, о потомок Бхараты, доблестный Бхима раздавил Шатачандру. Не будучи в состоянии перенести убийство Шатачандры, могучего воина на колеснице, доблестные братья Шакуни – Гаджакша, Шарабха и Вибху, ринувшись на Бхимасену, ударили в него острыми стрелами. И уязвляемый так стрелами, точно бык, досаждаемый потоками дождя, тот непревзойденный воин убил пятью стрелами пятерых же воинов, сражавшихся на колесницах. И увидев тех героев убитыми, многие из превосходнейших царей стали трепетать.

Тогда Юдхиштхира, преисполненный гнева, стал крушить ряды твоего войска на глазах у Рожденного в сосуде (Дроны) и сыновей твоих, о безупречный! Амбаштхов, малавов и храбрых тригартов вместе с (племенами) шиби отправлял в той битве Юдхиштхира толпами в мир усопших. Рубя на куски абхишахов, шурасенов, бахликов, а также васатиков, царь сделал землю покрытой месивом из крови. Также яудхеев, араттов и кшатриев благородных, равно и храбрые полчища мадраков отправил в той битве Юдхиштхира своими стрелами в мир усопших. «Убивайте, хватайте, забирайте в плен, пронзайте, рубите на куски!» – такие шумные возгласы раздавались вблизи колесницы Юдхиштхиры. Увидев Юдхиштхиру, так теснящего и обращающего в бегство войска твои, Дрона, понуждаемый твоим сыном, осыпал его своими стрелами. И сильно разгневанный, Дрона поразил царя оружием ваявья. Но он то дивное его оружие отразил своим таким же оружием.

И когда было отражено то оружие, сын Бхарадваджи, преисполненный сильной ярости и жаждущий убить отпрыска Панду, послал в Юдхиштхиру различные виды дивного оружия: варуна, ямья, агнея, тваштра и савитра. Однако все те виды оружия Рожденного в сосуде (Дроны), посланные или посылаемые в него, могучерукий сын Дхармы отразил бесстрашно. Тогда Рожденный в сосуде, стремясь сделать клятвенное обещание свое правдивым и желая также, ради блага твоего сына, убить сына Дхармы, вызвал к действию, о потомок Бхараты, оружие айндра и праджапатья. А верховный покровитель рода Куру, обладающий поступью слона или льва, широкогрудый, с большими и красными глазами, наделенный мощью, не уступающей (силе Дроны), вызвал к действию другое оружие – махендру.

И им он отравил оба те вида оружия (Дроны). Когда были отражены каждое из всех видов его оружия, Дрона, охваченный гневом, жаждущий поскорее сокрушить Юдхиштхиру, вызвал к действию оружие Брахмы. И оттого что (сразу все вокруг) было окутано густым мраком, я ничего не мог распознать. И все существа тоже проникнулись великим страхом, о владыка земли! Увидев, что оружие Брахмы поднято, сын Кунти, Юдхиштхира, о царь царей, отразил его своим же собственным оружием Брахмы. И тут первейшие из воинов восславили тех обоих быков среди людей Дрону и Партху, тех могучих лучников, искушенных во всех приемах ведения боя.

Тогда, оставив Каунтею, Дрона, с глазами, медно-красными от гнева, стал уничтожать войско Друпады оружием ваявья, о потомок Бхараты! И убиваемые Дроной, панчалы пустились в бегство из страха, на глазах у Бхимасены и благородного Партхи.

Но тут Носящий диадему (Арджуна) и Бхима быстро остановили их, окружив внезапно твое войско двумя мощными потоками колесниц. Бибхатсу с правой стороны, а Врикодара с левой дождили сына Бхарадваджи двумя могучими ливнями стрел. И потом сринджайи и панчалы, наделенные великой мощью, последовали за теми (двумя братьями), о великий царь, а также и матсьи вместе с сатватами. Уничтожаемое Носящим диадему, то бхаратийское войско было тогда (тщетно) удерживаемо Дроной и самим сыном твоим. Однако воинов, о великий царь, невозможно было уже остановить от бегства.

Так гласит глава сто тридцать вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 133

Санджая сказал:
Видя, что обширное войско пандавов возбуждаемо гневом, и считая, что невозможно противостоять ему, Дурьйодхана, обратившись к Карне, сказал: «Тот час для твоих друзей, (когда особенно нужна твоя помощь), теперь уже наступил, о преданный друзьям! Спасай, о Карна, в сражении всех воинов моих, о могучий! Они теперь окружены со всех сторон панчалами, матсьями и кайкеями, а равно пандавами, могучими воинами на колесницах, – преисполненными ярости и тяжко дышащими, как змеи. Вон пандавы, кичащиеся победой, громко кричат в радости. И многочисленные отряды колесниц панчалов (в рвении своем) подобны самому Шакре!»

Карна сказал:
Если бы и сам Пурандара явился сюда, чтобы спасти Партху, то быстро победив даже его, я убил бы затем и Пандаву. Говорю тебе правду! Будь спокоен, о потомок Бхараты! Я убью сыновей Панду и всех собравшихся панчалов. Я обещаю тебе победу, как сын Паваки обещал ее Васаве! Мною должно быть выполнено то, что приятно для тебя, – с таким (сознанием долга) я живу, о царь! Среди всех партхов конечно Пхальгуна – наисильнейший. В него я выпущу дротик, не знающий промаха, сделанный Шакрой.

И когда тот могучий лучник будет убит, братья его, о милостивый, или подпадут под твою власть, или же снова отправятся в лес (в изгнание)! Щока я жив, о Кауравья, никогда не следует тебе впадать в уныние! Я одержу победу в сражении над всеми пандавами, объединившимися вместе, над всеми панчалами и кекаями, а также над вришни, собравшимися вместе! Искромсав их на мелкие куски тучами своих стрел, я отдам тебе Землю!

Санджая сказал:
И в то время как Карна говорил так, Крипа, могучерукий сын Шарадвана, улыбаясь при этом, обратился к сыну возницы с такими словами: «Прекрасно, прекрасно, о Карна! Если только словами может быть достигнут успех, тогда с тобою, о сын Радхи, как со своим покровителем сей бык из рода Куру (можно считать) будет иметь вполне достаточную защиту! Ты много хвастаешься, о Карна, в присутствии главы кауравов, но твоя доблесть нисколько не обнаруживается, ни также и сила твоя! Множество раз видели мы твое столкновение с сыновьями Панду в бою. Но во всех случаях ты был побеждаем пандавами, о сын возницы! Когда сын Дхритараштры был захвачен (в плен) гандхарвами, тогда, о Карна, все войска сражались и только ты один пустился в бегство! Также и при городе Вираты все кауравы, объединившиеся вместе, равно и ты, о Карна, вместе со своим младшим братом были побеждены Партхой в бою!

Ты не способен тягаться даже с одним (из сынов Панду) –Пхальгуной на поле битвы! Как же ты осмеливаешься тогда победить всех пандавов с Кришной во главе? Ты слишком много хвастаешься, о сын суты! Сразись лучше (на деле), о Карна, не говоря ничего! Проявлять свою доблесть, не прибегая к хвастовству, – есть долг порядочного человека. Даже гремя громко, о сын суты, подобно осеннему облаку без дождя, ты выглядишь (на самом деле), о Карна, как человек без всякой ценности. Однако царь не понимает этого. Ты громко шумишь, о сын Радхи, до тех пор, пока ты не видишь Партхи.

Но этот громогласный шум бывает совсем недопустим для тебя, как скоро ты увидишь Партху вблизи! В самом деле, ты громко шумишь, пока ты не оказался еще в пределах досягаемости стрел Пхальгуны. Но тот громогласный шум твой будет совсем недоступен для тебя, когда ты будешь пронзен стрелами Партхи. Кшатрии выказывают свое превосходство при помощи своих рук; дваждырожден-ные – речами своими; Пхальгуна обнаруживает свое геройство при помощи своего лука, а Карна – лишь призрачными желаниями».

Так, подвергшийся брани сыном Шарадвана, Карна, лучший из разящих, промолвил тогда в ответ: «Герои всегда гремят громогласно, подобно облакам в период дождей, и подобно семени, посеянному в подходящее время, быстро дают плоды. Я не вижу ни малейшего недостатка у героев, несущих тяжкое бремя в бою, когда они хвастаются по тому или иному поводу на головном участке битвы! Ибо когда человек мысленно решается нести бремя, то тут сама судьба непременно приходит ему на помощь. Желая нести в мыслях своих тяжкое бремя, я всегда принимаю необходимое решение. Если же я, (действуя в бою), издаю громогласный шум, то для тебя, о брахман, какой же может быть от этого урон? Герои никогда не гремят напрасно, подобно дождевым облакам. Зная свою собственную силу, мудрые поэтому гремят громогласно. А так как сегодня я полон решимости быстро победить в сражении Кришну и Пандаву, объединившихся вместе, то поэтому я и гремлю громогласно, о сын Гаутамы! Вместе со своими приверженцами посмотри на плоды этих громогласных моих шумов, о брахман! Убив в сражении сыновей Панду вместе с Кришной и сатватами, я отдам Дурьйодхане всю Землю, лишенную терниев».

Крипа сказал:
Мною не может быть принята во внимание твоя бессвязная болтовня, выдающая твои намерения, о сын суты, когда ты говоришь пренебрежительно об обоих Кришнах и царе справедливости – Пандаве! Несомненна ведь там победа, о Карна, где Кришна и Пандава, оба искушенные в битве. Они непобедимы в сражении даже для богов, гандхарвов и якшей, существ человеческих, змей и ракшасов, – всех облаченных в доспехи. Юдхиштхира, сын Дхармы, предан брахманам. Он правдоречив и обуздан, почитает наставников и божеств и всегда предан справедливости, особенно же он искушен во владении оружием; он одарен мудростью и он благодарен. Братья его все наделены великою силой и хорошо обучены в искусстве владения всеми видами оружия. Они всегда выказывают почтительность к старшим, мудры, всегда справедливы в своих поступках и пользуются славой. А родственники их наделены все доблестью Индры.

Истые воители, они беззаветно преданы (пандавам): Дхриштадьюмна и Шикхандин и Джанамеджая, сын Дурмукхи; Чандрасена и Бхадрасена, Киртидхарман, Дхрува и Дхара, Васучандра и Дамачандра, Синха-чандра и Суведхана.

Также и сыновья Друпады и сам Друпада, знаток высочайшего и могучего оружия, и царь матсьев вместе со своими младшими братьями, решительно стоящий за них; Шатаника и Сударшана, Шрутаника и Шрутадхваджа, Баланика и Джаяника, Джаяшва и Ратхавахана; Чандродая и Камаратха и красивые братья Вираты, и оба близнеца (Накула и Сахадева), и (пятеро) сынов Драупади и ракшас Гхатоткача – все они сражаются ради пандавов. И нет поэтому для них гибели.

И ведь в самом деле, всю вселенную вместе с богами, асурами и людьми, вместе с сонмами якшей и ракшасов, вместе со всеми слонами, змеями и прочими существами могут уничтожить целиком Бхима и Пхальгуна мощью своего оружия. Что же до Юдхиштхиры, то он одним лишь своим грозным взглядом может сжечь всю землю! Как же ты, о Карна, можешь отважиться победить в сражении тех врагов, ради которых Шаури, наделенный неизмеримой мощью, облачился в доспехи? Ведь это – великое безрассудство с твоей стороны, о сын возницы, ибо ты всегда рискуешь сразиться в битве с Шаури!

Санджая сказал:
После таких слов, обращенных к нему, Карна, сын Радхи, о бык из рода Бхараты, улыбаясь тогда, промолвил тоже наставнику Крипе, сыну Шарадвана: «Слова, которые тобою сказаны относительно пандавов, о брахман, все справедливы! Эти и многие другие добродетели (видны) в сыновьях Панду. Верно также и то, что партхи непобедимы в бою даже богами во главе с Васавой и вместе с дайтьями, якшами, гандхарвами, лишачами, змеями и ракшасами. Однако, несмотря на все это, я одержу победу над партхами с помощью дротика, данного мне Васавой! Ведь дротик этот, данный мне Шакрой, никогда не знает промаха, о дважды-рожденный! При помощи его я убью Савьясачина в сражении! Когда же будет убит Пандава, то Кришна и единоутробные братья Арджуны никогда не будут в состоянии владеть Землею без (помощи) Арджуны! И когда все они погибнут, Земля эта вместе с ее морями останется тогда под властью главы кауравов без всяких для него усилий, о Гаутама! В этом мире все цели достигаются средствами правильной политики, – тут нет сомнения. Зная хорошо это, я потому и гремлю громогласно, о Гаутама!

Что же до тебя самого, то ты старец и брахман (по рождению), и не №**г способен в сражении. Ты питаешь любовь к партхам. И в ослеплении тйс ненавидишь меня! Если так ты будешь говорить мне снова тут неприятное для меня, о дваждырожденный, тогда, извлекши свой меч, я отрежу твой язык, о нечестивец! Ты желаешь, о брахман, восхвалять пандавов в сраг жении, чтобы устрашить все войска кауравов, о злонамеренный!

И по этому случаю также выслушай, как подобает, слово мое, когда я буду говорить, о дваждырожденный! Дурьйодхана и Дрона, Шакуни, Дурмукха и Джая, Духшасана, Вришасена, царь мадров и ты сам тоже, Сомадатта и Бхури, также сын Дроны и Вивиншати – все они, искушенные в бою, находятся здесь, облаченные в доспехи! Кто же среди врагов, даже если он обладает мощью, равной Шакре, сможет победить их в сражении?

Ведь все они (названные мною) – герои, искусные в» владении оружием, наделенные могучею силой и домогающиеся неба. Сведущие в нравственном законе и опытные в бою, они смогли бы убить даже самих богов в сражении! Эти (герои) будут твердо стоять в бою, домогаясь сокрушения пандавов, ибо облаченные в доспехи ради главы кауравов, они жаждут его победы!

Я считаю, что победа зависит от судьбы, даже в отношении людей наиболее могучих. Когда могучерукий Бхишма лежит, пронзенный сотнею стрел, также Викарна и Читрасена, Бахлика и Джаядратха, Бхуришравас и Джая, Джаласандха и Судакшина, а также Шала, наилучший из воинов, сражающихся на колесницах, и Бхагадатта, исполненный могущества, – когда эти и многие другие цари, труднопобедимые. даж& богами, герои все, еще более сильные, (чем пандавы), (лежат) на поле брани, убитые пандавами, что ты думаешь об этом иное, кроме вмешательства самой судьбы, о низкий из людей?

И что же до тех, коих ты постоянно восхваляешь, – врагов Дурьйодханы, о дваждырожденный, то и среди них храбрейшие воины убиты сотнями и тысячами! Все войска и кауравов, и пандавов иссякают неуклонно. Я не вижу в этом нисколько могущества пандавов! С ними, которых ты всегда считаешь столь могучими, о низкий из дваждырожденных, я постараюсь, в меру крайних своих сил, сразиться в битве ради блага Дурьйодханы! Что же до победы, то она зависит от судьбы!»

Так гласит глава сто тридцать третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 134

Санджая сказал:
Увидев дядю своего по матери,128 так грубо оскорбленного сыном возницы, отпрыск Дроны, извлекши меч свой, стремительно ринулся на последнего.

Ашваттхаман сказал:
Смотри, о Карна, злоумышленный, (что я сделаю тебе) сегодня! Погоди, о низкий из людей! Сейчас я снесу тебе голову с туловища, о злонравный!

Санджая сказал:
И когда он стремительно обрушивался (на Карну), его удержали сам царь Дурьйодхана, о великий царь, и Крипа, наилучший из двуногих.

Карна сказал:
Сей брахман, низкий из всех и злонравный, (считает себя) храбрым и восхваляет битву! Отпусти его, о превосходнейший из рода Куру! Пусть он столкнется с моею мощью!

Ашваттхаман сказал:
Эту (вину) твою, о сын суты, мы прощаем тебе, о злонамеренный! Однако эту возгоревшуюся спесь твою Пхальгуна собьет с тебя!

Дурьйодхана сказал:
О Ашваттхаман, успокойся! Благоволи простить, о милостивый! Право же, не следует тебе никак возбуждать гнева против сына возницы! Ведь на тебе, на Карне и Крипе, на Дроне, на царе мадров и сыне Субалы лежит великая обязанность! Успокойся же, о лучший из брахманов! Вон приближаются все войска пандавов, желая сразиться с сыном Радхи! Ведь они подступают, о брахман, вызывая нас со всех сторон!

Санджая сказал:
Карна тоже, первейший из воинов на колесницах, наделенный великой доблестью, окруженный выдающимися воинами среди кауравов, словно Шакра – сонмами богов, стоял в ожидании, преисполненный скрытой мощи, натянув свой лук и полагаясь на силу своих собственных рук. И произошла тогда битва между разгневанным Карной и пандавами, о великий царь, оглашаемая громкими львиными кличами.

И тут пандавы, о царь, и панчалы, овеянные славой, увидев Карну могучерукого, подняли громкий шум, крича: «Это Карна! Откуда взялся Карна в этой свирепой битве? Стой, о Карна! Сразись с нами, о злодушный, о низкий из людей!» Другие же при виде сына Радхи говорили, с глазами, красными от гнева: «Пусть этот высокомерный сын возницы, с коротким умом, будет убит царями-тиграми, всеми вместе! Нет ему смысла жить! Сей муж зло-

вредный всегда чрезвычайно враждебен к партхам! Послушный мнению Дурьйодханы, он ведь есть корень всех бед! Убейте его!» – так восклицая, кшатрии, могучие воины на колесницах, побуждаемые сыном Панду, ринулись на него, покрывая сына суты густым ливнем стрел с целью убить его.

Но увидев всех могучих воинов на колесницах, так обрушивающихся на него, сын суты не дрогнул m и не почувствовал ни малейшего страха. И в самом деле, при виде того необычайного моря войск, напоминающего целый город, доброжелатель твоих сыновей, могучий и преисполненный великой силы, непобедимый в сражениях, действуя стремительно, принялся тучами стрел сдерживать то войско со всех сторон, о бык из рода Бхараты! Тогда и партхи стали сдерживать его ливнями стрел.

Потрясая сотнями и тысячами своих луков, они сражались с сыном Радхи, как (некогда) сонмы дайтьев сражались с Шакрой. Однако тот ливень стрел, вызванный властителями земли со всех сторон, Карна рассеял густым потоком своих собственных стрел, о владыка! И битва та, происходившая между ними, где каждая сторона жаждала противодействовать подвигу другой, напоминала сражение между Шакрой и данавами во время великой битвы, (происходившей некогда) между богами и асурами.

Ловкость рук сына возницы, которую мы наблюдали там, была столь удивительной, что все его враги, хотя и ревностно прилагали усилия, не могли одолеть его в бою. Отразив те тучи стрел, выпущенные (вражескими) царями, тот могучий воин на колеснице, сын Радхи, послал свои острые стрелы, обозначенные его собственным именем, в ярма и дышла, в зонты и знамена и в коней (своих врагов).

И вот цари те, жестоко мучимые Карной и охваченные замешательством, стали блуждать там и сям, подобно стаду скота, мучимому холодом. Целые груды околевающих коней, слонов и воинов, сражавшихся на колесницах, видели мы повсюду там поверженными Карной. Вся земля там, о царь, была усеяна кругом упавшими головами и руками героев, неотвращающихся от битвы. Из-за убитых, убиваемых и вопящих отовсюду (воинов) поле битвы приобрело страшный вид, подобный городу Вайвасваты.

Тогда царь Дурьйодхана, видя отвагу Карны, направился к Ашваттхаману и сказал ему такие слова: «Сей Карна, облаченный в доспехи, сражается в битве со всеми (вражескими) царями. Смотри, это (вражеское) войско, изматываемое стрелами Карны, обращается в бегство, подобно полчищу асуров, сокрушенному Карттикеей! Увидев войско свое побежденным в сражении мудрым Карной, вон приближается сюда Бибхатсу с желанием убить сына возницы! Пусть будет принят поэтому такой образ действий, чтобы Пандава не смог убить в сражении на наших глазах сына суты, могучего воина на колеснице!»

После (таких слов, обращенных к ним), сын Дроны и Крипа, Шалья и сын Хридики, могучий воин на колеснице, увидев Каунтею, приближающегося (к ним), будто Вритра – к войску богов, выступили все против Партхи, чтобы вызволить сына возницы. Тогда и Карна выступил (вместе с ними), словно сам Шакра, исполненный величия.

Дхритараштра сказал:
Увидев Пхальгуну, охваченного неистовством и подобного Яме, когда он проявляется в облике Всесокрушителя в конце юги, о сута, что предпринял дальше Карна, сын Викартаны? Ведь тот могучий воин на колеснице всегда соперничал с Партхой. Он ведь всегда говорил, что сможет победить Бибхатсу в свирепом бою. Что же, о возница, затем предпринял Карна, сын Викартаны, когда внезапно встретился ему неизменно смертельный враг его?

Санджая сказал:
Увидев Пандаву, устремляющегося на него подобно слону – на противоборствующего слона, Карна совершенно бесстрашно двинулся против Дхананджайи. Но того сына Викартаны, так подступавшего с большой стремительностью, Пандава, усмиритель врагов, преисполненный скрытой мощи, сдержал неуклонно летящими стрелами. Карна тоже покрыл его сетью своих стрел, о достойнейший! И сильно разгневанный, он затем пронзил его тремя прямыми стрелами.

Но Партха, наделенный могучею силой, не мог перенести такой ловкости его рук. И тот усмиритель врагов послал в сына возницы тридцать прямых стрел, отточенных на камне и со сверкающими остриями. Наделенный великой силой и мощью, он, распалившись гневом, пронзил еще одной стрелою ему запястье левой руки, улыбаясь в то же время. И лук (Карны) выпал из руки его, пронзенной с такой силой. Но снова взяв тот лук в одно мгновение ока, Карна, преисполненный могучей силы, опять покрыл Пхальгуну тучами стрел, обнаруживая большую ловкость рук. Но тот поток стрел, выпущенный сыном суты, о потомок Бхараты, Дхананджая развеял ливнем своих стрел, улыбаясь при этом.

Подступая друг к другу, те оба могучих лучника, о царь, каждый жаждя противодействовать подвигу другого, продолжали покрывать друг друга ливнями стрел. И та битва, которая происходила между Карной и Пандавой, была весьма необычайной, подобно схватке двух диких слонов, разъяренных борьбою из-за слонихи в периоде ее течки. Тогда Партха, могучий лучник, видя отвагу Карны, с большим проворством рассек лук его у самой рукоятки. И четырех его коней он отправил в обиталище Ямы стрелами с серповидным острием.

И тот усмиритель врагов также снес с туловища голову вознице Карны. Затем Партха, отпрыск Панду, пронзил его, чей лук был рассечен и чьи кони и возница убиты, четырьмя стрелами. Но тот бык среди людей, мучимый так стрелами, быстро соскочив с колесницы, лишенной коней, поспешно взошел на колесницу Крипы. Видя сына Радхи побежденным, твои войска, о бык из рода Бхараты, теснимые стрелами Дхананджайи, разбежались во все стороны.

Видя, что они бегут, царь Дурьйодхана тогда, о царь, сам остановил их и сказал такие слова: «Довольно вам бежать, о герои! Стойте твердо (в битве), о быки среди кшатриев! Я сам выступлю в сражении, чтобы убить Партху! Я сам убью Партху вместе с панчалами и сомаками! Сегодня, когда я буду сражаться с Обладателем лука гандивы, партхи увидят мою отвагу, подобную (доблести) самого бога смерти при гибели (мира в конце) юги!

Сегодня воины увидят в сражении тучи моих стрел, выпущенных тысячами, напоминающих полеты саранчи. Сегодня воины увидят меня в бою, когда я с луком в руке буду выпускать ливни стрел, словно облако –потоки дождя на исходе жаркой поры! Сегодня в битве я одержу победу над Партхой при помощи своих прямых стрел! Стойте же твердо в сражении, о герои, и отбросьте свой страх перед Пхальгуной!

Ибо столкнувшись с моей доблестью, Пхальгуна никогда не будет в состоянии перенести ее, подобно тому как океан, обиталище Макаров, наталкиваясь на берег морской, (не в состоянии преодолеть его)!» Сказав так, царь, с глазами, красными от гнева, окруженный огромным войском, двинулся неодолимый против Пхальгуны.

Увидев могучерукого Дурьйодхану, отправляющегося (на битву), сын Шарадвана, приблизившись тогда к Ашваттхаману, сказал такие слова:

«Этот царь могучерукий, обезумевший от гнева, хочет в неистовстве сразиться с Пхальгуной, подражая поведению мотылька, (желающего броситься в пылающий огонь)! Пока еще сей тигр среди людей не положил свою жизнь на наших глазах, столкнувшись с Партхой, отврати Каураву (от такого рокового шага)! Пока еще храбрый царь кауравов не достиг пределов досягаемости стрел Пхальгуны, быстро останови его!

Пока еще царь не обратился в пепел ужасными стрелами Партхи, напоминающими змей, только что сбросивших свою обветшалую кожу, должно отвратить его от битвы! В то время как мы находимся здесь, о милостивый, я считаю совсем неподобающим, что царь должен сам идти на битву против Партхи, точно он не имеет в этом себе помощников! Я полагаю, что жизнь Кауравьи едва ли будет в безопасности, если он будет сражаться с носящим диадему Партхой, подобно тому как у слона, схватившегося с тигром!»

После таких слов, сказанных дядей по матери, сын Дроны, лучший из носящих оружие, быстро явился к Дурьйодхане и обратился к нему с такими словами: «Пока я жив, о сын Гандхари, благоволи не вступать в битву, пренебрегая мною, о Кауравья, всегда желающим тебе блага! Ведь тебе совсем не следует проявлять беспокойство относительно победы над Партхой! Я сдержу Партху! Стой здесь, о Суйодхана!»

Дурьйодхана сказал:
Наставник (Дрона) всегда защищает сыновей Панду, точно собственных сыновей своих! Ты тоже постоянно проявляешь к ним внимание, о первейший из дваждырожденных! Или (может быть) из-за моего несчастья твоя отвага в битве всегда проявляется скромно? Или же, быть может, благодаря твоему расположению к царю справедливости и к Драупади? Мы не ведаем об истинной причине! Позор да будет мне, алчному, из-за которого все друзья мои, заслуживающие радостей и непобедимые (в бою), обретают тягчайшее горе!

Ведь кто из наиболее выдающихся среди носящих оружие, равный самому Махадеве в бою, не способен был бы Щ сокрушить врагов, хотя бы и не был он сыном дочери Гаутамы? О Ашваттхаман, будь благосклонен и сокруши этих врагов моих! Даже боги не в силах стоять в пределах досягаемости твоего оружия, о безупречный. Убей панчалов и сомаков, о сын Дроны, вместе с их приверженцами! Остальных же убьем мы сами, охраняемые тобою.

Ведь это, о брахман, сомаки и панчалы, овеянные славой, рыскаю» в неистовстве среди моих войск, уподобляясь лесному пожару! Сдержи их, о могучерукий, а также и кекаев, о превосходнейший из людей, ибо охраняемые Носящим диадему, они уничтожат всех нас без остатка! В самом начале или же потом (будет он свершен тобою), подвиг этот лежит всецело на тебе, о достойнейший! Ты родился, о могучерукий, для сокрушения панчалов! Ты ведь очистишь весь мир от панчалов, о непреклонный! Именно так говорили преуспевшие (в аскетическом покаянии). И слово то исполнится, как ими было сказано! Ведь сами боги с Васавой | во главе не в силах стоять в пределах досягаемости твоего оружия. А что уж говорить о партхах и панчалах! Эти слова мои совершенно правдивы!

Так гласит глава сто тридцать четвертая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 135

Санджая сказал:
После таких слов, сказанных Дурьйодханой, сын Дроны, трудноодолимый в бою, промолвил в ответ: «О могучерукий отпрыск Куру, (это именно так), как ты говоришь. Ибо пандавы милы всегда и мне самому, и моему отцу! Точно так же и мы оба милы им! Но не так, однако, в бою, о потомок Куру! Мы будем, о братец мой, в меру своих сил сражаться бесстрашно, пренебрегая самой жизнью! Я сам, Карна и Шалья, Крипа и сын Хридики смогли бы уничтожить войско пандавов в мгновение ока, о лучший из царей!

Но и они тоже могут, о отпрыск Куру, в одно мгновение ока уничтожить войско кауравов, если, о могучерукий, мы не будем присутствовать в битве! Следует нам сразиться с пандавами в меру наших сил, тогда как и они жаждут сразиться с нами! Однако мощь, сталкиваясь с мощью, приходит в успокоение, о потомок Бхараты! Войско пандавов невозможно победить силою, пока здравствуют сыновья Панду! Ибо то, что говорю я тебе, сущая правда! Сыновья Панду обладают большой мощью. И к тому же они сражаются ради самих себя.

Так почему же они не в состоянии будут уничтожить твои войска, о потомок Бхараты! Ты, однако, о царь, чрезвычайно жаден. И ты обманчив, о Каурава! Ты тщеславен и подозрителен ко всем! И поэтому ты сомневаешься даже в нас! Что до меня, то, сражаясь со всей решительностью ради тебя, я готов положить свою жизнь. Я сейчас отправляюсь на битву ради тебя, о потомок Куру! Я сражусь с врагами и одержу победу над лучшими и выдающимися (из них). Я буду сражаться с панчалами, сомаками и ке-каями, а также с пандавами в бою, чтобы сделать приятное тебе, о усмиритель врагов! Сегодня, опаленные моими стрелами, панчалы и сомаки разбегутся во все стороны, как стада скота, терзаемые львом.

Сегодня царственный сын Дхармы вместе с сомаками, увидев доблесть мою, будет считать весь мир состоящим из Ашваттхаманов. Сын Дхармы, Юдхиштхира придет в уныние, увидев панчалов вместе с сомаками убитыми (мною) в сражении! Я убью всех тех, о потомок Бхараты, которые будут сражаться со мною в битве. Ибо, оказавшись в пределах досягаемости моих рук, они, о герой, не избавятся (сегодня) живыми!»

Сказав так твоему сыну Дурьйодхане, могучерукий (Ашваттхаман) ринулся в битву, обращая в бегство всех лучников. И он, наилучший из живущих, стремился таким образом сделать приятное твоим сыновьям. И обратившись тогда к панчалам и кайкеям, сын дочери Гаутамы сказал им: «Все вы наносите удары по моему телу, о могучие воины на колесницах! Сражайтесь упорно (со мною), обнаруживая ловкость во владении оружием!»

После таких слов, обращенных к ним, все они обрушили ливни стрел на сына Дроны, подобно тому как тучи (исторгают) потоки дождя. Но отразив те стрелы, сын Дроны убил десять героев-воинов пред лицом сыновей Панду и Дхриштадьюмны, о владыка! Так убиваемые в сражении, панчалы и сринджайи, оставив на поле брани сына Дроны, разбежались во все стороны.

Увидев тех героев-панчалов бегущими вместе с сомаками, Дхриштадьюмна, о великий царь, ринулся против сына Дроны в той битве. И окруженный сотнею храбрых и неотвращающихся (в битве) воинов на колесницах, пестреющих золотом и издающих грохот» подобно дождевым облакам, могучий воин на колеснице Дхриштадьюмна» сын царя Панчалийского, видя воинов своих поверженными, сказал тогда сыну Дроны такие слова: «О глупый сын наставника, что за польза тебе в убийстве просты» воинов! Если ты настоящий герой, то сразись со мною в битве! Я убы» тебя! Стой теперь передо мной!» И вслед за этим Дхриштадьюмна, преисполненный доблести, ударил в сына наставника острыми и свирепыми стрелами, способными проникать в самые жизненно важные места.

И те быстролетные стрелы, с золотым оперением и сверкающими остриями, способные пронзать любое тело, соединенные в непрерывную линию, вошли в (тело) сына Дроны подобно тому, как свободнолетящие пчелы, домогаясь меда, проникают в (листву) цветущего дерева.

Глубоко пронзенный и охваченный сильной яростью, подобно змее, на которую наступили ногою, горделивый и бесстрашный сын Дроны со стрелами в руке промолвил (своему врагу): «О Дхриштадьюмна, подожди минутку, оставаясь на месте, пока я не отправлю тебя в обиталище Ямы своими острыми стрелами!»

И сказав так, тот губитель вражеских героев, обнаруживая большую ловкость рук, покрыл сына Паршаты со всех сторон тучами своих стрел. Так покрываемый (стрелами) в том сражении сыном Дроны, отпрыск царя Панчалийского, трудноодолимый в бою, стал тогда поносить его такими словами:

«Ты не знаешь о моем происхождении, о брахман, равно и об обете моем! Ты должен быть убит мною, о злоумышленный, после того как я убью сначала Дрону! Поэтому я не убью тебя сегодня в сражении, когда сам Дрона все еще здравствует! Но после того как минует эта ночь и забрезжит рассвет, о злонамеренный, я убью сначала твоего отца в сражении, а затем отправлю и тебя тоже в мир усопших. Именно такое решение принято мною в мыслях! Поэтому, будучи стойким, прояви пока еще ту ненависть свою, которую ты питаешь к партхам, и ту преданность, которую ты испытываешь к кауравам! Но ты не избавишься от меня живым! Ибо тот дваждырожденный, который, оставив обязанности брахмана, предается долгу кшатрия, подлежит убиению всеми людьми, как сам ты, о низкий из людей!» После таких слов, сказанных сыном Паршаты, столь грубых и оскорбительных, лучший из брахманов (Ашваттхаман) собрал весь свой накипевший гнев и промолвил в ответ:

«Стой, остановись!» Точно сжигая его глазами, он глядел на сына Паршаты. И тяжело дыша (в гневе), подобно змею, он покрыл его своими стрелами. Окруженный всеми войсками панчалов, могучерукий (Дхриштадьюмна), превосходнейший из воинов на колесницах, так покрываемый (стрелами) в сражении сыном Дроны, о наилучший из царей, однако не дрогнул, полагаясь на свою собственную мощь. И в ответ выпустил он всевозможные стрелы в Ашваттхамана.

Оба они вновь и вновь противодействовали друг другу в сражении, где разыгрывалась игра со ставкой на жизнь, оба не выносящие друг друга, они сдерживали один другого тучами

своих стрел. И те могучие лучники выпускали ливни стрел со всех сторон. Видя ту свирепую, вызывающую ужас битву между сыном Дроны и отпрыском Паршаты, сиддхи, чараны и ватики высоко почтили их. Наполняя небосвод и все страны света тучами своих стрел и создавая этими стрелами густой мрак, оба те воина продолжали сражаться друг с другом, невидимые (для нас). Словно приплясывая в сражении, с луками, натянутыми до полного круга, стремясь убить один другого и домогаясь победы друг над другом, оба они, могучерукие, сражались красиво, с большим искусством и ловкостью.

При виде их обоих, восхваляемых в сражении тысячами первейших воинов и яростно сражающихся в битве, подобно двум диким слонам в лесу, у обоих войск вырвалось неистовое ликование. Львиные рыки и кличи раздавались там, и трубили в раковины, о достойнейший! И музыкальные инструменты звучали там сотнями и тысячами. И во время той свирепой битвы, увеличивающей ужас у робких, казалось, что только миг сражение велось тогда в равной степени.

Затем сын Дроны, о великий царь, сделав стремительный натиск в битве, рассек знамя, лук и зонт благородного сына Паршаты и убил обоих его возниц, погонявших пристяжных коней, и главного его возницу, а также четырех его коней. И затем он, с неизмеримой душою, обратил своими прямыми стрелами в бегство всех панчалов сотнями и тысячами. Увидев тот великий подвиг сына Дроны, напоминающий подвиг самого Васавы в сражении, войско пандавов, о бык из рода Бхараты, начало тогда дрожать (в страхе). Убивая сотню панчалов сотнею стрел и трех могучих воинов на колесницах тремя острыми стрелами на глазах у сына Друпады и Пхальгуны, тот могучий воин на колеснице, сын Дроны уничтожил большую часть панчалов, которые стояли перед ним. Так убиваемые в сражении, панчалы вместе со сринджаями, оставив сына Дроны, пустились в бегство, тогда как колесницы их и знамена были поломаны и разбросаны.

И победив в сражении врагов своих, сын Дроны, могучий воин на колеснице, издал зычногромкий клич, подобный грохоту облаков в конце жаркой поры. Убив множество героев, Ашваттхаман выглядел блистательно, будто сверкающий огонь в конце юги, после того как испепелил все существа. И восхваляемый в битве всеми кауравами, после того как он победил в сражении тысячи врагов, доблестный сын Дроны сиял красотою, как сам владыка богов, когда он победи!» сонмы своих врагов.

Так гласит глава сто тридцать пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 136

Санджая сказал:
Тогда Юдхиштхира и Бхимасена, сын Панду, о великий царь, окружили сына Дрены со всех сторон. Но тут царь Дурьйодхана, сопровождаемый сыном Бхарадваджи, ринулся против пандавов в том сражении. И тогда разыгралась битва, страшная на вид, о великий царь, увеличивающая страх у робких. Амбаштхов, малавов, вангов, пшби и тригарТов стал Юдхиштхира в гневе отправлять толпами в мир усопших.

Бхима также, изрубив абхишахов, шурасенов и других кшатриев, трудноодолимых в бою, сделал землю покрытой месивом из крови. Яудхеев ткё, араттов, родовитых кшатриев и мадраков в пылу битвы острыми стрелами отправил толпами в мир усопших Носящий диадему. Сильно уязвляемые быстролетными стрелами, слоны начали падать на землю подобно двухвершинным горам.

Усеянная отрубленными хоботами слонов, все еще судорожно двигающимися, земля выглядела красиво, будто покрытая ползущими змеями. И из-за упавших царских зонтов, пестреющих золотом, поле битвы выглядело блистательно, словно небосвод в конце юги, усеянный солнцами, лунами и другими планетами.

В это время близ колесницы Владельца гнедых коней поднялся неистовый шум, среди которого слышались слова: «Убивайте, разите бесстрашно, пронзайте, рубите в куски!» Дрона, однако, преисполненный сильного гнева, стал сокрушать оружием ваявья тех воинов в сражении, подобно тому как неодолимый ветер (разгоняет сгустившиеся) тучи. И так убиваемые Дроной, панчалы разбежались в страхе на глазах у Бхимасены и благородного Партхи.

Тогда Носящий диадему и Бхима, окружив твое войско мощным потоком колесниц, быстро подступили к нему. Бибхатсу, (нападая) с правой стороны, а Врикодара – с левой, принялись оба дождить сына Бхарадваджи двумя густыми ливнями стрел. Сринджайи и панчалы – могучие воины на колесницах, равно и матсьи вместе с сомаками, о великий царь, последовали за теми двумя (братьями). Точно так же и выдающиеся из воинов на колесницах, искусно разящие, принадлежащие твоему сыну, в сопровождении обширного войска двинулись к колеснице Дроны, (чтобы оказать ему поддержку).

Тогда бхаратийское то войско, уничтожаемое Носящим диадему, одолеваемое темнотою и сном, вновь начало терпеть поражение. Хотя воины в нем и были сдерживаемы Дроной и самим сыном твоим, но их, о великий царь, уже невозможно было остановить (в их бегстве). В самом деле, то обширное войско, раздираемое стрелами сына Панду, начало разбегаться во все стороны, в то время когда мир был окутан мраком. Покинув упряжных животных и колесницы, многие повелители людей разбежались в разные стороны, о великий царь, обуянные страхом.

Так гласит глава сто тридцать шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 137

Санджая сказал:
Увидев Сомадатту, размахивающего огромным луком, Сатьяки сказал своему вознице: «Вези меня к Сомадатте! Ибо не убив в сражении врага, подлейшего из кауравов, сына Бахлики, я не вернусь из битвы, о возница! И это слово мое правдиво!» И тогда возница погнал на битву стремительно-быстрых коней, происходящих из страны Синдху, масти (белой) как раковины, безразличных ко всякому звуку.

И те кони, наделенные быстротою мысли иль ветра, повезли Ююдхану, как в стародавние времена кони Индры, о царь, помчали его, когда он собрался убить дайтьев. Увидев того героя из рода Сатвата, стремительно несущегося в битву, Сомадатта могучерукий бесстрашно повернулся к нему. Выпуская ливни стрел, как грозовое облако – потоки дождя, он покрыл (ими) внука Шини, как туча закрывает солнце. Сатьяки также в пылу сражения покрыл бесстрашно того быка из рода Куру ливнями стрел со всех сторон, о бык из рода Бхараты! Но тут Сомадатта пронзил шестьюдесятью стрелами грудь тому герою из рода Мадху. Сатьяки же в ответ, о царь, тоже пронзил его своими острыми стрелами.

Иссеченные взаимно стрелами, оба те быка среди мужей выглядели подобно двум цветущим деревьям киншука, распустившимся красивыми цветами в пору цветения. С телами, всюду залитыми кровью, оба прославленных героя рода Куру и Врипши взирали друг на друга, как бы сжигая один другого взглядами. Мчась на своих колесницах, описывающих круги, те оба сокрушителя врагов, страшные видом, напоминали собою два облака, испускающие ливни

дождя. С телами, пронзенными и всюду иссеченными и израненными стрелами, оба они выглядели, о великий царь, подобно двум дикобразам. Покрытые стрелами с золотым оперением,

оба они сияли блистательно, о царь, подобно двум высоким деревьям в период дождей, усеянным светлячками. С телами, всюду воспаленными от (вонзившихся) стрел, те оба могучих воина на колесницах выглядели в том сражении подобно двум разгневанным слонам, (украшенным) пылающими факелами.

Тогда, о великий царь, могучий воин на колеснице Сомадатта в пылу той битвы рассек стрелою, заостренной в виде полумесяца, огромный лук Мадхавы. И тут же с большой поспешностью в то время, когда стремительность была (чрезвычайно важна), он поразил его двадцатью пятью стрелами и снова – еще десятью. Тогда, взяв другой, более тугой лук, Сатьяки быстро пронзил Сомадатту пятью стрелами.

Затем другою стрелой с серповидным острием Сатьяки, о царь, рассек в пылу сражения золотое знамя сына Бахлики, улыбаясь при этом. Сомадатта же, увидев свое знамя поверженным, бесстрашно осыпал внука Шини двадцатью пятью стрелами. Сатвата тоже, разгневанный в бою, рассек острой стрелою с бритвообразным наконечником лук лучника Сомадатты в том сражении. Затем он поразил во многих местах его самого, напоминавшего слона, лишенного бивней, о царь, сотнею прямых стрел с золотым оперением.

Но вот Сомадатта, могучий воин на колеснице, наделенный великой ю"а силой, взяв другой лук, стал покрывать Сатьяки ливнем своих стрел. И Сатьяки тоже, воспаленный гневом в пылу битвы, пронзил Сомадатту (множеством стрел). В ответ и Сомадатта мучительно беспокоил Сатьяки густой сетью своих стрел. Но тут Бхима, (вступив в сражение) ради Сатваты, ударил в сына Бахлики десятью стрелами. Сомадатта тоже поразил бесстрашно внука Шини своими стрелами.

Тогда сын Бхимасенн, (сражающийся) ради Сатваты, метнул тяжелое и страшное, (с железным острнем) бревно в грудь Сомадатты. Но стремительно несущееся на него то страшное видом бревно Каурава в пылу сражения рассек на две части, улыбаясь в то же время. И рассеченное на две части, то огромное острое бревно упало подобно громадной вершине горы, расколотой громом.

Тогда Сатьяки, о царь, стрелою с серповидным острием рассек в том сражении лук Сомадатты и затем пятью стрелами – его кожаный нарукавник. Четырьмя же другими стрелами он быстро отправил четырех его превосходнейших коней к царю усопших, о потомок Бхараты! А другой прямой стрелою с серповидным острием тот бык из рода Шини, тигр среди воинов на колесницах, улыбаясь при этом, снес с туловища голову вознице Сомадатты.

Затем Сатвата, о царь, послал в него самого страшную видом стрелу, сверкающую подобно огню, отточенную на камне и снабженную золотым оперением. И выпущенная могучим внуком Шини, о владыка, та превосходнейшая, ужасная стрела упала стремительно ему на грудь, о потомок Бхараты! И глубоко пронзенный могучим Сатватой, могучерукий Сомадатта, великий воин на колеснице, упал (с колесницы) и тут же умер.

Увидев там Сомадатту убитым, могучие воины (твои), сражающиеся на колесницах, ринулись на Ююдхану, (поливая его) мощным ливнем «трел. При виде же Ююдханы, так покрываемого стрелами, Юдхиштхира с обширным войском двинулся против строя Дроны. И воспаленный гневом, Юдхиштхира затем принялся своими стрелами обращать в бегство и рассеивать мощный строй твоих войск на глазах у сына Бхарадваджи.

Видя Юдхиштхиру, так теснящего (твои) войска, Дрона, с глазами, красными от гнева, обрушился на него с большой стремительностью. И тут он пронзил Партху семью очень острыми стрелами. Глубоко пронзенный им, могучерукий (наставник), облизывая уголки рта, рассек знамя Юдхиштхиры и лук его. Но с большой поспешностью, в то время, когда стремительность была (чрезвычайно важна), царь тот, наилучший из всех, – чей лук был рассечен, взял в пылу сражения другой лук, еще более тугой и крепкий. И царь тогда тысячею стрел пронзил Дрону вместе с его конями, возницей, знаменем и колесницей. И все это казалось, весьма удивительным!

Измученный от ударов стрел и испытывая мучительную боль, Дрона тогда присел на минуту на площадке своей колесницы, о превосходнейший из рода Бхараты! И обретя через минуту вновь сознание, он, лучший из дваждырожденных, проникнутый сильным гневом, вызвал к действию оружие ваявья. Но тут доблестный сын Притхи, натянув свой лук, бесстрашно отразил то оружие своим таким же оружием в том сражении, о потомок Бхараты! Тогда Васудева, обратившись к Юдхиштхире, сыну Кунти, сказал:

«Слушай, о Юдхиштхира могучерукий, о том, что я скажу тебе! Перестань сражаться с Дроной, о первейший из рода Бхараты! Ибо Дрона всегда стремится схватить тебя в сражении! Я считаю неподобающим для тебя сражаться с ним. Тот, кто создан для сокрушения Дроны, тот завтра убьет его. Оставив поэтому наставника, отправляйся туда, где находится царь Суйодхана и где Бхима, тигр среди воинов на колесницах, сражается с кауравами!»

Услышав слова Васудевы, царь справедливости Юдхиштхира, поразмыслив с минуту, быстро помчался к месту страшной битвы, где был занят сокрушитель врагов Бхима, убивая твоих воинов будто сам Разрушитель с широко разверстой пастью. И оглашая землю сильным грохотом своей колесницы подобно тому как грозовое облако оглашает все десять стран света на исходе жаркой поры, Пандава занял место в тылу Бхимы, уничтожавшего своих врагов. Дрона также, при наступлении ночи, начал сокрушать (войска) пандавов и панчалов.

Так гласит глава сто тридцать седьмая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 138

Санджая сказал:
Меж тем как происходила та свирепая и приводящая в ужас битва у когда мир был окутан тьмою и пылью, о владыка земли, воины, стоявшие на поле брани, не могли видеть друг друга. И та великая, необыкновенная битва, приводящая к гибели людей, слонов и коней и заставляющая подниматься от содроганья волоски на теле, происходила (таким способом что воины там руководствовались) одними лишь предположениями и различными именами, (которые они выкрикивали). Герои Дрона, Карна и Крипа, Бхима, сын Паршаты и Сатьяки изматывали друг друга и войска противной стороны, о лучший из царей!

Войска (обоих лагерей), уничтожаемые со всех сторон теми могучими воинами на колесницах и одолеваемые тьмою и пылью, разбегались во все стороны. В самом деле, воины их разбегались повсюду с содрогнувшимися сердцами. И убегая в том сражении, о великий царь, они подвергались полному истреблению. Тысячи могучих воинов, сражающихся на колесницах, тоже убивали друг друга в той битве. Неспособные ничего видеть в темноте, они лишались чувств. И все это было результатом советов твоего сына. И в самом деле, в тот час, когда все там было окутано тьмою, воины все и предводители войск, о потомок Бхараты, были сбиты с толку в том сражении.

Дхритараштра сказал:
В то время как вы, погруженные во мрак из-за неспособности различить что-либо и лишенные своей мощи,, жестоко были мучимы пан-давами, каково было тогда состояние ваших мыслей? И каким образом также, когда мир был окутан так тьмою, о Санджая, войска пандавов и мои тоже оказались вновь в состоянии видимости?

Санджая сказал:
Тогда все отряды войска (кауравов), которые остались после сражения, (Дрона), дав приказание их предводителям, вновь сплотил в (единый) боевой строй. Дрона стал впереди, а Шалья – в тылу. Сын же, Дроны и сын Субалы расположились по обеим сторонам. А сам царь (Дурьйодхана), о царь, определил себя для защиты всех войск. И сказал Дурьйодхана всем отрядам пехотинцев, о царь, ободряя их поощрительными словами: «Отложив свое высочайшее оружие, все вы возьмите в руки пылающие светильники!»

И побуждаемые лучщим из царей, они тогда, обрадованные, взяли (горящие) светильники. И то войско (кауравов), расположенное вновь (в боевом порядке), выглядело блистательно ночью от света огней (светильников), от дорогих украшений (воинов) и от сверкающего дивного оружия, исторгающегося из него. И в короткое время размещенные (как должно), все те светильники быстро озарили тогда войско.

И право же, все отряды войска, обслуживаемые пехотинцами со светильниками в руках, питаемыми маслом, выглядели величаво, словно облака в ночном небе, (озаряемые) вспышками молний. И когда войско (кауравов) было так освещено, Дрона, подобный огню, опаляя все вокруг, сиял блистательно, о царь царей, в своих золотых доспехах, будто полуденное солнце, окаймленное сверкающими лучами.

Там огонь (тех светильников) стал отражаться тогда на золотых украшениях и дорогих нишках, (носимых на шее), на сверкающих колчанах и на хорошо закаленном оружии (воинов). Булавы из крепко закаленной стали, сверкающие паригхи и дротики, когда они проносились (из конца в конец) на колесницах, отражали все снова и снова, о потомок Аджа-мидхи, сиянием своих лучей пылающий блеск (светильников). Зонты и буйволовые хвосты и вместе с ними пылающие огромные головешки, о царь, а также золотые гирлянды, когда они были колеблемы при сражениях (воинов), выглядели там чрезвычайно красиво. Освещаемое светом тех ламп и озаряемое блеском оружия и украшений, то войско, о царь, сверкало сильным блеском.

Хорошо закаленное оружие, окрашенное кровью, способное наносить повреждения телу и размахиваемое героями, создавало там сверкающий блеск, подобно вспышкам молнии в небе на исходе жаркой поры. Лики воинов, стремительно нападающих (на врагов), чтобы сокрушить их, и содрогающихся в порыве своего нападения, выглядели тогда красиво, подобно густым облакам, движимым ветром. Каким бывает пожар, пылающий в огромном лесу, что меркнет даже блеск солнца, таким стало и освещенное, страшное на вид войско твое, о потомок Бхараты, в час великой опасности.

Видя то войско наше освещенным, партхи тоже с большой поспешностью побудили точно так же к этому отряды пехотинцев во всех своих войсках. И те тогда зажгли светильники. На каждом слоне было установлено по семь светильников, а на каждой колеснице по десять светильников: па два было помещено на спине каждой лошади, множество других был» расположено по бокам и сзади (колесниц), а еще другие – на древках знамен. И во всех их войсках – по сторонам и в тылу, впереди, вокруг и посредине было размещено множество других (светильников).

И с пылающими факелами в руках воины расхаживали в обоих (противостоящих друг другу) лагерях. Во всех войсках отряды пехотинцев смешались с отрядами слонов, колесниц и конницы. А в середине войска пандавов стояли также и другие воины (кроме пехотинцев), освещая его с горящими факелами в руках. И озаряемое тем войском, (наше) войско стало тогда еще более блистательным, словно пылающий огонь, (ставший ярким вдвойне) от рассеивающего лучи, сияющего светила, творящего день. Сверкающий блеск обоих войск, распространившись по земле, небосводу и всем странам света, (казалось), еще более увеличился. И от того яркого света и твое, и их войско стало совсем ясно видимо.

Пробужденные тем светом, достигавшим самих небес, сонмы богов, о царь, толпы гандхарвов, якшей, асуров и сиддхов, а также апсары – все явились туда. И заполненное богами и гандхарвами, сонмами лучших из якшей и асуров и толпами апсар, а также убитыми героями, готовыми вознестись на небо, то поле битвы стало выглядеть подобно самим небесам. Кишащее колесницами, конями и слонами, ярко освещенными от светильников, с разгневанными воинами и с конями, израненными и бредущими как попало, то обширное войско, с воинами, сражающимися на колесницах, конями и слонами, выстроенными в боевые порядки, стало подобно боевому строю богов и асуров, (противостоявших друг другу).

И в той битве, происшедшей ночью между богоподобными людьми, густой поток дротиков заменял свирепый ветер, огромные колесницы – эблака, грохот колесниц и ржание коней – раскаты грома, потоки стрел служили ливнями, а кровь (воинов и животных) заменяла водяные потоки. И в том (сражении) первейший из брахманов, благородный (Дрона), подобно могучему пламени опаляя пандавов, напоминал полуденное солнце на исходе дождливой поры, сжигающее все своими лучами, о владыка людей!

Так гласит глава сто тридцать восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 139

Санджая сказал:
Когда мир, окутанный перед этим тьмою и пылью, был таким образом освещен, герои сошлись тогда, жаждя убить друг друга. И сражаясь в битве, о царь, те воины, вооруженные копьями, мечами и другим оружием, взирали друг на друга под влиянием взаимно испытываемых обид. С тысячами светильников, пылающих со всех сторон, поле битвы сияло тогда блистательно, подобно небосводу, усеянному звездами, о потомок Бхараты! С сотнями горящих факелов земля выглядела чрезвычайно красиво. В самом деле, земля, казалось, была охвачена пожаром, как это бывает при гибели мира.

Все стороны света пылали от тех светильников, расположенных кругом, и казались подобными деревьям, усеянным светлячками вечером в период дождей. Воины-герои тогда сходились один на один с такими же героями, слоны сталкивались со слонами, всадники со всадниками,161 а воины на колесницах сходились с лучшими из таких же воинов, преисполненные радости, той страшной ночью по приказанию твоего сына. Затем Арджуна, о великий царь, с большой стремительностью начал сокрушать войско кауравов, опрокидывая всех царей.

Дхритараштра сказал:
В то время как неодолимый Арджуна, воспаленный гневом и неспо- ; собный перенести (подвигов кауравов), проник в войско сына моего, каково было тогда состояние ваших мыслей? Что подумали воины, когда тот мучитель врагов вторгся в (их ряды)? И о чем также подумал Дурьйодхана, дабы можно было предпринять в первую очередь?

И кто (из воинов) вступил в сражение против того героя, усмирителя врагов? Кто охранял правое колесо Дроны и кто – левое колесо его колесницы? Кто из героев находились в тылу того сражавшегося героя? И кто были те, которые следовали впереди него, когда тот сокрушал врагов в сражении?

Тот могучий и непобедимый лучник, который проник в ряды панчалов, тот тигр среди людей, исполненный великой отваги, который, как бы приплясывая по пути следования своей колесницы, спалил своими стрелами целые скопления колесниц панчалов, точно яростный огонь, – каким образом, увы, тот Дрона нашел свою смерть? Ведь ты всегда говоришь о врагах моих как о невозмутимых и непобедимых. Однако же о моих воинах ты сообщаешь лишь, что они убиты, удручены и обращены в бегство, а о воинах, сражающихся на колесницах, только одно: что они лишены своих колесниц во всех битвах, (где они сражаются)!

Санджая сказал:
Поняв намерение Дроны, желающего сражаться, Дурьйодхана той ночью, о великий царь, обратившись к своим послушным братьям: Викарне, Читрасене и Махабаху – каураве, Дурдхарше и Диргхабаху, и всем тем, которые следовали за ним, сказал: «О герои, преисполненные великой доблести, все вы защищайте старательно Дрону с тылу! Сын же-Хридики будет охранять правое колесо, а Шалья – левое колесо его колесницы!» С этими словами твой сын побудил выступить впереди всех тех храбрых и могучих воинов на колесницах из строя тригартов, которые остались после своего поражения.

И он сказал им:
«Ведь наставник весьма решителен (в сражении), пандавы тоже сражаются с большим рвением. Защищайте же его весьма старательно, в то-время как он сокрушает врагов в сражении. Ведь Дрона могуч в битве он обладает большой ловкостью рук и преисполнен великой отваги. Он может победить самих богов в сражении, – а что уж говорить о партхах вместе с сомаками! Все вы, однако, о могучие воины на колесницах, защищайте Дрону от царевича Панчалийского – Дхриштадьюмны, могучего воина на колеснице!

Среди войск пандавов я не вижу, кроме Дхриштадьюмны, такого воина, который сможет победить Дрону в сражении, о цари! Я считаю поэтому, что нам необходимо всей душою защищать того сына Бхарадваджи! Охраняемый (нами), он несомненно убьет сомаков и сринджаев вместе с их царевичами. И когда будут убиты все сринджайи во главе войска (пандавов), сын Дроны убьет без сомнения Дхриштадьюмну в сражении. Тогда и Карна, могучий воин на колеснице, победит Арджуну в бою. И сам я тоже, облаченный в доспехи, одержу победу над Бхимасеной в сражении. И совершенно очевидно, что эта победа моя будет на долгие времена. Поэтому защищайте в сражении Дрону, о могучие воины на колесницах!»

Сказав так, о лучший из рода Бхараты, сын твой Дурьйодхана дал затем приказание своему войску (выступить) в той кромешной темноте. И тогда разыгралась ночью страшная битва, о бык из рода Бхараты, между обоими войсками, жаждавшими каждое победы над другим. Арджуна начал изматывать войско кауравов, а кауравы стали жестоко мучить Арджуну, осыпая взаимно друг друга различным оружием. Сын Дроны – царя панчалов, а сам же сын Бхарадваджи – сринджаев покрывали в сражении прямыми стрелами.

И в то время как войска пандавов и панчалов (с одной стороны) и войска кауравов – (с другой), о достойнейший, уничтожали друг друга, поднялся страшный шум (на поле брани). И битва, которая произошла той ночью, была столь страшной и свирепой, что подобной никогда раньше не было видано ни нами и ни теми, кто предшествовал нам.
Так гласит глава сто тридцать девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 140

Санджая сказал:
Меж тем как происходила так страшная ночная битва, о владыка народов, несущая гибель всем существам, сын Дхармы Юдхиштхира, обратившись к пандавам и панчалам вместе с сомаками, сказал: «Подступайте смелее 16в и нагряньте на самого Дрону с намерением убить его!»

И по приказанию царя, о царь, панчалы и сомаки ринулись против самого только Дроны, издавая страшные крики. Охваченные неистовым гневом, и мы сами, громко крича в ответ, ринулись против них, в меру своей доблести, отваги и мощи, в сражении. Критаварман, сын Хридикн, нагрянул на Юдхиштхиру, в то время как тот стремился ударщь в Дрону, – подобно тому как возбужденный от течки слон бросается на возбужденного слона. Против внука Шини, сеявшего повсюду тучи стрел» двинулся, о царь, каурава Бхури на головном участке сражения. Сахадеву, сына Панду, могучего воина на колеснице, о царь, сдерживал Карна, сын Викартаны, когда тот подступал, чтобы схватить Дрону. А против Бхимасены, нападавшего подобно всесокрушающему богу смерти с разверстой пастью, ринулся в той битве сам Дурьйодхана.

Шакуни, сын Субалы, о царь, действуя стремительно, сдерживал лучшего из воинов Накулу, искусного во всех приемах ведения боя. А Шикхандина, наилучшего из воинов, сражающихся на колесницах, когда он устремлялся на своей колеснице, сдерживал, о царь, Крипа, сын Шарадвана, в том сражении. Прativиндхью, решительно подступавшего на своих конях, мастью подобных павлинам, сдерживал, о великий царь, сражаясь усердно, Духшасана. Сына Бхимасены (Гхатоткачу), искусного в применении сотни иллюзий, когда он рвался вперед, сдерживал Ашваттхаман, проявляя уважение к своему отцу.

Вришасена же сдерживал в сращении могучего воина на колеснице Друпаду вместе с войском и последователями, пытавшегося захватить Дрону. Царь мадров, сильно разгневанный, сдерживал, о потомок Бхараты, Вирату, когда тот быстро нападал с целью убийства Дроны. Шатанику же, сына Накулы, неистового в сражении, сдерживал Читрасена, быстро (отражая) стрелами, в то время как тот упорно рвался вперед с намерением убить Дрону.

А Арджуну, могучего и превосходнейшего из воинов на колесницах, устремлявшегося вперед, сдерживал, о великий царь, Аламбуса, владыка ракщасов.

Далее, Дхриштадьюмна, царевич Панчалы, с веселым видом сдерживал могучего лучника Дрону, так сокрушавшего врагов в сражении. Равным образом других могучих воинов, сражавшихся на колесницах на стороне сынов Панду и выступавших (против Дроны), сдерживали, о царь, с большой силой другие твои воины на колесницах. Сражающиеся со спин слонов, быстро сшибаясь с воинами же на слонах в той свирепой битве, казались сражающимися друг с другом сотнями и тысячами.

Глубокой ночью, о царь, кони, стремительно наскакивая друг на друга, выглядели подобно крылатым горам. Всадники сходились со всадниками один на один, о великий царь, вооруженные копьями, дротиками и мечами и издавая громкие крики. Там множество людей сражались толпами, разя друг друга булавами и палицами и другим различным оружием.

Критаварман, сын Хридики, воспаленный гневом, сдерживал сын* Дхармы Юдхиштхиру, подобно тому как берег морской сдерживает взды-1ающийся океан. Юдхиштхира, однако, пронзив сына Хридики пятью-стрелами, снова еще пронзил его двадцатью и крикнул: «Стой,

остановись!» Но тут Критаварман, воспылав гневом, о достойнейший, рассек 1ук сына Дхармы стрелой с серповидным острием и пронзил его самого семью стрелами.

Тогда, взяв другой лук, сын Дхармы Юдхиштхира поразил сына Хридики в обе руки и в грудь десятью стрелами. И тот воин и рода Мадху, пронзенный так сыном Дхармы в сражении, о достойнейший задрожал от гнева и жестоко поразил (Юдхиштхиру) семью стрелами. Партха же, рассекши его лук, а равно и кожаный нарукавник, послал в него, о царь, пять острых стрел, (хорошо) отточенных на камне. И те свирепые стрелы, пробив драгоценный его панцирь, сверкающий золотом, вошли в землю, точно змеи – в муравейник.

В одно мгновение ока Критаварман, взяв другой лук, пронзил Пандаву шестьюдесятью стрелами и возницу его – десятью. С неизмеримой з;ушою, Пандава, положив свой огромный лук на колеснице, о лучший из рода Бхараты, метнул в него дротик, напоминающий собою змею. И тот огромный дротик, сверкающий золотом, пущенный Пандавой, пронзив насквозь правую руку (Критавармана), вошел в землю.

Но в это самое-время Партха, взяв снова свой лук, покрыл сына Хридики (тучею) прямых стрел. Тогда храбрый (Критаварман), первейший воин на колеснице среди вришниев, менее чем в мгновение ока m лишил в том сражении Юдхиштхиру коней, его возничего и колесницы. Вслед за тем старший сын Панду взял меч и щит. Но тот отпрыск рода Мадху в пылу сражения раз-цробил их острыми стрелами.

Тогда, взяв неотразимую пику с древком, украшенным золотом, Юдхиштхира в сражении том быстро послал ее в сына Хридики. И ту пику, пущенную из рук царя справедливости и стремительно несущуюся на него, сын Хридики, обнаруживая большую ловкость рук, рассек на ггве части, улыбаясь при этом. Затем он осыпал сына Дхармы сотнею стрел в том бою и, воспаленный гневом, рассек его панцирь острыми стрелами.

И тот панцирь благородного (Юдхиштхиры), рассеченный стрелами сына Хридики в сражении, распался на куски, (упав с него), о царь, подобно россыпи звезд, скатившейся с небосвода. С луком рассеченным, с доспехами распавшимися, лишенный колесницы и жестоко мучимый стрелами (противника), сын Дхармы Юдхиштхира поспешно удалился с поля брани. Критаварман же, преисполненный могучей силы, победив Юдхиштхиру, сына Дхармы, снова стал охранять колесо колесницы Дроны.

Так гласит глава сто сороковая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 141

Санджая сказал:
Бхури, о царь, в сражении том сдерживал внука Шнни, лучшего из воинов на колесницах, упорно подступавшего к нему, подобно слону ради утоления жажды. Но вот Сатьяки, воспаленный гневом, быстро пронзил ему грудь пятью острыми стрелами. И у него потекла кровь. Точно так же и Каурава пронзил в пылу битвы грудь внуку Шини, одержимого в бою, десятью острыми стрелами.

Оба они, о великий царь, с глазами, красными от гнева, натягивая с яростью свои луки, принялись жестоко терзать друг друга стрелами. И меж тем как оба они, исполненные гнева и подобные всеразрушителю Яме, метали свои стрелы, о великий царь, ливень этих стрел был весьма ужасен. Покрывая друг друга стрелами, о царь, оба они стояли друг перед другом в том сражении.

И только на самое короткое время битва та была как будто равной. Тогда, о великий царь, внук Шини, пылая гневом и улыбаясь в то же время, рассек в пылу сражения лук благородного Кауравьи. И рассекши его лук, он быстро затем пронзил ему грудь девятью острыми стрелами и крикнул: «Стой, остановись!»

Глубоко пронзенный могучим врагом своим, тот усмиритель врагов, взяв другой лук, пронзил в ответ воина из рода Сатвата. И пронзив героя из рода Сатвата тремя стрелами, о владыка народов, Бхури рассек его лук очень острой стрелою с серповидным наконечником, улыбаясь в то же время. Лишившись так своего лука, о великий царь, Сатьяки, обезумевший от гнева, метнул дротик, отличающийся большой стремительностью, в грудь своему противнику.

И с телом, пронзенным тем дротиком, тот упал с превосходнейшей колесницы, весь окрашенный кровью, будто ярколучистое (солнце), случайно скатившееся с небосвода. И увидев того героя убитым, могучий воин на колеснице Ашваттхаман ринулся стремительно против внука Шини в том сражении и окатил его потоком стрел, подобно тому как облако поливает ливнем (гору) Меру.

И к нему, яростно устремлявшемуся к колеснице внука Шини, обратился могучий воин на колеснице Гхатоткача, о царь, испустив громкий рев: «Стой, остановись, о сын Дроны! Ты не уйдешь от меня живым! Я убью тебя сегодня, как повелитель Сканда (убил демона) Махишу! Сегодня на поле брани я изгоню из тебя всякое желание битвы!»

Сказав так, тот ракщас, губитель вражеских героев, с глазами, медно-красными от гнева, обрушился в ярости на сына Дроны, подобно тому как лев бросается на царя слонов. И Гхатоткача окатил дождем стрел, размером в ось колесницы, сына Дроны, быка среди воинов на колесницах, точно облако исторгает ливни дождя. Но тот ливень стрел, обрушившийся на него, сын Дроны быстро рассеял в сражении стрелами, напоминающими ядовитых змей, усмехаясь при этом. Затем он осыпал того владыку рак-шасов Гхатоткачу сотнями острых, быстролетных стрел, способных проникать в самые жизненно важные места, о усмиритель врагов!

И усеянный так его стрелами, ракшас на головном участке боя выглядел красиво, о великий царь, будто дикобраз, усеянный иглами. Тогда доблестный сын Бхимасены, преисполненный ярости, принялся терзать сына Дроны лютыми стрелами, проносящимися со свистом, точно раскаты грома. Он (поражал его) стрелами с бритвообразным острием и с наконечником в виде полумесяца, и длинными, и с острием в виде лягушки, а также с наконечниками в виде кабаньего уха и копьеобразными, и острыми, и с колючкообразным острием.

И как ветер рассеивает могучие тучи, сын Дроны, преисполненный великой мощи, без малейшего расстройства своих чувств уничтожил в гневе своими страшными стрелами, наделенными с помощью мантр силой дивного оружия, тот невыносимый и несравнимый ливень оружия, непрестанно падающий на него и своим шумом напоминавший раскаты грома.

И казалось тогда, будто в воздушном пространстве происходило другое сражение между стрелами (вместо ратников), страшное видом, о великий царь, и увеличивающее радость воинов. От искр, вспыхивающих при столкновении оружия (в воздухе), небосвод выглядел тогда красиво, словно усеянный светлячками при наступлении ночи. Покрыв все стороны света тучами своих стрел, сын Дроны затем осыпал ими ракшаса, дабы сделать приятное твоему сыну.

И когда среди ночи вновь возобновилась битва, между сыном Дроны и ракшасом произошла схватка, как (некогда) – между Шакрой и Прахрадой. Тогда Гхатоткача, сильно разгневанный, ударил в пылу сражения его в грудь десятью стрелами, напоминающими разрушительный огонь в конце юги. И пронзенный ракшасом теми метко настигающими стрелами, могучий сын Дроны зашатался в сражении, подобно дереву, поколебленному ветром. И, прислонившись к древку знамени, он впал в беспамятство.

Тогда все войско твое, о повелитель людей, издало крики «Ой! Аи!» Ибо все воины твои подумали, что сын Дроны убит, о владыка народов! Напротив же, увидев Ашваттхамана в таком состоянии, панчалы и сринджайи в том сражении издали львиный клич. Обретя вновь сознание, могучий Ашваттхаман, сокрушитель врагов, сильно натянув тогда лук левой рукой вплоть до самого уха, быстро выпустил из него страшную, превосходнейшую стрелу, подобную жезлу самого Ямы, целясь в Гхатоткачу. И та превосходнейшая стрела, свирепая и хорошо оперенная, пронзив насквозь грудь ракшаса, вошла в землю, о владыка земли!

Глубоко пронзенный сыном Дроны, высокомерным в битве, о великий царь, тот владыка ракщасов, наделенный могучей силой, присел на площадке колесницы. Видя сына Хидимбы лишившимся чувств, возница его, охваченный смятением, с большой поспешностью удалил его с поля боя, увозя подальше от сына Дроны. Пронзив так в сражении владыку ракшасов Гхатоткачу, могучий сын Дроны издал пронзительно-громкий клич. И высокочтимый твоими сыновьями и всеми воинами, о потомок Бхараты, он сверкал телесного красою, подобно полуденному солнцу.

Что до Бхимасены, сражавшегося впереди колесницы сына Бхарадваджи, то царь Дурьйодхана сам пронзил его (множеством) острых стрел. Бхимасена тоже пронзил его в ответ девятью стрелами, о достойнейший! Дурьйодхана же в свою очередь пронзил его двадцатью стрелами. Так покрываемые взаимно стрелами на поле брани, оба они выглядели подобно солнцу и месяцу, заволоченным сетью облаков на небосводе. Тогда царь Дурьйодхана пронзил Бхиму пятью оперенными стрелами, о лучший из рода Бхараты, и крикнул: «Стой, остановись!»

Но тут Бхима, рассекши лук его и знамя девятью стрелами, пронзил самого (царя), превосходнейшего из кауравов, (выпустив в него) девяносто прямых стрел. Тогда Дурьйодхана, преисполненный гнева, о достойнейший, метнул в ответ в Бхимасену множество стрел, о царь, на глазах у всех воинов. Отразив те стрелы, выпущенные из лука Дурьйодханы, Бхима поразил царя кауравов двадцатью пятью короткими стрелами. Дурьйодхана, однако, сильно разгневанный, о достойнейший, рассек лук Бхимасены стрелой с бритвообразным острием и пронзил его самого в ответ десятью стрелами.

Тогда, взяв другой лук, могучий Бхимасена быстро пронзил царя семью острыми стрелами. Но даже и этот лук его мгновенно рассек (Дурьйодхана), обнаруживая большую ловкость рук. Равным образом (рассек он) и второй, и третий, и четвертый, и пятый лук (своего противника). И каждый лук, какой ни брал Бхима, о великий царь, всякий раз рассекал твой сын, неистовый от возбуждения и жаждущий победы, о высокий повелитель!

Меж тем как один за другим каждый лук его был рассекаем все снова и снова. Бхима метнул тогда в пылу сражения сверкающий дротик, целиком сделанный из железа. И дротик тот, прежде чем он смог достичь его, царь кауравов рассек на три части на глазах у всех воинов и самого, Бхимы благородного. Тогда Бхима, о великий царь, закружив тяжелой, сильно блещущей палицей, метнул ее с большой силой в колесницу Дурьйодханы.

И та тяжелая палица стремительно сокрушила коней и возницу твоего сына в сражении, о бык из рода Бхараты! Сын же твой, о царь царей, быстро вскочил со своей украшенной золотом колесницы на колесницу благородного Нандаки.

Тогда Бхима, сочтя сына твоего, могучего воина на колеснице, убитым, издал громкий львиный клич, как бы устрашая кауравов. Твои воины также считали царя убитым. И все они подняли со всех сторон крики «Ой! Аи!» Услышав вопли тех перепуганных воинов всех и услышав также, о царь, клич благородного Бхимасены, царь Юдхиштхира тоже решил тогда, что Суйодхана убит, и стремительно направился туда, где был Врикодара, сын Притхи. А панчалы, кекайи, матсьи и сринджайи, о владыка народов, ринулись всей мощью своей против Дроны из желания сразиться с ним. И там произошла ужасно свирепая битва между Дроной и его врагами. И окутанные кромешною тьмою, воины (с обеих сторон) разили и убивали друг друга.

Так гласит глава сто сорок первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 142

Санджая сказал:
Карна, сын Викартаны, о владыка народов, сдерживал в той битве Сахадеву, быстро подступавшего, чтобы схватить Дрону, о потомок Бхараты. Но тут Сахадева, пронзив сына Радхи девятью быстролетными стрелами, снова пронзил его десятью острыми, прямыми стрелами. В ответ Карна пронзил его сотнею прямых стрел и, обнаруживая большую ловкость рук, мгновенно рассек его натянутый лук. Тогда, взяв другой лук, доблестный сын Мадри пронзил Карну двадцатью стрелами. И (зрелище) то казалось весьма удивительным!

Но тут Карна, убив коней Сахадевы прямыми стрелами, быстро отправил его возницу стрелой с серповидным острием в обиталище Ямы. И лишенный колесницы, Сахадева взял тогда меч и щит. Но даже и то оружие раздробил Карна своими стрелами, улыбаясь при этом. Тогда Сахадева в пылу сражения послал в колесницу сына Викартаны огромную, увесистую палицу, сверкающую золотом. Но ту стремительно несущуюся на него палицу, пущенную Сахадевой, Карна отразил своими стрелами и заставил ее упасть на землю.

Увидев свою палицу сокрушенной, Сахадева с большой поспешностью метнул в Карну дротик. Но и тот дротик его он рассек своими стрелами. Быстро соскочив тогда с превосходнейшей своей колесницы, о великий царь, и с гневом взирая на Карну, стоящего перед ним, Сахадева схватил колесо колесницы и бросил его в колесницу сына Адхиратхи.

И то колесо, стремительно несущееся на него, подобно поднятому колесу смерти, сын возницы рассек многими тысячами стрел. Когда же колесо (в своем назначении) оказалось напрасным из-за действий того благородного (героя), Сахадева, сдерживаемый его стрелами, покинул поле боя. Преследовав его короткое время, сын Радхи, о бык из рода Бхараты, сказал Сахадеве, слегка улыбаясь, о владыка народов, такие слова: «Не сражайся, о герой, в битве с воинами на колесницах, превосходящими тебя! Сражайся с равными себе, о сын Мадри! Не сомневайся же в словах моих!» Затем коснувшись его концом лука, он промолвил опять: «Вон Арджуна ревностно сражается в битве с кауравами. Ступай туда, о сын Мадри, или возвращайся домой, если тебе угодно!»

Сказав ему так, Карна, лучший из воинов, сражающихся на колесницах, улыбаясь, двинулся на своей колеснице против войск панчалов и пандавов.

И тот губитель врагов, могучий воин на колеснице, верный данному слову, не убил сына Мадри, хотя он уже и был обречен на смерть, помня, о царь, о словах Кунти. А Сахадева тогда, упавший духом, мучимый стрелами, о царь, и терзаемый жалами слов Карны, проникнулся отвращением к жизни. И в пылу сражения том могучий воин на колеснице с большой поспешностью взошел на колесницу Джанамеджайи, благородного царевича Панчалы.

(Между тем) царь мадров покрывал тучами стрел Вирату, могучего лучника, вместе с его войском, быстро следовавшего, чтобы схватить Дрону. И между обоими упорными лучниками на поле брани произошла битва, о царь, подобная той, какая происходила некогда между Джамбхой и Васавой.

Царь мадров, о великий царь, стремительно ударил в Вирату, повелителя войска, сотнею острых стрел. Но его пронзил в ответ царь (Вирата) восемью острыми стрелами и затем снова – семьюдесятью тремя и опять еще – сотнею стрел. Но тут повелитель мадров, убив в сражении его коней колесничных, поверг возницу и знамя его с площадки колесницы. Быстро, однако, соскочив с колесницы, кони которой были убиты, (Вирата), могучий воин на колеснице, стоял, натягивая свой лук и выпуская острые стрелы. При виде брата, лишенного своих коней, Шатаника быстро примчался к нему на колеснице на глазах у всех воинов. Но заметив Шатанику, подступающего в пылу жестокой битвы, царь мадров пронзил его множеством стрел и отправил в обиталище Ямы.

Когда же был убит тот герой (Шатаника), Вирата, первейший из воинов, сражающихся на колесницах, быстро взошел на колесницу (павшего) героя, украшенную знаменем и гирляндами. И широко раскрыв глаза, с отвагой, удвоенной от гнева, он стремительно покрыл колесницу царя мадров пернатыми стрелами. Тогда повелитель мадров, преисполненный ярости, сильно поразил в грудь Вирату, предводителя войска, сотнею прямых стрел. Глубоко пронзенный ими, о великий царь, Вирата сел на площадке колесницы и впал в беспамятство, о бык из рода Бхараты! И возница, (видя его), израненного стрелами в сражении, вывез его оттуда. Тогда обширное то войско, о потомок Бхараты, обратилось в бегство той ночью, сотнями стрел уничтожаемое Шальей – украшением битвы.

Увидев, что войско то разбегается, Васудева и Дхананджая помчались туда, о царь царей, где находился Шалья. Но тут, о царь, против тех обоих (героев) выступил владыка ракшасов Аламбуса, стоя на превосходнейшей колеснице о восьми колесах, запряженной страшными на вид пишачами с лошадиными мордами, снабженной пропитанным кровью знаменем и украшенной красными гирляндами, сделанной из черного железа, страшной и огромной, покрытой медвежьими шкурами, со стягом над ней, устремленным ввысь и красующимся ужасным на вид, пестрокрылым царем стервятников с широко раскрытыми глазами и неустанно кричащим.

И тот ракшас, о царь, выглядел красиво, подобно массе растертой глазной мази. И он сдерживал подступавшего Арджуну, как царь гор (Меру) – ураганный ветер, сея сотнями тучи стрел, о царь, на голову Арджуны. И битва при столкновении человека с ракшасом была чрезвычайно свирепой и вызывала у всех зрителей восхищение, о бык из рода Бхараты!

Арджуна ударил в Аламбусу целой сотней пернатых стрел и затем рассек девятью острыми стрелами его высокое знамя. Тремя другими стрелами он рассек возницу его, еще другими тремя – его тройное бамбуковое дышло, и еще одной стрелой – его лук, а четырьмя другими скосил четырех его коней. Наконец, когда Аламбуса был лишен колесницы, он рассек надвое поднятый меч его. Затем, о бык из рода Бхараты, Партха жестоко уязвил владыку ракшасов четырьмя острыми стрелами. И пронзенный так, он убежал в страхе. Победив его, Арджуна быстро проследовал в направлении Дроны, сея тучи стрел, о царь, в людей, слонов и коней.

Убиваемые, о великий царь, прославленным Пандавой, воины падали на землю как деревья, поваленные ветром. И меж тем как они уничтожались так благородным Пхальгуной, все войско сыновей твоих разбежалось, о владыка народов!

Так гласит глава сто сорок вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 143

Санджая сказал:
Шатанику (сына Накулы), быстро сжигающего твое войско своими стрелами, сдерживал твой сын Читрасена, о потомок Бхараты! Но тут сын Накулы жестоко уязвил Читрасену длинной стрелою. А тот пронзил его в ответ десятью острыми стрелами. И снова Читрасена, о великий царь, в пылу битвы поразил Шатанику посередь груди девятью острыми стрелами. Сын Накулы тогда прямыми стрелами снес его доспехи с туловища его. И (зрелище) то казалось весьма удивительным! Лишенный своих доспехов, сын твой, о царь, выглядел чрезвычайно красиво, подобно змее, о великий царь, сбросившей свою обветшалую кожу в подходящее время.

Затем сын Накулы рассек острыми стрелами его знамя и лук, о великий царь, в то время как он усердно прилагал усилия в сражении. Лишенный своего лука в сражении и без доспехов, тот могучий воин па колеснице, о великий царь, взял другой лук, способный сокрушать любого врага.

Тогда Читрасена, могучий воин на колеснице среди бхаратов, разгневанный в сражении, стремительно пронзил сына Накулы девятью стрелами. Но тут Шатаника, наилучший из мужей, преисполненный ярости, о достойнейший, убил четырех коней Читрасены и затем его возницу. Соскочив с той колесницы, Читрасена, могучий воин, сражающийся на колеснице, наделенный огромной силой, жестоко поразил сына Накулы двадцатью пятью стрелами. И в то время как он совершал сей бранный подвиг, сын Накулы стрелою с наконечником в виде полумесяца рассек в сражении лук его, украшенный жемчугами. Лишенный своего лука и колесницы, потеряв убитыми коней и возницу, Читрасена тогда быстро взошел на колесницу благородного сына Хридики.

Тел временем Врпшасена ринулся с большой стремительностью, сея сотни стрел, против могучего воина на колеснице – Друпады, вместе со своим войском стремившегося схватить Дрону. И Яджнясена в сражении том пронзил обе руки и грудь у сына Карны, могучего воина на колеснице, шестьюдесятью стрелами, о безупречный! Но тут Вришасена, сильно разгневанный, поразил стоявшего на колеснице Яджнясену множеством острых стрел посередь груди.

И те оба воина, с телами, израненными стрелами, и в сражении покрытые сами колючками стрел, выглядели красиво, о великий царь, подобно двум дикобразам с их торчащими иглами. В доспехах, иссеченных стрелами с прямыми остриями и золотым оперением, залитые потоками крови, оба они выглядели блистательно в той свирепой битве.

В самом деле, они представлялись на поле брани двумя сверкающими блеском зрелищами, точно это были два необычайных дерева киншука, распустившихся цветами. Тогда Вришасена, о царь, пронзив Друпаду девятью стрелами, снова пронзил его семьюдесятью и опять еще – тремя другими стрелами. И выпуская тысячи стрел, сын Карны, о великий царь, выглядел тогда красиво, подобно облаку, исторгающему ливни дождя.

И вот, когда наступила страшная ночь, о царь, войско Друпады, где МгЯ ратные доспехи были иссечены стрелами (врагов), пустилось в бегство с поля брани. И из-за сверкающих светильников, брошенных повсюду воинами, земля, о царь, выглядела красиво, словно безоблачное небо, усеянное планетами и звездами. А от упавших браслетов ангада земля выглядела блистательно, о великий царь, подобно грозовой туче во время дождей, озаренной вспышками молний.

Напуганные сыном Карны, сомаки тогда разбежались (во все стороны), подобно тому как (некогда) данавы, перепуганные от страха перед Индрой, (обратились в бегство) при сокрушении (демона) Тараки. Так мучимые жестоко Вришасеной в сражении и убегающие (оттуда), сомаки, о великий царь, освещенные светильниками, выглядели чрезвычайно красиво.

И победив их в бою, сын Карны блистал величаво, подобно жарколучистому солнцу, когда оно достигло полудня, о потомок Бхараты! Среди тысяч тех царей с твоей и вражеской стороны только доблестный Вришасена один стоял, сверкая величаво. Победив в сражении (многих) героев и (всех) могучих воинов на колесницах среди сомаков, он поспешно направился туда, где находился царь Юдхиштхира.

Против разгневанного Прativиндхьи, разящего врагов в сражении, выступил сын твой, Духшасана, могучий воин на колеснице. Сражение, происходившее между ними обоими, о царь, являло красивое зрелище, точно это было (столкновение) между Будхой и Бхаргавой в безоблачном небе. И вот Прativиндхью, совершавшего трудновыполнимый подвиг в бою, Духшасана поразил тремя стрелами в лоб. Глубоко пронзенный могучим лучником, сыном твоим, он, могучерукий, выглядел красиво, подобно горе, украшенной гребнем.

Но тут Прativиндхья, могучий воин на колеснице, пронзив в сражении Духшасану девятью стрелами, снова пронзил его семью. Тогда, о потомок Бхараты, сын твой совершил там трудновыполнимый подвиг, ибо повалил коней Прativиндхьи свирепыми стрелами. Другой стрелой с серповидным острием он уложил его возницу и знамя. Затем, о царь, он разнес на сотни кусков колесницу того лучника. Воспаленный гневом, сын твой, о владыка, разорвал на мелкие клочья прямыми стрелами и флажки, колчаны, тетивы и постромки (у вражеской колесницы).

Но, лишенный колесницы, справедливый Прativиндхья стоял с луком в руке и продолжал сражаться с твоим сыном, сея многие сотни стрел, он (Духшасана) стрелою с бритвообразным острием рассек лук его, обнаруживая большую ловкость рук. Затем он жестоко поразил его, лишенного лука, десятью стрелами с серповидным острием. Увидев его там без колесницы, братья его, могучие воины на колесницах, устремились туда в большой поспешности вместе с огромным войском.

Тут он вскочил на сверкающую колесницу Сутасомы. И взяв, о великий царь, другой лук, он стал пронзать (стрелами) твоего сына. Но тут все воины твои в сопровождении обширного войска устремились в битву, окружив твоего сына, (чтобы вызволить его). И тогда разыгралась битва между твоими и их (войсками), о потомок Бхараты, в страшный полуночный час, увеличивающая (население) царства Ямы.

Так гласит глава сто сорок третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 144

Санджая сказал:
Против Накулы, сокрушавшего в битве твое войско, выступил со всей стремительностью сын Субалы (Шакуни), преисполненный гнева, и крикнул ему: «Стой, остановись!» Оба пылая взаимной враждою, оба жаждущие убить друг друга, те два героя разили друг друга стрелами, выпущенными из (лука), натянутого до предельной возможности. С какой быстротой метал ливни стрел сын Субалы, такую же именно ловкость, о царь, обнаруживал в битве и Накула.

Оба унизанные колючками стрел в сражении, о великий царь, они тогда выглядели красиво, подобно двум деревьям шальмали с их торчащими колючками. Бросая друг на друга косые взгляды, о царь, с широко раскрытыми и покрасневшими от гнева глазами, оба они, казалось, сжигали друг друга. Но вот шурин твой, преисполненный гнева и улыбаясь в то же время, пронзил грудь сыну Мадри тонко отточенной стрелою с колючкообразным острием. И глубоко пронзенный тем лучником, шурином твоим,198 Накула опустился на площадке колесницы и впал там в обморочное состояние. Увидев своего надменного противника, заклятого врага своего, оказавшегося в таком состоянии, Шакуни, о царь, издал громкий рык, как рокочет облако на | исходе жаркой поры.

Обретя сознание, Накула, отпрыск Панду, ринулся снова против сына Субалы, будто сам Разрушитель с широко разверстой пастью. Воспламененный гневом, он пронзил Шакуни шестьюдесятью стрелами, о бык | из рода Бхараты, и опять еще сотнею длинных стрел – посредине груди. Затем он рассек лук его вместе с (возложенной на него) стрелой у самой рукояти. Срубив потом мгновенно его знамя, он заставил упасть его с колесницы на землю.

Глубоко пронзенный, Шакуни, о великий царь, опустился на площадке колесницы. Увидев шурина твоего, свалившегося без сознания, о безупречный, возница его поспешно вывез его на колеснице с головного участка битвы. И тогда партхи и все их приверженцы издали громкие клики. И победив своих врагов в сражении, Накула, усмиритель врагов, сказал, разгневанный, вознице своему: «Вези меня к войску Дроны!» Услышав те слова мудрого сына Мадри, возница отправился к тому месту на поле брани, о царь, где сражался Дрона.

(Тем временем) против Шикхандина, стремившегося (перехватить) Дрону в сражении, о владыка народов, выступил решительно Крипа, сын Шарадвана, с большой стремительностью. Но того усмирителя врагов, сына Гаутамы, быстро подступавшего к нему вблизи Дроны, Шикхандин пронзил, улыбаясь при этом, девятью стрелами с серповидным острием. Наставник же (Крипа), благодетель сыновей твоих, о великий царь, пронзив его пятью быстролетными стрелами, снова еще пронзил двадцатью.

И битва, происходившая между ними обоими, была чрезвычайно страшной на вид, о владыка народов, подобно той, что происходила между Шамбарой и царем бессмертных во время великой битвы между богами и асурами. Оба те могучих воина на колесницах покрыли небосвод сетью своих стрел. И сам по себе мрачный видом, он сделался тогда еще более мрачным. И ночь, о лучший из рода Бхараты, пока воины были заняты битвой, стала подобна ночи при гибели мира, страшной на вид и внушающей ужас.

Тут Шикхандин, о великий царь, рассек стрелою с наконечником в виде полумесяца огромный лук сына Гаутамы вместе с натянутой тетивой и (возложенной на него) стрелой. Воспаленный же гневом Крипа, о царь, метнул в него страшный дротик, с золотым древком и непритупленным острием, гладко обточенный кузнецом. Но тот летевший на него дротик Шикхандин рассек множеством стрел.

И сверкающий, он упал на землю, озаряя (все вокруг) ярким блеском. Тогда, взяв другой лук, сын Гаутамы, наилучший из воинов на колесницах, покрыл, о великий царь, Шикхандина (тучею) острых стрел. И покрываемый так в сражении прославленным сыном Гаутамы, Шикхандин, наилучший из воинов на колесницах, опустился в изнеможении на площадке колесницы. Увидев его совсем изнеможенным, Крипа, сын Шарадвана, в пылу битвы ударил в него множеством стрел, желая убить его, о потомок Бхараты! (И Шикхандин тогда был увезен с поля боя своим возницей).

Видя, что сын Яджнясены, тот могучий воин на колеснице, отвернулся от битвы, панчалы и сомаки окружили его со всех сторон, (чтобы вызволить его). Точно так же и твои сыновья окружили выдающегося из дважды-рожденных (Крипу) вместе с обширным своим войском. И тогда битва разыгралась вновь. И в то время как в сражении, о царь, колесницы набегали одна на другую, поднялся страшный шум, словно от рокочущих облаков. И когда всадники и слоны, о владыка народов, устремлялись друг против друга, поле битвы, о царь, выглядело очень страшным.

От топота ног стремительно идущих пехотинцев стала дрожать земля, подобно женщине, перепуганной от страха. Многие колесницы, настигая вражеские колесницы, проносились с еще большей стремительностью, подхватывая (и опрокидывая) их, о царь, подобно тому как вороны хватают летучих насекомых (в воздухе). Равным образом и могучие слоны, сильно исходящие течкой, (обрушиваясь) на подобных же слонов, схватывались с неистовым упорством на том же самом месте, о потомок Бхараты! Точно так же и всадник, наталкиваясь на всадника, и пехотинец – на пехотинца, в ярости не проходили мимо друг друга в сражении.

И там, глубокой ночью, шум от убегавших и нападавших воинов, а также и возвращавшихся вновь стал оглушительным. И горящие светильники, помещенные на колесницах, слонах и конях, казалось, напоминали, о великий царь, огромных метеоров, падающих с неба. Та ночь, о первейший из рода Бхараты, озаренная теми светильниками, выглядела подобно дню, о царь, на головном участке битвы. Как тьма кромешная во всем мире, соприкоснувшись с солнцем, рассеивается полностью, так и густой мрак был уничтожен там, будучи озарен горящими светильниками. Блеск оружия, панцирей и драгоценных камней благородных (героев) повсюду потускнел от яркого света тех светильников.

И в то время как происходила та свирепая и невероятно шумная битва пред лицом ночи, отец в пылу сражения убивал сына, о превосходнейший из рода Бхараты, сын в ослеплении убивал отца и друг убивал друга, родственник – родственника, а дядя но матери–сына сестры; свои убивали своих, враги тоже убивали своих же, один другого. И битва, разыгравшаяся ночью, была ужасной, наводящей страх (на воинов) и не знающая границ нравственного свойства.

Так гласит глава сто сорок четвертая 6 Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 145

Санджая сказал:
Меж тем как происходила та свирепая и приводящая в ужас битва, Дхриштадьюмна, о великий царь, двинулся против Дроны. Сжимая свой превосходнейший лук и натягивая тетиву все снова и снова, он устремился к колеснице Дроны, украшенной золотом. И Дхриштадьюмну, выступившего с намерением сокрушить Дрону, окружили тогда, о великий царь, панчалы вместе с пандавами. Увидев Дрону, наилучшего из наставников, теснимого так (врага-

ми), сыновья твои, старательно прилагая усилия в сражении, стали защищать Дрону со всех сторон.

И те два моря войск сошлись тогда (одно с другим) пред лицом ночи, словно два страшных океана, вздымаемые ветром, со всеми живущими в них существами, сильно взволнованными. И тут царевич Панчалы, о великий царь, быстро пронзил Дроне грудь пятью стрелами и издал львиный клич. Дрона, однако, о потомок Бхараты, пронзив его в ответ двадцатью пятью стрелами в сражении том, рассек другой стрелой с серповидным острием лук его, сильно блещущий. И жестоко пронзенный Дроной, Дхриштадьюмна, о бык из рода Бхараты, поспешно отбросив лук свой, сильно закусил (нижнюю) губу.

И преисполненный гнева, о великий царь, доблестный Дхриштадьюмна взял тогда другой превосходнейший лук с намерением сокрушить

Дрону. Натянув свой сверкающий лук вплоть до самого уха, тот губитель вражеских героев выпустил ужасную стрелу, способную причинить гибельный конец Дроне. И та страшная стрела, выпущенная могучим (героем) в свирепой битве, осветила все войско, подобно взошедшему солнцу. Увидев ту ужасную стрелу, боги, гандхарвы и люди промолвили, о царь, такие слова:

«Благополучие да будет Дроне в сражении!» Ту стрелу! однако, не достигшую еще колесницы наставника, Карна, о царь, обнаруживая большую ловкость рук, рассек на двенадцать частей. И рассеченная, о царь, на множество частей сыном возницы, о достойнейший, стрела та быстро упала (на землю), сбитая стрелами Карны. И рассекши в сражении ту стрелу своими прямыми стрелами, Карна пронзил в пылу битвы самого Дхриштадьюмну десятью стрелами. И пятью стрелами пронзил его сын Дроны, а сам Дрона – семью; Шалья пронзил девятью стрелами и Духшасана – тремя. И Дурьйодхана пронзил его двадцатью, также й Шакуни – пятью.

И действительно, все те могучие воины на колесницах быстро пронзили царевича Панчалы. Так он был пронзен семью героями в том сражении, (усердно старавшимися) ради вызволения Дроны. Однако и Дхриштадьюмна, о царь, не дрогнув, пронзил в ответ всех их тремя стрелами каждого.

И (среди них) он пронзил самого Дрону и сына Дроны, также Карну и сына твоего. Пронзенные тем лучником, они снова в пылу той битвы, лучшие из вои^ нов на колесницах, быстро пронзили Дхриштадьюмну пятью стрелами каждый в отдельности. Друмасена же, сильно разгневанный, о царь». пронзил его пернатой стрелою, затем быстро – тремя другими стрелами и крикнул ему: «Стой, остановись!»

Но Дхриштадьюмна в ответ пронзил его в пылу битвы тремя острыми, неуклонно летящими стрелами с золотым оперением, гладко обточенными на камне и способными оборвать жизнь (своей жертвы). Затем другой стрелой с серповидным острием он, исполненный могущества, снес голову с туловища Друмасены, украшенную, сверкающими золотыми серьгами.

И голова та, со впадиной от закушенной, в пылу сражения (нижней) губы, упала на землю, точно созревший плод пальмового дерева, отпавший под действием сильного ветра. Пронзив снова тех героев остро отточенными стрелами, герой (Панчалы) рассек стрелами с серповидным острием лук сына Радхи, искушенного в различных приемах ведения боя.

Но Карна не смог перенести того, что был рассечен лук его, подобно тому как свирепейший лев не в состоянии вынести отсечения своего хвоста. Взяв другой лук, он с глазами, красны-

ми от гнева, и тяжело дыша, покрыл (как дождем) могучего Дхриштадьюмну тучами стрел. Увидев Карну, сильно разгневанного, герои те – шестеро быков среди воинов, сражающихся на колесницах, быстро окружили царевича Панчалийского с намерением убить его.

И (при виде) Дхриштадьюмны, оказавшегося впереди шестерых выдающихся воинов твоих, мы сочли его уже попавшим в пасть самой Смерти. В это самое время Сатьяки из рода Дашарха, сея (на пути своем) стрелы, примчался навстречу доблестному Дхриштадьюмне.

Но того могучего лучника Сатьяки, несокрушимого в бою, сын Радхи пронзил десятью неуклонно летящими стрелами. В ответ и Сатьяки, о великий царь, пронзил его десятью стрелами на глазах у всех героев и, обратившись к нему, сказал: «Не убегай, а стой (передо мной)!»И схватка, происшедшая между могучим Сатьяки и благородным Карной, была ужасной, подобна той, (что происходила некогда) между Бали и Васавой.

Приводя в ужас кшатриев шумными хлопками ладоней рук своих, тот бык среди кшатриев Сатьяки еще раз пронзил в ответ лотосоглазого Карну (множеством стрел). Сотрясая землю звоном своего лука, могучерукий сын возницы, о великий царь, состязался в битве с Сатьяки. И Карна пронзил в ответ внука Шини различными стрелами – длинными, с колючкообразным острием и железными, с наконечником в виде телячьего зуба и с бритвообразным острием, а также сотнями других стрел.

Точно так же и Ююдхана, выдающийся воин на колеснице среди вришниев, дождил Карну своими стрелами. И битва та была равной (для обеих сторон). Но тут сыновья твои, о великий царь, и сын Карны, облаченный в доспехи, быстро пронзили Сатьяки острыми стрелами со всех сторон. Отражая своим оружием оружие их всех и Карны, о владыка, Сатьяки, воспаленный гневом, пронзил Вришасену посередь груди. И пронзенный той стрелою, доблестный Вришасена, о владыка народов, упал на колеснице в замешательстве, выпустив свой лук.

Тогда Карна, могучий воин на колеснице, решив, что Вришасена убит, преисполнился мучительной скорби о сыне и принялся теснить жестоко Сатьякп. Но мучимый так Карной, Ююдхана, могучий воин на колеснице, с большой стремительностью пронзил Карну еще и еще раз множеством стрел. Пронзив снова Карну десятью стрелами и Вришасену семью, тот герой из рода Сатвата рассек луки их обоих вместе с их кожаными нарукавниками.

Тогда оба те героя, натянув тетивою другие луки, способные внушать ужас врагам, стали пронзать Ююдхану со всех сторон острыми стрелами. Меж тем как происходило то сражение, столь губительное для выдающихся героев, послышался громко, о царь, могучий звон лука ган-дивы. Услышав тогда грохот колесницы (Ардясуны), равно как и звон лука гандивы, сын возницы, о царь, сказал такие слова Дурьйодхане: «Убив всех шиби и главнейших из воинов, тех быков среди мужей, а также могучих лучников среди пауравов, (Арджуна) оглашает (все окрестности) могучим звоном лука гандивы. Слышится также грохот его колесницы, точно это мчится с грохотом сам Васава. Совершенно очевидно, Пандава совершает подвиги, достойные себя. Это войско бхаратийское, о царь, расчленяется им на множество частей! Многие наши боевые отряды уже рассеяны!

И нигде уже они не стоят в битве. И в самом деле, (войско наше) совсем рассеивается, подобно густой сети облаков, разгоняемых ветром. Сталкиваясь с Савьясачином, о царь, оно разбивается, словно лодка в океане. Слышатся, о царь, громкие вопли первейших из воинов, убегающих с поля или сотнями пронзенных стрелами, выпущенными из лука гандивы, напоминающие (раскаты) грома глубокой ночью на небосклоне. Слушай, о тигр среди царей, громкие вопли скорби и крики, зычные львиные кличи и другие различные звуки вблизи колесницы Арджуны!

Вон это стоит среди нас Сатьяки, подлейший из сатватов. Если он – цель наших стараний – будет взят тут силой нами, то мы сможем тогда победить всех наших врагов! А это – сын царя Панчалы, схватившийся в битве с Дроной. Он окружен со всех сторон воинами, о царь, превосходнейшими из мужей. Если мы сможем убить Сатьяки и Дхриштадьюмну, сына Паршаты, то без сомнения, о великий царь, победа непременно будет за нами! Окружив обоих этих героев, могучих воинов на колесницах, как было поступлено нами с сыном Субхадры, мы постараемся, о великий царь, убить их – и отпрыска из рода Вришни, и сына Паршаты. Савьясачин, находясь впереди нас, подступает к войску Дроны, о потомок Бхараты, зная, что Сатьяки занят здесь в схватке с многочисленными воинами, быками из рода Куру.

Пусть многие из выдающихся и наилучших воинов на колесницах отправятся туда, пока Партха не знает, что Сатьяки окружен множеством воинов. И пусть герои те поторопятся выпустить тучи стрел с такой стремительностью, чтобы сей отпрыск рода Мадху мог быстро отправиться в потусторонний мир!»

Узнав мнение Карны, сын твой, обратившись к сыну Субалы в сражении, как Индра, о царь, обращался к прославленному Вишну, сказал ему: «Окруженный десятью тысячами слонов, неотвращающихся в битве, и десятью тысячами колесниц, выступай против Дхананджайи! Духшасана, Дурвишаха, Субаху и Душпрадхаршана – эти будут сопровождать тебя, окруженные многочисленными пехотинцами! Убей, о могучерукий, обоих Кришн и царя справедливости, о дядя мой, также Накулу, Сахадеву и Бхимасену, о потомок Бхараты! Моя надежда на победу зиждется на тебе, как у богов (она зиждется) на их владыке Индре, Убей, о дядя, каунтеев, как сын Паваки (Карттикея) убил асуров!»

После таких слов, сказанных ему сыном твоим, (Шакуни), сын Субалы, двинулся против партхов вместе с огромным войском, а также твоими сыновьями, о владыка, желая сжечь потомков Панду ради услужения сынам твоим.

И тогда началась битва между твоими воинами и врагами. И когда сын Субалы, о царь, выступил (так) против войска пандавов, сын возницы в сопровождении могучего войска поспешно двинулся против героя из рода Сатвата, сея многие сотни стрел. Равным образом и пандавы окружили Сатьяки, (чтобы оказать ему помощь). И тогда произошла ночью свирепая битва между Дроной благородным с одной стороны, о потомок Бхараты, и храбрым Дхриштадьюмной и панчалами – с другой.

Так гласит глава сто сорок пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 146

Санджая сказал:
И вот все герои те, одержимые в битве и сильно разгневанные, поспешно ринулись против колесницы Ююдханы, не будучи в состоянии перенести (его подвигов). И на колесницах, о царь, хорошо снаряженных, украшенных золотом и серебром, и в сопровождении всадников и слонов, они окружили героя из рода Сатвата. Окружив его со всех сторон, те могучие воины на колесницах издали тогда львиные кличи и стали угрожать Сатьяки.

Исполненные великой отваги, они быстро окатили, как дождем, острыми стрелами Сатьяки, воистину отважного, жаждя убить того отпрыска из рода Мадху. Увидев их, столь стремительно обрушивающихся на него, могучерукий внук Шини, губитель вражеских героев, схватил в ответ множество стрел и метнул их (в своих врагов). И там храбрый и могучий лучник Сатьяки, неистовый в бою, отсек множество голов своими лютыми, прямыми стре-

лами. Также много хоботов слонов и конских шей, а также рук с зажатым в них оружием поверг у твоих воинов тот отпрыск рода Мадху своими стрелами с бритвообразным острием. И от упавших опахал из буйволовых хвостов и белых зонтов, о потомок Бхараты, земля стала почти переполнена, будто небосвод, (усеянный) звездами, о владыка!

И в то время как воины те сражались с Ююдханой в битве, о потомок Бхараты, звук от воплей их был столь пронзителен, как от вопящих громко злых духов – претов (в аду). И тем громким криком наполнилась земля, и ночь стала мрачной на вид и еще более наводила страх. Видя свое войско, терзаемое стрелами Ююдханы и разрываемое на части, и слыша также страшный шум в глухую полночь, заставляющий подниматься от содроганья волоски на теле, сын твой, о царь, лучший из воипов на колесницах, сказал тогда своему вознице, обращаясь все снова и снова:

«Гони коней туда, откуда доносится этот шум!» И понуждаемый им, возница его погнал тогда превосходнейших коней навстречу колеснице Ююдханы. И вот Дурьйодхана, твердый лучник, победивший усталость, наделенный большой ловкостью рук и сведущий в различных приемах ведения боя, разгневанный ринулся против Ююдханы. Но тут Мадхава пронзил Дурьйодхану двенадцатью стрелами, пожирающими мясо и кровь, выпущенными (из лука), натянутого до предельной возможности. Так будучи первым мучительно им потревожен стрелами, Дурьйодхана, негодующий гневно, пронзил в ответ внука Шини десятью стрелами.

Тем временем битва, разгоревшаяся между панчалами и всеми воинами из рода Бхараты, стала чрезвычайно свирепой. Внук Шини тогда, преисполненный ярости в сражении, пронзил твоему сыну, могучему воину на колеснице, грудь восемьюдесятью стрелами, о потомок Бхараты! Затем другими стрелами он в пылу сражения отправил его коней в обиталище Ямы. И еще другой стрелой он быстро поверг возницу противника ; своего с колесницы. Стоя на колеснице, лишенной коней, сын твой, о владыка народов, метнул свои острые стрелы в колесницу внука Шини.

Однако те пятьдесят стрел, выпущенных в том сражении сыном твоим, внук Шини рассек, о царь, обнаруживая большую ловкость рук. Затем другой стрелою с серповидным острием он, столь неистовый в сражении, рассек огромный лук твоего сына у самой рукояти, о достойнейший! Лишенный колесницы и лука, тот могущественный владыка всех людей быстро взошел тогда на сверкающую колесницу Критавармана. И когда Дурьйодхана повернул обратно, внук Шини рассеял своими стрелами и обратил в бегство твое войско в глухую полночь, о владыка народов!

Шакуни между тем, о царь, окружив Арджуну со всех сторон многими тысячами колесниц и тысячами слонов, а также тысячами коней, начал отовсюду яростную битву. Многие из воинов метали в Арджуну различные виды мощного дивного оружия. И в самом деле, кшатрии те сражались с Арджуной, понуждаемые самой смертью. Однако Арджуна, неистовый (от гнева), сдерживал те тысячи колесниц, слонов и коней, причиняя всеобщую гибель. И тогда в пылу сражения Шакуни, храбрый сын Субалы, пронзил Арджуну острыми стрелами, улыбаясь при этом.

И снова сотнею стрел он воспрепятствовал движению его огромной колесницы. Но тут Арджуна пронзил его двадцатью стрелами в той битве, о потомок Бхараты! Затем он пронзил тех могучих лучников тремя стрелами каждого. Отразив всех их тучами стрел в той битве, о царь, Дхананджая убил тех воинов твоих, как Громодержец (убивает) асуров. Усеянная отрубленными руками, о великий царь, и тысячами тел, земля там выглядела будто покрытая цветами.

Пронзив еще раз Шакуни пятью прямыми стрелами, (Бибхатсу) поразил также Улуку тремя стрелами и еще тремя – длинными, железными. Также и Улука, пронзив его, ударил жестоко в Васудеву и издал громкий клич, наполняя им всю землю. Но тут Арджуна, быстро нагрянув, рассек лук Шакуни и отправил четырех его коней в обиталище Ямы. Тогда, соскочив с колесницы, сын Субалы, о бык из рода Бхараты, быстро взошел на колесницу Улуки, о владыка народов!

И оба те могучих воина, сражающихся на колесницах, отец и сын, стоя вместе на одной колеснице, поливали стрелами Партху, как два поднявшихся облака поливают гору. Но пронзив их обоих, о великий царь, острыми стрелами, Пандава разметал твое войско на сотни частей своими стрелами и обратил его в бегство. Подобно тому как облака разгоняются во все стороны ветром, о царь, так и твои войска были рассеяны повсюду, о владыка народов!

И в самом деле, то войско, о первейший из рода Бхараты, уничтожаемой так глубокой ночью, разбежалось во все стороны, озираясь, мучимое страхом. Многие, покинув своих упряжных животных, а другие, погоняя (как можно быстрее), в смятении кружили в той страшной темноте. И победив в сражении воинов твоих, о бык из рода Бхараты, Васудева и Дхананджая затрубили радостно в свои раковины.

Между тем Дхриштадьюмна, о великий царь, пронзив Дрону тремя и стрелами, быстро рассек тетиву его лука острой стрелою. Положив тот лук на сиденье колесницы, храбрый Дрона, сокрушитель кшатриев, взял другой лук, еще более тугой и мощный. Пронзив затем Дхриштадьюмну семью быстролетными стрелами, Дрона пронзил также его возницу, о царь, пятью стрелами в сражении том. Но быстро сдержав его своими стрелами, Дхриштадьюмна, могучий воин на колеснице, стал уничтожать войско кауравов, (повергая воинов) сотнями и тысячами.

И в то время как уничтожалось войско сына твоего, о достойнейший, начала течь ужасная река, чью стремнину заменяли потоки крови. И текла она между двумя войсками, унося своим потоком людей, коней и слонов, подобно Вайтарани, о царь, текущей в столицу царства Ямы. Рассеяв и обратив в бегство твое войско, доблестный Дхриштадьюмна, преисполненный скрытой мощи, блистал чрезвычайно, будто Шакра среди сонмов богов.

И тогда затрубили в огромные раковины Дхриштадьюмна и Шикхандин, также оба близнеца (Накула и Сахадева) и Врикодара, сын Панду. Победив тысячи воинов твоих, сражающихся на колесницах, пандавы, могучие воины на колесницах, кичащиеся победой и неистовые от возбуждения, издали громкие львиные рыки и кличи на глазах у твоего сына и Карны, а также храброго Дроны и сына Дроны, о владыка народов!

Так гласит глава сто сорок шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 147

Санджая сказал:
Увидев свое войско обращенным в бегство, когда оно было уничтожаемо благородными (героями), сын твой, охваченный сильной яростью, о владыка народов, быстро примчавшись к Карне и Дроне, наилучшему из побеждающих, поддавшись влиянию неистового гнева, сказал, хорошо сведущий в речи, такие слова:

«Это сражение здесь было предпринято вами обоими под влиянием гнева, после того как увидели вы правителя Синдху убитым в бою Савьясачином! Вы оба смотрите (равнодушно), словно бессильные, как мое войско уничтожается войском пандавов, хотя на самом деле и

вполне способны оба победить его. Если я теперь должен быть покинут вами обоими, то не следовало тогда вам, о милостивые, говорить мне еще в самом начале (такие слова): «Мы оба победим сыновей Панду в сражении!»

Услышав еще тогда эти слова ваши, одобренные мною, я вызвал вражду с пандавами, столь губительную для воинов! А если я не достоин быть покинут вами, о быки среди людей, то сражайтесь тогда в соответствии с подлинной мерой вашей отваги, о наделенные великой отвагой!»

Так принуждаемые стрекалами слов сыном твоим, оба героя те вновь вступили в битву, подобно двум змеям, потревоженным (палкой). И тогда оба превосходнейших воина на колесницах, оба те лучника над всеми лучниками во всем мире, ринулись в пылу сражения против партхов, предводительствуемых внуком Шини и другими. Точно так же и партхи, объединившись вместе, в сопровождении своего войска выступили против тех обоих героев, издававших поминутно зычные рыки. Тогда могучий лучник Дрона, наилучший из всех носящих оружие, воспылав гневом, быстро пронзил (Сатьяки), быка из рода Шини, десятью стрелами. Карна тоже пронзил его десятью стрелами, сын твой – семью и Вришасена – десятью, также и сын Субалы – семью.

И все они, о Каурава, в пылу той битвы окружили внука Шини. При виде Дроны, уничтожающего войско пандавоа в сражении, сомаки быстро пронзили его со всех сторон ливнями стрел. Но в ответ Дрона стал отнимать жизни у кшатриев, о владыка народов, подобно тому как солнце, о царь, своими лучами отнимает у окружающей его темноты присущее ей свойство, о потомок Бхараты!

Тогда стал слышен громкий шум среди панчалов, жалобно призывающих друг друга, о владыка народов, в то время как они истреблялись Дроной. Некоторые, покидая сыновей своих, другие – отцов, иные – братьев, некоторые – дядей по матери, другие – сыновей своих сестер, еще другие – друзей, а еще иные – своих родных и родственников, поспешно убегали прочь ради спасения своих жизней. Другие же, совсем сбитые с толку, бежали в замешательстве навстречу самому Дроне. И в самом деле, многие воины из войска пандавов отправились в пылу сражения в потусторонний мир.

Так уничтожаемое благородными (героями), войско пандавов той ночью, о царь, обратилось в бегство, побросав тысячами свои пылающие факелы, на глазах у Бхимасены, Виджайи и Ачьюты, обоих близнецов, сына Дхармы и сына Паршаты. И меж тем как мир весь был окутан темнотой, ничего уже нельзя было различить. Но благодаря свету, пробивавшемуся среди войск кауравов, можно было видеть бегущих врагов. И то бегущее войско сокрушали с тылу Дрона и Карна, могучие воины на колесницах, о царь, сея многочисленные стрелы. И в то время как панчалы терпели полное поражение и всюду обращались в бегство, Джанардана, с душою опечаленной, сказал так, обратившись к Пхальгуне: «Дрона и Карна – эти могучие лучники, объединившись вместе, жестоко разят стрелами сына Парщаты (Дхршптадьюмну) и Сатьяки, а также панчалов. От ливня стрел обоих этих (героев) наши могучие воины на колесницах потерпели полное поражение. Хотя и делается (нами) попытка удерживать войско (от бегства), о Каунтея, оно все еще не способно стоять твердо, (сплотившись вновь). Со всем войском, хорошо построенным в боевые порядки, мы оба с поднятым оружием выступаем (даже теперь) против Дроны и сына возницы, чтобы противостоять им!

Ведь эти два могучих героя, искусные во владении оружием и кичащиеся победой, если будут пренебрежены нами, то, разгневанные, они уничтожат этой ночью (наше) войско. Вон Бхима, свирепый, устремляется сюда, вновь отразив (вражеское) войско!» И при виде Врикодары, приближающегося к ним, Джанардана, вновь обратившись (к Арджуне), о царь, ска-

зал, как бы радуя Пандаву: «Это Бхима, всегда восхваляющий битву, окруженный сомаками и пандавами, разгневанный, подступает с большой стремительностью к Дроне и Карне, наделенным могучей силою! Соединившись с ним, а также с панчалами – могучими воинами на колесницах, сразись теперь, о отпрыск Панду, ради поощрения всех войск твоих!»

И тогда те оба тигра среди людей – Мадхава и Пандава, подступив к Дроне и Карне, твердо стали на головном участке боя. И вот то обширное войско Юдхиштхиры вновь возвратилось к битве. Тогда Дрона и Карна принялись крушить своих врагов в бою. И глубокой ночью произошло великое и ужасное столкновение, будто между дчумя океанами, о царь, вздымающимися при восходе луны.

Тогда, выпустив из рук своих пылающие светильники, воины из твоего войска сражались исступленно в кромешной темноте. В ту ужасно страшную (ночь), когда мир был окутан мраком и пылью, (воины), домогающиеся победы, сражались, только перекликаясь именами и названиями своих родов. Ибо слышались там имена, объявляемые царями, сражающимися в битве, как это бывает, о великий царь, при сваямваре. Внезапно воцарялось молчание (на поле брани лишь на минуту), и затем снова поднимался громкий шум среди разгневанных ратников, побеждающих и побеждаемых. Всюду, где виднелись ярко горящие светильники, о первейший из рода Куру, – туда всюду устремлялись те герои, как насекомые (в пылающий огонь). И пока сражались так друг с другом пандавы, о царь царей, и кауравы; глубокая ночная тьма еще более сгустилась вокруг них.

Так гласит глава сто сорок седьмая в Дронапарее великой Махабхараты.

Глава 148

Санджая сказал:
Тогда Карна, губитель вражеских героев, увидев в сражении сына Паршаты, поразил его в грудь десятью стрелами, способными проникать | в жизненно важные места. Также и Дхриштадьюмна быстро пронзил его в ответ, о достойнейший, пятью стрелами и, обрадованный, сказал ему «Стой, остановись!»

Покрывая друг друга в сражении (тучами) стрел, оба те наиболее могучих воина на колесницах снова пронзали один другого стрелами, выпущенными из (луков), натянутых до предельной возможности. Тогда Карна в пылу сражения пронзил возницу и четырех коней | Дхриштадыомны, первейшего воина среди панчалов.

Затем он рассек острыми стрелами превосходнейший лук своего противника и стрелою с серповидным острием поверг его возницу с его сидения на колеснице. Однако лишенный своей колесницы, Дхриштадьюмна, чьи кони и возница были убиты, взяв страшное, (заостренное железом) бревно, сокрушил; коней Карны. Хотя и был он пронзен многочисленными его стрелами, подобными ядовитым змеям, он пешком направился тогда к войску Юдхиштхиры и взошел на колесницу Сахадевы, о достойнейший!

А тем временем возница Карны впряг в его колесницу других коней, масти (белой), как раковины, наделенных большой быстротою, происходящих из страны Синдху и хорошо выезженных. И вот сын Радхи, метко разящий в цель, в сильном неистовстве принялся жестоко мучить своими стрелами могучих воинов на колесницах среди панчалов, подобно тому как облако (своими ливнями заливает) горы. И изматываемое так Карной, то огромное войско панчалов бежало, сильно перепуганное, как лань, встревоженная львом. Там и сям виднелись на земле воины, стремглав упавшие с коней, слонов и колесниц. В той ужасной битве Карна

отсекал стрелами с бритвообразным острием руки у бегущих воинов и головы, украшенные серьгами.

У других, находившихся на слонах или спинах коней, о владыка народов, или стоявших на земле, он отсекал бедра, о достойнейший! Многие могучие воины на колесницах, в то время как убегали прочь, не чувствовали, что их тела отсечены или повреждены их упряжные и верховые животные в том сражении. Так убиваемые в сражении, те панчалы вместе со сринджаями даже из-за шуршания соломы (столь сильно пугались, что) принимали это за сына возницы. Бесчувственные, они даже своего же воина, бегущего в сражении, принимали за Карну и в страхе убегали прочь от него.

Те разбитые и бегущие войска, о потомок Бхараты, Карна быстро настигал с тылу, сея повсюду стрелы. Оглядываясь друг на друга, совсем сбитые с толку и бесчувственные, они не способны были противостоять (ему), преследуемые благородным героем. Поражаемые Карной, о царь, при помощи мощных стрел, а также Дроной, панчалы разбегались, озираясь на все стороны. Тогда царь Юдхиштхира, видя свое войско бегущим (с поля) и решив, что отход (войска вполне оправдан), сказал Пхальгуне такие слова: «Посмотри на могучего лучника Карну, стоящего там с луком в руке (и сжигающего все вокруг), подобно палящему солнцу, в этот страшный час, глубокой ночью! Это слышатся непрестанно, о Партха, громкие вопли твоих друзей, что жалобно кричат, как беззащитные, теснимые стрелами Карны! Я вижу его, столь доблестного в победе, как он накладывает стрелы и мечет их, – и он несомненно уничтожит нас! И то, что, по твоему усмотрению, должно быть непосредственно вслед за этим и в подходящее время сделано для убиения Карны, –то и сделай теперь, о Дхананджая!»

После таких слов, обращенных к нему (Юдхиштхирой), могучерукий Партха сказал тогда Кришне: «Царственный сын Кунти боится чрезмерной доблести сына Радхи! И в то время как войско Карны в подходящее -время действует так (в отношении нас) все снова и снова, ты быстро прими решение, (что тут нужно предпринять), ибо войско наше бежит! Для его (отрядов), разбитых и теснимых стрелами Дроны, о сокрушитель Мадху, и устрашаемых Карной, нет возможности остановиться! И я вижу также Карну, рыскающего бесстрашно и поливающего первейших из наших воинов на колесницах, бегущих (с поля), своими острыми стрелами. Я не могу перенести, как змея – прикосновения ноги (человека), сего зрелища, как рыщет он на головном участке боя, перед моими глазами, о тигр из рода Вришни! Отправляйся поэтому скорее туда, где находится Карна, могучий воин на колеснице! Или я убью его, или он – меня, о сокрушитель Мадху!»

Васудева сказал:
Я вижу Карну, о Каунтея, того тигра среди людей, наделенного сверхчеловеческой отвагой, рыскающего в сражении, подобно самому царю богов! Нет никого другого, способного выступить против него в сражении, о Дхананджая, кроме тебя, о тигр среди людей, и ракшаса Гхатоткачи! Пока же, однако, я не считаю, о безупречный, своевременной твою встречу, о могучерукий, с сыном возницы в сражении! Ведь сверкающий дротик, подобный могучему метеору, данный Васавой, находится еще при нем! И ведь ради тебя, о могучерукий, он принимает (теперь) страшный вид. Но пусть могучий Гхатоткача выступит против сына Радхи! Наделенный доблестью самих богов, он ведь рожден могучим Бхимой! У него различные, виды дивного оружия, а также и те, что применяются ракшасами и у рами. И к тому же Гхатоткача постоянно предан вам и желает вам блага; Он победит Карну в сражении. Тут у меня нет сомнения!»

Санджая сказал:
Сказав так Партхе, могучерукий (Кришна), с глазами, как лепестк« лотоса, вызвал того ракшаса. И он вскоре предстал перед ним, облаченный в панцирь, вооруженный мечом, стрела-

ми и луком, о владыка нароп| дов. И приветствовав затем Кришну и Дхананджаю, сына Панду, он радостно сказал первому: «Вот и я, приказывай мне!» Тогда отпрыск родш Дашарха, обратившись к сыну Хидимбы, внешностью своей подобному! облаку, с пылающей пастью и сверкающими серьгами, сказал, улыбаясь при этом:

«О Гхатоткача, внемли, что я скажу тебе, о сынок! Наступило уже время для проявления доблести твоей, а не кого-либо друг! гого! Ты служишь, подобно парому, (спасением) для тонущих родственник! ков! У тебя есть различные виды оружия и сила иллюзии, присущая раки! шасам! Посмотри, о сын Хидимбы, на войско пандавов, теснимое Карной на головном участке битвы, как стадо коров, гонимое пастухом!

Могучий Карна, наделенный рассудительным умом и стойкой отвагой, уничтожает быковкшатриев среди войск пандавов. Мучимые жестоко жгучим пламенем стрел, воины пандавов не способны противостоять тому твердому лучнику, исторгающему мощные ливни стрел. Гонимые сыном возницы глубокой ночью ливнями стрел, эти панчалы бегут как лани – из страха перед львом.

И нет никого другого, кроме тебя о грозный в своей отваге, способного противостоять сыну суты, столь возвеличившемуся в сражении! Соверши же, о могучерукий, подвиг, достойный тебя самого, а равно всей скрытой мощи и силе оружия дядей твои по матери и отцов! Ведь именно ради этого, о сын Хидимбы, люди ж6 лают сыновей (при мысли): как ведь они могли бы вызволить нас из бедствия! Так спаси же теперь родственников своих!

Ведь мощь твоего оружия страшна и сила иллюзии непревзойденна у тебя, когда ты неустанно сражаешься в битве, о отпрыск Бхимы! Будь же спасительным берегом для пандавов, наголову разбитых Карно при помощи острых стрел и теперь тонущих среди (океана) войск Дхритараштры, о усмиритель врагов! Ведь ночью ракшасы вновь набираются неизмеримой отваги и становятся весьма могучими и храбрыми. Они проявляют (в такой час) высочайшую доблесть и становятся совершенно неодолимы. Убей Карну, могучего лучника, этой глубокой ночью в сражении при помощи своей иллюзии! А партхи, предводительствуемые Дхриштадьюмной, убьют Дрону!»

Услышав эти слова Кешавы, Бибхатсу тоже, о Кауравья, обратился к ракшасу Гхатоткаче, усмирителю врагов, (с такими словами): «О Гхатоткача, и ты сам, и долгорукий Сатьяки, Бхимасена, сын Панду, по моему мнению, – (наиболее выдающиеся) среди всех воинов! Отправляйся же и сразись с Карной в поединке на колесницах этой ночью! Сатьяки, могучий воин на колеснице, будет тебе защитником с тылу. Убей храброго Карну в сражении, имея союзником героя из рода Сатвата, как некогда Индра убил (асуру) Тараку с помощью Сканды!»

Гхатоткача сказал:
Я ровня Карне, я ровня и Дроне, о превосходнейший, а также другим и благородным кшатриям, искушенным во владении оружием! Сегодня ночью я дам сыну возницы такое сражение, о котором люди будут говорить, пока будет держаться земля! И тут я не оставлю (в живых) ни храбрых, ни робких и ни тех, кто со сложенными ладонями рук молят (о пощаде)! Всех я убью, следуя обычаю ракшасов!

Санджая сказал:
Сказав так, могучерукий сын Хидимбы, губитель вражеских героев, ринулся против Карны в той свирепой битве, устрашая твое войско. Но того (героя), нападающего в гневе с пылающей пастью подобно змею, перехватил, меча (стрелы), тот превосходнейший лучник, сын суты. И тогда между обоими – Карной и ракшасом, громко кричащими друг на друга, разго-

релась битва в ночи, о тигр среди царей, подобная той, что (происходила некогда) между Шакрой и Прахрадой.

Так гласит глава сто сорок восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 149

Санджая сказал:
Увидев Гхатоткачу, о царь, стремительно приближающегося к колеснице сына суты с намерением убить Карну в сражении, твой сын сказал Духшасане такие слова: «Сей ракшас, видя неистовую отвагу Нарвы в бою, быстро устремляется на него! Останови же того могучего воина на колеснице! Окруженный огромным войском, отправляйся туда, где могучий Карна, сын Викартаны, жаждет сразиться с ракшасом в битве!

Окруженный войском и усердно прилагая усилия, защищай Карну в сражении, о милостивый!» Между тем, о царь, могучий сын Джатасуры, лучший из разящих, подойдя к Дурьйодхане, сказал ему: «О Дурьйодхана, по твоему повелению я хочу убить твоих известных врагов вместе с их последователями – пандавов, трудноодолимых в бою! Мой отец – Джатасура был предводителем ракшасов. Еще раньше он был убит презрен
ными партхами, после того как ими был совершен (через заклинания) обряд убиения ракшасов. По твоему приказанию, о владыка, я хочу ринуться в бой чтобы учинить за него расплату (врагам)!»

Ему сказал тогда обрадованный царь, обращаясь все снова и снова: «Вместе с Дроной, Карной и другими я вполне способен сокрушить своих врагов! Однако же по моему приказанию отправляйся на битву и убей Гхатоткачу!»

Сказав «хорошо» и вызвав на битву Гхатоткачу, сын Джатасуры, огромный телом, осыпал сына Бхимасены различными видами оружия. Однако сын Хидимбы один (без чьей-либо помощи) стал изматывать Аламбалу и Карну, а также неприступное войско кауравов, подобно тому как могучий ветер (треплет) облака. Увидев тогда колесницу, созданную иллюзией (своего противника), Аламбала стремительно ударил в Гхатоткачу потоками различного вида стрел.

И пронзив сына Бхимасены многочисленными стрелами, Аламбала принялся жестоко теснить потоками своих стрел войско пандавов. И жестоко гонимые им отряды пандавов, о достойнейший, глубокой ночью были рассеяны, как тучи, гонимые ветром. Точно так же и войско кауравов, жестоко теснимое стрелами Гхатоткачи, пустилось в бегство глубокой ночью, о царь, тысячами бросая свои факелы. Аламбала тогда, воспаленный гневом, ударил сына Бхимасены в пылу свирепой битвы острыми стрелами, подобно тому как (погонщик бьет) стрекалами огромного слона. Но тут Гхатоткача разнес на мелкие части колесницу его, возницу и все виды оружия и испустил ужасающий рев. Затем он, как облако исторгает ливень на гору Меру, окатил потоками стрел Карну, Аламбалу и других кауравов тысячами.

Тогда, изматываемое ракшасом, войско кауравов стало волноваться все сильнее и сильнее. И составляющие его четыре рода войск начали давить и крушить друг друга. И вот сын Джатасуры, лишенный колесницы и потеряв убитым возницу своего, о великий царь, сильно ударил, разгневанный в сражении, Гхатоткачу кулаком. И получив от него удар кулаком, Гхатоткача зашатался, подобно горе вместе с ее чащами дерев и зарослями кустарников во время землетрясения. Тогда, (размахнувшись) рукою, подобной заостренному бревну и убивающей полчища врагов, сын Бхимасены сильно ударил тоже кулаком сына Джатасуры. Затем, избив его в ярости, сын Хидимбы быстро бросил его и обеими руками, подобными шес-

там знамени Индры, стал прижимать его к земле. Аламбала тоже, бросая и подбрасывая ракшаса Гхатоткачу в пылу сражения, принялся в гневе придавливать его к земле. И битва, происходившая между обоими героями необычайных размеров – Гхатоткачей и Аламбалой, ревущих друг на друга, стала весьма свирепой и заставляла подниматься (от содрогания) волоски на теле.

Пытаясь получить перевес один над другим при помощи своей чудодейственной силы, оба они, наделенные силой иллюзии и огромной мощью, сражались друг с другом, как Индра с сыном Вирочаны. То превращаясь в огонь и океан, то снова в Гаруду и Такшаку, то опять в облако и сильный ветер, то вновь в слона и тигра и затем снова в Сварбхану и Солнце, они таким образом вызывали сотню различных видов иллюзии, страстно желая убить друг друга. В самом деле, Аламбала и Гхатоткача сражались весьма удивительно! Оба они поражали друг друга заостренными дубинами и булавами, пиками, молотами и бердышами, палицами и вершинами скал. То на конях или на слонах, то снова пешими или на колесницах, они, первейшие из ракшасов, оба наделенные большой силой иллюзии, сражались друг с другом в битве. Тогда Гхатоткача, о царь, движимый желанием убить Аламбалу, взмыл вверх в сильной ярости и затем низринулся стремглав, подобно коршуну. И схватив огромного телом владыку ракшасов Аламбалу, он поднял его и ударил о землю, как (некогда) Вишну – (асуру) Майю в сражении. Затем извлекши необычайный видом меч, Гхатоткача отсек от туловища его страшную и безобразную видом голову.

Схватив ту окрашенную кровью голову за волосы, ракшас Гхатоткача быстро направился к колеснице Дурьйодханы. И приблизившись (к царю кауравов), могучерукий ракшас, улыбаясь при этом, бросил на его колесницу ту голову с безобразным лицом и волосами и испустил устрашающий рев, подобно (громовым раскатам) облаков во время дождей. И обратившись затем к Дурьйодхане, о царь, он сказал такие слова:

«Этот союзник твой убит теперь, – его отвагу ты видел сам! Ты увидишь и гибель Карны, а затем и свою собственную!» Сказав так, он устремился тогда к Карне, о владыка людей, меча и сея сотни острых стрел на голову Карны. И битва, происшедшая тогда при столкновении человека с ракшасом, была, о великий царь, страшной на вид, весьма свирепой и потрясающей!

Так гласит глава сто сорок девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 150

Дхритараштра сказал:
Как происходила та битва, когда глубокой ночью Карна и ракшас м Гхатоткача сразились друг с другом? И как велась битва тем свирепым ракшасом? Какая у него была колесница, какова была сила иллюзии, в какие виды различного оружия? Какой величины были кони его, каков – знамя его колесницы и лук его? Каковы были его доспехи и латы, защищающие шею? Спрошенный мною, расскажи об этом, ибо ты искусен (в умении повествовать), о Санджая!

Санджая сказал:
С кроваво-красными глазами, (Гхатоткача) был огромен телом, с лицом медного цвета и впалым брюхом. Волоски у него на теле всегда были подняты (от возбуждения). Он был с рыжей бородой, стрельчатыми ушами и могучими челюстями. Рот у него был растянут вплоть до ушей. Зубы у него были острые, хотя (иные из них) и были тронуты порчей. Язык и губы у него были очень длинные и медно-красного цвета, брови широко простертые, а нос был толстый. С телом иссиня-темным и красной шеей, ростом высокий как гора, он был ужасен

на вид. Громадных размеров, могучерукий и с огромной головой, он был наделен великой мощью. Плешивый, грубый при прикосновении, с безобразно выдающимися задними частями, с широкими бедрами и глубоко скрытым пупом, он был громадного роста, хотя и слабо упитан. Равным образом и украшения на руках у него были (соразмерны).

Наделенный огромной силой иллюзии, он был также украшен браслетами ангада. Он носил на груди золотое украшение нишку, будто гора, носящая на себе (в виде украшения) огненный круг. На голове его красовалась чудесная, сверкающая диадема, сделанная из золота, прелестная и соразмерная во многих частях и напоминающая арку. Он носил серьги, сияющие подобно утреннему солнцу, и гирлянду, сделанную из золота и сильно сверкающую, а также огромный панцирь из желтой меди, излучающий сильный блеск.

Он стоял на громадной колеснице, оглашаемой позвякиванием сотни колокольцев и осененной кроваво-красным знаменем и флагами. Огромная, размером в нальва, она была покрыта вся медвежьими шкурами. Она была снабжена всеми видами отборнейшего оружия и украшена высоким стягом и гирляндами. Она имела восемь колес и издавала грохот, глубокий, как рокот облаков. Впряженные в нее кони, подобные слонам, с красными глазами и ужасным видом, везли (его на битву). Они были различной масти, принимаемой по желанию (их владетеля), и отличались огромной быстротой и мощью. Ракшас со страшными глазами, с пылающей пастью и сверкающими серьгами был возницей его. Поводьями, сияющими как лучи солнца, он сдерживал коней в сражении.

Вместе с тем возницей он стоял на колеснице своей, как Солнце в сопровождении Аруны (своего возницы). Подобно высокой горе, окутанной могучим облаком, возвышалось на его колеснице страшно высокое знамя, касаясь небес. Плотоядный и очень ужасный стервятник, с огромным кроваво-красным телом (сидел на нем). Уверенно натягивая свой лук с тетивою весьма тугой, чей звон напоминал гром Васавы и который имел двенадцать локтей в длину и один локоть в ширину, и покрывая все стороны света стрелами величиною в ось колесницы, ракшас (Гхатоткача) в ту ночь, уносящую героев, ринулся против Карны.

И в то время как он натягивал свой лук, надменно стоя на своей колеснице, слышался звон его лука, напоминающий раскаты грома. Устрашенные им, все войска твои, о потомок Бхараты, затрепетали, словно громадные волны океана. Увидев того ужасного (ракшаса) со страшно-безобразными глазами, обрушивающегося на него, сын Радхи, как бы улыбаясь, стремительно отвратил его. Затем Карна ринулся против разящего противника, разя его в ответ совсем поблизости, как слон против слона или как вожак стада быков против вожака другого стада.

И столкновение, которое произошло между ними обоими, о владыка народов, между Карной и ракшасом, о царь, стало ужасно свирепым, как (некогда) между Индрой и Шамбарой. Оба они, взяв свои чрезвычайно тугие луки, издающие страшный звон, покрывали друг друга, жестоко истязая, мощными стрелами. И выпущенными из (луков), натянутых до предельной возможности, прямыми стрелами они отражали друг друга, пронзая у противника панцири из желтой меди. Словно два тигра когтями или как двое слонов клыками (терзают один другого), оба они жестоко истязали друг друга дротиками, соразмерными с осью колесницы.

Пронзая тела (друг друга) и накладывая стрелы (на тетиву), ведь оба они, намереваясь спалить (один другого) тучами стрел, не в состоянии были даже взглянуть (друг на друга). С телами пронзенными и всюду искалеченными и залитыми потоками крови, оба они выглядели подобно двум горам из красной глины, заливаемым водою. Ослепительные блеском, сражающиеся с большим рвением, оба пронзая друг друга, все же не смогли заставить один другого трепетать.

Долгое время та ночная битва, возникшая при столкновении между Карной и ракшасом, словно игравших самой жизнью, о царь, казалось, была равной. Меж тем как Гхатоткача накладывал острые стрелы и метал их словно сливавшимися одна с другой, были тогда звоном его лука перепуганы свои и чужие. В то время Гхатоткачу Карна не мог превзойти, о царь! И тут он, лучший из знатоков оружия, вызвал к действию небесное оружие. Видя небесное оружие, нацеленное на него Карной, ракшас Гхатоткача, отпрыск Панду, проявил (в ответ) могучую силу своей иллюзии. И он (казался тогда) окруженным огромным войском ужасных видом ракшасов, вооруженных пиками и молотами, со скалами и деревьями в руках.

При виде его, подступающего с поднятым громадным луком, подобно Сокрушителю всех существ, держащему грозный роковой жезл, все цари, (бывшие там), страшно встревожились. Испуганные львиным ревом, изданным Гхатоткачей, слоны стали испускать мочу, а воины (все) задрожали от страха. И тогда посыпался со всех сторон мощный, густой ливень из скал и камней, (непрестанно) исторгаемый силою ракшасов, обретающих в полночь еще большую силу. Железные колеса и бхушунди, дротики, копья и пики, шатагхни и бердыши также начали падать непрестанно. Видя ту свирепую и весьма ужасную битву, цари все, а такжб сыновья твои и воины, перепуганные, разбежались совсем.

Только один Карна среди них, восхваляющий силу своего оружия и горделивый, не дрогнул и своими стрелами уничтожил ту иллюзию, вызванную Гхатоткачей. Но когда иллюзия была рассеяна, Гхатоткача в сильной ярости наг чал метать страшные стрелы, и они вонзились в сына суты. И затем стрелы те, смоченные кровью, пронзив насквозь Карну в той свирепой битве, вошли в землю подобно разгневанным змеям.

Но тут доблестный сын возницы, преисполненный гнева и наделенный большой ловкостью рук, беря перевес над Гхатоткачей, пронзил его десятью стрелами. И пронзенный сыном суты в жизненно важные места, Гхатоткача, испытывая сильную боль, схватил дивное колесо, имеющее тысячу спиц. Края его были остры, как бритва. Обладающее блеском утреннего солнца, оно было украшено драгоценными камнями и жемчугом. И разгневанный сын Бхимасены метнул то колесо в сына Адхиратхи, желая убить его. И пущенное с огромной силой, оно было отброшено стрелами Карны и упало на землю, оказавшись напрасным (в своей цели), подобно надеждам и намерениям обездоленного.

Воспылав гневом при виде того колеса, сброшенного (на землю), Гхатоткача покрыл Карну своими стрелами, подобно тому как Раху закрывает Солнце. Сын возницы, однако, наделенный отвагой Рудры, или младшего брата Индры, или же самого Индры, бесстрашно покрыл в одно мгновение опереннылга стрелами колесницу Гхатоткачи. Тогда Гхатоткача, сильно разгневанный, закружив булавой, украшенной золотыми браслетами, метнул ее (в Карну). Но и она также, сбитая стрелами Карны, упала (на землю).

Тогда взмыв в воздух и издавая низкий рев, подобно рокоту грозового облака,260 огромный телом (ракшас) обрушил с небосвода настоящий ливень из деревьев. Но тут Карна своими стрелами пронзил в небе сына Бхимасены, одаренного силой иллюзии, подобно тому как солнце пронзает своими лучами густое облако. Убив затем всех его коней и сокрушив также колесницу его на сто частей, Карна стал дождить в него стрелами, подобно облаку, исторгающему ливни дождя.

И на теле Гхатоткачи не было даже места в два пальца шириною, которое оставалось бы непронзенным (стрелами Карны). И в одну минуту он уже выглядел словно дикобраз, усеянный (торчащими) иглами. Он так плотно был окутан потоками стрел, что мы не могли больше видеть в сражении ни коней, ни колесницы его, ни знамени и ни самого Гхатоткачи. Со-

крушая своим оружием дивное оружие Карны, он, наделенный силой иллюзии, начал сражаться с сыном возницы путем применения силы иллюзии. И в самом деле, он сражался тогда с Карной при помощи иллюзии и проявлял большую ловкость, паря невидимым в небе среди частых сетей стрел.

Наделенный силой иллюзии, сын Бхимасены затем, о лучший из рода Куру, стал создавать иллюзию, сбивая с толку (кауравов) при помощи своей чудодейственной силы, о потомок Бхараты! Ужасный видом, изменяя свою пасть в безобразно-свирепые формы, он начал поглощать силою той иллюзии различные виды небесного оружия сына суты. И вскоре опять он, громадный телом, пронзенный в сотне мест, казался упавшим с неба (и лежащим) на поле брани, утратившим пыл, словно безжизненный. И считая Гхатоткачу убитым, быки из рода Куру издали громкий крик (радости). Затем он снова был виден во всех направлениях принимающим различные новые формы.

И опять он (показывался), огромный телом, с сотней голов и сотней животов, и выглядел, могучерукий, подобно горе Майнаке. И снова, приняв размеры большого пальца, тот ракшас то двигался в поперечном направлении, то взмывал вверх подобно вздымающимся волнам океана. Врываясь в землю (и опять поднимаясь на поверхность), он снова затем погружался в воду. То иногда он был виден там, то вновь возносился в другом месте. Затем, спустившись (с небосвода), он вновь стоял, облаченный в доспехи, на колеснице,-украшенной золотом, проникая землю и небо и все страны света силой своей иллюзии.

Приблизившись затем к колеснице Карны, Гхатоткача, с лицом, украшенным качающимися серьгами, бесстрашно промолвил, о владыка народов, такие слова сыну суты: «Постой же, о сын возницы! Теперь ты не уйдешь от меня живым! Сегодня на поле брани я изгоню из тебя всякое желание битвы!» Сказав так, ракшас, свирепый в своей отваге, с глазами, медно-красными от гнева, взмыл в воздух и засмеялся пронзительно-громко. И принялся он разить Карну, как лев терзает вожака слонов. Гхатоткача дождил в Карну, того быка среди воинов на колесницах, стрелами величиною в ось колесницы, словно облако потоками своих ливней (заливает гору). Но тот ливень стрел Карна уничтожил еще на далеком расстоянии.

И видя, что иллюзия его разрушена Карной, о бык из рода Бхараты, Гхатоткача тогда вновь создал иллюзию и сделался невидимым. Он обратился в высокую гору со (множеством) вершин, изобилующих деревьями. И громадная, она исторгала потоки копий, дротиков, мечей и палиц. Увидев ту гору, подобную скопищу глазной мази, несущую в себе целые потоки страшного оружия, Карна не пошевельнулся вовсе. Улыбаясь в то же время, Карна тогда вызвал к действию небесное оружие. И отброшенная тем оружием, та владычица гор была уничтожена.

Тогда Гхатоткача, свирепый чрезвычайно, обратившись в синее облако с радугой на небосводе, стал поливать сына возницы ливнями камней. Но возложив (на лук свой) оружие ваявья, наилучший из знатоков оружия, Карна, сын Викартаны, (прозываемый также) Вриша, уничтожил то грозовое облако. Покрыв затем все стороны света тучами стрел, Карна, о великий царь, сокрушил оружие, посланное в него Гхатоткачей. Тогда сын Бхимасены могучий, засмеявшись громко в сражении, снова вызвал всемогущую иллюзию против Карны, могучего воина на колеснице. Видя вновь Гхатоткачу, наилучшего из воинов, сражающихся на колесницах, бесстрашно подступающего на колеснице, окруженного многочисленными ракшасами, подобными львам и тиграм и наделенными отвагой возбужденных слонов, едущими кто на слонах, кто на колесницах, а кто на спинах коней, страшными, носящими различного рода оружие и облаченными в разнообразные панцири и украшения, видя Гхатоткачу, окруженного теми свирепыми (приспешниками его), словно Васава – Марутами, Карна начал сражаться с тем ракшасом.

Тогда Гхатоткача, пронзив Карну пятью быстролетными стрелами, испустил страшный рев, пугая всех царей. И снова, оружием анджалика, Гхатоткача быстро рассек огромный лук в руке Карны и (отразил) поток стрел, им исторгнутый. Взяв тогда другой лук, еще более тугой и способный выдерживать большое напряжение, громадный как лук Индры, Карна натянул его изо всей силы.

Затем, о великий царь, Карна послал разящие врагов стрелы с золотым оперением в тех несущихся по небу ракшасов. Жестоко мучимое его стрелами, то полчище широкогрудых ракшасов казалось сильно встревоженным, как стадо лесных слонов, преследуемое львом. Изматывая своими стрелами тех ракшасов вместе с их конями, возницами и слонами, могущественный (Карна) испепелил их, подобно тому как божественный Агни сжигает существа при гибели мира.

И сокрушив войско ракшасов, тот отпрыск возницы выглядел блистательно, как некогда бог Махешвара на небе, сжегши город (асуров) Трипуру. Среди тех тысяч царей на стороне пандавов, о достойнейший, никто не мог даже взглянуть на Карну, о царь земной, кроме могучего Гхатоткачи, владыки ракшасов, одаренного страшною мощью и силой и разъяренного, о царь, подобно сыну Вивасвана. Из глаз его, охваченного гневом, казалось, исходило огненное пламя, точно сверкающие масляные капли из двух огромных пылающих факелов.

Ударяя ладонью о ладонь и кусая нижнюю губу, ракшас снова (показался) стоящим на колеснице, созданной его иллюзией, запряженной вместо коней ослами, подобными слонам и с мордами пишачей. И разгневанный, он сказал своему вознице: «Вези меня к сыну возницы!» И он, лучший из воинов, ведущих бой с колесниц, отправился на своей ужасной видом колеснице, чтобы вновь сразиться в поединке на колесницах с сыном суты, о владыка народов! И вот преисполненный гнева, ракшас метнул в сына возницы оружие ашани, снабженное восемью дисками, очень страшное, созданное самим Рудрой.

Однако, соскочив со своей колесницы, Карна, оставив на ней свой лук, схватил то оружие и метнул его обратно в самого Гхатоткачу. А тот тем временем (быстро) выпрыгнул из своей колесницы, (прежде чем оружие могло достичь его). И то (оружие), наделенное ослепительным блеском, превратив в пепел колесницу (ракшаса) вместе с конями, возницей и знаменем, вошло в землю, пробив ее глубоко.

И боги там пришли в изумление. И тут Карну почтили все существа, так как он, легко соскочив (со своей колесницы), схватил могучее оружие ашани, созданное самими богами. Совершив такой подвиг в сражении, Карна снова взошел на свою колесницу. И затем сын суты, усмиритель врагов, стал метать свои длинные стрелы. В самом деле, никем другим среди всех существ, о милостивый, не может быть сделано то, что совершил тогда Карна в том грозном сражении. И поражаемый стрелами (Карны), будто гора – потоками дождя, Гхатоткача вновь исчез из виду, как призрачный город в небе.

(Сражаясь) таким образом, тот сокрушитель врагов, обладающий всемогущей силой иллюзии, уничтожил, проявляя большую ловкость, при помощи той чудодейственной силы те виды небесного оружия (Карны). И когда все то оружие его было уничтожено ракшасом с помощью своей иллюзии, Карна бесстрашно продолжал сражаться с тем ракшасом.

Тогда, о великий царь, могучий сын Бхимасены, воспаленный гневом, разделил себя на множество частей, пугая повелителей людей (в войске кауравов). И вот со всех сторон стеклись (на поле битвы) львы, тигры и гиены, змеи с огненными языками и птицы с железными клю-

вами. А (что до Гхатоткачи), то он, застилаемый острыми стрелами, выпущенными из лука Карны, представляясь то в виде города, то горы, то леса, исчезал тут же из виду.

А ракшасы и шппачи, ятудханы и ощетинившиеся волки ринулись отовсюду к Карне, намереваясь сожрать его. И своим ужасным воем принялись они устрашать его тогда. Но каждого из них поодиночке Карна пронзил множеством быстролетных и страшных, метко пущенных стрел, обагрившихся их кровью. И наконец уничтожив своим дивным оружием ту иллюзию ракшаса, он затем прямыми стрелами убил его коней. И сокрушенные, они, с телами искалеченными и со спинами, рассеченными его стрелами, рухнули на землю, на глазах у того ракшаса. Тогда сын Хидимбы, чья иллюзия была рассеяна, сказав Карне, сыну Викартаны: «Вскоре я причиню тебе кончину!», снова исчез из виду.

Так гласит глава сто пятидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 151

Санджая сказал:
Меж тем как происходила та битва между Карной и ракшасом, доблестный Алаюдха, владыка ракшасов, появился (на поле брани). Сопровождаемый огромным войском, он приблизился к Суйодхане. Окруженный тын сячами безобразных ракшасов, различных видом и преисполненных геройства, он (появился там), помня свою прежнюю вражду (с пандавами). Ведь родственник его, отважный Бака, пожиравший брахманов, а также Кирмира, наделенный великой мощью, и друг его Хидимба были убиты (Бхимой).

Он выжидал в течение долгого времени, все думая о своей прежней вражде. И узнав теперь о ночной битве, он (явился), жаждя убить Бхиму в сражении. Как возбужденный от течки слон или как разгневанная змея, он, жаждущий битвы, сказал Дурьйодхане такие слова: «Тебе известно, о великий царь, как были убиты Бхимой ракшасы Хидимба, Бака и Кирмира, родственники мои. Чего же более? – он совершил некогда насилие над девицей Хидимбой, пренебрегши нами и другими ракшасами! Я явился сам, о царь, чтобы убить его вместе с его свитой, конями* колесницами и слонами, а также и сына Хидимбы вместе с приверженцами его. Убив сегодня всех сыновей Кунти, с Васудевой и другими, идущими впереди, я сожру их вместе со всеми их последователями. Прикажи всему войску твоему отвратиться (от битвы). Мы сразимся с пандавами!»

Услышав те слова его, Дурьйодхана обрадовался тогда. И почтив его в ответ, он, окруженный своими братьями, сказал такое слово: «Поставив тебя вместе со свитой впереди, мы сразимся с врагами! Ибо мой войска не будут стоять (безучастно), обратившись мыслями на окончание вражды!»

И промолвив царю «Да будет так», тот бык среди ракшасов поспешно двинулся против Бхимы в сопровождении своих людоедов. С сияющим видом (Алаюдха мчался) на колеснице, сверкающей блеском солнца, точь-в-точь подобно той, на которой (ездит) Гхатоткача. И грохот ее был столь же несравненным, как и у его (колесницы), и была она украшена многочисленными арками. Покрытая вся медвежьими шкурами, та огромная колесница была размером в нальва.

Такие же, (как и у Гхатоткачи), в нее были впряжены сто быстрых коней, с туловищами, подобными слонам, и с голосами, как у ослов. Громадные размерами, они питались мясом и кровью. Точно так же, (как у его противника), колесница его издавала грохот, глубокий, как рокот громадного облака. Так же, как у его (противника), лук его был огромен и еще более мощным, с тетивою столь же тугой. Также и стрелы его были величиною в ось колесницы, с

золотым оперением и отточенные на камне. И сам герой тот был таким же могучеруким, как и Гхатоткача.

Точно так же и знамя у него, блеском равное солнцу или огню, было, как и у (противника) его, усажено стервятниками и воронами. А видом своим он был более красив, чем Гхатоткача, с лицом, возбужденным от гнева и пылающим. В сверкающих браслетах ангада, в сверкающей диадеме и гирляндах, покрытый цветочными венками и тюрбаном и опоясанный мечом, вооруженный булавой, бхушунди, палицей и плугом, луком и стрелами, с телом твердым, как у слона, (мчась) на той колеснице, наделенной блеском огня, и обращая в бегство войско пандавов, он выглядел блистательно в сражении, подобно блуждающему облаку на небосводе, украшенному вспышками молний. Равным образом (с появлением ракшаса) и все первейшие цари – те выдающиеся герои из войска пандавов, наделенные великой мощью, облаченные в доспехи и вооруженные (мечами и) щитами, вступили там в сражение со всех сторон, о царь, преисполненные радости.

Так гласит глава сто пятьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 152

Санджая сказал:
Увидев Алаюдху, вершителя страшных подвигов, явившегося на битву, все кауравы преисполнились восторга. Равным образом и твои сыновья, возглавляемые Дурьйодханой, (сильно обрадовались), как (радуются) люди, лишенные плота, желающие переправиться через океан, когда находят плот. В самом деле, цари тогда (в войске кауравов), считая себя точно вновь родившимися (после смерти), почтили своим приветствием Алаюдху, владыку ракшасов.

Меж тем как происходила та нечеловеческая и страшная битва ночью между Карной и ракшасом, – битва, хотя и ужасная, но привлекательная для взора, – панчалы вместе с другими кшатриями, улыбаясь, взирали на нее как зрители. И тогда же твои воины, о царь, с трепещущими сердцами – Дрона и сын Дроны, Крипа и другие издавали там и сям громкие вопли: «Все погибло!» Увидев тот подвиг сына Хидимбы на поле брани, все проникнулись смятением. Все было повергнуто в великое расстройство. Издавая горестные восклицания «Аи! Ой», все почти лишились чувств. И войско твое, о великий царь, потеряло надежду на жизнь Карны.

Но тут Дурьйодхана, видя Карну, попавшего в величайшую беду, позвал тогда Алаюдху, владыку ракшасов, и сказал ему: «Вон сын Викартаны, Карна, сражаясь с сыном Хидимбы, совершает величайшие подвиги в битве, во всем достойные его! Посмотри на этих храбрых царей, убитых сыном Бхимасены, сраженных различными видами оружия и (лежащих на земле), подобно деревьям, поломанным слоном. Среди всех царственных воинов моих (пусть будет) это и твоей долей в сражении, назначенной мною с твоего же дозволения, о герой! Проявив свою доблесть, убей того (ракшаса)!

Этот злостный Гхатоткача, мучитель врагов, опираясь на силу своей иллюзии, вскоре измучит совсем Карну, сына Викартаны!» После таких слов, обращенных к нему царем, ракшас тот, свирепый в своей отваге и могучерукий, сказав «хорошо», ринулся против Гхатоткачи. Тогда и сын Бхимасены тоже, о владыка, отпустив Карну, начал жестоко терзать подступающего к нему противника стрелами. И битва, разгоревшаяся между теми обоими владыками ракшасов, была подобна той, что (происходит) между двумя возбужденными слонами в лесу из-за слонихи.

Освободившийся тогда от ракшаса, Карна, выдающийся из воинов, сражающихся на колесницах, ринулся против Бхимасены на колеснице, наделенной блеском солнца. Увидев, однако, Гхатоткачу, жестоко теснимого Алаюдхой в сражении, подобно вожаку (стада) быков – львом, Бхима, лучший из разящих, пренебрегая нападающим на него Карной, двинулся к колеснице Алаюдхи на своей колеснице, видом подобной блеску солнца, сея тучи стрел. Видя, что тот подступает к нему, Алаюдха тогда, о владыка, оставив Гхатоткачу, вызвал на битву самого Бхимасену.

И тут Бхима, истребитель ракшасов, стремительно бросившись к нему, о владыка, окатил того владыку ракшасов вместе со свитой его ливнями стрел. Точно так же и Алаюдха, усмиритель врагов, о царь, снова и снова поливал, как дождем, сына Кунти прямыми стрелами, отточенными на камне. Также и все другие ракшасы, страшные видом и вооруженные различным оружием, обрушились на Бхимасену, желая победы твоим сыновьям. Жестоко теснимый ими, преисполненными сил, могучий Бхимасена пронзил каждого из всех пятью острыми стрелами. И те ракшасы с ослиной утробой, убиваемые Бхимой, издали пронзительные вопли и разбежались во асе стороны.

Видя тех (приверженцев своих), устрашаемых Бхимой, могучий ракшас, стремительно ринувшись против него, осыпал его стрелами. Тогда и Бхимасена в пылу сражения принялся изнурять его своими тонко заостренными стрелами. Алаюдха же быстро рассек некоторые из тех стрел, посланных в него Бхимой, а другие перехватил в сражении. Тогда Бхима, наделенный страшным могуществом, глядя (пристально) на того владыку ракшасов, метнул в него с большой силой булаву, подобную своей стреми тельностью удару грома.

Но ту палицу, быстро несшуюся, охваченную огненным пламенем, ракшас ударил своей палицей, и та булава (отразив первую), полетела к Бхиме. Вслед за тем сын Кунти покрыл владыку ракшасов ливнями стрел. Но и те его (стрелы) ракшас сделал тщетными (в их назначении) своими острыми стрелами. Тогда и все те ракшасы-воины, страшные видом своим, тоже (сплотившись вновь), начали, по приказанию своего владыки, уничтожать боевые колесницы и слонов (в войске Бхимы). Панчалы и сринджайи, кони и громадные слоны, жестоко мучимые ракшасами, не находили там покоя.

Видя столь ужаснейшее зрелище, наблюдаемое в том свирепом сражении, (Васудева), превосходнейший из людей, промолвил Дхананджае такие слова: «Посмотри на Бхиму, подпавшего под власть владыки ракшасов! Быстро отправляйся по следам его268 и не раздумывай ни о чем, о Пандава! А (тем временем) Дхриштадьюмна и Шикхандин, Юдхаманыо и Уттамауджас, а также сыновья Драупади – пусть эти могучие воины на колесницах, объединившись вместе, выступят против Карны! Пусть На-кула и Сахадева и доблестный Ююдхана по твоему повелению, о Пандава, убьют других ракшасов! Что же до тебя самого, о могучерукий, то ты сдерживай войско, возглавляемое Дроной! Ибо, о тигр среди людей, | велика опасность, угрожающая нам!»

После таких слов, сказанных Кришной, те могучие воины на колесницах, как было приказано, двинулись против Карны, сына Викартаны, и против других ракшасов, (сражавшихся) на поле битвы. И тогда стрелами, подобными ядовитым змеям и выпущенными (из лука), натянутого до предельной возможности, доблестный владыка ракшасов рассек лук Бхимы. И вслед за тем (другими) острыми стрелами могучий (ракшас) убил в пылу сражения его коней и возницу на глазах у самого Бхимасены, о потомок Бхараты!

Лишенный коней своих и возницы, Бхима тогда, сойдя с площадки колесницы, издал зычный рык и метнул в своего врага страшную увесистую булаву. И ту огромную булаву, устремлявшуюся на него с жутким шумом, ужасный ракшас сокрушил своею палицей и испустил

затем громкий рев. Видя тот удивительный, страшный подвиг владыки ракшасов, Бхимасена, возрадовавшись душою, быстро схватил (другую) булаву.

И битва, происходившая между человеком и ракшасом, стала яростной. Гулом от падения своих палиц оба они заставляли сильно сотрясаться землю. Отбросив затем свои палицы, оба они сшиблись вновь друг с другом. Они били друг друга кулаками, обрушивающимися с треском грома, и Неистовые от гнева, они разили (друг друга) колесами колесниц, ярмамвщ и осями, боевыми площадками и всякими принадлежностями, используя все, что попадалось на их пути. Так нападая друг на друга, оба они, истекая кровью, сшибались все снова и снова подобно двум громадным слонам, одержимым течкой. И на ту (битву) взирал Хришикеша, всегда преданный благу пандавов. И для защиты Бхимасены он побудил тогда отправиться сына Хидимбы.

Так гласит глава сто пятьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 153

Санджая сказал:
Увидев в сражении Бхиму, жестоко теснимого ракшасом, Васудева тогда, приблизившись к Гхатоткаче, сказал ему такие слова: «Посмотри, о могучерукий, на Бхиму, жестоко теснимого ракшасом почти на глазах у всех войск и тебя самого, о наделенный великим блеском! Оставив пока Карну, быстро убей Алаюдху, владыку ракшасов, о могучерукий! Потом ты сможешь убить Карну!» Услышав эти слова отпрыска рода Вришни, могучий Гхатоткача отпустил тогда Карну и сразился с тем владыкой ракшасов, братом (людоеда) Баки.

И битва, которая произошла ночью между теми обоими ракшасами, была свирепой и яростной. Тем временем Ююдхана, могучий воин на колеснице, во всеоружии, преисполненный гнева, а также Накула и Сахадева пронзили острыми стрелами воинов Алаюдхи – тех ужасных видом и храбрых ракшасов, которые, вооружившись луками, стремительно нападали на них. А носящий диадему Бибхатсу, о царь, в сражении том, меча стрелы во все стороны, начал опрокидывать всех (воинов), тех быков среди кшатриев. Также и Карна в том сражении, о царь, стал обращать в бегство царей и могучих воинов на колесницах среди панчалов, возглавляемых Дхриштадьюмной, Шикхандином и другими.

Видя их, убиваемых (Карной), Бхима, преисполненный отваги, внушающей страх (врагам), стремительно ринулся к Карне, сея стрелы в сражении. Тогда и те (воины) тоже – Накула и Сахадева и Сатьяки, могучий воин на колеснице, убив ракшасов, отправились туда, где находился сын возницы.

И все они вступили в сражение с Карной, в то время как панчалы сражались с самим Дроной. А между тем Алаюдха, воспаленный гневом, ударил Гхатоткачу, усмирителя врагов, по голове огромнейшим заостренным бревном. И от того удара могучий сын Бхимасены, всегда отличающийся доблестью, казалось, впал немного в обморочное состояние и оставался неподвижным.

Затем, (придя в сознание), он в сражении том метнул в своего противника украшенную золотом палицу, увешанную сотнею колокольцев и видом подобную сверкающему огню. Выпущенная с большой силой вершителем страшных подвигов, она, издавая громкий шум, разнесла в куски коней и возницу Алаюдхи и колесницу его. И когда кони его были убиты, когда колеса, ось и дышла его колесницы были сломаны и знамя разорвано, он, прибегнув к иллюзии ракшасов, быстро соскочил со своей колесницы.

Полагаясь на силу своей иллюзии, ракшас тот исторгнул обильные ливни из крови. И небо тогда, казалось, стало покрытым черными тучами и было озаряемо вспышками молний. Затем обрушились грозовые ливни в сопровождении ярких молний и глубоких раскатов грома. И громкий гул звуков «чата-чата» раздавался там, в свирепом сражении. Видя ту иллюзию, созданную ракшасом, ракшас, сын Хидимбы, взмыв ввысь, уничтожил ее при помощи своей иллюзии. А обладающий чудодейственной силой, Алаюдха при виде своей иллюзии, разрушенной такой же иллюзией врага, начал извергать оглушительный ливень из камней на Гхатоткачу. Но тот страшный ливень камней доблестный Гхатоткача рассеял во все стороны ливнем своих стрел. И все это казалось весьма удивительным!

Затем оба они принялись поливать друг друга различным оружием: железными дубинами и копьями, булавами, палицами и молотами, трезубцами и мечами, пиками, дротиками и дрекольями, острыми стрелами – длинными и с серповидным острием, обычными стрелами, дисками и секирами; железными шарами и короткими дротиками, оружием с наконечниками наподобие коровьей головы, а также палками из дерева удумбара.

И в сражении том они били друг друга разнообразными широковетвистыми деревьями, вырывая их с корнем, такими, как шами, пилу и карира, а также шамьяка, о потомок Бхараты, ингуда, бадари и цветущими ковидара, палаша и аримеда, могучими плакша, ньягродха и пиппала, а также разнообразными горными вершинами, покрытыми различными минералами. И гул от их (столкновения) был сильно оглушителен, как от раскалывающихся громовых ударов. И в самом деле, битва, которая разыгралась между сыном Бхимы и Алаюдхой, о повелитель, была подобна той, что происходила некогда, о царь, между Вали и Сугривой, двумя владыками обезьян.

Сражаясь различными видами страшного оружия, а равным образом и стрелами и хватаясь также за острые мечи, оба они разили друг друга. Затем они, оба огромные телом, наделенные могучей силой и мощью, бросившись друг на друга, схватили руками за волосы один другого. С телами израненными, оба громадных размеров, о повелитель людей, они истекали потом и кровью, словно это были две огромные горы, орошаемые дождем. Обрушившись потом со всей стремительностью на ракшаса и закружив его высоко (над головой), сын Хидимбы бросил его с большой силой и отрубил его огромную голову.

И взяв ту голову, украшенную двумя серьгами, он, преисполненный могучей силы, испустил тогда оглушительный рев. Увидев громадного телом родственника Баки, того усмирителя врагов, убитым, панчалы и пандавы стали издавать львиные рыки.

После того как был повержен тот ракшас, пандавы ударили в тысячи барабанов и затрубили в десять тысяч раковин. И та ночь явно была для них победоносной. Окаймленная со всех сторон светильниками, она сияла ярко и выглядела весьма блистательно. И тогда могучий сын Бхимасены бросил бесчувственную голову Алаюдхп перед самим Дурьйодханой.

Царь же Дурьйодхана, увидев, что Алаюдха убит, сильно встревожился вместе со всем своим войском, о потомок Бхараты! Ведь Алаюдха явился, к нему по своей доброй воле, помня прежнюю вражду, и дал обещание ему, что он убьет Бхимасену в битве. И царь решил, что тот будет несомненно им убит, и счел также, что жизнь его братьев будет долговечной. Видя же, что Алаюдха убит сыном Бхимасены, он счел клятвенное обещание Бхимасены (убить его самого и братьев его) уже исполненным.

Так гласит глава сто пятьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 154

Санджая сказал:
Убив Алаюдху, ракшас Гхатоткача возрадовался душою. Стоя во главе войска, он начал издавать всевозможные кличи. Услышав тот громкий, неистовый рев, приводивший в трепет слонов, воины твои, о великий царь, проникнулпсь паническим страхом. Но при виде могучего сына Бхимасены, занятого (в битве) с Алаюдхой, могучерукий Карна ринулся против пан-чалов. Он пронзил Дхриштадыомну и Шикхандина – каждого десятью крепкими и прямыми стрелами, выпущенными (из лука), натянутого до предельной возможности. Затем другими мощными длинными стрелами он заставил трепетать Юдхаманью и Уттамауджаса, и Сатьяки, выдающегося из воинов на колесницах.

И меж тем как они тоже метали в ответ там (стрелы) налево и направо, луки их всех казались точно сомкнутыми кругами, о повелитель людей! Звон от их тетивы и хлопков в ладони и грохот ободов колес их колесниц, (смешиваясь вместе), стал оглушителен в ту ночь, как рокот облаков в конце жаркой поры.

То (ночное) сражение представлялось облаком, о царь! Звон тетивы и грохот ободов колес колесничных заменяли ему громы. Луки (воинов) составляли для него вспышки молний, а верхушки знамен – светящийся круг (над облаком), потоки же стрел заменяли ему грозовые ливни. Стоя неколебимо, как утес, обладая мощью, равной огромной горе, тот сокрушитель полчищ врагов, сын Викартаны, о владыка царей, уничтожил в битве тот обильнейший ливень (из стрел, обрушившийся на него). Преданный благу сыновей твоих, благородный Вайкартана начал тогда в пылу сражения разить своих врагов острыми стрелами с красивым золотым оперением, несравненными, равными по силе ударов громовым стрелам.

Вскоре знамена у некоторых (воинов) были разорваны и срублены сыном Викартаны, у других тела были пронзены и истерзаны его стрелами, иные были лишены своих возниц, а еще другие – своих коней. Не находя надежного прибежища в том сражении, они примкнули тогда к войску Юдхпштхиры. Видя их разбитыми и вынужденными отвратиться (от битвы). Гхатоткача впал в неистовую ярость. Стоя на превосходнейшей своей колеснице, расцвеченной золотом и драгоценными камнями, он испустил львиный рев и, приблизившись к Карне, сыну Викартаны, пронзил его стрелами, по силе подобными грому.

Оба они стали застилать небесный свод стрелами с колючкообразным острием, длинными стрелами и с наконечником в виде лягушки, копьеобразными и жезлообразными стрелами и с острием в виде телячьего зуба, стрелами с наконечником в виде кабаньего уха и заостренными, в вй$е слоновьих клыков и рогов скота, а также ливнями стрел с бритвообраднйм острием.

И небосвод, покрытый потоками тех стрел, выглядел блистателънр в том сражении благодаря (вереницам стрел) с золотым оперением й сверкающих блеском, проносящихся горизонтально через него, словно он был увешан гирляндами из красивых цветов. И оба они, в равной мере наделенные несравненной отвагой, одинаково разили друг друга мощнейшим оружием. Ибо в сражении том никто не мог заметить и признака превосходства ни в одном из обоих выдающихся героев.

В самом деле, битва та между сыном Солнца и сыном Бхимы, отличавшаяся густым и страшным потоком оружия, выглядела в высшей степени красиво и представляла чрезвычайное зрелище, точно жаркая схватка между Раху и Солнцем в небе. Когда же Гхатоткача оказался не в состоянии превзойти Карну, о царь, тогда он, лучший пз знатоков оружия, вы-

звал к действию страшное и мощное оружие. И тем оружием ракшас убил сначала коней Карны, а затем и возницу его. И тут же сын Хидимбы быстро сделался невидимым.

Дхритараштра сказал:
Когда ракшас тот, сражающийся обманными средствами, исчез таким образом, что было задумано предпринять воинами моими? О том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Заметив, что ракшас тот исчез, все кауравы громко воскликнули: «Невидимый в битве и сражающийся с применением обмана, сей ракшас непременно убьетКарну!» Тогда Карна, сражающийся различным оружием с удивительной ловкостью, покрыл все стороны света сетями своих стрел. И небосвод был так густо окутан темнотою, созданной стрелами, что ни одно существо не могло спуститься оттуда.

Из-за большой ловкости сына возницы невозможно было увидеть, когда он прикасается пальцами к обоим своим колчанам, когда берет стрелы, когда накладывает их на тетиву и (целясь, мечет их). Так он покрывал весь небосвод своими стрелами. Тогда ракшасом была создана на небосводе иллюзия, страшная, грозная и наводящая ужас. Мы увидели там зрелище багрового облака, напоминающее свирепое пламя сверкающего огня. Там из него исторгались вспышки молний, а также пылающие головешки, о владыка кауравов! Затем раздался оттуда ужаснейший гул, точно (грохот) от тысяч барабанов, ударяемых сразу.

Затем оттуда посыпались стрелы с золотым оперением, дротики и копья, палицы и другое подобного рода оружие, секиры и мечи, смазанные маслом, бердыши со сверкающими лезвиями и пики; остроконечные дубинки, ярколучистые, и красивые булавы, сделанные из железа, и длинные копья с отточенными остриями, увесистые палицы, украшенные золотом и обвитые тесемками, и шатагхни показывались отовсюду. Огромные камни падали там и сям и тысячами – громовые стрелы в сопровождении сильного грохота; также колеса, оснащенные многими сотнями бритв, сверкающих блеском огня, показывались там.

И тот обрушивающийся обильный и сверкающий ливень дротиков, камней и секир, метательных копий, мечей, громовых стрел и молотов Карна не смог сокрушить ливнями своих стрел. От падающих коней, убитых стрелами, от падающих слонов, сраженных громовыми стрелами, и от падающих с колесниц могучих воинов, убиваемых камнями, страшный поднялся тогда шум и грохот. Жестоко теснимое Гхатоткачей со всех сторон ужаснейшими ливнями разнообразного оружия, то войско Дурьйодханы выглядело мечущимся и блуждающим в мучительном горе (по полю брани). С горестными криками «Аи! Ой!» и с сильно удрученным видом, то блуждающее (войско), казалось, стало таять. Однако главенствующие среди воинов из чувства благородства не поворачивались в то время лицами вспять.

При виде того ужаснейшего и неистового ливня могучего оружия, вызванного (иллюзией) ракшаса и обрушивающегося (на поле битвы), п при виде полчищ войска своего, повергаемых непрестанно, сыновей твоих обуял великий страх. И шакалы с языками, пылающими как огонь, со страшным воем стали сотнями завывать там. И увидев толпы ревущих ракшасов, воины владыки людей очень сильно удручились.

И те ужасные (ракшасы) с огненными языками и пылающей пастью, с острыми зубами и с телом, подобным горе, проносясь по небу с дротиками, сжатыми в руках, исторгали потоки оружия, как облака – ливни дождя. Жестоко поражаемые теми лютыми стрелами, дротиками и копьями, палицами и сверкающими остроконечными дубинками, громовыми стрелами, трезубцами и дисками, наносящими молниеносные удары, а также крушимые оружием шатагхни, те (воины кауравов) начали падать. Железные пруты, бхушунди, каменные шары аов

и шатагхни, стхуны, сделанные из черного железа и обвитые бечевкой, посыпались на войско твоего сына.

И тогда всех охватило страшное замешательство. С вывалившимися внутренностями, с головами отсеченными и телами разорванными, храбрые воины, {пав на поле брани), оставались лежать там. И от падающих скал гибли кони и погибали слоны и в щепы разлетались колесницы.

Те ятудханы, страшные видом, созданные там Гхатоткачей силой своей иллюзии, исторгая так могучий ливень оружия на поле битвы, совсем не щадили ни тех, кто перепуган, ни просящих о пощаде. Во время того страшного побоища героев кауравов, вызванного самой смертью, во время гибели кшатриев, те кауравы все внезапно потерпели полное поражение и пустились в бегство, громко крича: «Бегите, о кауравы! Все погибло! Сами боги с Индрой во главе убивают нас ради пандавов!» И в то время как тонули (в бедствии) те воины из рода Бхараты, никто не мог там стать прибежищем для них.

Когда происходил тот оглушительный шум, когда войско кауравов терпело поражение и таяло, когда подразделения войск теряли свои очертания, ни кауравов, ни противников невозможно было распознать {друг от друга). Во время того панического бегства, когда (воины) переступали границы дозволенного, все стороны (поля битвы), будучи обозреваемы, казались пустыми. Только одного Карну, о царь, я мог видеть там, утопающего грудью в том ливне оружия. И тут Карна покрыл небосвод своими стрелами, соперничая с дивной иллюзией ракшаса. Сын возницы, наделенный скромностью, совершая трудновыполнимый и благородный подвиг, вовсе не потерял сознания в том сражении. И все сайндхавы и бахлики, о царь, испуганно взирали на Карну, не сбитого с толку в битве. И все они почтили его, взирая в то же время на победу ракшаса.

Тогда выпущенное Гхатоткачей оружие шатагхни, снабженное восемью колесами, убило сразу всех четырех коней (Карны). И они упали на землю безжизненные, лишенные зубов, глаз и языков. Однако, спрыгнув с колесницы, лишенной коней, и обратив внимание на бегущих кауравов и на дивное свое оружие, сокрушаемое иллюзией (ракщаса), Карна не впал в замешательство и начал размышлять о том, что следует делать дальше.

И тогда кауравы все, при виде Карны и той страшной иллюзии (ракшаса), воскликнули громко: «Убей немедленно, о Карна, ракщаса сегодня своим дротиком! Эти кауравы и сыновья Дхритараштры находятся уже на краю гибели! И что нам сделают еще Бхима и Партха? Убей ночью этого ракщаса, сжигающего нас! Тот из нас, кто избавится от этого страшного оружия теперь, тот сможет сразиться с партхами в битве! Поэтому убей этого ужасного видом ракщаса дротиком, данным тебе Васавой! Пусть кауравы все, подобные самому Индре, не погибнут, о Карна, вместе с воинами этой ночью!»

Жестоко уязвляемый ракшасом, о царь, глубокой ночью, Карна, видя войско свое гибнущим и слыша громкие вопли кауравов, принял решение» метнуть дротик. Воспаленный гневом, как разъяренный лев, он не в состоянии был вынести того ответного удара и взял превосходнейший дротик, невыносимый и несущий победу, желая убить наконец Гхатоткачу.

И тот дротик, о царь, который в течение многих лет был им храним и по-читаем для убиения Пхальгуны в бою, тот превосходнейший дротик, который Шакра дал сыну суты в обмен на его серьги, тот самый дротик, точно шевелящий жалом и сверкающий, обвитый тесемкою, напоминающий Ночь Разрушителя (Ямы) или сестру самой Смерти и подобный ярко светящемуся метеору, Вайкартана (теперь) послал в ракшаса. Увидев тот превосходнейший и сверкающий дротик, способный пронзить тело» любого врага, в руках сына возницы, ракшас

пустился бежать в страхе* о царь, увеличивая тело свое до размеров подножия горы Виндхья.

В самом деле, увидев дротик в руках Карны, все существа в небе подняли громкий крик, о владыка царей! Начали дуть свирепые, неистовые ветры, о царь, и громовые удары со страшным шумом стали обрушиваться на землю! Разрушив ту иллюзию ракшаса и пронзив насквозь грудь его, тот сверкающий дротик взвился ввысь, блистая в ночи, и вошел в сферы созвездий (на небосводе).

Сразившись различными видами красивого, дивного оружия со (многими) мужами-воинами и ракшасами, герой тот испустил разноголосый страшный рев и (пал), лишенный дротиком Шакры дорогой для себя жизни. А это еще другой чудесный, весьма удивительный подвиг, который он совершил ради уничтожения своих врагов: в то время как его жизненно важные места были пронзены дротиком, он сиял блистательно, о царь, уподобляясь горе, окутанной облаком.

И вот, приняв огромную форму, Гхатоткача, тот владыка ракшасов, упал с небосвода на землю безжизненный, с пронзенным (насквозь) телом, со свернутой назад; головой, с онемевшими членами и лишенный языка. И в самом деле, приняв этот грозный и ужасный вид, сын Бхимасены, вершитель страшных подвигов, рухнул вниз. Даже убитый так, он (при падении) смял часть твоего войска, приводя в ужас кауравов. Тогда, смешиваясь со львиными, кличами, затрубили раковины и загремели разные барабаны и литавры. И право же, увидев иллюзию ракшаса разрушенной, а самого ракшаса убитым, кауравы, обрадованные, издали громкие клики. Затем Карна, почитаемый кауравами, словно Шакра – Марутами после убиения (асуры) Вритры, взошел вслед за твоим сыном на его колесницу и, тоже обрадованный, вступил в свое войско.

Так гласит глава сто пятьдесят четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ ОБ УБИЕНИИ ГХАТОТКАЧИ

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДРОНЫ

Глава 155

Санджая сказал:
Увидев сына Хидимбы убитым и (лежащим) подобно горе, пандавы все глубоко опечалились душою, и глаза их наполнились слезами. Только. Васудева, охваченный великой радостью, начал издавать львиноподобный клич, повергая (всех) в глубокое уныние, о потомок Бхараты! И издавая могучий клич, он обнял Пхальгуну. Привязав поводья (своих коней) в издавая громкие клики, он принялся плясать, исполненный восторга, словно дерево, сотрясаемое ветром. Затем вновь покружив вокруг Партхи не раз похлопывая шлепками рук, Ачьюта снова начал издавать страшные рыки, стоя на площадке колесницы. Заметив, что могущественный Васудева преисполнен радости в душе, Арджуна, о царь, вовсе не радостный душою, промолвил ему:

«Эта чрезмерная радость у тебя сегодня совсем не к месту, о сокрушитель Мадшу, когда, напротив, случилось великое горе, вызванное убийством сына Хидимбы! И войска наши обратились вспять при виде Гхато/г ткачи убитого! И мы тоже сильно обеспокоены из-за сокрушения сына Хидимбы! Ведь причина для этого должна быть весьма значительная, о Джанардана! Поэтому, спрошенный мною, скажи сейчас мне правду об этом, о лучший из правдивых! И право же, если это не тайна, благоволи сказать мне об этом, о усмиритель врагов! Поведай мне о том, что нарушило сегодня всю твою обычную серьезность, о сокрушитель Мадху! Этот твой поступок, это легкомыслие твое кажется мне столь (удивительным), как волнение вздымающегося океана или передвижение (горы) Меру, о Джанардана!»

Васудева сказал:
Велика радость, испытываемая мною! О ней слушай же меня, о Джанардана! И то весьма возвышенное, (что я скажу тебе), немедленно вселит радостное чувство в сердце твоем! Знай, о величаво блещущий, что Карна, обезвредив этот дротик на Гхатоткаче, уже заранее убит в бою, о Дхананджая! Какой существует человек в этом мире, который смог бы бесстрашно стоять перед Карной, вооруженным тем дротиком, подобно Карттикее в сражении? Благодаря счастливой судьбе, его (естественный) панцирь удален. Благодаря счастливой судьбе, серьги его также унесены.

Благодаря счастливой судьбе, его дротик, не знающий промаха, теперь обезврежен, (будучи применен) на Гхатоткаче. Ведь если бы Карна был в (естественном) панцире, а также с серьгами, он, могучий, смог бы один покорить даже три мира вместе с богами! Ни Васава и ни Кубера, ни Варуна, владыка вод, и ни Яма не осмелились бы противостоять ему. В самом деле, если бы тот бык среди людей был наделен теми (вещами), то ни ты, натягивая лук гандиву, ни сам я с диском сударшаной не смогли бы победить его в сражении!

Ведь именно для твоего блага Карна был лишен своих серег Шакрой при помощи иллюзии. Точно также сей покоритель вражеских городов был лишен и своего (естественного) панциря. И так как Карна, срезав (естественный) панцирь свой и сверкающие свои серьги, отдал их Шакре, он поэтому зовется Вайкартаной («Разрезающий»). Карна кажется мне теперь подобным разгневанной ядовитой змее, оцепеневшей от силы заклинаний, или подобным огню с успокоенным пламенем.

С тех пор, о могучерукий, как благородным Васавой дан был дротик Карне в обмен на серьги его ж дивный панцирь, – тот самый дротик, который попал в Гхатоткачу, – с тех самых пор Вриша, обретя его, всегда считал тебя уже убитым в сражении! Но хотя и случилось так, (что

Карна лишился дротика), все же он не может быть убит никем другим, кроме тебя, о тигр среди людей, клянусь тебе в том, что это сущая правда, о безупречный!

Преданный брахманам и правдоречивый, занятый подвижничеством, соблюдающий обет и милосердный даже по отношению к врагам, Карна поэтому называется Вришей; Одержимый в битве, могучерукий, с луком всегда поднятым, словно лев, терзающий в лесу спесивых вожаков слоновых стад, Карна всегда лишает тигроподобных воинов на колесницах их спеси на поле брани, напоминая собою полуденное солнце, на которое невозможно взглянуть» (Состязаясь) с благородными и выдающимися из твоих воинов, о тигр среди людей, он, когда мечет тучи стрел, выглядит подобно солнцу с тысячью лучей в осеннюю пору.

В самом деле, как облако изливает потоки дождя на исходе жаркой поры, так он исторгает ливни своих стрел. Карна подобен исторгающему ливень облаку, густой туче, пронизанной дивным оружием. Лишенный (дротика), данного Шакрой, он теперь оказался в положении обыкновенного человека (и не является уже божеством). А ведь представится один удобный случай для его убиения. Когда колесо его колесницы погрязнет в выбоину, ты, действуя особенно внимательно, должен будешь убить его, оказавшегося в бедственном положении, в то время как сам он будет вовсе невнимателен. И ты заранее получишь от меня знак.

Именно ради твоего блага, при помощи различных изобретательных средств мною были убиты один за другим все эти (герои): Джарасандха и благородный царь чедиев, и наделенный могучей силой нишадец Экалавья. Равным образом были убиты и другие: великие ракшасы с главенствующими из них Хидимбой, Кирмирой и Бакой, а также Алаюдха, сокрушитель вражеских войск, и Гхатоткача, вершитель страшных подвигов, отличавшийся большой стремительностью.

Так гласит глава сто пятьдесят пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 156

Арджуна сказал:
Каким образом ради нашего блага и какими изобретательными средствами, о Джанардана, были убиты те владыки земли – Джарасандха и другие?

Васудева сказал:
Джарасандха, царь чедиев и могучий сын царя Нишадского, если бы не были убиты ранее, теперь наводили бы на всех ужас. Суйодхана непременно выбрал бы тех превосходнейших воинов на колесницах (чтобы привлечь на свою сторону). Ибо они всегда были враждебны к нам и теперь примкнули бы все к кауравам. Ведь все они были благородными героями, искусными во владении оружием и стойкими в бою. Они, словно бессмертные (в своей доблести), защищали бы все войско сына Дхритараштры.

В самом деле, сын возницы и Джарасандха, царь чедиев и сын царя нишадов, примкнув к Суйодхане, смог бы сжечь всю эту землю. Слушай же меня о том, о Дхананджая, какими средствами они были убиты. Ибо без применения изобретательных средств их невозможно было победить в бою даже самим богам. Ведь каждый из них поодиночке смог бы, о Партха, сражаться в битве со всем воинством богов, защищаемых хранителями мира!

(Как-то однажды), сильно теснимый сыном Рохини, Дхарасандха, воспаленный гневом, метнул, чтобы уничтожить нас, булаву лохитамукхи. Наделенная блеском огня, та булава устремлялась (к нам), оставляя разграничительную линию на небосводе, подобную пробору (на голове женщины), и видом своим напоминала громовую стрелу, выпущенную Шакрой. Уви-

дев ту булаву, так несущуюся (на нас), сын Рохини метнул для отражения ее оружие стхунакарну. И сбитая силой ответного удара его оружия, та булава упала на Землю богиню, разрывая ее и заставляя сотрясаться горы. Там находилась ужасная ракшаси, по имени Джара, наделенная неистовой отвагой. (Некогда) она соединила в одно целое (из двух половинок) рожденного (в таком виде) того усмирителя врагов, который позже стал (прозываться) Джарасандхой. Ведь (обе) половинки тела его были по отдельности рождены двумя матерями. И так как он был соединен воедино Джарой, то поэтому он стал называться Джарасандхой («Соединенный Джарой»).

И та ракшаси, находившаяся в земле, о Партха, была убита вместе с ее сыном и родственниками тою булавою и оружием стхунакарной. Лишенный своей булавы в той великой битве, Джарасандха был впоследствии убит Бхимасеной у тебя на глазах, о Дхананджая! Ведь если бы доблестный Джарасандха был бы вооружен булавою, сами боги с Индрой во главе не смогли бы убить его в сражении, о лучший из людей!

Ведь ради твоего блага и сын царя Нишадского, наделенный истинной отвагой, был вероломно лишен своего большого пальца Дроной, взявшего на себя роль наставника. Однако тот сын царя Нишадского, твердый в своей отваге, с надетыми на пальцы кожаными предохранителями, меча (стрелы) и одиноко бродя по лесу, выглядел блистательно, точно это был другой Рама.

Ведь Экалавью, обладавшего большим пальцем, о Партха, не в состоянии были никогда победить в битве сами боги и данавы вместе с ракшасами и змеями. С твердою хваткой и искушенного во владении (оружием), способного непрерывно метать стрелы днем и ночью, разве был бы в состоянии взглянуть на него простой человек! И ради твоего блага он был убит мною на головном участке сражения. Также и доблестный царь чедиев был убит мною у тебя на глазах. Он тоже не мог быть убит в сражении даже всеми богами и асурами. Ради убиения его, а равно и других ненавистников богов я принял свое рождение, имея тебя помощником своим, о тигр среди людей, из желания блага миру. Хидимба, Бака и Кирмира повержены Бхимасеной. Все они были наделены мощью, равной силе Раваны, и были губителями брахманов и жертвоприношений. Равным образом и Алаюдха, обладавший силой иллюзии, был убит сыном Хидимбы. А сын Хидимбы был также убит (мною) благодаря применению подходящего средства, а именно через Карну, при помощи его дротика.

Ведь если бы Карна не убил его своим дротиком в великой битве, то я сам убил бы тогда сына Хидимбы Гхатоткачу. Из желания сделать вам приятное, мною он не был убит раньше. Ведь сей ракшас был ненавистником брахманов и жертвоприношений. Так как он был нарушителем закона и нечестивым душою, то и был он так повержен! И (благодаря тому, что он убит) применением такого средства, дротик, данный Шакрой, также обезврежен мною, о безупречный!. Ведь те, которые являются нарушителями справедливости, подлежат уничтожению мною, о Пандава!

Это мой непреложный обет, (данный) ради утверждения справедливости! Там, где веды, правда и самообуздание, чистота, справедливость и скромность, преуспеяние, стойкость и прощение (постоянно находятся рядом), там и я всегда пребываю. Клянусь в том тебе сущею правдой! Тебе совсем не следует выказывать уныния по поводу (убиения) Карны, сына Викартаны. Я укажу тебе средство, благодаря которому ты одолеешь его. Врикодара также убьет в сражении Суйодхану. Я назову тебе также средство для его убиения, о Пандава! Между тем этот громкий шум над вражеским войском все усиливается. И войска твои тоже разбегаются во все стороны. Ибо, достигнув своей цели, кауравы уничтожают твое войско. И право же, сей Дрона, лучший из разящих, сжигает ваше воинство.
Так гласит глава сто пятьдесят шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 157

Дхритараштра сказал:
Когда дротик в (руках) сына суты должен был оказаться тщетным (в своем назначении) после убиения одного только героя, почему же тогда он не метнул его в Партху, исключив всех других? Ведь если бы он был убит (при помощи того дротика), тогда были бы убиты и все пандавы и сринджайи. В самом деле, почему сокрушением одного только героя мы не одержали победу в бою?

«Вызванный на битву, я никогда не отвращусь» – таков великий обет, данный Арджуной. Поэтому Пхальгуна должен был быть вызван на битву самим сыном возницы. Так почему же в таком случае Вриша, вступив в поединок на колесницах, не убил Пхальгуну дротиком, данным ему Шакрой? О том расскажи мне, о Санджая! Несомненно, мой сын лишен разума, также лишен он и советников!

Все применяемые им средства постоянно обезвреживаются врагами. Как же он сможет победить своих врагов? Ибо тот его дротик, который был столь мощным (оружием) и обеспечивал ему победу, тот дротик его теперь обезврежен Васудевой, (будучи применен) на Гхатоткаче. И в самом деле, как плод бильва выхватывается из рук калеки более сильным, так и тот дротик, не знавший промаха, сделался никчемным через Гхатоткачу.

Подобно тому как при схватке между кабаном и собакой, когда гибнет один из них, выгода остается за охотником-чандалом, так именно, о мудрый, я полагаю, выгода оказалась на стороне Васудевы от битвы между Карной и сыном Хидимбы! Ведь если бы Гхатоткача убил Карну (в битве), это была бы величайшая выгода для пандавов. Если же, с другой стороны, Вайкартана убил бы его, то этим также их цель была бы достигнута из-за утраты дротика (Карны)! Размышляя так разумом своим, премудрый Васудева, лев среди людей, делая то, что приятно и полезно для пандавов, заставил сына суты убить Гхатоткачу в битве.

Санджая сказал:
Зная о том намерении Карны, которое он собирался осуществить, о царь, губитель Мадху, могучерукий Джанардана повелел тогда владыке ракшасов Гхатоткаче, преисполненному великой мощи, вступить в поединок на колесницах с Карной для отвращения не знающего промаха его дротика. И все это, о царь, – из-за твоих дурных советов! Ведь мы еще тогда достигли бы уже своей цели, о продолжатель рода Куру, если бы Кришна не оберегал (так) Партху от Карны, могучего воина на колеснице.

И право же, Партха пал бы в сражении вместе с конями, знаменем и колесницей на поле брани, о Дхритараштра, не будь на его стороне могущественного Джанарданы, того владыки йогинов! Защищаемый множеством различных средств, о царь, и хорошо охраняемый Кришной, Партха, встречаясь с врагами, побеждает их. Но при этом Кришна усиленно оберегал Пандаву от неотвратимого дротика, ибо посланный (в цель), тот дротик Убил бы сына Кунти, подобно тому как молния сокрушает дерево!

Дхритараштра сказал:
Мой сын склонен к ссоре, окружен глупыми советниками и мнит себя мудрым. Вследствие чего это верное средство убиения Арджуны и расстроилось полностью! Каким же образом и тобою тоже, о сын Гавальганы, было сделано такое упущение, что ты, о многомудрый, не напомнил (Карне) об этом важном деле?

Санджая сказал:
Это и было как раз постоянным предметом обсуждения каждой ночью между Дурьйодханой, Шакуни, мною и Духшасаной. (И мы говорили Карне): «Исключая всех воинов, о Карна, убей завтра Дхананджаю! И мы тогда будем владеть пандавами и панчалами, как если бы они были нашими рабами! Или же, если после поражения Партхи герой из рода Вришни поставит (на его место) другого из пандавов (для участия) в битве, то пусть тогда и сам Кришна будет убит! Ведь Кришна есть корень пандавов, а Партха – как бы их поднявшийся ствол! Другие сыновья Притхи – это как бы их ветви, тогда как панчалы могут быть названы их листьями. Для пандавов Кришна есть опора, Кришна для них –могучая сила, Кришна для них – покровитель. В самом деле, Кришна – их крайнее прибежище, подобно тому как месяц – для небесных светил. Поэтому, о сын суты, оставляя в стороне и листья, и ветви, и ствол, сокруши Кришну – корень пандавов всюду и всегда!»

И действительно, если бы Карна убил отпрыска из рода Дашарха, радующего ядавов, вся земля, о царь, была бы без сомнения под твоей властью! Ведь в самом деле, если бы он, великий душою, радующий ядавов и пандавов, лежал на сырой земле сраженный, то несомненно, о царь царей, вся Земля вместе с горами, морями и лесами подпала бы под твою власть! Именно такое решение принималось (нами всякий раз), когда мы пробуждались (по утрам), в отношении владыки тридцати (богов) – Хришикеши, неизмеримого (в мощи своей)! Во время битвы, однако, оно упускалось нами. К тому же Кришна всегда защищает Арджуну, сына Кунти.

Он никогда не хотел поставить его перед сыном суты в сражении. Но зато Ачьюта всегда ставил перед ним других выдающихся воинов на колесницах, думая при этом: «Как бы мне сделать тот неотвратимый дротик бесполезным», о владыка! Тогда же могучерукий Сатьяки, наделенный истинной отвагой, о тигр среди воинов на колесницах, спросил Кришну о Карне, могучем воине на колеснице: «Ведь это было твердое решение у Карны относительно дротика, (что он должен был метнуть его) в Пхальгуну, о неизмеримый в отваге! Почему же, однако, в действительности он не был выпущен в него сыном суты?».

Васудева сказал:
Духшасана и Карна, и Шакуни вместе с властителем Синдху, возглавляемые Дурьйодханой, постоянно совещались (по этому поводу. И, обращаясь к Карне, они обычно говорили): «О Карна, о Карна, могучий лучник, о ты, чья доблесть неизмерима в сражении, этот дротик не должен быть выпущен тобою, о лучший из побеждающих, ни в кого другого, кроме могучего воина на колеснице – Партхи, сына Кунти Дхананджайи! Ибо он – наиболее прославленный среди них, как Васава среди богов! Если он будет убит, все пандавы вместе со сринджаями будут лишены своего сердца, как боги – огня!»

Говоря «хорошо!», соглашался на это Карна. Ибо (намерение) убить Обладателя лука гандивы, о бык из рода Шини, постоянно было в сердце Карны! Однако же я всегда сбивал с толку сына Радхи, о лучший из воителей! Вследствие чего он и не выпустил дротика в Пандаву, владетеля белых коней! Ведь я хорошо понимал, что для Пхальгуны, когда он жаждал сражаться, тот дротик будет смертью его, и от этого никогда не было у меня ни сна, ни радости в сердце, о лучший из воителей!

Поэтому, увидев, что тот дротик обезврежен, (будучи применен) на Гхатоткаче, о бык из рода Шини, я считаю Дхананджаю сегодня избавленным из пасти самой Смерти. Ни отец мой, ни мать, ни вы, а равно мои братья, и ни сама жизнь моя не должны быть столь оберегаемы, как Биб-хатсу в сражении! Если может быть что-либо другое еще гораздо более недостижимое, чем владычество над тремя мирами, то я, о Сатвата, не пожелал бы (наслаждаться) им без (участия со мною) сына Притхи – Дхананджайи. Поэтому этот бурный восторг, о Ююд-

хана, и проявился у меня сегодня, когда я увидел сына Притхи Дхананджаю словно возвратившегося после смерти. Поэтому-то и был мною послан ракшас к Карне для битвы! Ибо никто другой не был способен противостоять ночью Карне в сражении!

Санджая сказал:
Именно так сказал тогда (доблестному) Сатьяки (по этому случаю) сын Деваки, всегда преданный благу Дхананджайи и радующийся тому, что приятно для него.

Так гласит глава сто пятьдесят седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 158

Дхритараштра сказал:
Все это, (я полагаю), о братец мой, – в огромной мере результат пагубной политики Карны, Дурьйодханы и других, Шакуни, сына Субалы, и твоей в особенности. В самом деле, коли ты знал, что тот дротик может всегда убить только одного в сражении и что он неотвратим и невыносим даже самими богами с Васавой во главе, то почему же в таком случае, ° Санджая, он не был выпущен Карной в сына Деваки или же в Пхальгуну, когда он был еще раньше занят с ними в сражении?

Санджая сказал:
Всякий раз, как мы возвращались из битвы, о владыка народов, у всех ас ночью, о наилучший из рода Куру, происходило всегда об этом совещание, где (мы говорили Карне): «Как только завтра забрезжит рассвет, о Карна, этот дротик должен быть выпущен в Кешаву или же в Арджуну, о Карна!» Но когда наступало время рассвета, о царь, в силу велений судьбы Карной и другими воинами то решение забывалось все снова. Я полагаю, что судьба является наивысшей (в течении событий), так как Карна с дротиком в руках не убил в сражении ни Партху и ни Кришну, сына Деваки. И действительно, хотя дротик тот, будто наступившая Ночь при гибели мира, находился в его руках, Карна, из-за того что рассудок его был тронут самой судьбою, и к тому же сбитый с толку иллюзией богов, не выпустил поэтому тот дротик Васавы ни в Кришну, сына Деваки, с целью его убиения, и ни в Партху, подобного Шакре (в своей доблести), о владыка!

Дхритараштра сказал:
Мы сокрушены самой судьбою, своим собственным рассудком и Кешавой! Ибо дротик Васавы исчез, после того как он убил Гхатоткачу, оказавшегося (столь ничтожным), как солома. Карна и мои сыновья, а равно все другие цари благодаря такому (действию, проистекающему от) пагубной политики, уже отправились в обиталище Вайвасваты!

Расскажи мне теперь, как снова разгорелась битва между кауравами и пандавами, после того как был повержен сын Хидимбы. Каким образом те, которые ринулись против Дроны, построившиеся в боевые порядки и искусно разящие, – сринджайи вместе с панчалами, – как и они сражались в битве? Как же, в самом деле, пандавы и сринджайи противостояли Дроне, метавшему (в них стрелы), Дроне, когда он проникал в их войско, жертвуя самой жизнью, неистовый от гнева из-за убийства сына Сомадатты и правителя Синдху, уподобляясь разевающему свой зев тигру или самому Разрушителю с широко разверстой пастью? И также те, которые охраняли наставника, – сын Дроны, Карна, Крипа и другие, возглавляемые Дурьйодханой, о братец мой, что также делали они в сражении?

Расскажи мне, о Санджая, как мои воины в той битве нападали на Савьясачина и Врикодару, жаждавших убить сына Бхарадваджи? Как же действительно они, воспаленные гневом из-за

убийства царя Синдху, а те –из-за убийства Гхатоткачи, неспособные (каждая из сторон) перенести (свою утрату), сражались в той битве ночью?

Санджая сказал:
После того как ночью, о царь, был убит Карной ракшас Гхатоткача когда воины твои, преисполненные радости и жаждущие сражаться издавали громкие клики и со всей стремительностью обрушивались в ту глухую ночь на войско (пандавов), подвергавшееся уничтожению, царь (Юдхиштхира) впал в глубочайшее уныние. И сказал тогда могучерукий усмиритель врагов, обратившись к Бхимасене:

«Сдержи, о могучерукий, войско сына Дхритараштры! Вследствие убийства сына Хидимбы меня охватило сильное замешательство!» Повелев так Бхиме, царь присел на своей колеснице. С лицом, залитым слезами, и глубоко вздыхая все снова и снова, он впал в страшное уныние при виде доблести Карны. Увидев его, столь удрученного, Кришна промолвил такое слово: «Не предавайся так унынию, о Каунтея! Это подавленное состояние духа не подходит тебе о наилучший из рода Бхараты, как подходит оно обыкновенному человеку! Встань, о царь, и сражайся! Неси тяжкое бремя, о владыка! Когда ты впадаешь в уныние, может возникнуть сомнение в нашей победе!»

Услышав слова Кришны, царь справедливости Юдхиштхира вытер свои глаза руками и промолвил в ответ Кришне: «Тебе, о могучерукий, хорошо известен высочайший путь (всех) установлений! (Грозные) последствия от убийства брахмана (распространяются) и на того, кто не осознает оказанных ему услуг (другими). В то время как мы жили в лесах, благородным сыном Хидимбы, хотя и был он тогда еще сущим ребенком, оказывалось нам множество услуг, о Джанардана!

Узнав, что Пандава, владелец белых коней, отправился для приобретения оружия,33 этот могучий лучник, о Кришна, явился ко мне в лес Камьяка. И жил он вместе с нами, пока не вернулся Дхананджая. Во время путешествия на Гандхамадану он переправлял нас через неприступные места, а царевну Панчалы, сильно уставшую, он, благородный, нес на своей спине. Из его же подвигов (видно), что он был искушен во всех приемах ведения боя. Ведь и ради меня тем благородным (героем) были совершены трудновыполнимые подвиги! Моя любовь к Гхатоткаче, владыке ракшасов, вдвойне сильней той любви, которую я естественно питаю к Сахадеве, о Джанардана! Могучерукий, он был предан мне! Я был мил ему и он был мил мне! Отчего я, о отпрыск рода Вришни, и впадаю в уныние, сжигаемый печалью!

Посмотри, о отпрыск рода Вришни, на наши войска, теснимые и обращаемые в бегство кауравами! Посмотри на Дрону и Карну – двух могучих воинов на колесницах, рьяно сражающихся в битве! Посмотри на войско пандавов, крушимое ими глубокой ночью, подобно обширной тростниковой чаще, (уничтожаемой) двумя возбужденными слонами! Не обращая внимания на силу рук Бхимасены, о Мадхава, а также на разнообразие оружия, применяемого Партхой, кауравы упорно проявляют свою доблесть!

Вон Дрона и Карна и царь Суйодхана! Убив ракшаса в сражении, они в восторге издают там громкие клики! Каким образом, о Джанардана, когда мы живы и ты тоже, сын Хидимбы мог найти свою гибель, вступив в сражение с сыном суты? Ставя всех нас ни во что, (Карна) на глазах у Савьясачина, о Кришна, убил могучего сына Бхимасены, ракшаса (Гхатоткачу). Когда был убит Абхиманью зловредными сынами Дхритараштры, Савьясачина, могучего воина на колеснице, не было там в сражении! И мы тоже все были сдерживаемы злонравным правителем Синдху. Дрона со своим сыном (Ашваттхаманом) был причиной в том (постыдном) деле.

Наставник сам указал Карне средство для убиения (Абхиманью). Когда тот сражался мечом, он сам разрубил на две части его меч. И когда (Абхиманью) оказался в бедственном положении, Критаварман зверски и в одно мгновение убил его коней и двух возниц, погонявших пристяжных коней. И затем другие могучие лучники повергли сына Субхадры в бою, за малейшую обиду, о Кришна, был правитель Синдху убит Обладателем лука гандивы!

Но это, о превосходнейший из ядавов, не очень радует меня. Если убийство врагов является справедливым и должно быть совершено пандавами, тогда Дрона и Карна должны быть убиты в сражении раньше всех! Таково мое мнение. Ведь оба они являются корнем наших бед, о бык среди людей! Обретя их (своими союзниками) в сражении, Суйодхана стал весьма уверенным (в победе).

В самом деле, тогда как должен был быть убит Дрона или сын возницы с его последователями, тогда могучерукий (Дхананджая) убил правителя Синдху, далеко отстоявшего (от дела)! Наказание же сына возницы должно быть непременно предпринято мною. Поэтому я отправлюсь сам, о герой, горя желанием убить Карну. Бхима-сена могучерукий сражается сейчас с войском Дроны».

Сказав так, Юдхиштхира поспешно со всей стремительностью двинулся (против Карны), сгибая свой огромный лук и грозно трубя в раковину. Затем, окруженный тысячью колесниц и тремя сотнями слонов, пятью тысячами всадников и тремя тысячами прабхадраков, отправился быстро Шикхандин вслед за царем. Тогда облаченные в доспехи панчалы и пан-давы, предводительствуемые Юдхиштхирой, ударили в барабаны и затрубили в раковины. В это время могучерукий Васудева, обратившись к Дхананджае, промолвил: «Вон, проникнутый гневом, стремительно мчится Юдхиштхира, горя желанием убить сына суты! Не подобает тебе быть безучастным к нему!» Сказав так, Хришикеша быстро погнал коней. И Джанардана помчался вслед за царем, отъехавшим уже на далекое расстояние. А в это время, увидев сына Дхармы Юдхиштхиру, с мыслями, расстроенными печалью, и будто сжигаемого огнем, быстро устремляющегося с намерением убить сына возницы, приблизился к нему Вьяса и сказал:

«Хотя и сталкивался с Карной в сражении, Пхальгуна все же здравствует, благодаря счастливой судьбе! Ведь страстно желая убить Савьясачина, Карна сохранял свой дротик! Благодаря счастливой судьбе Джишну не вступал с ним в поединок на колесницах, о бык из рода Бхараты! Лишь состязаясь друг с другом, оба они метали различное дивное оружие во все стороны. В то время как любое оружие (Карны) уничтожалось бы (Арджуной), сын возницы, жестоко теснимый им, несомненно метнул бы в пылу сражения тот дротик Васавы, о Юдхиштхира!

И тогда, (если бы это случилось), горе твое было бы ужасным, о превосходнейший из рода Бхараты! Благодаря счастливой судьбе ракшас убит в бою сыном суты, о милостивый! В самом деле, Гхатоткача убит самой Смертью, обратившей дротик Васавы лишь в орудие. Именно ради твоего блага, о сын мой, ракшас убит в сражении! Не поддавайся гневу, о лучший из рода Бхараты, и не повергай свое сердце в печаль! Ибо таков конец для всех существ в этом мире, о Юдхиштхира! Объединившись со своими братьями и благородными царями (своего лагеря), о царь, сразись с кауравами в битве, о потомок Бхараты!

И на пятый день (отныне) земля будет твоей! Всегда, о тигр среди людей, размышляй о добродетели! Преисполненный радости, постоянно проявляй мягкосердечие (ко всем существам), предавайся покаянию, выказывай щедрость и прощение и блюди правду, о Пандава! Где справедливость, там и победа!» Сказав так Пандаве, Вьяса тут же исчез.
Так гласит глава сто пятьдесят восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 159

Санджая сказал:
Между тем как был убит Гхатоткача сыном суты той ночью, царь справедливости Юдхиштхира, однако, поддался влиянию горя и гнева. Увидев твое обширное войско, сдерживаемое Бхимой, он так сказал Дхриштадьюмне: «Останови Рожденного в сосуде!

Ибо ты, усмиритель врагов, облаченный в панцирь, вооруженный луком, стрелами и мечом, произошел из огня для сокрушения Дроны! Бодро и весело устремись в битву, и не должно быть у тебя никакого страха! Пусть также Джанамеджая и Шикхандин, Даурмукхи и Яшодхана, обрадованные, ринутся против Рожденного в сосуде со всех сторон! Пусть Накула и Сахадева, сыновья Драупади и прабхадраки, Друпада и Вирата в сопровождении своих сыновей и братьев, также Сатьяки и кекайи и сын Панду Дхананджая ринутся со всей стремительностью против сына Бхарадваджи с намерением убить его! Пусть также все наши воины на колесницах и какие ни есть слоны и кони, а равно пехотинцы настигнут в сражении Дрону, могучего воина на колеснице!»

Получив такое приказание от благородного Пандавы, все они стремительно ринулись против Рожденного в сосуде из желания сразиться с ним. Однако Дрона, лучший из носящих оружие, перехватил в сражении тех воинов пандавов, столь внезапно устремлявшихся на него со всей силой и упорством.

И тут царь Дурьйодхана, желая (охранить) жизнь Дроны, ринулся, разгневанный, на пандавов (тоже) со всей силой и упорством. И тогда произошла битва между пандавами и кауравами, громко кричавшими друг на друга. Верховые и упряжные животные (обеих сторон), а также воины утомились все. Могучие воины на колесницах тоже, о великий царь, слепые от сна и изнуренные в сражении, не знали что делать в бою.

Эта ночь протяженностью в три ямы, грозная на вид и ужасная, уносящая (много) живых существ, стала казаться им длящейся тысячу ям. Особенно когда они убивали так и калечили (друг друга) и особенно когда они становились слепыми от сна, увы, вокруг царил ночной мрак. И все кшатрии были опечалены душой и утратили свой пыл. Как у твоих, так и у вражеских воинов не оказалось больше оружия и стрел.

Проводя так (время, некоторые) из воинов (обеих сторон), особенно отличающиеся скромностью и соблюдающие закон своей касты, не покидали своих подразделений. Другие, слепые ото сна, оставив оружие, ложились (на землю), иные – на (спины) слонов, еще другие – на колесницы, а некоторые на (спины) коней, о потомок Бхараты! Слепые от сна,, повелители людей не знали что делать.

А те воины, (которые еще бодрствовали) в сражении, отправляли друг друга в обиталище Ямы. Другие же, лишившиеся чувств, грезя во сне и принимая всех за врагов,, убивали в сражении себя и своих же, а также чужих. Слепые от сна,, они издавали различные восклицания в той свирепой битве. Многие при мысли, что нужно сражаться, стояли с глазами, слипающимися от сна. Другие, неистово сшибаясь в сражении, а некоторые герои, слепые от сна, убивали в пылу битвы друг друга, о царь, в той ужасной темноте. Многие воины, совсем сбитые с толку от сна, не различали в сражении себя от врагов, будучи так убиваемы.

Увидев такое поведение воинов, Бибхатсу, бык среди мужей, сказал громко такие слова, оглашая все стороны света: «Вы все вместе с верховыми и упряжными животными изнурены напряжением (сил) и слепы от сна, в то время как само войско окутано мраком и густой пы-

лью. Поэтому, о воины, если вы желаете,46 вы можете отдохнуть! И право, тут жена поле брани, смежите свои глаза на короткое время! И потом, когда месяц взойдет снова, вы, кауравы и пандавы, можете вновь, выспавшись и> отдохнув, сразиться друг с другом ради достижения неба!»

Услышав эти слова добродетельного (Арджуны), воины (из лагеря кауравов), сведущие во всех установлениях, одобрили их и, обращаясь друг к другуг громко воскликнули: «О Карна, о Карна, о царь Дурьйодхана, прекратите (битву)! Ведь войско пандавов уже перестало (теснить нас)!»

И в то время как Пхальгуна громко возглашал так окрест, войско пандавов, а также и твое, о потомок Бхараты, прекратили (сражение). И те слова его приветствовали боги и благородные мудрецы и все обрадованные-воины. И приветствовав те незлобивые слова, все войска, о потомок Бхараты, изнуренные напряжением (сил), о царь, улеглись поспать некоторое время, о бык из рода Бхараты!

И тогда то войско твое, о потомок Бхараты, испытывая счастье от того, что получило возможность отдыха, почтило храброго Арджуну: «В тебе заключены веды, а также всевозможное оружие! В тебе заключены разум и доблесть! В тебе, о могучерукий, пребывают справедливость и сострадание ко всем существам, о безупречный! И так как мы успокоены тобоюг мы желаем тебе счастья, о Партха! Да будет благо тебе! И обрети ты вскоре, о герой, предметы желаний, приятные твоему сердцу!»

Так прославляя того тигра среди людей, могучие те воины на колесницах, одолеваемые сном, погрузились в молчание, о владыка народов! Одни лежали на спинах коней, другие – на сидениях колесниц, некоторые – на плечах слонов, а еще другие – на голой земле. Многие же люди, со своим оружием и булавами, с мечами и секирами, с копьями и в панцирях, легли спать отдельно друг от друга. Слоны там, слепые от сна, сделали землю холодной дыханьем из своих ноздрей, (проходившим) через их змееизвилистые хоботы, покрытые пылью и прахом. И слоны те, когда они глубоко вздыхали на земле, выглядели красиво, подобно горам, раз бросанным (на поле битвы), с шипящими на них огромными змеями.

Кони с позолоченными постромками и с хомутами, переплетенными с гривами, сделали ровную землю, взрывая краями своих копыт, неровной. Таким образом, все спали там, о царь царей, расположившись соответственно на (спинах) своих верховых и упряжных животных. И разбитое так сном, войско то спало безмолвно там, напоминая собою необычайную картину, написанную на холсте искусными (мастерами). Те кшатрии, юные и украшенные серьгами, с телами, израненными обоюдно стрелами, спали, расположившись на лобных выпуклостях слонов, будто они возлежали на полных грудях красивых женщин. Тогда месяцем, покровителем лилий, радующим глаз, оттенка белого, как щеки красавицы, украсилась страна света, хранимая Индрой.

Затем через минуту впереди показал себя багряным божественный владыка, носящий изображение зайца, поглощая сияние звезд. И вслед за тем багрянцем месяц стал медленно, медленно испускать громадную сеть лучей, блеском подобт ную золоту. Затем те лучи месяца, рассеивая тьму своим блеском, псь степенно распространились на все стороны света и небо и землю. И вскоре поэтому мир, казалось, стал ярко освещен. Невыразимый и беспросветный мрак тогда быстро отступил.

Меж тем как мир был освещен так и сам месяц обратился (чуть ли не) в дневной свет, некоторые из существ, бродящих в ночи, о царь, продолжали бродить там, а некоторые не двигались с места. И пробуждаемое лучами месяца, о царь, то войско проснулось, подобно огром-

ным зарослям лотосов в воде, (распустившихся от лучей солнца). Подобно тому как океан, вздымаемый при восходе луны, приводится в волнение, так и то море войска было пробуждено при восходе месяца. И тогда снова, о владыка народов, разыгралась битва на Земле ради уничтожения людей – между жаждавшими достичь потустороннего мира.

Так гласит глава сто пятьдесят девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 160

Санджая сказал:
В это время Дурьйодхана, подпав под власть гнева, примчался к Дроне и сказал ему так, вызывая в нем радость и чувство отваги: «Враги наши не должны быть прощаемы в сражении, когда они с удрученным сердцем, изнуренные трудом, отдыхают и особенно когда все они уверены в своей цели! Однако все то, (что касалось их), прощалось нами из желания сделать приятное тебе. Эти же пандавы, отдохнув, стали еще сильнее. Сами же мы во всех случаях лишаемся своей мощи и силы. А они, охраняемые тобою, преуспевают все снова и снова. Все виды дивного оружия, а также те, какие являются оружием Брахмы и прочие, – все они находятся исключительно у тебя.

Ни пандавы, ни мы сами, ни другие лучники в мире не могут сравняться с тобою, когда ты сражаешься в битве, – говорю тебе правду! О наилучший из дваждырожденных, ты сведущ во всех видах оружия! Без сомнения, при помощи своего дивного оружия ты способен сокрушить (три) мира вместе с богами, асурами и гандхарвами! Пандавы особенно боятся тебя! А ты все же прощаешь им, выставляя предлогом либо то, что они были твоими учениками, либо мое злосчастие!»

Так поощренный и приведенный в неистовство сыном твоим, Дрона, о царь, гневно промолвил Дурьйодхане такие слова: «Хотя и будучи стар, я прилагаю старания в битве, о Дурьйодхана, в меру предельных моих сил. Все эти люди не сведущи во владении оружием, я же, однако, опытный знаток оружия. И если они должны быть убиты мною, жаждущим победы, тогда мною будет совершено крайне постыдное дело! Однако же то, что ты считаешь (нужным совершить), хорошее оно или дурное, – то я выполню, о Кауравья, по твоему слову. И оно не может быть иначе! Проявив всю свою доблесть в битве и убив всех панчалов, я сниму свой панцирь, о царь! Клянусь на оружии, что это правда! Ты полагаешь, что Арджуна, сын Кунти, истомился в сражении! Слушай же, о могучерукий Каурава, (что скажу я) по правде относительно его доблести!

Когда Савьясачин разгневан, ни боги, ни гандхарвы, ни якши и ни ракшасы не в состоянии вынести его в сражении. В лесу Кхандава он встретился в битве с самим божественным владыкой бессмертных! И хотя (Индра) дождил в него своими ливнями, он был отражен благородным (Арджуной) при помощи стрел. Якши, змей-наги и дайтьи и все другие, гордые своей силой, были убиты тем владыкой средь людей. И то тебе также известно. Во время путешествия в пастушеский стан гандхарвы, возглавляемые Читрасеной и другими, были побеждены им. И вы, похищенные ими, были вызволены тем твердым лучником.

Также и нива-такавачи, враги богов, неистребимые даже ими в сражении, были побеждены тем героем. Тысячи данавов, обитающих в Хираньяпуре, победил тот тигр среди людей. Так как же он может быть (одолен) существами человеческими? Ты все видел воочию, как это войско твое было сокрушена сыном Панду, хотя мы и прилагали усердно старания, о владыка народов!»

Так прославлявшему Арджуну твой сын, о царь, разгневавшись тогда, промолвил вновь Дроне такие слова: «Я сам и Духшасана, Карна и Шакуни, мой дядя по матери, разделив бхаратийское войско на две части (и взяв с собою отряд), убьем сегодня Арджуну в сражении!» Услышав эти его слова, сын Бхарадваджи, засмеявшись слегка, выразил одобрение царю и сказал:

«Благополучие да будет тебе! И в самом деле, какой-кшатрий смог бы убить того быка среди кшатриев – Обладателя лука гандивы, сверкающего скрытою мощью, несокрушимого? Ни владыка сокровищ, ни Индра, ни Яма, ни владыка вод и ни асуры, змеи и ракшасы не могут убить его, когда он с оружием. Только глупцы говорят такие (слова), какие ты сказал, о потомок Бхараты! Ведь кто, столкнувшись с Арджуной в битве, мог бы вернуться домой невредимым?

Что до тебя, то ты, из-за того что сомневаешься во всех, – жесток и греховен в своих намерениях! Именно тем, кто наиболее превосходны и заняты в служении твоему благу, ты предпочитаешь говорить подобным образом! Так отправляйся же немедля к Каунтее, (чтобы противостоять ему) ради собственных своих интересов. Ты – кшатрий, рожденный в высоком роду! И ты жаждешь сражаться! Почему ты допускаешь убивать всех этих неповинных царей? Ты – корень этой вражды! Поэтому отправляйся, чтобы сразиться с Арджуной! Этот дядя твой по матери наделен мудростью и соблюдает закон кшатриев. Пусть сей брат Гандхари, нечестивый игрок в кости, выступит против Арджуны в сражении! Опытный в бросании игральных костей, изворотливый, пристрастный к игре, искушенный в хитрости и плутовстве, этот игрок, хорошо сведущий в искусстве обмана, победит пандавов в бою!

Вместе с Карной ты не раз восторженно и сверх меры похвалялся: из безрассудства, точно совсем бестолковый, при этом слышал и Дхритараштра: «И сам я, о отец мой, и Карна, и брат мой Духшасана, все троё, объединившись вместе, убьем сыновей Панду в сражении!» Меж тем кан ты похвалялся так, об этом слышали в каждом собрании. Выполни свое клятвенное обещание, будь правдоречив вместе с ними! Этот невыносимый враг твой Пандава стоит перед тобою! Соблюди же обязанности кшатрия!

Твоя гибель от руки Джайи достойна будет всяческого восхваления! Тобою (щедро) розданы дары, ты вкушал вволю (всевозможные яства) и изучил науки, все богатства желанные обретены тобою. Все, что должно было быть сделано, исполнено тобою. Ты свободен or долга. Не бойся же! Сразись теперь с Пандавой!»

Сказав так в сражении, Дрона остановился, вследствие чего (то же самое сделали) и: враги. И затем, когда войско (бхаратийское) было разделено на две части, началась тогда битва.
Так гласит глава сто шестидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 161

Санджая сказал:
Когда осталась на исходе только третья часть ночи, битва возобновилась снова между кауравами и пандавами, обоюдно охваченными радостью, о владыка народов! Вскоре, затмевая блеск месяца, показалась заря, предвестница солнца, придавая небосводу медно-красный цвет. После того как войско (кауравов) было разделено на две части, Дрона, предшествуемый Дурьйодханой, ринулся (с одним из отрядов) против сома-ков, пандавов и панчалов. При виде кауравов, разделенных на две части, Мадхава, обратившись к Арджуне, сказал: «Оттесни врагов – этих кауравов налево, о Савьясачин!»

И с дозволения Мадхавы сделать так, Дхананджая повернул налево от могучих лучников – Дроны и Карны. Поняв намерение Кришны, тот покоритель вражеских городов58 при виде Бхимасены, стоящего на головном участке битвы, подъехал к нему.

Бхима сказал:
О Арджуна, Арджуна! О Бибхатсу! Выслушай справедливые слова мои! Ради чего жены-кшатрийки рождают (сыновей), – время это теперь наступило! Если в такое время, уже наступившее, ты не постараешься достичь благоприятных результатов, тогда ты, уподобляясь человеку низкочтимому, допустишь (излишнюю) жалость! Проявив свою доблесть, освободи себя от долга перед правдой, благосостоянием, добродетелью и славой! Прорви этот боевой строй, о лучший из воителей! Оттесни, о Савьясачин, этих (кауравов)!

Санджая сказал:
Так побуждаемый Бхимой и Кешавой, Савьясачин, превозмогая Карну и Дрону, стал сдерживать (врагов) со всех сторон. И его, преисполненного великой отваги, мчавшегося на головном участке битвы и сжигавшего, подобно бушующему огню, быков среди кшатриев, не могли остановить те быки-кшатрии (из войска кауравов), хотя и напрягали старательно усилия, проявляя свою доблесть. Тогда Дурьйодхана, Карна и Шакуни, сын Субалы, окатили сына Кунти Дхананджаю потоками стрел. Но обезвредив оружие всех тех (воинов), он, наилучший из превосходнейших знатоков оружия, осыпал их в ответ ливнями своих стрел. Отражая оружием оружие, Дхананджая, обладающий большой ловкостью рук, пронзил всех их десятью острыми стрелами каждого. Поднялись тогда тучи пыли и обрушивались густые ливни стрел. Страшный мрак окутал все, и громкий шум тогда поднялся там.

И меж тем как таково было положение вещей, ни неба, ни земли, ни стран света нельзя было больше различить. Сбитые с толку пылью, поднявшейся от войск, все сделались точно слепыми. Ни враги, ни мы, о царь, не могли различать друг друга. Поэтому цари начали сражаться, руководствуясь лишь объявлением своих имен. Лишенные колесниц, воины, сражавшиеся на колесницах, о царь, сталкиваясь друг с другом, хватались за волосы, за панцири и за руки. Многие из этих воинов, чьи кони и возницы были убиты, становясь бездеятельными, оставались живыми и выглядели там будто сильно измученные страхом. Кони, лишенные жизни вместе со своими седоками, были также видны там лежащими на убитых слонах, словно распростертые на горах.

Тогда Дрона, перебросившись из битвы в северном направлении, стал твердо в сражении и, казалось, напоминал собою бездымный огонь. Заметив, что он передвинулся с головного участка битвы в таком направлении, войска пандавов начали трепетать, о владыка народов! В самом деле, увидев Дрону, блистательного, наделенного красотою и сверкающего своею мощью, враги проникнулись страхом, побледнели и стали метаться (по полю брани), о достойнейший!

И когда он вызывал вражеское войско на битву, уподобляясь возбужденному от течки слону, они не надеялись победить его, как (некогда) данавы – Васаву. Некоторые среди них совсем упали духом, другие, более решительные, были возбуждены гневом. Некоторые были удивлены, иные же оказались неспособными перенести (вызов). Некоторые цари стискивали руками пальцы своих рук, а другие, обезумевшие от гнева, кусали зубами свои губы. Некоторые подбрасывали свое оружие, а другие потирали свои руки. Иные же, преисполненные великой мощи и обузданные душою, ринулись против Дроны. Панчалы же, особенно мучимые жестоко стрелами Дроны, о царь царей, хотя и испытывали сильную боль, продолжали участвовать в сражении.

Тогда в пылу той битвы Вирата и Друпада выступили против Дроны, а стойкого и неодолимого в бою, так рыскавшего в сражении. Затем все трое внуков Друпады, о владыка народов, и могучие лучники-чедии также выступили против Дроны в той битве. Дрона же тремя острыми стрелами отнял жизни у тех троих внуков Друпады. И убитые, они упали на землю. Вслед за этим Дрона победил в той битве чедиев, кекаев и сринджаев. Также и всех матсьев победил сын Бхарадваджи, могучий воин на колеснице. Но тут Друпада, обуреваемый гневом, а также Вирата в пылу сражения выпустили ливни стрел в Дрону, о великий царь! Тогда Дрона, тот сокрушитель врагов, двумя хорошо закаленными стрелами с серповидным острием отправил и Друпаду и Вирату в обиталище Вайвасваты.

Когда же были убиты Вирата и Друпада, а также кекайи, когда были 8в сокрушены чедии, матсьи и панчалы, когда пали те трое героев – трое внуков Друпады, благородный Дхриштадьюмна, увидев такой подвиг Дроны, преисполнился гнева и печали и произнес клятву60 среди всех воинов на колесницах: «Пусть я лишусь (добродетельных заслуг) от (всех моих) благочестивых деяний, а также всех достоинств кшатрия и брахмана, если сегодня Дрона избавится от меня (живым) или если я отвращусь от Дроны!»

Произнеся такую клятву среди всех тех лучников, царевич Панчалы, губитель вражеских героев, вместе со своим войском выступил против Дроны. И панчалы стали разить Дрону с одной стороны, а Пандава – с другой. Дурьйодхана и Карна, а также Шакуни, сын Субалы, и единоутробные братья (Дурьйодханы, стоявшие) в порядке их главенства, принялись защищать Дрону в сражении. И меж тем как Дрона был так охраняем в сражении теми благородными (воинами), панчалы, хотя и старательно напрягали усилия, не могли даже взглянуть на него.

Но тут Бхимасена сильно разгневался на Дхриштадьюмну, о достойнейший, и стал уязвлять его, о бык среди людей, жестокими словами:

«Кто, почитающийся кшатрием и рожденный в роду Друпады, будучи (к тому же) наилучшим из знатоков, сведущих во всех видах оружия, мог бы только взирать на врага, стоящего перед ним? Кто из людей, узрев убийство своего отца и сына и особенно дав такую клятву в присутствии царей, стал бы пренебрегать (своим врагом)? Вон стоит Дрона, подобный Вайшванаре, возгорающемуся от своей собственной мощи.
В самом деле, вооруженный луком и стрелами вместо поленьев, он сжигает своей мощью всех кшатриев! Вскоре он уничтожит без остатка войско пандавов! Стойте (как зрители) и смотрите на мой подвиг! Против Дроны я выступлю сам!»

Сказав так, Врикодара, преисполненный гнева, проник в войско Дроны и жестокими стрелами, выпущенными (из лука), натянутого до предельной возможности, принялся теснить и обращать в бегство твое войско. И Дхриштадьюмна, царевич Панчалы, тоже, проникнув в то обширное войско, обрушился на Дрону в пылу сражения.

Столкновение тогда было неистовым и яростным. И такой битвы не было прежде нами видано и слыхано, о царь, какая, в столь великом замешательстве всего войска, произошла того дня при восходе солнца! Отряды колесниц были видны спутавшимися одни с другими, о достойнейший! Тела наделенных плотью существ, лишенных жизни, были рассеяны повсюду. Некоторые, когда устремлялись в другую сторону поля, подвергались на пути нападению других. Некоторые, когда обращались вспять, испытывали удары с тылу, другие же – сбоку. Так происходила та всеобщая битва, становясь все более ожесточенной. Но тут вскоре взошло утреннее солнце.

Так гласит глава сто шестьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 162

Санджая сказал:
Воины те, о великий царь, облаченные в доспехи, на головном участке сражения поклонились тысячелучистому Адитье, взошедшему утром. И когда взошло тысячелучистое светило, блеском подобное ярко расплавленному золоту, и когда весь мир осветился, битва началась вновь. Те воины, которые были заняты в единоборстве перед восходом солнца, снова схватились друг с другом после восхода солнца, о потомок Бхараты! Кони сшибались с колесницами, слоны с конями, а пехотинцы со слонами; верховые – с верховыми и пехотинцы – с пехотинцами.

Иногда соединившись, иногда разъединившись, воины падали друг на друга в сражении. Совершив боевые подвиги ночью, многие из них, утомленные затем от жара солнца, с телами, одолеваемыми голодом и жаждой, лишились чувств. Шум от звука раковин, о царь, от грохота барабанов – больших и малых, от рева слонов и от звона простертых и сильно натянутых луков касался самих небес, о бык из рода Бхараты! Также и от набегающих пехотинцев и выбиваемого оружия, от ржущих коней, от поворачивающихся колесниц и от кричащих и орущих (воинов) шум стал тогда неистовым и яростным.

Все увеличивающийся неистовый, громкий гул достигал небес. Тяжелые стоны слышались на поле брани среди трепещущих (тел), иссеченных различным оружием. Все более громкими и жалобными становились тогда скорбные вопли упавших и падающих пехотинцев, всадников, воинов на колесницах и слонов. Когда же все войска перемешались вместе, наши убивали своих, чужие65 убивали наших, а наши тоже – чужих и чужие – своих. Пущенные из рук героев мечи в воинов и слонов были видны (на поле), словно это были (груды)66 платьев на стиральных площадках. И стук от мечей, поднятых и скрещенных руками героев, напоминал собою шум от стираемой одежды. Свирепая, великая битва в которой (воины) сражались мечами, саблями, пиками и секирами' стала тогда чрезвычайно страшной.

Герои-воины тогда создали там реку, текущую в потусторонний мир. Ее истоком служили трупы слонов и коней, а течением ее – тела людей. Она была переполнена оружием вместо рыб, а илом ей служили мясо и кровь. Вопли страданий и горя заменяли ей рокот, а знамена и одежды служили ей пеной. Измученные стрелами и дротиками, сильно изнуренные, ошалелые и ослабевшие пылом от (прошлой) ночи, с членами совершенно онемевшими, стояли слоны и кони (на поле битвы). Также и герои (стояли там) с лицами иссохшими, с головами, украшенными чудесными серьгами, с боевыми и другими принадлежностями, сиявшими там и сям.

И вследствие того, что все поле битвы было в то время усеяно стаями кровожадных хищников, а также мертвыми и полумертвыми, не было там пути для колесниц по всему полю. Мучимые стрелами, кони благородных кровей и доброго нрава, наделенные мощью и подобные слонам, изнуренные (трудом) и дрожащие, напрягая силы, кое-как везли колесницы, колеса которых были погружены в землю. И все то войско было тогда сильно удручено и взбудоражено, весьма взволновано и охвачено страхом, кроме двух (воинов) – Дроны и Арджуны. Эти двое стали прибежищем, эти двое стали спасителями для страждущих (воинов) соответственно обеих сторон. Столкнувшись именно с ними, другие отправились в обиталище Вайвасваты. Все обширное войско кауравов пришло в сильное волнение, а (войско же) панчалов, столпившись вместе, совсем не различалось более.

Меж тем как разгоралось великое побоище (кшатриев из) царственных родов на поле битвы, увеличивающее страх у робких, подобное игрищу бога смерти, мы не могли, о царь, видеть

там ни Карны, ни Дроны, ни Арджуны и ни Юдхиштхиры, ни Бхимасены и ни обоих близнецов, ни царевича Панчалы и ни Сатьяки, ни Духшасаны и ни сына Дроны, ни Дурьйодханы и ни сына Субалы, ни Крины, ни царя мадров ни Критавармана, ни также других, ни самих себя, ни земли и ни стран свете, ибо все они, смешавшись вместе (с полчищами), были окутаны пылью, вздымаемой войском.

И когда та свирепая и неистовая битва достигла крайнего ожесточения, и когда поднялись тучи пыли, все подумали тогда, что наступила вторая ночь (над полем сражения). Ни кауравы, ни панчалы и ни пандавы не могли быть различимы, ни страны света, ни небо и земля, ни ровные и неровные места. Воины, жаждущие победы, убивали тогда в пылу сражения и чужих и своих – всех, оказавшихся в пределах соприкосновения их рук. Однако пыль, взбитая из праха, оттого что она поднялась ввысь, от текущей крови и от скорости дующего ветра, вскоре успокоилась. Слоны и кони, воины на колесницах и воины пешие, залитые кровью, выглядели там красиво, подобно (райским) лесам деревьев париджата.

Тогда Дурьйодхана, Карна, Дрона и Духшасава – эти четверо воинов на колесницах сошлись в битве с четырьмя воинами – пандавами.

Дурьйодхана вместе со своим братом сразился с обоими близнецами, сын Радхи – с Врикодарой, а Арджуна – с сыном Бхарадваджи. Все воины на колесницах со всех сторон взирали на то страшное и великое, удивительное и нечеловеческое столкновение между свирепыми воинами, быками среди ратников, взирали на то чудесное сражение, в котором воители, искушенные в различных приемах ведения боя, (мчась) на своих чудесных колесницах, совершали различные (круговые) движения.

Преисполненные высочайшей доблести, сражающиеся с большим рвением и жаждущие победить друг друга, они поливали один другого ливнями стрел, подобно тому как облака на исходе жаркой поры (исторгают потоки дождя). И те быки среди людей, разъезжающие на колесницах, блеском подобных солнцу, выглядели красиво, будто скопившиеся облака в осеннем небе. И вызывая друг друга на битву, те могучие лучники, вооруженные луками, ринулись, напрягая усилия, друг на друга, подобно | возбужденным от течки вожакам слонов.

Поистине смерть не имела там места, пока не приходил ее час, ибо могучие воины на колесницах не погибали одновременно (в той битве). Усеянное отрубленными руками и ногами, а также головами, украшенными красивыми серьгами, (усеянное) луками, стрелами и копьями, мечами, секирами и бердышами; копьеобразными стрелами и стрелами с бритвоподобным острием, а также длинными, когтеобразными крючьями, дротиками и пиками, а также другим различного рода метательным оружием, сверкающим и превосходнейшим; также разного вида красивыми доспехами и прекрасными колесницами, разбитыми на куски, и убитыми слонами и конями; пустыми колесницами, подобными городам, лишенным воинов и знамен и таскаемыми туда и сюда перепуганными и лишенными возниц конями, мчащимися как ветер; убитыми героями, красиво наряженными, опахалами, кольчугами для коней и знаменами, поверженными (в прах); зонтами и украшениями, одеждами и гирляндами сильно благовонными, ожерельями и диадемами, коронами и тюрбанами и рядами колокольцев; драгоценными каменьями, носимыми на груди, золотыми украшениями из монет нишка и жемчужинами, носимыми на макушке, – (усеянное так) поле битвы тогда, казалось, было подобно небосводу, усеянному мириадами звезд.

Затем произошло сражение между Дурьйодханой, разгневанным и негодующим, и Накулой, тоже неистовым и преисполненным гнева. И вот, восторженно осыпая твоего сына сотнями стрел, сын Мадри, объезжая, оставил его справа. И тогда поднялся одобрительный гул. Ос-

тавленный справа в сражении своим двоюродным братом, сильно негодующим, тот, преисполненный неистовства, начал также противодействовать ему в битве тоже с правой стороны.

Тогда Накула, преисполненный скрытой, мощи и хорошо сведущий в различных приемах (управления колесницей), стал сдерживать твоего сына, стремившегося противодействовать ему справа. И жестоко тесня его сетью своих стрел и отражая его со всех сторон, Накула повернул его вспять. И все воины восхвалили тот (его подвиг). «Стой, остановись!» – воскликнул Накула вслед твоему сыну, припоминая все свои невзгоды, вызванные твоими дурными советами.

Так гласит глава сто шестьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 163

Санджая сказал:
Тогда Духшасана, воспаленный гневом, ринулся против Сахадевы, сотрясая землю стремительной быстротою своей колесницы. Но тут сыв Мадри, сокрушитель врагов, быстро отсек стрелою с серповидным острием украшенную тюрбаном голову возницы нападавшего на него противника. Из-за быстроты, с какой (был выполнен тот подвиг) Сахадевой, ни Духг шасана и никто из воинов не узнали, что у этого возницы снесена голова. И только когда кони, будучи никем не управляемы, мчались по своед воле, тогда лишь Духшасана узнал, что возница его (лежит) бездыханный» Искусный управлять конями, он, превосходнейший из воинов на колесницах, сам сдерживая коней в битве, сражался красиво, обнаруживая большое искусство и ловкость.

И тот подвиг его восхвалили свои и чужие в сражении, ибо на колеснице, лишенной возницы, он рыскал бесстрашно в той битве. Но тут Сахадева осыпал тех коней острыми стрелами, И жестоко мучимые стрелами, они помчались прочь, бросаясь туда и сюда. Для того чтобы схватить поводья, он сперва откладывал свой лук, а затем, чтобы орудовать в деле своим луком, он вновь откладывал поводья. И при таких (благоприятных возможностях), когда явно обнаружат вались у него пробелы, сын Мадри осыпал его своими стрелами.

Тогда, желая вызволить твоего сына, Карна нагрянул в то место. Вслед за тем Врикодара тремя крепкими стрелами с серпообразным острием, (выпущенным из лука), предельно натянутого вплоть до самого уха, поразил Карну в грудь и обе руки и издал громкий рык. Но тут Карна вдруг повернулся к нему, как змея, потревоженная (палкой). И тогда произошла свирепая битва между Бхимой и сыном Радхи. Оба разъяренные, точно быки, оба с широко раскрытыми (от гнева) глазами, они обрушивались друг на друга с большой стремительностью, охваченные яростью. И когда оба они, искуснейшие в битве, вплотную сближались друг с другом, так что терялась возможность метать стрелы, тогда происходила битва на булавах. И тут Бхимасена своей палицей быстро сломал боковое дышло колесницы Карны. И тот (подвиг) его, о царь, казался весьма удивительным! Тогда доблестный сын Радхи, взяв булаву, метнул ее в колесницу (Бхимы). Но он сокрушил и ту булаву своей собственной палицей.

Затем Бхима вновь метнул увесистую булаву в сына Адхиратхи. Но Карна в ответ ударил в нее десятью стрелами, красиво оперенными и очень крепкими и еще раз – другими стрелами. И та булава возвратилась снова к Бхиме. И оттого что она была отброшена обратно, огромное знамя Бхимы рухнуло (от ее удара), а возница его, сраженный той же булавою, лишился сознания. Обезумевший от гнева, Бхима выпустил тогда восемь стрел в Карну, в знамя его, в лук и колчан, о потомок Бхараты! Но тут сын Радхи в ответ быстро сразил особыми стрелами

коней Бхимы масти белоногой антилопы, а также обоих его возниц, погонявших пристяжных коней. И когда колесница его таким образом выбыла из строя, Бхима, усмиритель врагов, вскочил на колесницу Накулы, подобно тому как лев прыгает на вершину горы.

Между тем Дрона и Арджуна, два могучих воина на колесницах, наставник и ученик, оба искусные во владении оружием, о царь царей, сражались друг с другом в битве чудесно, изумляя взоры и сердца людей ловкостью применения оружия и точностью прицеливания и (круговыми) движениями своих колесниц. Взирая на ту битву между учителем и учеником, невиданную прежде, наши воины и чужие прекратили (сражаться друг с другом). Оба героя показывали среди войска различные красивые приемы (управления) своими колесницами, и каждый стремился оставить другого справа. Воины, (находившиеся там), наблюдали их доблесть и были преисполнены изумления. В самом деле, та великая битва, которая происходила между Дроной и Пандавой, напоминала схватку, о великий царь, между двумя ястребами в небе из-за куска мяса.

И всему, что ни делал Дрона, желая победить сына Кунти, – тому быстро противодействовал Пандава, смеясь при этом. Когда же Дрона не мог превзойти Пандаву, тогда он, хорошо сведущий в назначении всякого оружия, вызвал к действию оружие айндра, пашупата, твашт ра, ваявья и варуна. Но как только они выпускались из лука Дроны, Дхананджая быстро уничтожал их.

Когда Пандава должным образом уничтожал так его оружие своим оружием, тогда Дрона осыпал Партху мощнейшими видами дивного оружия. Но какое бы оружие он ни применял против Партхи из желания победить его, Арджуна делал в ответ то же самое для отражения его оружия. И в то время как все виды его оружия, даже божественные, были должным образом сокрушаемы Арджуной, Дрона в душе своей почтил Арджуну. Он считал себя, о потомок Бхараты, наиболее выдающимся из всех всюду в мире знатоков оружия, благодаря тому, что Арджуна являлся его учеником.

И так сдерживаемый Партхой среди благородных воинов, он, сражаясь старательно, с радостью отражал в ответ Арджуну, улыбаясь при этом. Тогда в воздухе предстали боги и гандхарвы тысячами, мудрецы и сонмы сиддхов, из желания посмотреть (на поединок). Заполненное (кроме них) также апсарами, якшами и ракшасами, небо опять стало (выглядеть) красиво, словно было затянуто тучами.

Там голоса невидимых существ, воздающие хвалу Дроне и благородному Партхе, раздавались все снова и снова, (наполняя небосвод). И десять стран света, казалось, ярко пылали, когда выпускалось всевозможное оружие (с обеих сторон). «Эта битва не свойственна ни людям, ни асурам и ни ракшасам, ни богам и ни гандхарвам!

Несомненно, это высочайшее сражение присуще Брахме! Эта битва необыкновенно красива и удивительна! Такой нами не было никогда видано или слыхано! Иногда наставник превосходит Пандаву, а иногда Пандава преобладает над Дроной. И невозможно заметить никакого различия между ними, каким бы оружием они ни пользовались. Если бы Рудра, разделившись на две части, сражался сам с собой, тогда это могло бы послужить примером для сравнения (с ними).

Но нигде больше не может найтись примера для такого сравнения. Знание, сосредоточенное в одном месте, имеется у наставника. Знание и всевозможные средства имеются и у Пандавы. Героизм, сосредоточенный в одном месте, есть у наставника. Героизм и мощь есть и у Пандавы. Оба эти могучих лучника не могут быть одолены врагами в сражении. Но оба они, если пожелают, могут уничтожить вселенную вместе с бессмертными!» – так говорили, о ве-

ликий царь, невидимые и видимые существа, собравшиеся сонмами, при виде обоих тех быков среди мужей.

Тогда многоумный Дрона вызвал к действию оружие Брахмы, причиняя огорчение Партхе и невидимым существам. Вслед за тем задрожала земля вместе с горами, лесами и деревьями. Начали дуть резкие, свирепые ветры и взбушевались моря. Великий страх обуял тогда войска кауравов и пандавов, а также все другие существа, когда тем благородным (воином) было поднято это оружие.

Но тут Партха, о царь царей, бесстрашно отразил то оружие своим оружием Брахмы, – и тогда все (в природе) сразу успокоилось. И вот, когда ни один из них не мог превозмочь другого (в поединке), та битва их перешла затем во всеобщее сражение (между войсками), причиняющее всюду великое смятение.

И когда происходила битва между Дроной и Пандавой и то свирепое, неистовое сражение, снова ничего нельзя было различить, о владыка народов! И в то время как небосвод был покрыт густыми сетями стрел, будто массами облаков, ни одно существо, странствующее по воздуху, не могло тогда лететь своим путем.

Так гласит глава сто шестьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 164

Санджая сказал:
Меж тем как происходило то страшное побоище людей, коней и слонов, Духшасана сражался с Дхриштадьюмной. Стоя на золотой колеснице и жестоко мучимый стрелами Духшасаны, (царевич Панчалы) в гневе окатил своими стрелами коней твоего сына. И покрытая стрелами сына Паршаты, о великий царь, колесница его вместе со знаменем и возницей через мгновение стала невидимой.

Духшасана же, сильно мучимый густою сетью стрел, о царь царей, оказался не в силах стоять перед благородным царевичем Панчалы. И принудив своими стрелами Духшасану повернуть назад, сын Парщаты, сея тысячи стрел, устремился против самого Дроны в том сражении. Между тем сын Хридики, Критаварман появился там вместе с тремя своими единоутробными братьями,, и все они стали сдерживать Дхрижтадьюмну. Но тут за ним последовали оба близнеца (Накула и Сахадева), те быки среди людей, чтобы охранять его, устремлявшегося против Дроны подобно пылающему огню.

И тогда все те семеро могучих воинов на колесницах, наделенные мощью и неистовые в гневе, стали наносить удары друг другу, отдавая предпочтение смерти. С чистой душою и безупречного поведения, о царь, имеющие в виду достижение неба, они сражались согласно справедливым приемам, желая победить друг друга. Благородного происхождения и безупречные в своих действиях, наделенные большой мудростью, повелители людей сражались в битве справедливым способом, предусматривая для себя высочайший путь.

И не было там ничего несправедливого в битве и не применялось оружие, которое считалось бы недозволенным. Ни стрелы с зубчатым острием, ни в виде стрекал, ни смазанные ядом, ни стрелы со свободно прикрепленным наконечником, (вонзаемые в паховые места), не применялись там. Ни стрел с колючко-образными остриями, ни стрел, сделанных из черного железа, ни сделанных из костей быков и слонов, ни стрел с двумя остриями, ни с заржавленным острием, ни стрел, летящих извилисто, также не было там в употреблении. Все те (герои) применяли лишь простое и незапятнанное оружие и жаждали достичь себе славы и потусто-

ронних миров, сражаясь справедливо. И та битва, которая происходила между твоими четырьмя воинами и тремя со стороны пандавов, была свирепой и яростной, но лишенная всяческих порочных сторон.

Тогда Дхрищтадьюмна, быстрый в применении оружия, о царь, оставив тех воинов-быков, сражающихся на колесницах, сдерживаемых близнецами (Накулой и Сахадевой), направился к Дроне. А сдерживав-, мые этим и обоими львами среди людей, те четверо героев нападали на них, подобно тому как ветры обрушиваются на два утеса, (стоящие на их пути). Оба близнеца, те быки среди воинов на колесницах, были заняты в битве каждый с двумя воинами, сражающимися на колесницах.

И тут Дхрищтадьюмна ринулся на Дрону. Увидев царевича Панчалы, неодолимого в бою, устремляющегося против Дроны, и тех четырех (героев), схватившихся с близнецами, Дурьйодхана, о великий царь, ринулся в то место, сея пьющие кровь стрелы. Но тут с большой стремительностью на него обрушился Сатьяки. И оба те потомка Куру и Мадху, два тигра среди людей, подступив близко друг к другу, кротко смеясь, бесстрашно вступили в сражение. Припоминая всяческие свои поступки, (совершенные ими) в детстве, и с удовольствием размышляя о них, оба они взирали друг на друга и улыбались все снова и снова.

Затем царь Дурьйодхана, (мысленно) порицая свое поведение, обратился к своему всегда милому другу Сатьяки и молвил: «Позор гневу, о друг мой, позор жадности! Позор заблуждениям, позор негодованию! Позор обычаю кшатриев и позор силе душевной, раз ты нацеливаешь (свое оружие) в меня, а я в тебя, о бык из рода Шини! Ведь ты был для меня дороже самой жизни, а я – всегда таким же для тебя! Увы, все те поступки наши в детстве, которые я вспоминаю, все они теперь утратили свое значение для нас обоих на поле брани! Из-за чего же другого, как не вследствие гнева и жадности, мы должны здесь сегодня сражаться, о отпрыск рода Сатвата!» И ему, так говорившему, о царь, Сатьяки, знаток высочайшего оружия, извлекши острые стрелы, с улыбкой промолвил в ответ: «Это не собрание, о царский сын, и не обиталище нашего наставника, где мы некогда играли, собравшись вместе!»

Дурьйодхана сказал:
Куда девались те игры нашего детства, о бык из рода Шини? И увы, откуда взялась теперь эта битва, (захватившая нас)? Ведь, в самом деле, влияние Времени неотвратимо! (Хотя мы были побуждены) жаждой богатства, какой же, однако, имеется для нас смысл в пользовании богатством, когда, собравшись вместе, все мы теперь сражаемся из-за жадности к богатству!

Санджая сказал:
И тогда царю, говорившему так, отпрыск рода Мадху промолвил: Таков всегда обычай кшатриев, что они убивают здесь даже своих наставников! Если я мил тебе, о царь, то убей меня, не медли! Благодаря тебе я отправился бы тогда в праведные миры, о бык из рода Бхараты! Какая есть у тебя сила и мощь, всю ее покажи быстро на мне! Я не хочу видеть это великое бедствие друзей!» Сказав так с полной ясностью и возразив так, Сатьяки бесстрашно и с полным пренебрежением (к сапой жизни) стремительно двинулся (против Дурьйодханы), о владыка народов! Видя, что он подступает к нему, отпрыск твой перехватил его.

И действительно, о царь, сын твой осыпал героя из рода Шини (тучами) своих стрел. И тогда разыгралась страшная битва между теми львами из рода Куру я Мадху, разгневанных друг на друга, словно это была схватка между слоном и львом.

Затем Дурьйодхана пронзил отпрыска из рода Сатвата, неодолимого в бою, десятью острыми стрелами, выпущенными (из лука), натянутого до предельной возможности.

В ответ Сатьяки пронзил его также десятью стрелами в пылу битвы и снова – пятьюдесятью, затем тридцатью и еще раз – десятью. И в то время как тот нацеливал стрелы, Сатьяки быстро рассек их, а также лук его вместе с возложенной на него стрелой и затем окатил его самого ливнями своих стрел. Глубоко пронзенный Дашаратхой и испытывающий мучительную боль от стрел его, Дурьйодхана, о великий царь, перебежал к другой колеснице. Успокоившись немного, сын твой снова двинулся против Сатьяки, выпуская непрестанно тучи «трел в колесницу Ююдханы, о царь! И от этого произошло сплошное смешение (встречных стрел в воздухе). И от тех стрел, так метаемых (с обеих сторон) и часто падающих повсюду, громкий шум, будто от яростного огня, (свирепствующего) в громадном высохшем лесу, поднялся там.

Заметив тогда, что герой из рода Мадху, превосходнейший воин на колеснице, более могуч, (чем Дурьйодхана), Карна быстро ринулся туда, желая вызволить твоего сына. Однако (той попытки) его не мог вынести Бхимасена могучий. И он поспешно двинулся на Карну, выпуская многочисленные стрелы. Уничтожив в ответ, будто смеясь, те острые стрелы его, Карна рассек его лук и стрелы и убил его возницу своими стрелами. Но тут Бхимасена, сын Панду, преисполненный гнева, схватив булаву,, сокрушил знамя и лук, а также возницу своего противника в том сражении. Неспособный же переносить (подвиги) Бхимасены, Карна продолжал сражаться с ним, применяя во множестве различного рода стрелы й всевозможные виды другого оружий в пылу Сражений.

Когда же битва стала всеобщей и в ней все смешалось, царь (Юдхи-штхира), сын Дхармы, обращаясь к мужам-тиграм среди панчалов и к мужам-быкам среди матсьев, сказал: «Те, кто – наша жизнь, те, кто – наши головы, те среди нас, кто – воины, наделенные могучею силой, – те быки среди мужей, – все заняты (в битве) с сыновьями Дхритараштры! Почему же все вы стоите, точно сбитые с толку и лишившиеся чувств?

Ступайте туда, где сражаются те мои воины на колесницах! Отбросив тревогу сердца, имея в виду обязанности кшатриев, (сражайтесь ради них), побеждая или погибая, и вы придете к желанной цели! Если вы победите, вы должны будете совершить жертвоприношение различными жертвами с богатыми дарами (брахманам)! Если же, напротив, вы будете убиты, то, сравнявшись с богами, вы обретете тогда блаженные миры! Как понуждаемые царем, те храбрые и могучие воины на колесницах, готовые сражаться, разделив войско на четыре части, поспешно двинулись против Дроны.

Панчалы тогда, с одной стороны, ударили в Дрону многочисленными стрелами, в то время как другие, возглавляемые Бхимасеной, стали теснить его с другой стороны. Среди сыновей Панду было трое прямодушных могучих воинов, сражающихся на колесницах.

Это – двое близнецов (Накула и Сахадева) и Бхимасена. Они громко крикнули Дхананджае: «Быстро нагрянь, о Арджуна, и оттесни кауравов от Дроны! Если (наставник) будет лишен защитников своих, панчалы смогут тогда (легко) убить его!» И тут же Партха быстро ринулся против кауравов, в то время как Дрона обрушился на самих панчалов, предводительствуемых Дхриштадьюмной.

Затем Дрона учинил великое побоище среди панчалов, как некогда Шакра, разгневанный в пылу сражения, причинил гибель среди данавов. Хотя и убиваемые оружием Дроны, о великий царь, могучие воины противной стороны, сражающиеся на колесницах, наделенные силой и мощью, все же не испугались Дроны в той битве. И в самом деле, убиваемые им, о великий царь, панчалы и сринджайи бросались в битву против самого Дроны, приводя в замешательство могучего воина на колеснице.

И меж тем как те панчалы терпели поражение со всех сторон и были уничтожаемы стрелами и дротиками (того героя), громкие, ужасные крики и вопли раздавались там. При (виде зрелища), как были уничтожаемы панчалы в том сражении благородным Дроной и как пускалось в ход его оружие, пандавов обуял страх. Видя непомерную гибель множества коней и людей в той битве, пандавы, о великий царь, не надеялись уже на победу. (И они начали говорить друг другу): «Пожалуй, Дрона, знаток высочайшего оружия, уничтожит нас всех, подобно тому как разбушевавшийся огонь сжигает сухую траву на исходе холодной поры! Никта не способен даже взглянуть на него в сражении! Сведущий в нравственном; законе, Арджуна и то никогда не сражается с ним!»

При виде сыновей Кунти, мучимых стрелами Дроны и охваченных страхом, Кешава, одаренный глубоким умом и преданный их благополучию, сказал, обратившись к Арджуне:

«Сей предводитель предводителей отрядов колесниц никогда не может быть побежден силою в сражении, даже самим сокрушителем Вритры – в пылу битвы! Отбросив справедливость, о Пандава, следует теперь придумать такой хитроумный замысел для одержания победы, чтобы (Дрона), обладатель золотой колесницы не убил нас всех в сражении! После того как будет убит (его сын) Ашваттхаман, он уже не будет сражаться – таково мое мнение. Пусть какой-нибудь человек поэтому скажет ему, что Ашваттхаман убит в сражений!»

Эту (затею), однако, о царь, не одобрил сын Кунти, Дхананджая. Другие же одобрили ее. Но Юдхиштхира принял ее с большим трудом. Тогда могучерукий Бхима убил палицею в своем войске, о царь, огромного слона, тоже по кличке Ашваттхаман. И приблизившись к Дроне в сражении, Бхимасена с некоторой стыдливостью стал громко восклицать: «Убит Ашваттхаман!» Ведь был убит слон, называемый по кличке Ашваттхаман. Держа это (подлинное событие) в мыслях, Бхима сказал о том ложно тогда.

Когда услышал Дрона всецело этим проникнутые, неприятные слова Бхимасены и (поразмыслил о них) умом, члены его словно растворились в изнеможении, как песок – в воде. Зная, однако, хорошо доблесть своего сына, он стал сомневаться и счел то (известие) ложным. Услышав поэтому, что сын его убит, он не поколебался в своей мужественности».

И в самом деле, обретя вскоре сознание, Дрона в одну минуту успокоился, думая о своем сыне, что он неодолим врагами. Ринувшись против сына Паршаты и желая убить того (героя, предназначенного быть его) смертью, он осыпал его тысячью острых стрел с оперением цапли. Тогда двадцать тысяч панчалов, быков среди мужей, осыпали его тоже, так рыскавшего в сражении, со всех сторон своими стрелами.

Но тут Дрона, усмиритель врагов, неистовый в гневе, вызвал к действию ради уничтожения тех храбрых панчалов оружие Брахмы. И в то время Дрона выглядел блистательно, убивая всех сомаков и снося головы панчалов в той страшной битве, а также отсекая им руки, подобные остроконечным дубинкам и покрытые золотыми украшениями.

Убиваемые в сражении сыном Бхарадваджи, те родовитые кшатрии (падали) на землю и лежали, распростершись подобно деревьям, вырванным ветром. И от падающих слонов и множества коней, о потомок Бхараты, земля, превращенная в месиво из мяса и крови, стала непроходимой. Убив двадцать тысяч воинов панчалов, сражавшихся на неисчислимых колесницах, Дрона стоял (величаво) в той битве, подобно бездымному сверкающему огню.

И вот, снова преисполненный гнева, доблестный сын Бхарадваджи снес стрелою с серповидным острием голову Васуданы с туловища. И снова убив пять сотен матсьев и шесть тысяч сринджаев, а также десять тысяч слонов, он еще убил десять тысяч коней. Видя Дрону,

стоящего (неколебимо в битве) ради истребления кшатриев, мудрецы Вишвамитра, Джамадагни, Бхарадваджа и Гаутама, Васиштха, Кашьяпа и Атри; сикаты, прилгни, гарги, балакхильи и маричипы, потомки Бхригу и Ангираса и другие великие мудрецы тончайшей формы быстро явились туда во главе с Уносителем жертв, желая увести Дрону в мир Брахмы.

И все они, обратившись к Дроне, блистающему в сражении, сказали: «Ты сражаешься несправедливо, – и час твоей смерти пришел. Оставив оружие в сражении, о Дрона, сойдись вместе с нами, стоящими здесь! Впредь благоволи ты не совершать снова таких чрезвычайно жестоких подвигов! Ты хорошо сведущ в ведах и ведангах и ты предан долгу справедливости. Особенно же, ты являешься брахманом! И такие (деяния) вовсе не подобают тебе! Брось оружие, о герой, в метании стрел не знающий промаха! Держись теперь вечного пути! Время, чтобы жить тебе в мире людском, теперь полностью истекло!»

Услышав эти слова их, а также сказанные Бхимасеной, и видя перед собою Дхриштадьюмну, он пал духом в сражении. Сжигаемый (печалью) и сильно расстроенный, он вопросил сына Кунти Юдхищтхиру о сыне своем (Ашваттхамане), убит он или нет. Ибо у Дроны была твердая вера, что Партха никогда не скажет неправды даже ради владычества над тремя мирами. Поэтому он спросил именно его, а не кого-нибудь другого. Ибо у него была (всегда) надежда на правду в отношении Пандавы с самого его детства.

Тем временем Говинда, узнав, что Дрона, повелитель воинов, намеревается смести всех пандавов с лица земли, впал в сильное расстройство. И обратившись к царю справедливости, он сказал: «Если Дрона будет сражаться, отдаваясь своей ярости, даже полдня, говорю тебе правду, войско твое придет к полной гибели. Спаси ты нас в таком случае от Дроны. (При таких обстоятельствах) ложь должна быть выше правды! Говорящий неправду ради спасения жизни не получает соприкосновения с грехом, вызванным неправдой!»

И в то время как оба они беседовали так друг с другом, Бхимасена, (обратившись к царю), промолвил: «Лишь только я услышал, о великий царь, о том средстве, при помощи которого благородный (Дрона) может быть убит, мною, проявившим свою доблесть в битве, (немедленно) был убит (могучий) слон, известный по кличке Ащваттхаман, подобный слону самого Шакры, принадлежавший Индра-варману, правителю Малавы, находившемуся в твоем войске. И я тогда сказал Дроне: «Убит Ашваттхаман, о брахман! Отвратись же от битвы!» Но, конечно, тот бык среди мужей не поверил в (правдивость) моих слов. Поскольку же ты жаждешь победы, отдай предпочтение советам Говинды. Сообщи Дроне, о царь, что сын дочери Шарадвана действительно убит! После таких слов, сказанных тобою, тот бык среди дважды-рожденных никогда уже не будет сражаться! Ибо ты, о повелитель людей, славишься правдивым в этом мире людском».

Услышав те слова Бхимы, побуждаемый советами Кришны, а также вследствие неизбежности судьбы, о великий царь, Юдхиштхира решил сказать (то, о чем его просили). Испытывая боязнь говорить неправду, но всецело стремящийся к победе, о царь, он сказал, что (Ашваттхаман) убит, произнеся невнятно «слон». Перед этим колесница его находилась на высоте четырех пальцев от поверхности земли. Но после того как он сказал так (неправду, колесница и) кони его коснулись земли. Услышав от Юдхиштхиры такое слово, Дрона, могучий воин на колеснице, терзаемый горем из-за (мнимой) смерти своего сына, потерял уже надежду на жизнь. И думая о словах мудрецов, он считал себя как бы обидчиком благородных пандавов. Услышав же теперь о том, что сын его убит, он совсем упал духом. И сильно встревоженный при виде Дхриштадьюмны, о царь, он уже не мог сражаться, как прежде, о усмиритель врагов!

Увидев Дрону, охваченного сильной тревогой и с чувствами, совсем подавленными от скорби, Дхриштадьюмна, сын царя Панчалы, ринулся на него. Тот (герой) был обретен ради сокрушения Дроны владыкой людей Друпадой из пылающего Уносителя жертв при свершении великого жертвоприношения. Желая убить Дрону, теперь он взял победоносный, грозный лук, чей звон напоминал рокот облаков, с тетивою сильно тугой, неизнашиваемый и дивный, и стрелы, напоминающие сильно ядовитых змей.

И он возложил на тот лук стрелу, подобную ядовитой змее, напоминающую огонь с сильным пламенем. Вид той стрелы, когда (она) находилась внутри круга, образованного (натянутой) тетивой лука, был как у сверкающего солнца на исходе жаркой поры, обрамленного сияющим кругом. Глядя на тот ярко сверкающий лук, с усилием согнутый сыном Паршаты, воины сочли, что наступил час гибели (мира).

Видя ту стрелу, возложенную им, доблестный сын Бхарадваджи подумал, что последний час (жизни) его тела уже наступил. Тогда наставник приложил большое старание для отвращения той стрелы. Однако все виды оружия благородного героя не появлялись (по его вызову). Прошло уже целых четыре дня и одна ночь, как он непрерывно метал (свое оружие). Однако по истечении третьей части того (пятого) дня стрелы его стали истощаться. Дойдя до состояния, когда стрелы его истощились, мучимый скорбью о сыне, а также из-за несклонности различного дивного оружия появляться (по его вызову), он хотел уже оставить свое оружие, побужденный к тому же словами брахманов.

Однако движимый внутренней мощью, он все же сражался сверх человеческих сил. Взяв затем другой дивный лук, данный ему Ангирасом, и стрелы, напоминавшие проклятие Брахмы,109 он продолжал сражаться с Дхриштадьюмной. Тут он покрыл царевича Панчалы густым ливнем стрел и, пылая гневом, в неистовстве сильно изранил своего противника. А ту стрелу его своими острыми стрелами Дрона рассек на сто частей, а также знамя его и лук и затем поверг его возницу.

Тогда Дхриштадьюмна, улыбаясь, взял другой лук и пронзил Дрону острой стрелою посредине груди. Глубоко пронзенный и сбитый с толку в сражении, тот могучий лучник (Дрона) рассек стрелою с острым серповидным наконечником огромный лук его. И какую бы стрелу он ни брал или луки, о владыка народов, все рассекал он, неодолимый, а также палицу и меч его. И преисполненный гнева, тот усмиритель врагов пронзил тогда гневного видом Дхриштадьюмну девятью острыми стрелами, способными причинить конец жизни (любому врагу).

Затем тот могучий воин на колеснице с неизмеримой душою, вызвав к действию оружие Брахмы, заставил коней колесницы Дхриштадьюмны смешаться с коняма своей колесницы. И наделенные быстротою ветра, те скакуны, гнедые и масти голубиной, смешавшись вместе, выглядели чрезвычайно красиво, о бык из рода Бхараты! Как рокочущие облака, пронизанные молнией, (сияют) в период дождей, так сияли блистательно, о великий царь, те (кони), смешавшиеся вместе на поле битвы.

Тогда неизмеримый душою, дваждырожденный тот сокрушил крепления дышла, крепления колес и (другие) крепления колесницы Дхриштадьюмны. С луком рассеченным, лишенный колесницы и коней и с возницей убитым, герой тот, оказавшись в великом бедствии, схватил булаву. Но разгневавшись, Дрона, могучий воин на колеснице, наделенный истинной отвагой, сокрушил ту палицу его острыми стрелами с коротким наконечником, как раз когда она должна была быть пущена (в него).

Увидев же ее, сокрушенную Дроной при помощи своих стрел, тот тигр среди людей (Дхриштадьюмна) взял лишенный пятен меч и сверкающий (щит), украшенный сотнею лун. Без со-

мнения, когда так сложились обстоятельства, царевич Панчалы ясно умозаключил, что (наступило) подходящее время для убиения первейшего из наставников – того благородного (воина). То укрываясь на сидении своей колесницы, то (сидя) на дышле своей же колесницы, передвигался он (с места на место), подняв свой меч и кружа сверкающим сотнею лун щитом. Желая совершить трудновыполнимый подвиг, Дхриштадьюмна, могучий воин на колеснице, надеялся пронзить грудь сыну Бхарадваджи в том сражении.

Иногда стоял он посреди ярма, иногда на местах креплений ярма, а иногда под задними частями гнедых коней (Дроны). И те (действия) его. горячо одобрили воины. И в самом деле, когда он стоял посреди креплений ярма или сидел верхом на гнедых конях, Дрона не находил удобного случая (ударить в него). И все это казалось весьма удивительным! Его стремительный натиск, когда он домогался Дроны, казался точно таким, как у ястреба, когда он быстро парит (в воздухе), алчущий мяса. Тогда разгневанный Дрона, проявляя высокую доблесть, убил особым дротиком (каким пользуются воины на колесницах) одного за другим всех его коней голубиной масти. И сраженные, те кони Дхриштадьюмны грянулись на землю.

И тогда гнедые кони вызволились из связывавшего их положения с колесницей (Дхриштадьюмны), о владыка народов! Увидев своих коней убитыми первейшим из дваждырожденных, тот потомок Пришаты, сын Яджнясены, тот могучий воин на колеснице, превосходнейший из ратников, не мог перенести этого. Хотя и лишенный колесницы, он, лучший из владеющих мечом, вооружившись мечом, ринулся на Дрону, о царь, как сын Винаты (Гаруда) бросается на змею.

Вид его, о царь, когда он жаждал убить сына Бхарадваджи, казался подобен высочайшему облику Вишну во время убиения Хираньякапшпу.

Сын Паршаты совершал различные приемы. Держа меч и щит, он называл двадцать один способ (обращения с оружием). Он описывал круги, вертел мечом, подняв его вверх, и делал выпады в сторону (для отражения оружия врага), подпрыгивал высоко, устремлялся вперед и, {обманув врага), бросался в сторону, обходил (противника слева и справа) и отходил назад, сшибался (с противником) и теснил его жестоко.

И тогда дваждырожденный тот тысячью стрел разрубил в той тесной битве меч Дхриштадьюмны и щит его, украшенный сотнею лун. Ведь те стрелы Дроны, когда он разил с близкого расстояния, были длиною в пядь. Они применялись при ближнем бое. И таких стрел нет у других. Лишь у сына Шарадвана (Крипы) и Партхи, у сына Дроны (Ашваттха-мана) и сына Викартаны (Карны), у Прадьюмны и Ююдханы имеются такие стрелы. Они были также и у Абхиманью.

Затем наставник, желая убить своего ученика, одинаково близкого ему, как собственный сын, возложил на тетиву стрелу, весьма крепкую и сильно заостренную. Но ту стрелу рассек десятью острыми стрелами бык из рода Шини (Сатьяки) на глазах у твоего сына и благородного Карны и таким образом спас Дхриштадьюмну, почти уже сраженного первейшим из наставников.

Меж тем как Сатьяки, наделенный истинной отвагой, рыскал так по следам колесниц (кауравов) и в пределах (досягаемости стрел) Дроны и Карны, а также Крипы, о потомок Бхараты, его увидели благородные Вишваксена и Дхананджая. Восклицая «Превосходно, превосходно!», оба они почтили героя из рода Вришни, неувядаемого (славой), сокрушавшего так дивное оружие всех (тех воинов).

И вслед за этим Вишваксена и Дхананджая ринулись на войско (кауравов). Дхананджая тогда, обратившись к Кришне, сказал: «Посмотри, о Кешава, как тот прр дол к жатель рода Мадху, Сатьяки, воистину отважный, играя перед наставником и первейшими из лучших (воинов), снова радует меня и обоих сыновей Мадри, Бхиму и царя Юдхиштхиру! (Гляди), как благодаря искусству, приобретенному обучением, и не будучи кичливым, Сатьяки, увеличивающий славу вришниев, рыщет в сражении, играя в то же вреда с могучими воинами на колесницах! Все эти воины и сиддхи (в небе) при виде его, непобедимого в битве, исполнены изумления и радостно приветствуют кликами «Превосходно, превосходно!» В самом деле, все воины обеих сторон почтили героя из рода Сатвата благодаря его подвигам».

Так гласит глава сто шестьдесят четвертая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 165

Санджая сказал:
Поле битвы при том сражении царственных воинов являло собою страшное зрелище, словно это было (побоище), когда Рудра, преисполненный гнева, истреблял всех тварей. Вместе со скоплением человеческих рук и голов и луков, о потомок Бхараты, а также зонтов, сброшенных (с колесниц), и опахал из буйволовых хвостов, земля была усеяна сломанными колесами и колесницами и поверженными огромными знаменами, а также храбрыми всадниками, убитыми (в бою). И множество воинов, о превосходнейший из рода Куру, изувеченных падением стрел, видны были в той великой битве катающимися (по земле) и корчившимися (в предсмертных мучениях).

Меж тем как происходила так ужасная битва, напоминавшая сражение между богами и асурами, царь справедливости Юдхиштхира, обратившись там к воинам, сказал: «Старательно прилагай усилия, нагряньте, о могучие воины на колесницах, на Рожденного в сосуде! Вон доблестный отпрыск Паршаты схватился с сыном Бхарадваджи? И он старается в меру своих сил для сокрушения сына Бхарадваджи!?

Ибо (судя) по тем признакам, какие явно наблюдаются нами в великом сражении, разгневанный сын Паршаты сокрушит сегодня в битве Дрону! Объединившись вместе, все вы постарайтесь одолеть Рожденного в сосуде!»

Получив такое приказание от Юдхиштхиры, могучие воины сринджаев, сражающиеся на колесницах, устремились с большим рвением на сын Бхарадваджи, желая убить его. Но против всех их, нападающих на неге могучий воин на колеснице, сын Бхарадваджи ринулся со всей стремительностью, зная несомненно, что он должен умереть. И когда он, верный своей цели, устремлялся так, земля сильно дрожала. Стали дуть порывистые ветры, заставляя содрогаться в страхе (вражеское) войско. дали огромные метеоры, будто исторгаясь от солнца, сильно пылая жаром словно предвещали они великую опасность. Ярко сверкало оружие сын Бхарадваджи, о достойнейший! Колесницы издавали очень сильный хот, а кони источали слезы. Сын Бхарадваджи, могучий воин на коле нице, казалось, тоже был лишен своей внутренней мощи. И (помня) подо£ ные ведам слова мудрецов о переселении его на небо, он решил тогда отдать свою жизнь, сражаясь справедливо.

Тогда, окруженный со всех сторон войсками Друпады, Дрона стал рыскать в сражении, сжигая полчища кшатриев. Убив двадцать тысячи кшатриев, тот сокрушитель врагов уничтожил еще десять раз по десять тысяч (воинов) своими стрелами с тонко отточенными остриями. Старательно прилагая усилия, он, казалось, стоял в той битве подобно бездымному дымному огню. Для уничтожения кшатриев он прибег затем к духовной силе брахмана.

И тут к благородному царевичу Панчалы, лишенному колесницы и своего оружия, но отнюдь не впавшему в уныние, поспешно-примчался могучий Бхима. Видя его, разящего Дрону с близкого расстояния, тот сокрушитель врагов посадил тогда царевича Панчалийского на свою колесницу и сказал ему: «Нет здесь, кроме тебя, другого человека, который осмелился бы сразиться с наставником. Поторопись прежде-всего убить его. Бремя это лежит на тебе!»

После таких слов, обращенных к нему, могучерукий (Дхриштадьюмна), быстро нагнувшись, взял новый, превосходнейший лук, весьма тугой и способный выдерживать любое напряжение. И преисполненный ярости, меча стрелы в пылу сражения в неотразимого Дрону, он окатил наставника ливнями своего оружия, желая сдержать его.

И оба они, превосходнейшие и блистающие в сражении, оба кипящие гневом, противостояли (друг другу) и вызывали к действию оружие Брахмы и всякое другое дивное оружие. И сын Паршаты, о великий царь, покрывал Дрону своим мощным оружием в пылу сражения, уничтожая при этом все виды оружия сына Бхарадваджи. Неувядаемый (славой), он принялся убивать (воинов) васати и шиби, а также бахликов и кауравов, долженствовавших защищать Дрону в том сражении. И в самом деле, о царь, покрывая все стороны света густою сетью своих стрел, Дхриштадьюмна выглядел тогда блистательно, подобно сверкающему солнцу, рассеивающему свои лучи.

Но тут Дрона, рассекши снова лук его и пронзив его самого своими стрелами, повредил ему жизненно важные места, и тот почувствовал сильно-мучительную боль.

Тогда Бхима в сильном гневе, задержав колесницу Дроны, о царь царей, медленно сказал ему такие слова: «Если, конечно, недостойные среди брахманов, неудовлетворенные занятиями своей собственной касты, но хорошо обученные (искусству владения оружием) не будут сражаться, каста кшатриев не придет тогда к полной гибели! Непричинение зла насилием по отношению ко всем существам называют наивысочайшей из добродетелей. Корнем же той добродетели является брахман. А что до тебя самого, то ты – наилучший из всех знатоков брахмы. Убивая толпы млеччхов, точно презренных чандалов, и различных других (воинов), движимых невежеством, словно глупцы, о брахман, и жаждой богатства для поддержания своих детей и жен, убивая, будто несведущий в законе, ради одного лишь сына, многих, хотя и занятых исполнением прямых обязанностей своей касты, как же ты, право, сам не придерживаясь обязанностей своей касты, вовсе не чувствуешь стыда?

Ведь он, павший (на поле брани), лежит сегодня позади тебя, о чем поведано тебе царем справедливости. И ты не должен сомневаться в словах его.
После таких слов, сказанных Бхимой, Дрона выпустил свой лук. И желая оставить также и все свое оружие, он, справедливый душою, возгласил: «О Карна, о Карна! О могучий лучник! О Крипа! О Дурьйодхана! Приложите старательно усилия в сражении – говорю я вам опять и опять! Да будет вам от пандавов одно лишь благополучие! Я же бросаю оружие!»

Сказав так, о великий царь, он стал тогда громко поминать имя сына своего. Оставив свое оружие и усевшись на площадке колесницы, он дал обещание безопасности всем существам и всецело предался йоге. Заметив такую слабую сторону его, Дхриштадьюмна собрался с силой. И вооруженный мечом, он, спрыгнув с колесницы, стремительно ринулся на Дрону. Тут все существа – человеческие и другие подняли горестные вопли скорби при виде Дроны, так подпавшего под власть Дхриштадьюмны. Они издавали громкие, прискорбные возгласы «Аи! Ой!» и восклицали «Ах! Позор!» Что же до Дроны, то он, оставив свое оружие, пребывал тогда в состоянии полнейшего безразличия. Сказав те слова и всецело предавшись йоге, наставник, излучающий ослепительно яркий блеска и преисполненный высоких аскетических заслуг, отправился на небо, столь труднодостижимое даже благочестивыми.

В самом деле, когда Дрона отправился так (на небо), у нас было впечатление, что там было два солнца. И весь небосвод, казалось, был наполнен сплошным сиянием, когда подобный Месяцу сын Бхарадваджи, сверкающий солнечным блеском, (возносился на небо). В мгновение ока; однако, то яркое сияние исчезло. Крики и возгласы радости раздавались среди восторженных небожителей, когда Дрона отправлялся так в мир Брахмы.

А Дхриштадьюмна при этом (оставался безучастным), сбитый с толку. Только лишь мы пятеро среди существ человеческих видели тогда великого духом (Дрону), погруженного в йогу и отправляющегося в высочайший путь. Это (были): я сам, Дхананджая, сын Притхи, и Крипа, дваждырожденный, сын Шарадвана, Васудева из общины Вришни и царь справедливости, сын Панду. Все же другие не могли видеть то величие мудрого сына Бхарадваджи, о великий царь, всецело предавшегося йоге, когда он уходил (из этого мира). Ибо существа человеческие не сознавали того, что наставник достиг высочайшего пути, и не могли видеть того усмирителя врагов, когда он отправлялся в мир Брахмы, всецело предавшись йоге вместе с (праведниками), быками среди мудрецов.

Тут его тело, израненное сотнями стрел и залитое кровью, при оставленном оружии, стал тормошить сын Паршаты, хотя и встреченный возгласами «позор» всеми существами. Схватив затем голову безжизненного, тела, оставшегося бессловесным, он отсек ее мечом от туловища. И когда был повержен сын Бхарадваджи, (Дхриштадьюмна), преисполненный» великой радости, издал львиные рыки и кличи, кружа своим мечом в сражении. Темный внешностью, с седыми волосами, свисающими до самых ушей, тот (старец) в возрасте восьмидесяти пяти лет, лишь ради тебя обычно рыскал в сражении словно шестнадцатилетний (юноша).

(Перед тем как был обезглавлен Дрона), Дхананджая, могучерукий сын Кунти, сказал: «Приведи наставника живого, не убивай его, о сын Друпады!» «Его не должно убивать, не должно!» – закричали так и все-воины тоже. Арджуна же, громко восклицая так с состраданием, бросился к нему. Но несмотря на то что и кричал так Арджуна, а также все цари Дхриштадьюмна убил Дрону, того быка среди людей, на площадке его колесницы. Залитый кровью (Дроны), тот усмиритель врагов (спрыгнул) с колесницы на землю. С телом красным, как солнце, он стал невыносим для взора. Убитого таким образом в сражении Дрону увидели воины. И тут Дхриштадьюмна, могучий лучник, о царь, бросил ту большую» голову сына Бхарадваджи прямо перед твоими воинами. И те воины твои, о царь, увидев голову сына Бхарадваджи, проявили свою склонность к бегству и разбежались во все стороны.

Тем временем Дрона, достигнув неба, вступил на звездный путь. Благодаря милости мудреца Кришны (Двайпаяны), сына Сатьявати, я сам видел (подлинные обстоятельства) смерти Дроны, о царь! Мы видели, его, лучезарного, проносящегося, после того как он достиг неба, подобно летящему бездымному метеору, сильно сверкающему своим блеском.

После того как был убит Дрона, пандавы и сринджайи ринулись с большой стремительностью против кауравов, утративших свой боевой пыл. И войско тогда потерпело полное поражение. Большая часть коней в сражении том была убита острыми стрелами. А воины твои после гибели Дроны, казалось, были лишены жизни. Потерпев поражение и испытывая великий страх перед будущим, они (считали уже, что) лишились обоих миров и не находили в себе твердости духовной. Разыскивая тогда тело сына Бхарадваджи, о царь, среди скоплений десятков тысяч безглавых тел, цари не могли найти его. Пандавы же, одержав победу и уверившись в великой славе в будущем, начали производить резкие звуки своими стрелами и издавать клики и громкие львиные кличи.

Тогда Бхимасена, о царь, и Дхриштадьюмна, сын Паршаты, стали плясать среди войска (пандавов), обнимая друг друга. И тут Бхима сказал сыну Паршаты, усмирителю врагов: «Я снова обниму тебя как увенчанного победой, о сын Паршаты, когда злостный сын возницы будет убит в сражении, а также и зловредный сын Дхритараштры!» И сказав так, Бхима, сын Панду, преисполненный великой радости, заставил сотрясаться землю звуками, производимыми от прихлопывания под мышками. Устрашенные теми звуками, воины твои побежали прочь из битвы, забыв о долге кшатриев и обратив свои помыслы к бегству. Пандавы же, одержав победу, сильно возрадовались, о владыка народов, и потому они испытывали огромное счастье от гибели своих врагов в сражении.

После того как был убит Дрона, о царь, кауравы, пострадавшие от оружия, лишенные своих героев и разбитые, предались глубокой печали. Удрученные, утратившие свой боевой пыл и лишенные действенной силы из-за упадка духа, они с громкими воплями скорби окружили твоего сына. Покрытые пылью, дрожащие (от страха), озирающиеся во все стороны и с подступающими к горлу слезами, они напоминали дайтьев в отдаленный времена, когда был убит Хираньякша. Окруженный ими, словно жалкими тварями, перепуганными от страха, твой царственный сын, будучи не в силах стоять среди них, отъехал прочь.

Изнеможенные от голода и жажды и опаленные солнцем, те воины твои, о потомок Бхараты, впали в глубокое уныние. Увидев поражение сына Бхарадваджи, словно то было падение солнца (на землю) или высыхание океана, или перемещение (горы) Меру, или же поражение Васавы, (увидев то зрелище), невыносимое (для взора), кауравы, о царь, побежали в страхе, развивая еще большую прыть из чувства ужаса.

Царь Гандхары, Шакуни, увидев Дрону, обладателя золотой колесницы, убитым, пустился в бегство, сильно испуганный, вместе со своими воинами, сражающимися на колесницах, еще более перепуганными. Даже сын возницы бежал в страхе вместе со своим обширным войском, убегавшим с большой стремительностью со всеми знаменами. Также и владыка мадров, Шалья, озираясь кругом, бежал в страхе, выставив впереди себя войско, изобилующее колесницами, слонами и конями. Аакже и сын Шарадвана (Крипа) уехал прочь, восклицая «Беда, беда!», в окружении (своего войска) из слонов и многочисленных пехотинцев, где большая часть храбрейших воинов была убита. И Критаварман, о царь, тоже уехал прочь на очень быстрых конях, окруженный остатками своих войск из Бходжи, Калинги, Аратты и Бахлики. Увидев Дрону поверженным, о царь, там и Улука пустился в бегство в сопровождении полчищ пехотинцев, перепуганный и мучимый страхом.

Прекрасный видом и юный, не раз отмеченный в храбрости, Духшасана тоже в сильной тревоге бежал прочь, окруженный (войском) из слонов. В сопровождении своих слонов, коней и колесниц и окруженный также пехотинцами, Дурьйодхана, могучий воин на колеснице, о великий царь, также уехал оттуда. Усевшись на слонах и колесницах и даже на конях врага, люди с всклокоченными волосами бросились врассыпную, так что не было (видно) даже двух человек, бегущих вместе.

«Войска (кауравов) уже не существует»,– так считали люди, утратившие свой боевой пыл и лишенные действенной силы. Другие воины твои побежали прочь, о владыка, оставив свои панцири. Иные же из тех воинов, о бык из рода Бхараты, кричали друг на друга: «Стой, остановись!» Но сами они, (выкрикивая так), не останавливались там. Покинув упряжных животных и колесницы, хорошо разукрашенные, с убитыми возницами на них, воины, сев на коней, быстро умчались, понукая их ногами.

В то время как войско, лишенное своей боевой мощи, убегало так с большой поспешностью, только сын Дроны (Ашваттхаман), подобно огромному крокодилу, рвущемуся против тече-

ния, ринулся против (своих врагов). Убив множество воинов из войска пандавов и с трудом вызволившись из тесной гущи битвы, тот (герой), несокрушимый в бою и обладающий поступью возбужденного слона, увидел убегающее войско (кауравов), с і етерпением выжидавшее (перед этим) удобного случая к бегству.133 И подъехав к Дурьйодхане, сын Дроны сказал ему так: «Почему это войско бежит, словно охваченное страхом, о потомок Бхараты? Хотя и бегущее так, о царь царей, ты, однако же, не сплачиваешь его в сражении! Ты сам тоже, о владыка людей, находишься не в обычном состоянии, как прежде! Эти цари все, возглавляемые Карной, не присутствуют здесь! Даже при других сражениях войско никогда не убегало так! Не чувство ли (собственной) безопасности, о могучерукий, овладело твоим войском, о потомок Бхараты! При убийстве какого льва среди воинов на колесницах, о царь, это войско твое оказалось в таком (бедственном) состоянии? Скажи мне о том, о Каурава!»

И услышав такую речь от сына Дроны, Дурьйодхана, тот бык среди царей, оказался не в силах сообщить ему страшную и печальную весть. В самом деле, сын твой, казалось, погрузился в океан скорби, подобно разбитой лодке. Видя сына Дроны на его колеснице, он залился слезами. И охваченный стыдом, царь, обратившись тогда к сыну Шарадвана, сказал ему так: «Расскажи здесь перед всеми, – благо тебе, – почему это войско убегает так!» И тогда сын Шарадвана, о царь, испытывая снова и снова душевную муку, поведал сыну Дроны, как был повержен (отец его) Дрона.

Крипа сказал:
Поставив Дрону, превосходнейшего на земле воина на колеснице, во главе (нас всех), мы начали сражение только с одними панчалами. И когда сражение началось, кауравы и сомаки, смешавшись вместе, стали кричать друг на друга и наносить удары один другому своим оружием. Тогда Дрона, бык среди людей, вызвав к действию оружие Брахмы, убивал своих врагов стрелами с серповидным острием сотнями и тысячами.

Побуждаемые судьбою, пандавы, кекайи, матсьи и особенно панчалы, достигнув колесницы Дроны в пылу сражения, гибли там. Тысячу воинов-львов, сражавшихся на колесницах, и две тысячи слонов, сожженных оружием Брахмы, отправил Дрона к богу смерти. Темный внешностью, с седыми волосами, свисающими до самых ушей, престарелый Дрона в возрасте восьмидесяти пяти лет обычно рыскал в сражении, словно шестнадцатилетний (юноша). И когда (вражеские) войска были жестоко теснимы так и цари были убиваемы, панчалы, хотя и поддавшиеся влиянию неистового гнева, обратились вспять.

Меж тем как враги те, обратившись вспять, несколько нарушили свой боевой порядок, тот победитель врагов (Дрона), вызывая к действию дивное оружие, блистал величаво, подобно восходящему солнцу. В самом деле, твой доблестный отец, попав в середину (строя) пандавов, благодаря своим стрелам, вместо лучей (исторгавшимся от него), напоминал стоявшее в зените солнце, на которое трудно было смотреть. Опаляемые Дро-ной, будто сверкающим солнцем, они утратили свою мощь и свой боевой пыл и совсем пали духом. Видя их, так мучимых Дроной своими стрелами, Сокрушитель Мадху, желающий победы сыновьям Панду, сказал такие слова: «Сей предводитель предводителей отрядов колесниц, наилучший из носящих оружие, никогда не может быть побежден врагами, даже самим сокрушителем Вритры – в пылу сражения! Отбросив справедливость, вы, о пандавы, позаботьтесь о победе, дабы (Дрона), обладатель золотой колесницы, не убил нас всех в сражении! После того как будет убит (его сын) Ашваттхаман, он уже не будет сражаться – таково мое мнение. Пусть поэтому какой-нибудь человек скажет ему ложно, что Ашваттхаман убит в сражении!»

Эти слова, однако, не одобрил сын Кунти, Дхананджая. Все другие же ш~ш одобрили их. Но только Юдхиштхира (принял их) с большим трудом. И тогда Бхимасена с некоторой стыдливостью сказал твоему отцу: «Убит Ашваттхаман!» Однако отец твой не обратил на то внима-

ния. Сомневаясь все же, что (известие) то ложно, отец твой, так нежно любящий своего сына, вопросил царя справедливости, убит ты в сражении или нет. Испытывая боязнь говорить неправду, но всецело стремящийся к победе, Юдхиштхира сказал, что убит Ашваттхаман, имея в виду убитого Бхимой слона величиною с гору, принадлежавшего Индраварману, правителю Малавы.

Приблизившись затем к Дроне, он громко промолвил ему так: «Тот, ради кого ты носишь оружие, и на кого взирая, ты живешь, тот неизменно любимый сын твой – Ашваттхаман повержен!» Услышав о той печали великой, наставник впал тогда в сильное уныние. И сдерживая (мощь) своего дивного оружия, он уже не мог сражаться, как прежде.

Увидев Дрону, охваченного сильной тревогой и с чувствами, совсем подавленными от скорби, сын царя Панчалы, вершитель страшных дел, ринулся на него. При виде царевича, предопределенного быть его смертью, (Дрона), весьма искушенный в правде о людях и делах мирских, оставил все свое дивное оружие и уселся (чтобы умереть) согласно обету прая на поле брани. Тогда сын Паршаты, схватив его за волосы левой рукою, несмотря на громкие увещевания героев, отсек ему голову.

«Его не должно убивать, не должно!» – восклицали они со всех сторон. Точно так же и Арджуна, соскочив с колесницы, поспешно подбежал к сыну Паршаты, воздев руки и говоря все снова и снова: «Приведи наставника живого, не убивай его, о сведущий в нравственном законе!» Хотя и был он сдерживаем так кауравами и Арджуной, отец твой был все-таки убит этим жестоким (царевичем), о бык среди людей! И тогда воины все пустились в бегство, мучимые страхом! И мы тоже, охваченные унынием из-за гибели твоего отца, (поступили соответственно), о безупречный!

Санджая сказал:
И услышав об убийстве отца своего в сражении, сын Дроны воспламенился сильным гневом, как змея, побитая ногой.

Так гласит глава сто шестьдесят пятая в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ ОБ УБИЕНИИ ДРОНЫ

СКАЗАНИЕ О ПРИМЕНЕНИИ ОРУЖИЯ НАРАЯНА

Глава 166

Дхритараштра сказал:
Услышав о том, что престарелый отец его, брахман, убит несправедливым способом Дхриштадьюмной, о Санджая, что сказал доблестный Ашваттхаман, при котором постоянно находится (различное) оружие: обычное у людей, варуна, агнея и оружие Брахмы, айндра и нараяна? В самом деле, услышав, что убит наставник, справедливейший из людей, убит несправедливым способом Дхриштадьюмной, о Санджая, что сказал Ашваттхаман?

Получив от Рамы науку владения оружием, благородный (Дрона) сообщил (тайны применения) всех видов дивного оружия своему сыну, сильно стремившемуся (стать достойным) своего отца-наставника. Ведь только одному в этом мире, именно сыну своему, и никому другому, желают люди, чтобы превзошел по достоинству их самих. У всех благородных наставников имеются свои такие тайны (применения оружия)^ их они передают либо своему сыну, либо последовательному ученику. Получив (таким образом) все тайны того искусства вместе с его особен-' ностями, о Санджая, тот сын дочери Шарадвана 5 стал великим героем в сражении, вторым после Дроны.

В науке владения оружием (Ашваттхаман) подобен Раме, в битве равен Пурандаре, в доблести своей равен Картавирье, а в мудрости – самому Брихаспати. По стойкости юноша тот равен горе, а по скрытой мощи – огню, по глубине своего достоинства он подобен океану, а во гневе подобен яду змеи. Он – первейший в мире воин, сражающийся на колеснице, твердый лучник и не ведает усталости. Он быстр, как ветер, и рыскает в разгаре битвы, точно сам Разрушитель, обуреваемый гневом.

Когда он мечет стрелы в сражении, сама земля испытывает сильные муки. Наделенный истинной отвагой, герой тот никогда не поддается изнурению в битве. Очистившийся изучением вед и соблюдением обетов, он постиг в совершенстве науку владения оружием. Как Рама, сын Дашаратхи, он подобен невозмутимому океану. Услышав, что наставник, справедливейший из людей, убит в сражении несправедливым способом Дхриштадьюмной, что, право же, сказал Ашваттхаман? Ведь он был предназначен тем благородным (старцем) стать смертью Дхриштадьюмны, как и сын Яджнясены, царевич Панчалы, был предопределен стать смертью Дроны! Что же сказал Ашваттхаман, услышав, что (отец его) наставник убит тем злостным и жестоким нечестивцем, столь мало дальновидным?

Санджая сказал:
Услышав об убиении своего отца при помощи обмана (Дхриштадьюм-ной), вершителем греховных дел, сын Дроны залился слезами и преисполнился гнева, о бык среди людей! И когда он был охвачен гневом, о царь царей, вид у него, казалось, был чудно-дивен, как у Разрушителя, когда он собирается уносить существа в конце юги. И вытирая все снова и снова глаза, наполненные слезами, и тяжело вздыхая от ярости, он сказал Дурьйодхане такие слова: «Я узнал сейчас, как отец мой, сложивший оружие, был повержен низкими людьми и как был совершен нечестивый поступок (царем), прикрывающимся знаменем справедливости! Я услышал сейчас о том неблагородном поступке весьма безнравственного сына Дхармы! Ведь среди занятых в битве несомненно одно из двух может случиться, о царь, – победа иль поражение.

И в этом случае смерть одобряется. Та смерть в бою у человека сражающегося, которая случается при справедливых условиях, не заслуживает печали нашей, ибо таким именно был за-

мечен тот дваждырожденный. Без сомнения отец мой отправился в мир героев! Нашедший так свой гибельный конец, тот тигр среди людей не должен вызывать к себе печали.

Однако то, что он подвергся такому (унижению), что был схвачен за волосы на глазах у всех воинов, тогда как сам справедливо был занят в сражении, – разрывает самые чувствительные места (в моем сердце). (Люди) совершают несправедливые поступки под влиянием страсти и гнева, или из ненависти и гордыни, или же от глупости, а также презрения. Нечестивым и злонравным сыном Паршаты совершен здесь этот чрезвычайно несправедливый поступок и, конечно, в полном пренебрежении мною.

Дхриштадьюмна поэтому непременно увидит грозные последствия того (поступка), а также ложноречивый Пандава, поступивший столь недостойно! Сегодня земля несомненно насытится кровью того царя справедливости, который путем обмана заставил тогда наставника сложить оружие! Всеми средствами я буду стараться, чтобы уничтожить панчалов. И я непременно убью в сражении Дхриштадьюмну, вершителя греховных дел! Любыми средствами – мягкими и свирепыми уничтожив всех панчалов, я добуду мир, о Каурава!

То, ради чего, о тигр среди мужей, люди желают сыновей, дабы избавиться от великого страха здесь и после смерти, – то теперь наступило. Моим отцом, однако, такое положение достигнуто, точно человеком безродным, хотя и жив я – его сын и ученик, уподобляющийся скале (в мощи своей)! Позор моему дивному оружию! Позор рукам моим! Позор доблести моей! Ибо Дрона, обретя во мне сына, подвергся такому (унижению), что был схвачен за волосы! Я поэтому сделаю так, о наилучший из рода Вхараты, чтобы я смог освободиться от долга перед отцом моим, уже отправившимся в потусторонний мир! Человеком благородным никогда не должно выражать хвалу себе самому! Неспособный, однако, перенести убийство моего отца, я говорю о своем мужестве. Пусть увидят сегодня пандавы вместе с Джанарданой мою геройскую мощь, когда я буду крушить все их войска, совершая то, что (свершается самим Разрушителем) в конце юги! Ибо ни боги, ни гандхарвы, ни асуры и ни ракшасы не в состоянии сегодня победить меня в сражении, стоящего на колеснице, о бык среди людей!

Нет другого в этом мире, кроме меня или Арджуны, более сведущего во владении оружием. Войдя в средину войска, подобно самому солнцу среди сверкающих лучей своих, я конечно применю свое оружие, созданное богами! Примененные сегодня мною в свирепой битве, эти потомки Кришашвы, обнаруживая свою страшную мощь, сокрушат пандавов! Сегодня все стороны света, о царь, мои воины увидят здесь покрытыми острыми стрелами, словно они застланы потоками дождя.

Ибо сея во все стороны густые тучи стрел со страшным шумом, я буду повергать своих врагов, как могучий ветер валит деревья. Ни Бибхатсу, ни Джанардана, ни Бхимасена, ни оба близнеца и ни царь Юдхиштхира, ни злонравный сын Паршаты (Дхриштадьюмна), ни Шикхандин и ни Сатьяки не знают, о Кауравья, о том оружии, которое есть у меня с мантрами для метания его и возвращения назад.

Как-то давно Нараяна, приняв облик брахмана, пришел к моему отцу. И преклонившись перед ним, отец мой предложил ему подношения согласно установленным правилам. Приняв их сам, божественный владыка предложил ему выбрать дар. И мой отец тогда выбрал высочайшее оружие нараяна.

И тут, о царь, небесный владыка, высочайший из богов, обратившись к нему, промолвил: «Никакой другой человек не станет равным тебе в бою. Однако оно, о брахман, никогда не должно быть применено с поспешностью. Ибо оружие это никогда не возвращается иначе, как сокрушив врага. И при этом невозможно узнать, кого не могло бы оно убить, о владыка!

Ибо оно может убить даже того, кто не подлежит убиению. Поэтому его не должно применять (без глубокого обдумывания).

Когда нанесено ранение в пылу битвы, когда пускаются в бегство или бросают оружие, когда обращаются к врагам с мольбой о пощаде или прибегают к защите, ища убежища, – во всех этих случаях применение этого мощного оружия должно прекращаться, о усмиритель врагов! Ибо во всех случаях жестоко мучающий в сражении тех, кто не подлежит убиению (этим оружием), сам испытывает сильные мучения от него!» Так отец мой получил то оружие. А владыка тот, обратившись также ко мне, сказал: «С помощью этого оружия ты тоже будешь дождить разнообразные ливни дивного оружия в сражении и блистать скрытою мощью под воздействием

Сказав так, тот божественный владыка вознесся на небо. Это и есть имя (история), как было обретено от Нараяны то оружие моим отцом. При помощи его я обращу в бегство и сокрушу пандавов и панчалов, матсьев и кекаев в сражении, подобно тому как супруг Шачи (сокрушал) асуров.

Мои стрелы, о потомок Бхараты, будут падать на врагов, хотя и проявляющих свою доблесть, принимая такую форму, какую я пожелаю (придать им). Стоя в сражении, я буду дождить ливнями из камней, как мне будет желательно. Я обращу в бегство и сокрушу могучих воинов на колесницах летящими по небу стрелами с железными остриями. Несомненно я буду применять и разнообразные секиры. При помощи могучего оружия нараяна, о усмиритель врагов, я уничтожу врагов, обратив ни во что пандавов. Низменнейший среди панчалов (Дхриштадьюмна), тот ненавистник друзей и брахманов и своего собственного наставника, презреннейший и заслуживающий самого сурового порицания, не избавится от меня сегодня живым!»

Услышав эти слова сына Дроны, войско (кауравов) сплотилось вновь. И тогда лучшие из людей затрубили все в огромные раковины. И преисполненные радости, они ударили в тысячи барабанов – больших и малых. Земля громко гудела, мучимая копытами коней и ободами колес (колесничных). И тот громкий, неистовый гул оглашал воздушное пространство, небо и землю. Услышав тот шум, подобный рокоту облаков, пандавы, превосходнейшие из воинов на колесницах, объединившись вместе, стали совещаться друг с другом. А тем временем сын Дроны, сказав такие слова, прикоснулся тогда (к воде) и вызвал то дивное оружие нараяна.

Так гласит глава сто шестьдесят шестая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 167

Санджая сказал:
Когда было вызвано оружие нараяна, стал дуть тогда сильный ветер, насыщенный каплями дождя, и раздавались удары грома, хотя небо было безоблачно. Также задрожала земля и взбушевался великий океан. Реки начали течь в обратном направлении. Вершины гор стали раскалываться там, о потомок Бхараты! Различные животные начали обходить сыновей».

Панду с левой стороны. (Страны света) застилались темнотой, и солнце сделалось тусклым. Всякие плотоядные существа начали в восторге садиться(на поле битвы). Боги, данавыи гандхарвы были охвачены страхом, о владыка народов! При виде того великого смятения (в природе) начались (среди людей) жаркие споры: отчего это? И в самом деле, все цари, увидев то ужасное на вид и внушающее страх оружие» (вызванное) сыном Дроны, сильно встревожились и совсем упали духом.

Дхритараштра сказал:
При виде кауравов, вновь ринувшихся (против врага), после того как их войска были повернуты к сражению сыном Дроны, сильно мучимым скорбью и не могущим перенести убийство своего отца, – какое совещание было предпринято пандавами? О том расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Увидев сначала, что сыновья Дхритараштры бегут, и услышав затем неистовый шум, Юдхиштхира обратился к Арджуне и молвил: «После того как наставник Дрона убит в сражении Дхриштадьюмной, как (некогда) могучий асура Вритра (был убит) Носящим громовую стрелу, (кауравы), опечаленные душой, не надеялись уже на победу в бою, о Дха-нанджая! Ибо, обратив свои помыслы на спасение самих себя; кауравы пустились в бегство. Некоторые цари поспешно (убегали) на колесницах, круживших извилистым путем без возниц, погоняющих пристяжных коней, и без стягов, знамен и зонтов, с дышлами и сидениями разбитыми и с конями изнуренными. Другие же, перепуганные и упавшие духом, сев верхом на коней, сами торопливо подгоняли их ногами (и так убегали).

Иные бежали прочь на своих колесницах со сломанными ярмами, колесами и осями, мучимые страхом. Еще другие, смещенные со своих сидений и пригвожденные к шеям слонов длинными стрелами, (были быстро уносимы теми животными). Некоторые же были влекомы в разные стороны убегающими слонами, сильно страдающими от стрел. Иные же, лишенные оружия и доспехов, падали с колесниц и верховых животных на землю. Другие оказывались рассеченными, попав под ободы (колес колесничных), или же были раздавлены конями и слонами. Еще другие, громко взывая «О отец, о сын мой!», убегали в страхе, не узнавая друг друга, лишенные действенной силы из-за упадка духа. Иные же, посадив сыновей своих и отцов, друзей и братьев, (на колесницы) и освободив их от доспехов, обмывали их, сильно израненных, водой.

После того как был убит Дрона, войска (кауравов), попав в такое положение, стремительно пустились в бегство. Кем же оно было потом повернуто вновь? 19 Скажи мне, если ты знаешь! Оттуда слышится громкий шум от ржания коней и рева слонов, смешанный с грохотом ободов колес колесничных. Эти звуки, столь неистовые, раздающиеся в океане (войска) кауравов, ведь поминутно усиливаются и заставляют трепетать моих воинов! Этот страшно неистовый гул, который слышится сейчас, заставляя подниматься (от содрогания) волоски на теле, мог бы разрушить даже три мира с Индрой во главе! – таково мое мнение.

Я полагаю, что этот ужасно неистовый гул исходит от Держащего громовую стрелу! Очевидно, после убиения Дроны, Васава сам выступает (против нас) ради кауравов! У нас волоски на теле поднялись от возбуждения, наши воины на колесницах и слоны сильно встревожены. О Дхананджая, слыша там громкий и ужасающий шум, (я спрашиваю тебя), кто этот могучий воин на колеснице подобный самому владыке богов в сражении, который, сплотив рассеянных всюду кауравов, понуждает их вновь вернуться к битве?

Арджуна сказал:
Тот, на чью опираясь мощь, кауравы, устремив себя на выполнение суровых подвигов, стоят твердо и трубят в свои раковины, – тот, относительно кого у тебя есть сомнения, о царь, при мысли: кто это так громко кричит, полагаясь на сыновей Дхритараштры, после того как наставник сложивший оружие, убит, – тот, кого я буду называть наделенным скром-ностью, могучеруким и обладающим походкой возбужденного слонаг всегда свершающим страшные подвиги и рассеивающим страх у кауравов, – тот, при рождении которого Дрона дал богатство из девяти сотен коров достойнейшим брахманам, – тот, кто кричит так громко, – есть Ашваттхаман!

Лишь только он родился, тот герой заржал, подобно Уччайхшравасу, и заставил своим ржанием сотрясаться землю и целиком три мира! Услышав тот (громкий звук), невидимое существо, (возвещая громко), нарекло ему тогда имя «Ашваттхаман» («Заржавший конем»). Это тот герой громко кричит сегодня, о Пандава! Сын Паршаты, напав, на Дрону, столь безжалостным образом убил его сегодня, словно тот не имел совсем защитника! Вон стоит (теперь) защитник того (Дроны). Уж коль царевич Панчалы схватил моего наставника за копну волосу сын Дроны, хорошо сознающий свою собственную доблесть, никогда не простит ему этого!

Тобою было поступлено по отношению к наставнику ложно ради (обретения) царства! В самом деле, хотя ты и сведущ в предписаниях законат тобою все же совершен самый нечестивейший поступок! «Сей Пандава наделен всеми добродетелями и к тому же он ученик мой! Он никогда не скажет мне ложно!» – так думая, (Дрона) выказал к тебе доверие (в том, что ты сказал ему). Хотя при ответе наставнику о том, что (Ашваттхаман) убит, и было прибавлено тобою (невнятно) «слон», ты все же прибег тогда к неправде в обличье правды! После (твоих слов) могущественный (Дрона), положив свое оружие, стал, как ты сам это видел, о царь, безразличен (ко всему), сильно удручен и почти лишился чувств.

И нежно любящий своего сына, наставник тот, в то время как был он проникнут скорбью о нем и отвратился от битвы, был убит так учеником своим, который отринул извечный закон нравственности! Заставив нечестивым путем убить своего наставника, сложившего оружие, ты теперь защити сына Паршаты, если можешь, вместе со своими советниками! Все мы не в состоянии будем защитить сегодня сына Паршаты, жестоко теснимого сыном наставника, сильно разгневанным из-за убийства отца своего!

Тот герой, который безгранично выказывает свою дружбу ко всем существам, услышав о том, что отец его был схвачен за волосы, непременно сожжет всех нас сегодня в сражении! Ведь хотя и кричал я очень громко домогавшемуся (смерти) моего наставника, все же, (пренебрегши моим призывом) и отринув свой закон нравственности, ученик лишил жизни того наставника! Когда большая часть жизни нашей прошла, а остаток ее совсем незначителен, этот в высшей степени нечестивейший поступок, который совершен нами, пятнает теперь (позором) тот (оставшийся отрезок) ее.

Из-за добросердечного расположения к нам Дрона всегда был нам как отец, и согласно предписаниям закона тоже – он опять же был для нас как отец! И несмотря на это, наставник наш убит (нами) ради кратковременной верховной власти! Дхритараштрой, о владыка народов, была дана Бхишме и Дроне вся земля и еще, – что было гораздо ценнее, – вместе со всеми его сьшовьями! Хотя он и был постоянно чтим так нашими врагами и обрел такое положение, наставник все же любил нас всегда как своих собственных сыновей, а меня же – наиболее всех! И неувядаемый (в доблести и мощи), он был убит в сражении, потому что оставил оружие по твоему слову. Ведь когда он сражался в битве, его не смог бы убить даже сам Шатакрату!

В то время как наставник тот был в преклонных годах и всегда проявлял благосклонность к нам, все же нами, столь нечестивыми и легкомысленными (в поведении своем), отплачено ему коварством ради обладания царством! Ведь наставник мой хорошо знал, что из-за моей любви к нему я, сын Васавы, мог бы (ради него) покинуть все – сыновей, братьев, родителей, жену и саму жизнь! И все же мною, жаждущим верховной власти, он был оставлен в пренебрежении, даже когда ему предстояло уже погибнуть. Из-за этого, о царь, я с опущенной вниз головою уже погрузился в ад, о владыка! Позволив, ради обретения царства, убить того, кто был брахманом и преклонным в годах, кто был моим наставником и сложил оружие, (пре-

давшись затем йоге) подобно отшельнику, (я полагаю), что смерть предпочтительнее для меня, нежели жизнь!

Так гласит глава сто шестьдесят седьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 168

Санджая сказал:
Услышав эти слова Арджуны, могучие воины на колесницах, присут-ствовавшие там, ничего не сказали, о великий царь, ни приятного, ни неприятного, Дхананджае. Тогда могучерукий Бхимасена, преисполненный гнева, о потомок Бхараты, высмеивая сына Кунти Арджуну, промолвил: «Ты возглашаешь истины нравственного закона, как отшельник, живущий в лесу, о Партха, или как брахман, суровый в обетах и соверг шенно чуждый чувству насилия!

Оттого что человек избавляет (других) от ран и повреждений, он (называется) кшатрием. Живя так, он (должен избавлять и себя) от ран и повреждений. Выказывая прощение по отношению к трем, кои являются добрыми, (а именно к богам, дваждырожденным и наставникам), кшатрий (исполнением своего долга) вскоре овладевает землею, а также достигает благочестия, славы и преуспеяния. Ты – продолжатель рода своего, наделенный всеми достоинствами кшатрия! И поэтому не выглядишь ты сегодня в благоприятном свете, когда говоришь речи, словно невежественный! Доблесть твоя, о Каунтея, подобна той, какая у Шакры, супруга Шачи! И ты не переступаешь (границ) нравственного закона, подобно тому как великий океан никогда не переступает своих берегов! Кто же (среди людей) не стал бы почитать тебя сегодня, раз ты ищешь справедливости, оставив позади гнев, накопленный тобою за тринадцать лет? Благодаря счастливой судьбе, о братец мой, сердце твое сегодня обращается к соблюдению закона своей касты! Благодаря счастливой судьбе и разум твой склоняется всегда к милосердию, о неувядаемый славой!

Хотя, однако, ты и склонен идти стезею добродетели, царство у тебя было отнято несправедливым путем. (Супруга твоя) Драупади, будучи приведена насильно врагами в зал собрания, подверглась оскорблениям? Облаченные в одежду из древесной коры и антилоповые шкуры, все мы вовсе не заслуживающие такого положения, были удалены врагами в лес в изгнание на тринадцать лет! Все эти обстоятельства, вызывающие возмущение, были (забыты и) прощены тобою, о безупречный! Предавшись. | всецело долгу кшатрия, ты спокойно перенес все это.

И теперь, когда ты, как видно, так равнодушен ко всему), я сам убью тех низменных похитителей нашего царства вместе с их родственниками! Ведь тобою было сказано раньше: «Выступив на битву, мы должны приложить старания, в меру всех своих сил!» Сегодня же, однако, ты укоряешь нас. Ты не хочешь знать обязанностей своей касты! И слова твои, (сказанные ранее), ложны! В то время как мы уже измучены страхом, ты словами своими режешь нам самые жизненно важные места, подобно тому как льют кислоту на раны израненных людей, о сокрушитель врагов! Терзаемое жалами твоих слов, сердце мое разрывается на части!

Будучи добродетельным, ты не знаешь, в сущности, в чем состоит не- Ц справедливость, так как ты не одобряешь ни себя, ни нас, хотя мы все и заслуживаем одобрения. Ты восхваляешь сына Дроны, который недостоин даже шестнадцатой части твоей! Не подобает самому говорить, восхваляя свои собственные достоинства. Но я смогу разорвать на куски эту землю в гневе своем или расколоть даже горы, кружа своею тяжелой,, страшной палицей, украшенной золотом!

Подобно могучему ветру, я смогу поломать огромные деревья, подобные горам! Зная меня, твоего брата, именно таким, ты не должен никогда испытывать страха перед сыном Дроны, о неизмеримый в отваге! Или же стой здесь, о Бибхатсуг вместе со всеми (воинами), быками среди людей! Я один, с палицею в руках, одержу победу над ним в великом сражении!» После (этих слов его) сын царя Панчалы, обратившись к Партхе, сказал ему, как (некогда) Хари – сильно разгневанному и громко ревевшему Хираньякапшпу (владыке дайтьев): «О Бибхатсу, мудрыми предписаны следующие обязанности для брахмана: жертвоприношение для других, обучение и раздача даров, жертвоприношение для себя, получение даров и шестая (в том числе), а именно-изучение. Какой же из этих шести предавался Дрона, убитый мною? Так почему же тогда, о Партха, ты порицаешь меня?

Отступившись от закона своей касты и предавшись обязанностям кшатрия, тот вершитель жестоких дел обычно убивал нас оружием, неведомым для людей! Выдавая себя за брахмана, он имел обыкновение применять неотразимую иллюзию. И когда при помощи самой же иллюзии он убит сегодня, что же здесьд о Партха, есть непристойного? И в то время как он так зарублен мною^ если отпрыск Дроны в ярости будет издавать страшно громкий рык, что же от этого теряется для меня? И я не считаю это вообще удивительным, что сМн Дроны отчетливо-явственным рокотом (своего зычного голоса) обречет кауравов на убийство, не будучи в состоянии защитить их сам!

А то, что ты, будучи сведущ в нравственном законе, говоришь обо мне, а8~' что я убийца своего наставника, то для этого я ведь и родился как сын царя Панчалы, возникнув из (жертвенного) огня! Как же ты можешь называть его брахманом или кшатрием, о Дхананджая, для которого, когда он сражался в битве, все действия, подлежащие выполнению или неприемлемые, могли быть одинаковыми.

Почему же, о превосходнейший из людей, он не должен был быть убит любыми нашими средствами, раз он, обезумевший от гнева, мог убивать оружием Брахмы даже тех, кто вовсе не был сведущ во владении оружием? Несправедливый называется знатоками нравственного закона подобным яду среди них. Зная об этом, сведущий в сути закона нравственности и мирской пользы, зачем ты, о Арджуна, осуждаешь меня? Тот жестокий воин на колеснице был схвачен и повержен мною. Так почему же, когда я заслуживаю одобрения, о Бибхатсу, ты не приветствуешь меня? В то время как свершено (мною) отсечение страшной головы Дроны, подобной сверкающему солнцу или сильному яду, почему ты, о Партха, не восхваляешь поступка, достойного восхваления?

Он ведь убивал в бою только моих родственников и ничьих больше. Но хотя я и отсек ему голову, лихорадка моего сердца все еще не оставила меня. И то уязвляет (теперь) мои самые жизненно важные места, что голова его не была брошена мною во владения нишадов, как (было поступлено) с головой Джаядратхи! Даже отказ в убиении врагов, о Арджуна, рассматривается как поступок греховный. Ибо таков закон для кшатрия: убивать или же быть убитым. Дрона был моим врагом. Он убит справедливо мною в битве, о Пандава, точно так же, как был убит тобою храбрый Бхагадатта, друг отца твоего! Убив своего деда в сражении, ты считаешь тот поступок свой справедливым. Когда же мною убит мой злостный враг, почему же ты считаешь то несправедливым? Не был неправдив (в речи) старший сын Панду. И сам я, о Арджуна, не греховен. Зловредный (Дрона) был ненавистником учеников своих и убит. Сразись же теперь. Победа будет за тобою!»

Так гласит глава шестьдесят восьмая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 169

Дхритараштра сказал:
Когда тот благородный Дрона, которым были должным образом изучены веды вместе с их вспомогательными частями, в ком полностью воплощена была военная наука и которым отвергалось чувство робости, а равно по милости кого (герои), быки среди людей, все еще способны совершать нечеловеческие подвиги в сражении, нелегко выполнимые даже богами, увы, когда тот Дрона, сын великого мудреца, был оскорблен на глазах у всех злодушным, низменным и жестоким (Дхриштадьюмнои), убийцей своего наставника, неужели, когда был оскорблен тот Дрона, не нашлись там (кшатрии), которые выразили свое негодование току вершителю греховных дел? Позор касте кшатриев! Позор и самому гневу! Что сказали партхи и все другие царственные лучники на земле, услышав (об убийстве Дроны), царевичу Панчалы? О том поведай мне, о Санджая!

Санджая сказал:
Услышав те слова сына Друпады, вершителя жестоких дел, цари все, о владыка народов, оставались совершенно безмолвными. Арджуна, однако, поглядывая косо боковым взглядом на сына Парщаты и вздыхая со слезами, говорил ему: «Позор, позор!» А Юдхиштхира и Бхима, оба близнеца и Кришна, а также другие стояли сильно пристыженные.

И тут Сатьяки, о царь, сказал такие слова: «Нет ли здесь какого-нибудь человека, который убил бы без промедления этого нечестивца, низменного среди людей, говорящего такие неблагопристойные слова? Почему язык твой и голова не разорвались на сто частей, когда ты, о презренный, громко поносил своего наставника? И почему ты не был повержен тем нечестивым поступком? А так как, совершив столь непристойный поступок, ты к тому же восхваляешь себя в собрании людей, то ты подлежишь осуждению партхами и всеми андхаками и вришни! Совершив такой недостойнейший поступок, ты снова поносишь своего наставника. За это ты заслуживаешь смерти (от нас). Нет пользы оставаться тебе в живых хотя бы на мгновение!

Какой же благородный (человек) решился бы на это? Кто же другой, кроме тебя, более низкий из людей, осмелился бы на убийство добродетельного и справедливого душою наставника, схватив его за волосы? Обретя тебя, позорящего свой род, твои предки до семи предшествующи поколений и твои родственники (тоже до семи поколений), лишенные! славы, низринулись в ад. Ты ведь даже обвинил Партху, быка среди людей, в том, что он (убил) Бхишму! Однако же тем благородным (героем именно самим был осуществлен свой гибельный конец. Все же, (говоря по правде), причиной его гибели был твой единоутробный брат (Шикхандин), отъявленнейший из грешников. Нет другого на земле более грешного, нежели сыновья царя Панчалы! Ведь он же был рожден твоим отцом для сокрушения Бхишмы.

А что (до Арджуны), то им был охраняем Шикхандин, в то время как тот стал причиной смерти благородного (Бхишмы)! Обретя тебя вместе с твоими братьями, позорно осужденного всеми добродетельными людьми, панчалы отступились от справедливости и, отмеченные низостью, стали ненавистниками друзей и наставников! И если ты снова будешь в моем присутствии говорить подобные речи, то я размозжу твою голову своею булавою, (по силе) равною громовой стреле!» Выслушав такое порицание от героя из рода Сатвата, сын Паршаты, преисполненный гнева, промолвил Сатьяки в сильном раздражении, обратившись к нему в грубых словах и улыбаясь при этом:

«Слышал, слышал я (слова твои) и прощаю тебя, о отпрыск рода Мадху! Но ты, о неблагородный, не смеешь поносить человека добродетельного и честного! Прощение одобряется в мире. Однако же грех не заслуживает прощения. Ведь тот, кто с грешной душою, – считает

прощающего, что он покорен (ему). Ты жалок в своем поведении! Ты низок душою! Ты склонен к греховным умыслам! Ты заслуживаешь порицания (во всех отношениях) – от ногтя твоего пальца (на ноге) до самых кончиков твоих волос! Желаешь ли ты все еще говорить (дурно о других)? Что же может быть более греховнее того поступка, когда тобою был убит Бхуришравас с рукою отсеченной, уже приготовившийся умереть согласно обету прая, хотя ты и был постоянно отвращаем?

Построив свое войско в боевые порядки; Дрона сражался в битве при помощи дивного оружия. И когда он сложил свое оружие, он был убит мною. Что же тут, о жестокосердный, есть преступного? Как же может тот, о Сатьяки, быть (хулителем других), кто сам мог убить (врага), не сражавшегося на поле битвы и занятого исполнением обета прая, подобно отшельнику, (врага), чья рука отсечена была Другими?

Когда тот доблестный (враг твой) проявил свою отвагу, ударив тебя оземь, почему ты не убил его тогда, будучи превосходнейшим из мужей? И все же, однако, когда он был уже побежден Партхой, тот храбрый й доблестный сын Сомадатты был затем убит тобою, действовавшим столь недостойно.

Где бы Дрона ни старался обратить в бегство войско пандавов, туда всюду устремлялся я, сея тысячи стрел. Совершив сам такого рода поступок, словно чандал, и сам заслуживая осуждения, почему осмеливаешься ты говорить мне такие грубые слова? Ты – вершитель жестоких дел, но не я, о низкий из рода Вришни! Ты – вместилище всех греховных деяний! Не порицай меня снова! Пребудь в молчании! И благоволи не говорить мне ничего после этого! Ибо это ответ, (данный тебе) из губ моих. Не смей мне говорить ничего больше! А если ты по глупости скажешь мне еще подобные грубости, я тогда в пылу битвы отправлю тебя своими стрелами в обиталище Вайвасваты!

Одной лишь справедливостью, о глупый, невозможно (победить своих врагов). Слушай теперь о действиях кауравов, какие также (применялись ими) несправедливым путем! Сын Панду, Юдхиштхира был еще раньше несправедливо обманут (ими)! И Драупади тоже претерпела от них лишения совсем несправедливо, о Сатьяки! Также и пандавы все вместе с Кришною (Драупади) были удалены в лес в изгнание, и все их владения были отняты несправедливым путем, о глупец!

Также несправедливым способом был отвлечен от нас врагами царь мадров (вместе со своим войском)! Было также несправедливостью с нашей стороны, что был убит Бхипща, дед кауравов! Ведь и Бхуришравас тоже убит несправедливо тобою, столь сведущим в вопросах справедливости! Именно так действовали враги, а также пандавы в сражении! Отличающиеся отвагой и даже искушенные в нравственном законе, все они (поступали так), домогаясь победы, о Сатвата! Высочайший закон нравственности труднопостижим. точно так же и безнравственность может быть постижима с большим трудом. Сразись же теперь с кауравами и не возвращайся (до этого) в жилище своих отцов!»

Выслушав эти и подобные жестокие и грубые слова (из уст Дхриштадыомны), величавый Сатьяки начал сильно дрожать. Когда он услышал это, глаза у него стали медно-красными от гнева. И положив свой лук на колесницу, Сатьяки схватил свою булаву, тяжело дыша, словно змей. И ринувшись на царевича Панчалы, он в сильном гневе промолвил ему так: «Я не стану говорить тебе грубостей, но я убью тебя, заслуживающего смерти!»

И в то время как он стал нападать на царевича Панчалы, подобно тому как Разрушитель на себе подобного, могучий Бхимасена, побуждаемый Васудевой, быстро соскочив со своей колесницы, удержал его обеими руками. Когда же наделенный огромной силой Сатьяки, уст-

ремлявшийся так в неистовой ярости, продвинулся (немного) вперед, могучий Бхима, стараясь удержать его, сам проследовал за ним (несколько шагов, влекомый его) силою. Твердо ставя ноги, Бхима тогда, остановившись на шестом шаге, насильно удержал того быка из рода Шини, наилучшего из сильных.

Но тут Сахадева, соскочив со своей колесницы, о владыка народов, обратился к Сатьяки, крепко сдерживаемому более сильным (Бхимою), с мягкою речью: «Нет у нас других друзей, более близких, о тигр среди людей, нежели андхаки и врипгаи, а также панчалы, о отпрыск рода Мадху! Точно так же и у андхаков зв и вришниев, и особенно у тебя и Кришны не может быть других друзей, (более близких), чем мы. Также и у панчалов, о отпрыск рода Вришни, если даже они будут искать вплоть до границ океана, не найдется других более близких друзей, чем пандавы и вришни. Он такой же друг (тебе), каким считаешься для него ты.

И какими вы являетесь для нас, такими же и мы приходимся вам! Сведущий таким образом во всех обязанностях и помня теперь о долге перед своими друзьями, смири свой гнев, (отвратив его) от царевича Панчалы! Умирись же, о бык из рода Шини! Прости ты сына Паршаты, и пусть сын Паршаты также простит тебя! Мы тоже со своей стороны проявим прощение. Что может быть другое (более похвальное), чем прощение?»

Меж тем как внук Шини был умиротворяем так Сахадевой, о достойнейший, сын царя Панчалы, улыбаясь слегка, промолвил такие слова: «Отпусти, отпусти же внука Шини, о Бхима, столь преисполненного гордости в битве! Пусть он нагрянет на меня, как ветер обрушивается на гору, пока я своими острыми стрелами не усмирю его гнев и не изгоню, о Каунтея, всякое желание битвы и (жажду) жизни в сражении! Что, в самом деле! Я в состоянии (после сокрушения Сатьяки) выполнить это великое дело сыновей Панду, которое представилось теперь! Ибо это приближаются кауравы! Или же пусть Пхальгуна сдерживает всех (врагов) в сражении! Что же до меня, то я снесу этому голову своими стрелами. Он принимает меня за Бхуришраваса с отрубленной рукой в сражении. Отпусти его. Или я убью его, или же он убьет меня!»

Слыша эти слова царевича Панчалы, могучий Сатьяки, крепко зажатый между обеих рук Бхимы, дыша подобно эмею, стал дрожать беспрерывно. Тогда поспешно Васудева и царь справедливости, о достойнейший, с великим усилием обуздали обоих героев. И смирив обоих великих лучников, чьи глаза сделались кроваво-красными от гнева, все воины, быки среди кшатриев (в стане пандавов), выступили на битву, чтобы сразиться с вражескими воинами.

Так гласит глава сто шестьдесят девятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 170

Санджая сказал:
Тем временем отпрыск Дроны стал учинять великое побоище среди своих врагов, будто сам Разрушитель, посланный Временем, (сеял гибель) среди всех существ в конце юги. Убивая своих врагов стрелами с серповидным острием, Ашваттхаман образовал там целую гору из тел. Знамена (колесниц) служили для нее деревьями, а оружие – ее остроконечт иыми вершинами. Убитые слоны заменяли ее огромные скалы, рассеянные всюду кони заменяли ей кимпурушей, а устилавшие ее луки составляли ее лианы и ползучие растения. Она оглашалась свистом копий вместо воя плотоядных существ и кишела сонмами злых духов вместо якшей.

Потом, закричав громко и сильно, тот бык среди людей снова заставил твоего сына выслушать клятвенное свое обещание: «Так как сын Кунти, Юдхиштхира, приняв лишь внешний наряд добродетели, сказал наставнику, (справедливо) сражавшемуся в битве, «Оставь оружие!», я на его глазах сокрушу его войско! Отбросив добродетель, я убью затем зловредного царевича Панчалы. И право же, я убью всех их, если они будут сражаться со мною в битве. Клятвенно заверяю тебя, что это правда. Поэтому поверни обратно свое войско!»

Услышав те слова (Ашваттхамана), сын твой повернул свое войско, рассеяв в нем великий страх громким львиным кличем. И тогда сражение о царь, вновь разыгравшееся между войсками кауравов и пандавов, было столь свирепым, будто (столкновение) двух океанов в час полного прилива.

Ибо возбужденные кауравы были успокоены и ободрены сыном Дроны. А пандавы и панчалы стали свирепыми из-за убийства Дроны. Великая обнаружилась сила (от столкновения) на поле битвы между теми (воинами), весьма обрадованными и преисполненными гнева, одинаково тешившими себя надеждой на победу. Как скала столкнулась бы со скалой или как океан с океаном, о царь царей, таким было (столкновение) между кауравами и пандавами. Тогда преисполненные радости воины кауравов и пандавов затрубили в тысячи раковин и ударили в десятки тысяч барабанов. И страшно громкий и невероятный гул, поднявшийся от того войска, казалось, напоминал шум самого океана во время пахтания его (богами и асурами).

Тогда, нацеливаясь в войско пандавов и панчалов, сын Дроны вызвал к действию оружие нараяна. И вот показались тысячами в воздухе стрелы со сверкающими остриями, будто змеи с пылающей пастью, собираясь поглотить пандавов.

И в той страшной битве, о царь, (стрелы те), подобно лучам солнца, в один миг покрыли все страны света, небосвод и войско. Также и (неисчислимые) железные шары, о хранитель земли, показались затем, подобно сияющим светилам на ясном небосклоне.

Также появились со всех сторон и различные шатагхни, извергающие огонь, и диски с бритвообразными остриями, подобные сверкающим дискам солнца. Видя небосвод, густо покрытый теми видами оружия, о бык из рода Бхараты, пандавы, панчалы и сринджайи сильно обеспокоились. Всякий раз, как только могучие воины пандавов на колесницах пытались сражаться, – всякий раз то оружие усиливалось в своей мощи, о повелитель людей! И убиваемые оружием нараяна, словно сжигаемые огнем, они были жестоко теснимы повсюду в том сражении. И в самом деле, как огонь сжигает сухую траву на исходе холодной поры, так и оружие то сжигало войско пандавов, о владыка!

Меж тем как все вокруг заполнялось тем оружием и при этом войско его уничтожалось, о владыка, сын Дхармы, Юдхиштхира проникнулся великим страхом. Увидев же свое войско бегущим и упавшим духом и видя также безразличие Партхи, сын Дхармы сказал так: «О Дхриштадьюмна, беги вместе с войском панчалов! О Сатьяки, и ты тоже беги домой, окруженный всеми вришни и андхаками! Справедливый же душою Васудева сам найдет подходящее средство, чтобы исполнить свое предназначение! Он способен давать наставления всему миру. Так зачем же нам (давать их) ему самому? Не следует больше продолжать сражение! Я говорю это вам, всем воинам! Что до меня, то я вместе с моими единоутробными братьями войду в пылающий огонь. Переправившись через океан сражений Бхшпмы и Дроны, совсем непроходимый для робких, погружусь ли я вместе со своею свитой в лишенный воды след от копыта коровы, представленный сыном Дроны?

Пусть желание Бибхатсу в отношении меня быстро осуществится, ибо мною повержен в битве наставник, всегда питавший добрые чувства к нам, – тот наставник, которым было допущено убийство сына Субхадры, еще мальчика, неискушенного в битвах и совсем беззащитного, – многочисленными сильнейшими и свирепыми воинами, – тот наставник, который вместе с сыном своим оставил в пренебрежении Кришну, не отвечая на поставленный ею вопрос (сказать правду), когда она в столь (бедственном положении) была приведена в собрание и сопротивлялась (насилию поставить ее) в положение рабыни, – тот наставник, которым, когда утомились кони, сын Дхритараштры (Дурьйодхана), жаждавший убить Пхальгуну, был облачен в (неуязвимый) панцирь и назначен для защиты правителя Синдху, – тот наставник, которым, коль скоро он был сведущ в оружии Брахмы, были уничтожены в корне панчалы, возглавляемые Сатьяджитом и прилагавшие усилия ради моей победы, – тот наставник, которым, когда мы несправедливо изгонялись из царства, было одобрено, чтобы мы отправились (в лес), хотя он и был удерживаем (в своем дозволении) нашими друзьями.

Увы, тот, кто поддерживает с нами великую дружбу, убит! Ради него я вместе со всеми друзьями пойду на смерть!»

Когда говорил так сын Кунти (Юдхиштхира), герой из рода Дашаратха (Кешава), поспешно сдержав войско мановением рук своих, промолвил такие слова: «Быстро положите свое оружие и сойдите с колесниц! Именно это есть сейчас средство, предписанное благородным (Нараяной) для отвращения (этого оружия)! Спуститесь на землю все вы со своих слонов, коней и колесниц! Только так, если вы будете стоять безоружными на земле, это оружие не убьет вас! Ибо в любом месте, где бы ни сражалась воины, чтобы предотвратить силу этого оружия, там всюду эти кауравы становятся еще более сильными, (чем вы)!

Тех людей, однако же, которые бросят свое оружие и сойдут с колесниц, тех не убьет в сражении это оружие! Но тех из них, которые будут, даже в воображении, сражаться против него, всех их убьет оно, даже если они (в поисках прибежища) спустятся в саму преисподнюю!» И все те (воины), услышав такие слова Васудевы, о потомок Бхараты, изъявили желание оставить свое орущие как в мыслях своих, так и действием.

Увидев тогда их, собравшихся бросить оружие, сын Панду, Бхимасена, сказал, о царь, такие слова, радуя всех: «Никто вовсе не должен бросать здесь свое оружие! Я отражу оружие сына Дроны своими быстролетными стрелами! Или же этой увесистой палицей, украшенной золотом, я буду рыскать в сражении, подобно самому Разрушителю, сокрушая это оружие сына Дроны!

Ибо нет здесь ни одного человека, равного мне отваге, точно так же как нет другого светила (на небосводе), равного. ч солнцу. Посмотрите на обе мои сильные руки, подобные хоботам двух могучих слонов, способные сокрушить даже Снежную гору! Ведь я единственный здесь среди людей, кто обладает силой, равной десяти тысячам слонов! Я не имею себе соперника, как и Шакра, прославленный на вин, бесах среди богов! Посмотрите сегодня на силу рук моих в бою, огромных' в плечах, когда они будут отражать сверкающие и пылающее оружие сына Дроны! Если нет (другого), способного противостоять оружию Нараяна, то сегодня я буду сражаться против него на глазах у всех кауравов и пандавов!»

Сказав так, Бхима, усмиритель врагов, на своей колеснице, блеском подобной солнцу и издающей грохот, точно раскаты (грома) из-за туч, ринулся против сына Дроны. Наделенный большой стремительностью и отвагой, сын Кунти, благодаря высокой ловкости рук, в одно мгновение ока, нагрянув (на врага), осыпал его густой сетью стрел.

Тогда сын Дроны, улыбаясь ему и сказав нечто несущественное, покрыл его своими стрелами, вызванными с помощью мантр, с пылающими остриями. И покрытый в пылу битвы стрелами, изрыгающзми огонь, подобно змеям с пылающей пастью, Партха, казалось, был усеян золотыми искрами. И весь облик Бхимасены, о царь, в сражении том выглядел подобно горе на исходе дня, окруженной светлячками.

То оружие сына Дроны, которое направлялось против Бхимы, усиливалось в своей мощи, о великий царь, как огонь, раздуваемый ветром.

При виде того оружия, страшного по своей мощи, возрастающего в силе,. панический страх охватил войско пандавов, кроме Бхимы. Тогда все они, побросав свое оружие на землю, сошли повсюду с колесниц, со слонов и коней. И после того как они бросили свое оружие и сошли с колесниц, необъятная мощь того оружия обрушилась на голову Бхимы. Тогда все существа и особенно пандавы издали горестные восклицания «Аи! Ой!», увидев Бхимасену, подавленного мощью (того оружия).

Так гласит глава сто семидесятая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 171

Санджая сказал:
Увидев Бхимасену, усеянного тем оружием, Дхананджая для отражения его мощи покрыл Бхиму оружием варуна. И благодаря высокой ловкости рук Арджуны, а также той огненной мощи, окутавшей (Бхиму), никто не мог видеть, что он покрыт оружием варуна. Окутанный оружием сына Дроны, Бхима вместе с конями, возницей своим и колесницей оставался недоступным для взора, словно огонь, окаймленный пламенем, посредине другого огня.

Подобно тому как на исходе ночи, о царь, все-светила движутся к горе заката, так и стрелы (Ашваттхамана) устремлялись к колеснице Бхимасены. Ибо сам Бхима, его колесница, кони и возница, о достойнейший, покрытые так сыном Дроны, казалось, находились посредине огня. Как разрушительный огонь (в конце юги), сжигая всю вселенную, когда приходит урочный час, вместе со всем, что в ней движется и неподвижно, входит (наконец) в уста Всевышнего, точно так же и оружие то стало проникать в Бхиму. Как невозможно постичь, если бы огонь проник в солнце или же солнце проникло в огонь, так совсем невозможно было постичь ту пылающую мощь, проникнувшую (в Бхиму).

Видя то оружие, сыплющееся так на колесницу Бхимы, и видя сына Дроны, возрастающего (в мощи и силе) и не имеющего себе соперника в сражении, заметя также, что все воины пандавов положили оружие и что те упавшие духом могучие воины на колесницах, возглавляемые Юдхиштхирой, все отвратились от битвы, Арджуна и Васудева, те оба героя, сияющие ослепительным блеском, поспешно сойдя со своей колесницы, подбежали тогда к Бхиме.

И погрузившись в тот мощный жар, возникший от силы оружия сына Дроны, оба они, чрезвычайно могучие, прибегли затем к помощи иллюзии.65 И тогда огонь, возникший из того оружия, не сжег их, так как они положили свое оружие, а также вследствие силы примененного ими оружия варуна и благодаря также собственной мощи обоих Кришн.66 Затем Нара и Нараяна ради успокоения оружия нараяна начали с силой тащить оттуда Бхиму и все его оружие.

Вытаскиваемый так, сын Кунти, могучий воин на колеснице, стал издавать громкий рев. И сразу же то страшное и неодолимое оружие сына Дроны начало возрастать (в силе и мощи).

Тогда Васудева, обратившись к Бхиме, сказал: «Как же это так, о потомок Панду: хотя и удерживаемый нами, ты, о Каунтея, все же не отвращаешься от битвы? Если эти потомки рода Куру не смогут быть теперь побеждены в битве, то мы должны будем здесь продолжать сражаться, а также и эти быки среди людей.

Ведь все эти воины твои сошли со своих колесниц! Поэтому, о Каунтея, ты тоже быстро сойди со своей колесницы!» Сказав так, Кришна тогда спустил Бхиму с его колесницы, в то время как тот с глазами, кроваво-красными от гнева, тяжело дышал, точно змей. Когда же он был спущен с колесниц», о царь, и был принужден положить свое оружие на землю, тогда то оружие нараяна, сокрушающее врагов, совсем успокоилось.

Меж тем как с помощью этого средства невыносимая мощь того оружия была успокоена, все страны света, главные и промежуточные, сделались совсем ясными. Начали дуть приятные ветры и успокоились все животные и птицы. Возрадовались верховые и упряжные животные, а также все воины, о владыка людей!

В самом деле, когда страшная мощного оружия унялась совсем, о потомок Бхараты, Бхима, одаренный большим умом, казался подобным восходящему на исходе ночи солнцу. Остатка войска пандавов, обрадованные успокоением оружия (нараяна), снова стояли там (готовыми), горя желанием сокрушить твоего сына. И когда, уже после того как оружие то было таким образом отражено, войско (пандадавов) расположилось боевым строем, Дурьйодхана, о великий царь, сказал тогда, обратившись к сыну Дроны: «О Ашваттхаман, вновь примени немедля это оружие, ибо панчалы снова уже выстроились в боевые порядки, жаждая победы!»

После таких слов, сказанных ему твоим сыном, о достойней: Ашваттхаман, печально вздохнув, промолвил так царю: «Это о царь, не положено вызывать обратно! Оно не может быть применен дважды! Если же оно будет вызвано снова, оно без сомнения убьет тоги» кто собирается применить его! Сей Васудева применением (увиденным тобою) средств добился, чтобы оружие то было отражено! Поэтому иначе предписывается уничтожение врага в сражении, о повелитель людей. Поражение или же смерть – (одинаковы). Лучше, однако, смерть, но не поражение! Ведь эти враги, побежденные оттого что вынуждены были вставить свое оружие, выглядят словно мертвые!»

Дурьйодхана сказал:
О сын наставника, если это оружие не может быть применено дважды, пусть тогда убийцы своего наставника будут убиты другим оружием, о лучший из знатоков оружия! Ведь у тебя могут найтись все виды дивного оружия, точно так же, как и у Трехглазого (Шивы)! Ведь если ты, преисполненный гнева, сам не пожелаешь этого, даже Пурандара не сможет вызволиться от тебя!

Дхритараштра сказал:
После того как Дрона был убит при помощи обмана и оружие нараяна отражено, что же делал потом сын Дроны, так побуждаемый Дурьйодханой, увидев партхов в сражении, вновь приготовившихся для битвы, всех избавленными от влияния оружия нараяна и рыскающими во главе своих боевых отрядов?

Санджая сказал:
Помня об убийстве своего отца, (сын Дроны), носящий изображение львиного хвоста на своем знамени, в сильном гневе, отбросив всякий страх, ринулся против сына Парщаты. И ринувшись на него, тот бык среди людей с большой стремительностью пронзил (своего противника), бык» среди мужей, двадцатью и пятью короткими стрелами. В ответ Дхриштадь-

юмна, о царь, пронзил сына Дроны, напоминавшего сверкающий огонь, о повелитель, шестьюдесятью тремя стрелами.

И также возницу его он пронзил двадцатью стрелами, остро отточенными на камне и снабженными золотым оперением, и затем четырех его коней – четырьмя острыми ~Ц стрелами. И пронзая всякий раз (противника своего), сын Дроны издавал воинственный клич, заставляя сотрясаться землю, словно, казалось, он отнимал жизни у всех существ мира сего в страшном сражении. А могучий сын Паршаты, о царь, искушенный во владении оружием и ловкодействующий, избрав смерть вместо отступления, ринулся тогда на одного лишь сына Дроны. И с душою неизмеримой, царевич Панчалы, лучший из воинов на колесницах, обрушил на голову Ашваттхамана сплошной ливень из стрел.

Тогда сын Дроны в сражении том, пылая гневом, покрыл царевича пернатыми стрелами и снова пронзил его десятью стрелами, вспоминая убийство отца своего. Рассекши затем знамя и лук царевича Панчалы двумя искусно выпущенными стрелами с бритвообразным наконечником, сын Дроны принялся жестоко мучить его другими стрелами. И в той свирепой битве Ашваттхаман лишил своего противника коней, возницы его и колесницы, и сильно разгневанный, покрыл также всех его приверженцев своими стрелами.

И тогда войско панчалов, о владыка народов, истерзанное ливнями стрел, пустилось в бегство в великом смятении и мучительном горе. И увидев воинов, отвратившихся от битвы, и Дхриштадьюмну, жестоко мучимого, внук Шини поспешно принудил свою колесницу двинуться против колесницы сына Дроны. И он больно потревожил Ащваттхамана восемью острыми стрелами. Поразив снова неистового своего противника двадцатью различного вида стрелами, он пронзил его возницу и затем четырех его коней четырьмя стрелами.

И глубоко-пронзенный теми разного вида стрелами Ююдханой, тот могучий лучник, негодующий сын Дроны, обратившись к нему с улыбкой, сказал такое слово: «О внук Шини, я знаю твою призерженность к (Дхриштадьюмне), убийце своего наставника, но ты не сможешь вызволить его или же самого себя, когда (вы) настигнуты мною!»

Сказав так, сын Дроны выпустил в Сатвату превосходнейшую прямую-стрелу, сиянием подобную лучам солнца, как (некогда) Хари (пустил> громовую стрелу во Вритру. И выпущенная так Ашваттхаманом, стрела та, пронзив его насквозь вместе с панцирем, вошла в землю, как шипящая змея входит в свою нору, вырыв ее. С панцирем, насквозь пронзенным, тот герой, подобно слону, мучительно терзаемому стрекалом, выпустил
лук с возложенной на него стрелой, обливаясь кровью, обильно текущей из раны. И в изнеможении, истекающий кровью, он опустился на площадку колесницы. Тут своим возницей он был поспешно отвезен от сына Дроны в кузове колесницы. Тогда другой стрелою, совершенно прямою и с хорошим оперением, тот усмиритель врагов поразил Дхриштадьюмну между бровей. Перед этим глубоко (не раз) пронзенный, а затем жестоко раненный (той стрелою), царевич Панчалы совсем изнемог в бою и прислонился к древку своего знамени.

И когда он был сильно так измучен (своим противником), о царь, точно м возбужденный от течки слон – львом, к нему быстро устремились (на помощь) от пандавов пятеро храбрейших воинов на колесницах: Носящий диадему и Бхимасена, Вриддхакшатра из рода Куру, наследник престола чедиев и предводитель малавов – Сударшана. И вот они ударили одновременно (в Ашваттхамана) каждый пятью стрелами.

Сын же Дроны, однако, двадцатью и еще пятью стрелами, напоминающими сильно ядовитых змей, рассек в одно и то же время те двадцать пять стрел (посланных в него). Затем он жестоко поразил царевича из рода Пуру семью острыми стрелами, предводителя малавов – тре-

мя, Партху – одной и Врикодару – шестью стрелами. Тогда в ответ все те могучие воины на колесницах, о царь, пронзили сына Дроны совместно и отдельно множеством стрел, остро отточенных на камне и с золотым оперением. Наследник престола (чедиев) пронзил сына Дроны двадцатью стрелами, а Дартха – снова восемью, все же другие – тремя стрелами каждый.

Но тут отпрыск Дроны ударил в Васудеву десятью стрелами, в Бхиму пятью и в наследника престола – четырьмя, рассекши двумя стрелами его лук и древко знамени. И затем, снова пронзив Партху ливнем стрел сын Дроны издал потрясающий в львиный клич. Меж тем как сын Дроны метал остро отточенные стрелы с хорошо закаленными остриями, земля, небо и воздушное пространство, страны света, главные и промежуточные, –все было покрыто спереди и сзади него теми страшного виде стрелами. Обладающий неистовой мощью и в доблести равный самому Индре, он тремя стрелами отсек одновременно обе руки, подобные шестам Индры, и голову Сударшаны, в то время как тот сидел на своей колеснице.

Затем пронзив царевича-паураву особым дротиком и разнеся его колесницу на мелкие части своими стрелами, Ашваттхаман отрубил обе его руки, умащенные сандалом, и потом голову от туловища стрелою с серповидным наконечником. Наделенный большой стремительностью, он, улыбаясь при этом, пронзил своими стрелами, подобными пылающему огню, юного и любимого наследника престола чедиев, с внешностью, напоминающей цвет связанных в пучок синих лотосов, и отправил его во (владения) бога смерти вместе с его возницей и конями.

Уничтожив их в бою, храбрый и непобедимый сын Дроны, повелитель воинов, радостно затрубил в огромную раковину. И тогда все панчалы и Ьхимасена, сын Панду, перепуганные, покинув колесницу Дхриштадьюмны, бросились бежать в разные стороны. А сын Дроны, осыпая ихг потерпевших такое поражение, своими стрелами с тылу, преследовал с большой стремительностью войско пандавов, словно это был всесокру-щающий бог смерти. И убиваемые так в сражении сыном Дроны, те кшатрии из страха, о царь, считали того героя п как бы появляющимся во всех направлениях.

Так гласит глава сто семьдесят первая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 172

Санджая сказал:
Увидев то войско, потерпевшее поражение, сын Кунти Дхананджая с душой неизмеримой, выступил против сына Дроны, горя желанием убить, его. А те отряды, о царь, с трудом сплачиваемые Говиндой и Арджуной, все еще не способны были твердо стоять там (на поле боя). Один только Бибхатсу, соединившись вместе с правителями областей сомаков, матсьями и другими, вступил в схватку с кауравами. Затем быстро подступил к Ашваттхаману, могучему лучнику, носящему изображение львиного хвоста на своем знамени, Савьясачин сказал ему: «Покажи мне теперь ту мощь и доблесть, то знание и мужество, какие есть у тебя, а также ту любовь твою к сыновьям Дхритараштры и ту ненависть к нам, какие ты: таишь в себе, и тот высочайший пыл, какой возможен у тебя! Только сын Паршаты, тот убийца Дроны собьет твою спесь сегодня! Он уничтожает своих врагов в битве, уподобляясь разрушительному огню в конце юги! Так сразись же с царевичем Панчалы, а также со мною и Кришной вместе!»

Дхритараштра сказал:
Сын наставника наделен мощью и заслуживает глубокого уважения, о Санджая! И он питает большую любовь к Дхананджае, и сам ои тоже мил сыну Васавы! Никогда раньше у Бибхат-

су (при обращение к нему) не замечалось таких резких слов. Так почему же тогда Каунте» обратился к другу своему в столь грубых словах?

Санджая сказал:
После того как были убиты наследник престола (чедиев) и Вриддха-кшатра из рода Куру, а также Сударшана, предводитель малавов, хорошо-искушенный в науке владения оружием, после того как были побеждены Дхриштадьюмна, Сатьяки и Бхима, после того как у Бибхатсу самые чувствительные места были глубоко затронуты теми словами Юдхиштхиры-и когда он ощутил у себя душевный разлад, когда он вспомнил все свои (прежние) лишения, о владыка, у него от горя вспыхнул гнев, небывалый ранее.

Поэтому он, подобно низкому человеку, и обратился к отпрыску Дроны, к сыну наставника, достойному всяческого уважения, в таких недостойных и грубых, неприятных и резких словах. После таких резких и грубых слов, сказанных в гневе Партхой голосом, уязвляющим самые чувствительные места, о царь, сын Дроны, превосходнейший из всех могучих лучников, глубоко дыша (от ярости), сильно разгневался на Партху и особенно на Кришну.

И он, преисполненный доблести, стоя неколебимо на колеснице, прикоснулся к воде и вызвал к действию оружие агнея, совсем неотразимое – даже богами. Целясь во всех видимых и невидимых своих врагов, сын наставника, тот сокрушитель вражеских героев, освятил мантрами сверкающую стрелу, блеском подобную бездымному огню, и метнул ее, (обращая) во все стороны, проникнувшись гневом.

И от нее возник тогда в воздушном пространстве неистовый ливень стрел. Начали дуть холодные ветры. И солнце совсем не грело больше. Страшно кричали демоны со всех сторон. Гремели облака на небосводе, испуская кровь. Птицы и животные, мелкий и крупный скот и даже отшельники, строго соблюдающие обет и полностью обуздавшие себя, не находили себе покоя.

Все основные элементы мира, казалось, пришли в расстройство. Солнце словно повернулось. Все три мира, опаляемые жаром, казалось, изнемогали в муках, будто охваченные лихорадкой; Опаляемые сильным жаром той стрелы, слоны и другие земные существа убегали (в страхе), тяжело дыша и желая найти спасение против ее ужасной мощи. Ибо в то время как сами вместилища вод были нагреваемы сильно, существа, пребывающие в воде, о потомок Бхараты, совсем не находили покоя себе, словно были сжигаемы там.

Во все стороны света, главные и промежуточные, на небосвод и на самую землю падали всевозможные ливни стрел со скоростью Гаруды или ветра. Сожженные теми стрелами сына Дроны, наделенными стремительностью громовой стрелы, враги падали, словно деревья, сожженные яростным огнем. Сжигаемые (тем оружием), огромные слоны падали со всех сторон, издавая страшный рев, подобно грохоту облаков. Другие громадные слоны, опаляемые (огнем), бегали туда и сюда, а еще другие дрожали от страха, точно окруженные пожаром в ужасном лесу.

Словно ветви деревьев, сожженные лесным пожаром, о достойнейший, виднелись там отряды коней и колесниц, (спаленных мощью того оружия), о могущественный! И потоки колесниц падали там и сям тысячами. И казалось,. о потомок Бхараты, сам божественный Агни сжигает то войско (пандавов) в бою, подобно тому как разрушительный огонь уничтожает все существа в конце юги.

Увидев войско пандавов, сжигаемое так в жестоком сражении, воины! твои, о царь, преисполненные радости, издали львиные кличи.

И тут горделивые победой, твои воины, полные радости, о потомок Бхараты, быстро заиграли на тысячах разного рода музыкальных инструментах. И меж тем как мир был окутан темнотой, целое акшаухини войска (пандавов), о царь, и Савьясачин, сын Панду, не могли быть видимы в том великом сражении. Никогда раньше, о царь, нами не было видано и слыхано подобного оружия, какое было создано тогда сыном Дроны в неистовом гневе. Но тут Арджуна, о великий царь, вызвал к действию оружие Брахмы, способное к отражению любого другого оружия, как было определено самим Рожденным в лотосе.

И в одно мгновение тогда мрак тот совсем рассеялся. Начал дуть прохладный ветер, и все страны света сделались ясными и чистыми. И мы там увидели необычайное зрелище: целое акшаухини войска (пандавов) было уничтожено. И в сожженном чудодейственной силой оружия (Ашваттхамана) войске том внешний вид убитых невозможно было распознать.

Затем показались вместе два героя, могучих лучника Кешава и Арджуна, освобожденные (от темноты), словно рассеивающие мрак два светила на небосводе. Снабженная знаменем и стягами и запряженная конями, с (неповрежденным) днищем и отборнейшим оружием, их колесница, столь устрашающая твоих воинов, освобожденная от мрака, сияла блистательно (на поле битвы).

И в ту же минуту раздались тогда среда воинов пандавов, преисполненных радости, восторженные возгласы, смешанные со звуками раковин и грохотом барабанов. У обоих войск относительно тех героев (Кешавы и Арджуны) сложилось мнение, что 1 оба они погибли. Но увидев Кешаву и Арджуну, появившихся столь внезапно, (они сочли их) избавленными (от темноты и мощи того оружия). Невредимые и жизнерадостные, оба они затрубили в свои превосходнейшие раковины.

При виде партхов, преисполненных радости, твои воины сильно встревожились. Увидев их обоих, великих духом, избавленных (от мощи его оружия), сын Дроны сильно опечалился. С минуту он поразмыслил о том, что случилось, о достойнейший! И поразмыслив, о царь царей, он предался заботам и печали. Испуская продолжительные и жаркие вздохи, он впал тогда в сильное уныние. Отложив затем свой лук, сын Дроны стремительно соскочил с колесницы, и, восклицая «О позору позор, все это ложно!», он убежал прочь из сражения.

Тогда (на своем пути) он увидел Вьясу, местопребывание Сарасвати, составителя вед, незапятнанного грехом и с внешностью, подобной цвету,з густого дождливого облака. И увидев его, стоящего впереди, о продолжатель рода Куру, сын Дроны упавшим голосом и подобно глубоко опечаленному приветствовал его и молвил такие слова: «Эй, владыка! Это иллюзия или же это причуда (со стороны оружия)? Мы не ведаем, что это может быть! Каким же образом, в самом деле, это оружие мое оказалось напрасным? В чем было нарушение (при вызове его к действию)? Или же это нечто противоестественное, или же это победа над (тремя) мирами, (одержанная обоими Кришнами), ибо оба они все еще здравствуют? По-видимому, время непреодолимо! Ни асуры, ни бессмертные и гандхарвы, ни пишачи и ни ракшасы, ни змеи, якши и птицы, ни существа человеческие вовсе не могут отважиться обезвредить это оружие, выпущенное мною! Это оружие, однако, могло пылать (своею мощью), уничтожив только одно акшаухини войска, участвовавшего в деле. Так почему же тогда оно не убило Кешаву и Арджуну, обоих подверженных закону смертных? Спрошенный мною, о божественный, скажи мне о том по правде!»

Вьяса сказал:
Огромной важности сей предмет, о котором ты спрашиваешь меня с удивлением! Я скажу тебе все, слушай же внимательно! Тот, кто называется по имени Нараяна, – наиболее древ-

ний среди древнейших. И ради осуществления своей цели тот творец вселенной родился как сын Дхармьи Находясь на горе Майнаке, он предался суровому подвижничеству. Исполненный великой мощи, подобный (блеском своим) огню или солнцу, стоял он там с поднятыми вверх руками. Лотосоглазый, он изнурял себя в течение шестидесяти тысяч и стольких же сотен лет, питаясь все время одним только воздухом.

Снова затем предавшись суровому покаянию другого рода в течение времени, дважды длительнее прежнего, он заполнил пространство между небом и землей мощью (своего аскетического подвига). И когда, в силу того подвижничества, о сын мой, он стал подобным Брахме, он увидел тогда творца вселенной, изначальный источник и хранителя вселенной, верховного владыку, труднодоступного для взоров даже самих богов, наимельчайшего из мельчайших и величайшего из великих, того, кто (называется) Рудрой, Властителем и Быком (среди могущественнейших), того, кто вселяет жизнь (во всевозможные виды творений), нерожденного и высочайшего, пребывающего в сердцах всех существ, что движутся и недвижны.

(Он увидел владыку), неотразимого и с необычным числом глаз, неистового в гневе и великого душою, Всеразрушителя, с сердцем, благорасположенным (к праведникам); носящего дивный лук и два колчана, облаченного в золотые доспехи и наделенного мощью безграничной; вооруженного палицей, громовой стрелою и сверкающим трезубцем, боевой секирой, булавою и огромнейшим мечом; с косою, заплетенной в виде кольца, и с лунной диадемой на макушке, облаченного в тигровую шкуру, олицетворяющего всесокрушительную силу и с жезлом в руке; украшенного изящными браслетами ангада, носящего змей вместо священного-шнура и окруженного различными творениями вселенной и сонмами злых: духов; ставшего Единым, представляющего вместилище аскетически^ подвигов и высокочтимого старцами преклонных лет желанными речами; того, кто есть Вода, Небо и Воздушное пространство, Земля, Солнце, И Месяц, Ветер и Огонь и кто есть само отражение вселенной. Люди дурного поведения не в состоянии видеть его, нерожденного, сокрушителя всех ненавистников брахманов, изначальный источник бессмертия. Только брахманы праведного поведения, когда очистились от грехов и освободились от чувства печали, видят его мысленным взором. Вследствие своих аскетических подвигов и благодаря своей преданности к нему Нараяна увидел то олицетворение справедливости, – его, достойного восхваления, принявшего вселенскую форму.

И увидев то высочайшее вместилище всех видов блеска, того бога богов, увешанного ожерельем из бусин, он, Душою весьма довольный, возликовал, (стараясь это выразить) словами, сердцем, умом и телом своим.

Тогда при виде его Нараяна почтил божественного владыку, первопричину вселенной, подателя даров, могущественного, вместе с роскошно и красиво сложенной Парвати, нерожденного и невозмутимого владыку, скрытую суть всех причин, неувядаемого (в своей мощи). И тотчас поклонившись Рудре, сокрушителю (демона) Андхаки, Лотосоглазый (Нараяна), исполненный преданности, стал восславлять Трехглазого (в таких словах): «О досточтимейший, первые боги, создатели всего сущего (именуемые Праджапати), которые являются ныне покровителями мира и которые, вступив на эту Землю – твое древнейшее творение, о божественный владыка, охраняли ее прежде, все произошли от тебя! Боги и асуры, змей-наги, ракшасы и пишачи, существа человеческие и птицы, гандхарвы и якши, а также различные другие существа и Вишвы, – мы знаем, – все они произошли от тебя! Все, что сделано для (умилостивления) Индры, Ямы, Варуны и

Хранителя сокровищ, Митры, Тваштры и Сомы, – в действительности предназначено для тебя. Форма и свет, звук и пространство, ветер и осязание, вкус и вода, запахи земля; чувствен-

ное желание, сам Брахма, Веды и брахманы, все, что движется и недвижно, – все это произошло от тебя. Подобно тому как испарения, поднимаясь от водоемов и (оседая на землю) в виде дождевых капель, приходят в состояние, разделяющее их одну от другой, а при гибели мира они снова в виде тех же (разъединенных капель) соединяются вместе в сплошном и едином (вместилище вод),105 – точно так же и ученый, оставляя (без внимания) происхождение и жизненный путь всех существ, приходит тогда в слияние (с мировой душою)!

Две дивные и скрытые птицы (Ишвара и Джива), обнаруживаемые в мыслях, священная смоковница с поникшими ветвями (Веды с различными редакциями), семь охранителей (пять основных элементов мира, душа и ум) и десять других, которые поддерживают этот город (чувства и органы чувств в совокупности, способные поддерживать тело), – все они созданы тобою, но ты обособлен и независим от них! Прошлое, настоящее и будущее, которые неотвратимы, проистекают от тебя, а также все (семь) миров и вселенная. Меня, который предан тебе и благоговейно почитает, одари ты своей милостью!

Не причиняй мне вреда вселением в мою душу дурных мыслей. Ты есть душа душ. Тот, кто разделяет такие же убеждения и знает тебя как изначальное семя, достигает брахмы. Из желания оказать тебе почтение я восславляю тебя, стараясь постичь Того, кто разъезжает на быке, о отличаемый даже богами! Восславленный мною, дай мне желанные мною дары, столь труднодостижимые! И не отказывай мне!. И синегорлый бог с душою непостижимой, держащий палицу, усердно прославляемый мудрецом (Нараяной), дал дары ему, первейшему из богов, заслуживающему их.

Синегорлый бог сказал:
По моей милости, о Нараяна, среди существ, происходящих от богов и гандхарвов, ты будешь обладать мощью и душою неизмеримой! Ни боги, ни асуры и могучие змеи, ни пишачи, ни гандхарвы, ни люди и ни ракшасы; ни супарны и змей-наги, ни вишвы и ни животные и звери никогда не будут в состоянии вынести (доблесть) твою! Никто даже среди богов не сможет победить тебя в сражениях! Благодаря моей милости никто не в состоянии будет никоим образом причинить тебе боль ни оружием, ни громовой стрелою, ни огнем или ветром, ни предметом сухим или мокрым и ничем, что движется или неподвижно! Ты даже превзойдешь меня самого, если когда-либо вступишь в битву (со мною)!»

Вьяса сказал:
Так были получены, – знай же, – эти дары некогда (божественным) Шаури. Этот самый бог бродит ныне по свету (в облике Васудевы), сбивая с толку вселенную своей иллюзией. В силу аскетических подвигов (Нараяны) родился великий отшельник, по имени Нара, равный (во всем) тому божеству. Знай (и помни) всегда, что он есть Арджуна! Те оба мудреца (Нара и Нараяна), считающиеся наиболее достойнейшими (по силе их подвижничества) среди древнейших богов, принимают свое рождение , в каждой юге ради содействия целям мирской жизни.

Ты тоже, о премудрый, наделенный великим умом, родился частицею Рудры, как всецелнй плод благочестивых своих деяний и великих аскетических подвигов, наделенный великою внутренней мощью и гневом. Ты был (в прежней жизни) наделен великой мудростью и был равен богу (Нараяне)! Считая вселенную состоящей только из Махадевы, ты истощил свое тело различными обетами из желания ублаготворить того бога. Приняв облик нового человека, великого, блистательного и земного, ты ублаготворил его молитвами, жертвенными возлияниями и щедрыми приношениями, о милостивый!

И так чтимый тобою, тот бог древнейший был удовлетворен тобою, о Мудрый, и дал тебе многочисленные дары, взлелеянные в твоем сердце.

Как у них обоих (Нары и Нараяны), так и у тебя рождение, деяния, аскетические подвиги и глубокое сосредоточение являются наиболее высокими и совершенными. Как ими обоими, так и тобою, в поклонении твоем, почитается в каждой юге великий бог в образе Яинги. Сей Кешава – преданный поклонник Рудры, и произошел он от самого Рудры. Он почитает владыку (Шиву), считая его в образе линги изначальным источником вселенной. В Кришне постоянно сосредоточены знания, (коими постигается) единение (души) с высшим духом, и знания, дающие возможность видеть все то, что сокрыто от глаз.

Ведь таким его почитая жертвоприношениями, боги, сиддхи и величайшие мудрецы домогаются высочайшего и незыблемого положения в мире. Ибо Кришна сей извечен и должен быть почитаем совершением для него жертвоприношений. Он (сам) всегда почитает владыку (Шиву) в образе линги, считая его изначальным источником происхождения всех существ. Бог с изображением быка на своем знамени проявляет исключительную благосклонность к нему.

Санджая сказал:
Услышав те слова Вьясы, сын Дроны, могучий воин на колеснице, совершил поклонение Рудре и счел Кешаву достойным высочайшего уважения. С душою обузданной и с поднявшимися от радостного возбуждения волосками на теле, он поклонился великому мудрецу и, направившись затем к войску (кауравов), заставил его отойти (для ночного отдыха). И тогда же, когда после поражения Дроны в бою опечаленные кауравы (отошли с поля), был также совершен отход (войска) и со стороны пандавов, о владыка народов! Сражаясь в течение пяти дней и уничтожив; целое войско, Дрона, тот брахман, в совершенстве постигший веды, отправился, о царь, в мир Брахмы!

Так гласит глава сто семьдесят вторая в Дронапарве великой Махабхараты.

Глава 173

Дхритараштра сказал:
Когда был убит там непревзойденный воин на колеснице Дрона Т о Санджая, что делали потом мои сыновья и пандавы?

Санджая сказал:
После того как был убит тот непревзойденный воин на колеснице-Дрона сыном Паршаты и кауравы потерпели полное поражение, Дхананджая, сын Кунти, при виде необычайного чуда, принесшего ему собственную победу, спросил Вьясу, о бык из рода Бхараты, случайно пришедшего туда:

«В то время как я уничтожал врагов в сражении ливнями сверкающих стрел, я постоянно видел перед собою шествующего впереди человека, ярко сияющего, словно наделенного блеском огня. В какую бы сторону он ни устремлялся с поднятым копьем, всюду там враги мои оказывались сокрушаемы мною, о великий отшельник! Он не касался ногами земли и не выпускал (ни разу) своего копья.

Благодаря скрытой его моща из копья его исторгались тысячи копий. Всех врагов, в действительности им сокрушенных, люди считали .сокрушенными мною. Следуя по пятам его, я только сжигал войска, уже сожженные им. О божественный, поведай мне о том, кто был тот герой великий, высочайший из мужей, о Кришна, с копьем в руке, подобным самому солнцу по внутренней мощи своей?».

Вьяса сказал:
Ты видел, о Партха, Шанкару, – первопричину происхождения (всеху Праджапати, того всемогущего мужа, наделенного великою мощью, – воплощение небес, земли и воздушного пространства, божественного владыку, покровителя вселенной, безраздельного повелителя и подателя даров! Иди под защиту к тому богу, изначальному источнику всего сущего, владыке вселенной! – к Махадеве (Великому богу), наделенному высочайшей душою, единственному владыке, с заплетенною косою на голове, приносящему благо; трехглазому и могучерукому, (именуемому) Рудрой, с хохолком на макушке и облаченному в рубище, дающему своим поклонникам желанные дары по своей милости.

Того владыку окружает свита из дивных существ всевозможных видов: некоторые из них карлики, другие с заплетенной косою или лысые, иные с короткой шеей или с огромным брюхом; еще другие с громадным туловищем или обладающие великой силой и с длинными ушами, – все они, о Партха, с уродливыми лицами, ртами и ногами и в необычных нарядах. Почитаемый подобными спутниками своими, тот верховный владыка, (именуемый) Махадева, тот именно Шива, наделенный такою мощью, о сын мой, и шествовал тогда, благодаря своей милости, впереди тебя, о Партха, в том страшном сражении, заставлявшем подниматься от содрогания волоски на теле!

Кто же еще, кроме божественного Махешвары, могущественного луч-пика, того божества, принимающего различные формы, смог бы тогда, о Партха, даже в воображении осмелиться сокрушить то войско, охранявшееся Дроной, Карной и Крипой? Никто не может отважиться стоять перед воином, впереди которого шествует тот (божественный владыка)! Ибо нет существа в трех мирах, равного ему! Ведь по одному лишь запаху его, когда он гневен, враги трепещут в сражении, становятся бесчувственными и падают в подавляющем большинстве.

Поэтому боги, пребывающие на небе, поклоняются ему. Те люди в этом мире и другие люди, домогающиеся небес, – те все, которые с преданностью почитают дающего дары, божественного и благостного Рудру, супруга Умы,– обретают счастье на этом свете и потом отправляются в высочайший путь. Поклонись, о Каунтея, тому, кто есть само спокойствие, кто (именуется) Рудрой, –синегорлому, наитончайшему и лучезарному; тому, кто (именуется) также Капардин, – страшному и желтоглазому, дающему дары и устанавливающему время, тому, чьи волосы неопределенно-пестрого цвета и поведение праведное, тому – приносящему благо!

(Поклонись) тому, кто всегда желанен, кто с желтоватыми глазами и (именуется) Стхану и Пуруша, – рыжеволосому и лысому, наитончайшему и переправляющемуся (через круговорот бытия); тому, кто творит свет и воплощает в себе все места священных омовений, тому, кто есть бог богов и наделен большой стремительностью, тому, кто принимает различный облик и (прозывается) Шарвой, приятному и в привлекательном наряде; тому, кто украшен головным убором, прекрасноликому и тысячеглазому, проливающему дождь, тому, кто обитает на горе и олицетворяет умиротворенность, Всевластителю, облаченному в мочальную одежду; тому, чьи руки украшены золотом и кто свиреп, владыке стран света, – поклонение тому повелителю облаков и владыке всех созданий! (Поклонение) тому, кто суть властитель деревьев и владыка вод, тому, чье тело обвито деревьями, кто предводительствует небесными войсками н управляет всеми внутренними чувствами; тому, в чьей руке жертвенный ковш, кто ярко сияет и вооружен луком и кто сам есть Бхаргава; тому, кто принимает различные формы, – владыке вселенной, облаченному в рубище; тому, у кого тысяча голов и тысяча глаз, тысяча рук и тысяча ног!

Снищи, о Каунтея, покровительство у дающего дары владыки вселенной, супруга Умы, с необычным числом глаз, нарушителя жертвоприношения Дакши, владыки всех творений, у то-

го, кто всегда безмятежен,, покровителя всех существ, неувядаемого (в славе); у того, кто с заплетенной косою на голове, кто побуждает (к действию) высокопоставленных лиц, у кого пуп как у быка и у кого на знамени изображение быкаг у того, кто надменен как бык и сам – повелитель быков, кто представляется рогами быка и кто есть бык быков; у того, чьим отличительным знаком служит бык, кто щедр к людям добродетельным, кто как существо высочайшее (может быть доступен только посредством йоги) и кто с глазами как у быка, у того, кто носит высочайшее оружие и у кого вместо стрелы – сам Вишну, кто – олицетворение справедливости и (именуется) Махешвара (Великий владыка); у того, кто с большой утробой и огромным телом, кому сидением служит шкура леопарда, – у владыки всех миров и подателя даров, преданного Брахме и любящего брахманов; у того, кто с трезубцем в руке, кто дает дары и держит меч и щит и кто наимогуществен, кто вооружен луком пинака и лишен боевой секиры и кто суть хранитель и владыка (трех) миров! Я сам прибегаю к защите того бога, дающего покровительство, облаченного в рубище!

Поклонение тому владыке богов, чей друг – Вайшравана! Поклонение всегда (да будет) тому, кто в красивом наряде и строго соблюдает обеты, тому, в чьей свите – превосходнейшие лучники; тому, кто с жертвенной ложкой в руке, тому богу, который сам носит лук и для которого лук служит любимым оружием, тому, кто сам – тетива и лук и также стрела, выпущенная из лука, кто – наставник в искусстве владения луком! Поклонение богу со свирепым оружием и превосходнейшему и» всех богов! Поклонение да будет тому, кто принимает различные формы и поклонение тому, кто окружен многочисленными лучниками!

Поклонение всегда да будет тому, кто (именуется) Стхану и соблюдает строжайшие обеты и кто окружен свитой из превосходнейших лучников! Поклонение да будет тому, кто сокрушил город Трипуру! И поклонение тому, кто сокрушил (глаза) Бхаги! Поклонение тому, кто – властитель деревьев и повелитель людей! Поклонение всегда (да будет) тому, кто – владыка вод и покровитель жертвоприношений! Поклонение тому, кто –сокрушитель зубов Пушана, кто с тремя глазами и податель даров, кто – синегорлый, кто внешностью красно-бурый и с золотистыми локонами!

О дивных всех деяниях премудрого Махадевы я расскажу тебе теперь,, насколько я знаю и слышал о них. Ни боги и ни асуры во всем мире, нисандхарвы и ни ракшасы, ни даже те, кои скрываются в пещерах, не могут преуспевать спокойно, когда он разгневан. Так (некогда) Бхава, воспалившись гневом, уничтожил бесстрашно жертвоприношение (Дакши). Выпустив стрелу из лука, он испустил страшный рев.

И те боги тогда никак не могли обрести спокойствие и благополучие. И в самом деле, когда разгневался Махешвара и внезапно убежала прочь Жертва (в воплощенном виде), все (три) мира были сильно обеспокоены звоном его тетивы и звуками от шлепков его ладоней. Боги и асуры попадали все, о Партха, и подпали под власть (Махадевы). Все воды взбушевались и задрожала земля. Раскололись горы и пришли в замешательство страны света и змей-наги. Окутанные темнотою миры, слепые, не могли быть распознаваемы более. Блеск всех светил вместе с солнцем был уничтожен. Перепуганные от страха мудрецы подняли крик и, желая блага себе самим и для всех существ, совершили умилостивительные обряды.

Но тут к Солнцу, когда оно пожирало жертвенное подношение, слегка улыбаясь, приблизился Шанкара и выбил ему зубы. Тогда боги, смиренно склонившись перед ним, убежали прочь, дрожа (от страха). И снова нацелил он на богов острую и пылающую стрелу. И тогда они определили Рудре отменную долю от жертвоприношений. И из страха все тридцать (богов), о царевич, прибегли к его покровительству. Когда же гнев его успокоился, им было тогда приведено в порядок то жертвоприношение. И боги, хотя и раньше проявляли свою заботу, были даже и теперь усердно старательны перед ним. Некогда у доблестных асуров было

три города на небе, каждый из них несравненный и огромный. Один – сооруженный из железа, другой – из серебра и третий – из золота. Железный город принадлежал Таракакше, серебряный – Камалакше, а превосходнейший золотой принадлежал самому Видьюнмалину. Даже всем своим оружием Магхаван не в состоянии был сокрушить их. И тогда все бессмертные, сильно беспокоемые (асурами), прибегли к защите Рудры. И сказали ему, великому душою, все боги те вместе с Васавой: «О Рудра, жертвенный скот во всех жертвоприношениях будет принадлежать тебе, Рудре, если ты убьешь этих асуров, о владыка вселенной!»

После таких слов, обращенных к нему, Махадева, сказав «хорошо», из желания сделать добро богам стоял неподвижно в течение тысячи лет. Когда же три города соединились вместе в воздушном пространстве, он пронзил их той стрелой с тройным огненным жалом, состоящей из трех членений. И данавы не в состоянии были взглянуть на ту стрелу, сопряженную с разрушительным огнем юги и сопричастную к Вишну и Соме. А в это время Ума, сама взяв к себе на колени младенца с пятью прядями волос на голове и желая узнать, кто он такой, спросила богов.

И вот, когда Шакра воспылал гневом (к нему), владыка тот привел в оцепенение его руку с громовой стрелою. Ибо тот величавый, божественный (младенец был не кто иной, как) могущественнейший владыка всех миров.ма Но боги не смогли распознать его – того владыку вселенной. Тогда все они вместе со (всеми) Праджапати пришли (к тому младенцу), наделенному блеском утреннего солнца. И увидев Махешвару и узнав, что это – Всевышний, Прародитель Брахма благоговейно поклонился ему.

Тогда боги умилостивили (хвалою) Уму и Рудру. И рука Держащего ет громовую стрелу обрела опять свое естественное состояние. И тот божественный владыка с изображением быка на своем знамени, первейший среди тридцати (богов), тот нарушитель жертвоприношения Дакши, был вместе со своею супругой удовлетворен теми богами. Он есть Рудра, и он – Шива, он – Агни и Шарва, и он всеведущ. Он – также Индра и Ваю, он оба Ашвина, и он – также молнии. Он есть Бхава, и он – Парджанья, он – Махадева, и он безупречен. Он – Месяц, он – Ишана, он –Сурья и он – Варуна. Он суть Кала, он – Антака, он Мритью и Яма, он – День и Ночь. Он суть месяцы и половины месяца, он – времена года и обе зари, он – год. Он есть также Дхатри и Видхатри, он – душа вселенной и вершитель всех деяний во вселенной. Будучи сам бестелесен, он воплощает в себе все божества. Он всегда восхваляется всеми богами. Он – Един, и он множествен, он стократен и тысячекратен, ион – также стотысячекратен. Таков именно Махадева. И более того, он высокобожественный, не имеет рождения. Но ведь все характерные достоинства того божественного владыки никак невозможно мне перечислить.

Даже тем, кто удручен (влиянием) неблагоприятных планет, и тем, кто запятнан всяким грехом, тот покровитель (великий), если они прибегли к его защите, дарует спасение и бывает вполне ими доволен. Он дает людям, и он же отбирает у них снова жизнь и здоровье, господство и богатство и различные предметы желаний. Господство, которое наблюдается у Индры и среди других богов, считается принадлежащим ему. И когда1 имеется в виду мир земной, то именно он (повинен) в сеянии добра и зла среди людей. Опять же, вследствие своего верховенства он выступает властителем всех желаний. Он зовется Махешварой и является владыкой высочайших существ. Во множестве видов со всевозможными формами он наполняет всю вселенную. Уста, которые есть у того бога, находятся в океане.

И бог этот постоянно обитает в местах сожжения трупов. Люди почитают того высочайшего владыку приношениями в том месте, доступном только для отважных. Много у него сверкающих и страшных образов, которые создают и о которых говорят люди в этом мире. Мно-

жество есть у него также имен, подходящих по смыслу, которые называются во всех мирах на основании его верховного владычества, всемогущества и его деяний.

В ведах превосходнейший гимн шатарудрия распевался в честь того прославленного бога, носящего имя Бесконечный Рудра. Тот бог есть владыка всех желаний, кои суть небесные и человеческие. Он всемогущ и он – высочайший повелитель. И действительно, бог тот наполняет огромнейшую вселенную. Брахманы и отшельники говорят о нем как о наистарейшем из всех существ. Ибо он – Первый из всех богов, из его уст произошел ветер.

И так как он всегда охраняет живые существа (вселенной) и играет с ними и так как является их повелителем, то он прозывается Пашупати (Владыка существ). И поскольку (полагают, что) изображение его линги постоянно должно быть предметом внимания при соблюдении обета воздержания и люди поклоняются ему, (возвеличивая его), то он прозывается Махешварой (Великий владыка). Мудрецы и боги, гандхарвы и апсары всегда поклоняются изображению его линги, и оно же при этом, (как полагают), должно стоять поднятым прямо. И когда Махешвара так чтится, он сам испытывает радость. И в самом деле, Шанкара (от этого) становится счастливым, довольным и весьма радостным.

Так как в отношении прошлого, будущего и настоящего у того бога имеется множество форм, движущихся и неподвижных, он поэтому прозывается Бахурупа (Обладающий множеством форм). Представляясь (иногда) одноглазым, он сверкает сильным блеском, или же он представляется имеющим множество глаз повсюду (на своем теле). И так как в гневе он проникает все миры, то поэтому он зовется Шарвой (Вооруженный стрелами).

Оттого что вид у него подобен дыму, то поэтому он прозывается Дхурджати (С заплетенной косой на макушке). И оттого что божества вишведевы пребывают в нем, то поэтому он прозывается Вишва-рупой (Всеобъемлющий формой). Поскольку тот Владыка вселенной наделяет своей любовью (и покровительством) трех богинь: Небесную сферу, Воду и Землю, то поэтому он зовется Трьямбака (Имеющий трех жен).

И так как он постоянно способствует росту всех видов богатств и желает блага людям во всех их деяниях, то по этой причине он зовется Шивой (Благодатный). У него тысяча глаз, или сто тысяч глаз, или даже (больше того): он имеет глаза повсюду (на своем теле). И оттого что он охраняет всю эту огромнейшую вселенную, он зовется поэтому Махадевой (Великий бог). И так как он сжигает (все) и стоит высоко, так как он есть источник жизни и ее продолжение и так как изображение его линги стоит долговечно, то поэтому он прозывается Стхану (Незыблемый).

Находящийся в различных проявлениях в телах одушевленных существ и одинаковый ко всем (из расположения к ним), он есть ветер, пребывающий в виде прана, апана (и других видах жизненного воздуха) внутри живых существ, как чистых, так и греховных. Кто поклоняется любому его образу или почитает изображение его линги, тот постоянно достигает, благодаря такому поклонению, великого благосостояния. (Книзу) от обоих бедер половина (его тела) – пламенная, а (другая) половина тела, которое само благоприятно, относится к месяцу.

Точно так же половина его души есть огонь и (другая) половина опять же считается месяцем. И его благоприятная телесная форма, полная внутренней мощи, сверкает гораздо более сильно, нежели у богов. Среди людей его сверкающая, страшная телесная форма называется огнем. В той благоприятной телесной форме, какая бывает у него, он соблюдает обет воздержания. В том устрашающем облике, какой присущ ему, тот (всевышний) владыка пожирает все.

И так как он сжигает все, так как он неистов сильно, так как он свиреп, так как наделен великой доблестью и так как он пожирает мясо, кровь и мозг, то поэтому он зовется Рудрой (Страшный). Это тот самый бог Махадева, вооруженный палицей, который, о Партха, был увиден тобою в сражении, когда он сокрушал твоих врагов впереди тебя. Именно тот прославленный бог шествует впереди тебя в сражении. Это он дал тебе различное оружие, при помощи которого тобою были убиты данавы.

Гимн, сообщенный ведами и названный шатарудрия в честь того бога богов, – дарующий богатство и славу и долгую жизнь, тот священный гимн, о Партха, теперь разъяснен тебе. Этот хвалебный гимн из четырех частей, способствующий достижению любой цели, является священным, уничтожает все грехи и способен устранять все прегрешения и рассеивать всякое горе и страх. Человек, который всегда слушает его, побеждает всех своих врагов и высоко чтится в мире Рудры. Тот человек, который постоянно и усердно читает и слушает этот дивный и благоприятный гимн, шатарудрия, относящийся к сражению и обращенный к прославленному богу, тот среди людей, кто е преданностью чтит того Владыку вселенной, – обретает все наивысшие предметы желаний, если Трехглазый бывает доволен им. Ступай и сражайся, о Каунтея, и нет для тебя поражения, когда на твоей стороне стоит советником и защитником твоим Джанардана!

Санджая сказал:
Сказав так Арджуне в пылу сражения, сын Парашары тогда, о лучший из рода Бхараты, отправился своим путем, о усмиритель врагов!

Так гласит глава сто семьдесят третья в Дронапарве великой Махабхараты.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ ОРУЖИЯ НАРАЯНА

КОНЕЦ КНИГИ О ДРОНЕ